DK all
350
K-43

Кирилло-
Мефодиевский
сборник
в память...

М., 1865.

N 408

КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКІЙ

СБОРНИКЪ.

БИБЛІО-ТЕКА
ГЕОРГИНЪ.

DK
350
K43

КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЪ ПАМЯТЬ

О СОВЕРШИВШЕМСЯ ТЫСЯЩЕЛѢТІИ

СЛАВЯНСКОЙ ПИСМЕННОСТИ И ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ,

ИЗДАННЫЙ,

ПО ОПРЕДѢЛЕНІЮ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

М. Погодинымъ.

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1865 года.

Дозволено цензурою Мая 7 дня, 1865 года.

416598

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

416598

ЖИТІЯ
СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

Исторія Славянскихъ проповѣдниковъ, Святыхъ Кирилла и Меѳодія, послѣ изслѣдованій Добровскаго, преимущественно раскрывается на основаніи памятниковъ Латинскихъ. Главное мѣсто здѣсь занимаютъ: „Исторія перенесенія мощей Св. Климента въ Римъ“ и Исторія обращенія Каринтійцевъ, писанная кѣмъ-то изъ Зальцбургскаго духовенства.

Добровскій мало довѣрялъ Греческому жизнеописанію Болгарскаго Архіепископа Климента, ученика Меѳодіева, еще менѣе Славянскому жизнеописанію Св. Кирилла и Меѳодія, которымъ восхищался Шлецеръ. Но, кажется, еще не было обращено должнаго вниманія на Славянскія извѣстія о жизни и дѣйствіяхъ просвѣтителей Славянскаго міра. Мы говоримъ о встрѣчающемся въ рукописяхъ житіи Св. Меѳодія и другомъ житіи Св. Кирилла. Первое начинается такъ: „Богъ благъ и всемогай, иже есть сътворилъ отъ небытія въ бытіе всяческая.“ Второе — такъ: „Богъ милостивый и щедръ, жадая на покаяніе человѣка.“

Важность сихъ жизнеописаній много зависитъ отъ объясненія, *гдѣ* и *когда* онѣ составлены.

Въ житіи Св. Меѳодія встрѣчаются довольно ясные признаки, по которымъ можно разрѣшить сіи вопросы. Видно, что оно писано а) въ странѣ, признававшей церковную зависимость отъ Римскаго престола, но православной, однако не въ Моравіи, а въ области Кочела; б) писано не въ продолжительномъ времени послѣ кончины Св. Меѳодія. Первое видно вообще изъ взгляда сочинителя на предметы. Въ самомъ вступленіи, говоря о посланникахъ Божіихъ, являвшихся въ различныя времена къ созиданію Церкви Божіей, жизнеописатель, по исчисленіи Патріарховъ и Пророковъ ветхозавѣтныхъ, во временахъ новозавѣтныхъ останавливается только на Апостолахъ Петрѣ и Павлѣ. Потомъ, упоминая о Соборахъ Вселенскихъ, служившихъ къ утвержденію Православной вѣры, онъ вездѣ ставитъ напередъ имя Папъ, при которыхъ они были, исключая только втораго Вселенскаго Собора. Исчисляя самые Соборы, онъ говоритъ только о шести, хотя Св. Меѳодій и Кириллъ жили и дѣйствовали уже послѣ седьмаго: въ семъ отразились тѣ прекеканія, какія были на западѣ противъ послѣдняго Вселенскаго Собора, по которымъ и папа Іоаннъ въ письмѣ къ Святополку Князю Моравскому, писалъ о Символѣ вѣры, утвержденномъ „на шести Вселенскихъ Соборахъ отъ Святыхъ отецъ.“ Жизнеописатель почти вездѣ называетъ Папу Апостоликомъ (Pater Apostolicus). Передавая отвѣтъ папы Адріана Кочелу о Меѳодіѣ, жизнеописатель выражается такъ: „не тебѣ единому токмо, но и всѣмъ странамъ тѣмъ Словенскимъ слю и учителя отъ Бога и отъ святаго Апостола Петра, перваго настольника и ключедержца Царствію небесному.“ Въ посланіи папы Адріана мы читаемъ у жизнеописателя особенное одобреніе Кириллу и Меѳодію за то, что они обратились съ покорностію не къ какому либо другому престолу, а именно къ Римскому. „Не токмо у сего (Римскаго) Святительскаго

стола просисте учителя, но и у благовѣрнаго Царя Михаила. Да посла къ вамъ блаженнаго Философа Констянтина и съ братомъ, дондеже мы не доспѣхомъ. Она же увѣдѣвша Апостольскаго стола, достояща вашя страны, кромѣ канона не сотвориста ничьсоже, но къ намъ пріидоста.“ Жизнеописатель, говоря объ угрозахъ Латинскихъ Епископовъ Меѳодію („не избудеши насъ добрѣ“) замѣчаетъ, что сами они „не избыша святаго Петрова суда.“ — По всѣмъ симъ признакамъ можно заключать, что житіе Меѳодія писано кѣмъ-либо изъ принадлежавшихъ къ Римской Церкви, впрочемъ исповѣдующимъ символъ Церкви Православной. Въ самомъ вступленіи онъ говоритъ: „отъ тогоже Отца и Св. Духъ исходитъ, якоже рече самъ Сынъ Божіимъ гласомъ.“

Жизнеописатель долженъ быть изъ области Кочеловой, Панноніи. Сказавши, что Кочелъ упросилъ Папу, поставить ему Меѳодія въ Епископа Паннонскаго, онъ продолжаетъ: „старый врагъ, завидливый добру и противникъ истинѣ (т. е. діаволъ) въздвиже сердце врагу (чит. врага) Моравскаго Короля на насъ съ всѣми епископы.“ Такимъ образомъ жизнеописатель, очевидно, отличаетъ себя отъ подданныхъ Моравскаго Короля, между тѣмъ вездѣ называетъ Меѳодія своимъ учителемъ („посла Коцель къ Апостолику, проси Меѳодія, блаженнаго учителя нашего,“ и въ другихъ мѣстахъ). Жизнеописатель говоритъ объ угрозахъ „Королевыхъ епископовъ“ Кочелу, который покровительствовалъ Меѳодія: „пустиша (Меѳодія изъ заключенія), рекше Коцелю: аще сего имаши у себе, не избудеши насъ добрѣ.“ Говоря о томъ, что, послѣ сопротивленій, наконецъ и Моравляне приняли Меѳодія, и что это сопровождалось благопріятными послѣдствіями для гражданскаго благосостоянія Моравіи, жизнеописатель прямо приводитъ слова самыхъ Моравлянъ, какъ постороннее свидѣтельство: „яко и сами повѣдаютъ присно.“

б) Время жизнеописателя Меѳодіева опредѣляется слѣдующими его словами: „въ наша лѣта Богъ воздвиже нашего учителя блаженнаго Меѳодія.“ Близость жизнеописателя ко времени Св. Меѳодія подтверждается еще заключеніемъ жизнеописанія: „ты же свыше, Святаа и честнаа главо (рѣчь относится къ Меѳодію), молитвами своими призираяй на ны, желающія тебс, избавляй отъ всякой напасти *ученикы* своя, и ученіе пространяя, и ереси прогоняй, да достойно званія вашего (если это не ошибка писца, то должно значить: достойно того, къ чему вами, Святые Кириллъ и Меѳодій, мы призваны) живше здѣ, станемъ съ тобою, твое стадо, одесную страну Христа Бога нашего.“ Наконецъ къ тому же ведетъ и замѣчаніе жизнеописателя о распространеніи и возвышеніи Моравіи съ того времени, какъ Меѳодій былъ принятъ Святополкомъ: „тольми паче и Моравска область пространити начатъ (въ) вся страны и врагы своя побѣжати; и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдаютъ присно.“ Сочинитель говоритъ о величіи Моравскаго государства, — не говоритъ объ упадкѣ его, который быстро послѣдовалъ за возвышеніемъ, такъ что съ концемъ IX столѣтія и заключается исторія Моравіи, какъ самостоятельнаго государства.

Показавъ признаки, по которымъ можно опредѣлить, гдѣ и когда составлено житіе Св. Меѳодія, обратимъ вниманіе на житіе Св. Кирилла.

Во вступленіи излагается та же главная мысль, какая и въ началѣ житія Меѳодіева, только короче, именно: Богъ по Своей милости, каждому роду и времени даетъ Своихъ учителей; — и намъ даровалъ учителя Константина, „иже просвѣти языкъ нашъ.“—Въ житіи Св. Кирилла повторяются нѣкоторыя особенныя выраженія, какія встрѣчаются и въ житіи Меѳодія: „по днѣхъ же мнозѣхъ Философъ на судъ

грядый,“ т. е. приближаясь къ смерти. Въ житіи Кирилла объ отцѣ его говорится: „на судь же ему хотящу ити, плакашеся мати.“ — Папа называется такъ же, какъ и тамъ „Апостоликомъ.“ — Тамъ и здѣсь неоднократно повторяется выраженіе: „на молитву ся наложи.“ — Въ томъ и другомъ житіи встрѣчается древнее слово: „*сетньє*.“ О Кириллѣ сказано: „сетнѣе же на свою ся злобу обращьше (Сарацины, съ которыми онъ имѣлъ преніе), даша ему ядъ пити.“ Въ житіи Меѳодія читаемъ: „они бо (Латинскіе епископы), Божія рабы (титулъ клириковъ Латинскихъ) творящеся, тай развращаху я, ласкающе имѣнія ради, да сетнѣе отлучиши (отлучити?) я отъ церкве.“ — Въ житіи Меѳодія по большей части то опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла.

И такъ оба житія можно считать произведеніями одной страны и одного времени (¹). Впрочемъ въ житіи Кирилла нельзя не замѣтить дополненій Русскихъ. Тамъ, гдѣ говорится о пребываніи Кирилла въ Корсунѣ, между прочимъ прибавляется: „обрѣте же ту Евангеліе и Псалтирь Русскыми письмены писано, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различнаа письмена, гласнаа и съгласнаа, и къ Богу молитву творя, въскорѣ начатъ чести и сказати, и мнози ся

(¹) Въ Сборникѣ 1076 г., именно въ статьѣ, содержащей похвалу чтенію книжному, есть указаніе на *Житіе Кирилла философа*. Тамъ сказано: *«послушай* ты Житья Святааго Василия и Святааго Іоанна Златоустаго, и Святааго Кирилла философа, и инѣхъ многъ Святыихъ, како ти исъпрьва повѣдаютъ о нихъ рекутще: измлада прилежааху Святъхъ книгъ, тоже и на добрая дѣла подвигнушася.» — Кир. и Меѳод. Добров. стр. 104. пр. 6.

ему дивляху, Бога хваляще.“ И на концѣ житія присовокуплено: „се же буди вѣдомо всѣми языкы и всѣми людьми, „яко Русскій языкъ ниоткудуже пріа вѣры сеа святыа, „и грамота Русскаа никымъже явлена, но токмо самѣмъ „Богомъ Вседержителемъ,“ и пр. Сіе сказаніе отъ слова до слова согласно съ выпискою, помѣщенною изъ Хронографа XV ст. при переводѣ сочиненія Добровскаго: *Кириллъ и Меѳодій* стр. 118, 119; только тамъ должно читать не: „пришедъ вои Латинскіи въ Мораву, и въ Чехи, въ Ляхи, разрушиша вѣру правовѣрную, и Русскую грамоту отверже;“ а — „пришедъ Въйтѣхъ.... разруши.“ Сей Войтѣхъ или Войцѣхъ есть Адальбертъ, Еп. Пражскій въ Чехіи, скончавшійся мученически у Пруссовъ. Изъ сего дополненія узнаемъ мы одного изъ главныхъ виновниковъ порабощенія нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ Латинской Церкви.

Изъ сихъ жизнеописаній, столь близкихъ по времени и мѣсту къ Святымъ мужамъ, извлечемъ краткія свѣдѣнія объ ихъ жизни и дѣйствіяхъ, означая жизнеописаніе Кирилла литтерою К., а Меѳодіево литтерою М. — Соображеніе и повѣрка съ извѣстными прежде историческими данными раскроютъ еще болѣе достоинство сихъ жизнеописаній.

1. Константинъ и Меѳодій были изъ Солуня, „рода „нехуда отъобоюду.“ М. — Отецъ ихъ, именемъ Левъ, бѣ „мужъ добророденъ и богатъ, предружа санъ другарескъ „подъ стратигомъ. (²) Роди же седмеро отрочатъ, отъ

(²) По воинскому Уставу (*τακτικὰ*) Императора Льва Философа воинскіе чины дѣлятся такъ: «первая голова (*κεφαλὴ*) *ὁ στρατηγὸς*, подъ нимъ *μεράρχαι*, потомъ *δρουγγάριοι*, далѣе *κόμητες*, за нимъ *πενταρχοι*, наконецъ *δεκάρχοι*.» Cap. 4. § 6. А прежде другарій значилъ тоже, что мерархъ. См. Ducang. Gloss. med. Graecit. T. I. p. 333. Такимъ образомъ объясняется, что значитъ «другарій подъ стратигомъ:» это второе лице послѣ главнаго военачальника.

„нихъже бѣ мѣзинецъ седьмый Константинъ Философъ.“ К.—Семи лѣтъ (3) Константинъ въ сновидѣніи, подобномъ видѣнному Св. Григоріемъ Богословомъ въ юности, избралъ себѣ изъ представленныхъ ему дѣвицъ, прекрасную Софію—мудрость. И „егда вдаста и въ ученіе книжное, сиѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ.“ К. Въ одно время отрокъ вышелъ-было съ своимъ „ястребомъ“ на охоту: но вѣтръ занесъ его птицу, и огорченный Константинъ оставилъ сію забаву навсегда, привязавшись еще усерднѣе къ ученію. Его особенно плѣняло изученіе твореній Св. Григорія Богослова, и онъ еще въ юности написалъ у себя на стѣнѣ, подъ знаменіемъ креста, похвалу Св. Григорію въ слѣдующихъ словахъ: „о Григоріе, тѣломъ человѣче, а душею Ангеле! ты бо тѣломъ человѣкъ еси, и Ангелъ явися. Уста бо твоя, яко единъ отъ Серафимъ, Бога прославляютъ и всю вселенную просвѣщаютъ, правыя вѣры наказаніемъ. Тѣмъже и мене, припадающа къ тебѣ любовію и вѣрою, пріими и буди ми просвѣтитель и учитель.“ К.

2. Услышавъ о мудрости и прилежномъ ученіи Константина „Царевъ строитель, иже нарицается Логоѳетъ, посла по него, да ся бы съ Царемъ училъ (4). Егда же

---

(3) Такъ какъ жизнеописатель Св. Константина относитъ его кончину къ 869 г. и притомъ свидѣтельствуетъ, что Константинъ скончался 42 лѣтъ, то годъ его рожденія будетъ 827.—Годъ рожденія Меѳодія неизвѣстенъ: только Меѳодій былъ старѣе Константина. — О видѣніи Кирилломъ Софіи-Премудрости намѣкается и въ древнѣйшемъ тропарѣ Св. Кириллу, помѣщенномъ у Калайдовича въ Іоаннѣ, Экзархѣ Болгарскомъ, стр. 91.

(4) Изъ житія видно, что Константинъ взятъ ко Двору уже послѣ смерти отца, и что онъ лишился отца 14 лѣтъ; слѣдов. онъ вызванъ въ Константинополь съ восшествіемъ на престолъ трехлѣтняго Михаила (842). Имперіею управляла мать

пріиде къ Царю-граду, вдаша и учителемъ. — И въ три мѣсяци навыкъ всю Грамотикію и по прочаа ся ятъ ученіа: научижеся Ориму (чит. Омиру) и Геометри, и у Льва и у Фотѣя (5), Діалексицѣ и всѣмъ Философскымъ ученіемъ; къ симъ же и Риторикіи, и Ариѳмитикіи, и Астрономіи, и Мусикіи. —Болѣ же ученіа тихый образъ на себѣ являя.“ К.

Михаила, Св. Ѳеодора съ двумя опекунами. Опекуны были: Мануилъ, Magister et scholarum domesticus, и Ѳеоктистъ — Patricius dromique Logotheta. Вѣроятно сей-то Ѳеоктистъ Логоѳетъ былъ покровителемъ Константина.

(5) Учитель Константиновъ *Левъ*, былъ, вѣроятно, тотъ самый, которому Имп. Ѳеофилъ далъ престолъ Церкви Ѳессалонитской, и который, съ возстановленіемъ иконопочитанія послѣ Ѳеофила Ѳеодорою, лишившись сего престола, сдѣлался начальникомъ основаннаго Вардою училища въ Константинополѣ и учителемъ Философіи. И Греки и Сарацины дивились его учености. Калифъ-Аль-Мамунъ, славившійся покровительствомъ наукамъ, вызывалъ его къ себѣ, плѣнившись математическими познаніями его ученика. Script. post Theophan. p. 115—119. Geschichte der bildenstürm. Kaiser. v. Schlosser. s. 618—620. — Другой наставникъ *Фотій* — извѣстный своими обширными познаніями, впослѣдствіи Патріархъ Константинопольскій. Что онъ имѣлъ своихъ учениковъ, это видно изъ опредѣленій непріязненнаго ему Константинопольскаго Собора, (869 г.), изъ коихъ девятое надписывается у Анастасія Библіотекаря такимъ образомъ: De subvertendo et solvendo vinculo proprii scripti, quod Photio excogitatum et exactum est ab omnibus volentibus exteriorem discere sapientiam. Въ самомъ правилѣ читаемъ слѣдующее: Variam et diversam malitiam in Ecclesia Constantinopolitana infelix operatus est Photius. Didicimus enim, quod et *multo ante* tyrannicum *Praesidiatum*, propriae manus subscriptionibus muniebat *adhaerentes sibi* clientes *ad discendam sapientiam*. — Самъ Фотій, изображая свои занятія до вступленія на престолъ Патріаршескій, писалъ къ Папѣ Николаю: *οἴκοι μὲν γὰρ μένοντι ἡ χαριεσσα τῶν ἡδονῶν*

3. „Узрѣвъ же и тако суща, Логоѳетъ дасть ему власть на своемъ дому и въ Цареву палату съ дрѣзновеніемъ въходити.“ К. — Онъ хотѣлъ женить Константина на своей крестницѣ, обѣщая ему часть княженія отъ Царя и званіе стратига; но, получивъ въ семъ отказъ отъ Константина, положилъ: „постригше и на поповьство“ сдѣлать Библіотекаремъ при Патріархѣ во Святой Софіи. „И створиша ему то,“ говоритъ жизнеописатель. „Мало же съ ними въ томъ побывъ Константинъ на Ускоѥ (Узское?) море шедъ, съкрыся отай въ монастыри,“ такъ что едва нашли его чрезъ полгода. Но и возвративъ въ Константинополь, не могли склонить Константина, чтобы онъ продолжалъ прежнее служеніе; только убѣдили его принять „учительный санъ, учити Философіи своя земця и странныа.“ (6) К.

περιεπλέκετο τέρψις τῶν μανθανόντων, ὁρῶντι τὸν πόνον, τὴν σπουδὴν τῶν ἐπερωτώντων, τὴν τριβὴν τῶν προσδιαλεγομένων, — τῶν ταῖς μαθηματικαῖς σχολαῖς λεπτυνομένων τὴν διάνοιαν, τῶν ταῖς λογικαῖς μεθόδοις ἰχνευόντων τὸ ἀληθὲς, τῶν τοῖς θείοις λογίοις εὐθυνομένων τὸν νοῦν πρὸς εὐσέβειαν, ὃ τῶν ἄλλων ἁπάντων ὑπάρχει πόνων ὁ καρπός· τοιοῦτος γὰρ χορὸς τῆς ἐμῆς οἰκίας ὁ χορός.

(6) Вѣроятно, отсюда и произошло прозваніе Константина Философомъ. Наименованіе сіе усвояется ему и *Славянами:* въ Сборникѣ 1076 года (см. Кир. и Меѳод. Добровскаго. стр. 104. пр. 6.), въ Мѣсяцесловѣ Евангелія Остромирова, подъ 14 Февр. (Glagolita Clozian. p. LXVI.), и въ древнѣйшихъ Прологахъ; — и *Латинянами:* Анастасіемъ Библіотекаремъ въ Дѣяніяхъ Собора Константинопольскаго 869 г. (см. въ сочиненіи Добровскаго: Кириллъ и Меѳодій с. 148), также въ письмѣ отъ 875 г. къ Карлу Плѣшивому (тамъ же с. 26). Такъ называется Константинъ и въ посланіи Папы Іоанна VIII къ Святополку отъ 880 г.. и въ древнѣйшихъ легендахъ Латинскихъ. — Тогда Философы причислялись къ чинамъ придворнымъ, по свидѣтельству Дюканжа. Gloss. med. et infim. Graecit. p. 1636.

4. Въ сіе время Константинъ, еще юный возрастомъ, по повелѣнію Царя, имѣлъ преніе объ иконопочитаніи съ низложеннымъ за иконоборческія мнѣнія Патріархомъ Анніемъ. К. (7).

5. Когда Константинъ достигъ уже 24 лѣтъ, его послали, вмѣстѣ съ Георгіемъ Асикритомъ, къ Сарацинамъ, надъ которыми владычествовалъ Амаврій („Амавріино владычество"). Поводомъ къ сему путешествію былъ вызовъ Сарацинъ для преній съ Христіанами о вѣрѣ. Константинъ вышелъ съ побѣдою изъ сей борьбы, принявъ даже ядъ безъ вреда отъ руки непріязненной. К. (8).

---

(7) Патріархъ Анній или Іаннесъ, по смерти Имп. Ѳеофила низведенный съ престола, извѣстенъ своимъ ожесточеннымъ упорствомъ въ иконоборческихъ мысляхъ. Будучи уже въ изгнаніи, онъ велѣлъ своему діакону выколоть глаза на одной иконѣ. Scriptor. post. Theoph. p. 93—98. Преніе съ Іаннесомъ напечатано въ извлеченіи изъ Хронографа въ соч. Добровскаго: Кир. и Меѳод. стр. 110 — 111.

(8) Путешествіе Константина къ Сарацинамъ, по счисленію лѣтъ его жизни, относится къ 851 году. Константинъ едва ли былъ у самаго Калифа Джафара Мотавакела (847—861), а, вѣроятно, у Емира Мелитинскаго. Имя Амаврія, вѣроятно, испорченное наименованіе Емира. Продолжатель Константина Порфирогенета (Scriptor. post Theophan. p. 103) пишетъ: *ὅτε Μελετινῆς Ἀμὲρ, ὃν οὕτω πῶς συμφθείροντες τὰ στοίχοντα,* Ἄμβρον *ἐκάλεσαν οἱ πολλοί.* т. е. Мелитинскій Амеръ, или Емиръ, котораго испорченно народъ называлъ: Амврій.—Вопросы о религіи въ то время занимали многихъ преемниковъ просвѣщеннаго Гарунъ-Ал-Рашида. При Алмамунѣ (813—833) шли сильные споры о томъ: сотворенъ, или не сотворенъ Алкоранъ? Abulfeda II. p. 155.—Преніе Константина съ Сарацинами также напечатано при переводѣ сочиненія Добровскаго: Кир. и Меѳод. стр. 111. Впрочемъ въ Житіи преніе обширнѣе.

6. По возвращеніи изъ сего путешествія Константинъ избралъ безмолвное житіе, потомъ перешелъ къ своему брату Меѳодію въ Олимпъ („въ Елимъ“). К. — Меѳодій, нѣсколько лѣтъ державъ „княженіе Словеньско“, удалился въ сію гору, „идѣже святіи отцы живутъ,“ и тамъ постригся. М. Оба брата проводили время въ молитвѣ, бдѣніи и постѣ. К.

7. Мирныя упражненія мудрыхъ подвижниковъ были прерваны новымъ вызовомъ Царя—идти къ Козарамъ, которые просили Императора прислать къ нимъ людей свѣдущихъ, чтобы оградить ихъ съ одной стороны отъ Евреевъ, а съ другой отъ Сарацинъ, усиливавшихся обратить ихъ въ свою вѣру (9). Константинъ, „дошедъ до Корсуня, научися ту Жидовьстѣй бесѣдѣ и книгамъ, осмь частій Грамматикіи преложь, и отъ того разумъ болій въспріимъ“ (10). Здѣсь же научился Константинъ и Самарянскому языку; нашелъ Евангеліе и Псалтирь на Русскомъ языкѣ, какъ сказано было выше; побудилъ Херсонскаго Архіепископа къ отысканію мощей Св. Климента, находившихся въ морѣ. Упоминая о семъ послѣднемъ событіи, жизнеописатель ссылается на сказаніе объ обрѣтеніи мощей Св. Климента,

(9) Приведемъ здѣсь слова Арабскаго Географа XIII или XIV в. «Ибнъ-улъ-Азиръ повѣствуетъ, что Государь Константинопольскій во время Гаруна-Алъ-Рашида (786—808) выгналъ изъ земли своей Іудеевъ, что Іудеи ушли къ Козарамъ, и видя въ нихъ людей добросердечныхъ, предложили имъ свою вѣру; что Козары, находя ее лучше собственной, приняли оную и нѣсколько времени хранили. Ибнъ-улъ-Азиръ сказываетъ также, что Козары въ 254 (868) г. приняли Магометовъ законъ,» и пр. Исторія Государства Россійск. Т. I. примѣч. 90, с. 37.

(10) Неизвѣстно, съ какого и на какой языкъ, и для кого. Не вставка ли это въ жизнеописаніи, какъ и извѣстіе о найденномъ переводѣ Евангелія и Псалтири на Русскій языкъ?

говоря: „якоже пишетъ (вм. пишется) въ обрѣтенiи его.“ ([11]). Во время пребыванiя Константина и Меѳодiя въ Корсунѣ окружилъ было городъ Козарскiй воевода; но, по ходатайству Константина, оставилъ жителей его въ покоѣ. На пути изъ Корсуня къ Козарамъ Константинъ встрѣтился съ Уграми; но и тѣми былъ отпущенъ безвредно. К.

8. Наконецъ „всѣдь въ корабль, Константинъ пути ся ятъ Козарскаго на Меотьское езеро и Каспiйскаа врата Кавкажьскыхъ горъ“ ([12]). Здѣсь описываются пренiя Константина у Кагана съ мудрецами Казарскими, Iудеями и Сарацинами — Магометанами. Препираясь съ Жидами, Константинъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ имъ на слова Аквилы, котораго переводъ Св. Писанiя былъ въ особенномъ уваженiи у Iудеевъ. — Заключая изложенiе сихъ

([11]) Въ Мѣсяцесловѣ при Остромировомъ Евангелiи Обрѣтенiе мощей Св. Климента отнесено къ 30 ч. Генваря. — Есть описанiе сего событiя, составленное очевидцемъ, въ одной рукописной Четьи—минеѣ на Генварь мѣсяцъ. Оно любопытно по многимъ подробностямъ, хотя и не встрѣчается здѣсь имени Константина. Надпись его слѣдующая: «Слово на пренесенiе мощемъ преславнаго Климента, историческую имуще бесѣду, яко Христовою помощiю въ 4 тысуща (должно быть, 6 тыс.) 369 лѣто, изыскавшемъ его любезнѣ и вѣрно якожъ изъ инѣхъ (sic) въ Понтѣ восiа.» Повѣствователь самъ пишетъ о себѣ: «Идохомъ до блаженнаго отока. ...Главу Климента видѣвъ первоицы иже и се есть повѣстникъ, абiе блаженный гласъ возопи: т. е. повѣствователь, первый увидѣвъ главу Климента, испустилъ радостный гласъ.»

([12]) Меотьское озеро—по Синодальнымъ спискамъ Макарiевской Четь-минеи, въ нашей рукописи ошибка: Ометское.— Меотiйское озеро есть Азовское море. Каспiйскiя врата въ Кавказскихъ горахъ извѣстны и доселѣ. Слѣды пребыванiя Козаръ близь Каспiйскаго моря сохранились въ наименованiи сего моря Козарскимъ.

преній, жизнеописатель пишетъ: „отъ многа мы се украчьше (сокративше), въмалѣ положихомъ селико (столько), памяти ради. А иже хощете съвръшеныхъ бесѣдъ сихъ Святыхъ искати, въ книгахъ его обрящете я, еже преложи учитель нашъ и Архіепископъ Меѳодій, братъ Константина Философа, раздѣли (раздѣливъ) є на осмь словесъ“ ([13]). Концемъ сихъ преній было то, что дано было позволеніе всѣмъ, кто хочетъ, креститься, и крестилось до 200 человѣкъ; а обращающимся изъ Грековъ въ вѣру Козарскую, или Іудейскую, или Магометанскую, объявлена смертная казнь. — Наконецъ Константинъ, испросивъ себѣ вмѣсто всѣхъ даровъ, чтобы Каганъ отпустилъ на свободу до 20 плѣнныхъ Грековъ, отправился въ обратный путь. К.

([13]) Вотъ какими источниками пользовался составитель Житія Св. Константина! Мы не имѣемъ теперь ихъ. — Въ самомъ дѣлѣ опроверженія различныхъ заблужденій показываютъ острый и сильный умъ въ защитникѣ Христіанства. — Ученый Раввинъ Іуда—Левій (ок. 1140 г.) въ своей «книгѣ о Козарахъ,» (Sepher—Kosri), пишетъ, что лѣтъ за 400 до него было у Козаръ преніе между Сарацинами, Христіанами и Іудеями, что со стороны Іудеевъ держалъ сіе преніе Раввинъ Исаакъ Самгаръ. Wolfii Bibliotheca Hebr. T. I. p. 439—444. III. p. 322, 323. Показаніе времени не согласуется съ обстоятельствами, о которыхъ повѣствуетъ Ибнъ-Улъ-Азиръ. Полагая сіе преніе позднѣе, можно думать, что это и было то преніе, въ которомъ участвовалъ Константинъ. — Въ ркп. Прологахъ (Кириллъ и Меѳодій Добровскаго стр. 103—107.) противникъ Константина изъ Козаръ называется Замвріемъ, Замбіемъ. Имя сіе близко къ имени Самгара. — Преніе Константина съ Іудеями и Магометанами предъ Каганомъ Козарскимъ напечатано, впрочемъ короче помѣщеннаго въ житіи, въ отрывкѣ изъ Хронографа. Кирил. и Меѳод. стр. 111 — 115.

9. На семъ пути Константинъ, для утоленія нестерпимой жажды, молитвою преложилъ соленую воду въ сладкую. Въ Корсунѣ предрекъ близкую кончину тамошняго Архіепископа, „во Фульстѣ языцѣ“ (вѣроятно на томъ же полуостровѣ, въ окрестностяхъ г. Филлы (*Φύλλα*), упоминаемаго въ житіи Іоанна Е. Готѳскаго на Греч. языкѣ), пресѣкъ суевѣрное уваженіе къ одному великому дубу, срубивъ самое дерево. Возвратившись въ Константинополь, Константинъ жилъ при церкви Св. Апостолъ. К. — А Меѳодію, послѣ того какъ онъ отказался отъ предлагаемаго ему сана Епископскаго, данъ монастырь Полихронъ, въ которомъ было до 70 старцевъ (14) М. — Жизнеописатель Константина здѣсь присовокупляетъ, что Константинъ въ сіе время объяснилъ на одномъ потирѣ, или чашѣ „Соломоня дѣла“ въ церкви Св. Софіи надпись, которой никто до него не могъ понять (15).

10. Въ сіе время „Ростиславъ, Моравъскый Князь, съвѣтъ сътвори съ Князи своими и съ Моравляны, посла къ Царю Михаилу, глаголя: людемъ нашимъ поганьства

---

(14) Въ Жизнеописаніи прибавлено еще: «семуже (монастырю) есть се мѣра 24 спудове злата.» Спудъ, по Славянскому переводу Пятокнижія Моисеева Лев. 27, 16. Числ. 11, 32., соотвѣтствуетъ Греческому: *χορος*, которымъ означается Еврейская мѣра: хомеръ.—Смыслъ сего прибавленія не ясенъ. —Монастырь Полихронъ также неизвѣстенъ.

(15) Надпись сдѣлана была, какъ сказано въ Житіи, письменами Жидовскими и Самарянскими въ трехъ граняхъ. Въ первой грани было написано: «Чяша моа, чаша моа! прорицай, дондеже звѣзда. Въ пиво буди Господи (вм. Господеви), прьвенцу бдящу нощію.»—Во второй: «На вькушеніе Господне сътворена, древа иного. Пій и упійся веселіемъ, и възъпій: аллилуіа». Въ третьей: «Се Князь! и узритъ весь съномъ (т. е. сонмъ)

ся отвръгшимъ и по Христіанескъ ся законъ дръжащимъ учителя не имамъ (не имамы) таковаго, иже бы ны въ свой языкъ истую вѣру Христіаньскую сказалъ, да быша и ины страны, того зряще, подобили бы ся намъ. То посли намъ, Владыко, Епископа и учителя таковаго. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрый законъ исходитъ.“ К. — Царь, послѣ совѣщанія соборнаго, избралъ на сіе дѣло Константина и Меѳодія, и склоняя ихъ принять на себя сіе служеніе, представлялъ Солунскимъ братьямъ: „вы бо еста Селунянина: да Селуняне все чисто Словенскы бесѣдуютъ“ (16). М. — Философъ, хотя и былъ

славу его. И Давыдъ царь посредѣ ихъ. И посемъ число написано: девять сотъ и девятеро.« Въ Житіи прибавлено, что Константинъ принялъ сіе число за означеніе времени отъ 12 года царствованія Соломонова до Царства Христова, и такимъ образомъ нашелъ въ сей надписи пророчество объ Іисусѣ Христѣ.

(16) Сіе выраженіе конечно означаетъ то, что Солуняне всѣ могутъ свободно говорить по—Славянски, а не то, чтобы они только и говорили по—Славянски. Иначе было бы лишнимъ слово: «чисто.»—Что около Солуня въ IX столѣтіи и ранѣе много жило Славянъ, на это есть несомнѣнныя доказательства, кромѣ Греческихъ Лѣтописей, въ Греческомъ описаніи чудесъ Св. Димитрія Солунскаго, напечатанномъ in Actis Ss. Octobr. T. 4. — *Θεοφανъ* въ своей Хронографіи подъ 782 г. пишетъ: Hoc anno Irene Staurationi patricium cum numeroso exercitu adversus Slavinorum nationes misit: qui cum *Thessalonicam* et Graeciam adiisset, regionem omnem imperio subjecit. — Ed. Paris. p. 385. Сл. *Fallmerayer*, Geschichte d. Halbinsel Morea I. Th. s. 217. Въ описаніи *чудесъ Св. Димитрія* Солунскаго между прочимъ повѣствуется: »въ ту пору, какъ Славяне, прилежащіе (*προσπαραχειμένων*) богоспасаемому сему граду (Солуню), повидимому соблюдали миръ,« градоначальникъ Солунскій оговорилъ предъ Императоромъ Князя одного изъ Славянскихъ племенъ, Ринхиновъ, по имени

боленъ, не отказывался; только желалъ знать, имѣютъ ли

Первунда (*τῶν Ῥυγχίνων ἡγὸς, τοὔνομα Περβούνδου*) въ злоумышленіи противъ города. Императоръ, коего имени въ описаніи не сказано, но, какъ доказываетъ Тафель (Historia Thessalonica, Tubingae, 1835. in 4. p. 59, et 66.), Константинъ IV. Погонатъ (668—685), приказалъ схватить Первунда,—и Князь Славянскій, въ то время жившій въ Солунѣ (*ἐν πόλει διάγοντα*), былъ схваченъ и препровожденъ въ Константинополь. Славяне, именно Ринхины и Стримонцы, отправили къ Императору посольство, просить объ освобожденіи Первунда. Императоръ, занятый въ то время войною съ Сарацинами, обѣщалъ исполнить просьбу Славянъ, по окончаніи сей войны. Между тѣмъ Первундъ, по совѣту переводчика Императорскаго, призналъ за лучшее искать спасенія въ бѣгствѣ. Однако же онъ снова былъ пойманъ и умерщвленъ. Раздраженные тѣмъ Славяне, особенно Стримонцы, Ринхины и еще Сагудаты, начали разорять окрестности Солуня: жителей брали въ плѣнъ; городъ держали въ осадѣ; ни сушей, ни моремъ не льзя было подвести къ нему съѣстныхъ припасовъ. Въ такомъ состояніи Солунь находился около двухъ лѣтъ. Голодъ усилился до крайности. Императоръ успѣлъ прислать десять судовъ съ хлѣбомъ; но сего было недостаточно, чтобы выдерживать осаду. Положили отправить эти суда снова для закупки хлѣба въ Ѳивы и Димитріаду къ Белегезитамъ (*Βελεγεζιτῶν*, Бѣловѣжичи?), племени также Славянскому, но какъ видно, бывшему въ мирѣ съ Солунянами. Лишь только суда вышли изъ пристани, Князья Драгувитскіе (*Δραγουβιτῶν*, Дряговичи?), какъ видно управлявшіе осаждающими, положили напасть на городъ всѣми силами. Но предпріятіе сіе разстроилось. Act. Ss. Octobr. T. 4. p. 173, et seqq. Повѣствователь является современникомъ событій. — При описаніи новаго нашествія Славянъ, отъ странъ при—Дунайскихъ, по мнѣнію Тафеля, въ царствованіе Константина Копронима (741—775), племена Драгувитскія (*Δραγουβιτῶν ἔθνη*) прямо называются прилежащими Солуню. Ibid. p. 179 et seqq.—Изъ соображенія

Моравы свои письмена? Царь отвѣчалъ: „дѣдъ мой и отецъ мой и иніи мнози, искавше того, не обрѣли суть.“ Философъ возразилъ: „то кто можетъ на водѣ бесѣду написати, или еретичьско имя себѣ обрѣсти (т. е. нововведеніемъ навлечь на себя подозрѣніе и обвиненіе въ ереси)?“—Однако же, по убѣжденію Царя, принялъ на себя великое дѣло и, совершивъ молитву „съ инѣми споспѣшники, сложи письмена и начя бесѣду писати Евангельскую: *исконѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово.*“ (11). Обрадованный Царь отправилъ Константина къ Ростиславу съ дарами и посланіемъ. К.—Вмѣстѣ съ Константиномъ отправился и Меѳодій. М.

11. „Дошедъшю же Константину Моравы, съ великою чьстью пріятъ и Ростиславъ, и собравъ ученики, вдасть

сихъ обстоятельствъ открывается, что 1) еще въ VII столѣтіи нѣкоторыя Славянскія племена имѣли постоянныя жилища близъ Солуня. Такъ одни изъ нихъ назывались *Стримонцами* отъ р. Стримона, впадающей въ море недалеко отъ Солуня, съ Восточной его стороны; 2) съ другими племенами Солуняне были въ дружественныхъ сношеніяхъ, именно съ *Белегезитами,* близъ Ѳивъ Ѳессалійскихъ и Димитріады; 3) близъ самаго Солуня жили Драгувиты,—также Славянское племя. — Присовокупимъ еще свидѣтельство *Іоанна Каменіата,* описавшаго взятіе Солуня Сарацинами въ 904 г. (inter scriptor. post Theophanem), что «въ долинѣ, идущей отъ Солуня на западъ, гдѣ стоялъ и городъ Верія,—между сими двумя городами—разсѣяно было нѣсколько селеній, изъ коихъ одни подчинены были городу (Солуню), именно *Драгувитскія* и *Сагудатскія,* другія платили данъ смежному народу Скиѳскому.» с. 6. — Такимъ образомъ Солунь отвсюду окруженъ былъ Славянскими племенами.

(11) Такъ читается начало Евангелія Св. Іоанна и въ спискѣ Остромировомъ, кромѣ словъ: *у Бога.* Вмѣсто сего тамъ стоитъ: «отъ Бога.» Но въ слѣдующемъ стихѣ — *у Бога.* См. Добровск. Кир. и Меѳод. стр. 99.

я̀ учити. Вскорѣ же ся весь церковный чинъ предложи (преложенъ), и научи я̀ — утреніи и годинамъ обѣдней и вечерней, и павечерницы и тайнѣй службѣ. И отверзошася, по пророческому словеси, уши глухыхъ услышати книжная словеса, и языкъ яснъ бысть гугнивымъ. Богъ же ся возвесели о семъ вельми, и дьяволъ постыдѣся.“ К.

12. Но вскорѣ нашлись и противники сего дѣла. Начали говорить: „не славится Богъ о семъ. Аще бо бы Ему сице угодно было, не бы ли моглъ сотворити, да быша исперва, письмены пишюще бесѣды своя, славили Бога? Но три языки есть токмо: Еврейскъ (здѣсь пропущены: Эллинскій и Латинскій), имъже (имиже) достоить славу Богу въздаяти. — Бѣша же се глаголюще Латиньстіи и Фряжестіи Архіереи съ Іереи, и ученицы, собравшеся съ ними.“—„Не токмо же се едино глаголаху, но и иному безчинью учаху, глаголюще: яко подъ землею живутъ человѣци велегл҃ви (велеголовы, или велеглаголивы?); — и весь гадъ—дьяволя тварь есть;—и аще кто убіетъ змію, девяти грѣхъ избудеть того ради;—аще человѣка убьеть кто, три мѣсяцы да піетъ въ древянѣ чаши, а стеклянѣ ся не прикасаетъ;—не браняху же жертвъ творити по перьвому обычаю, ни женитвъ бещисленыхъ (безчинныхъ?) творити.“ ([18]). Св. Константинъ противодѣйствовалъ всѣмъ симъ заблужденіямъ и злоупотребленіямъ силою слова въ теченіи сорокомѣсячнаго (по житію К., а по Меѳодіеву

([18]) Не входя въ розысканіе о мнѣніяхъ, приписываемыхъ здѣсь Нѣмецкому духовенству, замѣтимъ однакожъ, что при Папѣ Іоаннѣ VIII на Соборѣ Равеннскомъ, одному изъ Князей Славянскихъ—Кочелу сдѣлано было подтвержденіе относительно браковъ, какъ видно изъ напечатаннаго Копитаромъ (Glagolita Clozianus p. LXXI in Notis) акта Капитула Ольмюцкаго. Копитаръ нашелъ объ этомъ и пастырское наставленіе въ прибавленіи къ переводу Греческой проповѣди, въ

трехлѣтняго) пребыванія своего въ Моравіи, и потомъ чрезъ владѣнія Кочела отправился въ Римъ. Кочелъ „Князь поганескъ“ принялъ проповѣдниковъ весьма благосклонно, и, обрадовавшись Славянскимъ писменамъ, самъ выучился имъ и далъ Константину 50 учениковъ. К.

13. Здѣсь жизнеописатель съ особенною подробностію передаетъ, какъ Константинъ, будучи „въ Нятцѣхъ“ ([19]), опровергалъ возраженія противъ сдѣланнаго имъ перевода Св. книгъ. „Въ Нятцѣхъ же бывшю ему, собрашася нань Латиньстіи епископи, и попове, и черноризци, яко врани на соколъ, и въздвигоша тріязычную ересь, глаголюще: человѣче, скажи намъ, како ты еси нынѣ сотворилъ Словѣномъ книгы и учиши я, ихже нѣсть никтоже инъ первѣе обрѣлъ, ни Апостолъ, ни Римскый Папежъ, ни Діалогъ

своей глаголитской рукописи. ibid. p. 4. versus 120 et seqq.—Объ истребленіи различныхъ заблужденій у Моравовъ кратко умоминаетъ и составитель древнѣйшей легенды Латинской. Asseman. T. III. p. 20.

([19]) «Въ Нятцѣхъ.» Хотя въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается слово—*нятство*, въ смыслѣ темничнаго заключенія; но здѣсь, кажется, надобно разумѣть какой нибудь городъ. Нѣчто подобное по звукамъ слышится въ имени Венеціи,—*у бнеціи*, какъ значится на книгахъ печатанныхъ въ Венеціи. У Южныхъ Сербовъ Венеція называется *Млетки* и *Нетки*; даже находимъ на книгахъ, тамъ напечатанныхъ, *Нятки*. Это Славянское названіе, образовавшееся изъ Славянскаго же Чешскаго: *Бенетки, Бенатки*, ведущее корень свой отъ имени Венетовъ, строившихъ Венецію, коихъ имя иначе звучало еще *Бенеты* (Beneti), на пр. во многихъ старыхъ рукописяхъ и во всѣхъ древнѣйшихъ изданіяхъ Плинія «*Benedi*,» а у Нѣмцевъ — сосѣдей и теперь еще нерѣдко: «Benden, Binden.» См. Славян. Древности Шафарика. Русск. перев. Часть I-я, стр. 272.

Григорій, ([20]) ни Іеронимъ, ни Августимъ? Мы же три языкы токмо вѣмъ, имиже достоить въ книгахъ славити Бога: Еврейскы, Еллиньскы, Латиньскы. Отвѣща Философъ къ нимъ: не идеть ли дождь отъ Бога равно на вся, или солнце такоже не сіяетъ ли на вся? Ни ли дыхаемъ на аеръ равно вси? То како вы ся не стыдите, три языки токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племеномъ слѣпымъ веляще быти и глухымъ? Скажите ми, Бога творяще немощна, яко не могуща сего дати, или завистлива, не хотяща дати? Мы же многы роды знаемъ, книгы умѣюща, и Богу славу въздающа своимъ языкомъ кождо;—явѣ же суть си: Армени, Перси, Авазъги, Иверіи, Сугди, Готьѳи, Обри, Турсіи, Козари, Аравляне, Египтяни, Сури, и иніи мнози ([21]). Аще ли не хощете отъ сихъ разумѣти, поне отъ книгъ познайте — Судію. Давидъ бо вопіетъ, глаголя: пойте Господеви вся земля, пойте Господеви пѣснь нову“ и проч.

14. Побужденіемъ къ пушешествію въ Римъ въ томъ и другомъ житіи представляется требованіе Папы. „Увѣдѣвъ же Римскый Папежь, посла по него“ (Константина). К. „Увѣдѣвъ же такого мужа, (Константина и Меѳодія), Апостоликъ Никола посла по ня, желая видѣти я.“ М. Но кромѣ того въ житіи Константина представляется и другое побужденіе: „иде святить ученикъ своихъ.“ ([22]). Ростиславъ

([20]) Діалогъ Григорій (т. е. Двоесловъ) стоитъ въ двухъ Синод. спискахъ Мак. ч.-минеи, въ нашей ркп.—Ѳеологъ Григорій.

([21]) Еще Златоустый въ Толкованіи на Св. Іоанна, писалъ:„ и Сиріяне, и Египтяне, и Индійцы, и Персы, и Ефіопляне, и многіе другіе народы, переложивши на свой языкъ его (А. Іоанна) ученіе, научились любомудрствовать, хотя и варвары.“ Opp. T. VIII. p. 9. Сугди читается въ Синод. спискахъ Макар. Четь-миней, въ нашей рукоп.—Гугди.

([22]) Объ ученикахъ упоминаютъ и древняя Латинская легенда и Греческое жизнеописаніе Климента. Добр. с. 8.

и Кочелъ, изъ уваженія къ просьбѣ проповѣдниковъ, даровали свободу до 900 плѣннымъ Грекамъ.

15. Папа Адріанъ („Апостоликъ Адріанъ“) ([23]) самъ встрѣтилъ Константина и Меѳодія за городомъ, такъ какъ они принесли съ собою часть мощей Св. Климента. Потомъ «пріимъ Папежь книгы Словенскыя освяти и положи я въ церковь Святыа Маріа, яже ся нарицаетъ *Фантъ* ([24]); пѣша же съ ними Литургію. И посемъ повелѣ Папежь двѣма Епископома Формосу и Гоиръдиху святити Словенскыя ученики, (въ житіи Меѳодія опредѣленіе сказано: „святи отъ ученикъ Словенескъ три попы, а два анагноста,“ т. е. чтеца); и яко я святиша, и тогда пѣша литургію въ церкви Св. Петра Словѣньскымъ языкомъ (въ житіи Меѳодія не упомянуто объ освященіи книгъ въ церкви Св. Маріи, но сказано: „положь Словенское Евангеліе на олтари Св. Апостола Петра.“), и въ другый день пѣша въ церкви Св. Петрониллы, и въ третій день пѣша въ церкви Святаго Андреа, и оттуду пакы у великаго учителя языческаго Павла Апостола въ церкви въ нощи пѣша Св. Литургію Словенски надъ Св. гробомъ, имѣюще на помощь Св. Арсенія Епископа, единого суща отъ седми Епископъ, и Анастаса Вивлотикаря

([23]) Такъ именно въ жизнеописаніи Константина: хотя ни въ томъ, ни въ другомъ жизнеописаніи не упоминается о смерти Николая (31 Нояб. 867 г.). Въ жизнеописаніи Меѳодія, не только призваніе въ Римъ, но и принятіе въ Римѣ относятся къ Николаю: но это только неточность выраженія. Далѣе жизнеописатель именно говоритъ объ Адріанѣ.

([24]) Вѣроятно это церковь S. Mariae ad praesepe, которую такъ часто Папы украшали, и которая упоминается въ жизнеописаніи Папы Адріана, Anastas. Bibliothec. p. 209, 223. Praesepe—*φάτνη*. Отселѣ испорченное наименованіе Славянское: *Фантъ*. Церковь Петрониллы въ Римѣ также упоминается у Анастасія Библіотекаря въ житіи Папы Льва IV, p. 182.

([25]). К. Ни то, ни другое жизнеописаніе не говоритъ, чтобы Папа хотѣлъ рукоположить Константина въ Епископа, но

([25]) Упоминаемыя здѣсь лица, Формозъ, Арсеній и Анастасій, весьма важны для опредѣленія точности жизнеописанія Константинова въ подробностяхъ обстоятельствъ, извѣстныхъ жизнеописателю. Формозъ Е. Портуанскій въ концѣ 866 г. посланъ былъ Папою Николаемъ въ Болгарію для удержанія ея за Римскимъ престоломъ (Baron. ann. 867. § 1. Anastasii Bibliothecar. p. 222 et seqq.) Въ жизнеописаніи Папы Адріана прямо говорится, что Формоза еще не было въ Римѣ при вступленіи на престолъ сего Папы, т. е. 14 Дек. 867 г. Время его возвращенія въ Римъ опредѣляется изъ того же жизнеописанія Адріанова по слѣдующимъ обстоятельствамъ: Формозъ возвратился съ посланникомъ Болгарскимъ Петромъ, чрезъ котораго Болгарскій Князь Михаилъ просилъ у Папы себѣ въ Архіепископы или Марина діакона Римскаго, или кого другаго изъ Кардиналовъ. Такъ какъ Маринъ былъ избранъ (sortitus est) въ Константинополь на Соборъ, то Адріанъ отправилъ въ Болгарію другаго— Сильвестра. Но Болгарскій Князь немедленно возвратилъ присланнаго съ просьбою, чтобы дали ему *въ Епископа Формоза Портуанскаго,* и когда Папа отказался исполнить сіе желаніе, то Михаилъ того же самаго посланника Петра отправилъ въ Константинополь, гдѣ онъ засталъ еще легатовъ Римскихъ, только что кончившихъ тамъ свои дѣла на Соборѣ. Петръ въ присутствіи сихъ легатовъ и Патріарховъ Восточныхъ, отъ имени своего Государя предложилъ вопросъ: кому должна принадлежать Болгарія по церковному управленію, — Римскому, или Константинопольскому престолу? Вопросъ сей, какъ извѣстно, рѣшенъ былъ не въ пользу Римскаго престола. Но намъ нужно знать не то. Соборъ Константинопольскій, на который назначенъ былъ Маринъ, начался въ Октябрѣ 869, и кончился въ Мартѣ 870. По ходу дѣла видно, что Формозу надлежало пріѣхать въ Римъ вскорѣ по вступленіи Адріана на престолъ, т. е. еще въ 868 г. Иначе когда бы могли совершиться такія путешествія: Формоза и Петра изъ Болгаріи въ Римъ, Сильвестра изъ Рима въ Болгарію, и обратно, Петра въ Болгарію и

о Меѳодіи сказано, что Папа „святи его на поповьство“ т. е. рукоположилъ въ Священника. М.

изъ Болгаріи въ Константинополь? Присовокупимъ къ сему: на двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ Собора Константинопольскаго былъ и *Анастасій Библіотекарь*, который посланъ былъ по дѣламъ брачнымъ между двумя Императорскими Домами: Нѣмецкимъ и Константинопольскимъ. Слѣдовательно въ концѣ 869 г. Анастасія не льзя уже было застать въ Римѣ. По окончаніи дѣлъ Соборныхъ легаты сами поручали Анастасію пересмотрѣть переводъ Папскихъ буллъ на Греческій языкъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и имя *Арсенія Епископа*. Анастасій обличалъ Грековъ въ томъ, что они намѣренно не перевели приписки, сдѣланной Папою Адріаномъ къ посланію Папы Николая, въ пользу Императора Нѣмецкаго, какъ сказано, по настоянію *Епископа Арсенія*. Вѣроятно это *Арсеній, Еп. Ортинскій*, чрезъ котораго Папа Николай дѣйствовалъ въ примиреніи Лотаря съ его супругою въ 865 г. (Baron. annal. ad ann. 865). Арсеній называется въ житіи однимъ *отъ седьми Епископъ*. У Анастасія Библіотекаря, въ житіи Папы Стефана IV, (816 г.) сказано: Hic statuit, ut in omni dominico die a septem *Episcopis Cardinalibus* hebdomadariis, qui in Ecclesiis Servatoris observant, missarum solemnia super altare B. Petri celebrarentur. Изъ всѣхъ сихъ соображеній открывается, 1) что въ 868 г., когда пришли Кириллъ и Меѳодій въ Римъ, могли они видѣться со всѣми тремя лицами: Формозомъ, Арсеніемъ и Анастасіемъ; 2) ранѣе, именно въ 867 г. тамъ не было Формоза; 3) позднѣе, въ 869 г. выѣхалъ Анастасій.—Замѣтимъ еще, что добрыя извѣстія, принесенныя Формозомъ изъ Болгаріи, могли сдѣлать Папу уступчивѣе въ отношеніи къ Моравіи; что Формозъ могъ видѣть на опытѣ нужду въ переводѣ Славянскомъ для народовъ, говорящихъ Славянскимъ языкомъ, и какъ много проповѣдники Греческіе этимъ выигрывали предъ Латинскими.—Кто же упоминаемый въ жизнеописаніи *Гоигдихъ?* Это вѣроятно Gaudericus или Iadericus, Епископъ Велитернскій, который, со вступленіемъ на престолъ Папы Адріана, возвращенъ былъ изъ ссылки

16. Принявъ переводчиковъ такъ благосклонно, Папа не уважилъ возраженій ихъ противниковъ; тѣхъ, которые утверждали, что священныя книги должны быть только на Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, и „Пилатны (то есть подражателями Пилата) и треязычникы нарекъ, проклятъ и (прокляти) повелѣ единому Епископу, иже бѣ тоюже язею болѣлъ.“ (26) М.

(Vita Adriani. l. c.). Въ 873 г. онъ отправлялся отъ Папы Іоанна посломъ къ Людовику; въ 875 къ Императору Карлу Плѣшивому; подписался подъ инструкціею (commonitorium), данною легату Папскому при отправленіи на Соборъ Константинопольскій, по случаю возстановленія Фотія въ 879 г. (Baron. Ann. 879 n. 52). Тотъ же Гавдерикъ въ трехъ книгахъ описалъ жизнь Св. Климента Папы Р. Болландистъ Гетшеній (in Act. SS. Mart. d. 9.) пишетъ, что онъ получилъ отъ аббата Угтелли сіе жизнеописаніе Гавдерика, но неполное, и выписываетъ изъ него посвященіе труда Папѣ Іоанну VIII. Въ семъ посвященіи сказано: Dignum esse putavi, ad honorem et laudem tui praecessoris B. Clementis et Martyris atque Pontificis, aliqua de genere vel vita ipsius, Deo institutore, in unum colligere. Далѣе: Non tam strenue, quam devote collegi, et *in tribus libris* conglutinans ordinavi. *In primo* siquidem libro Clementis genus, patriam, nativitatem. In *Secundo*—profunditatem doctrinae... Ast *in tertio* miracula, prodigia, exulationis angustias, Martyrii laureas, *reversionis ejus ad propriam sedem* miracula colligere procuravimus.— Наконецъ: quae nos, ut *meminimus*, quae *vidimus* et legimus, colligentes transscripsimus.... Гетшеній весьма правдоподобно думаетъ, что признаваемая за достовѣрную Латинская легенда: „*О пренесеніи мощей Святаго Климента*,“ есть не что иное, какъ часть сего обширнаго сочиненія, именно отрывокъ изъ третьей книги.

(26) Что Папа Адріанъ зналъ о сдѣланномъ переводѣ и одобрялъ его, это подтверждается и Греческимъ житіемъ Климента, Архіепископа Болгарскаго. Добров. Кир. и Меѳод. стр. 8.—

17. Между тѣмъ Св. Константинъ, изнуренный многими трудами, въ Римѣ заболѣлъ. „Тръпящу ему язю болѣзньную многы дни, единою же видѣвъ Божіе явленіе, начатъ пѣти сице: о рекшихъ мнѣ: внидемъ въ дворы Господни, возвеселимися духъ мой и сердце обрадовася.“ И, предвидя близкую кончину, сказалъ: „отселѣ нѣсмь азь ни царю слуга, ни иному комуже на земли, но токмо Богу Вседръжителю, и бѣхъ и есмь въ вѣки.“ На утро облекся въ иноческій образъ, принявъ имя Кирилла, и чрезъ пятьдесятъ дней послѣ сего скончался, съ молитвою объ умноженіи Церкви и объ утвержденіи вѣрующихъ въ единомыслiи и правомъ исповѣданіи. —Святый Кириллъ скончался сорока двухъ лѣтъ, 14 Февр. 6377, т. е. 869 ([27]). —Меѳодій хотѣлъ взять съ собою останки своего брата, чтобы положить ихъ „въ своемъ монастырѣ“, по завѣщанію матери: но по просьбѣ Епископовъ Латинскихъ, согласился оставить ихъ въ Римѣ. Рака съ мощами поставлена въ церкви Святаго Климента. К.

18. Предъ кончиною своею Святый Кириллъ убѣждалъ своего брата не оставлять дѣла, начатаго у Славянъ. „Се,

---

Добровскій отвергаетъ сіе потому, что объ этомъ ничего не говорится въ такъ называемой у него древнѣйшей Латинской легендѣ. Но это потому, что сія легенда есть собственно повѣствованіе о перенесеніи мощей Святаго Климента, а не о дѣяніяхъ Константина.

([27]) День кончины Св. Кирилла такъ означенъ и въ Мѣсяцословѣ Остромирова Евангелія, и въ другихъ древнѣйшихъ Латинскихъ памятникахъ. Добров. Кир. и Меѳод. стр. 57, 58. Годъ кончины 869-й, а не 868-й, оправдывается слѣдующими соображеніями: Кириллъ и Меѳодій пришли въ Римъ уже по вступленіи на престолъ Адріана, слѣд. послѣ 14 Дек. 867 г. Кириллъ былъ боленъ въ Римѣ „многи дни.“ За пятдесятъ дней до кончины облекся въ иноческій санъ, и скончался 14 Февр. Этого не могло быть въ 868 году.

брате, говорилъ онъ Меѳодію, супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща. И азъ на лѣхѣ падаю, свой день скончавъ ([28]). А ты любиши гору вельми, то не мози горы ради (т. е. Олимпа) оставити ученія своего, паче бо можеши кымъ спасенъ быти.“—Между тѣмъ было прислано въ Римъ посольство отъ Кочела, который также просилъ Папу отпустить къ нему Меѳодія. Адріанъ отвѣчалъ: „не тебѣ единому токмо, но и всѣмъ странамъ тѣмъ Словеньскымъ слю и учителя отъ Бога и отъ Святаго Апостола Петра, перваго настольника и ключедержца царствію небесному“. М. Такимъ образомъ Меѳодій снова отправился на мѣсто прежнихъ трудовъ своихъ.

19. Папа отправилъ съ нимъ посланіе къ Князьямъ Моравскимъ, которое жизнеописатель передаетъ въ такомъ видѣ: „Андрѣянъ, Епископъ и рабъ Божій къ Ростиславу и Святополку и Коцелю. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе, яко о васъ духовная слышахомъ, на ня-же жадахомъ съ желаніемъ и молитвою, вашего ради спасенія, како есть въздвиглъ Господь сердца вашя искати Его, и показалъ вамъ, яко не токмо вѣрою, но и благыми дѣлы достоитъ служити Богу. Вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть, и отпадаютъ тіи, иже ся мнятъ Бога знающе, а дѣлы ся его отметаютъ.—Не токмо бо у сего Святительскаго стола просисте учителя, но и у благовѣрнаго Царя Михаила. Да посла вамъ блаженнаго Философа Констянтина, и съ братомъ, дондеже мы не доспѣхомъ. Она же увидѣвша Апостольскаго стола, достояща ваша страны,

---

([28]) Св. Кириллъ сравниваетъ себя и брата своего съ парою воловъ, трудящихся на полѣ, какъ и Апостолъ въ посланіи къ Филипп. 4, 3. „*Тяжуща*“ отъ одного корня съ словами: *тяжатель* Марк. 12, 2., *тяжаніе* 1 Кор. 3, 9. Дѣян. 16, 16., *тяглый, тягло. Лъха*-рядъ, гряда. Мар. 6, 40.

кромѣ канона не сотвориста ничьсьже, но къ намъ пріидоста, и Святаго Климента мощи несуще. Мы же трегубу радость пріимше, умыслихомъ испытавше послати Меѳодіа, свящьше и съ ученикы, сына же нашего, на страны ваша; мужа съвершена разумомъ и правовѣрна, да вы научитъ, якоже есте просили, сказая книгою въ языкъ вашъ, по всему церковному чину исполнь, и съ святою мшею, рекше съ службою, и крещеніемъ. Якоже есть Философъ Констянтинъ началъ Божіею благодатію, и за Святаго Климента молитвы: такожъ аще инъ кто възможетъ достойно и правовѣрно сказати, свято и благословенно Богомъ и нами, и всею Каѳоликіею, и Апостольскою Церковію буди, да бысте удобь заповѣди Божія навыкли. Сей же единъ храните обычай, да на мши прьвое чтутъ Апостолъ и Евангеліе Римскы, таче Словенскы: да ся исполнитъ слово книжное, яко всхвалятъ Бога вси языцы. И другойци: вси взглаголютъ языкы различны величія Божіа, якожъ дастъ имъ Духъ Святый отвѣщевати. Ащежъ кто отъ събранныхъ вамъ учитель и слышащихъ слухы, и отъ истины отвращающихъ на бляди, начнетъ дерзнувъ инако разъвращати вы, гадя книгы языка вашего, да будетъ отлученъ, — но токмо въ судъ даны (данный, т. е. предоставленный) Церкви, дондеже ся исправитъ. Ти бо суть волци, а не овца, яже достоитъ отъ плодъ ихъ знати и хранитися ихъ. Вы же, чада възлюбленная, послушайте ученіа Божіа и не отрините казаніа церковнаго, да ся обрящете истинніи поклонницы Божіи, Отцу нашему небесному, съ всѣми Святыми. Аминь (29). М.

(29) Хотя посланія сего мы и не имѣемъ на Латинскомъ языкѣ; но это одно еще не служитъ доказательствомъ его подложности. Не дошло до насъ и посланіе Адріана къ Князю Болгарскому Михаилу, о которомъ упоминается въ житіи Папы

20. Меѳодій прибылъ во владѣнія Кочела. Князь принялъ его съ великою радостію, но желая имѣть его не только Священникомъ, но и Епископомъ, отправилъ новое посольство въ Римъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, прося Папу возвести учителя Словенскаго на престолъ Апостола Андроника. „Пріатъ же и Коцель съ великою честію и паки посла и къ Апостолику и двадесять мужъ честныя чади, да и (его)

Адріана. Не дошло до насъ посланіе Папы Іоанна къ Меѳодію, отправленное съ Павломъ, Епископомъ Анконскимъ (Кир. и Меѳод. Добров. стр. 71.). При отправленіи Меѳодія въ Моравію, Священникомъ ли, Епископомъ ли, нужны были письма къ Князьямъ, которыхъ Папы хотѣли приковать къ Римскому престолу. Тонъ эпистоліи Славянской приличенъ лицу Римскаго Первосвященника. Сочинитель умѣетъ обращать въ свою пользу и невыгодныя для него обстоятельства, какъ напр. требованіе переводчиковъ изъ Константинополя. Пиша тогда, когда еще не былъ извѣстенъ отказъ относительно Болгаріи послѣ Собора, Адріанъ не ссорится съ Константинополемъ, отзывается объ Императорѣ, который очень много надѣлалъ непріятностей Римскому Двору при Николаѣ, благосклонно. Зная о переводѣ, зная, что только изъ-за сего перевода Князья и сносились съ Константинопольскимъ Дворомъ,—отказать въ употребленіи сего перевода, не упрочивъ своего вліянія на Церковь Моравскую, значило подать Славянамъ поводъ къ совершенному отложенію отъ Римскаго престола. Правда, такъ и сдѣлалъ-было Папа Іоаннъ, но не зная хорошо обстоятельствъ; и, какъ скоро вникнулъ въ дѣло, посовѣтовавшись съ самимъ Меѳодіемъ, то и перемѣнилъ образъ дѣйствій.—Папа въ посланіи именуетъ себя: ,,рабъ Божій.“ Конечно, это испорчено переписчикомъ, вмѣсто: рабъ рабовъ Божіихъ, servus servorum Dei. Посланіе надписывается еще къ Ростиславу: въ 870 году, онъ уже бѣдствовалъ въ узахъ.—Всѣ сіи соображенія могутъ поддерживать споръ противъ сомнѣній о подлинности посланія.

ему святитъ на Епископство въ Панонiи, на столъ Св. Андроника Апостола отъ 70. Еже и бысть.“ М. ([29]).

21. Ставъ Епископомъ Паннонскимъ, Меѳодiй увидѣлъ у себя еще болѣе враговъ, хотя и не простиралъ никакихъ притязанiй на область Моравскую. Епископы Нѣмецкiе, присвояя себѣ права управленiя Церковiю Паннонскою ([30]), не терпѣли совмѣстничества и потому заслали Меѳодiя „въ Свабы.“ Тамъ содержался Меѳодiй два года съ половиною, доколѣ стало сiе извѣстно въ Римѣ. Раздраженный Первосвященникъ, защищая не только свои распоряженiя, но и древнѣйшiя права свои ([31]), запретилъ Нѣмецкимъ Епископамъ священнодѣйствiе, если они не дадутъ свободы Меѳодiю. Невинный страдалецъ былъ освобожденъ, а его противниковъ постигъ судъ Божiй. Все это жизнеописатель передаетъ такъ: „старый врагъ, завидливый добру и противникъ истинѣ, вздвиже сердце врагу (вм. врага) Моравскаго

([29]) Ни въ одномъ сказанiи о Кириллѣ и Меѳодiи не говорится, чтобы Меѳодiй сначала посланъ былъ изъ Рима только Священникомъ, а потомъ уже Епископомъ. Но нѣтъ уважительныхъ причинъ отвергать сего. Жизнеописатель знаетъ даже и то, какъ велико было числомъ Посольство, чрезъ которое Кочелъ просилъ Папу о посвященiи Меѳодiя въ Епископа. И когда онъ представляетъ дѣйствующимъ одного Кочела, то этимъ показываетъ, что знаетъ тогдашнiя обстоятельства Ростислава и Святополка.

([30]) Доказательствомъ сему служитъ записка объ обращенiи Каринтiйцевъ, составленная въ 873 г. съ тѣмъ именно намѣренiемъ, чтобы доказать права Зальцбургскихъ Архiепископовъ на область Кочелову, по дѣламъ Церковнымъ. Она критически издана Копитаромъ въ его Glagolita Clozianus. Vindobon. 1836. p. LXXII—LXXVI.

([31]) На сiи-то права указываетъ Папа Iоаннъ VIII. въ письмахъ къ Императору Людовику и къ Карломану около 874. Добровск. Кир. и Меѳод. стр. 68, 69.

Короля на насъ, съ всѣми Епископы: „яко на нашей области учиши.“ — Онъ же Меѳодій отвѣща: и азъ аще быхъ вѣдалъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ; но Святаго Петра есть. Да правдою, — аще ли вы рвеніа ради лакомства на старыя предѣлы наступаете, чрезъ каноны взбраняюще ученіа Божіа, — блюдѣтесь, еда како хотяще желѣзну гору костянымъ тѣменемъ пробити, мозгъ вашъ излѣете. — Рѣша же ему, яро глаголя: зла добудеши. Отвѣща онъ: истину глаголю предъ Цари, и не стыжуся. А вы творите волю вашу на мнѣ: нѣсмь бо лучше тѣхъ, иже суть правду глаголюще, многими муками житіа сего избыли. Многамъ же рѣчемъ проглаголемымъ, и не могущемъ противу ему отвѣщевати, рече Король изница: не тружайте моего Меѳодіа: уже бо ся яко и при пещи употилъ. Рече онъ: ей, Владыко! Философа потна иногда срѣтше людіе, рѣша ему: что ся потиши? дѣетъ онъ: съ грубою ся чадію прѣхъ. О томъ же словеси съпрѣвшеся разидоша, а оного заславше въ Свабы, дрьжааше полътретіа лѣта, (дондеже) дойде къ Апостолику, и увѣдѣвъ, посла клятву на ня, да не поютъ мша, рекше службы, всѣ Королеви Епископи, дондеже и держать; и тако и пустиша, рекше Коцелю: „аще сего имаши у себе, не избуденш насъ добрѣ.“ Но они не избыша Святаго Петрова суда: четыри бо отъ нихъ Епископи умроша (32). М.

---

(32) И это замѣчаніе жизнеописателя оправдывается исторически. Конечно, онъ разумѣетъ здѣсь Зальцбургскаго Архіепископа съ подвѣдомственными ему Епископами. Въ округѣ Зальцбургскаго Архіепископа въ IX столѣтіи были Епископы: Регенсбургскій, Фрейзингенскій, Пассавскій и Бриксійскій.— Дѣйствительно, Архіепископъ Зальцбургскій Адальбертъ померъ въ 875 г., Фрейзингенскій Ганно въ томъ же году; Пассавскій Германрикъ въ 874. — Списокъ Бриксійскихъ Епископовъ въ концѣ IX ст. неполонъ. — Pragmatisch.

22. Наконецъ и Моравляне почувствовали несправедливость усилій, какими старались удержать ихъ подъ своимъ владычествомъ Нѣмецкіе Епископы ([33]). Выгнавъ изъ своей земли сихъ Епископовъ, они послали къ Папѣ съ такою просьбою: „яко и первѣе отци наши отъ Святаго Петра крещеніе пріали, то даждь намъ Меѳодіа Архіепископа и учителя.“ Папа послалъ имъ Меѳодія, вѣроятно, изъ области Кочела. Самъ Святополкъ теперь поручилъ ему всѣ церкви и „стрижникы (т. е. духовенство, отличавшееся отъ мірянъ тонсурою) въ всѣхъ градѣхъ. Отъ того же дня,— замѣчаетъ жизнеописатель,—вельми начатъ расти Божіе ученіе и стрижници множитися въ всѣхъ градѣхъ, и поганіи

Geschicht. d. Deutsch. Concilien. von Binterim. I. B. s. 315—319.—Опредѣлить мѣсто заточенія Меѳодіева трудно.

([33]). Нужду въ переводахъ Св. Книгъ чувствовали и Нѣмцы, и по возможности старались удовлетворять ей: только не хотѣли ничего сдѣлать для Славянъ. На Соборѣ Франкфуртскомъ 794 г. правиломъ 52-мъ было опредѣлено: Никто не долженъ думать, что Богу можно молиться только на трехъ языкахъ. Можно молиться Ему на всякомъ языкѣ; Онъ пріемлетъ прошеніе, если только оно справедливо. (Binter. B. 2. S. 219.) На Соборѣ Аахенскомъ 801-го г. пр. 4-мъ предписано было Священникамъ, каждое воскресенье и каждый праздникъ проповѣдывать Евангеліе. S. 443. На Соборѣ Маинцскомъ 813 г. пр. 45-мъ опредѣлено, чтобы всѣ міряне знали Символъ Вѣры и Отче нашъ, по крайней мѣрѣ на своемъ языкѣ (vel in sua lingua hoc discat.) S. 468. На другомъ Соборѣ въ томъ же городѣ, 847 г. пр. 2. предписано: Священникамъ предлагать свои поученія въ церкви на народномъ Нѣмецкомъ языкѣ (in rusticam Romanorum linguam, aut theotiscam). S. 495. Въ IX ст. встрѣчаются и переводы нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія на Нѣмецкій языкъ въ прозѣ и въ стихахъ. Binterim B. 3. S. 230—235. Но у Славянъ до Константина и Меѳодія ничего не видимъ.

вѣровати въ истинный Богъ. Тольми паче и Моравска область пространити начатъ (въ) вся страны и врагы своя побѣжати; и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдаютъ присно.“ М.

23. Здѣсь жизнеописатель, сказавъ, что Святый Меѳодій обладалъ и предвѣдѣніемъ будущаго, передаетъ три случая, въ которыхъ обѣщанія, или угрозы Св. Меѳодія исполнились. Именно 1) „Поганескъ Князь силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ, ругашеся Христіаномъ, и пакости дѣяше.Ославъ же къ нему (Меѳодій) рече: добро ти ся бы крестити, сыну, волею своею на своей земли, да не плѣненъ, нудми крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя. Еже и бысть.—2) Иногда же, пакы Святополку воюющу на погапыя и ничесоже успѣющу, но медлящу, —Святаго Петра мши приближающися, рекше службѣ, (Меѳодій) посла къ нему, глаголя: яко аще ми ся обѣщаещи на Св. Петровъ день съ вои своими сътворити у мене; вѣрую въ Богъ, яко предати имать я вскорѣ. Еже и бысть.“—Третій случай касается одного богатаго Совѣтника, вступившаго въ бракъ съ своею „купетрою,“ или „ятровью,“ т. е. сестрою жены своего брата. Святый Меѳодій старался расторгнуть сей бракъ, но Нѣмецкіе священники, „Божіа раби творящеся, тай развращааху я, ласкающе имѣніа ради.“ По предсказанію Меѳодія беззаконниковъ постигъ судъ Божій. М.

24. Но Епископы Нѣмецкіе не оставляли Меѳодія въ покоѣ. То явно, то тайно они разглашали въ народѣ, что Папа имъ отдаетъ власть въ Моравіи, а Меѳодія и его ученіе велитъ изгнать. Въ числѣ сихъ враговъ жизнеописатель особенно замѣчаетъ „болѣвшихъ Іопаторьскою ересію.“ Народъ собравшись требовалъ, чтобы прочитано было всѣмъ письмо Папы, которымъ осуждается Архіепископъ на изгнаніе. Но, „почетше Апостольскыя книгы (т. е.

письмо отъ Апостолика Папы), обрѣтоша писаніе, яко братъ нашъ Меѳодій Святый правовѣренъ есть, Апостольско дѣаніе дѣлаетъ, и въ руку его суть отъ Бога и отъ Апостольска стола вся Словеньскыя страны, да егоже прокленетъ, проклятъ, а егоже святитъ, той святъ да будетъ. (34) М.

---

(34) Здѣсь жизнеописатель ничего не говоритъ о запрещеніи Папы Іоанна Меѳодію совершать богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, по случаю обвиненій Меѳодія Нѣмецкими Епископами въ распространеніи ереси;—о вызовѣ Меѳодія въ Римъ, къ оправданію предъ Папою, и о разрѣшеніи снова отправлять богослуженіе на Славянскомъ языкѣ;—о посвященіи Меѳодію помощника Викинга, и о непріятностяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ сего помощника. При всемъ томъ можно замѣтить изъ повѣствованія жизнеописателя, что въ настоящемъ случаѣ обращено было особенное вниманіе враговъ Меѳодія на его православіе. Нѣмецкіе Епископы говорятъ, что велѣно изгнать ,,ученіе'' Меѳодія. Защитники его говорятъ, что самъ Папа называетъ его ,,правовѣрнымъ.''—Отзывъ, приводимый жизнеописателемъ изъ посланій Папскихъ, во многихъ чертахъ буквально согласенъ съ тѣмъ, что пишетъ о немъ Папа къ Святополку.—Онъ называетъ его собратомъ: ,,confratre nostro Methodio.'' Пишетъ: ,,Nos illum in omnibus Ecclesiasticis doctrinis et utilitatibus orthodoxum et proficuum esse reperientes, vobis iterum ad regendam commissam sibi Ecclesiam Dei remittimus.... ita sane, ut juxta canonicam traditionem omnium negotiorum Ecclesiasticorum curam habeat ipse. Nam populus Dei illi commissus est.. Presbyteros vero, diaconos, seu cujuscunque ordinis clericos, sive Sclavos, sive cujuslibet gentis, qui intra provincia tua consistunt, praecipimus esse subjectos et obedientes in omnibus jam dicto confratri nostro, Archiepiscopo vestro. Quod si contumaces et inobedientes existentes scandalum quodlibet aut schisma facere praesumpserint: quasi zizaniorum seminatores ab Ecclesia et finibus vestris auctoritate nostra praecipimus esse procul abjiciendos, secundum auctoritatem capitulorum, quae illi dedimus, et vobis direximus.'' Отзывъ Іоанна о переводѣ извѣстенъ.—Но мы еще не знаемъ,

25. Не имѣя успѣха въ семъ, хотѣли повредить Меѳодію съ другой стороны; распустили молву, что на него гнѣвается Императоръ Константинопольскій: „да аще его (Меѳодія) обрящетъ, нѣсть ему живота имѣти.“ Случилось напротивъ. Императоръ пригласилъ Меѳодія къ себѣ въ Константинополь, принялъ съ честію, оставилъ у себя изъ учениковъ его „попа и діакона съ книгами,“ и отпустилъ его съ дарами.—Также благосклонно принялъ его и Патріархъ (55). М.

26. Послѣ сего жизнеописатель, изчисливъ словами Апостола опасности, какимъ подвергался въ своихъ путешествіяхъ Св. Меѳодій (бѣды отъ разбойникъ, бѣды въ морѣ, бѣды въ рѣкахъ), даетъ разумѣть, что остальные годы его жизни протекли въ покоѣ. „Потомъ же, говоритъ онъ, отвергъся молвы и печаль свою на Бога возложь.“—Вслѣдъ за симъ читаемъ: „прежде же (конечно, прежде путешествія въ Константинополь) отъ учениkъ своихъ посажь два попы скорописца зѣло, преложи въборзѣ вся книги исполнь, развѣ Маккавей, отъ Греческа языка въ Словенескъ, шестію мѣсяць, наченъ отъ Марта мѣсяца до двоѣдесяте и шести дне Октября мѣсяця. Скончавъ же, достойную хвалу и славу Богу вздасть, дающему таковую благодать и поспѣхъ, и святое взношеніе тайное съ кли-

---

что содержалось въ тѣхъ главахъ (capitula), какія сообщены были Папою Меѳодію лично. Подъ именемъ ереси Іоиаторской, вѣроятно, разумѣется ученіе Латинянъ, которые утверждали, что Духъ Святый происходитъ отъ Отца и Сына (Πατρὸς καὶ Υἱοῦ, или Υἱοῦ καὶ Πατρός).

(55) Путешествіе въ Константинополь и благосклонный пріемъ Меѳодія Императоромъ Василіемъ и Патріархомъ Фотіемъ (ибо Св. Меѳодій скончался ранѣе Императора Василія и низложенія Фотія), надобно изъяснять изъ отношеній Моравскаго государства, основаннаго Святополкомъ, къ той и другой Имперіи.

росомъ своимъ взнесъ, створи память Святаго Димитрія. Псалтырь бо бѣ токмо и Евангеліе съ Апостоломъ и избранными службами церковными, съ Философомъ преложилъ первѣе; тогдажь и Номоканонъ, рекше закону правило, и отеческыя книгы преложи.“ (38) М.

(38) Сказаніе о переводѣ Священнаго Писанія на Славянскій языкъ согласно съ Несторовымъ повѣствованіемъ (Несторъ Шлецера, ч. 2 стр. 484 и 533). Внимательное сличеніе сихъ сказаній между собою показываетъ, что не жизнеописатель пользовался лѣтописью Нестора, но Несторъ жизнеописаніемъ Меѳодія. Въ первомъ мѣстѣ Нестора (стр. 484) отзывъ Папы о переводѣ заимствованъ изъ посланія Адріана, которое у жизнеописателя Меѳодіева приводится вполнѣ. Самыя обстоятельства, по которымъ данъ сей отзывъ, разсказываются тѣми же словами, какъ и въ жизнеописаніи.—Что касается до втораго мѣста изъ Нестора (стр. 533), оно также представляется заимствованнымъ изъ жизнеописанія. На это указываетъ 1) дополнительное замѣчаніе жизнеописателя, что книги Маккавейскія не были переведены вмѣстѣ съ прочими; 2) замѣчаніе, что переводъ былъ оконченъ ко дню Св. Димитрія Солунскаго, котораго память для Меѳодія, уроженца Солунскаго, особенно была священна. Оба сіи замѣчанія, важныя для жизнеописателя, но не столько важныя для лѣтописца и потому имъ опущенныя, свидѣтельствуютъ, что полнѣйшее сказаніе древнѣе сокращеннаго.—Чтобы судить о вѣроятности столь скораго переложенія Св. книгъ на Славянскій языкъ двумя Священниками, должно имѣть въ виду, что а) весь Новый Завѣтъ и Псалтирь были переведены уже ранѣе. Переведено было не мало главъ изъ В. Завѣта, которыя читаются въ пареміяхъ: но сей переводъ, какъ и нынѣ еще можно примѣчать, разнится отъ перевода цѣльныхъ книгъ, совершеннаго при Меѳодіѣ; и въ этомъ заключается новое доказательство справедливости повѣствуемаго жизнеописателемъ. б) Книги Маккавейскія, а съ ними вѣроятно книга Товіи, Есѳирь и 3-я Ездры, не были еще переведены при Меѳодіѣ. Слѣд. если не треть, то болѣе четверти труда слагалось съ новыхъ переводчиковъ.

27. Послѣднее извѣстіе, сообщаемое жизнеописателемъ о дѣяніяхъ Меѳодія, касается сношеній его „съ Королемъ Угорскимъ, пришедшимъ въ страны Дунайскія.“ Король самъ пожелалъ его видѣть. Всѣ говорили, что Меѳодію грозитъ это опасностію жизни. Но Меѳодій былъ принятъ съ любовію и отпущенъ съ дарами. Жизнеописатель влагаетъ въ уста Короля Угорскаго такія слова при прощаніи съ Меѳодіемъ: „помяни мя, честный Отче, въ святыхъ молитвахъ твоихъ присно.“ (37) М.

28. Наконецъ настало время и почить праведнику отъ трудовъ своихъ. Его спрашивали: „кого чюеши, отче и учителю честный, въ ученицѣхъ своихъ, дабы отъ ученіа твоего тебѣ настольникъ былъ?“ Меѳодій указалъ на одного „отъ извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго Горазда, глаголя: сей есть вашея земля, свободь мужь, наученъ же добрѣ въ Латинскыя книгы, правовѣренъ. То буди Божіа воля и ваша любы, якоже и моя (38).“ Въ цвѣтную

---

(37) Опустошительное нашествіе Мадьяровъ на Славянъ, жившихъ по Дунаю, случилось послѣ кончины Св. Меѳодія. Но здѣсь конечно и не должно разумѣть Мадьяровъ, которыхъ Несторъ называетъ Уграми Черными. Истор. Госуд. Росс. Т. I. пр. 302. Имя Угровъ въ Исторіи Кирилла и Меѳодія встрѣчается и ранѣе. Жизнеописатель Кирилла разсказываетъ, что Угры напали на Константина на пути изъ Херсона къ Козарамъ, „яко и вълческы воюще, хотяще и убити.“ Однакожъ не причинили ему никакого вреда. — Впрочемъ наименованіе предводителя сихъ Угровъ Королемъ и христіанское обращеніе его съ Меѳодіемъ не даютъ сему сказанію, стоящему такъ отдѣльно отъ прочихъ сродныхъ съ нимъ и уже на концѣ повѣствованія, такой несомнѣнности, какую имѣютъ прочія части жизнеописанія.

(38) Свѣденія о преемникѣ Св. Меѳодія, Епископѣ Гораздѣ, согласны съ Греческимъ жизнеописаніемъ ученика Меѳодіева Климента,

недѣлю въ послѣдній разъ вышелъ Св. Меѳодій въ церковь, и бесѣдовалъ съ своею паствою уже больный. Предвидя близкую кончину, онъ сказалъ окружающимъ: „стрезѣте мене, дѣти, до третіаго дне.“ И утромъ третьяго дня скончался, именно 6 Апр. 885 (39). Ученики совершили

которое хотя и заподозрѣвалъ въ подлогѣ Добровскій, но умѣренная критика просвѣщеннаго историка Церкви освобождаетъ отъ сихъ подозрѣній (Neander. Geschichte d. christl. Religion und Kirche B. IV. s. 476). Жизнеописатель Климентовъ говоритъ: „преемникомъ Меѳодія общій гласъ заранѣе именовалъ Горазда, отличнѣйшаго изъ его спутниковъ, котораго и умирающій назначилъ по себѣ на Моравское Архіепископство.“ Добров. Кир. и Меѳод. стр. 86. „Гораздъ, природный Моравъ, искусный въ обоихъ языкахъ, Славенскомъ и Греческомъ,“ стр. 89. Сомнѣніе Добровскаго о томъ, что Гораздъ былъ Моравъ, не подтверждается.

(39) И по жизнеописанію Климентову Меѳодій за три дня предсказалъ свою кончину. Тамъ же стр. 86.—Въ 885 г. Пасха была 11 Апрѣля; слѣдоват. Вербное Воскресеніе 4 Апр. Считая съ сего Воскресенія, на третій день и скончался Меѳодій, т. е. 6 Апрѣля.—До открытія Ольмюцкаго акта неизвѣстно было, долго ли Св. Меѳодій дѣйствовалъ въ Моравіи. Добровскій полагалъ, что онъ еще въ 881 г. оставилъ сію страну и отправился въ Римъ. (Тамъ же примѣч.) Но Копитаромъ (Glagolita Clozian. § XXXVI) напечатано найденное профессоромъ Монзе въ одномъ Ольмюцкомъ кодексѣ донесеніе настоятеля Райградскаго монастыря Северу епископу Пражскому, въ 1062 г., изъ котораго видно, что Меѳодіемъ освящена была церковь въ Брюнѣ 29 Іюня 884 г.—Наконецъ симъ показаніемъ жизнеописателя Меѳодіева объясняется и ошибка жизнеописателя Климентова, который говоритъ о 24 годахъ *Архіепископства* Меѳодіева (Добр. стр. 86), вмѣсто того, чтобы считать 24 года *всей дѣятельности Меѳодія между Славянами.*

надъ нимъ службу „Латинскы, Греческы и Словенскы“ и положили его въ соборной церкви (40). М.

Здѣсь оканчиваемъ разсмотрѣніе жизнеописаній Святыхъ Кирилла и Меѳодія. Каждый, и по сдѣланнымъ уже замѣчаніямъ, можетъ судить о важности ихъ для исторіи Апостоловъ Славянскаго міра.

---

(40) Такъ означено мѣсто погребенія и въ свѣдѣніи о Меѳодіѣ, заимствованномъ изъ Пролога XIII в., которое вообще можно назвать сокращеніемъ полнаго жизнеописанія Меѳодіева. Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, стр. 90, пр. 10. Совершеніе службы при погребеніи напоминаетъ намъ другой случай, о которомъ пишетъ блаж. Іеронимъ in Epitaph. Paulae: При погребеніи благочестивой Павлы пѣты были псалмы на Еврейскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и Сирскомъ языкахъ.

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ,

СЛАВЯНСКІЕ ПРОСВѢТИТЕЛИ.

1. ИХЪ ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ.

Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ, родные братья, были дѣти Солунскаго вельможи (1).

(1) Источники свѣдѣній: А. *Греческіе*: Жизнь Св. Климента, ученика Меѳодіева, изд. ab Ambrosio Pamperео. Vien. 1802. Б. *Паннонскіе:* аа) Жизнь Св. Меѳодія, описанная однимъ изъ учениковъ его; бб) Жизнь Св. Кирилла, описанная во время близкое къ Кириллу (содержаніе той и другой, съ критич. замѣчаніями, въ „Москвитянинѣ“ 1843 г.). В. *Русско-болгарскіе:* аа) Извѣстія Несторовой лѣтописи, взятыя почти буквально изъ Паннонскихъ житій; бб) Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій (изд. Калайд. 1825 г. М.); вв) Житіе Св. Кирилла, изъ Хиланд. Библ. XIII в. (у Мацѣевскаго); гг) Житіе Меѳодія, въ Прологѣ XIII в. (изд. Калайд. стр. 90); дд) Извѣстія XVI в., изд. Погодинымъ (Кириллъ и Меѳодій М. 1825); ее) Четь-Минея 11 мая. Г. *Далматскіе*: аа) (Италіянская) легенда о Константинѣ, взятая изъ извѣстій современника Еп. Гавдерика (Act. Sanct. ad 9 Martii); бб) Діоклейскій Пресвитеръ (ок. 1161 г.): О царствѣ Славянъ (ed. in Lucii de regno Dalmatorum. Amstel. 1666, in Schwandtneri Script. rer. Hungar. T. 3. Vindob. 1748. p. 479, въ Шлецеровомъ Несторѣ). Д. *Чешско-Моравскія* легенды: аа) Vita S. Ludmillae; бб) Vita S. Ludmillae et S.Wenceslai, auctore Christanno (извлеченія in Act. Sanct. ad 9 Martii p. 24; у Добровскаго: Кириллъ и Меѳодій М. 1826); вв). Vita S. Cyrilli et Methodii (in Actis SS. ad 9 Martii, вѣрнѣе у Добровскаго: Mährische Legende von Cyrill u. Methodius Prag. 1826);

Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ), младшій по лѣтамъ, образованіемъ и подвигами созрѣвшій для неба прежде Меѳодія, (съ 842 г.) воспитывался при дворѣ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ малолѣтнымъ ц. Михаиломъ; у знаменитаго Фотія учился онъ словеснымъ наукамъ и логикѣ, потомъ слушалъ философскія и математическія науки. Дарованія, образованность, покровительство при дворѣ открывали Константину путь къ блестящимъ почестямъ въ свѣтѣ. Но онъ вступилъ въ духовное званіе и былъ библіотекаремъ, потомъ скоро скрылся въ пустыню и, только по настойчивому желанію другихъ, возвратился въ столицу, чтобы принять должность учителя философіи ([2]). Меѳодій, послѣ домашняго

Е. Неизвѣстный современный *Нѣмецъ* de conversione Boiogariorum et Carantanorum (изд. in Marquardii Freheri Rerum Bohemic. Script. Hannov. 1602.), выписи у Добровскаго; — *Римскія* посланія П. Адріана и Іоанна VIII, Библіот. Анастасій. — Отзывы Добровскаго о жизни Климента, о Несторѣ и о Моравской легендѣ (у Погодина, стр. 4, 18, 29), безъ сомнѣнія, во многомъ были бы совсѣмъ другіе, если бы онъ зналъ Паннонскія житія.

([2]) Паннонское житіе Св. Кирилла. По содержанію тоже говорятъ: Повѣствованіе о Св. Климентѣ, Діоклейскій Пресвитеръ, Легенда о Людмилѣ, объ легенды Библ. Анастасій называетъ Константина Философомъ, мужемъ отличной святости, искреннѣйшимъ другомъ Фотія (fortissimus amicus); но то, что говоритъ Анастасій объ упрекѣ Фотію со стороны Кирилла, требуетъ свидѣтеля, болѣе правдолюбиваго, чѣмъ Анастасій; въ томъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, что Фотій давалъ чувствовать И. Игнатію безпечность современниковъ по отношенію къ Павликіанамъ, которыхъ никто не касался основательнымъ словомъ обличенія, а только гнали мечемъ: но порицать за то Фотія мудрый Константинъ, конечно, не могъ и особенно не могъ порицать друга и учителя такъ, какъ представляетъ Анастасій, который и въ другихъ случаяхъ извѣстенъ, какъ заклятой врагъ Фотія и лжецъ, мало

воспитанія, былъ въ военной службѣ и нѣсколько лѣтъ управлялъ „Княженіемъ Славянскимъ“, или, что тоже, былъ правителемъ въ Славяно-греческой области (³).

Въ 851 г. Кириллъ отправлялся къ Милитенскому эмиру для борьбы съ магометанствомъ и окончилъ порученіе съ успѣхомъ. По возвращеніи изъ сей миссіи Кириллъ удалился на Олимпъ, гдѣ, вмѣстѣ съ братомъ, также оставившимъ свѣтъ, проводилъ время въ постѣ и молитвахъ. Въ 858 г. „послы Хазаръ просили Императора прислать къ нимъ какого-либо ученаго мужа, который бы научилъ ихъ истинной вѣрѣ, такъ какъ, прибавляли они, то Іудеи, то Сарацины, домогаются обратить ихъ къ своей вѣрѣ“. Въ слѣдствіе сего Философъ Константинъ, другъ Фотія, былъ посланъ къ нимъ, съ братомъ своимъ Меѳодіемъ. Кириллъ своими наставленіями успѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько сдѣлать между Хазарами, что каждому дозволено было обращаться къ Христіанской вѣрѣ, а жившимъ тамъ Грекамъ запрещено, подъ смертною казнію, принимать іудейство или мусульманство; вмѣстѣ съ тѣмъ Хазарамъ открытъ былъ свѣтъ на пустоту Мусульманскихъ и Іудейскихъ учителей (⁴).

совѣстливый. Praefat. ad Concil. 4 Constant. Epist. ad Carolum Calvum (выписка изъ предисл. у Погодина).

(³) Панн. житіе Меѳодія. Прологъ XV в. говоритъ, что Меѳодій былъ Слав. правителемъ „лѣтъ 10-ть“ (у Погодина 104.)

(⁴) Житіе св. Климента, § 16. Кратко объ легенды о св. Кириллѣ, Прологъ и Хронографъ у Погодина, стр 103—120; подробнѣе всѣхъ Панн. житіе Кирилла. По словамъ Ельмацина (1273), Hist. Saracen. p. 62, Арабы, побѣдивъ часть Хазаровъ, въ 690 г. принудили ее принять исламизмъ. Ибнъ-улъ-Азикъ относитъ появленіе іудейства между Хазарами ко времени Арунъ-аль-Рашида (786—806 г.), обращеніе же въ магометанство къ 868 г. Ибнъ-Фоцланъ въ 921 г. видѣлъ между Хазарами и Христіанъ, и Іудеевъ, и Магометанъ, и даже язычниковъ. (См. Френа in Memoires

Едва возвратились Св. братья изъ этой миссіи ([5]), какъ въ концѣ 862 г. Славяно-Паннонскіе Князья, Ростиславъ, Святополкъ и Котель, „не имѣя истиннаго учителя своему народу“ (хотя Латинскіе Священники и были у нихъ) ([6]), а еще болѣе того чувствуя нужду слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ ([7]), просили Императора Михаила и П. Фотія прислать къ нимъ нужныхъ для нихъ учителей ([8]).

---

de l'Academie de Sciences de S.-Petersb. T. 8. 1822.). Слѣд., Италіянская легенда говоритъ болѣе, чѣмъ должно, сказывая, что Кирилломъ обращена была къ вѣрѣ вся Хазарія. О Хазарахъ — Оборона Нестор. Лѣтописи, прим. 28, 365.

([5]) Въ Хазарское путешествіе свое Кириллъ, бывъ въ Херсонѣ, побудилъ Херсонскаго Архіепископа отыскать мощи Св. Климента, Епископа Римскаго: такъ говорится почти во всѣхъ извѣстіяхъ о жизни Св. Кирилла. Въ сказаніи очевидца обрѣтенію мощей (Ркп. минея Генвар. въ библ. Моск. Дух. Акад.) сказано, что это обрѣтеніе случилось 30-го Ген., 6369—861 г. Въ Остромировомъ и Ассемановомъ Евангеліяхъ XI в. обрѣтеніе мощей Св. Климента поставлено подъ 30 же Генваря (Kopitar Hesychius p. 41). По Паннонскому житію Кирилла видно, что онъ не мало времени провелъ въ Херсонѣ, учился здѣсь Еврейскому и Самаританскому языкамъ; по Италіянской легендѣ, онъ „пробылъ нѣсколько времени, чтобы изучить языкъ того народа (Хазаръ)“. Мартинъ Фульденскій (Chronicon in Eccardi corpore hist. T. 1.) относитъ проповѣдь Константина Хазарамъ къ 856 году.

([6]) См. Исторію первобытной Церкви у Славянъ, соч. Мацѣевскаго, стр. 39, 40. Добровскаго 65 и 66.

([7]) Въ Италіянской легендѣ послы говорятъ: „не имѣютъ такого истиннаго учителя, который бы научилъ ихъ читать и совершенному закону.“ Въ Моравской: „Rogans (Rostislaves), quatenus genti suae rerum doctorem dirigat.“ Каковы были Латинскіе Христіане, см. въ пр. 11, 24.

([8]) Пан. житіе Кирилла: „Ростиславъ, Моравъскый Князь, съвѣтъ сътвори съ Князи своими и съ Моравлены, посла“ и пр. Отселѣ видно, что если Италіянская легенда говоритъ объ

Кого же и избрать было для сего, какъ не благочестивыхъ и образованныхъ урожденцевъ Солуня? Св. Кириллъ, понимая и важность перевода Св. книгъ на народный языкъ и трудность дѣла, съ благоговѣйнымъ приготовленіемъ сдѣлалъ первый опытъ перевода. Царь и Патріархъ радовались рѣшимости благочестивыхъ братьевъ на великій подвигъ и поспѣшили отправить ихъ ([9]). На семъ пути

одномъ Ростиславѣ, не упоминая о Котелѣ и Святополкѣ, то это потому, что Ростиславъ былъ душею предпріятія и по ревности своей, и по политическому значенію своему. Котелъ, Князь Панноніи Савской (Славоніи, Хорваціи, Штиріи), вполнѣ зависѣлъ отъ милостей Ростислава; Святополкъ, въ то время Князь удѣльный въ Моравіи, былъ племянникъ Ростислава. Ростиславъ, по словамъ Христана, institutor et rector totius Christianitatis. О монетѣ Ростислава въ Москвитянинѣ за 1841 г. ч. 4-я, № 8-й.

([9]) Пан. житіе Кирилла, Италіян. легенда. Несторъ говоритъ не какъ историкъ, когда пишетъ, что Царь повелѣлъ послать за братьями въ Солунь къ отцу ихъ. Его соблазнила фраза: „призва.“ И Добровскій спрашивалъ: откуда призвалъ? гдѣ были братья? По Пан. житіямъ отецъ давно умеръ, а братья въ это время жили, Константинъ — при церкви Св. Апостоловъ, а Меѳодій — въ монастырѣ Полихронъ, въ званіи настоятеля. Въ Четьи-Минеи сказано, что Кириллъ въ Константинополѣ посвященъ былъ въ Епископа. Но ни Пан. житія, ни біографъ Климента, ни Италіянская легенда не говорятъ объ этомъ. Только Моравская легенда какъ будто намѣкаетъ на Епископскій санъ Кирилла: она говоритъ, что Кириллъ въ Римѣ, Episcopatui renuncians, habitum induit monachalem. Иначе же въ Остромировомъ и Ассеманновомъ Евангеліяхъ XI в. сказано: „Св. отца нашего Курила Философа.“ Въ Прологѣ XIII в. въ самомъ чтеніи „Меѳодіе, Архіепископъ вышнюю Мораву, братъ сущь преподобнаго Кирила Философа.“ Напротивъ въ Прологахъ XV в. нашли и мѣсто каѳедрѣ Кирилловой — какой-то Катаонъ. — Г-нъ *Шевыревъ*

Меѳодій успѣлъ произвесть перемѣну въ Болгарскомъ Царѣ, Борисѣ, такъ что тотъ не только самъ принялъ крещеніе, но и рѣшился бороться съ языческимъ упорствомъ своего народа ([10]). Въ Моравіи Кириллъ и Меѳодій съ усердіемъ Апостольскимъ совершили дѣло, для котораго были призваны,—обучали дѣтей, устрояли богослуженіе, то и другое

пишетъ, что первыя слова, переведенныя на Славян. языкъ, были слова единственнаго Богослова: *Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово.* На это кто-то сдѣлалъ нѣсколько возгласовъ, довольно нескромныхъ. Но *а*) г-нъ Шевыревъ повторилъ слова Паннон. біографа Кириллова. *б*) Кто понимаетъ дѣло, кто разумѣетъ Христіанство, тотъ знаетъ, что переводъ начатъ съ „избора" Евангельскихъ чтеній, а въ такомъ случаѣ не могли не начать съ словъ: *Искони бѣ Слово.*

([10]) Біографъ Климента, легенда о Людьмилѣ, Діоклеецъ, Моравская легенда приписываютъ обращеніе Бориса Меѳодію, брату Св. Константина. Имп. Константинъ и Кедринъ приписываютъ это Греческому иноку Меѳодію и, не называя его братомъ Константина, приближаютъ дѣло Меѳодія въ Болгаріи къ 861 году. По Греч. писателямъ видно и то, что Меѳодій, обратившій Бориса, не долго оставался въ Болгаріи и вмѣсто него присланы были другіе; да и дѣло Моравскихъ проповѣдниковъ требовало отъ проповѣдниковъ скораго прибытія въ Моравію. Несторъ говоритъ: „*первое* преложены быша книгы Моравѣ, яже есть грамота въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ." Это такъ и было. Переводъ назначался и совершенъ былъ для Моравлянъ. Г-нъ Шевыревъ пишетъ: „Извѣстіе о томъ, что Болгарскіе Словене пользовались Словенскимъ богослуженіемъ прежде, чѣмъ Моравскіе, принадлежитъ Греч. біографіи Болгар. Архіеписк. Климента." Нѣтъ, такое извѣстіе не принадлежитъ біографіи Климента. Здѣсь сказано только, что прежде прибытія въ Моравію Меѳодій „сдѣлалъ ученикомъ своимъ Болгарскаго владѣтеля, Бориса." О переводѣ же Св. Писанія на Славянскій языкъ

на Славянскомъ языкѣ. Имъ надлежало бороться и съ отстатками язычества, и съ невѣжествомъ Латинскаго Христіанства (11). Одушевляемые ревностію, они переходили изъ области одного Князя къ другому съ проповѣдію о истинѣ на понятномъ для всѣхъ языкѣ. Четыре года съ половиною (съ 862 по 867 г.) Кириллъ и Меѳодій исполняли Апостольское распоряженіе Восточнаго Патріарха

сказано, что оно совершено тогда, какъ обратился къ Христіанству народъ Болгарскій, а это обращеніе произошло, какъ говоритъ самъ біографъ, въ 865 г.—Вотъ Славянское дополненіе къ Греческ. извѣстіямъ о крещеніи Болгаріи! Въ Прологѣ XIII в. (ркп. Сергіевой Лавры №. 3), подъ 26 Ноября читаемъ слѣдующій разсказъ: „Азъ есмь отъ языка новопросвѣщеннаго Болгарскаго, егоже Богъ просвѣти св. крещеніемъ въ сія лѣта избранникомъ своимъ *Борисомъ*, егоже нарекоша въ Св. крещеніи *Михаила*, иже силою Христовою и знаменіемъ крестнымъ побѣди цѣпяный, непокоривый родъ Болгарскы . . . . приведъ Св. *Осифа* Архіепископа инымъ учителя и наказателя, и създа церкви и монастыри, и постави *Епископы*, попы, игумены, да учатъ. И еще ему живу сущю въ черньчьствѣ, и въ него мѣсто сущю *Володимеру, сыну его пръвому*, бысть благословенье Божье и Михаилово на *Семеонъ*, и прия столъ, съгнавъ брата.“ Чудо великомуч. Георгія, совершившееся съ симъ Болгариномъ, относится ко времени войны Болгаръ съ Уграми, къ 904 г.

(11) Италіян. легенда: „Ceperunt itaque id, ad quod venerunt peragendum, studiose instituere et parvulos eorum litteras edocere, officia ecclesiastica instituere, et ad correctionem diversorum errorum, quos in populo illo repererunt, falcem eloquiorum suorum inducere.“ Тоже говоритъ Пан. житіе Кирилла. Здѣсь сказано, что Латинскіе учители учили народъ, будто всѣ пресмыкающіяся—произведеніе діавола, не запрещали ни многоженства, ни языческихъ жертвъ. Самъ Князь Котелъ былъ еще „поганескъ“, язычникъ. По Пан. житію Меѳодія, Меѳодій и послѣ брата долженъ былъ бороться съ Надвислянскимъ

во славу имени Христова (12). „И ради быша Словене слышаще величья Божья своимъ языкомъ (13)". Но слишкомъ нерады были тому питомцы Рима, Нѣмецкіе Епископы. Они осыпали бранью Славянскихъ проповѣдниковъ за Славянское богослуженіе и за ученіе, несогласное съ ихъ невѣжествомъ. Папѣ, каковъ былъ Николай, не могло нравиться, что проповѣдники чистой вѣры, покоряя сердца Христу, не имѣютъ въ виду Папы. Несчастная война Ростислава съ Германцами (14) и низложеніе Фотія открыли Николаю давно желанный просторъ потребовать Греческихъ проповѣдниковъ въ Римъ. На дорогѣ, въ Венеціи, просвѣтители Славянъ должны были опять выдержать жестокій споръ о правотѣ дѣла (15). Однако П. Адріанъ (съ 4 Дек. 867 г.),

---

Княземъ, упорно державшимся язычества, и Святополкъ воевалъ съ погаными, съ язычниками. По Моравской легендѣ Кириллъ окрестилъ Моравскаго Князя.

(12) Хиландарское жизнеописаніе о Котелѣ: „Честь ему (Кириллу) сътворивъ и возлюбль книги Славянскія." Въ Пан. житіи Кирилла сказано еще, что Котелъ самъ сталъ учиться Славян. письменамъ, и отдалъ Кириллу 50 учениковъ. Италіянская легенда: „Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium." По Пан. житію Кирилла проповѣдники пробыли собственно въ Моравіи 40 мѣсяцевъ, или, какъ сказано въ житіи Меѳодія, три года, и потомъ отправились въ Паннонію къ Кн. Котелу. И такъ 4½ г. проведены вообще у Мораво-Паннонскихъ Славянъ.

(13) Несторъ л. 17.

(14) Исторія первобытной Церкви у Славянъ, стр. 48.

(15) Легенда о Людмиллѣ, Моравская легенда о Св. Кириллѣ,—у Погодина стр. 53, 15, 16. Добровскій, а въ слѣдъ за нимъ Неандеръ и Гизелеръ, говорятъ, что легенды перенесли обстоятельство, бывшее при П. Іоаннѣ, въ правленіе Николая. Но а) такое мнѣніе надлежало чѣмъ нибудь подтвердить; б) П. Іоаннъ въ 879 г. писалъ къ Тувентару (Жупану)

преемникъ Николая († 31 Нояб. 867), опасаясь потерять все вліяніе на Моравію и Панноніо, какъ потеряно оно было прежде ([16]), а вмѣстѣ ласкаясь надеждами на Болгарію, принужденъ былъ остаться довольнымъ просвѣщенными братьями, и тѣмъ болѣе, что властолюбіе его со стороны Греціи было успокоено въ Царьградѣ; а благочестивые братья, по благоговѣнію къ мѣсту подвиговъ Апостольскихъ и по положенію своему въ Моравіи, явясь съ священнымъ даромъ, съ мощами Св. Климента,

---

Моравскому: „Audivimus, Methodius, vester Archiepiscopus, ab antecessore nostro, Adriano scilicet Papa, ordinatus vobisque dilectus, aliter doceat, quam coram sede Apostolica se credere verbis et litteris professus est.“ У Добров. стр. 70. А у Адріана Меѳодій былъ вмѣстѣ съ Кирилломъ; в) По Пан. житію Кирилла „Римскій Папежъ посла по него;“ по Пан. житію Меѳодія—„посла по ня.“ Правда они не говорятъ, какъ говоритъ Моравская легенда, что „Апостолы и прочіе правители Церкви порицали Св. Кирилла.“ Но и въ Пан. житіи Меѳодія проповѣдники выдерживаютъ споръ въ Римѣ въ защиту Славян. богослуженія. Адріанъ въ письмѣ прямо пишетъ о порицателяхъ Слав. службы; г) Исповѣданіе Св. Климента содержаніемъ своимъ ясно показываетъ, что оно представлено было по случаю какихъ-то жалобъ, а у Нѣмецкаго духовенства одна была жалоба—жалоба на Слав. службу и на исповѣданіе Св. Духа (см. пр. 22, 28); д) даже Италіянская легенда, которую Добровской считалъ за единственный источникъ для первой части Моравской легенды, но безъ основанія (см. пр. 8, 9), говоритъ о Николаѣ: „mandavit et invitavit ad se venire.“ Да и могъ ли такой Папа, каковъ Николай, иначе поступать, чѣмъ какъ говорятъ двѣ легенды? е) Объ оправданіи Слав. службы П. Адріаномъ говоритъ и Несторъ по Лавр. и Кенигсб. списк.

([16]) О борьбѣ Папы и его духовенства съ Германскимъ Императоромъ и духовенствомъ за Моравію и Панноніо см. Мацѣевскаго, стр. 38—49.

показались для Папы покорными Папѣ. Адріанъ счелъ за нужное оправдать Славянскую службу даже особымъ посланіемъ ([17]).

Св. Кириллъ скончался въ Римѣ, принявъ схиму ([18]). Исполняя завѣщаніе брата, Меѳодій возвратился къ Славянамъ. Но Нѣмцы взволновали Славянъ междоусобіями (869—871) и погубили Ростислава. Меѳодій, уклоняясь отъ политическихъ бурь, (въ 870 г.) прибылъ съ учениками въ Паннонію, и Князь благосклонно принялъ его въ

([17]) Панн. житіе Кирилла и Меѳодія, біографія Климента, Несторъ, Прологъ о Меѳодіѣ. Что П. Адріанъ въ дѣлѣ о Славянскихъ проповѣдникахъ всего болѣе занятъ былъ тревогами, какъ бы не потерять ему изъ своихъ рукъ Моравію и Паннонію и забрать въ руки Болгарію, это онъ самъ высказываетъ въ своемъ посланіи къ Славянскимъ Князьямъ. Онъ пишетъ, что будто Князья „просили себѣ учителя у Римскаго Святительскаго стола, прежде чѣмъ просили у благочестиваго ц. Михаила,“ и что будто Кириллъ и Меѳодій посланы были изъ Царяграда только потому, что „мы не доспѣхомъ (послать);“ радуется, что Кириллъ и Меѳодій обратились не въ Константинополь, а въ Римъ, и не опустилъ сказать: „Апостольскаго стола, достоящa ваши страны.“ Письмо Папы въ Паннонскомъ житіи Меѳодія.

([18]) Хиландарское житіе говоритъ, что Св. Кириллъ скончался въ Римѣ въ 868 г. Февр. 14-го дня, имѣя отъ роду 42 года. Но годъ вѣрнѣе показанъ въ Паннонскомъ житіи—869. Послѣ 14-го Дек. одна болѣзнь Кирилла продолжалась 50 дней, о чемъ говоритъ легенда и Пан. житіе. По этому 14-е Февр. 868 г. не могло быть днемъ кончины Кирилловой. А въ древнихъ памятникахъ Латинскихъ и Греч., въ Остромировомъ Евангеліи, въ Ассемановомъ Евангеліи XI в., въ Прологахъ (Добровскій 54, 57, 58. Калайд. 90. Kopitar—Hesychius p. 41) память Св. Кирилла полагается 14 Февраля.

Мосбургѣ (Салаварскомъ замкѣ) (19). Котелъ просилъ Папу посвятить Меѳодія въ Архіепископа Паннонскаго, и желаніе его было исполнено. Но Нѣмецкое духовенство (въ 872 г.) еще болѣе раздражилось тѣмъ; оно стало преслѣдовать Меѳодія со всѣмъ ожесточеніемъ. Оно возстановило противъ него Германскаго Императора и Моравскаго Князя Святополка; дѣло доведено до того, что Меѳодій отправленъ былъ въ заточеніе, гдѣ пробылъ цѣлые два года съ половиною. Папа Іоаннъ VIII возвратилъ (874 г.) Меѳодію власть его, писалъ въ его защиту къ Людовику и Карломану, а своевольнымъ Епископамъ объявилъ запрещеніе совершать службу (20).

Наконецъ, и Моравскіе Славяне увидѣли, что Нѣмецкіе Епископы мало думаютъ о власти истины Христовой, а ищутъ власти надъ ними только для себя, подавляя между ними Славянское богослуженіе. Они прогнали ихъ отъ себя и просили Папу прислать имъ Архіепископа Меѳодія. И Меѳодій объявленъ Архіепископомъ Моравскаго государства. „Съ того времени, — говоритъ очевидецъ, — ученіе Божественное быстро стало распространяться, язычество и суевѣрія изчезали“, самое государство Святополка расло

---

(19) Имя Меѳодія поставлено въ числѣ Священниковъ Салаварскаго Аббатства въ лѣтописи сего Аббатства, и именно послѣ Рихбальда, упоминаемаго въ жалобѣ Нѣмца. См. объ этомъ, какъ и о мѣстѣ Мосбурга, *Колара* (Москвит. 1844. № 3).

(20) Пан. житіе Меѳодія, Нѣмецъ: de conversione Boioariorum et Carantanorum, у Добровск. стр. 65, 68. Mährische Legende s. 57. О политическихъ переворотахъ см. Мацѣевскаго, стр. 51—53. Письма Папы у Добровскаго, стр. 68, 69. Къ Карломану: „reddito et restituto nobis Pannoniensium Episcopatu, liceat praedicto fratri nostro Methodio, qui illic a sede Apostolica ordinatus est, secundum priscam consuetudinem libere, quae sunt Episcopi, gerere.“

и цвѣло ([21]). Но Нѣмцамъ не было дѣла ни до успѣховъ вѣры, ни до успѣховъ государства. Они никакъ не могли простить Меѳодію потерю власти и доходовъ своихъ. Они бросились въ Римъ и тамъ донесли, что Меѳодій, отступникъ отъ вѣры, не исповѣдуетъ происхожденія Духа Св. и отъ Сына, не проповѣдуетъ не только вселенской власти Папы, но даже зависимости своей отъ Папы, и потому-то распространяетъ Славянскую службу. П. Іоаннъ не могъ быть встревоженъ доносомъ о несогласіи Меѳодія съ Нѣмцами въ догматѣ о Св. Духѣ, потому что самъ исповѣдалъ сей догматъ согласно съ П. Фотіемъ и Св. Меѳодіемъ. Но онъ, какъ Папа, сильно встревоженъ былъ опасеніями за власть свою надъ Моравіею: въ 878 г., вопреки прежней своей волѣ, онъ запретилъ Славянскую службу, а въ слѣдующемъ году, повторивъ запрещеніе, вызвалъ Меѳодія въ Римъ. Нѣмцы торжествовали; они явились въ Моравію и объявили, что Меѳодій лишенъ власти и Моравія передана имъ ([22]). Но П. Іоаннъ не былъ П. Николаемъ. Защитникъ П. Фотія

([21]) Панн. житіе Меѳодія.

([22]) Панн. житіе Меѳодія. Папа писалъ къ Меѳодію въ 879 г.: „симъ письмомъ нашего Апостольства требуемъ, чтобы ты, оставивъ все, постарался нынѣ же прибыть къ намъ.“ (Mansi T. XVII). Въ 880 г. Папа писалъ къ Святополку: „Мы спрашивали предъ братьями нашими: такъ ли принимаетъ онъ (Меѳодій) символъ Православной вѣры, и такъ ли поетъ его во время литургіи, какъ Св. Римская Церковь, и какъ обнародовано и передано шестью вселенскими Соборами?“ И далѣе говоритъ: „Мы нашли его православнымъ во всемъ церковномъ ученіи.“ Эти слова ясно показываютъ, что Іоаннъ согласенъ былъ съ Св. Меѳодіемъ относительно сего догмата. Тоже говоритъ о предметѣ доноса Паннон. біографъ Меѳодія, который пишетъ, что Меѳодія преслѣдовали страдавшіе *Иопаторскою ересью*, т. е. ученіемъ о происхожденіи Св. Духа отъ Сына и Отца (ἀπὸ Υἱοῦ καὶ

нашелъ (въ 880 г.) на Римскомъ Соборѣ, что Св. Меѳодій во всемъ православенъ. Меѳодій возвратился въ Моравію, уполномоченный Папою надъ всею Моравскою Церковію (²³). За тѣмъ Нѣмецкая изобрѣтательность выдумала

Πατρὸς). Тоже показываютъ жалоба Нѣмца Рихбальда, біографія Климента и Прологъ XIII в. (прим. 24). Изъ сочиненія П. Фотія несомнѣнно знаемъ, что П. Іоаннъ на соборѣ 879 г. „не иначе, какъ православная Церковь и его предшественники, Первосвященники, принимая символъ вѣры, и мыслями и священными руками благочестивыхъ Легатовъ (Павла, Евгенія и Петра) подписалъ и запечатлѣлъ его.“ (Ркп. „Книга о Св. Духѣ къ Еписк. Бедѣ,“ выписка у Майо Coll. vet. anct. T. I. Praef. p. 23—28). Если же самъ Папа согласенъ былъ въ догматѣ о Св. Духѣ съ Меѳодіемъ и Фотіемъ, то, безъ сомнѣнія, не этотъ пунктъ заставилъ его противорѣчить себѣ самому о Слав. службѣ и вызвать Меѳодія въ Римъ. Причина—болѣзнь, отъ которой не свободенъ былъ и Іоаннъ. Папа въ письмѣ ad Tuventarum или, по другому списку, Zvenpanum de Moravna, т. е. къ Жупану Моравны, города, лежащаго на краю Панноніи, слишкомъ ясно выражалъ свое опасеніе, что Жупанъ, съ принятіемъ Греческихъ обрядовъ, оставитъ Папу. Epist. 194. Потому-то, когда Меѳодій лично объяснился съ Іоанномъ, Нѣмцы стали тревожить Меѳодія слухомъ, будто на него въ гнѣвѣ Константинополь. П. Іоаннъ не прочь былъ отъ той системы, чтобы единствомъ Латинскаго обряда держать умы въ рабской покорности Папѣ. И онъ и Адріанъ твердо держались, что слѣдуетъ вмѣшивать Латынь въ Славянскую службу. Но гораздо далѣе шли Нѣмцы: они съ открытою наглостію домогались власти надъ Славянами Латинскою службою. Тогда какъ допускали они Нѣмецкую проповѣдь для Нѣмцевъ и кое-что изъ Библіи переводили на Нѣмецкій языкъ, для Славянъ они упорно требовали Латинской службы, хотя и сами плохо понимали ее.

(²³) Пан. житіе Меѳодія; П. Іоаннъ Ep. 247 ad Sventopulcum an. 880 (пр. 22). Здѣсь Папа пишетъ: „Мы также посвятили

слухъ, будто Патріархъ и Императоръ Константинополя въ гнѣвѣ на Меѳодія за его сближеніе съ Папою. Когда же и этотъ слухъ оказался ложью; они обратились опять къ Святополку, чтобы вооружить его противъ Меѳодія. Удивительная стойкость въ желаніяхъ, открыто безчестныхъ! Святополкъ не умѣлъ покорять страстей своихъ, хотя и распространилъ власть свою на сосѣднихъ Князей. Онъ не охотно слушалъ Апостольскія обличенія Меѳодія слабостямъ его; а Нѣмцы всегда льстили слабостямъ его, теперь же стали льстить еще болѣе. Отселѣ Святополкъ сталъ явно

даже Пресвитера, по имени *Вихинга,* котораго ты прислалъ, какъ избраннаго въ Епископа Нитрской Церкви; мы повелѣваемъ, чтобы онъ повиновался во всемъ своему Архіепископу, какъ требуютъ Св. каноны.“ Этотъ коварный Нѣмецъ едва возвратился изъ Рима, какъ сталъ дѣйствовать во вредъ Св. Меѳодію, ссылаясь на тайное порученіе Папы. Папа писалъ 881 г. къ Меѳодію: ,,ни явно, ни тайно не поручали мы ему дѣлать что нибудь другое, чѣмъ что опредѣлили мы дѣлать тебѣ.“Epist. 268. Трудами Меѳодія приготовлена была каѳедра для коварнаго Нѣмца, такъ какъ близъ Нитры до того времени было много язычниковъ. Теотмиръ Зальцбургскій писалъ въ 900 г. Wichingum consecravit in quandam neophytam gentem, quam ipse dux (Святополкъ) domuit bello et ex paganis christianos esse patravit.“ О трудахъ Меѳодія для просвѣщенія язычниковъ говоритъ біографъ его. Послѣ убѣжденій Св. Меѳодій послалъ сказать Надвислянскому Князю: ,,добро ти ся бы крестити, сыну, волею своею на своей земли, да не плѣненъ, пудми крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя. Еже и бысть,“ прибавляетъ Пан. біографъ. Добровскій (стр. 78) считаетъ извѣстіе легендъ Людьмилы о семи Викаріяхъ Меѳодіевыхъ за слѣдствіе ,,невѣжественнаго смѣшенія временъ.“ Едва ли такъ! Кромѣ Вихинга, Папа обѣщаетъ посвятить еще Епископа и упоминаетъ о Епископахъ, подчиненныхъ Меѳодію (Ep. 190, 247). По біографіи Климента τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι,—

оказывать нерасположеніе къ Меѳодію и благосклонность къ льстецамъ-Нѣмцамъ, не исключая и ихъ заблужденій. Такъ до самаго гроба Меѳодій терпѣлъ скорби за Апостольскіе труды свои (24).

При всемъ противодѣйствіи Нѣмецкой жадности къ корысти и власти, при всемъ противодѣйствіи невѣжества *Пилатниковъ*, всѣ Славянскія племена, начиная съ Хорваціи и Далмаціи до границъ Польши, слушали Славянскую службу Меѳодія. Тѣ изъ нихъ, которые до того времени не были крещены, какъ напр. Чехія съ ея Княземъ Боривоемъ, приняли Св. крещеніе по распоряженію Св. Меѳодія; само Моравское государство, широко раздвинутое Святополкомъ, включало въ предѣлахъ своихъ нѣсколько Славянскихъ племенъ; а съ распространеніемъ государства Меѳодій распространилъ и Св. вѣру (25). Къ сожалѣнію, въ чемъ не успѣли Нѣмцы при жизни Меѳодія, блаженно почившаго

учители пресвитеровъ Горазда, Климента, Наума, Лаврентія, Ангеляра (пр. 27). На Константинопольскомъ Соборѣ 879 г. былъ Агаѳонъ, Архіепископъ Моравскій (*Μοραβων*). Поле, на которомъ трудился св. Меѳодій, было слишкомъ обширно: на немъ нынѣ до 20 Бискуповъ.

(24) Біографъ Климента: „Франки (въ другомъ мѣстѣ *Νεμετζοι*, Нѣмцы) коварными происками своими сдѣлали Святополка послѣдователемъ своего ученія: развращенный ими, все позволявшими ему, Святополкъ не обращалъ вниманія на слова Меѳодіевы, и поступалъ съ нимъ, какъ врагъ.“ Здѣсь же прямо говорится, что Нѣмцы внушали Святополку свое ученіе объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына. Съ этимъ извѣстіемъ о положеніи Святополка вполнѣ согласны извѣстія Легендъ и Прологъ XIII в.

(25) Кто бы могъ подумать, чтобы въ XIX в. можно до того увлекаться преданностію къ Риму и Латини, чтобы писать о Славянской службѣ: „въ нынѣшней Моравіи, Чехіи и Польшѣ она никогда не была въ силѣ (viguisse)?“ А это пишетъ ученый Копитаръ и утверждаетъ, что Славянская

6-го Апрѣля, 885 года ([26]), по смерти его они выгнали

служба существовала только въ Паннонiи, и притомъ слишкомъ недолго, именно съ 870 г. до 895 г. (Kopitar Hesychius glossographus p. 54, 49—57). Что же послѣ того значатъ свидѣтельства современниковъ Меѳодіевыхъ? Или же точно также можно быть и нынѣ Пилатникомъ, какъ при Меѳодіѣ? Мы не хотимъ утверждать, что Мацѣевскій во всемъ правъ: Копитаръ правъ въ частныхъ замѣчаніяхъ о Мацѣевскомъ (Hesychius p. 56—58). Но Копитаръ зашелъ слишкомъ далеко, такъ что становится смѣшнымъ (p. 38—54).

Относительно *Далмаціи* Діоклеецъ: ,,missam eis (Меѳодій) ordinans more Graecorum.'' Шванд. 3, 480. Ея Епископы, Езерскій и Драговицкій, присутствовали въ 877 и 879 на Соборахъ въ пользу П. Фотія. Въ то же время Князья ея, Здиславъ и Бронимиръ, отказывались отъ власти Папы. Mährische Legende s. 59, 60.

О *Чехіи* Козма у Добровскаго 80, у Менкена: Script. rer. German. T. I p. 1967. Востокова Опис. Муз. 778. Чешская Легенда X в. о св. Вячеславѣ: ,,въда и (Вячеслава) баба своя Людмила (крещенная священниками Меѳодія, говоритъ Козма) научити книгамъ Словенскимъ по слѣду попову.'' (Журн. Мин. Нар. Просв. 1839). Въ 967 г. Папа, учреждая Латинскую каѳедру въ Прагѣ (Чешской), постановилъ, чтобы Божественная служба была отправляема ,,не по обрядамъ Болгарскаго или Русскаго народа, или Славянскаго языка, но по уставамъ Римской Церкви'' (Козма). Добровскій полагаетъ крещеніе Боривоя между 870 и 880 г.

О *Польшѣ*, гдѣ Кн. Мечиславъ обращенъ былъ Чешско-Моравскими учениками Меѳодія, Дитмаръ Chronicon lib. 4. 359 (Scrip. rer. Brunsv. T. 1), Мартинъ Галлъ Chronicon lib. 1. c. 5 (ed. Bandtke, Varsov. 1824). Но еще при Зимовитѣ, дѣдѣ Мечислава, были Христіане въ Польшѣ. По біографу Меѳодіеву Меѳодій увѣщевалъ Надвислянскаго Князя принять христіанство, и тотъ принялъ (пр. 23). См. о Польской Церкви въ Журн. Мин. Просв. 1842., Friese Kirchengesch. Polens. Breslau. 1786. Впрочемъ, въ Польшѣ ок. 1010 г. взяла власть Латинская служба (Дитмаръ lib. 6. T. 1 p. 397).

([26]) Всѣ сомнѣнія о времени кончины Св. Меѳодія разрѣшаетъ

учениковъ Меѳодія въ Болгарію ([27]). Сѣмена разумнаго благочестія и православія, щедро посѣянныя Кирилломъ и Меѳодіемъ въ обширныхъ югозападныхъ поселеніяхъ Славянскихъ, послѣ нихъ постепенно глохли подъ варварствомъ Латинскаго невѣжества. Только Болгаріи, подъ мирнымъ кровомъ Восточнаго Патріарха, досталась счастливая доля процвѣтать образованностію и благочестіемъ, чтобы передать Россіи плоды трудовъ просвѣтителей Славянскихъ ([28]).

Паннон. житіе Св. Меѳодія. Меѳодій въ вербное воскресенье въ послѣдній разъ, уже больной, бесѣдовалъ съ паствою и тогда же сказалъ: „поберегите меня, дѣти, до третьяго дня.“ И утромъ третьяго дня, 6 Апрѣля 885 г., скончался. Такъ говоритъ біографъ. Пасха 885 г. была 11 Апрѣля, вербное воскресенье 4 Апрѣля. Слѣд., третій день послѣ 4 Апр. былъ 6 Апр. 885 г. Біографъ Климента говоритъ о 24 годахъ архіепископства Меѳодіева: это обмолвка языка; надлежало сказать, что Меѳодій трудился у Славянъ всего 24 года. Райградскій настоятель въ 1062 г. доносилъ, что Меѳодій 2 Іюня 884 г. освящалъ Берненскую церковь (Kopitar, Glagolita § 36). Въ Остромировомъ и Ассемановомъ Евангеліахъ XI в. память Св. Меѳодія 6 Апрѣля; тоже въ Прологѣ XIII и Апостолѣ XIV в. Но въ позднихъ 11 Мая.

([27]) Біографъ Климента: „занимавшихъ церковныя должности было до 200, въ томъ числѣ учители Гораздъ, природный Моравъ, искусный въ обоихъ языкахъ, Славянскомъ и Греческомъ, краснорѣчивый Климентъ, Лаврентій, Наумъ и Ангеляръ.“ Папа пишетъ: „Пресвитерамъ, діаконамъ, другимъ клирикамъ, какого бы чина ни были, Славянамъ ли, или другаго какого племени, находящимся въ той области, повелѣваемъ быть въ подчиненіи и повиновеніи во всемъ помянутому Собрату нашему, Архіепископу вашему.“ Ep. 247. ad Sventopulcum an. 880, сл. Ep. 190, 194.

([28]) Въ Далмаціи Соборъ 925 г. запрещалъ Славянскую службу. Соборъ 1059 г. положилъ: „впередъ никто не смѣй совершать таинъ на Славян. языкѣ, а только на Латинскомъ

2. письменные труды.

Желая говорить о письменныхъ трудахъ Славянскихъ просвѣтителей, не будемъ говорить о дѣлѣ извѣстномъ,

---

и Греческомъ; никто изъ людей того языка (Славянскаго) не долженъ быть возводимъ на священныя степени.“ Въ оправданіе сего говорили, что „Готскія буквы изобрѣтены нѣкіимъ еретикомъ Меѳодіемъ, который много писалъ на томъ же Славянскомъ языкѣ (in eadem Slavonica) противъ правила каѳолической вѣры.“ Славян. Священники, для которыхъ храмы были затворены, принесли жалобу П. Александру. Тотъ отвѣчалъ: „ради Аріанъ, изобрѣтателей сей письменности, никакъ не могу позволить службу на ихъ языкѣ.“ (Thomae archidiac. Spalat. † 1268 hist. Salonit. Episc.). Съ чего взяли называть Меѳодія и Далматскихъ Славянъ Аріанами? Съ того же, съ чего еще въ IX в. называли Славянскихъ просвѣтителей Аріанами, т. е. за догматъ о происхожденіи Св. Духа. Впрочемъ, въ митрополіи Діоклейской, по близости ея къ Греческой Церкви, паписты долго не могли преодолѣть Славянъ. Тотъ же П. Александръ (Epist. 4 ad Petrum Dalmatiae et Slavoniae Archiep.) въ 1062 г. писалъ: „пекись о монастыряхъ какъ Латинянъ, такъ и Грековъ или Славянъ: ты знаешь, что это одна Церковь.“

Моравское Королевство съ 904 г. раздѣлено между Уграми и Чехами. Первые до 982 г. язычники, потомъ паписты. Въ Салаварскій Паннонскій храмъ Кор. Стефанъ Войкъ, въ 1019 г., ввелъ „Латинскаго Аббата.“ Впрочемъ, Славянщина долго еще господствовала и при Уграхъ. См. Путешествіе Коларa, въ Москвитянинѣ, 1844 № 3. Не смотря на буллу Іоанна XIII (прим. 25) въ Чехіи Пр. Прокопій, ок. 1035 г., основалъ Славянскій Сазавскій монастырь; въ 1052 г. успѣли оклеветать предъ Княземъ Спитигнѣвомъ, будто Славянская письменность „вводитъ ересь,“ и потому ввели Латинскихъ монаховъ. Кор. Вратиславъ, 1063 г., искалъ свободы Славян. богослуженію. Гордый Григорій VII. въ 1080 г. писалъ: „Ваше Высочество просили, чтобы совершалась у васъ служба

объ изобрѣтеніи Св. Кирилломъ азбуки Славянской ([29]); замѣтимъ только, что трудъ сей, важный самъ по себѣ, получаетъ особенную важность въ связи его съ дѣломъ вѣры; въ семъ послѣднемъ видѣ своемъ онъ есть плодъ той Апостольской мудрости, какою отличались и отличаются распоряженія Церкви Восточной; это есть первый шагъ къ великому дѣлу проповѣдниковъ, но который уже доказываетъ, какого духа проповѣдники. Послѣдуемъ же далѣе за дѣйствіемъ проповѣдниковъ, разсмотримъ, какія книги переведены были на языкъ Славянскій. Не оставили ли они какого нибудь собственнаго сочиненія своего, которое бы точнымъ образомъ выражало духъ ихъ?

Собственнымъ сочиненіемъ Св. Кирилла было *исповѣданіе вѣры*, предложенное имъ отъ своего лица и отъ лица брата. Исповѣданіе заключаетъ въ себѣ три части и заключеніе. Въ первой части излагается исповѣданіе догмата о Св. Троицѣ; во второй пространно исповѣданіе воплощенія

на Славян. языкѣ; мы никакъ не можемъ быть благосклонны къ вашей просьбѣ. . . . Властію бл. Петра повелѣваемъ, чтобы не было того, чего безразсудно ищете.“ Mansi T. XX p. 296. Въ 1092 г. Славян. монахи и служба были выгнаны изъ Сазавы. Впрочемъ, Славян. служба и послѣ того находила по мѣстамъ убѣжище. Cosmae Chron. lib. I. in Mencenii Script. rer. German. T. 3. p. 1382; подробнѣе Мацѣевскій.

([29]) П. Іоаннъ, современникъ Фотія и Меѳодія, въ письмѣ 880 г., называетъ Константина изобрѣтателемъ письменности Славянской: „litteras Slavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, jure laudamus.“ Epist. 247 ad Suentopulcum comitem. При семъ, если надобно читать у Папы a Constantino quodam, то это не удивительно въ устахъ Папы, не свободнаго отъ немощей Папы. Другія свидѣтельства у Добров. стр. 27—36. Чит. г. Шевырева.

Сына Божія; въ третьей довольно кратко о почитаніи Св. иконъ. „Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, всѣмъ невидимымъ и видимымъ Творца и Господа, безначальна, невидима, неодержима (необъятнаго), неизмѣнна, безконечна, и въ единаго Господа Іисуса Христа, Сына единородна, безначально, и безвременно, и прежде всѣхъ вѣкъ отъ Отча существа въссіавша (возсіявшаго), и въ единъ Духъ Святый, исходящъ отъ Бога Отца единаго, и съ Отцемъ и Сыномъ благословимый же и славимый.“ Излагая за тѣмъ исповѣданіе догмата о различіи и взаимномъ отношеніи Божественныхъ лицъ, говоритъ: „Отцу свойственно нерожденіе и быть виною сущимъ отъ Него, Сыну свойственно рожденіе, а Духу—исхожденіе. И какъ только отъ Отца возсіяло раждаемое и исходящее, подобно свѣту произошло отъ свѣта то и другое: то единъ свѣтъ надъ всѣмъ міромъ трилунный, трисолнечный.“ Объясняя за тѣмъ, что ни троичностію Лицъ не уничтожается единство Божества, ни единствомъ троичность, Св. Кириллъ наконецъ присовокупляетъ: „да Аріанское неистовство учашю (утишу), отъ негоже и къ немуже ми нынѣшняя брань.“ Такимъ образомъ исповѣданіе догмата о Св. Троицѣ заключаетъ въ себѣ всѣ части сего догмата въ ихъ ясномъ, точномъ и опредѣленномъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ исповѣданіи Св. Кирилла встрѣчаемъ то, чего не видно въ предшествовавшихъ ему исповѣданіяхъ Восточныхъ; Св. Кириллъ говоритъ, что „Духъ Св. происходитъ отъ Отца единаго.“ Это исповѣданіе всего вѣрнѣе показываетъ, что просвѣтители Славянъ слѣдуютъ духу православной Восточной Церкви, имѣвшей нужду въ сіе самое время вразумлять Западъ въ произвольномъ внесеніи слова Filioque въ ученіе о личномъ свойствѣ Духа Св. Оно же доводитъ до той мысли, что просвѣтители Славянъ имѣли нужду, по обстоятельствамъ своего личнаго служенія,

сдѣлать особенное замѣчаніе о происхожденіи Духа Святаго. Увѣренность въ семъ послѣднемъ вполнѣ подтверждается послѣдующими словами исповѣданія объ аріанствѣ: „отъ негоже и къ немуже ми нынѣшняя брань.“ Мы уже видѣли, что Св. просвѣтители Славянскіе должны были предъ П. Адріаномъ устно и письменно (verbis et litteris) оправдываться въ своемъ православіи, и что объясненія противъ нихъ относились къ догмату о Св. Духѣ. Въ исповѣданіи Св. Кириллъ говоритъ, что брань его отъ аріанства и съ аріанствомъ. Но на дѣлѣ въ виду тѣ же Нѣмцы. Мы уже видѣли, какъ много борьбы въ жизни своей испытали Славянскіе проповѣдники съ *Іопаторскою ересью* Нѣмцевъ. Проповѣдники Нѣмецкой власти думали мыслію объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына возвысить достоинство Сына Божія и обвиняли противниковъ своихъ въ Аріанствѣ. Извѣстно, что Толедскій Соборъ, въ первый разъ (589 г.) внесшій въ Символъ: Filioque, дѣйствовалъ противъ Аріанъ. При Карлѣ Вел. Алкуинъ писалъ въ Ліонъ: „Берегитесь новыхъ сектъ Испанской ереси, и не прибавляйте новаго къ Символу вѣры“, т. е. прямо осуждалъ прибавленіе: Filioque ([30]). Но вотъ возникъ споръ съ *Адоптіанами*. Елипандъ, Архіепископъ Толедскій, и Феликсъ, Епископъ Ургольскій, писали, что Іисусъ Христосъ только по Божественной природѣ есть Сынъ Божій, а по человѣчеству Онъ Сынъ по благодати усвоенія (gratia adoptionis). Они отличіемъ православія своего выставляли Испанское Filioque, и называли противниковъ Аріанами. Догматисты Карла плохо понимали Елипанда и не были

([30]) Concilium Toletanum 3 ap. Mans. T. IX. p. 981. Алкуинъ Epis. 75 ad fratres Lugdunenses. Hispanici erroris sectas tota vobis cavete intentione, et Symbolo catholicae fidei nova nolite inserere.“

въ состояніи защитить себя размышленіемъ здравымъ, такъ какъ оно подъ гнетомъ невѣжества оставалось безъ движенія. Имъ оставалось механически повторять слова другихъ, и они стали твердить въ книгахъ и въ Символѣ Испанское: Filioque. Алкуинъ, задѣтый за живое Елипандомъ, поспѣшилъ написать и книжку: de processione Spiritus S. Книжка вышла изъ плохихъ плохая: но что до того ([31])? Самолюбіе Карла, хлопотавшее всю жизнь о томъ, какъ бы поставить себя въ Христіанской Церкви на ту степень, на которой благочестіе поставило Греческихъ Императоровъ, никакъ не допустило до того, чтобы снестись, по сему предмету, съ Греческою Церковію. Напротивъ Карлъ положилъ утвердить своею властію: Filioque. Онъ писалъ Папѣ. Благоразумный *Левъ* строго запретилъ порчу Символа, и велѣлъ вырѣзать на доскахъ символъ вѣры въ древнемъ его видѣ. Но Карлъ слушалъ Папу только тогда, когда Папа помогалъ властолюбивымъ видамъ его ([32]); съ того времени духовенство Западное

([31]) Алкуинъ писалъ тогда Libellum de processione Spiritus S. (Op. T. I, ed. Froben.). Здѣсь онъ, въ доказательство происхожденія Духа Св. отъ Сына, указывалъ на слова: *яко сила отъ Него исхождаше и исцѣляше вся*. Какова экзегетика! По всей вѣроятности, Алкуинъ вызванъ былъ на это сочиненіе письмомъ Элипанда. Тотъ такъ надписывалъ письмо свое: »Почтеннѣйшему брату, діакону *Алкуину*, служителю не Христову, а ученику гнуснаго Антифразія Беата, родившемуся въ предѣлахъ Австріи во время славнаго Принца, *новому Арію*, противнику ученія Св. отцовъ—Амвросія, Августина, Исидора, Іеронима, — если обратится отъ заблужденія своего, — спасеніе о Господѣ, если же не захочетъ,—вѣчное осужденіе« (Elipandi lib. ab Alcuinum an. 899.).

([32]) Валафридъ Страбонъ: „Apud Gallos post dejectionem Felicis haeretici sub gloriosissimo Carolo Francorum rectore damnati,

положило за правило называть православныхъ Славянъ именемъ Аріанъ. Святый Кириллъ говоритъ, что самъ онъ ведетъ брань съ аріанствомъ, когда исповѣдуетъ единосущіе Сына Божія со Отцемъ, но не опасается утверждать, что отъ аріанства же и брань противъ него; Св. Кириллъ правъ и въ послѣднемъ. Непризванные защитники славы Сына Божія, изводя Духа Св. и отъ Сына, тѣмъ самымъ скорѣе низводятъ Сына Божія на нѣкую низшую степень Божества, а Духа Св. на степень низшую самаго Сына, чѣмъ возвышаютъ Сына Божія, такъ какъ два начала—два равные Бога не возможны, униженіе же одного предъ другимъ возможно только въ аріанствѣ. „Вѣрую въ единъ Духъ Св., исходящь отъ Бога Отца единаго, и съ Отцемъ и Сыномъ богословимый же и славимый,“ говорилъ Св. Кириллъ.

Во второй части, кратко изложивъ догматъ о воплощеніи Сына Божія, Св. Кириллъ говоритъ: „аже ли же потреба есть и пространнѣе, како о семъ обяти (пространнѣе объясниться о семъ) за взницающюю и етера тъщеглашенія нынѣ примишлѣющу (ради ереси возникающей и

---

idem Symbolum *latius* et crebrius in missarum coepit officiis iterari.» Карлъ писалъ къ П. Льву: «Quaestio de Spiritus S. processione est nuper exorta,» и просилъ, чтобы дозволено было пѣть Символъ съ прибавленіемъ: Filioque. Папа осудилъ прибавленіе къ Символу. Это было въ 809 г. (См. Аббата Смарагда протоколъ Аахенскаго Собора 809 г. Harduini Concil. T. IV. f. 970. Ado Viennens. Chronic. ad an. 809. Aimonii lib. 4. de gestis Francorum, cap. 97. О Папѣ Львѣ III. пишетъ и Анастасій: «Hic vero pro amore et cautela orthodoxae fidei fecit in basilica S. Petri scuta argentea duo, scripta utraque Symbolo, unum quidem litteris Graecis, et aliud Latinis.» Подробнѣе и точнѣе П. Фотій въ письмѣ къ Аквилейскому Архіепископу и въ книгѣ о Св. Духѣ къ Еписк. Бедѣ.

вымышляющей нынѣ нѣкія пустословія): се абіе речемъ.“ И излагаетъ пространно догматъ о воплощеніи. Что жъ это за учители, вымышляющіе тщеглашеніе нынѣ, во время Св. Кирилла? Все тѣ же проповѣдники Карла, освятившіе для Германскаго невѣжества: Filioque. Точно также, какъ въ Адоптіанахъ видѣли они Несторіанъ, и въ защиту отъ нихъ съумѣли сдѣлать только то, что освятили: Filioque, — по праву той же мудрости они стали называть и отвергавшихъ Filioque Несторіанами; иначе: для нихъ каждый сталъ и Аріаниномъ и Несторіаниномъ, кто не раздѣлялъ невѣжественной мысли ихъ о возвышеніи Сына исхожденіемъ Св. Духа и отъ Сына. Сами отцы Франкфуртскаго Собора, осудившіе (въ 799 г.) Елипанда, какъ видно, худо понимали и Елипанда, и догматъ о воплощеніи Сына Божія ([55]). Еще менѣе ясности и отчетливости въ мысляхъ можно было видѣть въ ученикахъ Собора. И такъ надобно было отстранить пустословіе и вразумить невѣжество. Св. Кириллъ превосходно излагаетъ догматъ о воплощеніи Сына Божія, — ясно, опредѣленно, отчетливо. „Богъ по естеству, говоритъ онъ, — единородный Сынъ и Слово Бога Отца, рожденный отъ Него прежде вѣковъ неизреченно и безсѣменно, не преставъ быть, чѣмъ былъ, Богомъ по естеству, въ послѣднія времена пріялъ естество человѣческое и всецѣло пріобщился нашей плоти и крови: *Слово плоть бысть*; пріялъ же не простую плоть, но одушевленную душею разумною и мыслящею. Онъ — тотъ же единъ Сынъ и по воплощеніи, единосущный Богу и Отцу по Божеству, и единочадный намъ по человѣчеству, сохраняетъ и въ совокуп-

---

([55]) По настоянію Карла ученіе Елипанда осуждено на Франкфуртскомъ Соборѣ въ 794 г. и на Аахенскомъ въ 799 г. Acta Concil. Francof. ap. Mans. T. XIII. p. 863 f. Conc. Aquisgran. p. 1035 sq.

леніи свойственныя каждому естественныя различія — ненарушимо и непреложно. Ибо Слово, будучи совершеннымъ Богомъ, соединилось съ совершеннымъ человѣкомъ — во единомъ тѣлѣ; почему и родившую Его прилично называемъ Богородицею", и пр.

Въ третьей части исповѣданія Св. Кириллъ кратко объясняетъ, что онъ чтитъ Св. иконы, какъ предалъ „Никейскій святый и великій Соборъ", согласно съ ученіемъ древней Церкви. И объ этомъ Св. Кириллъ также имѣлъ нужду говорить для Нѣмцевъ. Не смотря на то, что Западный патріархъ подалъ голосъ въ осужденіе иконоборства на Никейскомъ Вселенскомъ соборѣ, Карлъ захотѣлъ стать и въ этомъ случаѣ выше Греціи, — онъ собиралъ Соборъ, чтобы оподозрить въ иконопочитаніи идолопоклоненіе. Кириллъ, имѣя дѣло съ проповѣдниками Карла, показываетъ для нихъ значеніе иконопочитанія. „Почитаемъ также и лобызаемъ Святые образа и знаменія, въ изображеніяхъ показывающія намъ всѣ Евангельскія повѣсти и напоминающія о томъ, что содѣлано для насъ Спасителемъ .... Всѣ, наученные Духомъ Божіимъ, видятъ различіе чести, — какую честь, какое поклоненіе должно воздавать Христу, и какая честь прилична Св. иконамъ."

Въ заключеніе всего Св. Кириллъ пишетъ: „Такъ исповѣдую я свою вѣру съ Меѳодіемъ, приснымъ моимъ братомъ и помощникомъ въ службѣ Божіей. Въ сей вѣрѣ состоитъ спасеніе и упованіе, и ее предаемъ мы оба ученикамъ своимъ, да тако вѣруя спасутся, "и пр. Въ заключеніе опять показываетъ, что исповѣданіе писано въ видѣ апологіи.

Что касается до подлинности сего исповѣданія, довольно сказать, что она подтверждается жизнію Славянскихъ проповѣдниковъ. И П. Іоаннъ писалъ о братѣ Св. Кирилла, что тотъ излагалъ свою вѣру въ Римѣ verbis et litteris;

самый языкъ исповѣданія — очень древній, подобный тому, какой сохранился въ Остромировомъ Евангеліи и въ Изборникѣ Святослава.

Паннонскій жизнеописатель Св. Кирилла, описавъ пренія Св. Кирилла у Хазаръ съ Магометанами и Іудеями, заключаетъ свое извѣстіе такъ: „а иже хощете съвершенныхъ бесѣдъ сихъ Святыхъ искати: въ книгахъ его (Константина) обрящете я, еже преложи учитель нашъ Архіепископъ Меѳодій, братъ Константина Философа, раздѣли е на осмь словесъ.“ Въ прежнія времена у насъ, между душеполезными отеческими сочиненіями, ставили книгу: „Кириллъ Словенскій“ (34). Но мы уже не можемъ найти памятника Кириллова искусства въ спорахъ съ врагами вѣры.

Важнѣйшимъ подвигомъ просвѣтителей Славянскихъ былъ подвигъ ихъ при переводѣ Св. книгъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, подвигъ, который имъ стоилъ столькихъ скорбей и приблизилъ ихъ къ лику Апостоловъ. Св. Кириллъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, по свидѣтельству Экзарха Болгарскаго, трудился, „отъ *Евангелія* и *Апостола* прелагая *изборъ*.“ Это означаетъ, что Славянскіе просвѣтители прежде всего перевели выборъ изъ Евангелія и Апостола для дневныхъ чтеній. Таково древнѣйшее Остромирово Евангеліе, таковы же древніе списки чтеній изъ Дѣяній и посланій Апостольскихъ! Сей трудъ усвояютъ Кириллу и Меѳодію и другіе памятники древности (35). Пашонское жизнеописаніе говоритъ о Св. Меѳодіѣ: „*Псалтырь* бо бѣ токмо и *Евангеліе* съ *Апостоломъ* и *избранными службами*

(34) Извѣстіе о книгахъ апокрифическихъ у Калайдовича, стр. 109, 209.

(35) Предисловіе Экзарха къ книгѣ: Небеса, у Калайдов. стр. 129. Италіанская легенда (о Кириллѣ) говоритъ о переводѣ Евангелія Кирилломъ; тоже Діоклеецъ.

церковными съ Философомъ преложилъ первѣе.“ По Пан. житію Кирилла, Кириллъ еще въ пребываніе свое у Моравовъ, „научи я *утрени и годинамъ обѣднеи и вечернѣ, и павечерницѣ и тайнѣй службѣ*“ ([36]). Несторъ, повторяя извѣстіе біографа Меѳодіева, вмѣсто словъ, „избранныя службы“, ставитъ: „(преложилъ) Октой и прочія книги.“ Италіянская легенда говоритъ: „съ ревностію начали они совершать то, за чѣмъ пришли, начали учить дѣтей, устроять *церковныя службы* .... Четыре года съ половиною пробыли въ Моравіи и утвердили тамошній народъ въ православной вѣрѣ, и оставили *всѣ писанія*, какія казались *нужными для богослуженія*.“ Папа Іоаннъ писалъ къ Святополку: „ничто не препятствуетъ ни здравой вѣрѣ, ни здравому ученію, *пѣть литургію* на Славянскомъ языкѣ, или читать Св. *Евангеліе*, или Божественныя *чтенія* изъ Новаго и *Ветхаго Завѣта*.“ Съ этимъ согласны и другія древнія извѣстія ([37]). Кромѣ того по памятникамъ видно, что переведены были Греческіе чины посвященія

([36]) Пан. біографъ Кирилла говоритъ еще, что когда Св. братья прибыли въ Римъ, то «пріемъ Папежъ *книгы Словенскыя*, освяти и положи въ церковь Святыя Маріи . . . пѣша съ ними (съ книгами) *литургію* . . . . Потомъ, „*пѣша литургію* въ церкви Св. Петра Словенскимъ языкомъ.» По словамъ Меѳодіева біографа, Папа «положи святое *Евангеліе* (Славянское) на олтари Св. Апостола Петра.» Наконецъ, по Кириллову біографу «у великаго учителя языческаго, Павла Апостола, въ церкви *въ нощи пѣша святую литургію Словенски* надъ Св. гробомъ.»

([37]) Чехо-Моравская легенда о Кириллѣ и Меѳодіѣ говоритъ, что Папа (Адріанъ) «изумился тому, какъ Священники Божіи, Кириллъ и Меѳодій, смѣли установить пѣніе каноническихъ *часовъ* (т. е. дневной службы) на Славян. языкѣ.» Легенда о Людьмилѣ извѣщаетъ, что Кириллъ, кромѣ *чтеній*

въ священство, бракосочетанія, крещенія и погребенія ([38]). По всѣмъ этимъ отзывамъ, Кириллъ и Меѳодій перевели книги самыя необходимыя для богослуженія. Нѣкоторыя изъ этихъ необходимыхъ книгъ прямо поименованы, или ясно указаны. Таковы: избранныя *чтенія Новаго Завѣта, Паремейникъ, Псалтирь, Часословъ, Служебникъ, Чины таинствъ съ чиномъ погребенія, Октоихъ Дамаскина.* Переведено ли было еще что нибудь изъ богослужебныхъ сочиненій? Прежде всего замѣтимъ, что во время Св. Кирилла и Меѳодія въ Церкви Константинопольской еще не много было пѣсней, примѣненныхъ къ смыслу боговдохновенныхъ пѣсней, и именно въ употребленіи были стихиры Анатолія и Софронія, кондаки Романа, каноны съ стихирами Дамаскина и Козмы, трипѣсцы и стихиры Ѳеодора и Іосифа Студитовъ. Но едва ли были въ употребленіи каноны Ѳеофана, тѣмъ менѣе каноны пѣснописца Іосифа; а этими двумя столько написано пѣсней, сколько не написано всѣми другими вмѣстѣ. Не говоримъ о сочиненіяхъ Импер. Льва и Константина, П. Филоѳея и Климента, Іоанна Мавропа и Никифора, которые жили позже Славянскихъ учителей. Такимъ образомъ самый Октоихъ, переведенный Кирилломъ

изъ Н. Завѣта, «plura alia, *missas* caeterasque *horas* canonicas resonare publica voce in Ecclesia statuit.» Нѣмецъ Рихбальдъ, едва только явился Меѳодій въ Паннонію, поднялъ жалобу, что Меѳодій «inventis Slavenis litteris vilescere fecit cuncto populo ex parte *Missas* et *Evangelia*, ecclesiasticumque *officium* illorum, qui hoc latine celebraverunt.» De convers. Boioariorum. Тоже показываетъ письмо Папы Іоанна 879 г. къ Меѳодію.

([38]) О посвященіи въ священство, о бракѣ и крещеніи упоминается въ Паннонской біографіи Меѳодія. «Отъ того же дне вельми начатъ расти Божіе ученіе и стрижници множи-

и Меѳодіемъ, былъ не тотъ, что извѣстенъ нынѣ (39). И если сказали мы, что переведены были Чины таинствъ, то это не то значитъ, что переведенъ былъ *Требникъ* (40). То же надобно сказать о *Псалтыри*, въ которую пѣсни, величанія и молитвы съ тропарями, слѣдующія за каѳизмами, вошли послѣ Меѳодія (41). Между тѣмъ Паннонскій біографъ Меѳодія пишетъ: „Святое возношеніе тайное

тися въ всѣхъ градѣхъ, и погани вѣровати въ истинный Богъ.» «Добро ти ся бы крестити, сыну, волею своею.» Относительно браковъ Меѳодій нашелъ множество злоупотребленій у Славянъ и исправлялъ ихъ. Тотъ же біографъ говоритъ, что надъ умершимъ Меѳодіемъ совершали службу «Латинскы, Греческы и Словенскы.» П. Адріанъ писалъ къ Моравскимъ Князьямъ о св. Меѳодіѣ: «да вы научитъ, якоже есте просили, сказая книгою въ вашъ языкъ, *по всему церковному чину* исполнь, и съ святою мшею, рекше съ *службою* (*λειτουργία*), и *крещеніемъ*.»

(39) Въ Славянскомъ Октоихѣ поздняго времени помѣщены стихиры Имп. Льва (886—911), ексапостиларіи Имп. Константина (X вѣка), каноны М. Митрофана, врага Фотіева, дневныя службы Ѳеофана и Іосифа. Послѣднія, введенныя въ Славян. Октоихъ, не входятъ въ составъ Греческаго Октоиха, а входятъ въ составъ *Параклитика*.

(40) Въ нынѣшнемъ Славянскомъ Требникѣ, какъ и въ Греческомъ, помѣщены уже сочиненія П. Каллиста и Филоѳея (XIV в.). Канонъ Арсенія на елеосвященіе принадлежитъ Арсенію, Епископу Корфскому, другу П. Фотія, и едва ли при Меѳодіѣ находился въ чинѣ елеосвященія Цареградскаго.

(41) Сочинитель Обозрѣнія богослуж. книгъ, а за нимъ и о. Макарій, убѣждены даже въ томъ, что *Слѣдованная Псалтирь* составлена Меѳодіемъ. Напрасно! Даже и между поздними Славянскими рукописями нельзя указать ни одного *Сборника*, который былъ бы во всемъ сходенъ съ печатною Слѣдованною Псалтирью. Въ сборникъ этого рода почти каждый вносилъ, что хотѣлъ.

съ клиросомъ своимъ взнесъ *створи память Св. Димитрія.*“ Такъ какъ по Греческому чину память Святыхъ прославляется пѣснями, стихирамм, кондаками и, со времени Дамаскина, канонами, то имѣемъ право думать, что если не при Кириллѣ, то при Меѳодіѣ были переведены *пѣсненныя службы на праздники.* Мы не скажемъ, что переведена была *Общая Минея:* ея и слѣдовъ нѣтъ между Славянами даже и въ XI вѣкѣ. Но столько же извѣстно, что при св. Меѳодіѣ не было извѣстно названіе: *Праздничная Минея.* Сообразно съ общею исторіею церковныхъ пѣсней и съ Славянскими списками ихъ, скорѣе можно согласиться съ тѣмъ, что переведены были *Стихирарь* и, можетъ быть, нѣкоторые каноны Козмы и Дамаскина.

О трудахъ Св. Меѳодія Іоаннъ Экзархъ пишетъ: „а великій Божій Архіепископъ Меѳодій, братъ сего, преложи вся *уставныя книги 60* отъ Еллинска языка.... въ Словенскъ.“ Такъ какъ несомнѣнно извѣстно, что каноническихъ книгъ В. и Н. Завѣта съ давняго времени въ Греческой Церкви считали именно 60 (33 книги В. З. и 27 Новаго), то уже и по этой причинѣ видно, что Экзархъ, говоря о 60 книгахъ *уставныхъ*, переведенныхъ Св. Меѳодіемъ, разумѣетъ переводъ именно *каноническихъ* книгъ Св. Писанія ([42]).

([42]) Евреи считали въ своемъ канонѣ 22 книги; но Учители Церкви, отдѣливъ 12 меньшихъ Пророковъ подъ особенный счетъ, считали 33. Такъ въ статьѣ Изборника, извлеченной изъ сочиненія Григорія Богослова, число каноническихъ книгъ простирается до 60, и именно 12 меньшихъ Пророковъ составляютъ не одну книгу, а двенадцать отдѣльныхъ. Послѣ 18-й кн. Эздры слѣдуютъ: 19 Осія, 20 Амосъ, 21 Михей и пр. (Калайдовичъ въ Экзархѣ стр. 136). Антіохъ (въ началѣ VII в.) въ предисловіи къ Пандектѣ говоритъ: «Мы по нашему разумѣнію разумѣемъ подъ царицами (Пѣс. Пѣс. 6, 7.) *каноническія* книги, т. е., *шестьдесятъ* завѣщанныя

Съ другой стороны Экзарху, переводившему Дамаскина, естественно было имѣть въ виду счетъ книгъ, какой принималъ Дамаскинъ. — Дамаскинъ же въ особомъ сочиненіи считаетъ 60 книгъ каноническихъ, и исключаетъ изъ этого счета апокрифическія книги. Это сочиненіе Дамаскина остается въ Греческихъ рукописяхъ. Оно же существуетъ въ древнемъ Славянскомъ переводѣ. Языкъ перевода такъ древенъ, что переводъ надобно отнесть къ первымъ временамъ Славянскаго христіанства. Статья о книгахъ находится уже въ Изборникѣ Святославовомъ 1073 г., въ томъ самомъ, который первоначально переведенъ былъ съ Греческаго по желанію „великаго въ царехъ Симеона“ самимъ Экзархомъ ([43]). Какъ же Экзарху не имѣть въ виду счета книгъ того сочиненія, которое онъ самъ переводилъ? Къ тому же сочиненіе Дамаскина, о которомъ говоримъ мы, составляя краткое извлеченіе нужнаго для справокъ, самимъ составомъ своимъ показываетъ, что гораздо скорѣе Экзархъ могъ имѣть

въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Филиппъ пустынникъ въ своей Діоптрѣ (1095 г.) писалъ: «Имъ (Св. Духомъ) умудренные сіи и тѣ (Апостолы и Пророки) написали всего *60 книгъ, 33 книги* Ветхаго и 27 Новаго завѣта.» При этомъ надобно твердо помнить, что а) считали ли Отцы, по примѣру Евреевъ, 22 книги В. Завѣта (какъ Кириллъ Іер., Лаодик. Соборъ въ пр. 60, Аѳанасій въ Пасх. посл.), или, отдѣляя въ Еврейскомъ счетѣ нѣкоторыя книги, считали 27 (какъ Епифаній въ кн. о вѣсахъ и Дамаскинъ въ кн. о вѣрѣ), никогда въ этотъ счетъ не вносили апокрифическихъ книгъ; счетъ былъ не одинаковый, но всегда однимъ и тѣмъ же книгамъ—книгамъ каноническимъ, а книги апокрифическія не шли въ счетъ; *б*) Отцы Церкви строго запрещали вносить въ канонъ такія книги, каковы Сынъ Сираховъ, Премудрость Соломонова и пр. «Аще и добры суть, обаче съ оными не счисляются, ниже обрѣтахуся положены въ ковчегѣ,» говоритъ Дамаскинъ.

([43]) Калайдовичъ Экзархъ с. 127, 136. Обзоръ Руск. дух. Литер. §4.

его въ виду, когда говорилъ о 60 книгахъ, чѣмъ Пространное изложеніе вѣры, гдѣ не такъ легко отыскать статью о книгахъ, и потому не каждому можно указывать на нее (44). Такъ по показанію Экзарха, видѣвшаго учениковъ Меѳодіевыхъ, Св. Меѳодій перевелъ 60 каноническихъ книгъ Св. писанія, но не апокрифическія.

Съ такимъ извѣстіемъ Экзарха вполнѣ согласны извѣстія Паннонскаго біографа Меѳодіева, преп. Нестора, древняго Пролога (45), равно и другія свидѣтельства древности (46).

(44) Калайдовичъ напечаталъ часть сочиненія, о которомъ говоримъ, (Экзархъ стр. 134), подъ заглавіемъ: «Богословца отъ словесъ». Но это заглавіе не принадлежитъ тому, что напечатано, а предшествующимъ тому стихамъ Св. Григорія Богослова о каноническихъ книгахъ. По Греческимъ и Славянскимъ спискамъ таковъ порядокъ статей Дамаскина, въ ряду которыхъ находится и статья о книгахъ: 1) «Іоанна Дамаскина о Македонскихъ мѣсяцахъ по церковному преданію», далѣе: «мѣсяцы Римлянъ» и другихъ народовъ. 2) «Того же Іоанна о нарочитыхъ книгахъ»: *а*) «Вѣдоможъ да будетъ, яко 22 книгъ есть Ветхаго Завѣта, по составомъ Еврейскы рѣчи» и пр. *б*) Богословца отъ словесъ. «Нъ да убо не чюжими прелищаются книгами: многы бо бываютъ неистовы сказы» и пр. *в*) «О шестидесяти книгахъ: 1) Бытіе; 2) Исходъ.... 35) Евангеліе Матѳея... 60) посл. къ Евреямъ». (Перечень у Калайдовича.) *г*) «*Περὶ τῶν ἔξω βιβλίων*, о книгахъ не состоящихъ въ канонѣ» (См. о Дамаскинѣ пр. 42).

(45) Прологъ: «сѣде же въ земли Моравстѣй (Меѳодій), преложи всѣ *60 книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта* отъ Греческа въ Словенскы.» Паннон. біографъ Меѳодія: «отъ ученикъ своихъ посади два попы скорописца зѣло, преложи въборзѣ *вся книги* исполнь, развѣ *Маккавей*, отъ Греческа языка въ Словенскъ, шестію мѣсяцъ, наченъ отъ Марта мѣсяца до двагодесяте и шести дне Октября мѣсяца. Скончавъ же, достойную хвалу и славу Богу воздасть, дающему таковую благодать и поспѣхъ, и святое вознощеніе тайное съ клиросомъ своимъ взнесъ, створи память святаго Димитрія.» Несторъ буквально

Всѣ они относятъ переводъ каноническихъ книгъ къ первымъ временамъ Христіанства Славянскаго, а переводъ апокрифическихъ книгъ къ позднему времени (46).

повторяетъ слова Паннонскаго біографа, за исключеніемъ двухъ замѣчаній: а) о томъ, что Маккавейскія книги не были переведены вмѣстѣ съ прочими; б) переводъ былъ оконченъ ко дню Димитрія Солунскаго, замѣчательному для Меѳодія, урожденца Солунскаго. Прежде сомнѣвались, не означаетъ ли у Нестора слово: *преложи* — переписалъ. Но у Паннонскаго біографа такое значеніе не имѣетъ мѣста: онъ тоже слово въ смыслѣ перевода употребляетъ нѣсколько разъ.

(46) О Новгородскомъ *Пятокнижіи* 1136 г., о *Псалтыри* XI в. см. у Калайдовича въ Экзархѣ стр. 97. Въ библ. Моск. Д. Академіи списокъ 16 книгъ *Пророческихъ* съ толкованіемъ, а по мѣстамъ и безъ толкованія, списанъ въ 1490 г. съ списка, писаннаго при Кн. Изяславѣ; другой списокъ въ библ. Сергіевой Лавры съ послѣсловіемъ: «въ лѣто 6927 — 1490 написана книга си ис Кириловицѣ.. изволеніемъ Игумена Іосифа въ обители Успѣнія.» Въ той же Лаврѣ въ перг. рук. книга *Навина, Судей, Руѳи,* и потомъ краткое лѣточисленіе: «отъ Володиміра до Всеволода Гюрьевича лѣтъ 200;« слѣд., лѣточисленіе оканчивается 1193 г. и, слѣд., къ тому же времени надобно относить существованіе перевода помянутыхъ канон. книгъ. Кириллъ Туровскій приводилъ мѣста *Осіи* 6, 23. *Соф.* 3, 8. *Исаіи* 66, 18-20. 7, 14. 50, 5. 6. 53, 1-11 *Зах.* 9, 11. *Исх.* 23, 15. 13, 13. *Втор.* 18, 15. 32, 28. 28, 66. *Цар.* 2, 30. *Іер.* 12, 10 и пр. Несторъ приводитъ *Притчи* и *Псалтирь,* мѣста изъ всѣхъ Пророческихъ книгъ, изъ Пятокнижія Моисеева, изъ Іова, изъ Новаго Завѣта. (Собр. лѣт. I. стр. 27, 34, 35, 42, 43, 51, 55, 58, 72, 73, 95). Поликарпъ о затворникѣ Никитѣ, жившемъ при игуменѣ Никонѣ (съ 1078), говоритъ: «не можаше никто стязатися съ нимъ книгами *Ветхаго Завѣта:* весь бо изъустъ умѣаше — *Бытіе, Исходъ, Левити, Числа, Судіи, Царства* и вся *Пророчества* по чину и вся книги Жидовскіа.» (Ркп. Патер.)

(47) Что касается до *апокрифическихъ* книгъ В. Завѣта, то: а)

Наконецъ, Паннонскій біографъ Меѳодія говоритъ, что Св. Меѳодій, по смерти Св. Кирилла, перевелъ еще „Номоканонъ и Отеческія книги“, но какія, не опредѣляетъ.

Въ поясненіе исторіи сихъ трудовъ Славянскихъ просвѣтителей надобно сказать слѣдующее:

а) Славяно-Болгарскій языкъ могъ быть хорошо извѣстенъ Кириллу и Меѳодію, урожденцамъ Солунскимъ, не смотря на Греческое образованіе ихъ, поелику Мизія издревле населена была Славянами. Болгары, занявъ ее и часть Македоніи, начали сами говорить языкомъ Славянскимъ; Македонія, и особенно окрестности Солуня, во время Кирилла и Меѳодія, и еще задолго прежде нихъ, заняты были также нѣкоторыми племенами Славянскими, а Солунь былъ главнымъ торговымъ городомъ для Славянъ Мизійскихъ и Македонскихъ (48). Посему-то жизнеописатель Св. Климента, ученика Меѳодіева, называетъ письмена Кирилловы то письменами Славянскими (*τὰ Σθλοβενῶν γράμματα*), то письменами, изобрѣтенными для народа Славянскаго или Болгарскаго (*τὸ τῶν Σθλοβενῶν εἴτ' ἂν Βουλγάρων γένος*).

онѣ и въ Іоакимовскомъ спискѣ Библіи (1538 г.) переведены съ Вульгаты; даже Князь Острожскій не находилъ въ свое время 3-й книги Маккавейской на Славян. языкѣ, и книги Товита, Іудиѳи и 3-ю кн. Эздры помѣстилъ въ переводѣ съ Вульгаты; б) Панн. біографъ прямо говоритъ, что апокриф. Маккавейскія книги не были переведены и, сказавъ объ одной, даетъ тоже разумѣть и о прочихъ.

(48) Въ Словарѣ у Дюканжа: *Σκλαβινία, ἡ Βουλγαρία*. Glossarium med. Graec. 2, 1392. Абулфараджъ называетъ Симеона Княземъ Болгаровъ и Славянъ. Histor. dynast. p. 161, Chron. Syriac. p. 178. О Славянахъ, окружавшихъ Солунь, по крайней мѣрѣ съ VI вѣка, если не ранѣе, много говорится въ Греч. описаніяхъ чудесъ св. Димитрія.

б) Тотъ же жизнеописатель Климента пишетъ: „между почерпавшими изъ источника ученія ихъ (Кирилла и Меѳодія) находились начальники лика (*τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι*) Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларъ и Савва.“ Онъ же, назвавъ Горазда природнымъ Моравомъ, говоритъ, что тотъ былъ „искусенъ въ обоихъ языкахъ, Славянскомъ и Греческомъ“, а Климента называетъ „краснорѣчивымъ“ (49). Отселѣ понятно, что въ переводѣ Греческихъ книгъ на языкъ Славянскій просвѣтители Славянъ не были предоставлены только самимъ себѣ, но имъ помогали избранные изъ учениковъ. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что ученики, слѣдуя мыслямъ учителей, и по кончинѣ ихъ продолжали заниматься Св. дѣломъ учителей своихъ. Донынѣ извѣстны: *а)* переводы словъ Св. Григорія Назіанзена и толкованій Ѳеодорита на Псалмы, принадлежащіе по языку первымъ временамъ Славянской письменности (50). *б)* Переводъ 4 словъ Св. Аѳанасія противъ Аріанъ, сдѣланный въ 906 г. Константиномъ, Епископомъ Болгарскимъ, „ученикомъ Меѳодія.“ Выборъ *поученій на недѣльные дни* года изъ толкованій Св. Златоуста на Евангеліе (37 бесѣдъ) и частію изъ писемъ Исидора (5 бесѣдъ), составленный тѣмъ же Константиномъ, притомъ съ его собственными вступленіями и заключеніями, съ однимъ цѣлымъ поученіемъ и съ предисловіями (51). Ему же надобно приписать предисловіе „Константина,

(49) Vita S. Clementis. Viennae. 1808.

(50) Слова Григорія Наз., сохранившіяся въ ркп. XI в., и толкованіе Ѳеодорита на Псалмы, по языку признаваемое за современное переводу словъ Григорія, не могутъ принадлежать XI вѣку и потому уже, что въ XI в. Болгаріи было не до перевода книгъ.

(51) Синод. ркп. № 262 «Прологъ о Христѣ умѣренъ съказанія Св. Евангелія, сътворенъ Константиномъ, имъже и преложеніе бысть тогожде сказанія Евангельскаго.» Слѣдуютъ стихи

блаженнаго учителя," къ четыремъ Евангеліямъ, расположеннымъ по ихъ порядку и въ полномъ ихъ видѣ ([52]). Въ предисловіи Псалтыри XIII в. является переводчикомъ Псалтыри „мнихъ Савва," по всей вѣроятности, ученикъ Кирилла и Меѳодія, исполнявшій порученіе учителей въ Святомъ дѣлѣ ([53]). Не говоримъ объ извѣстныхъ трудахъ просвѣщеннаго пресвитера Іоанна, который былъ также сотрудникомъ учениковъ Меѳодіевыхъ въ Болгаріи ([54]).

— тѣ же, что изданы г. Погодинымъ при сочиненіи Добровскаго; только здѣсь есть лишніе, но характеристическіе.
»Шестокрилатъ силу въспріимъ,
Шествую нынѣ по слѣду *учителю,*
Имени *ею* и дѣлы послѣдуя«, и проч.

Константинъ (по Шаф.) говоритъ, что онъ приступилъ къ своему труду по прошенію Наума, и другихъ; сей Наумъ, конечно, соученикъ его при Кириллѣ и Меѳодіѣ (пр. 23, 27.). За бесѣдами слѣдуетъ: *а)* Краткое объясненіе церковныхъ дѣйствій и вещей (именно Св. Германа П.); *б)* Краткая хронологія, гдѣ на концѣ: «всѣхъ же лѣтъ отъ пропятія Христова до Льва Царя нынѣшняго девятъ сотъ осмнадцать.»

([52]) См. Извѣст. Акад. наукъ VII, 145 — 148. Кириллъ — Константинъ прелагалъ «изборъ».

([53]) Купріянова описаніе Псалтыри въ Ж. Мин. просв. 1855. ч. 88. «Ту въ прилежаніи твоемъ и мене грѣшнаго мниха Савву помяни, да твоимъ свершеньемъ мой недостатокъ наполнится.... Азъ же недостоиный, худый мнихъ и лѣнивый, слышавъ и видѣвъ псалтырь сицевый грьчьскимъ языкомъ написанъ, сжалихъ си, помысливъ свое неразумье, понеже не разумѣхъ добрѣ грьчьскы: но пакы убояхся бѣды раба онаго лѣниваго.... елико мощно постигши изложихъ».

([54]) Въ дополненіе и подтвержденіе изслѣдованіямъ Калайдовича, замѣтимъ: въ Шестодневѣ своемъ Екзархъ пишетъ, что *а)* Болгарами управляютъ собственные Князья ихъ, притомъ не Цари, и что Князья ихъ, также какъ у Хазаръ, наслѣдуютъ сынъ отцу, братъ брату, по древнему обычаю (Сл. 5). А родъ Бориса лишенъ наслѣдственныхъ правъ при правнукѣ

Такъ дѣйствовали Св. просвѣтители Славянъ и сами, и чрезъ учениковъ своихъ! Въ заключеніе представимъ мысли Запада, гнавшаго труды Славянскихъ учителей. Папа Іоаннъ, защищая Св. Меѳодія отъ враговъ его, писалъ: „Не мѣшаетъ здравой вѣрѣ или ученію, или пѣть миссу на Славянскомъ языкѣ, или читать Св. Евангеліе, или чтенія изъ Н. и В. Завѣта, хорошо переведенныя, или пѣть всѣ другія службы

Бориса, въ концѣ X в. *б*) Онъ представляетъ дворъ Князя Болгарскаго въ такомъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ тотъ былъ только при Кн. Симеонѣ, сынѣ Бориса (Слово 3 и 6). *в*) Даетъ видѣть, что въ его время еще много было язычниковъ между племенами Славянскими: «да ся срамляютъ убо вси пошибени и скверніи Манихеи и вси *погани Словене,* и вси языцы зловѣрніи (4 Слово).» Шестодневъ Іоанна заключаетъ въ себѣ три толкованія: Севериана Гевальскаго, неизвѣстнаго, и Василія, а въ той части его, которая не принадлежитъ ни Северіану, ни Василію, находятся какъ помянутыя замѣчанія о Болгарахъ, такъ еще филологическія замѣчанія объ отношеніи Славян. языка къ Греч. (см. у Калайд. стр. 154), а это показываетъ, что сія часть принадлежитъ самому Іоанну. Такимъ образомъ самое содержаніе Шестоднева показываетъ, что переводчикъ-сочинитель Шестоднева жилъ при Князѣ Симеонѣ. О томъ, что Іоаннъ Экзархъ имѣлъ помощниковъ себѣ при переводѣ Греч. сочиненій, говоритъ послѣсловіе Аѳанасіевой біографіи Вел. Антонія: «ни собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но *принуждены отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли.* Не точію *Антонія* великаго житіе повелѣни быхомъ преложити, но и пречуднаго Петрова ученика, *Панкратія,* яко не сущимъ преложеннымъ никимъже прежде насъ.« Это послѣсловіе показываетъ и значеніе Экзарха: Іоаннъ былъ уполномоченный Патріарха, чтобы рѣшать церковныя сомнѣнія, соблюдать порядокъ, начертанный правилами, особенно же оберегать Болгарскую Церковь отъ насилій Папскаго властолюбія и своеволія.

часовъ.“ А другой Папа, запрещая Славянскія книги, писалъ: „Не напрасно благоугодно Богу, чтобы Св. Писаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было сокровенно, дабы иначе, если бы для всѣхъ было совершенно ясно, не унизилось оно и не подверглось презрѣнію.“ Не такъ, какъ поздній Папа, мудрствовалъ Востокъ свѣтозарный въ лицѣ Св. Кирилла и Меѳодія!

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ЗАСѢДАНІИ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ПРЕДСѢДАТЕЛЕМЪ, М. П. Погодинымъ,

11 мая, 1863 года,

ВЪ ПАМЯТЬ О СВ. КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІѢ.

Милостивые Государи!

Собравшись впервые въ день, посвященный церковію памяти славянскихъ первоучителей, Св. Кирилла и Меѳодія, ничѣмъ, съ своей стороны, мы не можемъ болѣе и достойнѣе почтить изобрѣтателей славянской грамоты и переводчиковъ Священнаго Писанія на нашъ родной языкъ, какъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ объ ихъ равноапостольныхъ подвигахъ и объ ихъ животворныхъ трудахъ, которыхъ плодами большая часть Славянскаго народа тысячу лѣтъ пользовалась и до сихъ поръ пользуется.

Древность завѣщала намъ много свидѣтельствъ, какъ современныхъ безсмертнымъ братьямъ, такъ и близкихъ къ эпохѣ ихъ дѣятельности.

Свидѣтельства эти принадлежатъ разнымъ племенамъ и разнымъ лицамъ. Источники ихъ происхожденія, точно какъ и цѣли ихъ оглашенія, по существу своему и по сопровождающимъ обстоятельствамъ, очень различны. Исчислимъ главнѣйшіе:

Житіе Св. Кирилла, писанное, вѣроятно, ученикомъ его Св. Климентомъ.

Житіе Св. Меѳодія, писанное, вѣроятно, имъ же (до 907 года). (1)

Сказаніе о обрѣтеніи мощей Св. Климента папы римскаго, принадлежащее, можетъ быть, самому Св. Кириллу. (2)

---

(1) Вотъ мѣста, изъ которыхъ явствуетъ близость сочинителя ко времени Св. братьевъ—въ житіи Св. Кирилла:

Богъ милостивый... еже сотвори и въ *нашь родъ*, воздвигый намъ учителя сицего, иже просвѣти языкъ *нашь*.

Коньстантинъ философъ, наставникъ и учитель *нашь*. (По списку Шаф.)

Въ житіи Св. Меѳодія:

Въ *наша льта* языка ради нашего, о немъ же ся не бѣ никто николиже попекълъ... воздвиже *нашего* учителя, блаженнаго Меѳодія....

Отъ того же дне велми начатъ расти Божіе ученіе... тольми паче и Моравьска область пространити начатъ вься страны, и врагы своя побѣжати, и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдають присно.

Ты же свыше... молитвами своими призирай на *ны* желающая тебе, избавляи отъ всякоя напасти *ученикы своя*... да достойно зъванія вашего живьше, сѣдѣ станемъ съ тобою твое стадо.

(2) Идохомъ до блаженнаго отока... главу Климента видѣвъ первойцы, иже и се есть повѣстникъ, абіе блаженный гласъ возоши. То есть: повѣствователь, первый увидѣвъ главу Климента, испустилъ радостный гласъ.

Въ житіи Кирилловомъ сказано: Убѣжд же архіепископа (въ Корсунѣ)... и въсѣдьше въ корабля идоша на мѣсто, и утишьшуся морю велми... и посемь явившася светые мощи, еже вьзьмше... вънесоша въ градъ, *якоже пишеть* въ обрѣтеніи его.

Г. Горскій (Москвитянинъ, 1843 г. ч. 3, N 6, с. 414) поправляетъ: „якоже пишется;“ но почему же не принять, что авторъ, Климентъ, говоритъ такъ о Св. Кириллѣ, т. е. якоже пишетъ онъ, Кириллъ, въ своемъ описаніи обрѣтенія мощей?

Службы Св. Кириллу и Меѳодію, сочиненныя, по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ думаетъ Григоровичъ, не позже X столѣтія.

Житіе Св. Климента (916), ученика Меѳодіева, писанное въ близкое отъ него время.

Грамоты папы Іоанна VIII, 874—882.

Свидѣтельства Анастасія библіотекаря, 869, 875 г.

Неизвѣстный современный нѣмецъ Зальцбургскій о обращеніи Карантанъ, 873.

Свидѣтельство монаха Храбра, изъ X столѣтія. (1)

Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, современникъ вѣроятно Симеона, царя Булгарскаго (888—927).

Италіянская, такъ называемая Добровскимъ, легенда, принадлежащая къ XI столѣтію, и составленная Епископомъ города Велитри, Гавдерикомъ.

Моравская легенда, по ней сочиненная, можетъ быть, въ XIV вѣкѣ.

Чешскія житія Св. Вячеслава и Людмилы,—Христана въ концѣ XIII столѣтія, по древнимъ источникамъ (961—983, 927).

Русскій лѣтописатель Несторъ, XI вѣка.

Діоклейскій пресвитеръ около 1161.

Извѣстія въ прологахъ XII вѣка и слѣд. (2)

Согласныя въ главныхъ чертахъ, всѣ эти свидѣтельства въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ между собою не сходятся, а въ подробностяхъ и частностяхъ представляютъ иногда даже противорѣчія, возбуждаютъ сомнѣнія: явленіе очень обыкновенное при всѣхъ историческихъ событіяхъ, даже

(1) *Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ* (Св. Кирилла и Меѳодія).

(2) Подробнѣйшее обозрѣніе см. у архіепископа Филарета Черниговскаго, Историч. ученіе объ отцахъ Церкви, т. III, с. 351. У Бодянскаго въ его сочиненіи о времени происхожденія славянскихъ письменъ, 1855.

такихъ, которыхъ намъ самимъ приходится быть современниками и очевидцами.

Ученые, славянскіе и иностранные, съ прошедшаго столѣтія преимущественно приложили стараніе разобрать и оцѣнить исчисленныя свидѣтельства, доказать ихъ подлинность, опредѣлить степень довѣрія, каждому принадлежащую, сличить показанія и провѣрить ихъ однѣ другими, разрѣшить сомнѣнія, опровергнуть возраженія и пріурочить каждое къ своему времени.

Помянемъ прежде всего съ благодарностію этихъ почтенныхъ ревнителей науки, друзей Славянскаго народа.

Къ прошедшему періоду, когда извѣстны были только западные источники, принадлежатъ Коль (1), Паджи (2), Ассемани (3), Добнеръ (4), Салагій (5), и преимущественно Шлецеръ (6), и Добровскій (7).

Шлецеръ привелъ въ порядокъ, въ ясность, все извѣстное и дознанное до него, указалъ правила для слѣдующихъ работъ, и возбудилъ вниманіе къ вопросу во всемъ евро-

---

(1) Introductio in historiam et rem litter. Slavorum. Arlmoni 1729.

(2) Въ критическихъ замѣчаніяхъ на церковную исторію Баронія (Антверпенское изданіе 1705 г.).

(3) Kalendaria Ecclesiae Universae (Римское изд. 1755 г.).

(4) Примѣчанія на Чешскія лѣтописи Гайка Hajeci, Прага, 1765.

(5) De statu Ecclesiae Pannonicae.

(6) Его Несторъ, въ русс. переводѣ, ч. II, гл. IX.
См. вообще Шлецеровъ Несторъ, т. II, с. 411 и пр. У Бодянскаго с. 176.

(7) Кириллъ и Меѳодій, изслѣдованіе, мною переведенное съ Нѣм. Москва, 1825, по порученію графа Румянцева.
Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Русскій переводъ мой съ Шевыревымъ. (С. Петербургъ, 1833 г.)

пейскомъ ученомъ мірѣ. Добровскій своими изслѣдованіями о Кирилловомъ языкѣ и образцовою грамматикою положилъ основаніе славянской филологіи и вмѣстѣ возрожденію всего Славянскаго народа, на Кирилловомъ основаніи. Его изслѣдованіе о Славянскихъ первоучителяхъ вышло въ 1825 г.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи выступаютъ на поприще наши изслѣдователи: Востоковъ, занимающій первое мѣсто между ними, разсужденіемъ своимъ о Славянскомъ языкѣ, 1810 г., сдѣлавшійся родоначальникомъ славяно-русской филологіи, сочинитель грамматики и словаря, издатель Остромирова Евангелія; Кепенъ, служившій долго посредникомъ между славянскими и русскими учеными при самомъ началѣ новой науки; Копитаръ, продолжатель трудовъ Добровскаго, своею критикою принесшій ей много пользы; Калайдовичъ, извлекшій изъ тьмы множество древнихъ памятниковъ, и изслѣдованіемъ объ Іоаннѣ Экзархѣ содѣйствовавшій много уясненію вопроса.

За ними послѣдовали въ наше время Горскій, ректоръ Московской Духовной Академіи, и Филаретъ, нынѣ архіепископъ Черниговскій, предъявившіе вполнѣ древнія житія Св. Кирилла и Меѳодія, и употребившіе ихъ въ дѣло.

Незабвенный Шафарикъ объяснилъ, дополнилъ, исправилъ всѣ прежнія изслѣдованія, и возведя на высокую степень науку Славянскихъ древностей, упрочилъ ея существованіе. Его мнѣнія и сомнѣнія подали поводъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ.

Къ послѣднему времени принадлежатъ всякаго уваженія достойные труды Григоровича, Шевырева, архіепископа Макарія, Буслаева, Бодянскаго, Срезневскаго, Ундольскаго, Невоструева, Викторова, Гильфердинга и Лавровскаго.

Нельзя иногда не удивляться терпѣнію и внимательности, настойчивости, проницательности и остроумію тружениковъ,

которые очистили поле нашего изслѣдованія и приготовили намъ вѣрныя данныя для дальнѣйшихъ соображеній. Иному случилось плодомъ своей многолѣтней работы получить только одно краткое замѣчаніе, одно опроверженіе какого-нибудь неправильнаго показанія, одинъ голый вопросъ, возбуждающій къ дѣятельности слѣдующее поколѣніе, — но этимъ замѣчаніемъ, опроверженіемъ, вопросомъ, предметъ подвигался впередъ, или выводился на лучшую дорогу, уяснялся; и вотъ, мы можемъ теперь вести его дальше, можемъ не отвлекаться частностями и мелочами, не привязываться къ буквѣ, отрѣшаться отъ всѣхъ вставокъ, не вступаться ни въ какія постороннія разсужденія, и легко различать важныя показанія отъ неважныхъ, существенныя отъ случайныхъ, не стѣсняясь обязанностію разбирать показанія въ ихъ различной по различнымъ свидѣтельствамъ послѣдовательности.

Въ настоящемъ разсужденіи я намѣренъ предложить обозрѣніе главныхъ принадлежащихъ сюда вопросовъ, какъ мнѣ они теперь представляются, сообразно ихъ естественному ходу и относительной важности. Я позволю себѣ предложить и нѣкоторые новые отвѣты, вѣроятные или возможные.

Постоянныя занятія однимъ и тѣмъ же предметомъ впродолженіи многихъ лѣтъ производятъ въ умѣ всякаго изслѣдователя собственное мнѣніе, образуютъ собственное понятіе, въ которомъ дополняются, уясняются и располагаются полученныя свидѣтельства и добытые наукою результаты. Это понятіе, это мнѣніе, слѣдствіе психологическаго внутренняго процесса, этотъ умственный синтезисъ, невольное произведеніе долговременнаго анализа, безъ притязаній на непогрѣшимость, имѣетъ право на вниманіе, на принятіе къ соображенію, къ свѣдѣнію, при дальнѣйшей обработкѣ спеціалистами всякой исторической эпохи.

Вотъ какіе вопросы въ жизни Святыхъ братьевъ должны привлекать, по моему мнѣнію, преимущественное вниманіе

историка, критика и филолога, и вотъ въ какомъ порядкѣ:

1. Ихъ происхожденіе: кто они были родомъ, то-есть, къ какому народу принадлежали.

2. Источникъ, побужденіе къ первой мысли перевести Священное Писаніе на славянскій языкъ: откуда получили они его — извнутри, изъ своей души, изъ своего ума, или извнѣ, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ.

3. Какому нарѣчію славянскаго языка принадлежитъ переводъ, сдѣланный Св. братьями.

4. Какой церкви принадлежали Св. братья, восточной или западной.

Великія дѣла Св. братьевъ, изобрѣтеніе славянской грамоты и переводъ Священнаго писанія связаны естественно съ двумя средними вопросами.

Для кого именно первоначально Св. братья переводили и когда, — это вопросы любопытные, но менѣе важные въ сравненіи съ предложенными.

Распространяться въ доказательствахъ великаго значенія трудовъ Св. Кирилла и Меѳодія для многочисленнаго Славянскаго народа, по всѣмъ православнымъ племенамъ, въ прошедшемъ и будущемъ, казалось, было бы излишне: оно поражаетъ всякаго мыслящаго испытателя судебъ народныхъ и человѣческихъ; оно прочувствовано было глубоко и выражено горячо даже первыми причастниками новаго ученія, въ періодъ бѣдственнаго состоянія Славянскихъ племенъ. Пусть обратятъ вниманіе слушатели на похвалы Святымъ первоучителямъ, написанныя въ ближайшее къ нимъ время: какихъ умилительныхъ выраженій онѣ исполнены!

Сочинитель службы Св. Кириллу, жившій вѣроятно не позже IX столѣтія, сравниваетъ прямо славянскаго учителя, по случаю кончины его въ Римѣ, съ Св. первопрестольными апостолами Петромъ и Павломъ: Блаженъ градъ, пріимый *третьаго сѵвершителя Божьаго смотренія:* той оубо

верховною свѣтилоу (Св. ап. Петра и Павла) останкы наполняя, явися блаженный сей: тѣмъ же и съ нима повелѣ емоу Господь Богъ пречьстный покои пріяти.

Это самое мѣсто паходится и въ похвалѣ Св. Кириллу. (*) Люди высшаго образованія воздали трудамъ Св. Кирилла и Меѳодія должную, достойную хвалу. Мы приведемъ здѣсь только нѣсколько мѣстъ изъ Шлецера, слишкомъ за шестьдесятъ лѣтъ почти сказанныхъ, какъ иностранца, какъ одного изъ первыхъ всесторонне образованныхъ ученыхъ своего времени, какъ принадлежащаго къ тому народу, который наименѣе способенъ чувствовать что либо славянское.

„Итакъ привѣтствую васъ здѣсь,“ воскликнулъ великій критикъ кончивъ свое изслѣдованіе, „безсмертные изобрѣтатели Славенскія грамоты. Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; въ этомъ дѣлѣ поступили вы какъ люди, отличнымъ умомъ одаренные, и для каждаго особеннаго звука, котораго Грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новые особенные знаки или буквы. Какъ малъ противу васъ эльзасскій монахъ Отфридъ, или кто бы то ци былъ тотъ Нѣмецъ, который осмѣлился первый писать на своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку!“

...„Достойно замѣчанія, съ какимъ отличнымъ благоразуміемъ приступаютъ они къ великому своему дѣлу. Римскій проповѣдникъ говорилъ: „вѣрь своему священнику“. Греческій, то есть славянскій же здѣсь говоритъ: „вѣрь слову Божію, возвѣщаемому тебѣ твоимъ священникомъ; но точно ли его онъ возвѣщаетъ, смотри самъ, вотъ оно

(*) См. у Шафарика, с. 30.

на твоемъ языкѣ.“ Но этого мало: переводъ свой начинаютъ они Новымъ Завѣтомъ, содержащимъ въ себѣ такое только нравоученіе и исторію, которые понятны для всякаго мыслящаго человѣка при первомъ его выходѣ изъ грубаго состоянія. Изъ Ветхаго же Завѣта выдаютъ они на первый разъ только Псалтирь, также очень полезную книгу для благоговѣнія народа.

...„Представьте себѣ важное слово религія, во всемъ его достоинствѣ! Слѣдственно должны быть учители религіи, учители народа, или священники, которые могли и должны бы наставлять грубыхъ невѣждъ, исправлять порочныхъ, утѣшать больныхъ, пріуготовлять умирающихъ; а эти священники не могутъ говорить съ ними, даже наружные обряды религіи должны отправлять на языкѣ, непонятномъ для народа! Не возмущаетъ ли это человѣческаго разсудка? Однако же это стерпѣлъ тупой Нѣмецъ, германскій Вендъ, польскій Славянинъ, Датчанинъ, Шведъ: но не моравскій, богемскій и паннонскій Славянинъ, (прибавимъ: болгарскій, сербскій, русскій). Честь и слава славянскому разсудку.“

.....„Образованіе языка словенскаго (или русскаго, ибо въ существѣ и тотъ и другой одинаковы—*замѣтимъ это выраженіе)* началось въ 9 вѣкѣ: съ 10 продолжалось оно въ Россіи безпрерывно, не оригинальными писателями, но новыми переводчиками другихъ сочиненій всякаго рода, а особливо историческихъ, законныхъ и церковныхъ книгъ.“

...„Здѣсь смѣю я сдѣлать два положенія, которыя утверждаю уже лѣтъ 30, но которыя всѣми вообще считаются за парадоксы: 1, изъ всѣхъ новыхъ языковъ славенскій есть самый образованнѣйшій (я не говорю здѣсь объ его богатствѣ и другихъ преимуществахъ); какъ онъ достигъ сего, это объяснится ходомъ его образованія. Образцомъ ему служилъ греческій языкъ, образованнѣйшій изъ всѣхъ

тогдашняго времени, хотя Кедринъ и не писалъ уже какъ Ксенофонтъ. Славенскій же языкъ былъ отмѣнно удобенъ къ воспріятію всѣхъ свойствъ и красотъ греческаго.“

„Поелику переводчики переводили большею частію слово въ слово (а не какъ Кедмонъ Англо-саксъ и Нѣмецъ Отфридъ, которые передѣлывали все по стихотворчески), то и должны были волею или неволею гнуть свой языкъ, дѣлать его гибкимъ, выискивать новые обороты, чтобы вѣрнѣе выразить подлинникъ, и проч.

„Изъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ славенскій образовался прежде всѣхъ. Каковы были въ 13, 14 стол. нѣмецкій, французскій, англійскій и прочіе языки.“ Стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ способствовало въ этомъ Руссамъ. Переводъ съ образованнаго греческаго языка продолжался нѣсколько вѣковъ безпрерывно; служба Божія отправлялась на отечественномъ языкѣ; всѣ временники, всѣ грамоты писались на своемъ языкѣ (а не по латыни, какъ во всей прочей Европѣ). Какъ именно мы Нѣмцы опоздали въ этомъ (ибо не болѣе 70 лѣтъ какъ начали мы писать чисто по нѣмецки, къ чему пріучились большею частью переводами съ французскаго и англійскаго), очень живо чувствую я, читая русскую Четію-Минею, можетъ быть 14 столѣтія, и тотчасъ за нею собраніе нѣмецкихъ проповѣдей, напечатанное въ 1674, и сравниваю не содержаніе, а слогъ ихъ. Въ первой нахожу я порядокъ въ изложеніи, круглые періоды, вводныя предложенія, связанныя одно съ другимъ десятью различными причастіями, звучныя, сильныя и богатыя слова, и проч. Какое сравненіе съ бѣднымъ нѣмецкимъ проповѣдникомъ, не забывая и тогда же и тогдашняго регенсбургскаго подъячаго! Непонятно однако же, какъ долго Русскіе не переносили въ великорусскій языкъ великолѣпія славенскаго, хотя ничего не было легче этого. Лѣтъ съ 50 только, какъ явились три (по крайней мѣрѣ мнѣ съ этой

стороны очень извѣстные) человѣка, дѣлающіе эпоху, одинъ за другимъ, и одинъ лучше другаго, которымъ удалось это какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ: Ломоносовъ, Херасковъ, Карамзинъ.“

„Для будущаго русскаго историка много еще предстоитъ труда въ этомъ дѣлѣ; а Кириллъ и Меѳодій и участь его единовѣрцевъ въ другихъ земляхъ неоспоримо принадлежатъ его вѣдомству.“

„У насъ есть много сочиненій (о Богослуженіи), но большая часть писана противною стороною и съ безстыднымъ пристрастіемъ: сразиться съ послѣднимъ, какое славное дѣло для русскаго, любящаго свою церковь и языкъ.“ (II, 582.)

„Знатоки отдадутъ мнѣ справедливость,-такъ заключаетъ Шлецеръ X главу своего Нестора, что я отдѣлалъ ее съ отмѣннымъ стараніемъ; да и не стоила ли она того?“

Шлецеръ разсматривалъ событіе съ общей, отвлеченной, такъ сказать, философской, космополитической точки зрѣнія, и цѣнилъ его сравнительно съ исторіей прочихъ народовъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи Св. Кирилла и Меѳодія, относительно русской исторіи, относительно русской жизни, какъ она при ихъ участіи слагалась, въ какомъ положеніи находится теперь, и чѣмъ обѣщаетъ, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться впредь.

Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ, скажу смѣло, есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе, до сихъ поръ, нашего политическаго значенія. Если Русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, одичалъ, не лишился человѣческаго образа, ни вслѣдствіе почти трехсотлѣтняго монгольскаго ига, ни вслѣдствіе другихъ враждебныхъ событій, если не погасла

въ насъ, не смотря ни на какія бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святаго огня, способная въ счастливое время воспылать, пролить свѣтъ и теплоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы Богослуженію на родномъ языкѣ, учрежденному Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу, для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія. Здѣсь все нравственное, сердечное, умственное, до сихъ поръ, сокровище Русскаго народа. „Господи помилуй“, „Отче нашъ“, вотъ гдѣ вся его мудрость; вотъ гдѣ его насущный благодатный хлѣбъ, которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ Св. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина, пожалуй хоть полиція.

А несчастные Болгары, а несчастные Сербы, стонущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддерживается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ надежды, чѣмъ облегчается ихъ несносное бремя? Славянскимъ богослуженіемъ, кромѣ котораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего.

Какія происшествія составляютъ сущность Русской исторіи, главныя наши эпохи?

Основаніе государства,

Принятіе Христіанской вѣры,

Столица Москва,

Донское побоище,

Освобожденіе Россіи отъ Поляковъ,

Полтавская побѣда,

Сожженіе Москвы въ 1812 году, — и самое къ намъ близкое, самое радостное, животрепещущее, — это

Освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крѣпостнаго народа!

Великія происшествія! Такъ вотъ между этими происшествіями Богослуженіе на своемъ языкѣ занимаетъ первое мѣсто, рядомъ съ введеніемъ Христіанской вѣры при Св.

Владимірѣ, относительно благодѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего русскаго народа, въ продолженіи истекшаго тысячелѣтія.

И не только занимаетъ оно одно изъ первыхъ мѣстъ, но условливаетъ всѣ прочія, служитъ имъ или основаніемъ, или утвержденіемъ, или распространеніемъ. Такъ въ сраженіи на Куликовомъ полѣ душою былъ Св. Сергій, а рукою Дмитрій Донской; такъ въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, Гермогенъ, Іоасафъ, Діонисій, Палицынъ, участвовали не менѣе Пожарскаго, Минина и Сусанина, возбуждая народъ возстать за домъ Пресвятой Богородицы.

Вотъ что сдѣлали для Русскаго народа Св. Кириллъ и Меѳодій!

А что наши такъ называемые учители, нещующіе быть передовыми людьми, что они сдѣлали для народа въ этомъ отношеніи?

Они — ничего; ничего не только въ сравненіи съ дѣйствіями Св. Кирилла и Меѳодія, но и вообще ничего! И находятся еще безсмысленные между ними, которые хотятъ вырвать изъ рукъ у Русскаго народа эту единственную для него духовную пищу. Да что же безъ нея будетъ съ народомъ! Чѣмъ замѣнятъ ее передовые безумцы? Неужели они думаютъ, что горячешнымъ ихъ бредомъ, наполняющимъ современные листы, которые разноситъ ежедневно вѣтеръ, можетъ удовлетворяться русскій добрый, толковый православный народъ? Неужели они думаютъ, что любимая ихъ молитва „чортъ возми“ будетъ спасать русскій народъ лучше, чѣмъ его тысячелѣтнее „Господи помилуй?“ Неужели они думаютъ, что изъ ихъ *ничего* можетъ произойдти что нибудь, что нибудь путное и прочное. Ex nihilo nihil fit, кромѣ развѣ нигилистовъ, взаимно другъ друга уничтожающихъ и погрязающихъ въ своемъ нелѣпомъ ничтожествѣ. Туда имъ и дорога!

Я почелъ нужнымъ сдѣлать эту вставку, имѣя въ виду нѣкоторые новомодные толки, начинающіе къ счастію утихать, но соблазнившіе и увлекшіе на нѣсколько времени много неопытной, малообразованной нашей молодежи!

Приступаемъ къ предмету нашего разсужденія.

Почему нынѣшній день, 11 мая, избранъ для чествованія нашихъ незабвенныхъ первоучителей, Св. Кирилла и Меѳодія?

Св. Кириллъ скончался 14 февраля, Св. Меѳодій скончался 6 апрѣля.

Въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ житій память Кириллова относится еще къ 14 октября, Меѳодіева къ 4 апрѣля. Но празднованіе имъ обоимъ вмѣстѣ въ древнихъ святцахъ, по замѣчанію одного глубокаго знатока нашей письменности, нигдѣ не встрѣчается. Западные Славяне празднуютъ память обоихъ 9 го марта. По какой же причинѣ и когда началось впервые празднованіе 11 мая? Но вы удивитесь, ММ. ГГ.,—я обращаюсь къ большинству настоящихъ свѣтскихъ слушателей,— когда я вамъ скажу, что еще празднуется Православною церковію въ нынѣшній день, 11 мая!

Обновленіе царьграда.

Вотъ святцы (1): „11 мая, Обновленіе Царь-града, бывшее во время перваго Вселенскаго собора, по пренесеніи Константиномъ Великимъ престола отъ Рима въ Византію, и отъ 380 Св. отецъ, сшедшихся на соборъ, наименованъ тогда сей градъ Константинополемъ, въ лѣто 310 по Р. Х.“

А. В. Г. въ письмѣ своемъ ко мнѣ, обращая мое вниманіе на это примѣчательное совпаденіе, спрашиваетъ: „Что это, пророчество или случайность? По какому поводу отнесено воспоминаніе о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ ко дню воспоминанія объ обновленіи Царьграда? Или церковь русская, за долго еще до настоящаю времени, хотѣла замѣнить утраченную

(1) См. Рѣшетниковское 2 изданіе, 1802 г. Москва, с. 97.

славу столицы Православія другимъ воспоминаніемъ, болѣе обѣщающимъ впереди?“

Такъ! будемъ видѣть въ этомъ примѣчательномъ соединеніи двухъ воспоминаній знаменательное указаніе, вожделѣнный залогъ будущихъ судебъ Славянскаго народа.

Кириллъ и Меѳодій, первые и, увы! до сихъ поръ послѣдніе истинные панслависты, должны быть символомъ Славянскаго общаго обновленія. Славянскій языкъ, ихъ наслѣдіе, долженъ быть средоточіемъ, связію всѣхъ славянскихъ племенъ, основаніемъ ихъ единства, условіемъ ихъ своеобразнаго развитія, средствомъ возбужденія къ новой жизни, источникомъ спасенія и освобожденія отъ всякаго ига, вещественнаго и духовнаго, турецкаго и нѣмецкаго. Освобожденные, вѣрно потрудятся они и для конечнаго, втораго обновленія Константинова града, гдѣ, когда и какъ, Богъ исторіею имъ укажетъ.

Замѣтимъ еще, что въ нашей Четьи-Минеѣ подъ 11 мая значится обрѣтеніе Св. Кирилломъ въ Черномъ морѣ мощей Св. Климента, папы Римскаго.

Приступаемъ къ изслѣдованію вышеизложенныхъ главныхъ вопросовъ:

Вопросъ первый: кто были родомъ Св. Кириллъ и Меѳодій? Славяне или Греки?

Этотъ вопросъ долгое время былъ пропускаемъ и обходимъ, или упоминаемъ вскользь изслѣдователями (1). Они обращали преимущественно вниманіе на другіе важнѣйшіе

(1) См. Шлецера Несторъ, II, с 472; Добровскаго Кириллъ и Меѳодій, въ моемъ перев. с. 47; Карамз. Ист. Г. Р. т. I, с. ш; Шафарика Слав. Древности въ переводѣ пр. Бодянскаго, т. II, ч. I, с. 313, 329; Копитара Kleinere Schriften, с. 62; Калайдовича, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, с. 3.

въ ихъ глазахъ предметы: изобрѣтеніе гратоты и языкъ перевода.

Большая часть кромѣ геніальнаго, но нестрого отчетливаго Венелина ([1]), склонялась впрочемъ къ мнѣнію, что Кириллъ и Меѳодій были Греки, основываясь на томъ, что они родились въ греческомъ городѣ, знали отлично греческій языкъ, служили въ греческой службѣ, были въ связи съ греческимъ дворомъ.

Недавно только г. Гильфердингъ выразилъ нѣкоторое ограниченіе этому мнѣнію, хоть и съ большою оговоркою, сказавъ: „мы вправѣ признать возможнымъ и *до нѣкоторой степени* вѣроятнымъ, что (Кириллъ и Меѳодій), какъ многіе другіе знатные византійцы, были славянскаго происхожденія, *но съ другой стороны* мы должны признать достовѣрнымъ и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ народу Славянскому, что они были и считали себя Греками? ([2])

Въ наше время, въ эпоху сознанія народностей, вопросъ этотъ привлекаетъ къ себѣ больше вниманія, и намъ очень желалось бы во храмѣ славянской исторіи поставить образы такихъ двухъ великихъ дѣятелей, какъ Св. Кириллъ и Меѳодій.

Прямыхъ, положительныхъ свидѣтельствъ въ первыхъ источникахъ нѣтъ,—какъ въ пользу греческаго, такъ и въ пользу славянскаго происхожденія: мы должны отыскивать оное посредствомъ соображеній и наведеній.

Мнѣ кажется, что они были Славяне.

Всѣ прежнія основанія ихъ греческаго происхожденія не представляютъ никакой особенной прочности, и легко ослабляются противоположными разсужденіями: рожденіе

([1]) Изслѣдованіе объ Исторіи Болгаръ с. 85, 86. Эта книга прошла у насъ не замѣченною въ литературѣ, а въ ней заключается много яркихъ искръ.

([2]) День, 1862, № 29, с. 14.

въ Солунѣ, служба, связи точно также могутъ принадлежать Славянину, какъ и Греку. Почему стратигъ Левъ, отецъ Св. Кирилла и Меѳодія, не могъ быть Славяниномъ, если многіе изъ его современниковъ, на высшихъ мѣстахъ въ имперіи, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, были Славяне. Послушаемъ Шафарика: (1)

„Не упоминая уже о полководцахъ, Доброгостѣ, Всегърдѣ (554), Татимірѣ (592), патриціѣ Оногостѣ (575) и др., назовемъ Никиту патріарха цареградскаго (766—780), Никиту пелопонисскаго, тестя Христофора сына Романова (ок. 900), Гаврилопула и Василича, любимцевъ императорскаго опекуна и намѣстника Александра (911), Борила и Германа, паперсниковъ императора Никифора Ботаніата (1078) и иныхъ. Извѣстно также, что императоръ Василій, прозванный Македонянином (867—886), былъ родомъ Славянинъ, на что указываетъ и его выраженіе, какъ борца (κατὰ πόδρεξαν, т. е. подрѣзъ, подрѣзывать, succisio), равно какъ и свидѣтельство арабскаго историка Гамзы.“ „Самъ Юстиніанъ, можно полагать навѣрное,“ говоритъ Шафарикъ, „происходилъ отъ славянскаго рода, поселившагося еще въ концѣ пятаго вѣка въ Дарданіи. Онъ назывался на своей родинѣ Управда, что соотвѣтствуетъ латинскому его имени Iustinianus. Родина его Ведеріана, въ верхней Македоніи, отецъ—Истокъ, мать Бигленица. Это свидѣтельствуетъ біографія его, составленная воспитателемъ его Ѳеофиломъ.“ (2)

Селунь—греческій городъ; но въ Кириллово время онъ былъ населенъ Славянами въ равной, или еще въ бо́льшей степени, какъ и Греками, а окружная сторона была тогда

(1) Славянскія Древности, т. II, кн. 1, ст. 325.
(2) См. Слав. Древн. с. 256—259.

и до сихъ поръ есть чисто-славянская страна. Средоточіе тамошней торговли — въ Седунѣ (1).

Населенія славянскія въ Мизіи, Дарданіи и Македоніи, Шафарикъ, по основательнымъ причинамъ, относитъ къ концу еще V столѣтія (2). По временамъ подчинялись они Грекамъ, а по временамъ пріобрѣтали себѣ независимость. Македонія въ это время вся была заселена Славянами, и потому называлась тогда Славяніей. (3) Болгаре, покоривши Славянъ во всѣхъ этихъ странахъ (678), смѣшались съ ними, подчинились ихъ вліянію и впослѣдствіи ославянились.

„Весьма также вѣроятно," продолжаетъ Шафарикъ (4), „что во время зависимости мизійскихъ, дарданскихъ и македонскихъ Славянъ отъ Грековъ, сѣмя Христіанской вѣры прежде всего посѣяно было между ними греческимъ духовенствомъ, и, хотя вторженіе Угорскихъ Болгаръ приглушило его на нѣкоторые время, но совершенно истребить не могло."

Разсуждая a priori, мысль о переводѣ чего-либо съ своего языка на чужой допустить гораздо труднѣе, необычайнѣе, чѣмъ мысль о переводѣ съ чужаго языка на свой. Такъ велось всегда и вездѣ. Греки, напротивъ, привлекали все къ своему языку, свой языкъ считали образцомъ совершенства, точно такъ и Римляне думали о своемъ языкѣ. Всѣ прочіе народы въ глазахъ ихъ были варвары, и, чтобъ сдѣлаться людьми, они должны были овладѣть ихъ языками, греческимъ и римскимъ. Даже и теперь Греки и Римляне поступаютъ подобнымъ образомъ: Папа твердитъ по латыни, Константинопольскій патріархъ употребляетъ всѣ усилія противъ болгарскаго, то есть, Кириллова языка, и не допускаетъ его употребленія въ Богослуженіи.

(1) Слав. Древн. т. II, кн. 1, с 339.
(2) ib. с. 258 и слѣд.
(3) ib. с. 294.
(4) ib. с. 261.

Много ли Грековъ и Римлянъ видимъ мы, въ продолженіи исторіи, между переводчиками на какой-нибудь чужой варварскій языкъ?

Въ IX столѣтіи Греку, самому высокообразованному, мысль перевести Св. писаніе, ввести Богослуженіе на чужомъ языкѣ, была бы событіемъ безпримѣрнымъ,—еще болѣе: распространеніе чужаго языка сдѣлать задачей всей своей жизни, посвятить ему всѣ свои труды, съ такою настойчивостью и такимъ самопожертвованіемъ!

Въ самой жизни Св. Кирилла и Меѳодія мы не видимъ греческихъ признаковъ: Грековъ тянуло всегда домой, а Св. Кириллъ и Меѳодій представляютъ какъ бы родовую славянскую особенность, путешествуя безпрерывно — въ Константинополь, къ Козарамъ, къ Аравитянамъ, къ Болгарамъ, къ Моравлянамъ, въ Римъ. Они не вспоминаютъ ни при какомъ случаѣ о своемъ мнимомъ отечествѣ; не вступаютъ ни въ какія сношенія, и не имѣютъ при себѣ никого изъ своихъ соотечественниковъ. Кириллъ кончаетъ жизнь свою въ Римѣ, Меѳодій въ Велеградѣ. Спутники ихъ и ученики пишутъ по-славянски, а не по-гречески, и подвергшіеся гоненіямъ ищутъ себѣ убѣжища не въ Греціи, а между Славянами (1).

Конечно, все это гаданія, кои я представляю предварительно на усмотрѣніе слушателей.

Послѣ разсужденій a priori, обратимся къ разсужденіямъ a posteriori, обозримъ внимательнѣе свидѣтельства: не найдемъ ли мы тамъ какихъ полезныхъ указаній.

---

(1) Одинъ изъ слушателей этой статьи въ рукописи, г. П.. замѣтилъ очень справедливо, что самое путешествіе Кирилла и Меѳодія въ Римъ указываетъ въ нихъ болѣе Славянъ, чѣмъ Грековъ, которые, кажется, не могли такъ легко и свободно послушаться папскаго вызова.

Въ житіи современномъ Меѳодія сказано: „Бѣ же рода не худа отъ обоюду, но вельми добра и честна, знаема первѣе Богомъ и царемъ и всею селунскою страною. потому же и Греци любяще и издѣтска, честныя бесѣды дѣяху.“

Я спрашиваю: еслибъ авторъ житія считалъ Св. Кирилла и Меѳодія Греками, то къ какой бы стати онъ предложилъ замѣчаніе, что Греки любили ихъ издѣтства? Еслибъ они были Греки, то о любви къ нимъ Грековъ нечего было бы и говорить.

Да и предыдущее выраженіе объ извѣстности братьевъ во всей селунской странѣ, по своей обстановкѣ (контексту), указываетъ скорѣе на славянское происхожденіе, чѣмъ на греческое.

Послѣ вышеприведенныхъ словъ о Меѳодіѣ въ житіи сказано: „дондеже царь, увѣдѣвъ быстрость его, княженіе ему дасть дръжати словеньско... дабы проучилъ ся всѣмъ обычаемъ словеньскымъ, и обыклъ я по малу.“

Добровскій неправильно перевелъ эти слова, говоря, что Меѳодій поставленъ былъ воеводою на границахъ славянскихъ земель, гдѣ и нашелъ случай учиться по-славянски. Здѣсь говорится объ образѣ жизни славянской, а не объ языкѣ, извѣстномъ Меѳодію прежде.

Признаюсь, это мѣсто кажется мнѣ какою-то странною авторскою прибавкою: Меѳодій назначенъ правителемъ для того, чтобъ познакомился съ образомъ жизни славянскимъ? Этимъ выраженіемъ какъ будто предполагается что-то послѣ. Что же? Странно поставлять правителю подобную цѣль: понятно предварительное подготовленіе, а управлять съ цѣлію учиться никакъ нельзя и предположить. Учиться же языку въ этомъ случаѣ вовсе немыслимо.

Въ сказаніи о Св. Кириллѣ философѣ, по синодальному прологу (№ 247) XIII или XIV в. и другимъ спискамъ,

подъ 14 февраля между прочимъ говорится, что Св. Кириллъ, взятый къ императорскому двору для воспитанія, „четырмя языки и философіи научися: еллински, римски, сирски, жидовски.“

Спрашивается: еслибъ еллинскій языкъ былъ природный св. Кириллу, то зачѣмъ было бы учиться ему, и почему не былъ бы упомянутъ здѣсь славянскій языкъ? Ясно ли, что славянскій языкъ былъ св. Кириллу природный, потому онъ и не упомянутъ,—а по-еллински онъ долженъ былъ учиться.

Сюда же относится и выраженіе въ Кирилловомъ житіи о обученіи его въ Константинополѣ „Омиру“ и всѣмъ прочимъ *еллиньскымъ* художествамъ (*).

Еллинизмъ считается отъ автора какъ бы чѣмъ-то не своимъ, а чужимъ.

Изъ этихъ оборотовъ мнѣ ясно слышится, что писалъ житія не Грекъ, и не о Грекахъ.

Кириллъ удержанъ былъ въ Константинополѣ въ званіи учителя: „умолиша и учительны столъ пріяти, и учити философіи тоземце и странные со всякою службою и помощію.“

Опять оборотъ, называющій Грековъ туземцами (если такъ понимать туземцевъ), и сопоставляющій ихъ съ странными, отзывается въ пользу нашего мнѣнія.

А еще вѣроятнѣе, что здѣсь вовсе не говорится о Грекахъ, а подъ „туземцами“ разумѣются Селуняне, жившіе въ Константинополѣ, и „странные“, т. е. приходящіе. Такое распоряженіе учить Кириллу не Грековъ, а туземцевъ и странныхъ, даетъ, кажется, понять объ ихъ не

(*) Въ этомъ смыслѣ и въ нашей Четіи-Минеи говорится: «не токмо же въ еллинскомъ языкѣ бѣ премудръ, но и въ другихъ языцѣхъ. Римскаго бѣ писанія изучивъ добрѣ, и сирской бесѣдѣ и прочимъ иностраннымъ навыче языкомъ (см. Шлецеръ, II, с. 569).»

греческомъ происхожденіи. Если бы Кириллъ назначенъ былъ просто учителемъ для Грековъ, то для чего бы нужно прилагать дальнѣйшія объясненія, для кого именно; и что это за „странные“.

Наконецъ при описаніи посольства моравскаго князя Ростислава съ просьбою объ учителяхъ, царь говоритъ нашимъ братьямъ: „вы бо еста Селунянина, да Селуняне всѣ чисто словеньскы бесѣдуютъ.“

Эти слова скорѣе заключаютъ доказательство, что Св. Кириллъ и Меѳодій были Славяне, чѣмъ Греки. Царь какъ бы такъ говоритъ имъ: вы Селунцы, а Селунцы чисто говорятъ по-славянски, и Моравляне васъ поймутъ—идите къ нимъ учить ихъ.

Достаточно ли этихъ мѣстъ для мнѣнія, что Кириллъ и Меѳодій были Славяне, а не Греки, въ дополненіе къ вышеприведеннымъ соображеніямъ? Касательно греческаго происхожденія подобныхъ мѣстъ въ источникахъ не находится. Но можно, кажется, найдти и еще сильнѣйшія доказательства въ пользу нашего мнѣнія, вотъ какія:

Во всякомъ переводѣ, сдѣланномъ иностранцами, даже въ эпоху цвѣтущаго состоянія того или другаго языка, знатокъ, съ чуткимъ ухомъ и зоркимъ глазомъ, подмѣтитъ чуждое происхожденіе, нѣкоторую противоестественность, мертвенность, и отгадаетъ безъ труда, своимъ ли языкомъ пишетъ переводчикъ, или чужимъ. У Француза встрѣтятся непремѣнно галлицизмы, у Нѣмца германизмы. Пускай поработаютъ наши филологи надъ переводомъ Св. Писанія, и отыщутъ слѣды собственнаго или иностраннаго происхожденія. Нѣкоторыя слова или обороты, новые и необходимые, не идутъ сюда въ разсужденіе: они могутъ найтись у природныхъ переводчиковъ со всѣхъ языковъ; во всякомъ языкѣ всегда бываетъ много иностранныхъ словъ. Филологія не есть мой предметъ спеціальный, и я

предоставляю это занимательное и благодарное дѣло ученымъ по ремеслу. Замѣчу только съ своей стороны, что переводъ Кирилла и Меѳодія являетъ важные признаки самостоятельности, даже и для диллетантовъ—въ двойственномъ, напримѣръ, числѣ, котораго нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ, и въ дательномъ самостоятельномъ, которымъ переводится греческій родительный.

Если филологи подтвердятъ замѣчаніе о *живости* славянскаго элемента, то вопросъ о славянскомъ происхожденіи Св. Кирилла и Меѳодія рѣшится окончательно.

Присоединимъ наконецъ къ этимъ заключеніямъ и соображеніямъ, къ этимъ разсужденіямъ a priori и posteriori, слѣдующія положительныя свидѣтельства: въ житіи Св. Кирилла, найденномъ г. Гильфердингомъ въ одномъ сборникѣ (XV—XVI стол.) въ Далмаціи, читается: „сьи преподобный отецъ нашъ Кириллъ рожденіемъ бысть отъ Селуна града, родомъ съ Болгаріи, отъ благовѣрныхъ родителей родися, имя же ему Левъ и матери же его бѣ Марія“ и проч. (1)

Въ Климентовомъ похвальномъ словѣ Св. Кириллу есть такое выраженіе: „прѣидоста оттуду на западныя страны, благовѣствующе слово Божіе въ языкъ новъ, и весь церковный законъ прѣложиша, отъ греческа въ свой имъ языкъ предаста (2).

Excerptum de conversione Carantanorum XIII стол. говоритъ: Supervenit quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius, qui adinvenit sclavicas litteras, et sclavice celebravit divinum officium.

Г. Лавровскій (3) осуждаетъ слишкомъ строго это

(1) См. Извѣстія 2 отдѣленія Академіи наукъ, т. VI, вып. 5.
(2) О времени происхожденія слав. писменъ, с. 159.
(3) с. 216.

извѣстіе за выводъ Меѳодія изъ Истріи и Далмаціи: точности большой нельзя здѣсь требовать, въ подобныхъ перечняхъ часто встрѣчаются и перестановки, и опущенія, и сокращенія, и соединенія.

Арсеній Сухановъ еще въ XVII стол. слышалъ на Аѳонѣ преданіе, что Св. Кириллъ и Меѳодій родились отъ отца Болгарина и матери Гречанки. Это сказаніе, говоритъ г. Григоровичъ (1), помѣщено въ рукописныхъ преніяхъ Арсенія Суханова. Не понимаю только, почему г. Григоровичъ сообщаетъ это извѣстіе въ объясненіи къ тропарю: „пришельца на землю тужду (моравскую), не своему племени,“ какъ будто и въ тропарѣ указывается славянское происхожденіе братьевъ.

Остается мнѣ объяснить нѣкоторыя возраженія. Зальцбургскій лѣтописецъ называетъ Меѳодія: quidam Graecus Methodius. Это названіе можетъ означать только православнаго, восточнаго, греческаго проповѣдника, соотвѣтственно нынѣшнему употребленію (Болгарскій царь Симеонъ назывался полу-грекомъ по своему образованію.). (2)

Еще менѣе можетъ затруднить прозваніе Ромейцевъ, иногда употребленное. Ромейцы—жители восточно-римской имперіи, какого бы происхожденія ни были,—это имя столь же мало можетъ означать Грека, какъ и Римлянина, подобно нынѣшнему названію Австрійца, которое можетъ принадлежать и Славянину, и Венгерцу, и Нѣмцу, и Волоху.

А вотъ еще доказательство и отъ противнаго. Если бы Кириллъ и Меѳодій были Греки, то нельзя было бы объяснить объ нихъ молчаніе греческихъ писателей, которые начинаютъ говорить о нихъ, и то не многіе, очень поздно, и очень поверхностно, неуважительно.

---

(1) Древне-славянскій памятникъ. Казань. 1862 г.

(2) Шафарикъ, ib c. 306.

И такъ, по нашему мнѣнію, Кириллъ и Меѳодій были Славяне, получившіе многостороннее греческое образованіе, и въ этомъ только смыслѣ могли называться иногда Греками.

Они возъимѣли желаніе пріобщить къ такому образованію и весь славянскій народъ: съ этою цѣлію они рѣшились перевести Священное писаніе на свой славянскій языкъ, и для того изобрѣли особыя письмена.

Мы переходимъ ко второму, опредѣленному нами выше вопросу.

По какому поводу, для кого, перевели они Священное писаніе, и изобрѣли славянскую азбуку?

Долго господствовало въ ученомъ мірѣ, и вновь теперь господствуетъ мнѣніе, что изобрѣтеніе и переводъ сдѣланы для Моравовъ, по поводу посольства Моравскихъ князей, Ростислава, Святополка и Коцела, къ греческому императору Михаилу (1).

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, издавая по порученію покойнаго канцлера графа Румянцева переводъ изслѣдованія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, я выразилъ свое сомнѣніе о посольствѣ Моравскихъ князей къ Грекамъ и объ отправленіи въ Константинополь оттуда Кирилла и Меѳодія, на томъ основаніи, что Моравія, Паннонія, въ коихъ владѣли князья сіи, пріяли уже святое крещеніе отъ римскихъ миссіонеровъ, имѣли римскихъ священниковъ и подчинены были папѣ съ давнихъ временъ.

(1) См. Шлецера, II, с. 476. Добровскаго, с. 49. Карамзина, I, с. 110. Калайдовича, Іоаннъ эксархъ Болгарскій, с. 3. Шафарика въ статьѣ Разцвѣтъ славянской письменности, перевод Бодянскаго въ чтеніяхъ О. И. Д. Р. годъ 1848, N 7, с. 40.

„Съ чего же князьямъ симъ, говорилъ я, обратиться вдругъ къ чуждому двору, греческому, съ коимъ не имѣли они сношенія? Въ 865 г., по извѣстію современнаго Кириллу и Меѳодію писателя, въ эпоху пребыванія тамъ братьевъ, зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ праздновалъ у Коцела день Рождества Христова, при чемъ упоминаются и другіе латинскіе священники, у сего князя бывшіе; Меѳодій же началъ дѣйствовать въ областяхъ его только въ 872 году, по извѣстію того же писателя. Діоклейскій священникъ, одинъ изъ древнѣйшихъ свидѣтелей, говоритъ, что Константинъ на пути уже въ Римъ познакомился съ Святополкомъ. Сей Святополкъ является впослѣдствіи совершенно на сторонѣ латинскихъ священниковъ, и принуждаетъ Меѳодія, не смотря на заступленіе самаго папы, оставить свою епархію и удалиться съ горестію въ Римъ. Замѣчу наконецъ, что князья сіи во все это время заняты были политическими раздорами съ Нѣмцами и между собою.“

„О призваніи изъ свидѣтелей говоритъ только итальянская легенда и упоминаетъ объ одномъ Ростиславѣ. Вставщикъ Несторовъ присоединяетъ уже Святополка и Коцела.“

„Важнѣйшую же причину отвергать сіе призваніе вижу я въ томъ, что Кириллъ и Меѳодій, вскорѣ по прибытіи своемъ въ сіи страны, признали надъ собою властъ папы римскаго: могло ли бы случиться, чтобъ они, Греки, греческіе подданные, исповѣдывавшіе вѣру по греческому уставу, отнеслись по духовнымъ дѣламъ своимъ не къ Грекамъ, если бы были посланы сими послѣдними торжественно?“

Такъ я разсуждалъ при неизвѣстности житія Меѳодіева и житія Кириллова, писанныхъ современниками и занимающихъ нынѣ главное мѣсто между источниками.

Нынѣ, когда открыты житія, сомнѣваться нельзя о моравскомъ посольствѣ.

Кириллово житіе свидѣтельствуетъ положительно: „Ростиславь бо моравскый кнезь Богомь оустимь сьвѣтъ сьтвори съ кнези своими моравляны, и посла къ царю Михаилу глаголя: Людемь нашимь поганьства отврьгшіимъ, и по христіаньскы и законь дрьжащіимь, оучителя не имамы таковаго, иже ны бывъ *вь свои езыкь* истиноую вѣроу христіаньскоую сказаль, да се быше и ины страны зрещe подобили намь. Да послы ны, владыко, епископа и оучителя таковаго. *Отъ вась бо на вьсе страны добрь законь исходить.* Сьбравь же сьборь царь, и призва Коньстантина философа и сьтвори и слышати рѣчь сію, и рече: вѣмь те троудна соуща, философе, нь потреба іесть тебѣ тамо ити, сію бо рѣчь не можеть инь никтоже исправити, якоже ты. Отвѣщавь же философь: и троуднь сый и больнь тѣломъ съ радостію идоу тамо, аще имаютъ боуквы въ езыкь свои. Глагола же царь къ ніемоу: дѣдь мои и отьць мои и ины мнози, искавше того не соуть обрѣли, то како азь могоу то обрѣсти? Філософь же рече: то кто можеть на водоу бесѣдоу писати, и еретичьско име себѣ обрѣсти? Отвѣща ему пакы царь и сь Варьдою оуемь своимъ: аще ты хощеши, можеть тебѣ сіе Богь дати, иже и даеть вьсѣмь просещіимь без соумнѣнія и отврьзаеть тькоущіимь. Шьдь же філософь, по прьвомоу обычаю на молитвоу се наложи и съ инѣми поспѣшникы. Вьскорѣ же ѣ емоу Богь яви, послоушае молитвы своихь рабь. И абіе сложи писмена и начеть бесѣдоу писати евангельскоу: Испрьва бѣ слово, и слово бѣ оу Бога, и Богъ бѣ слово, и прочее. Вьзвесели же се царь и прослави Бога съ своими сьвѣтникы, и посла его сь дары многы, писавь кь Ростиславоу епистолію сице: Богь, иже велить всякомоу, да бы въ разоумь истиныи пришьль и на больши се чинь стежаль, видѣвь вѣроу твою и подвигь, сьтвори ныня въ наша лѣта, явль боуквы вь вашь езыкь, егоже не бѣ испрьва было

нь токмо въ прьваа лѣта, да и вы причьтете се великыхъ езыцѣхъ, иже славеть Бога своимь езыкомь.“ (по Шаф.)

Такъ говоритъ современное житіе, отстраняя всякое сомнѣніе о посольствѣ. Но сущность нашего затрудненія выше изложеннаго, остается въ своей силѣ: съ чего было Моравскимъ князьямъ отправлять посольство именно въ Константинополь? Что могло побудить ихъ къ тому, вопреки прежнимъ связямъ съ Римомъ? Почему могли они надѣяться удовлетворенія въ Константинополѣ больше, чѣмъ въ Римѣ? Надо разрѣшить и объяснить этотъ вопросъ какъ бы то ни было.

Самымъ правдоподобнымъ объясненіемъ представляется слѣдующее:

Моравскіе князья *услышали о славянскомъ Богослуженіи, о переводѣ священныхъ книгъ*, и пожелавъ имѣть ихъ для собственнаго употребленія, обратились съ просьбою прислать къ нимъ учителей къ Императору въ Константинополь, откуда пошло новое ученіе.

Только такимъ образомъ можетъ быть объяснено посольство, иначе непостижимое.

Г. Лавровскій предполагаетъ политическія причины, желаніе имѣть союзника въ Греческомъ императорѣ противъ притязаній Нѣмецкаго. Можетъ быть, это желаніе участвовало, но главную причину выставляютъ всѣ свидѣтельства—языкъ.

Слѣдовательно Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Священное писаніе не для Моравовъ, слѣдовательно нечего и говорить объ изобрѣтеніи Славянской грамоты въ 862 году: въ 862 году она только что принесена была къ Моравамъ, а изобрѣтена гораздо прежде. Впрочемъ сама итальянская легенда, а за нею и моравская легенда, свидѣтельствуютъ, что Константинъ принесъ съ собою Евангеліе въ Моравію уже переведенное, и вмѣстѣ съ Меѳодіемъ начали учить

грамотѣ учениковъ. Послѣдняя прибавляетъ славянскій служебникъ и часословъ, принесенные готовыми (1).

Шафарикъ, отвергая возможность изобрѣтенія грамоты въ Моравіи, говорилъ прежде: „Изобрѣтеніе и составленіе азбуки сдѣлано Греками, въ Греціи, и именно, вѣроятнѣе всего, въ Царьградѣ, для греческихъ Славянъ. Доказательствомъ тому — греческія буквы, взятыя въ основаніе, присоединеніе новыхъ письменъ изъ языковъ: коптскаго, еврейскаго, армянскаго и т. д., а больше всего правописаніе, составленное по образцу греческаго, армянскаго и т. п. Составленіе азбуки Меѳодіемъ, при пособіи латинскихъ помощниковъ, въ 870 году, по смерти Константина, въ Моравіи — землѣ, уже прежде ознакомившейся съ латинскимъ письмомъ, приняло бы совершенно иное направленіе и произвело бы иныя слѣдствія (2).“

Притомъ, Кириллъ и Меѳодій изобрѣтаютъ грамоту, и переводятъ Евангеліе для Моравовъ, да на какой же языкъ? Они еще не знаютъ навѣрное, какимъ нарѣчіемъ говорятъ Моравляне. (См. ниже). Когда бы они успѣли сдѣлать переводъ, идя въ Моравію?

Итакъ вотъ мой второй тезисъ: Славянская грамота изобрѣтена не въ Моравіи и не для Моравовъ, въ 862 году.

Для кого же? Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что для Болгаръ, по поводу крещенія болгарскаго царя Бориса.

„Еслибъ даже посольство изъ Моравіи,“ говоритъ Добровскій, „къ Имп. Михаилу было выдумкою для одной прикрасы, то все осталось бы болѣе нежели вѣроятнымъ по Діоклейцу, и даже по легендѣ Людмил. по Дандулу, по моравской легендѣ, по біографу Климентову, что Константинъ и Меѳодій занимались обращеніемъ Болгаровъ. Для списканія себѣ

(1) У Бодянскаго, с. 29, 254.
(2) (ib c. 190.)

бо́льшаго успѣха, изобрѣлъ Константинъ, если еще не въ Константинополѣ, то вѣрно въ Болгаріи, словенское письмо, перевелъ Евангеліе, и т. д. Введеніе словенскаго Богослуженія должно было естественно возбудить въ другихъ Словенахъ, еще прежде крещенныхъ, желаніе искать такихъ учителей (вотъ здѣсь именно приближался къ истинѣ великій учитель!), что и подало поводъ пригласить ихъ въ Моравію, случилось ли это чрезъ посольство къ императору Михаилу, или другимъ какимъ образомъ (1).

Замѣтимъ, впрочемъ, что Добровскій выражался очень неопредѣленно и условно: если, и пр.

Шафарикъ во многихъ мѣстахъ своихъ Древностей утверждалъ, что славянская литургія распространилась не изъ Моравіи въ Булгарію, но изъ Булгаріи въ Моравію, своимъ естественнымъ путемъ (2).

Крещеніе болгарскаго князя Бориса и у Шафарика представляется случайнымъ. Оно происходило, такъ сказать, мимоходомъ, на пути уже Св. братьевъ въ Моравію, по приглашенію тамошнихъ князей. А употребленіе славянскаго языка въ Богослуженіи должны мы были выше принять до приглашенія еще столь распространеннымъ, что слава его дошла до Моравіи, и подала поводъ къ торжественному посольству.

Слѣдовательно, заключаю я, переводъ Евангелія и книгъ богослужебныхъ былъ у нихъ уже непремѣнно готовъ и до Болгаріи, *до крещенія Борисова, точно какъ и до Моравіи.* Некогда было бы Моравлянамъ узнать о немъ, пожелать его себѣ и послать за нимъ, если бы Кириллъ и Меѳодій ввели его въ Болгарію только что передъ прибытіемъ въ Моравію, на пути уже въ эту страну по приглашенію.

Притомъ, по большей части свидѣтельствъ, въ Болгаріи

---

(1) Добровскаго Кириллъ и Меѳодій. с. 49

(2) Шаф. II, ч. 2, с. 332. Срав. ниже.

дѣйствующимъ лицемъ является Меѳодій, а изобрѣтателемъ почти вездѣ называется Кириллъ, Меѳодій же былъ его сотрудникомъ и продолжателемъ.

Греческіе лѣтописатели крещеніе Бориса соединяютъ съ нападеніемъ императора Михаила на Болгарію, въ 861 г., а не съ посольствомъ Ростислава.

Изъ этого, кажется, ясно, что крещеніе Борисово было прежде посольства Ростиславова, а могли Св. братья заѣхать по пути къ Борису, заботясь объ утвержденіи его въ Христіанствѣ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ сдѣлаю новое предположеніе, что Св. Кириллъ и Меѳодій изобрѣли славянскую грамоту и перевели Евангеліе вмѣстѣ съ богослужебными книгами, *сами по себѣ, по собственному побужденію,* и начали употреблять ихъ между своими единоплеменниками, въ странѣ Селунской, гораздо прежде собственно такъ называемой, царской Болгаріи и Моравіи.

Это — предположеніе, гаданіе; но вотъ положительное извѣстіе изъ тогоже житія, которое приписываетъ Св. братьямъ славянское происхожденіе: „Потомъ же (по одержаніи побѣды надъ патріархомъ Іоанномъ, слѣдовательно въ первый періодъ дѣйствія) шедъ въ Брегальницу и обрѣтъ отъ словенскаго языка нѣколико крещенѣхъ. Крестивъ ихъ, приведе на православную вѣру, и написавъ имъ книгы словенскыимъ езыкомъ, и сихъ ихъ же обрати на вѣру христіанску четыри тысуще и 50.“

Такъ утверждаетъ теперь и академикъ Куникъ (¹).

„Первымъ мѣстомъ апостольскаго служенія Св. Кирилла между Славянами была, въ разстояніи лишь нѣсколькихъ дней пути отъ Солуня, страна по рѣчкѣ Брѣгальницѣ (или Брѣгланицѣ, *Βραγαλινίτξα*), впадающей въ Вардаръ....

(¹) Записки Академіи, въ примѣчан. т. V, кн. II, с. 254.

Первоначальное назначеніе славянскаго письма именно для Славянъ на Брѣгальницѣ, можетъ быть, удивитъ знатоковъ дѣла своею смѣлостью; но я смѣю увѣрять, что этотъ фактъ основывается на славянскихъ и греческихъ источникахъ, которые пополняютъ и подтверждаютъ другъ друга."

Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этихъ пополненій и подтвержденій, удерживая за собою дорогое для насъ право перваго указанія.

Начальное торжественное употребленіе славянскихъ книгъ было въ Брегальницѣ, въ Македоніи, потомъ въ Болгаріи, по поводу крещенія Борисова, и наконецъ въ Моравіи. Изъ Моравіи славянское богослуженіе точно такъ же перешло въ Богемію, Венгрію, Польшу и наконецъ Россію.

Когда перевели Святые братья Священное Писаніе? Въ которомъ году?

Я сказалъ выше, что это вопросъ любопытный, но не главный, не первостепенный.

Основываясь на вышеупомянутыхъ соображеніяхъ, можно отвѣчать на этотъ вопросъ положительно.

За нѣсколько лѣтъ до 862 года, до прибытія съ переводами въ Болгарію и Моравію.

Но счастіе намъ и здѣсь поблагопріятствовало: сохранилось положительное свидѣтельство о времени изобрѣтенія,—это сказаніе монаха Храбра, жившаго вскорѣ послѣ Св. Кирилла и Меѳодія. Еще живы, говоритъ онъ, тѣ, которые видѣли ихъ. Этотъ свидѣтель даетъ намъ объ изобрѣтеніи славянской грамоты показаніе совершенно соотвѣтственное нашимъ разсужденіямъ. Онъ говоритъ:

„Аще ли въпросиши Словенскыя боукаря, глаголя: кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ? то вьси вѣдять, и отвѣщавше рекуть: святыи Константинъ философъ, нарыцаемыи Кирилъ, тъи намь писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодіе братъ его. Суть бо еще живи, иже

суть видѣли ихъ. И аще въпросиши, въ кое врѣмя? то вѣдять и рекуть: яко въ врѣмена Михаила цьсар гръчьска, и Бориса княза блъгарска, и Растица княза моравьска, и Коцелѣ княз блатьньска, въ лѣто же отъ създаниа вьсего мира ҂ѕт҃ѯг„ (6363.) (по Шаф).

Шафарикъ прежде представлялъ ходъ дѣла совершенно въ этомъ духѣ. Приведемъ его слова подлинникомъ: (¹)

„Въ возмужаломъ возрастѣ Константинъ отправленъ былъ родителями своими въ Царьградъ, или Константинополь, столицу греческихъ государей, бывшую въ то время тоже полуславянской, гдѣ и рукоположенъ въ священники, между тѣмъ какъ братъ его, Меѳодій, еще прежде вступилъ въ монашеское званіе. Изъ Царя-града Константинъ прежде всего отправился на Черноморье и Меотиду, къ Козарамъ (²), желая посѣять въ этомъ народѣ сѣмя Христіанской вѣры, откуда въ скоромъ времени счастливо воротился въ Царьградъ съ мощами Св. Климента, Епископа Римскаго, замученнаго въ Таврическомъ Херсонѣ 102 года, и найденными имъ близъ города Херсона. Здѣсь соединясь съ братомъ Меѳодіемъ, обратилъ зрѣніе свое на славянскій народъ, занимавшій обширные края въ Греціи и Болгаріи, и хотя тогда большею частью обращенный въ Христіанскую вѣру, однако по недостатку въ славянскомъ чтеніи и ученіи, все еще возвращавшійся назадъ къ языческой слѣпотѣ, и сверхъ того стонавшій въ Булгаріи подъ властью языческихъ государей. Зная хорошо, съ какою пользою употребляли

(¹) Томъ II, ч. 2, с. 314 — 319.

(²) Въ 1825 еще году для меня казалось всего затруднительнѣе въ исторіи Кирилла путешествіе его къ Козарамъ, какъ къ Козарамъ. Г. Гильфердингъ, въ послѣднее время, доказываетъ, (см. ниже, День, 1862, № 28), что подъ Козарами должно разумѣть Славянъ. Напомнимъ, что болландистъ Геншеній разумѣлъ подъ „по казарски“ — по славянски. (у Добр. с 9.).

свой родной языкъ въ дѣлахъ, относящихся къ вѣроисповѣданію, Армяне, Ибры, Сиряне, Копты и др. восточные народы, отличавшіеся языкомъ отъ Грековъ и имѣвшіе свои храмы частію даже въ самомъ Царѣградѣ, не говоря уже ничего о древнихъ Бессахъ и Готахъ на Западѣ, Константинъ *рѣшился сдѣлать участниками благодѣянія и самыхъ Славянъ.* Съ этой цѣлію составилъ онъ, 855, славянскую азбуку, совершеннѣйшую въ своемъ родѣ, въ основаніе коей положилъ греческое письмо, прибавилъ къ нему нѣсколько отчасти новыхъ, отчасти же взятыхъ изъ упомянутыхъ языковъ, буквъ, и потомъ приступилъ безъ отлагательства къ переводу чтеній Св. Евангелія и Посланій, Псалтиря и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, необходимѣйшихъ при богослуженіи. Не только *греческіе и булгарскіе Славяне* приняли съ радостію предложенный имъ даръ, *но даже* и самые уральскіе Булгары, въ то время нѣсколько уже ославянившіеся въ Мизіи, смягчены были силою слова Божія, и Меѳодій лично крестилъ булгарскаго князя Бориса въ 861 г. Такимъ образомъ *славянское богослуженіе* (литургія) *начало распространяться* 855—862, *прежде всего между греческими,* а послѣ и булгарскими Славянами, граничившими на Дунаѣ у Пешта, подъ Матрой у Ягра, и далѣе у рѣки Торисы, непосредственно съ Моравской державой знаменитаго Ростислава. Около 863 г. князь Ростиславъ, вѣроятно зная уже о переводѣ богослужебныхъ книгъ для греческихъ и болгарскихъ Славянъ, просилъ Импер. Михаила прислать ему славянскихъ учителей (1). Этотъ тотчасъ отправилъ къ нему, въ верхнюю Моравію,

(1) Еще Геншенъ, издатель житій Св. Кирилла и Меѳодія, въ Acta Sanctorum, (подтвержденіе мнѣній Гильфердинга), говорилъ, что слухъ объ обращеніи Козаровъ побудилъ кн. Ростислава просить у Имп. Михаила того же учителя. (Бод. 172.)

Константина и Меѳодія съ ихъ паломниками. Въ то время Ростиславъ былъ совершенно независимъ отъ Нѣмцевъ; въ столицѣ его, Моравскомъ Велеградѣ, нынѣшнемъ Градиштѣ, поселились Византійскіе апостолы, которыхъ радостно приняли Славяне, и которые съ сугубой ревностью начали сооружать храмы, переводить прочія богослужебныя книги, можетъ быть даже все Священное писаніе, равно какъ и вводить славянскую литургію въ Растицевомъ царствѣ. Вѣсть о распространеніи славянской литургіи въ краяхъ, нѣкогда зависѣвшихъ отъ латинскаго духовенства, вскорѣ далеко разнеслась. Папа Николай потребовалъ въ 867 году въ Римъ братьевъ Константина и Меѳодія, которые, представъ предъ его преемника Адріана въ 868 г., не только достаточно оправдали свое ученіе, но еще принесеніемъ мощей Св. Климента и вообще высокими добродѣтелями снискали полное довѣріе и дружбу его (1). Папа, разспросивши о положеніи дѣлъ въ Моравіи и Панноніи, возвелъ Меѳодія въ архіепископа, а Константина въ епископа этой земли. Впрочемъ послѣдній не принялъ этого сана, а вступилъ въ монастырь подъ именемъ Кирилла, въ коемъ и кончилъ еще въ томъ же году свою благочестивую жизнь.“

Въ другомъ мѣстѣ своихъ Славянскихъ древностей (2), Шафарикъ разсуждаетъ такъ: „Причина къ призванію или побужденію къ отбытію въ Моравію святыхъ мужей,

(1) Здѣсь и отвѣтъ на мое сомнѣніе, за 40 лѣтъ изложенное въ приложеніяхъ къ переводу сочиненія Добровскаго о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, почему братья вошли въ сношеніе съ Римомъ, см. выше.

Еще подробнѣе и обстоятельнѣе этотъ вопросъ разсмотрѣнъ въ книгѣ, ему преимущественно посвященной: Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ. Проф. Лавровскаго, Харьковъ, 1863.

(2) Томъ II, кн. 2, с. 336.

Константина и Меѳодія, должна быть, судя человѣчески, не иная, какъ только принесеніе письменъ и богослужебныхъ книгъ, большею частію уже готовыхъ."

„Растицъ и его народъ были уже тогда христіане, но не доставало имъ ученія и просвѣщенія, потому что баварскіе священники все совершали на латинскомъ языкѣ. Моравскій князь, зная объ успѣхѣ славянскихъ письменъ и богослуженія въ близкой Булгаріи, пригласилъ къ себѣ этихъ Божіихъ слугъ, будучи твердо увѣренъ, что они несравненно больше сообщатъ ему и его народу, нежели сколько можно было ожидать отъ Баварцевъ. Не будь этой увѣренности, не было бы и причины къ призванію ихъ (1). На оборотъ, братья Константинъ и Меѳодій никогда бы не отважились вступить въ землю, наполненную уже нѣмецкими духовными, еслибъ не имѣли въ готовности бо́льшихъ даровъ и благодѣяній, чѣмъ эти соперники и противники ихъ. Эти же дары не были просто какія-нибудь молитвы и привѣтствія, съ коими, безъ сомнѣнія, приходили уже къ Славянамъ и Нѣмцы, напротивъ чтенія изъ святаго Евангелія и посланій, и нужнѣйшія богослужебныя книги, Псалтирь, Часословъ, Служебникъ или Молитвенникъ, и т. д. Что это такъ должно быть, разумѣется само собой, потому что оно въ природѣ вещей и не противорѣчитъ вѣроятности; а что это такъ было, то подтверждаютъ показанія древнѣйшихъ свидѣтелей, между коими главное мѣсто занимаетъ первое или Италіянское сказаніе (legenda), прямо утверждающее, что Констан-

(1) Второстепенныя причины, разумѣется, симъ не уничтожаются: Растицъ могъ стремиться къ тѣснѣйшему соединенію съ Византійскимъ Императоромъ противъ главныхъ своихъ непріятелей, Нѣмцевъ. Такъ точно, на оборотъ, булгарскій Борисъ силился, вслѣдствіе подобныхъ же политическихъ причинъ, сблизиться съ Императоромъ нѣмецкимъ и папой противъ враговъ своихъ Византійцевъ, съ коими безпрерывно воевалъ.

тинъ принесъ въ Моравію уже готовый переводъ Евангелія (cognoscentes loci indigenae, т. е. Моравцы, adventum illorum valde gavisi sunt, quia... secum ferre audierant Evangelium in eorum linguam a philosopho praedicto translatum).“ (1)

„Что переводъ богослужебныхъ книгъ, начатый Константиномъ, а продолженный братомъ его Меѳодіемъ, и булгарскими помощниками, предпринятъ былъ для Славянъ греческихъ и булгарскихъ, это не только само собой въ природѣ вещей, но и подтверждается, сверхъ того, достовѣрнымъ свидѣтельствомъ почти цѣлой древности. Можно ли думать, чтобы эти Святые и пламенные мужи спѣшили съ своимъ тайнымъ сокровищемъ, переводомъ св. Евангелія, въ чужія, далекія земли, не подѣлившись прежде съ туземными Славянами, своими сродственниками, нуждавшимися въ этомъ дарѣ, и все еще, по недостатку въ книгахъ и ученіи, возвращавшимися назадъ въ язычество? Можетъ быть, не имѣли къ тому времени и случая? Но вѣдь путешествовали же они у булгарскихъ Славянъ прежде, нежели отправились въ Моравію, и Меѳодій самъ лично крестилъ князя ихъ Бориса, (см. § 29, ч. 6.) 861 года“ (2).

„Отсюда слѣдуетъ,“ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Шафарикъ, (3) „что упомянутый благовѣстникъ, при началѣ своего дѣла, имѣлъ въ виду не Булгаръ, но Славянъ въ Греціи, все еще и тогда не совсѣмъ утвердившихся въ вѣрѣ, и можетъ быть койгдѣ придерживавшихся язычества.“

Послѣ Шафарикъ измѣнилъ свое мнѣніе, на основаніи паннонскихъ житій, утверждая, что грамота славянская изобрѣтена вслѣдствіе посольства Ростислава къ Греческому императору между 861 и 863 годами.

(1) См. еще выше приведенное слово Шафарика о невозможности предполагать изобрѣтеніе грамоты въ Моравіи.

(2) Слав. Древ. т. II, кн. 2, с. 328.

(3) ib. кн. 1. с. 295.

„Начало древнеславянской грамоты положено Кирилломъ въ Царьградѣ, по всему вѣроятію въ концѣ 861, либо въ началѣ 862 года, именно составленіемъ письменъ или азбуки и переводомъ чтеній изъ Евангелія; въ чемъ согласны какъ древнѣйшія сказанія о Кириллѣ, такъ равно и также древнѣйшее сказаніе латинское, писанное Гавдерикомъ. Начатое дѣло кончено втеченіе четырехъ лѣтъ на Моравѣ, переводомъ главныхъ въ то время употребительныхъ богослужебныхъ или литургическихъ книгъ“ (1).

Шафарикъ (а за нимъ Бодянскій) основывается преимущественно на показаніи житія.

Нѣтъ, скажемъ мы въ отвѣтъ знаменитому Славянину, паннонское житіе Кирилла, равно какъ и житіе Меѳодія, не заключаютъ въ себѣ такой силы, чтобы мы повѣрили ему на слово вопреки требованіямъ здраваго смысла.

Можемъ ли мы безусловно принимать показанія житій, когда онѣ, напримѣръ, не упоминаютъ даже о Болгаріи съ ея крещеніемъ?

Если же мы находимъ себя обязанными не вѣрить имъ въ этомъ случаѣ, то что же мѣшаетъ намъ подвергать критическому разсмотрѣнію и прочія ихъ показанія, и принимать только согласныя съ дознаннымъ ходомъ вещей.

Изобрѣсти грамоту внезапно, по заказу, испытать по дорогѣ въ Болгарію, и придти съ свѣжими переводами въ Моравію немыслимо, также какъ и Ростиславу попросить себѣ учителей у Грековъ безъ достаточныхъ поводовъ.

Еслибы у Святыхъ братьевъ не было готовыхъ переводовъ, то они подождали бы приниматься за переводъ до прибытія въ Моравію, чтобъ познакомиться или сообразоваться съ тамошними языками-нарѣчіями, тѣмъ болѣе,

(1) Разцвѣтъ Славянской письменности въ Чтеніяхъ О. И. Д. Р. 1848, N 7, с. 40.

что моравское нарѣчіе, западное, отличалось много отъ восточныхъ, назовемъ ихъ болгарскими, нарѣчій. Какимъ образомъ можно бы переводъ для Моравовъ объяснить переводомъ на чуждое, для нихъ постороннее какое-то нарѣчіе? (1)

Весь разсказъ житія о посланіи Императоромъ Кирилла, и изобрѣтеніи имъ славянской грамоты, носитъ на себѣ характеръ риторическаго сочиненія, а не историческаго изложенія. Разберите его.

Царь говоритъ Кириллу: я знаю, что тебѣ трудно, но ты долженъ идти. Кириллъ отвѣчаетъ: я пойду, если у нихъ есть буквы. Царь возразилъ: ни отецъ мой, ни дѣдъ мой, ни другіе многіе не нашли буквъ, хоть и искали (??), гдѣ же мнѣ найдти? Кириллъ отвѣчалъ: бесѣду на водѣ писать нельзя. — Ну такъ попроси Бога, заключилъ царь. Кириллъ помолился, сложи письмена и нача бесѣду писать евангельску и проч.

Съ какой стати спрашивать Кириллу о существованіи грамоты, и сравнивать богослуженіе безъ грамоты съ писаніемъ на водѣ, когда всю жизнь свою до тѣхъ поръ онъ

---

(1) Я говорю чуждое, постороннее, соотвѣтственно слѣдующимъ словамъ Добровскаго, отца Славянской филологіи: Если бы я и могъ допустить, что Болгары, Сербы и Руссы говорили однимъ языкомъ въ 9 столѣтіи, и не образовали себѣ никакого примѣтно отличнаго нарѣчія отъ онаго, то никакъ не могу сказать того о Моравахъ (и нынѣшнихъ Словакахъ), и по этому не могу также понять, какъ могъ Г. Калайдовичъ утверждать объ Моравскомъ языкѣ, что сходство онаго (согласіе) способствовало къ принятію онаго Болгарами и Руссами. Языки: Моравскій, Словенскій, Богемскій, Польскій, принадлежатъ къ совершенно другому разряду, нежели Болгарскій, Сербскій, Далматскій, Русскій, хотя оба разряда языковъ причисляются вообще къ Словенскому языку. См. его Кириллъ и Меѳодій, с. 110.

окруженъ былъ славянскими племенами, не имѣвшими грамоты, бывшими совершенно въ тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ Моравляне. Почему не спрашивалъ онъ о томъ, посылаемый въ Козарію? О какомъ дѣдѣ говоритъ царь? Кто думалъ и искалъ славянской грамоты прежде? Все это суть только обороты стилистики.

Для сочинителя житій, Климентъ или кто другой онъ былъ, перспектива историческая пропала; по истеченіи многихъ лѣтъ, у него въ воображеніи оставалось только общее впечатлѣніе. Ему важно было событіе, а не образъ его происхожденія. Онъ хотѣлъ описать его, и здѣсь начинался процессъ такъ сказать сочиненія, пріискивалась форма. Нынѣшней строгой точности нельзя требовать отъ писателей того времени. Истину должно отыскивать между словами.

Разсказъ о Ростиславовомъ посольствѣ за учителями принадлежитъ, кажется, къ общимъ мѣстамъ или принятымъ любимымъ формамъ сочиненія въ то время: сколько такихъ посольствъ описано одинаково въ разныхъ лѣтописяхъ! Козарское, сарацинское, моравское, русское!

Молитва повторяется одинакая и въ житіи Кирилла, сочиненіи Климента, и въ житіи Климента, сочиненіи его ученика.

Неизвѣстный біографъ Климентовъ разсказываетъ объ изобрѣтеніи, обнаруживая тотъ же процессъ сочиненія, но для Болгаріи, а не для Моравіи: „Поелику народъ словенскій или болгарскій не понималъ писанія, на греческомъ языкѣ предложеннаго, то Святые почли сіе великимъ неудобствомъ. Они молили Утѣшителя, отъ котораго дарованіе языковъ и пособіе слова происходитъ, ниспослать имъ способность къ изобрѣтенію письменъ, соотвѣтствующихъ грубости языка болгарскаго; молитва ихъ была услышана и они изобрѣли словенскія буквы, перевели писанія

съ греческаго языка на болгарскій, и старались сообщить божественныя словеса достойнѣйшимъ ученикамъ своимъ." (1)

Съ посольства Ростиславова начинается главное дѣйствіе въ жизни Св. братьевъ, разширяется кругъ ихъ дѣятельности, пріобрѣтается слава, — къ нему сочинитель Кириллова житія пріурочилъ и прочія, пропустивъ или занамятовавъ даже Болгарію, о которой нѣтъ никакого сомнѣнія (а біографъ Климентовъ на оборотъ). Такъ сложилось у нихъ понятіе; такой видъ приняло извѣстіе. Не надо опускать изъ виду и того, что житія писаны въ Моравіи.

И такъ, скажемъ мы въ заключеніе, среднее мнѣніе Шафарика, вышеприведенное, было самое вѣроятное и близкое къ истинѣ.

Въ этомъ смыслѣ и г. Гильфердингъ разсуждаетъ основательно, см. ниже.

Какъ могли Кириллъ и Меѳодій возъимѣть подобную мысль? Могли, какъ люди высокообразованные, какъ люди проникнутые сочиненіями греческихъ отцевъ Церкви, имъ хорошо знакомыхъ, возревновавшіе съ молодыхъ лѣтъ идти по стопамъ ихъ, и трудиться для распространенія Христіанской вѣры: мы знаемъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ, что Григорій Богословъ для Св. Кирилла былъ первымъ идеаломъ еще въ отрочествѣ. Съ этими мыслями, они естественно могли подумать объ образованіи соотечественниковъ, а при спорахъ своихъ съ Сарацынами и Козарами убѣдиться въ важности и необходимости для образованія племени имѣть священныя книги на своемъ языкѣ. Могъ подѣйствовать на нихъ и примѣръ увидѣннаго въ Крыму Евангелія, писаннаго *русскими буквами*.

Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ и вмѣстѣ загадочномъ пока преданіи.

---

(1) Добровскаго Кириллъ и Меѳодій, с 35.

Какое же это Евангеліе, писанное въ Крыму русскими буквами въ 850 годахъ, когда имени Русь не было еще къ намъ принесено?

Шафарикъ представлялъ остроумную догадку, что подъ русскими буквами должно разумѣть Евангеліе на готскомъ языкѣ, переведенное Ульфилою, и употреблявшееся въ готскихъ колоніяхъ. Онъ приводитъ слѣдующія тому доказательства въ новѣйшемъ своемъ трудѣ: „Памятники Глагольской письменности“ (стр. XXIV—XXV): „Что же касается свидѣтельства Сказанія о русскомъ письмѣ и переводѣ, найденномъ Кирилломъ, то я думаю, что его можно съ основаніемъ относить только къ Варягамъ-Руссамъ въ Тавріи и готскому письму, потому что, умалчивая уже о ненадежности показанія сего, касательно происхожденія и времени, я не нахожу въ словахъ „Святцевъ“ и „Службы“ того значенія, какое насильственно придаютъ имъ.“

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ предисловіи къ „Житію блаженнаго учителя нашего Константина философа“, напечатанному имъ въ концѣ 1852 года (въ Прагѣ) въ „Памятникахъ древней Юго-славянской письменности“, а также и въ общемъ предисловіи къ послѣднему, онъ говоритъ почти тоже самое. Въ первомъ (стр. IV): „Житіе это распространено по многимъ землямъ и рукописямъ, и изъ него выписывались и вставлялись цѣлыя статьи въ другія старинныя сочиненія; таковы, напримѣръ: объ осми словахъ Константина, переведенныхъ Меѳодіемъ, о содержаніи философіи, о поставленіи человѣка среди ангеловъ и животныхъ, о чествованіи Константина у Кагана, о надписи на Соломоновой чашѣ, и т. д. Какъ бы то ни было, житіе наше, не смотря на позднѣйшія пополненія и вставки, въ нѣкоторыхъ спискахъ содержитъ въ себѣ доказательства того, что оно—произведеніе близкаго очевидца всѣхъ дѣяній и предпріятій Св. Константина.

Впрочемъ, къ таковымъ обновамъ и вставкамъ не принадлежитъ, по моему мнѣнію, извѣстіе, упоминаемое въ VIII главѣ о русскомъ языкѣ и письмѣ, потому что здѣсь слово „русскій“ употреблено еще въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было въ ходу около 857 года, и относится не къ Славяно-руссамъ, но къ Варяго-руссамъ въ Тавріи, пріемникамъ готскаго богослуженія. Тутъ русскія письмена суть готскія письмена.“

Ѳ. Григоровичъ представилъ объ этомъ мѣстѣ изъ паннонскаго житія Кириллова особое мнѣніе. Мы воспользуемся здѣсь изложеніемъ г. Викторова: (¹)

„Еще въ 1848 г. взявши въ соображеніе извѣстное мѣсто въ паннонскомъ житіи Кирилла, гдѣ говорится о найденномъ будто бы послѣднимъ въ Херсонѣ евангеліи и и псалтири, писанныхъ *Роськи* письмены, которыхъ самъ онъ не могъ читать,—проф. Григоровичъ утверждалъ, что Св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ именно Глаголицу, и что слѣд. она древнѣе Кириллицы.

„Но съ большею подробностію онъ развилъ свое мнѣніе въ своей статьѣ: *О древней письменности Славянъ*, явившейся въ 1852 г. Здѣсь, вопреки мнѣнію Прейса и Срезневскаго, онъ принимаетъ за болѣе достовѣрное, что не Глаголица дополнена Кириллицей, а совершенно наоборотъ, и доказываетъ это названіемъ нѣкоторыхъ Кирилловскихъ буквъ (буквы ъ), заимствованныхъ по его мнѣнію изъ глаголическихъ начертаній. Сравнительную же древность и старшинство Глаголицы передъ Кириллицей почтенный профессоръ старается подтвердить сходствомъ въ формѣ глаголическихъ письменъ съ знаками на геммахъ, древностію языка глаголическихъ руконисей, широкимъ (?) распространеніемъ Глаголицы въ древній періодъ славянской письменности и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія (?) Кирилловскія

(¹) Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ, с. 76.

рукописи списаны съ глаголическихъ или написаны по выскобленной Глаголицѣ (палимпсесты), но не наоборотъ."

Опредѣленнѣе же свое мнѣніе о времени и мѣстѣ происхожденія обѣихъ словенскихъ азбукъ г. Григоровичь выражаетъ въ такой формѣ: „Св. Кириллъ нашелъ (т. е. въ Херсонѣ) Глаголицу, а Меѳодій вмѣстѣ съ Кирилломъ послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку—кирилловскую." Первое онъ доказываетъ уже приведеннымъ нами выше свидѣтельствомъ изъ паннонскаго житія Кирилла, второе ссылкою на одно извѣстіе въ апостолѣ XII в. и на древнюю службу св. Меѳодію, гдѣ онъ называется *святымъ буквамъ премудрымъ обратникомъ* (срав. въ канонѣ Св. Меѳодію: тѣмь убо бысть святымъ буквамъ премудръ обратникъ), и это—по объясненію профессора, „отъ обращенія греческаго алфавита въ славянскій примѣненіемъ греческихъ буквъ къ извѣстнымъ уже въ славянскомъ языкѣ." (1)

Григоровичъ присоединяетъ къ этому тропарю слова изъ похвальнаго слова Св. Кириллу: „не на туждемъ основаніи свое дѣло показающа, но изъ нова писмена вообразиша и совершиста въ языкъ новъ." (2)

Что до меня, я не нахожу здѣсь ничего невѣроятнаго, хотя и удерживаюсь выразиться положительнѣе. Объяснительныя слова, приложенныя въ житіи къ извѣстію, согласуются, кажется, очень хорошо съ такимъ толкованіемъ. Приведемъ все мѣсто (по Шаф.).

„И обрѣт же ту евангеліе и псалтирь, роушькыми писмены писано, и чловѣка обрѣт глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавь с нимь, и *силу рѣчи пріемь, своей бесѣдѣ прикладае различіи писмень, гласнаа и сьгласнаа,*

(1) Напрасно говоритъ г. Викторовъ, что г. Бодянскій опровергнулъ его въ своей книгѣ: опроверженія никакого тамъ нѣтъ.

(2) с. 27. см. ниже.

и къ Богу молитву дрьже, и вьскорѣ *начетъ чести и сказовати*, и дивляхуу се ему, Бога хвалеще.“

Нельзя не согласиться, что всѣхъ этихъ словъ невозможно ничѣмъ объяснить лучше глаголицы. Разумѣть о готскомъ письмѣ гораздо труднѣе. А больше и разумѣть нечего, развѣ считать мѣсто вставкою, какъ то дѣлаютъ иные, но такъ легко было бы объяснять затрудненія! Шафарикъ считалъ это мѣсто подлиннымъ, то есть, принадлежащимъ самому сочинителю.

Мы обратимъ здѣсь вниманіе на положительное извѣстіе, хотя и позднѣйшее, но съ нѣкоторыми лишними данными, совершенно вѣрными, помѣщенное вслѣдъ за Кирилловымъ житіемъ, въ рукописи XV вѣка, принадлежащей Московской духовной академіи (1).

„Се же буди вѣдомо всѣми языкы и всѣми людми, яко русскый языкъ ни откуду же пріа вѣры сеа святыа, и грамота русскаа никымже явлена, но токмо самѣмъ Богомъ вьседръжителемъ, Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Владимиру Духъ Святый вьдохнулъ вѣру пріати, а крещеніе отъ Грекъ и прочіи нарядъ церковныи. А грамота русскаа явилася, Богомъ дана, въ Корсуни Русину, *отъ неяже научися философъ Константинъ*, и оттуду сложивъ и написавъ книгы русскымъ языкомъ, и еврейстей грамотѣ тогда же извыче отъ Самарянина въ Корсуни. Тъй же мужъ Русинъ живяше благовѣрно, постомъ и добродѣтелію въ чистѣи вѣрѣ, единъ уединивься, и тъ единъ отъ русскаго языка явися преже кристіанъ, *и невѣдом никымъ же откуду есть*. То же бысть въ дни Михаила царя и Ірины благовѣрныа. И посланъ бысь философъ Константинъ въ Мораву Михаиломъ царемъ Моравскому князю, просивъшу философа, и тамо шедъ, *научи Мораву, и*

(1) Оно напечатано у Бодянскаго, въ Чтеніяхъ 1863 кн. II, с. 31.

Ляхы, и Чехы, и прочая языкы, и вѣру утвърди въ нихъ правовѣрную, и книгы написавъ русскымъ языкомъ, и добрѣ научивъ, и оттуду иде въ Римъ, и ту разболѣся, и облечеся въ черны ризы, и нарекоша имя ему Кѵриллъ, и въ той болести преставися. Потом же многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Вѣитѣх въ Мораву, и въ Чехы, и въ Ляхы, разруши вѣру правую, и Русскую грамоту отвръже, а латинскую вѣру и грамоту постави, и правыа вѣры епископы и попы исъсѣче, а другыа разгна, и иде въ прусскую землю, хотя и тѣхъ въ вѣру привести, и тамо убьенъ бысь Вѣитѣх латиньскыи пискупъ.“

Прибавимъ еще, что очень удобно согласить съ этимъ мнѣніемъ и сказаніе Храбра: Славяне прежде Кириллова изобрѣтенія писали чертами и рѣзями. Отъ нихъ переходъ не далекъ до Глаголицы.

Древность Глаголицы, уравненная теперь всѣми изслѣдователями съ Кириллицею, облегчаетъ принятіе этого извѣстія и этого мнѣнія.

А мнѣніе объ относительной древности Глаголицы, заявленное сначала Копитаромъ, и впослѣдствіи принятое Шафарикомъ, приближаетъ къ вѣроятію: Глаголица была извѣстна—Кириллу: можно слѣдовательно было узнать ее, и получить поводъ къ сочиненію своей простѣйшей, удобнѣйшей, совершеннѣйшей азбуки.

Гдѣ употреблялась Глаголица?

Выше приведенное свидѣтельство указываетъ на Славянъ, жившихъ на югѣ нынѣшней Русской имперіи.

Здѣсь получатъ основаніе и слова канона: не на туждѣмъ основаніи и проч. См. выше.

„Нѣтъ сомнѣнія,“ утверждалъ Шафарикъ, „что Славяне уже въ самое древнее время, за долго до выступленія ихъ изъ первобытныхъ своихъ жилищъ, имѣли собственные

законы и права, передававшіеся, съ одной стороны, изустно отцами сыновьямъ, а съ другой записывавшіеся жрецами, свѣдущими въ письмѣ, на доскахъ, или лучше сохранившіеся посредствомъ нѣкотораго рода рунъ, по крайней мѣрѣ въ сущности своей (1).

„Жрецы и мудрецы ихъ записывали главное содержаніе народныхъ законовъ на деревянныхъ дощечкахъ, производили, помощію особенныхъ руническихъ письменъ, прорицанія и гаданія, и, вѣроятно, отличнѣйшіе изъ нихъ учили другихъ религіи, врачеванію, стихотворству, времясчисленію.“ (2)

Карамзинъ думалъ также: „Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ балтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дитмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ славянскихъ: ретрскіе кумиры, найденные близъ Толлензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ *въ рунахъ*, заимствованныхъ Венедами отъ готѳскихъ народовъ. Сіи руны, числомъ 16, подобно древнимъ финикійскимъ, весьма недостаточны для языка славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ (3).“

И такъ, по всѣмъ этимъ даннымъ и соображеніямъ вышло бы, что Словенская грамота изобрѣтена первоначально у насъ—Глаголица, что ею написано было Евангеліе, переведенное на русскій-славянскій языкъ, и что здѣсь получилъ мысль Св. Кириллъ изобрѣсти славянскую грамоту по греческому образцу, распространить ее и перевесть Священное писаніе и богослужебныя книги.

---

(1) Шафарикъ, I, 2, с. 421.
(2) ib. I, 2, с. 424.
(3) Карамзинъ I, с. 109.

Слава Кирилла симъ нимало не уменьшится: онъ все-таки останется изобрѣтателемъ общей нашей славянской грамоты и учредителемъ славянскаго Богослуженія во всѣхъ славянскихъ странахъ, переводчикомъ вмѣстѣ съ братомъ Священнаго писанія. Измѣнится только мнѣніе о ближайшемъ примѣрѣ изобрѣтенія: то-есть, должно будетъ принять, что не употребленіе своего нарѣчія у Арабовъ, Коптовъ, подало ему поводъ изобрѣсти собственную, особенную азбуку для Славянъ, а вычурное письмо глаголическое, найденное имъ въ Корсунѣ у какого-то Русина, то-есть Славянина.

Русскимъ письмомъ могло быть названо славянское глаголическое, потому что въ концѣ 9-го столѣтія, когда писано было житіе, имя Руси уже громко огласилось на югѣ и покрыло тѣ страны.

Какъ это случилось?

Мы имѣемъ только одинъ отвѣтъ: Славяне чертами и рѣзями искони читали и гадали—отъ такихъ начертаній, повторяю, переходъ недалекъ до Глаголицы.

Кто у насъ изобрѣлъ ее?

Кто-то, невѣдомъ никѣмъ, откуда есть!

Отвѣтъ, который приходится дѣлать не одинъ разъ при важнѣйшихъ событіяхъ въ Русской Исторіи.

Что касается до Христіанства, то оно очень рано проникло какъ на югъ, такъ и на сѣверъ.

Что-же остается труднаго?

Трудно—принять новое мнѣніе, противоположное старымъ.

Повторю однакожь, что здѣсь представляются не положенія, не мнѣнія, а только соображенія, гаданія.

---

(1) Бодян. с. 209.

Упомянувъ о Глаголицѣ, мы должны сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о послѣднемъ мнѣніи Шафарика, который выдалъ ее за изобрѣтеніе Кирилла, а Кириллицу предоставилъ Клименту.

Г. Викторовъ разобралъ подробно его основанія, но мы скажемъ здѣсь и отъ себя нѣсколько словъ.

Правда, Америка открыта Колумбомъ, а называется по имени Америка Веспуція; но, кромѣ общаго свидѣтельства древности и среднихъ вѣковъ, можно ли допустить, чтобъ ученый, (то есть Кириллъ), знающій греческій языкъ, могъ для выраженія звуковъ другаго языка придумывать условные знаки, а не ему извѣстные, и притомъ такіе вычурные? Нѣтъ, это должно быть изобрѣтеніе, принадлежащее лицу или народу необразованному, незнакомому съ общеупотребительными въ то время письменами, однимъ словомъ—изобрѣтеніе своебытное.

Самъ Климентъ, мнимый изобрѣтатель, описывая жизнь Св. Кирилла и Меѳодія, вездѣ говоритъ только объ ихъ изобрѣтеніи, объ ихъ переводѣ, а о себѣ рѣшительно умалчиваетъ. Съ чего же будемъ мы приписывать ему то, что онъ приписываетъ другимъ?

Вообще—мало ли разсыпано по всѣмъ источникамъ отдѣльныхъ извѣстій, кои отвергаются изслѣдователями: почему же оказывать предпочтеніе одному этому извѣстію, помѣщенному въ біографіи Климентовой?

Если и принимать мѣсто изъ Климентова житія, писаннаго его ученикомъ, отвергаемое г-мъ Викторовымъ (excogitavit etiam alias litterarum formas, quae praeberent majorem perspicuitatem, quam quas sapiens Cyrillus invenerat,) то должно разумѣть подъ нимъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ, какъ онъ сначала разумѣлъ, исправленіе нѣкоторыхъ буквъ.

Теперь остается намъ отвѣчать на третій, самый любопытный, вопросъ: на какое же нарѣчіе перевели Св. Кириллъ и Меѳодій Священное писаніе и богослужебныя книги?

Обще мнѣніе впродолженіи пятидесяти слишкомъ лѣтъ было, что нарѣчіе Кирилла есть сербское.

Добровскій въ изслѣдованіи своемъ сказалъ, что это нарѣчіе есть сербо-булгаро-македонское.

Копитаръ объявилъ это нарѣчіе каринтійскимъ.

Въ наше время господствуетъ мнѣніе, что это нарѣчіе болгарское.

Да покажите мнѣ памятники, Мм. Гг., нарѣчія древне-сербскаго, древне-болгарскаго, древне-каринтійскаго, или сербо-болгаро-македонскаго, и докажите мнѣ близость ихъ къ переводу евангелія или псалтири Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Если такихъ памятниковъ вы найдти мнѣ не можете, то я не могу также приписывать нарѣчіе Кириллово ни одному изъ поименованныхъ вами нарѣчій или странъ.

Приступимъ къ рѣшенію вопроса.

Во первыхъ, Кириллъ и Меѳодій перевели Священное писаніе на то нарѣчіе, которое они знали, къ которому принадлежали, на нарѣчіе ихъ родины, Селуня.

Кто же тамъ жилъ?

Болгары тамъ жили, какъ Болгары живутъ и теперь, слышится мнѣ въ отвѣтъ: слѣдовательно, они перевели на нарѣчіе болгарское.

Нѣтъ, Милостивые Государи, Болгары были въ то время именемъ географическимъ: много разныхъ племенъ жило въ странѣ, которая называлась вообще Болгаріей.

Болгары, Сербы, Поляки, Чехи, Русскіе великіе и малые, не жили тогда такими сплошными массами, какими живутъ они теперь.

Славянскія племена представляли въ 9-мъ столѣтіи перетасованную колоду картъ, вслѣдствіе какихъ-то древнихъ

незапамятныхъ передвиженій. Вотъ вамъ доказательства:

Словене на Ильменѣ, и въ Словеніи близь Адріатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи и въ области Краковской, въ Исполинскихъ горахъ, въ Полабьѣ, въ Штиріи и Иллиріи.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, и въ Булгаріи, около Селуня, въ Германіи.

Дулебы по Бугу, въ Чехіи, Паннониі.

Древляне въ Волыни и Полабьѣ.

Съверяне на Деснѣ, Семи, Сулѣ и въ Польшѣ, по Дунаю.

Поляне на Днѣпрѣ и въ Польшѣ.

Но оставимъ въ покоѣ всѣ эти племена, коихъ имена давно уже исчезли съ лица земли, а отличія всѣ уравнялись между собою.

Пойдемъ математически отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и постараемся не мудрствуя лукаво за дѣло просто взяться.

Прочтемъ молитву Господню по Остромирову списку. Добровскій, первокласный знатокъ Славянскаго языка и сочинитель образцовой грамматики, которая дала ему право, по моему выраженію, употребленному сорокъ лѣтъ назадъ, на титло третьяго изобрѣтателя славянской грамоты, Добровскій сказалъ: „Отче нашъ, изъ Матеія глава 6, почитаю совершенно Кирилловскимъ переводомъ, безъ позднѣйшихъ поправокъ.“

Вотъ оно. Извольте прочесть его по всѣмъ нарѣчіямъ, и скажите, къ которому изъ нихъ оно ближе:

по Старославянски.

Отче нашь, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое, да придетъ царствие твое, да бждетъ воля твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашь насущьный даждь намъ днесь, и остави намъ длъгы наша, яко и мы оставляемъ длъжьникомъ нашимъ; и не въведи насъ въ напасть, нъ избави ны отъ непризни. Аминъ.

по Русски.

Отче нашъ, сущій на небесахъ, да святится имя твое, да пріидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя и на землѣ, какъ на небѣ; хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день, и прости намъ долги наши, какъ же и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Аминь.

по Украински.

Отче наш, котрий еси на небі! нехай святитця имя твое; не хай прийде царство твое; най буде воля твоя, як на небі, так и на землі; хлиб наш потрібний дай нам сегодни, и одпусти нам наши вини, як и ми одпускаем виновникам нашим, и не введи нас у покусу, но збавь нас вид лукавого. Амин.

по Булгарски.

Отче наш, който си на небеса-та, да ся святи име то твое, да прійде царство-то твое, да бѫде воля-та твоя, каквото на небо-то така и на земля-та; хлѣбат наш катадневныат дай ни го днес, и прости ни долгове-те наши, каквото и ніе ги прощаваме на наши-те дѫжници, и не воведи ны в напасть, но избави ны от лукавыя. Амин.

по Сербски.

Отче наш, којси на небесима, да се свети име твое, да дође царство твое, да буде воля твоя и на земли, као на небу; хлѣб наш потребный дай нам данас, и опрости нам дугове наше, као и мы що опрашамо дужницима своим; и не наведи нас у напасть, но избави нас ода зла. Амин.

по Хорватско-далматински.

Отче наш, кой си на небесих, свести се име твое, приди кралѣвство твое, буди воля твоя, како на небу, тако и на земли; круга нашега всакдашнѣга дай нам данас, и отпусти нам дуге наше, как и мы однущамо дужником

нашим; и неупеляй нас ву зкушуванье, него ослободи нас од зла. Амен.

по Словински или краински.

Отче наш, ки си в небесих, посвечено боди твое име; приди твое кралевство, исиди се твоя воля, какор в небесих, тако на земли; дай нам данас наш всакдайный круг, ин одпусти нам наше долге, какор туды мы одпущамо нашим должникам, ин не впеляй нас в скушняво, темуч нас реши од злега. Амен.

по Чешски.

Отче на́ш, енж си на небеси́х; посвѣ́ть се́ и́мено тве́; прии́дь кра́ловствии́ тве́; бу́дь во́ле тва́, яко в неби, так и на земи; хлеб на́ш вездейшии́ дей на́м днес; а одпусть на́м наше вины, якож и мы одпоуштиме нашим винни́ко́м; а неуводь на́с в покушении́, але збав на́с од зле́го. Амен.

по Словенски.

Отче на́ш, ктерый си на небесах, посвать са мено тве́, прии́дь кра́ловство тве́, бу́дь во́ла тва́ яко в неби, так и на земи. Хле́б наш вездайшии́ дай нам днес, а одпущ нам наше вины, яко и мы одпуща́ме нашим виники́м, а неуводь нас в покушенье, але збавь нас оде зле́го. Амен.

по Польски.

Ойче нашъ, кту́рысь естъ въ нѣбѣ, свѣ́ньць сѣ́нъ имѣ́ Тво́ѣ, пржы́йдзь крулѣ́ство Тво́е, бондзь воля Тво́я, якъ въ нѣбѣ такъ и на зѣ́ми; хлѣба наше́го повшеднѣ́го дай намъ дзи́сяй; и о́тпусць намъ наше вины, яко и мы одпуща́мы нашимъ винова́йцомъ, и нѣ ввво́дзь насъ на покуше́нѣ, алѣ насъ збавъ оде зле́го. Аменъ.

по Кашебски.

Во́йче наш, хтери іес в нѣбѣсех; свіепе се́ иміе твоіе; приндзе кролество тво́е; бедзе во́ло твоя як в нѣбѣ, так е на земьи; хлеба нашего повшеднего дай ном дзис; а

во́дпусце ном наше вьине, як е ме водпущоме нашим вьиновайцомъ; нѣво́дзе нас на покушенье, але нас збавьи во́де злего. Амен.

по Горнолужицки.

Вотце наш, киж си в небесах; свечене будж твое мено; пшиндж к нам твое кралество; твоя вола со стань, каж на небю, так теж на земи; наш вшѣдный клѣб дай нам дженса; а водай нам наше вины, яко мы водавамы нашим виникам; а неведж нас до спытованя, але вумож нас вот злего. Амень.

по Дольнолужицки.

Вошц наш, кенж сы на нѣбю, гусвѣшоне бужи твоіо мѣ; пшижи к нам твоіо кралейство; твоя вола се стань, ако на нѣбю, так теке на земи; наш шедны клѣб дай нам жинса; водай нам наше виньи, ако мы водавамы нашим виникам; а нѣвьожи нас до спытованя, але гумож нас вот злего. Амень.

Спрашиваю теперь всякаго, имѣющаго уши слышати, будетъ ли дерзость сказать, что изъ всѣхъ настоящихъ нарѣчій Кириллово „Отче нашъ“ ближе всѣхъ къ нынѣшнему Великороссійскому? А если оно ближе всѣхъ къ нынѣшнему, то къ затысячалѣтному оно было еще ближе, то-есть было почти одно и тоже. Это я говорилъ и говорю.

Въ „Отче нашъ“ мы видимъ языкъ Кирилловъ, а вотъ вамъ образчики языка его учениковъ — изъ его житія, писаннаго Климентомъ:

„Логофеть дасть ему власть надъ вьсѣмъ своимь домомь, и въ цареву палату сь дерзновеніемъ вьходити, и вьпроси его единою, глаголе: Философе, хотѣхъ увидѣти, что есть философія. Онъ же скорымь умомь рече абіе: Божіимь и чловѣчьскымъ вещемь разумь, елико можеть чловѣкъ приближити се Бозѣ“ и проч.

Спрашиваю еще, близка ли эта рѣчь ученика Кириллова къ нашей настоящей рѣчи?

Продолжайте сличеніе. Вотъ отрывокъ Храбровъ изъ начала 10 столѣтія:

„Аще бо вопросиши книгъчия гръчьскыя, глаголя: кто вы есть письмена створилъ, или книгы прѣложилъ, или въ кое время, то рѣдьціи отъ нихъ вѣдятъ. Аще ли вопросиши Словѣньскыя боукаря, глаголя: кто вы письмена створилъ есть или книгы прѣложилъ, то вси вѣдять и отвѣщавше рекуть: Святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, тъй намъ писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодіе братъ его. Суть бо еще живи иже суть видѣли ихъ. И аще въпросиши, въ кое время, то вѣдять и рекуть, яко въ врѣмена Михаила Цьсарѣ Гръчьска, и Бориса князя блъгарска, и Растица, Князя моравьска, и Коцелѣ, князя блатьньска, въ лѣто же ҂ѕт҃ѯв отъ създанія всего мира.“

То ли же это нарѣчіе и та ли же близость его къ нынѣшнему великороссійскому нарѣчію?

Вотъ какимъ языкомъ и Несторъ въ 11 столѣтіи извлекаетъ свѣдѣнія изъ житій паннонскихъ:

„Словѣномъ жиущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ, послаша ко царю Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; они бо ны инако учать, а они бо ны и онако, тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ..... Умолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови.“

Предложимъ теперь одинъ разговоръ изъ Кіевской лѣтописи:

„Язъ пережи всихъ далъ есмь тобѣ волость сю, но же

Всеволодъ наслалъ на мя, жалуяся про тебе, ажь есми на немъ чести не положили преже; яже есьмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси ее отступился по волѣ, а намъ како любо было ему ю даяти," и проч.

Въ заключеніе представимъ пѣсню, — изъ временъ Владимирвоыхъ, которая поется теперь въ Архангельской губерніи.

Поѣхалъ Илья ко городу ко Кіеву,
Хотѣлъ поспѣть ко заутрени Христосьскія,
А не могъ поспѣть къ обѣденькѣ Христосьскія.
Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
На широкой дворъ княженецкіий,
Ко тому столбу ко точеному,
Привязывалъ ко кольцу ко золоченому,
Не разсѣдлывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ хлѣбницу Князя Владимира:
Гдѣ есть князь Владимиръ стольно-Кіевскій...

О послѣднихъ образчикахъ могутъ возразить, что они суть произведенія искусственнаго языка, которымъ писали наши лѣтописатели и вообще всѣ грамотѣи, поддѣлываясь яко бы подъ языкъ библейскій. Нѣтъ, всякій безпристрастный испытатель долженъ признать, что и вездѣ, и у Храбра, и у Нестора, слышится живая, собственная рѣчь, а не условная, не переводная, — органическая, а не механическая, не съ голосу, — точно такъ какъ и въ вышепредложенныхъ отрывкахъ изъ житія Кириллова и Меѳодіева.

Даже въ пѣснѣ, не смотря на всѣ подновленія, явственъ не переводъ со стараго нарѣчія на новое, а своебытное сочиненіе, хотя и сильно поврежденное.

Представимъ себѣ, что мы всѣ исчисленные памятники нашли бы только теперь, — какое заключеніе мы должны бы были вывести по всѣмъ законамъ критики и филологіи? Что всѣ они принадлежатъ одному и тому же языку, съ теченіемъ времени измѣняющему свои формы, но испоконъ-вѣку сохраняющему родовыя черты.

Улиссъ послѣ сожженія Трои десять лѣтъ странствовалъ по морямъ, какъ воспѣваетъ Гомеръ, ища своей Итаки—онъ наконецъ подплылъ къ родимому острову, но, увы! онъ не узналъ своей Итаки.

Такъ-то, кажется, и мы трудимся и хлопочемъ, проливаемъ потъ, отыскивая Кириллово нарѣчіе, *не чуя*, что оно таится въ нашихъ собственныхъ устахъ.

Я думаю, что въ вышеписанной растасованной колодѣ картъ, Славянское племя, тоже самое, или самое близкое, обитало и между болгарскими племенами, около Селунской области,—точно какъ собственно называемое Словенское племя обитало и на границѣ тогдашней Болгаріи и въ нашемъ Новѣгородѣ.

Что же тутъ есть мудренаго, скажу мимоходомъ, что есть противорѣчащаго общепринятымъ положеніямъ? Вѣдь свидѣтельствуетъ же Несторъ, и мы всѣ вѣримъ ему, что наши Славянскія племена пришли съ Дуная, который слышится по всѣмъ нашимъ селамъ въ безчисленныхъ пѣсняхъ.

Припомнимъ здѣсь мнѣніе, хоть и гадательное, Шафарика о первобытномъ свойствѣ и тожествѣ Новогородскаго (Великороссійскаго) племени съ племенами жившими на югѣ. „Славяне, появившіеся въ Германіи, вышли изъ различныхъ сѣверозападныхъ земель. Тоже можно думать и объ Югодунайскихъ Славянахъ, обитавшихъ отъ устья Дуная до самаго Южнаго Пелопонисскаго хребта, т. е. что они

состояли и составились изъ разныхъ вѣтвей сѣверныхъ Славянъ." (1)

„Ядро ихъ вышло изъ сѣверовосточныхъ земель древне-Русскихъ Славянъ, лежащихъ на озерѣ Ильменѣ, рѣкахъ Двинѣ, Днѣстрѣ, Окѣ" и т. д. (2)

„Область, занятая Славянами, поселившимися еще въ первыхъ столѣтіяхъ за Дунаемъ, а именно, вѣроятнѣе всего, Сѣверная часть Македоніи, называлась собственнымъ своимъ именемъ, Славиніей (*Σκλαβηννία*, *Σκλαβηνίαι*), хотя по недостатку въ ясныхъ свидѣтельствахъ, мы и не можемъ точно означить предѣловъ ея. Не менѣе также вѣроятно и то, что древняя Мизія, населенная Славянами, и потомъ 678 г. покоренная Урало-Чудскими Булгарами, не переставала, и послѣ этого занятія, называться Славиніей. То правда, что названіе Булгарія (Bulgaria) было отъ 8 стол. обыкновеннѣйшимъ ея именемъ, точно какъ на Сѣверѣ Русь послѣ прибытія въ нее Варяго-Руссовъ, однако подлѣ него попадается и древнее названіе ея, Славинія. Въ рукописномъ словарѣ Кирилла Александрійскаго читаемъ: „Славинія, то есть, Булгарія." Абулфараджъ называетъ Симеона (888-927) княземъ Булгаровъ и Славянъ. Сочинитель жизнеописанія Св. Климента, помня перенесеніе чуждаго имени Булгаръ на Славянъ, нѣсколько разъ употребляетъ выраженія: „народъ Славянскій или Булгарскій (*τὸ τῶν Σθλοβενῶν ἢ τοῦν Βουλγαρῶν γένος*)," „языкъ Булгарскій (*Βουλγαρὲ γλώσσης*)," и опять: „Славянскія письмена (*τὰ Σθλοβένικα γράμματα*), намекая, очевидно, тѣмъ на старобытность и первенство названія Славянъ въ Мизіи, впослѣдствіи затемненнаго именемъ Булгаръ. Слѣдовательно, въ

(1) Т. II, ч. I, с. 386.
(2) ib. с. 387.

этихъ краяхъ, называвшихся Славинія или Славянія, обиталъ тотъ знаменитый, и, нѣкогда, сильный Славянскій народъ, который прежде всего прославилъ имя свое въ исторіи цѣлаго племени храбрыми подвигами на нижнемъ Дунаѣ, и на языкъ котораго Константинъ и Меѳодій, выучившись ему еще въ дѣтствѣ въ самомъ городѣ Селунѣ, перевели Св. Писаніе и Богослужебныя книги, открывъ тѣмъ врата къ умственному образованію большей половинѣ Славянскихъ народовъ. *По этимъ-то Славянамъ назвалъ Константинъ письмена свои Славянскими письменами, и языкъ, на которомъ писалъ, языкомъ Славянскимъ.* Ниже изложимъ мы свое мнѣніе о происхожденіи этихъ, собственно такъ называемыхъ, Славянъ, отъ Славянъ верхней Руси.“ (1)

Главное дѣло о тожествѣ и свойствѣ племенъ: пришли ль онѣ съ сѣвера на югъ, или съ юга на сѣверъ, — это вопросъ другой.

Если племя сѣверное тожественно съ южнымъ, по происхожденію, то и объ тожествѣ ихъ нарѣчій сомнѣваться нечего, а отмѣны должно приписать разнымъ, по мѣсту и времени, вліяніямъ.

При мысли Шафарика кстати вспомнить о слѣдующемъ замѣчаніи Бодянскаго. „Часто простая догадка свѣтлой и многообъемлющей головы попадаетъ не меньше въ цѣль, какъ и самыя точныя, обширныя и совѣстливыя розысканія: послѣднія не разъ блистательно подтверждали смутныя предчувствія истины, заключавшіяся въ первыхъ. И хотя послѣ, столкнувшись съ мнѣніями противоположными, но подкрѣпленными надлежащимъ чйсломъ доводовъ, расположен-

(1) Т. II, ч. I, с. 328.

ныхъ въ строгомъ порядкѣ и, по видимому, естественной связи между собою, случается поддаться обаянію мнимой учености: однако, когда наступитъ пора собственнаго изслѣдованія, невольно возвращаемся къ прежнимъ нашимъ, такъ названнымъ нами же самими, безотчетнымъ гаданіямъ, и съ изумленіемъ, въ первый разъ, замѣчаемъ, какъ много было въ нихъ вѣрнаго, хотя и высказаннаго, статься можетъ, темно, неопредѣленно, очеркомъ." (1)

Что касается грамматическаго состава языка, ясно, и давно извѣстно, что древне-Болгарское нарѣчіе, а также въ сущности своей и ново-Болгарское, не смотря на все свое искаженіе и переиначеніе, болѣе всѣхъ прочихъ приближаются къ Великорусскому (2).

Всѣ эти племена, сначала близкія между собою и по жилищамъ и по языку, разойдясь, разлучась навсегда и разселясь по разнымъ мѣстностямъ, подверглись различнымъ вліяніямъ и дошли до нынѣшняго состоянія нарѣчій. Но все-таки,—не смотря на тысячелѣтнія перемѣны, на тысячеверстное разстояніе, нарѣчіе болгарское, употреблявшееся въ окрестностяхъ Селуня, нарѣчіе Кириллово, повторю, есть самое близкое къ нынѣшнему Великорусскому нарѣчію, и Отче нашъ Кириллово ближе всѣхъ къ нашему Отче нашъ.

Продолжимъ далѣе наши испытанія.

Нарѣчіе, на которое Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Священное Писаніе, есть нарѣчіе наиближайшее къ нынѣшнему Великороссійскому.

---

(1) Бодян. с. 209.
(2) Шаф. II, ч. 1, с. 391.

(Я нарочно далъ такую форму моей мысли, чтобъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго права возражать, не соглашаться съ очевидностью.)

Но Великороссійское нарѣчіе нынѣ такъ называется, а въ древности, во время Св. Кирилла и Меѳодія, этого имени не существовало. Перечтемъ всѣ Славянскія племена у Нестора: Поляне, Сѣверяне, Древляне, Бужане, Хорваты, Тиверцы, Дреговичи, Кривичи, Вятичи, Радимичи— вотъ всѣ Славянскія племена по Оку. Первыхъ, какъ жившихъ въ нынѣшней Малороссіи, считаютъ Малороссіянами. Кривичи суть Бѣлорусцы, а Вятичи и Радимичи въ то время принадлежали къ роду Ляховъ. Это было самое малочисленное племя,—они занимали по Окѣ малое пространство, составляли ничтожный удѣлъ. Послѣ Татаръ они перевелись, и совершенно смѣшались съ другими.

Которому же племени тогда принадлежало нынѣшнее Великороссійское нарѣчіе? Я спрашиваю всѣхъ историковъ и всѣхъ филологовъ, и остаюсь безъ отвѣта.

Какъ? Великороссійское нарѣчіе есть самое развитое и самое богатое, Великороссіяне есть племя самое многочисленное не только между нашими племенами, но даже между всѣми Славянскими племенами и цѣлыми народами, а Великороссіяне у Нестора даже и не поименованы! Или ихъ не было? Такъ что же—они упали съ неба? Они родились въ одночасье въ количествѣ многихъ милліоновъ, какъ комары въ болотѣ послѣ дождя?

Чувствуете ли, ММ. ГГ., всю странность такого положенія? А между тѣмъ до сихъ поръ оно господствуетъ въ нашемъ ученомъ мірѣ! И наши ученые, полуученые и недоученые не только довольствуются такою странностію, не только не питаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но даже съ

негодованіемъ и оскорбленною гордостію отворачиваются отъ указаній здраваго смысла, и видяще не видятъ, слышаще не разумѣютъ, и разумѣть не хотятъ.

Непремѣнно должно быть между исчисленными у Нестора племенами и Великорусское и Малорусское.

Великороссіянъ, такъ какъ и Малороссіянъ, по моему мнѣнію, должно искать подъ какимъ-нибудь другимъ именемъ у Нестора. Подъ какимъ же?

Я думаю, что Поляне, обитатели Кіевской страны, тогда еще совершенно отличные своими нравами отъ прочихъ Славянскихъ племенъ, Поляне, которымъ принадлежатъ богатырскія пѣсни, нынѣ поемыя въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, Поляне, которые оставили намъ языкъ свой въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, Поляне составляли въ древности Великороссійское племя, разпространившееся постепенно по всѣмъ предѣламъ нынѣшней Русской земли, премущественно послѣ Татаръ.

Гг. Срезневскій и Лавровскій говорятъ, что въ девятомъ столѣтіи и не было раздѣленія на такъ называемыя нынѣ Великороссійское и Малороссійское нарѣчіе, а что было одно нарѣчіе наше, которое послѣ подверглось на сѣверѣ и югѣ различнымъ вліяніямъ, и раздѣлилось на два или на три существующія нынѣ, Великорусское, Малорусское и Бѣлорусское.

Они, говоря объ языкѣ, забываютъ о племени: племя Великороссійское и Малороссійское такъ различаются своими характерами, что допустить это различіе только послѣ Татаръ, нѣтъ никакой возможности: и племена и нарѣчія— древнѣе Татаръ.

Странная будьба Русскаго племени! Мы имѣемъ собственную, своеобразную исторію, удивительный, богатѣйшій языкъ, собственное національное право, собственные національные обычаи, свою поэзію, свою музыку, свою живопись, свою архитектуру, но намъ стыдно какъ будто признать все это, чтобы не унизить собственнаго своего личнаго достоинства; страшно, чтобы не подвергнуться обвиненію въ хвастовствѣ, заключенію, будто мы гордимся чѣмъ-нибудь... Этого мало: у насъ не переводятся клики, съ нелегкой руки Бѣлинскаго, находящіе многихъ послѣдователей и даже поклонниковъ, которыми провозглашается во всеуслышаніе, что у Русскихъ нѣтъ исторіи, нѣтъ предковъ, нѣтъ языка, нѣтъ поэзіи, нѣтъ литературы, нѣтъ права, нѣтъ никакого искусства,-все заимствованное, чужое, краденое. Наконецъ нашлись и такіе esprits forts, которые доказали ученой Европѣ, что и насъ нѣтъ: Niema Rusi! А между нами нашлись удалые молодцы, которые повѣрили ученымъ доказательствамъ, и, зажмуривъ глаза, воскликнули вслѣдъ за ними: такъ точно, насъ нѣтъ, тю—тю!

Чудное расположеніе! необыкновенный складъ ума!

. . . . . .

Я хотѣлъ заключить длинное и утомительное свое разсужденіе замѣчаніемъ о настоящемъ состояніи Славянъ въ Европѣ и повтореніемъ воззванія, произнесеннаго мною въ прошломъ году; но, увы, въ теченіи послѣдняго года раздрася Славянская земля, по выраженію Кіевской лѣтописи: произошло слишкомъ много прискорбнаго, даже отвратительнаго, ужаснаго между ними, и въ шумѣ страстей, нѣтъ ужь теперь возможности быть услышану голосу мира. Вмѣсто этого воззванія, съ прочими предметами сюда относящимися, я заключу свое разсужденіе только молитвой, слышанною мною нынѣ въ стѣнахъ Успенскаго собора:

Молите Бога о насъ, святіи равноапостольніи Меѳодіе и Кирилле, яко мы усердно къ вамъ прибѣгаемъ, яко къ скорымъ помощникамъ и молитвенникамъ о душахъ нашихъ.

Молите за Россію, за Польшу, за Болгарію, за Сербію, за Боснію, за Герцеговину, за Чехію, за Моравію, за Кроацію, за Далмацію, за Черногорію....

Помолитесь еще о насъ, Русскихъ людяхъ настоящаго времени: Богъ далъ намъ все, но очи наши держатся. Да покажетъ Онъ намъ свѣтъ!

О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІѢ И ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ИХЪ ГОДОВЩИНѢ.

ПИСЬМО 1-е.

Вы спрашиваете моего мнѣнія о томъ, праздновать ли въ нынѣшнемъ году тысячелѣтіе Славянской письменности, и развиваете при этомъ мысль о необходимости ознаменовать наше уваженіе къ памяти великихъ первоучителей Славянскихъ, Кирилла и Меѳодія. Вы не можете сомнѣваться въ моемъ сочувствіи этому дѣлу; но потому именно, что я желаю ему успѣха, мнѣ кажется нужнымъ выразить вамъ свое убѣжденіе, что въ *нынѣшнемъ году* празднованіе тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія было бы преждевременнымъ и повело бы къ цѣли, прямо противоположной той идеѣ, которую мы имѣемъ въ виду.

Кирилла и Меѳодія одинаково чтутъ всѣ Славянскіе народы, и Южные, и Западные, и Восточные, какъ основателей христіанскаго просвѣщенія въ цѣломъ Славянскомъ мірѣ; очевидно, что празднованіе ихъ памяти должно быть вмѣстѣ и благодарнымъ воспоминаніемъ совершеннаго ими подвига, и свидѣтельствомъ братскаго единенія Славянъ, которое, слабо мелькнувъ при Кириллѣ и Меѳодіѣ, нынѣ, черезъ тысячу лѣтъ, возобновляется. Но если бы мы захотѣли, чтобы годовщина Кирилла и Меѳодія праздновалась въ нынѣшнемъ 1862 году, то, вмѣсто единенія, мы внесли бы рознь въ общее дѣло Славянское; ибо Западные Славяне не могутъ согласиться съ нами на это. У нихъ всѣ преданія и свидѣтельства соединяютъ

63-й годъ съ памятью Славянскихъ первоучителей, и къ 1863 году они готовятъ народное торжество по случаю тысячелѣтія своего христіанскаго просвѣщенія.

Но, вы спросите, дѣйствительно ли въ 1862 году исполнится тысяча лѣтъ со времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ? Если это такъ, то, каковы бы ни были приготовленія Западныхъ Славянъ къ 1863 году, не должны ли мы, независимо отъ Западныхъ Славянъ, отпраздновать тысячелѣтіе письменности нашей?

Мнѣніе, что Славянская азбука изобрѣтена въ 862 году, основывается у насъ преимущественно на сочиненіи О. М. Бодянскаго; таковъ выводъ его обширной и ученой книги „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ.“ Но выводъ этотъ, при огромной учености, которою онъ обставленъ, имѣетъ до сихъ поръ характеръ гипотезы, далеко не всѣми Славянами принятой. Многіе предпочитаютъ свидѣтельство древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ сказаній объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ (сказаніе Черноризца Храбра), гдѣ прямо говорится, что изобрѣтеніе сдѣлано въ 855 году, и находятъ въ подкрѣпленіе этого доводы „въ Славянскихъ Древностяхъ“ Шафарика (*).

(*) Слав. Древн. переводъ Бодянскаго, т. II, кн. I, стр. 295; кн. 2, стр. 316. Впослѣдствіи Шафарикъ перемѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ изобрѣтеніе письменъ къ 862 году Но и на этомъ онъ не остановился: въ послѣдніе годы своей жизни онъ полагалъ, что письмена Славянскія дѣйствительно изобрѣтены были Кирилломъ въ 862 году, но не тѣ письмена, которыя мы приписываемъ ему и называемъ кириллицей, а напротивъ, азбука, извѣстная подъ именемъ глаголицкой; начало же общеупотребительныхъ (Кирилловскихъ, письменъ Славянскихъ онъ присвоиваетъ ученику Кирилла и Меѳодія, Клименту Болгарскому, и относитъ къ позднѣйшему времени. Объ этомъ предположеніи скажу нѣсколько словъ впослѣдствіи.

Конечно, цифра, записанная Черноризцемъ Храбромъ, при отдаленности эпохи и сбивчивости разнородныхъ источниковъ, можетъ показаться сомнительною; притомъ же самое событіе,— изобрѣтеніе письменъ,—такого рода, что полной исторической достовѣрности въ опредѣленіи года, въ которомъ оно совершилось, искать невозможно. Могли ли даже современники, не говоря о потомкахъ Кирилла, знать навѣрно, въ какомъ именно году ему пришла мысль дать Славянамъ самобытную азбуку и письменность, и онъ въ первый разъ попытался начертать на листѣ пергамена звуки Славянскаго языка?

Очевидно, что годъ можетъ быть въ этомъ случаѣ опредѣленъ приблизительно. Что касается до меня, то, имѣя тутъ передъ собою двѣ цифры, 855 и 862 годъ, первую, основанную на свидѣтельствѣ Храбра, и вторую, выведенную О. М. Бодянскимъ изъ сличенія разныхъ другихъ показаній, я все-таки долженъ признать первую цифру вѣрнѣйшею; чѣмъ однако же нисколько не уменьшается, въ глазахъ моихъ, ученое достоинство книги многоуважаемаго московскаго профессора.

Въ письмѣ этомъ я находилъ бы неумѣстнымъ подробный разборъ вопроса, который, при всей незначительности своей, чрезвычайно сложенъ, и много занималъ ученыхъ Славянскихъ (одинъ Шафарикъ представилъ о немъ три совершенно различныхъ заключенія); изложу въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ свое мнѣніе. Я считаю 855 годъ наиболѣе подходящимъ къ истинѣ не только потому, что онъ опирается на положительномъ свидѣтельствѣ древняго памятника, но главное потому, что этотъ годъ, соотвѣтствуя общему ходу событій заключаетъ въ себѣ внутреннее, такъ сказать, вѣроятіе.

Можно принять за фактъ совершенно достовѣрный (и никто, прочитавъ со вниманіемъ древнія сказанія и сличивъ

ихъ между собою, въ томъ не усомнится), что изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ и переводъ Священнаго писанія не были для Кирилла и брата его Меѳодія предпріятіемъ случайнымъ, на которое наткнуло ихъ одно лишь внѣшнее побужденіе—порученіе Византійскаго правительства проповѣдывать христіанство въ Болгаріи и Моравіи; несомнѣнно, напротивъ, что этотъ было въ нихъ дѣломъ внутренняго сознанія и убѣжденія, выработаннаго всею обстановкою ихъ жизни, и что благопріятныя внѣшнія обстоятельства только помогли имъ осуществить съ громаднымъ успѣхомъ то, къ чему ихъ влекло призваніе. Кириллъ (1) родился и воспитался въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, которая тогда еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была въ полномъ смыслѣ страною Славянскою. Только въ главномъ городѣ сохранялась Греческая стихія, но городъ этотъ окружали Славянскія селенія, и онъ былъ сборнымъ для нихъ мѣстомъ. Тамошніе Славяне, подпавши подъ власть Византійской Имперіи, были уже обращаемы въ христіанство; но вѣра христіанская оставалась для нихъ одною формальностью, которой они подчинялись въ угоду своимъ правителямъ, но которая ничего не говорила ни уму ихъ, ни сердцу. Такова была среда, въ которой выросъ Кириллъ. Среда эта со всѣми ея нуждами должна была сдѣлаться тѣмъ болѣе ему извѣстною, что старшій братъ его Меѳодій въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ начальникомъ одной части Македоніи, именно той части ея, которая, по своему исключительно Славянскому населенію, называлась въ то время Славиніей (2). Присоедините же

(1) Извѣстно, что онъ до принятія схимы предъ смертію своею, носилъ имя Константина; но для избѣжанія сбивчивости я буду здѣсь постоянно называть его тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ остался извѣстенъ потомству и чтится церковью.

(2) Кажется, это была Сѣверо-восточная часть Македоніи.

къ этимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ искреннее, глубокое христіанское настроеніе Кирилла, жажду духовнаго подвига, которою онъ, какъ видно изъ всѣхъ древнихъ сказаній, отличался съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и вы поймете, что мысль помочь Славянамъ и сдѣлаться для нихъ вѣстникомъ Божіей благодати должна была овладѣть имъ еще въ молодости, когда онъ жилъ именно въ этой средѣ. Далѣе, возьмите во вниманіе, что Кириллъ получилъ самое совершенное образованіе, свѣтское и духовное, какое только могла дать тогдашняя Византія, и вы поймете, что средство, для осуществленія его мысли, — средство, на которое указывали и ученіе церкви, и примѣры ея исторіи, — тогда же опредѣлилось и уяснилось въ его сознаніи. Если бы Кирилломъ не владѣло убѣжденіе въ его призваніи сдѣлаться просвѣтителемъ народа Славянскаго, если бы эта идея не росла въ немъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ и не была цѣлію его жизни, а только случайнымъ въ ней эпизодомъ, то могъ ли бы онъ въ свой недолгій вѣкъ совершить такое громадное дѣло, — дѣло, отъ котораго ведетъ свое начало духовное развитіе всѣхъ Славянскихъ народовъ? Неужели для того достаточно бы было шести лѣтъ официальной дѣятельности его въ Моравіи? И какимъ образомъ объяснить его вліяніе на своего брата Меѳодія, который былъ гораздо старше и сановитѣе его, и котораго онъ заставилъ, совсѣмъ къ тому неприготовленнаго, обратиться, послѣ правительственной службы, къ изученію книгъ, а затѣмъ къ проповѣди, и сдѣлаться преданнѣйшимъ его помощникомъ? Мнѣ кажется очевиднымъ, что Кириллъ былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ людей, которые внутри себя находятъ свое предопредѣленіе исполнить великое историческое дѣло, и посвящаютъ себя ему исключительно. Я считаю съ точки зрѣнія психологической, совершенно невозможнымъ допустить, чтобы Кириллъ взялся за свое

историческое дѣло только вслѣдствіе посольства въ Константинополь Моравскаго князя Ростислава (въ 862 году), и одно это было бы для меня вполнѣ убѣдительно, если бы даже ничего другаго не говорило въ пользу моего мнѣнія. Но оно подтверждается положительными свидѣтельствами древнихъ памятниковъ, лингвистикой и связью историческихъ фактовъ.

Я упомянулъ о сказаніи Храбра (который писалъ еще, когда были живы люди, видѣвшіе первоучителей Славянскихъ), гдѣ изобрѣтеніе письменъ отнесено въ 855 году. Сверхъ того, есть другія свидѣтельства, что изобрѣтеніе совершено въ Македоніи, что тамъ Кириллъ предпринялъ переводъ Священнаго Писанія, для просвѣщенія Славянъ въ своей родинѣ, уже частію крещеныхъ; указывается даже мѣсто, гдѣ Кириллъ положилъ начало этому дѣлу, именно Брегальница, край въ Македоніи, въ которомъ протекаетъ рѣка, носящая и до нынѣ это имя. Это показаніе потому особенно вѣроятно, что вообще, чѣмъ точнѣе и положительнѣе въ какомъ нибудь историческомъ извѣстіи географическія и тому подобныя данныя, тѣмъ свидѣтельство ближе къ источнику, и точность эта всегда исчезаетъ по мѣрѣ перехода историческаго факта въ область легенды. Брегальница находится именно въ той (сѣверо-восточной) части Македоніи, которая по преимуществу называлась Византійцами Славиніей, и эта-то страна находилась въ то время подъ управленіемъ Меѳодія: не была ли тутъ для Кирилла самая близкая, самая лучшая почва для первой попытки Славянской письменности, Славянскаго богослуженія? не естественно ли, что именно здѣсь первый еще скромный успѣхъ святаго дѣла, начатаго младшимъ братомъ подъ его глазами, побудилъ Меѳодія отказаться отъ свѣтской власти и посвятить себя обращенію Славянъ? Наконецъ, если бы могло остаться малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что

Македонія была родиною Славянскихъ письменъ и Славянскаго перевода Священныхъ книгъ, то его отстранило бы свидѣтельство неопровержимое, не подлежащее искаженію, какъ письменный памятникъ: свидѣтельство языка. Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ Болгаръ Македонскихъ, тѣмъ яснѣе становится, что оно представляетъ въ живой рѣчи народа тѣ свойства, которыя служатъ *отличительными*, такъ сказать діалектическими, признаками церковно-Славянскаго языка (1) въ ряду вѣтвей Славянскихъ. Въ этомъ отношеніи получаютъ особенную важность изданные недавно сборники народныхъ пѣсенъ Македонскихъ Болгаръ, г. Верковича, и въ особенности прекрасный сборникъ братьевъ Миладиновыхъ, которые поплатились тюремнымъ заключеніемъ и, судя по печальной вѣсти, сообщенной въ 21 № „Дня,“ смертію за любовь къ своей народности. Это великая утрата не только для народнаго дѣла Болгаріи, но и для всего Славянства. Дай Богъ, чтобы Македонскіе Болгаре вознаградили ее, идя по слѣдамъ этихъ безкорыстныхъ тружениковъ святаго дѣла, достойныхъ представителей родины Кирилла и Меѳодія. На Болгарахъ Македонскихъ лежитъ двойная обязанность вызвать на свѣтъ то, что хранитъ ихъ народъ: обязанность передъ собственнымъ своимъ отечествомъ и обязанность передъ цѣлымъ Славянствомъ: ибо какъ ихъ древній языкъ былъ первымъ вѣстникомъ просвѣщенія у всѣхъ Славянскихъ народовъ, такъ онъ служитъ нынѣ точкою отправленія науки во всемъ, что касается Славянскаго міра. Подробное изученіе современной Македоніи, языка и преданій ея Славянскихъ жителей, ея средневѣковыхъ памятниковъ, составляетъ въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ задачъ Славянской науки.

---

(1) Разумѣется, въ его древнѣйшихъ памятникахъ.

Въ сравненіи со всѣми тѣми данными, которыя въ совокупности своей составляя, мнѣ кажется, полную достовѣрность, указываютъ на Македонію, какъ на родину Славянской письменности, на Македонскихъ Славянъ, какъ на то племя, для котораго Кириллъ первоначально предназначалъ свои труды,—что значитъ, я спрашиваю васъ, противорѣчіе, такъ называемыхъ, Паннонскихъ житій? Вѣдь житія эти, источникомъ которыхъ были сказанія, записанныя въ Моравіи, имѣютъ въ виду преимущественно дѣятельность Кирилла въ этой странѣ. Понятно, что Моравія, которая вначалѣ, дѣйствительно, болѣе всего воспользовалась трудами Кирилла и Меѳодія, могла, или лучше сказать, должна была приписать своему вліянію и самый поводъ къ этимъ трудамъ. Но уже одно то, что въ Моравскихъ памятникахъ говорится объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ совершенно неопредѣлительно, безъ указанія мѣста, гдѣ оно совершилось, безъ обозначенія года изобрѣтенія, довольно ясно указываетъ на неточность свѣдѣній, бывшихъ тамъ въ ходу объ этомъ событіи. Наконецъ, если бы мы, слѣдуя позднѣйшему мнѣнію Шафарика и заключенію О. М. Бодянскаго, отнесли начало Славянской письменности къ тому времени, когда Кириллъ и Меѳодій вызваны были въ Моравію, т. е. къ 862 году, то какъ же мы согласили бы этотъ фактъ съ совершившимся прежде того въ 860 или 861 году, крещеніемъ Болгарскаго князя Бориса и части народа Болгарскаго? Крестилъ ихъ, какъ извѣстно, Меѳодій: неужели же онъ, по примѣру тѣхъ Греческихъ и Латинскихъ монаховъ, на которыхъ такъ жаловались Славяне, принесъ въ Болгарію христіанство безъ Славянскихъ письменъ, безъ богослуженія и книгъ, понятныхъ народу? Неужели только спустя годъ или два послѣ крещенія державы Болгарской, Кириллъ и Меѳодій, вслѣдствіе посольства изъ Моравіи, догадались, что Славянамъ нужно возвѣщать христіанство на ихъ языкѣ?

И такъ, рѣшаюсь сказать, если только относительно столь отдаленныхъ отъ насъ временъ возможна полная историческая достовѣрность, то достовѣрно, что начало Славянской письменности принадлежитъ эпохѣ, когда дѣятельность Солунскихъ братьевъ посвящена была еще ихъ родинѣ, Македоніи, т. е. до ихъ отправленія въ землю Козарскую. Путешествіе Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ, за которымъ непосредственно послѣдовала миссія Меѳодія въ Болгарію, и за тѣмъ переѣздъ обоихъ братьевъ въ Моравію, путешествіе къ Козарамъ относится, по соображенію всѣхъ данныхъ, къ 858 году; значитъ, полагать изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ и начало Славянскаго богослуженія послѣ этого времени, невозможно; значитъ, 855 годъ, приводимый черноризцемъ Храбромъ, получаетъ полное вѣроятіе. Если угодно, я согласился бы и съ тѣмъ, что событіе это совершилось еще ранѣе, какъ дѣйствительно одна Сербская лѣтопись помѣщаетъ начало Славянской грамоты подъ 852 годомъ: смыслъ событія и историческая связь его съ общимъ ходомъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія отъ этого не измѣнились бы нисколько; но между этими двумя данными, которыя сами по себѣ совершенно равнозначительны, 855 годъ заслуживаетъ предпочтеніе, потому что онъ записанъ въ памятникѣ, спеціально посвященномъ разсказу объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ, и составляющемъ самое древнее и самое достовѣрное свидѣтельство, какое сохранилось объ этомъ дѣлѣ, а въ Сербской лѣтописи о Кириллѣ упомянуто лишъ вскользь, и при томъ же лѣтопись составлена нѣсколько столѣтій послѣ его смерти.

Въ газетѣ вашей, занимающейся самыми живыми вопросами вашей современности, это хронологическое разсужденіе о времени изобрѣтенія Славянской азбуки покажется, вѣроятно, довольно неумѣстнымъ. Но споръ о началѣ

письменности Славянской необходимо намъ рѣшить, такъ или иначе, въ виду возникшаго у насъ предположенія праздновать въ нынѣшнемъ году ея тысячелѣтіе. Нужно ли его праздновать или не нужно? Я представилъ вамъ свой отвѣтъ: не нужно. Пусть другіе съ своей стороны выскажутъ свое мнѣніе. Но хотя бы изложенныя мною историческія сужденія оказались неосновательными и были опровергнуты учеными, я все же попрошу обратить вниманіе на выраженную въ началѣ моего письма мысль, что празднованіе нами въ *нынѣшнемъ* году тысячелѣтней годовщины Кирилла было бы неумѣстно по отношенію къ остальнымъ Славянамъ.

При другихъ обстоятельствахъ я былъ бы радъ такого рода празднеству, если бы даже годъ тысячелѣтія былъ назначенъ ошибочно: потому что тутъ дѣло не въ хронологіи, а въ благодарности нашей великому и святому человѣку, которому всѣ Славянскіе народы обязаны началомъ своего умственнаго и духовнаго просвѣщенія, и въ заявленіи, во имя этого человѣка, и совершеннаго имъ подвига, братства Славянскихъ народовъ. Но когда западные Славяне условились праздновать тысячелѣтнюю память Славянскихъ апостоловъ въ 1863 году, когда у нихъ есть на то причина въ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, и когда, что всего важнѣе, мысль объ этомъ торжествѣ и приготовленія къ нему сдѣлались у нихъ всеобщею, народною заботою,—то неужели мы, еще не приготовившіеся, не присоединимся къ другимъ Славянамъ, и будемъ праздновать тысячелѣтіе Славянскаго просвѣщенія годомъ раньше и безъ нихъ? Это была бы ошибка, даже если бы предположеніе, о которомъ вы мнѣ писали, основывалось на самыхъ неопровержимыхъ историческихъ данныхъ; а что историческая основательность этого предположенія крайне сомнительна, въ этомъ вы во всякомъ случаѣ со мною согласитесь.

Слѣдовало бы Славянамъ въ наше время праздновать троекратно тысячелѣтнюю годовщину въ память Кирилла и Меѳодія; въ 1855 году—тысячелѣтіе изобрѣтенія письменъ Славянскихъ и начала христіанскаго просвѣщенія Славянъ; въ 1861 году—тысячелѣтіе крещенія народа Болгарскаго; наконецъ въ 1863 тысячелѣтіе крещенія Моравіи и вообще Славянъ западныхъ. *Въ 1855 году мы позабыли о томъ,* (*) изъ-за военной тревоги, а западные Славяне, потерявшіе грамоту Кириллову, про нее и не вспомнили; съ 1261 году Болгары позабыли о тысячелѣтіи своего крещенія, изъ-за спора съ Греками, свидѣтельствующаго, между прочимъ о томъ, что народъ, который въ IX вѣкѣ разрѣшилъ просто и мирно, согласно съ началами человѣческаго равенства любви, свои духовныя отношенія къ другому народу, можетъ ровно черезъ тысячу лѣтъ явиться въ томъ же вопросѣ представителемъ самыхъ низкихъ страстей корыстолюбія и эгоизма; этотъ споръ, я говорю, заставилъ Болгаръ позабыть 861 годъ, а мы имъ о немъ не напомнили. Два раза и мы и другіе Славяне позабыли о Кириллѣ и Меѳодіѣ и не соединились для прославленія ихъ памяти. Не пропустимъ же третьяго срока, 1863 года, и не оставимъ западныхъ Славянъ однихъ праздновать тысячелѣтіе того событія которое положило вѣнецъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Если, съ одной стороны, событіе это,—крещеніе державы Великоморавской,—по мѣстности принадлежитъ исключительно Славянамъ западнымъ, то съ другой стороны, мы должны помнить, что не они, а мы, вмѣстѣ съ Сербами и Болгарами, сохранили наслѣдство трудовъ Кирилла и Меѳодія. Тамъ, на западѣ, исторія упразднила ихъ дѣло; народъ уже не знаетъ Славянскихъ

(*) Не всѣ: покойный Шевыревъ напоминалъ о немъ на столѣтнемъ юбилеи московскаго университета. *Ред.*

письменъ, ими изобрѣтенныхъ; въ 1863 году западные Славяне хотятъ открыть въ Моравскомъ Градищѣ, гдѣ была столица Ростислава и архіепископскій престолъ Меѳодія, храмъ во имя своихъ апостоловъ: но въ храмѣ этомъ уже не раздастся то богослуженіе, какое они совершали; его совершатъ на языкѣ Латинскомъ, противъ котораго они боролись—столько лѣтъ, и въ борьбѣ этой истощили послѣднія силы своей многотрудной жизни! Но если, даже послѣ такого историческаго переворота, западные Славяне не остались неблагодарными къ памяти первоучителей своихъ, если они громко и всенародно выражаютъ свое сочувствіе ихъ дѣлу, то можемъ ли мы, законные наслѣдники этого дѣла, на немъ со временъ Ольги и Владимира основывающіе просвѣщеніе наше, остаться равнодушными и безучастными? Это было бы непростительно.

Въ другомъ письмѣ позвольте мнѣ развить нѣсколько подробнѣе мою мысль о необходимости участія нашего въ празднованіи тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія.

ПИСЬМО 2-е.

Я обѣщалъ поговорить съ вами въ этомъ письмѣ о томъ, почему намъ необходимо, въ будущемъ году, принять участіе въ празднованіи тысячелѣтней памяти Кирилла и Меѳодія. Но сперва я опять долженъ повести рѣчь о древности.

Въ первомъ письмѣ я упомянулъ вскользь о миссіи Кирилла и Меѳодія въ землю Козарскую (въ 858 году). На это событіе и его смыслъ обращено, мнѣ кажется, слишкомъ мало вниманія. Поѣздка въ Козарію обыкновенно представляется какимъ-то постороннимъ эпизодомъ въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія: первая половина ихъ жизни

принадлежитъ Македоніи и тамошнимъ Славянамъ (1), вдругъ они вырываются изъ этой среды и ѣдутъ миссіонерами на берега Азовскаго моря къ какому-то Татарскому хану; потомъ возвращаются и продолжаютъ свое дѣло среди Славянъ, уже въ бо́льшихъ гораздо размѣрахъ, подъ офиціальнымъ покровительствомъ, въ Болгаріи и державѣ велико-Моравской? Неужели это было такъ, и между тремя эпохами въ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія нѣтъ никакой внутренней связи?

Достовѣрно, что Козары были народомъ Тюрко-Татарской семьи, что языкъ ихъ былъ нарѣчіемъ Тюркскимъ. Извѣстно также, что православная Византія для проповѣди христіанства употребляла языкъ, народу понятный. Представляется вопросъ: могли ли Кириллъ и Меѳодій знать Козарскій языкъ? На это нѣтъ указанія (2), нѣтъ въ томъ ни малѣйшей вѣроятности. Гдѣ бы могли они изучить этотъ

---

(1) Съ этою эпохою тѣсно связано и пребываніе Кирилла въ Цареградѣ, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе, и отшельничество Меѳодія на Олимпѣ, гдѣ онъ, въ монастырскомъ уединеніи, по выраженію житія, *прилежалъ книгамъ*, готовясь промѣнять поприще военное и правительственное на ту дѣтельность, которой себя уже посвятилъ его младшій братъ.

(2) Въ житіи, правда, говорится, что Кириллъ, прибывъ въ Херсонъ, выучился бесѣдѣ и книгамъ *Жидовскимъ* и чтенію книгъ Самарянскихъ; но даже, если мы не примемъ это за гиперболу, то это значило только, что Кириллъ ознакомился съ священнымъ языкомъ той части Козаръ, которые исповѣдывали Іудейскую вѣру; Еврейскій же языкъ уже въ началѣ II-го вѣка (при Адріанѣ) совершенно вышелъ изъ употребленія даже въ самой Палестинѣ; позволительно ли думать, что онъ въ IX вѣкѣ могъ служить орудіемъ проповѣди у полудикаго народа въ степяхъ Придонскихъ? И на какомъ языкѣ сообщался Кириллъ съ Козарами-магометанами? Вѣдь, конечно, не на древне-Еврейскомъ.

языкъ? не въ Солуни же и Македоніи, не въ Константинополѣ у знаменитаго Фотія (1), не въ монастырѣ Олимпійскомъ. Укажутъ, можетъ быть, на Болгарію, гдѣ пришлая Тюркская стихія наложила на Славянское населеніе государственную власть: но, во первыхъ, Болгарія открылась Кириллу и Меѳодію лишь по возвращеніи изъ Козарской миссіи, а главное, въ то время Тюркская стихія въ Болгаріи уже поглощена была Славянскою. Предполагать, что сношенія съ какими нибудь Болгарами въ Солуни и Константинополѣ могли вести къ знакомству съ Тюркскимъ языкомъ во второй половинѣ IX вѣка, значило бы то же самое, что предполагать, будто сношенія съ Русскими во времена Нестора познакомить могли съ языкомъ Норманнскимъ. Какимъ же образомъ годились Кириллъ и Меѳодій для миссіи къ кагану (2) Козарскому и его подданнымъ?

Мы знаемъ изъ древней лѣтописи Русской, что въ то время, когда жили Кириллъ и Меѳодій, и когда возникло у Славянъ Новгородскихъ государство Рюрика, юго-восточная часть Славянъ въ нашемъ отечествѣ находилась подъ властію Козаръ; именно подъ 859 записано, что Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей (3). Славяне составляли въ державѣ хана Козарскаго стихію весьма значительную; если примемъ во вниманіе безплодность и неспособность къ заселенію степнаго пространства прикаспійскаго, гдѣ сосредоточивалась собственно Козарская, Тюркская стихія, то мы скажемъ даже, что главная масса жителей ханства были Славяне, тѣмъ болѣе, что они, какъ видно изъ Арабскихъ писателей, простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ Несторовыхъ Сѣверянъ и Вяти-

(1) Впослѣдствіи патріарха; онъ былъ наставникомъ Кирилла.
(2) Или хакану, т. е. хану.
(3) Власть ихъ простиралась и на Радимичей.

чей, по Дону и нижней Волгѣ, и, кажется, жили колоніями и у Азовскаго моря (Тмуторакань).

Вообще, надобно помнить, что въ эту древнюю эпоху Югъ нынѣшней Россіи былъ несравненно болѣе Славянскимъ, чѣмъ впослѣдствіи. На то указываетъ сличеніе Арабскихъ свидѣтельствъ X вѣка съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ краѣ въ позднѣйшее время. На то указываетъ еще яснѣе Несторъ, когда онъ, въ повѣствованіи своемъ о древнѣйшихъ временахъ, говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ, что они простирались по Днѣстру до моря, и имѣли тамъ свои города, тогда какъ позднѣе не видать уже въ этой странѣ Славянскихъ поселеній. О прочихъ данныхъ, подтверждающихъ то же самое, я для краткости не упоминаю. Съ VI вѣка мы замѣчаемъ сильный приливъ Славянской стихіи съ Сѣвера на Югъ, къ Черному морю и далѣе, къ Дунаю и за Дунай (см. Византійскихъ историковъ); отливъ начался только съ X вѣка, со времени вторженія Печенѣговъ и образованія Русскаго государства, въ которомъ тѣснимые дикими пришельцами Славяне находили убѣжище и возможность безпрепятственной колонизаціи на Сѣверѣ. За Печенѣжскою волною послѣдовала волна Половецкая, за нею волна Татарская; Славянская стихія все болѣе и болѣе отливала къ Сѣверу и Сѣверо-Востоку, и тамъ укрѣплялась и росла, оставляя степныя пространства Тюркскимъ кочевникамъ. Но не таково еще было положеніе Черноморскихъ странъ въ половинѣ IX вѣка, во время путешествія Кирилла и Меѳодія. Они тамъ были за полстолѣтія до вторженія Печенѣговъ. Въ Черноморскихъ странахъ властвовали Козары, отличавшіеся отъ другихъ Тюркскихъ пришельцевъ человѣчностью и относительною образованностью; Славяне, которые подчинялись имъ, какъ видно, безъ особеннаго сопротивленія, не были еще принуждены бѣжать изъ этихъ мѣстъ; и поселенія ихъ, по всей вѣроят-

ности, были весьма значительны въ краяхъ, чрезъ которые пролегалъ путь изъ Константинополя и Херсона къ ставкѣ хакана Козарскаго. А сверхъ того, возможно ли предполагать, чтобы и среди собственныхъ Козаръ не было много Славянъ, промышленниковъ, торговцевъ, плѣнныхъ, а можетъ быть и служилыхъ людей?

Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Козарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, Славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ (1). Вотъ, стало быть, посредствующее звено между обоими государствами,—элементъ Славянскій: вотъ языкъ, на которомъ Византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать Евангеліе при дворѣ хана Хазарскаго и между его подданными,—языкъ Славянскій; вотъ почему для миссіи въ Козарію избраны были люди, посвятившіе себя обращенію Славянъ, люди, которые несли съ собою Славянскія письмена и Славянскій переводъ Евангелія (2). Иначе эта миссія казалась бы мнѣ не только необъяснимою, но даже безцѣльною. Въ моихъ глазахъ, поѣздка Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ предполагаетъ непремѣнно, что они предварительно сдѣлались извѣстными въ Константинополѣ попыткою передать ученіе Христово на языкѣ Славянскомъ, и это, скажу мимоходомъ, служитъ для меня новымъ и весьма сильнымъ подкрѣпленіемъ моей мысли, что изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ совершилось прежде поѣздки въ Козарію, т. е. до 858 года. Извѣстно, что Кириллъ

(1) Разумѣется, въ Европейской части имперіи

(2) На это есть даже положительное указаніе въ одномъ древнемъ прологѣ, гдѣ сказано, что Кириллъ упросилъ Меѳодія сопутствовать ему къ Козарамъ, *зане умѣяше языкъ Словѣньскъ* (Бодянск. о вр. происх. Слав. письменъ 73). Разумѣется, однако, что это мѣсто не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, будто самъ Кириллъ не зналъ по Славянски.

записалъ (разумѣется, по-гречески) содержаніе преній съ Магометанами и Евреями у Козаръ, и что Меѳодій перевелъ это сочиненіе по-славянски: къ чему бы служилъ такой переводъ, если бы Меѳодій не имѣлъ въ виду оставить Козарамъ, исповѣдывавшимъ частію магометанство, частію іудейство, и подвластнымъ имъ Славянамъ, на письмѣ доводы, которыми Кириллъ въ бесѣдахъ и преніяхъ своихъ опровергалъ ученіе муллъ и раввиновъ? Вѣдь переводъ такого сочиненія для другихъ Славянъ, особенно въ ту эпоху, не имѣлъ бы никакой цѣли, и конечно Меѳодій не взялся бы за него впослѣдствіи, ни въ Болгаріи, гдѣ ему приходилось проповѣдывать Христіанство язычникамъ, (и отчасти, можетъ быть, противодѣйствовать христіанскимъ же, но еретическимъ толкамъ), ни въ Моравіи, гдѣ опять-таки нужна была не полемика съ Жидами и Магометанами, а работа для искорененія языческихъ вѣрованій и борьба съ Западнымъ духовенствомъ.

Во всякомъ случаѣ, я считаю несомнѣннымъ то, что Кириллъ и Меѳодій посланы были въ Козарію не только какъ знатоки христіанскаго богословія вообще, а именно какъ люди, спеціально приготовленные къ дѣятельности миссіонеровъ *между Славянами*. Козарская миссія не была постороннимъ эпизодомъ въ жизни апостоловъ Славянскихъ; официально назначенная для кагана и его степной, Тюркской орды, она въ сущности опиралась на Славянской стихіи, подвластной этой ордѣ. При дворѣ кагана успѣхъ былъ не великъ; Козары остались частію іудеями, частію магометанами: но кто знаетъ, не запало ли родное слово проповѣдниковъ Славянскихъ гораздо глубже въ душу тѣхъ Славянъ, которыхъ они встрѣчали во время своего пребыванія въ нынѣшней южной Россіи? Весьма понятно, что даже современники, не говоря о потомкахъ, не замѣчали значенія завоеванной Славянской стихіи въ краѣ, который

носилъ тогда названіе Козаріи, и, по господствующему племени, людямъ постороннимъ казался точно землею Козарскою; мы знаемъ не мало подобныхъ случаевъ не только въ древней, но и въ новѣйшей исторіи.

Однако какимъ образомъ вы объясните то замѣчательное преданіе, что Кириллъ, во время путешествія въ Козарію, нашелъ Евангеліе и Псалтирь, писанныя *Русскими* письменами, и „человѣка обрѣтъ глаголюща тою (т. е. Русскою) бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладая различіе письменъ, гласная и согласная, и къ Богу молитву держа, вскорѣ начатъ чисти и сказовати (т. е. читать и говорить)?“ Преданіе это, какъ извѣстно, подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но, по моему мнѣнію, оно есть не болѣе, какъ перешедшее въ область легенды воспоминаніе о томъ, что Кириллъ, встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ Русскимъ (1) Славяниномъ, (или, вѣрнѣе, съ Русскими Славянами), и, готовясь въ Херсонѣ къ поѣздкѣ въ Козарскія владѣнія, старался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныхъ книгъ къ языку подвластныхъ Козарамъ Славянъ: а это, разумѣется, въ ту эпоху, было еще весьма и легко (2); Херсонъ же, какъ

---

(1) Разумѣется, Русскими эти Славяне въ то время еще не назывались, и я употребляю это названіе только для краткости, вмѣсто того, чтобы говорить: «юговосточные Славяне, принявшіе потомъ наименованіе Русскихъ.» Если же въ древнемъ житіи Кирилла говорится о Русскихъ, то это произошло, очевидно, оттого, что во время составленія житія названіе «Русь, Рушьскый» было уже общеизвѣстнымъ.

(2) Въ какомъ нибудь другомъ, болѣе буквальномъ смыслѣ, (напримѣръ, что у тогдашнихъ Черноморскихъ Славянъ уже существовалъ переводъ Евангелія и Псалтири, писанный, на примѣръ, глагольскими буквами, какъ думали нѣкоторые),

важнѣйшій городъ Черноморской страны, какъ значительный торговый центръ, не могъ не представить случая къ такому приготовленію. — Недаромъ также на Руси столь упорно держалось мнѣніе, что Кириллъ изобрѣлъ грамоту *для Русскихъ*, что онъ на Русскій языкъ переложилъ священныя книги: это мнѣніе имѣло тоже основаніе, какъ

я не могу принять этого сказанія. Полный разборъ вопроса увлекъ бы меня слишкомъ далеко. Укажу только на то, что въ житіи Кирилла, все вообще мѣсто, гдѣ находится приведенное извѣстіе, носитъ на себѣ очевидный отпечатокъ легенды: непосредственно передъ тѣмъ говорится, что онъ выучился въ Херсонѣ языку и книгамъ жидовскимъ, «переложилъ» (перевелъ) восемь частей грамматики (должно быть, Еврейской), выучился также книгамъ Самарянскимъ; а за приведенными словами о Русскихъ книгахъ слѣдуетъ разсказъ о чудесномъ обрѣтеніи въ морѣ мощей св. Климента. Не ясно ли, что когда писалось житіе, историческая дѣятельность Кирилла въ Херсонѣ уже начинала облекаться въ образъ легенды? Это тѣмъ болѣе естественно, что житіе было составлено въ Моравіи или Панноніи: могли ли въ этихъ странахъ свѣдѣнія о дѣятельности проповѣдниковъ Славянскихъ на отдаленномъ Востокѣ сохранить историческую точность? Могла ли встрѣча Кирилла съ Русскими Славянами и ознакомленіе его съ ихъ нарѣчіемъ,—фактъ весьма простой, но который именно въ исторической простотѣ своей долженъ былъ казаться непонятнымъ въ Моравіи, потому что тамъ едва ли кто подозрѣвалъ значеніе Славянской стихіи въ землѣ Козарской, — могъ ли такой фактъ представиться Моравскому жизнеописателю иначе, какъ въ видѣ какого-то чуда, какъ сверхъ-естественное проявленіе благодати Божіей? Догадка Шафарика, что Русскій, съ которымъ бесѣдовалъ Кириллъ, былъ Готеъ, такъ мало соотвѣтствуетъ общему смыслу извѣстія, что я о ней не говорю: да и возможно ли, чтобы Моравскій Славянинъ, писавшій житіе Кирилла, когда Славянская Русь уже существовала на Днѣпрѣ, подъ именемъ Русскаго разумѣлъ не Русскаго, а Готеа?

и то, что грамота Славянская изобрѣтена для Моравіи. Кириллъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами, которые нѣсколько лѣтъ спустя, стали именоваться Русью, точно также какъ онъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между Славянами Моравскими: и тѣ и другіе, естественно, могли приписать себѣ ту славу, что они были первоначальными, такъ сказать, виновниками его великаго дѣла.

Еще важнѣе Русскаго преданія въ этомъ отношеніи легенда Византійская, которая прямо связываетъ дѣло Кирилла съ Русскою землею. Въ этой легендѣ (1) разсказывается *первое* крещеніе Руси, бывшее (кажется въ 867 году) при Византійскомъ императорѣ Василіѣ Македонянинѣ. Самое событіе, т. е. принятіе христіанства нѣкоторыми людьми на Руси въ то время, когда княжили въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ, —самое событіе, я говорю, совершенно достовѣрно: оно утверждается свидѣтельствомъ современнымъ и неопровержимымъ, окружнымъ посланіемъ патріарха Фотія и другими показаніями. Въ легендѣ оно представлено съ подробностями, которыя частью упоминаются и другими писателями, разсказывающими о томъ же событіи, а частью заимствованы изъ преданій о послѣдующемъ крещеніи Руси при Владимирѣ; но вотъ чѣмъ легенда особенно замѣчательна. Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ въ своемъ окружномъ посланіи, что недавно передъ тѣмъ (т. е. именно около 867 года) къ Руссамъ посланъ былъ епископъ, и что между ними водворилося христіанское богослуженіе; а легенда развиваетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: „Императоръ Василій Македонянинъ отправилъ къ Руссамъ архіерея, человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, и съ нимъ двухъ мужей, Кирилла и Аѳанасія (не ошибка ли,

(1) Anonymus Banduri.

вмѣсто Меѳодія?), также замѣчательныхъ добродѣтелью и мудростью, и не только исполненныхъ знанія священныхъ книгъ, но и отличавшихся внѣшнею (т. е. свѣтскою) образованностью; они, прибывши туда, стали учить и крестить всѣхъ и приводить къ христіанскому благочестію. Находя же этотъ народъ совершенно варварскимъ и дикимъ, поименованные мужи не были въ состояніи обучить его 24-мъ Греческимъ письменамъ, и потому, опасаясь, чтобы онъ не уклонился снова отъ благочестія, изобрѣли для него тридцать пять письменъ и научили его этимъ буквамъ, названія ихъ слѣдующія: азъ, буки и проч. (слѣдуетъ исчисленіе Славянскихъ буквъ)." Все это, разумѣется, не исторія, а легенда; но часто легенда хранитъ забытые слѣды исторіи, и въ этомъ смыслѣ я считаю приведенный разсказъ Византійца весьма знаменательнымъ. По моему мнѣнію, въ немъ выражается, спутавшееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій, вспоминаніе о миссіи Кирилла и Меѳодія въ Черноморскія страны, и о томъ, что отъ нихъ тогда получили Славяне въ нашемъ отечествѣ первые начатки грамотности и христіанства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ Козаріи, положеніе тамошнихъ Славянъ измѣнилось. Часть этихъ Славянъ промѣняла подданство хакану Козарскому на власть новыхъ пришельцевъ съ далекаго сѣвера. Варяги Аскольдъ и Диръ стали княжить въ Кіевѣ. Эти удалые витязи поплыли на Константинополь и осадили его; ихъ попытка не удалась, корабли ихъ были разсѣяны бурею. А вскорѣ за тѣмъ къ Греческому императору пріѣзжаетъ изъ Русской земли мирное посольство, съ извѣщеніемъ, что Руссы желаютъ креститься. Къ нимъ, какъ я сказалъ, отправляютъ епископа, и христіанство начинаетъ водворяться на Руси. Наши, но довольно поздніе, источники утверждаютъ, что крестился и самъ князь Кіевскій Аскольдъ, и хотя о томъ умалчиваетъ лѣтопись Несторова, однако, какъ она

вообще не упоминаетъ о тогдашнемъ крещеніи Руси,—засвидѣтельствованномъ впрочемъ достовѣрными современными показаніями,—то это можетъ быть приписано только случайному забвенію факта; да и въ самой Несторовой лѣтописи есть такое извѣстіе, которое объясняется только тѣмъ, что Аскольдъ сдѣлался христіаниномъ (1). Потомъ является Олегъ какъ бы представителемъ языческой реакціи между Южно-Русскими Славянами. Но уже при Игорѣ христіанство на Руси почти равносильно язычеству (2), уже при Игорѣ есть въ Кіевѣ соборная церковь. Эти послѣдніе факты, при отсутствіи въ то время на Руси какихъ либо внѣшнихъ побужденій или посторонніхъ усилій въ пользу христіанской вѣры (3), не могли развиться вдругъ, и непремѣнно предполагаютъ многолѣтнее, постепенное возрастаніе въ народѣ христіанства, со времени перваго крещенія при Аскольдѣ; они предполагаютъ также, что это первое крещеніе было болѣе, чѣмъ мимолетною прихотью какого нибудь правителя, (Аскольдъ же и погибъ вскорѣ), и что были въ самомъ народѣ люди, которые, принявъ новую вѣру, стали ея держаться даже при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Какъ же намъ судить объ этомъ первомъ крещеніи Руси, совершившемся при Аскольдѣ, около 867 года, менѣе десяти лѣтъ спустя послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ странахъ Черноморскихъ? Должны ли мы предполагать, что между этими двумя событіями не было никакой связи, что мысль принять христіанство явилась вдругъ, какъ нибудь случайно, Аскольду или кому либо другому на Руси, послѣ неудачнаго похода на Константинополь, можетъ быть для того, чтобы задобрить Грековъ,

(1) Именно, что надъ его могилою построена была церковь.

(2) См. договоръ Игоря съ Греками.

(3) Правители были язычники; иностранныхъ проповѣдниковъ Евангелія на Руси, сколько мы знаемъ, тогда не было.

(хотя они, впрочемъ, были неопасны для Русскихъ и не могли помышлять о мщеніи)? Или же событіе это было плодомъ предварительнаго знакомства Южно-Русскихъ Славянъ съ христіанствомъ, плодомъ путешествія апостоловъ Славянскихъ въ Козарскую державу, гдѣ они, по словамъ житія, обратили 200 человѣкъ, и выхлопотали у кагана свободу христіанскаго вѣроисповѣданія въ его областяхъ? И если, какъ весьма вѣроятно, принялъ христіанство самъ Варяжскій князь Аскольдъ, то не было ли его рѣшеніе послѣдствіемъ того, что онъ нашелъ уже между Славянами Приднѣпровскими исповѣдниковъ новой религіи, и ихъ-то можетъ быть надѣялся сдѣлать опорою новаго порядка вещей, созданнаго у этихъ Славянъ Варяжскими пришельцами? Я ставлю эти вопросы, но не берусь отвѣчать на нихъ, и не знаю данныхъ для ихъ рѣшенія. Скажу только, что второе предположеніе, т. е. что крещеніе Руси при Аскольдѣ имѣло прямую связь съ предшествовавшею проповѣдью Кирилла и Меѳодія въ Козарскихъ владѣніяхъ, кажется мнѣ, на сколько могу судить при тѣхъ данныхъ, которыми мы теперь располагаемъ, наиболѣе естественнымъ и потому наиболѣе вѣроятнымъ (1).

(1) Замѣчательно, что въ древнѣйшей, дошедшей до насъ, Русской проповѣди, въ словѣ Иларіона о законѣ и благодати, великій князь Владиміръ нѣсколько разъ названъ *каганомъ*. я умѣю объяснить себѣ употребленіе этого иноземнаго и иновѣрческаго титула въ *церковномъ* сочиненіи Русскаго проповѣдника, писавшаго свою «похвалу кагану нашему Владимеру» въ такое время, когда о дѣйствительномъ Козарскомъ вліяніи не могло быть и помину,—я умѣю объяснить себѣ это только при томъ предположеніи, что титулъ государей Козарскихъ уже освященъ былъ на Руси церковнымъ преданіемъ; а это вело бы церковное преданіе Руси прямо къ проповѣдникамъ у Козарскаго кагана, къ Кириллу и Меѳодію.

Во всякомъ случаѣ, признаемъ ли мы, что христіанство на Руси ведетъ свое начало непосредственно отъ личнаго дѣйствія Кирилла и Меѳодія въ южномъ краѣ нашего отечества, или отвергнемъ эту мысль, — историческій фактъ остается несомнѣненъ: Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали Славянамъ въ нашемъ отечествѣ, и именно Славянская стихія въ державѣ кагана Козарскаго обусловливала ихъ миссію въ этотъ дальный край.

Въ первомъ моемъ письмѣ я говорилъ, что Россія вмѣстѣ съ Сербами и Болгарами есть наслѣдница дѣла Кирилла и Меѳодія, того дѣла, для котораго они трудились преимущественно между Славянами Западными, но котораго Западные Славяне не въ силахъ были отстоять отъ враговъ. По мысли и духу, Кириллъ и Меѳодій принадлежатъ намъ, и безъ насъ давно, не осталось бы помину о Славянской грамотѣ, Славянскомъ богослуженіи, о духовной самобытности Славянъ, обо всемъ томъ, чему посвятили жизнь свою первые просвѣтители Славянскихъ народовъ. Но, признавая себя, по мысли и духу, наслѣдниками дѣла Кирилла и Меѳодія, мы привыкли считать ихъ, въ матеріальномъ, такъ сказать, смыслѣ, чуждыми землѣ нашей; придерживаясь нѣсколько односторонняго взгляда Западныхъ Славянъ на ихъ дѣятельность, мы привыкли думать, что при жизни своей Кириллъ и Меѳодій не имѣли случая дѣйствовать на Славянъ Восточныхъ, на предковъ *нашего* народа, что слово Кирилла и Меѳодія вовсе ихъ не коснулось. На Западѣ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, прикрывающіе исторіею цѣли политическо-религіозныя (Штульцъ, Гинцель и др.), старались все болѣе и болѣе съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, и присвоить ее единственно Славянамъ Западнымъ, нынѣ принадлежащимъ къ церкви Латинской; а съ другой стороны, ученые, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, каковы Шафарикъ,

Ганушъ, у насъ Макарій, Филаретъ, Бодянскій, и др., вывели тотъ же результатъ изъ безпристрастныхъ, строго научныхъ, изысканій, въ которыхъ они однакоже, можетъ быть, слишкомъ исключительно сосредоточивались на буквѣ того или другаго древняго сказанія, всегда болѣе или менѣе односторонняго. Въ недавнее еще время полагали, на основаніи сличенія всѣхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія начиналась среди Славянъ Македонскихъ, что за тѣмъ ею воспользовалась Болгарія въ собственномъ смыслѣ, и что наконецъ она перенесена была на Западъ, въ Моравію и Панноніо, откуда коснулась, съ одной стороны, Хорватіи и Далмаціи, съ другой Чехіи и южной части Польши: таковъ былъ и первоначальный взглядъ Шафарика; въ послѣдствіи же, придерживаясь исключительно текста Паннонскихъ житій, ученые, въ томъ числѣ и самъ Шафарикъ, стали утверждать, что Кириллъ и Меѳодій единственно для Западныхъ Славянъ изобрѣли письмена и перевели Священное писаніе, только ихъ, при жизни своей, имѣли въ виду. Изъ представленныхъ мною въ первомъ письмѣ соображеній вы могли, надѣюсь, убѣдиться, какъ мало такой взглядъ согласенъ, и съ древними свидѣтельствами, и съ общимъ ходомъ событій, и съ указаніями языка. Но мало того, что слѣдуетъ возвратиться къ прежнему мнѣнію и поставить Македонію и Болгарію на ряду съ землями Западныхъ Славянъ въ кругу апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія; надобно въ этотъ кругъ включить и Славянъ Восточныхъ, принявшихъ потомъ названіе Руси; надобно признать, что и Русскій Славянинъ, вмѣстѣ съ Славяниномъ Македонскимъ и Болгарскимъ, вмѣстѣ съ Моравцемъ, Чехомъ и Полякомъ, былъ призванъ къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ этомъ, на сколько я понимаю сохранившіяся свидѣтельства, сомнѣнія быть

не можетъ, и вопросъ заключается только въ томъ: сохранилось ли ученіе просвѣтителей Славянскихъ на Руси преемственно, и было непосредственнымъ источникомъ той христіанской жизни у Славянъ Южно-Русскихъ, которая, нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди апостоловъ Славянскихъ въ южныхъ предѣлахъ земли нашей, проявилась первымъ крещеніемъ Руси при Аскольдѣ, и которую мы потомъ видимъ значительно развитую при Игорѣ, — или же дѣло Кирилла и Меѳодія исчезло безслѣдно послѣ ихъ отъѣзда изъ Козаріи, и возстановлено было въ тѣхъ краяхъ новыми проповѣдниками (¹).

Я упоминалъ о томъ, какъ въ послѣднее время нѣкоторые писатели, частью изъ цѣлей полемическихъ, частью на основаніи ученаго, но едва ли достаточно всесторонняго разбора древнихъ текстовъ, — хотѣли съузить кругъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и присвоить ее исключительно Западно-Славянскимъ землямъ. На этомъ не остановились; иные пошли далѣе, и сдѣлали попытки отнять у Кирилла и Меѳодія то, чѣмъ Русь, Сербы, Болгары въ теченіе вѣковъ считаютъ себя имъ обязанными: письмена, называемыя кирилловскими, и тотъ переводъ священныхъ книгъ, который послужилъ основаніемъ богослуженія и исходной точкой литературы у всѣхъ Славянъ, принадлежащихъ къ восточной Церкви. Вмѣсто *этого* дѣла, стали приписывать Кириллу

(¹) Даже въ этомъ послѣднемъ предположеніи, которое, какъ мнѣ кажется, менѣе вѣроятно, вліяніе Кирилла на Русь не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію: ибо какъ епископа для Руси, по просьбѣ тамошнихъ правителей, долженъ былъ назначить патріархъ Фотій, то онъ, наставникъ и другъ изобрѣтателя Славянской грамоты, устроителя Славянскаго богослуженія, едва ли бы отправилъ проповѣдникомъ къ новообращавшемуся Славянскому народу, кого нибудь другаго, какъ не ученика его. Кириллъ же былъ тогда еще въ живыхъ.

и Меѳодію грамоту, извѣстную подъ именемъ *глагольской*, которая по причинѣ своего неудобства и безобразія не могла имѣть ходу между Славянами, и состояла, съ половины XIII вѣка, подъ особеннымъ покровительствомъ Римскаго двора. Это мнѣніе очевидно можетъ служить орудіемъ политико-религіознымъ: не даромъ оно, ведя свое начало отъ глубоко-ученаго, но, можетъ быть, не совсѣмъ чуждаго подобныхъ стремленій Копитара, принято на вѣру писателями, защищающими у Западныхъ Славянъ Римскіе интересы. Но теперь мнѣніе это стоитъ въ наукѣ не только какъ посторонняя ей гипотеза: нѣтъ, оно явилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подкрѣпленное всею силою авторитета Шафарика, который посвятилъ ему свое послѣднее сочиненіе (писанное почему-то, вопреки его прежнему обыкновенію, по-Нѣмецки). Такимъ образомъ, предположеніе, что первоучителямъ Славянскимъ принадлежитъ не наша письменность, а письменность глагольская, получило большую важность: оно важно въ двоякомъ смыслѣ: и какъ вопросъ чисто-ученый, отъ рѣшенія котораго многое зависитъ въ пониманіи древней исторіи и литературы Славянской, и какъ вопросъ, такъ сказать, народный, вопросъ о томъ, имѣло ли духовное просвѣщеніе одинъ общій источникъ, однихъ родоначальниковъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ, или же Русь, Болгарія, Сербія, однимъ словомъ православный Славянскій міръ былъ съ самаго начала въ раздвоеніи съ Славянами Западными, а люди, которыхъ всѣ Славяне привыкли считать своими общими просвѣтителями, въ дѣйствительности послужили только Славянамъ Латинской церкви, и то неудачною попыткою самостоятельной письменности?

Еслибы послѣднее предположеніе, на основаніи доводовъ Шафарика, было признано вѣрнымъ, то мы не имѣли бы никакого права и никакой надобности признавать Кирилла и Меѳодія своими; мы должны бы были бросить мысль,

что намъ нужно, въ память общаго начала просвѣщенія Славянскаго, соединиться съ Западными Славянами на тысячелѣтнюю годовщину Кирилла и Меѳодія; мы могли бы оставить ихъ однихъ праздновать въ будущемъ году тысячелѣтіе изобрѣтенія глаголицы, которою никто не пишетъ, и которая доживаетъ свой безплодный вѣкъ въ уголкѣ Хорватскаго приморья и въ Славянскомъ институтѣ, состоящемъ при Римской коллегіи пропаганды.

Такимъ образомъ, въ виду готовящагося у Западныхъ Славянъ празднества Кириллова, насъ останавливаетъ вопросъ о глаголицѣ: необходимо, чтобы и люди, не охотно углубляющіеся въ отвлеченные ученые споры, но которыхъ занимаютъ интересы Славянскіе, дали себѣ отчетъ въ томъ: справедливо ли, что Кириллъ и Меѳодій были творцами нашей, называемой кирилловскою, грамоты и письменности нашей, что грамота и письменность наши были первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, или это есть старый предразсудокъ и заблужденіе?

Вотъ почему, не смотря на всю сухость темы, я рѣшаюсь представить вамъ основныя положенія этого вопроса. Я постараюсь показать вамъ его, по возможности, со всѣхъ сторонъ, чтобы въ такомъ предметѣ, отъ пониманія котораго зависитъ весь взглядъ нашъ на значеніе Кирилла и Меѳодія, весь смыслъ ихъ дѣла,—чтобы въ такомъ предметѣ не устранить никакого, сколько нибудь значительнаго обстоятельства. Разумѣется, я долженъ буду ограничиться только самыми существенными чертами: задача, можетъ быть, довольно трудная—изложить въ тѣсныхъ предѣлахъ газеты ученый споръ, для котораго нужна бы была цѣлая монографія. Но дѣлать нечего: приступимъ къ этой задачѣ въ газетѣ, когда рѣшеніе вопроса намъ нужно, а въ книгахъ онъ не рѣшенъ.

Прошло уже четыре года, какъ Шафарикъ и Ганушъ освятили своимъ ученымъ авторитетомъ мнѣніе объ

изобрѣтеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ письма глагольскаго, и до сихъ поръ никто между Западными Славянами не представилъ серьезнаго возраженія. У насъ Шафарику возразилъ весьма дѣльно и обстоятельно г. Викторовъ; но его цѣль была исключительно—критика доводовъ Шафарика, а не полное обсужденіе вопроса, и къ сожалѣнію, его ученыя статьи прошли въ Русской литературѣ почти незамѣченными, а другимъ Славянамъ, кажется, даже вовсе неизвѣстны. Такимъ образомъ перевѣсъ остается до сихъ поръ рѣшительно на сторонѣ глаголитскаго ученія, особенно у Западныхъ Славянъ: теорія Шафарика и Гануша является, въ настоящее время, какъ послѣдній выводъ науки; неспеціалисты принимаютъ ее со словъ ученыхъ. А что, если теорія окажется не выводомъ науки, а плодомъ софизмовъ? Но къ дѣлу.

1. Извѣстно, что кирилловская азбука состоитъ изъ 24 буквъ Греческаго алфавита и прибавленныхъ къ нимъ знаковъ для звуковъ, чуждыхъ Греческому языку и свойственныхъ Славянскому, и что азбука глагольская, вполнѣ соотвѣтствуя кириллицѣ системой выраженія звуковъ и порядкомъ буквъ, отличается отъ нея только оригинальнымъ, весьма вычурнымъ, ихъ начертаніемъ. Есть ли какая нинибудь вѣроятность, чтобы Кириллъ, Грекъ родомъ (1) и

(1) Называя Кирилла и Меѳодія Греками, я этимъ однакоже не рѣшаю, происходили ли они отъ Эллинской, или, можетъ быть, отъ Славянской крови. Вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія, и едва ли можетъ быть рѣшенъ при извѣстныхъ намъ данныхъ. Одно краткое житіе прямо называетъ Кирилла Болгариномъ. Это то самое житіе, въ которомъ находится замѣчательное свидѣтельство о *Брегальницѣ*,-краѣ Македоніи, —какъ той мѣстности, гдѣ Кириллъ сталъ впервые проповѣдывать Славянамъ и принялся за составленіе для нихъ книгъ: (житіе это, найденное мною въ Призренѣ напечатано

воспитаніемъ, выросшій и начавшій свою дѣятельность среди такихъ Славянъ, часть которыхъ уже обращена была Греками и пользовалась Греческимъ алфавитомъ, не пришелъ къ простой мысли—организовать этотъ алфавитъ примѣнительно

въ VI т., 5 выпускѣ Извѣстій II отд. Акад. Наукъ). Такое показаніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, и можетъ быть согласовано съ другими источниками, гдѣ Кириллъ и Меѳодій названы Греками. Достовѣрно то, что они были сыновья человѣка, занимавшаго важную военную должность въ Солуни, городѣ, который служилъ въ ту эпоху убѣжищемъ и средоточіемъ Греческой стихіи въ Македоніи. Достовѣрно то, что Кириллъ (Константинъ) еще въ молодости былъ взятъ къ Константинопольскому двору, и тамъ получилъ образованіе; достовѣрно то, что Меѳодій занималъ высшую еще, чѣмъ его отецъ, военно-правительственную должность. Такимъ образомъ, если и можно допустить предположеніе, что въ жилахъ Кирилла и Меѳодія текла Славянская кровь, то все-таки они уже не были Славяне, а Византійцы. Подобныхъ примѣровъ мы знаемъ много, особенно въ первые вѣка Византійскаго государства: императоръ Юстиніанъ,—также, по всей вѣроятности, Велисарій, — патріархъ Никита въ VIII вѣкѣ, императоръ Василій Македонянинъ, современникъ Кирилла и Меѳодія, и др.—Славяне по происхожденію, люди эти однако вполнѣ принадлежатъ Греческой Византіи. И такъ, относительно Кирилла и Меѳодія, мы въ правѣ признать *возможнымъ* и до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что и они, какъ поименованныя мною лица и многіе другіе знатные Византійцы, были Славянскаго происхожденія; мы должны признать *достовѣрнымъ*, что Славянскій языкъ они знали какъ свой родной, еще когда жили въ отцовскомъ домѣ въ Солуни, (на это указываетъ и древнее житіе); но съ другой стороны, мы должны признать *достовѣрнымъ* и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ *народу* Славянскому, что они были и считали себя Греками. Было бы крайнею несправедливостью, на основаніи догадки о Славянскомъ происхожденіи Кирилла и Меѳодія, отнимать у Греческой Византіи ихъ великій, безсмертный подвигъ для Славянъ. Подвигъ этотъ при-

къ Славянскимъ звукамъ (1), а вмѣсто того вздумалъ замѣнять готовыя и уже извѣстныя Славянамъ буквы а, в, г, д, и проч. новыми, странными начертаніями? Воспитанникъ энциклопедически-ученаго Фотія, онъ не могъ не знать о томъ, какъ одна и та же историческая азбука переходила, совершенствуясь, отъ народа къ народу; онъ не могъ не знать изъ церковной исторіи объ Ульфилѣ, который, въ тѣхъ же почти мѣстахъ, гдѣ онъ самъ готовился дѣйствовать, примѣнилъ Греческую же азбуку къ потребностямъ языка Готовъ.

2. Азбука кирилловская, какъ *первый* изобрѣтенный алфавитъ Славянскій, имѣетъ характеръ совершенно раціональный: историческая, основная часть ея, азбука Греческая, оставлена при томъ же расположеніи буквъ, какое въ ней было, не смотря на видимый ихъ безпорядокъ; изъ буквъ прибавочныхъ, близкія по звуку къ Греческимъ поставлены подлѣ ихъ, б передъ в, ж и ѕ (читалось первоначально какъ дз) (2) предъ з, всѣ остальныя помѣщены послѣ

надлежитъ Греческой Византіи, въ средѣ которой Кириллъ и Меѳодій родились и выросли, которая дала имъ образованіе, которая воспитала въ нихъ духъ древняго христіанскаго апостольства: надобно помнить, что Византія, подъ корою бездушія и разврата языческаго Рима, и среди начинавшихъ пробиваться въ ней новыхъ ростковъ эгоистической національной исключительности Эллинской, еще хранила въ то время чистую струю христіанскаго братства, всеобъемлющей христіанской любви.

(1) По этому самому, защитники глаголитской теоріи *непремѣнно* отвергаютъ всю, предшествовавшую пріѣзду въ Моравію, дѣятельность Кирилла и Меѳодія между Славянами. Въ первомъ письмѣ я старался показать ложность такого взгляда.

(2) Замѣчу кстати, что буква ѕ имѣетъ значеніе *только* для нарѣчія Македонскихъ Болгаръ: они до нынѣ выговариваютъ не *з*, а *дз*, гдѣ въ древнѣйшихъ Кирилловскихъ памятникахъ

Греческихъ буквъ, а на самый конецъ отнесены тѣ знаки (¹), которые сохранены какъ наслѣдство Греческой азбуки, но для Славянскаго языка вовсе не пригодны. Глагольская азбука, какъ я сказалъ, совпадаетъ съ кириллицей, какъ относительно порядка буквъ, такъ и самой системы выраженія звуковъ. И того и другаго нельзя бы было объяснить, если бы она была созданіемъ первоначальнымъ и самобытнымъ, а не сколкомъ съ готовой уже азбуки кирилловской; иначе изобрѣтатель, позволивъ себѣ полный разгулъ фантазіи въ начертаніи буквъ, никакъ не сталъ бы въ расположеніи ихъ придерживаться того порядка, который имѣетъ смыслъ только при сохраненіи самой азбуки, гдѣ этотъ порядокъ образовался исторически, а въ системѣ выраженія звуковъ онъ, конечно, позволилъ бы себѣ бо́льшія отступленія отъ Греческой, нежели сколько могъ желать тотъ, кто примѣнялъ Греческій алфавитъ къ нуждамъ языка Славянскаго. Какъ сколокъ съ кириллицы, глагольская азбука получаетъ смыслъ; какъ алфавитъ, самостоятельно изобрѣтенный, она не мыслима (²).

3. Относительно выраженія буквами цифръ, кирилловская азбука придерживается *исторической* системы, завѣщанной Греками, такъ что новыя, исключительно Славянскія, буквы,

---

пишется *зѣло*, на пр. дзвѣзда, бладзѣ, т. е. благо и т. п. Присутствіе этой буквы въ глаголицѣ, — носящей на себѣ, какъ лучше всѣхъ показалъ самъ Шафарикъ, отпечатокъ Западнаго происхожденія, и гдѣ потому самому такая буква была совсѣмъ не нужна, — подтверждаетъ то, что глаголица есть сколокъ съ Кирилловской азбуки. Разумѣется это *дз*, которое изображалось древнимъ *зѣло*, не имѣетъ ничего общаго съ Польскимъ и Бѣлорусскимъ смягченнымъ *дз*, позднѣйшею формаціею изъ звука *д*.

(¹) Кси, пси, ѳита, ижица.

(²) Это ужъ было ясно сознано и выражено ученымъ и безпристрастнымъ Нѣмцемъ Шлейхеромъ.

въ ней не выражаютъ цифръ (*а* значитъ 1, *в*—2, *г*—3 и т. д); глагольская азбука придерживается системы *логической*, цифры изображаются буквами подъ-рядъ (а—1, б—2, в—3, г—4 и т. д.). Есть ли малѣйшій смыслъ въ томъ предположеніи, что послѣдняя система предшествовала у Славянъ первой, что отъ новаго, логическаго порядка въ соотвѣтствіи цифръ буквамъ, вздумали возвратиться къ старому, историческому?

4. Въ глагольской азбукѣ противъ кирилловской прибавлена только одна буква, именно смягченное *д* (такъ называемое *дервь*): этотъ звукъ составляетъ существенный признакъ нарѣчія Славянъ Приадріатическихъ, которые съ весьма древнихъ временъ включили для него начертаніе и въ кириллицу; а извѣстно, что Кириллъ именно между этими Славянами никогда не жилъ, и стало быть на ихъ нарѣчіи не могъ писать; въ нарѣчіи же Славянъ Македонскихъ, которое было для Кирилла какъ родное (1), это смягченное *д* не существуетъ.

5. Самое древнее, полное и достовѣрное свидѣтельство, какое существуетъ объ изобрѣтеніи Славянскихъ письменъ, сказаніе Храбра, указываетъ именно на кириллицу, какъ на ту азбуку, которую изобрѣлъ Кириллъ. Тамъ говорится, что „Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, сотворилъ Славянамъ письмена, 38 числомъ, одни *по чину Греческихъ письменъ, другія же по Славянской рѣчи*“; что онъ поступилъ въ отношеніи къ письменамъ Греческимъ точно также, какъ Греки къ письменамъ Жидовскимъ (2); что изъ

(1) „Вы бо еста Селунянина, да Селуняне все чисто Словенскы бесѣдуютъ“, говорилъ императоръ Михаилъ Кириллу и Меѳодію, отправляя ихъ въ Моравію (см. житіе Меѳодія): очевидно, что нарѣчіе Славянское, которое они знали *какъ Солуняне*, было нарѣчіе Македонское.

(2) Вѣрнѣе Финикійскимъ, какъ говоритъ далѣе самъ Храбръ.

Славянскихъ 38 буквъ 24 *подобны Греческимъ письменамъ*, именно *а, в, г,* и т. дал. (исчисляются всѣ буквы, перешедшія въ кириллицу изъ Греческаго алфавита), а 14 *по Словѣньскому языку*", именно *б, ж* и проч. Что можетъ, кажется, быть яснѣе и убѣдительнѣе (1), и въ виду такого свидѣтельства, можно ли толковать о томъ, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ азбуки, въ которой именно нѣтъ письменъ, подобныхъ Греческимъ? (2)

6. Главное показаніе, на которомъ зиждется вся теорія тѣхъ, которые приписываютъ Кириллу азбуку глагольскую, принадлежитъ краткой Греческой похвалѣ св. Клименту, архіепископу Болгарскому: тамъ говорится, что Климентъ

Какъ ясно высказывается въ этихъ словахъ сознаніе Славянина, писавшаго въ началѣ X вѣка, что азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, была развитіемъ и примѣненіемъ азбуки Греческой, точно также, какъ Греческая-Финикійской!

(1) Для того, чтобы отдѣлаться отъ простаго и очевиднаго смысла Храброва сказанія, Шафарикъ и Ганушъ принуждены были прибѣгнуть къ удивительнѣйшимъ натяжкамъ, и напр. утверждать, будто Храбръ, говоря объ изобрѣтеніи Кирилломъ *письменъ*, разумѣлъ собственно не *письмена*, а звуки, изъ которыхъ 24 будто оказались „по подобію Греческихъ письменъ." Тяжело видѣть, какъ человѣка, подобнаго Шафарику, idée fixe могла привести къ *такого рода* несообразности: оставляя въ сторонѣ странность предположенія, что Храбръ писалъ не то, что хотѣлъ сказать, какъ же Кириллъ въ Славянскихъ *звукахъ* могъ найти „подобіе 24 Греческимъ письменамъ", когда въ числѣ этихъ письменъ есть и лишнее *и*, и лишнее *о* (омега), и *ѳ*, и ѳита, и кси, и пси, и ѵжица, —являющіяся не только въ Кирилловской азбукѣ, но (за исключеніемъ двухъ предпослѣднихъ) и въ самостоятельной будто бы глаголицѣ?

(2) Кромѣ трехъ, *м, ѳ* и *ѳ*,—и то въ нѣкоторыхъ весьма древнихъ рукописяхъ, первые два знака теряютъ свою Греческую форму подъ закорючками, которыми ихъ испещрили.

„придумалъ другія начертанія письменъ для большей ясности, чѣмъ тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ.“ Изъ этого выводятъ, что Климентъ, (одинъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, дѣйствовавшій въ Болгаріи въ послѣднихъ годахъ IX-го и въ началѣ X вѣка), былъ творцомъ новой Славянской азбуки, замѣнившей первоначальную кириллову глаголицу,—именно нашей такъ называемой кириллицы. Ибо, 1) кириллица дѣйствительно яснѣе глагольской азбуки, и 2) Климентъ жилъ и писалъ между Славянами, подчиненными Греческому вліянію, (тогда какъ дѣятельность Кирилла, предполагается при этомъ, принадлежала только Славянамъ Западнымъ).

Жаль однако, что ученые, какъ Шафарикъ, Ганушъ и др., опирающіе свою теорію на этомъ текстѣ, приняли его на вѣру, не подвергнувъ предварительно критикѣ. А критика тутъ сказала бы многое. Надобно замѣтить, что мы имѣемъ два Греческихъ сказанія о Климентѣ Болгарскомъ: одно пространное, первоначальный текстъ котораго принадлежитъ, какъ видно, одному изъ учениковъ Климента, а дошедшая до насъ Греческая редакція — знаменитому писателю XI вѣка, архіепископу Ѳеофилакту,—и краткую похвалу, (или такъ называемое проложное житіе), гдѣ находится приведенное выше извѣстіе (1).

Первое описываетъ жизнь св. Климента весьма подробно, и носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрнаго историческаго повѣствованія; а въ немъ-то нѣтъ ни слова про изобрѣтеніе Климентомъ азбуки; онъ представляется, напротивъ, ревностнѣйшимъ поборникомъ и распространителемъ той письменности, начало которой положено было Кирилломъ и Меѳодіемъ.

---

(1) Рукопись, въ которой она найдена, принадлежитъ XII, или XIV вѣку.

Уже это (1) бросаетъ тѣнь недовѣрія на свидѣтельство, заключающееся въ краткой похвалѣ Клименту. Похвала эта, какъ и большая часть подобнаго рода произведеній литературы, не есть сочиненіе самостоятельное, а извлеченіе изъ пространнаго житія, (на которое ссылается и самъ авторъ ея), извлеченіе, писанное съ извѣстными, и, такъ сказать, установленными пріемами риторической амплификаціи. Въ началѣ похвалы говорится, на примѣръ, о Болгарахъ, что они во время бно жили у горы Олимпа въ малой Азіи, и оттуда прогнаны были Александромъ Великимъ къ Сѣверному океану. Вы видите, какъ безцеремонно авторъ обращается съ исторіею. Непосредственно за извѣстіемъ о составленіи Климентомъ какихъ-то новыхъ начертаній, сказано, что онъ перевелъ *все* Священное писаніе, и похвальныя слова, и житія мучениковъ и святыхъ, и священныя пѣснопѣнія. Напротивъ того, пространное житіе, указывая опредѣлительно на письменныя работы Климента, вовсе не приписываетъ ему такого громаднаго труда, который былъ бы не подъ силу одному человѣку. Тамъ сказано, что ему принадлежатъ краткія слова,—похвалы и поученія на праздники Господскіе, богородичные, крестителя, апостоловъ и святыхъ,—а равно переводъ Цвѣтной тріоди. Вы видите, до какой степени составитель похвалы преувеличивалъ то, что находилъ въ своемъ оригиналѣ.

Но откуда же взялось извѣстіе о составленіи Климентомъ новыхъ письменныхъ знаковъ? Мнѣ кажется, дѣло объясняется весьма просто. Въ пространномъ житіи находится мѣсто, гдѣ авторъ, какъ очевидецъ трудовъ Климента, разсказываетъ, что Климентъ никогда не былъ празднымъ, но частію училъ мальчиковъ, „однимъ указывая *начертаніе*

(1) Замѣчательно, что и Шафарикъ и Ганушъ обходятъ молчаніемъ столь важное обстоятельство.

письменъ, другимъ *объясняя* смыслъ на писаннаго, инымъ образуя руку для письма", частію же занимался чтеніемъ или писаніемъ книгъ и т. п. Вотъ это мѣсто, гдѣ говорится про обученіе *начертанію письменъ* и *объясненіе* ихъ смысла, осталось, какъ видно, въ памяти сочинителя, извлекавшаго изъ пространнаго житія краткую риторическую похвалу Болгарскому святому, и въ слѣдствіе обычной амплификаціи перешло подъ его перомъ въ фразу объ изобрѣтеніи *начертаній письменъ* для бо́льшей *ясности*. На это указываетъ сходство подчеркнутыхъ мною выраженій въ обоихъ мѣстахъ (1), но главное, вотъ что придаетъ представленной здѣсь догадкѣ такую степень вѣроятности, которая въ моихъ глазахъ равняется полной достовѣрности. Въ краткой похвалѣ Клименту соблюденъ точь-въ-точь, во всей этой части повѣствованія, тотъ самый порядокъ изложенія, какой находится въ пространномъ житіи. Послѣднее разсказываетъ о томъ, какое покровительство Болгарскій государь Михаилъ-Борисъ оказалъ Клименту, и за тѣмъ изображаетъ неутомимую ревность этого Святителя; тутъ слѣдуютъ приведенныя мною слова объ его трудахъ какъ наставника юношества и писателя, далѣе говорится о множествѣ учениковъ имъ образованныхъ, и проч. Каждому изъ этихъ параграфовъ соотвѣтствуетъ фраза въ краткой похвалѣ, и фраза о составленіи Климентомъ новыхъ „начертаній письменъ для бо́льшей ясности", занимаетъ въ ходѣ разсказа то именно мѣсто, гдѣ въ пространномъ житіи сказано просто про обученіе „начертанію письменъ и объясненіе ихъ смысла".

Таково главное свидѣтельство, на которомъ думали опереть теорію, что Климентомъ изобрѣтена новая Славянская

---

(1) Въ пространномъ житіи: грамматѡн характира; сафинізѡн, а въ краткой похвалѣ: характирас грамматѡн: сафестерон.

азбука: посудите сами, можетъ ли оно быть принято безпристрастной критикой? А что сказать про тѣ историческія соображенія, которыя приводятся Шафарикомъ и его послѣдователями какъ доказательство, что этотъ мнимый новый алфавитъ, придуманный Климентомъ, былъ именно алфавитъ Греко-Славянскій, т. е. наша кириллица, и что, значитъ, глагольская азбука принадлежитъ Кириллу? Они говорятъ, что какъ Климентъ трудился между Славянами Болгарскими, подчиненными Греческой Церкви и Греческому вліянію, то господству этого вліянія должно приписать мысль о примѣненіи Греческаго алфавита къ языку Славянскому, тогда какъ Кириллъ и Меѳодій, дѣйствовавшіе между Славянами Западными, не имѣли къ тому повода. Я спрашиваю васъ: въ комъ вѣроятнѣе предполагать вліяніе Греческое, въ Кириллѣ ли и Меѳодіѣ, которые были родомъ Греки, изъ которыхъ первый образовался въ Константинополѣ, а второй долго служилъ Византійскому царю, долго жилъ въ Греческомъ монастырѣ, или въ Климентѣ, родомъ Болгаринѣ, получившемъ образованіе подъ руководствомъ Меѳодія въ Моравіи? И въ какое время вѣроятнѣе предполагать Греческое вліяніе у Болгарскихъ Славянъ: въ то ли время, когда начали между ними свою проповѣдь Кириллъ и Меѳодій, и когда Болгаріей правилъ миролюбивый Михаилъ-Борисъ, столь замѣчательно уступчивый Византійскому двору, что это можетъ быть объяснено только соединеніемъ слабости характера съ преданностью новообращеннаго христіанина своему духовному отцу(1); — или въ эпоху святительской дѣятельности Климента въ Болгаріи, когда государемъ Болгарскимъ былъ сынъ Борисовъ Симеонъ (2), заклятый врагъ Византіи, не переставшій воевать

(1) Греческій императоръ Михаилъ былъ его воспріемникомъ.

(2) Первые годы дѣятельности Климента въ Болгаріи, по воз-

съ нею, и завершившій эту многолѣтнюю борьбу своимъ блистательнымъ походомъ подъ стѣны Константинополя?

Я разобралъ оба важнѣйшіе текста, относящіеся къ спору о томъ, которая изъ двухъ древнихъ Славянскихъ азбукъ изобрѣтена первоучителемъ Кирилломъ. Одинъ изъ этихъ текстовъ прямо и положительно указываетъ на кириллицу; другой, принимаемый за основаніе противоположнаго мнѣнія, падаетъ, вы видѣли, при первомъ прикосновеніи критики. Остальные, приводимые въ этомъ ученомъ спорѣ, тексты имѣютъ значеніе только второстепенное, и если поборники глаголитской теоріи находили въ нихъ, такъ или иначе, намекъ въ пользу своего мнѣнія, то это проистекало лишь отъ недоразумѣнія, или же требовало натяжекъ, иногда доходившихъ (говорю особенно о сочиненіи г. Гануша) до смѣшнаго. Вотъ примѣръ подобнаго недоразумѣнія. Шафарикъ придаетъ особенную важность фразѣ, встрѣчающейся въ одной похвалѣ Кириллу: „не на тужемь (т. е. чужомъ) основаніи свое дѣло полагающа, но изнова писмена въображъша и съврьшиста въ языкъ новъ;“ оказывается однако, что слова *не на чужомъ*

вращеніи его изъ Моравіи, принадлежатъ еще царствованію Михаила-Бориса; но подъ конецъ своего царствованія, Борисъ сталъ уже гораздо независимѣе относительно Византіи, нежели прежде; притомъ же, кажется, Борисъ собственно не правилъ тогда Болгаріею, и жилъ въ монастырскомъ уединеніи, предоставивъ правленіе сыну. Климентъ удалился изъ Моравіи только послѣ смерти Меѳодія, бывшей въ 885 году, а уже съ 888 года начинается жестокая борьба Болгаріи съ Византіей, смѣнившая 45-лѣтній миръ между этими двумя странами, миръ, который совпадаетъ именно съ эпохою, когда жили Кириллъ и Меѳодій. И при такихъ историческихъ фактахъ намъ говорятъ о Греческомъ вліяніи при Климентѣ, объ отсутствіи Греческаго вліянія при Кириллѣ и Меѳодіѣ!

основаніи полагающіе свое дѣло, которыя представляются Шафарику, какъ *поразительное* свидѣтельство, что Кирилломъ изобрѣтена та азбука, которая не основана на чужой, Греческой,—вовсе не относятся къ изобрѣтенію письменъ, а къ предъидущей фразѣ, гдѣ говорится о дѣлѣ Кирилла и Меѳодія, какъ *проповѣдниковъ* и новыхъ апостоловъ. Недоразумѣніе произошло отъ того, что Шафарикъ взялъ эту фразу отдѣльно, а не въ связи съ смысломъ цѣлаго мѣста. Далѣе (больно подумать, что подобный умъ могъ до такой степени погрѣшить противъ здраваго смысла), Шафарикъ находитъ *impliciter* доказательство происхожденія глаголицы отъ Кирилла въ томъ, что онъ, по словамъ современниковъ, изобрѣлъ письмена *Славянскія, новыя* письмена (тогда какъ Кириллица въ сущности не Славянская азбука, а Греческая, а потому самому и не новая). Но въ такомъ случаѣ, какъ же Греческую и Латинскую азбуку называютъ Греческою и Латинскою, Русскую—Русскою и проч., когда первыя двѣ основаны на Финикійской, послѣдняя на Греческой? И вѣдь нельзя бы было сказать, напримѣръ, что Ульфила изобрѣлъ *новый* (т. е. не существовавшій до него) Готскій алфавитъ, потому что основа его была тоже Греческая?—Но еще смѣлѣе въ своихъ натяжкахъ г. Ганушъ. Есть одинъ древній Славянскій акростихъ, въ которомъ каждой буквѣ соотвѣтствуетъ строчка, касающаяся предметовъ вѣры или жизни Спасителя: „*А*зъ есмь богъ,—*Б*огъ бо есмь,—*В*ѣдѣ (т. е. вѣдаю) бо вся“ и т. д. Въ этомъ акростихѣ на букву *и* приходятся, вмѣсто двухъ, три строчки: „*И*же вы сквозѣ море проведохъ,—*И* въ пустыни вы насытихъ,—*И*гемону мя предасте“. Г. Ганушъ пораженъ такою несообразностью: тутъ очевидный слѣдъ первоначальнаго глагольскаго алфавита, говоритъ онъ; ибо въ глаголицѣ послѣ буквъ *и* и *і* стоитъ третья буква, мягкое *д* (дервь),

и третій стихъ ей соотвѣтствуетъ: надобно читать: „*демону* мя предасте;“ потомъ при перепискѣ акростиха кириллицей, стихъ этотъ передѣлали по недоразумѣнію въ „*игемону мя предасте*“. Позволительно ли до такой степени жертвовать смысломъ для предвзятой теоріи? Г. Ганушъ забылъ одно: что Христосъ никогда не былъ преданъ *демону*, а что предали его именно *игемону* Пилату! Какое же тутъ глагольское *д*? А если бы онъ прочиталъ весь акростихъ въ связи, то увидѣлъ бы, что эта лишняя строчка на букву *и* была нужна, чтобы какъ нибудь связать предъидущее съ послѣдующимъ.

Избавляю васъ отъ дальнѣйшаго разбора разныхъ мелочныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ защиту глаголитской теоріи. Всѣ они не выдерживаютъ критики и теряютъ всякое значеніе, когда подорваны главныя, основныя положенія этой системы. Приведу только, въ заключеніе, три весьма важныхъ довода, окончательно, какъ мнѣ кажется ее опровергающіе; доводы эти могутъ быть изложены весьма кратко:

1) *Argumentum ad hominem.* Глагольскій переводъ Евангелія, (какъ показываетъ самъ Шафарикъ), заключаетъ въ себѣ мѣста, переведенныя безсмысленно, вслѣдствіе того, что одно Греческое слово было принято за другое, сходное по звуку, иныя же слова оставлены вовсе безъ перевода, тогда какъ въ древнѣйшемъ кирилловскомъ переводѣ нѣтъ такихъ погрѣшностей. Возможно ли, чтобы глагольскій переводъ, обличающій въ его составителѣ нетвердое пониманіе Греческаго языка, принадлежалъ Греку Кириллу, ученику Фотія, Кириллу, ученость котораго пріобрѣла ему между современниками прозваніе философа?

2) *Доказательство палеографическое.* Почеркъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ памятниковъ совпадаетъ точь-въ-точь съ почеркомъ Греческихъ памятниковъ первыхъ трехъ

четвертей IX вѣка, именно того времени, которому принадлежитъ составленіе Кирилломъ Славянскихъ письменъ; напротивъ того, подъ конецъ IX-го вѣка и въ началѣ X-го, во время, къ которому относятъ начало кириллицы люди, приписывающіе ее Клименту, употреблявшійся Греками почеркъ разнится отъ почерка этой Славянской азбуки (1).

Наконецъ 3) *Доказательство лингвистическое*. Діалектическія особенности нарѣчія древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ встрѣчаются именно въ Македоніи, родинѣ Кирилла; глаголькіе памятники отличаются отъ кирилловскихъ разными словами и формами, принадлежащими нарѣчіямъ западнымъ, въ особенности же, какъ показалъ Шафарикъ, такими словами, которыя свойственны нарѣчію приадріатическихъ Хорватовъ и сосѣднихъ имъ Словенцевъ: а извѣстно, что именно между этими племенами Кириллъ никогда не жилъ (2).

---

(1) Основываюсь въ этомъ отношеніи на приведенномъ сочиненіи г. Викторова, который извинитъ меня, что я, приходя часто къ тѣмъ же выводамъ, какіе имъ сдѣланы въ разборѣ мнѣній Шафарика, не ссылаюсь на него, и съ другой стороны, не обозначаю того, что имъ не было высказано, или въ чемъ съ нимъ не совсѣмъ схожусь. Такого рода цитаты обременили бы статью, и безъ того чрезъ-чуръ для газеты тяжелую.

(2) Чтобы выйдти изъ затрудненія, Шафарикъ принужденъ былъ придумать двѣ гипотезы, совершенно произвольныя, и надстроить ихъ одну надъ другою: 1) что Кириллъ и Меѳодій избрали для перевода священныхъ книгъ нарѣчіе Паннонскихъ Славянъ, подвластныхъ князю Коцелу, и 2) что нарѣчіе это, исчезнувшее въ слѣдствіе водворенія въ Панноніи Мадьяръ, заключало именно тѣ слова, которыя составляютъ нынѣ особенность Хорватовъ и Словенцевъ. Странно: о Паннонскомъ нарѣчіи мы рѣшительно ничего не знаемъ; какже приписывать ему гипотетически тѣ или другія слова, и на этомъ основывать выводъ? А вотъ, что еще страннѣе:

По этимъ-то лингвистическимъ указаніямъ я считаю, на сколько можно судить по имѣющимся теперь даннымъ, наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, высказанное въ первый разъ, кажется, Прейсомъ, что глагольская азбука составлена была именно въ приморской Хорватіи, (гдѣ и сохранилась донынѣ), вслѣдствіе наступившихъ съ конца IX вѣка, въ подвластныхъ Папѣ Славянскихъ земляхъ, гоненій на все, сопряженное съ Греческимъ вліяніемъ вообще, и въ особенности на письменность, оставленную Славянамъ Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Изъ приморской Хорватіи, гдѣ гоненіе было въ началѣ всего сильнѣе, новая, очищенная отъ Греческихъ элементовъ, азбука Славянская должна была тотчасъ перейти и къ Сѣверозападнымъ, также подчиненнымъ Риму, Славянскимъ племенамъ, (есть весьма древніе слѣды глаголицы въ Чехіи), и черезъ ихъ посредство могла сдѣлаться извѣстною и на Руси. Здѣсь иные писцы могли даже, пожалуй, по незнанію приписывать глагольскія книги Св. Кириллу, напримѣръ, какъ Новгородскій попъ Упирь Лихій, переписывавшій въ 1047 году книгу Толкованій Пророчествъ, судя по разнымъ признакамъ, съ глагольскаго оригинала, — говоритъ, что переписывалъ онъ ее „исъ куриловицѣ“, т. е. съ кирилловицы. Какое значеніе придается этой замѣткѣ защитниками глагольской теоріи! это

допустивъ даже, что первоучители Славянскіе переводили не на Македонское нарѣчіе, которое было для нихъ какъ родное, а на одно изъ нарѣчій западныхъ Славянъ, среди которыхъ стали дѣйствовать, съ какой стати они предпочли бы нарѣчіе незначительнаго княжества Коцелова, языку того народа, который составлялъ тогда государственный центръ всего западнаго Славянства, и былъ средоточіемъ ихъ собственныхъ трудовъ, языку Славянъ Моравскихъ?

чуть ли не одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ аргументовъ. А между тѣмъ, что значатъ слова Новгородскаго попа Упиря? Ни что иное, какъ то, что Новгородскій попъ Упирь, жившій двѣсти лѣтъ послѣ Кирилла, считалъ рукопись Пророчествъ, положимъ писанную и глаголицей, происходящею отъ Кирилла. Но развѣ это мнѣніе должно быть принято за историческое свидѣтельство? И почему же тогда защитники глагольской теоріи съ такимъ презрѣніемъ отвертаютъ столь же почтенное по древности своей мнѣніе, что глаголица изобрѣтена св. Іеронимомъ? — Проникая съ одной стороны на Сѣверъ, глагольская азбука съ другой легко могла сдѣлаться извѣстною на Юго-Западѣ, въ той части Болгаріи, которая въ тѣ времена простиралась до Адріатическаго моря, и находилась въ близкомъ сосѣдствѣ съ тогдашнимъ государствомъ приморскихъ Хорватовъ. Въ Болгаріи именно только тамъ и найдены слѣды употребленія глаголицы. Отысканныя въ этихъ мѣстахъ рукописи глагольскія весьма древни, древнѣе, чѣмъ рукописи, находящіяся въ самой Хорватіи; но впрочемъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды Хорватскаго нарѣчія. Относительная древность глагольскихъ рукописей Болгарскихъ, передъ Хорватскими, а равно и тотъ фактъ, что найденныя въ Юго-Западной Болгаріи глагольскія рукописи также относительно древнѣе Кирилловскихъ, и что есть палимпсесты и списки, въ которыхъ глагольское письмо замѣнено кирилловскимъ, — все это служитъ послѣднимъ серьёзнымъ доводомъ защитникамъ глаголитской теоріи. Шафарикъ въ особенности налегаетъ на эти факты. Къ сожалѣнію, онъ не принялъ въ соображеніе весьма простой вещи, которая однако ниспровергаетъ всю его аргументацію: именно, онъ забылъ то, что и въ древности книги писались для употребленія, а не для храненія въ пользу потомства. Въ приморской Хорватіи глагольская азбука должна была

замѣстить *запрещенную* и вытѣсняемую Латинскимъ духовенствомъ кирилловкую; рукописи глагольскія были тамъ нужны въ обиходѣ, потому онѣ и скоро портились, ветшали и замѣнялись новыми списками; эта замѣна ускорилась и тѣмъ, что древнѣйшія глагольскія рукописи были еще приспособлены къ богослуженію по обряду Восточной церкви, который при Кириллѣ и Меѳодіѣ сдѣлался господствующимъ и у Западныхъ Славянъ; по этому самому онѣ, по мѣрѣ утвержденія Латинства между Хорватами, становились негодными; требовались новыя, примѣненныя къ богослуженію по Римскому обряду. Вотъ, кажется, простая причина, почему въ Хорватіи, хотя и родинѣ глаголицы, не могло сохраниться глагольскихъ рукописей изъ самой древней эпохи. Представьте себѣ съ другой стороны, что при самомъ началѣ появленія глаголицы, нѣкоторыя книги, ею писанныя, проникли въ ближайшіе къ приморской Хорватіи края Юго-Западной Болгаріи, (а что онѣ проникли туда именно изъ приморской Хорватіи, доказываютъ какъ я замѣтилъ, признаки языка). Въ Юго-Западной Болгаріи не было причины, чтобы глагольская письменность вытѣснила кирилловскую; глагольскія рукописи были тамъ доступны немногимъ, кирилловскія оставались общеупотребительными; кирилловскія, значитъ, скорѣе ветшали, чаще переписывались и замѣнялись новыми; глагольскія, будучи въ меньшемъ употребленіи, могли сохраняться долѣе (тѣмъ болѣе, что въ православной Болгаріи не было никакой нужды замѣнять древнѣйшую, православную редакцію глагольскихъ текстовъ редакціею, приспособленною къ Римскому Богослуженію), и если кто ихъ рѣшался переписывать, то переписывалъ охотнѣе общепонятною кириллицей, чѣмъ глаголицей; иной, для сбереженія дорогаго пергамена, стиралъ глагольское письмо, и на такомъ палимпсестѣ писалъ кирилловскими буквами. Вотъ, кажется, немудреное объ-

ясненіе приведенныхъ фактовъ, получающихъ такой неестественный смыслъ у тѣхъ, которые строятъ на нихъ глаголитскую теорію (1).

Замѣчательно, что Храбръ, столь ясно указывающій намъ на изобрѣтеніе Кирилломъ именно кирилловскаго, Греко-Славянскаго письма, намекаетъ и на то, что въ его время были попытки передѣлать азбуку Кириллову. „Устрояютъ и еще“, говоритъ онъ, письмена для Славянъ. Защищая дѣло кириллово, онъ не рѣшается утверждать, чтобы его азбука была нѣчто совершенное, однако при этомъ замѣчаетъ, что удобнѣе, „послѣжде *потворити*, неже первое *створити*“. Мнѣ кажется, что это есть намекъ на глаголицу: время, въ которое писалъ Храбръ (т. е. начало X столѣтія), совпадаетъ съ вѣроятнѣйшей эпохой ея происхожденія, а слово *потворити*, которое не можетъ значить—передѣлать самостоятельно, а значитъ очевидно сдѣлать по какому нибудь образцу, почти даже

(1) Самъ Шафарикъ признавалъ достовѣрнымъ, хотя не сгруппировалъ, слѣдующее: 1) древнѣйшіе глаголькіе памятники отличаются особенностями преимущественно *Хорватскаго* нарѣчія; 2) древнѣйшіе глагольскіе памятники приспособлены къ богослуженію по *Восточному* обряду; 3) въ Хорватіи усилія Рима заставили замѣнить *Восточный* обрядъ *Латинскимъ*; 4) въ Хорватіи найдены глагольскія рукописи только позднѣйшей редакціи, приспособленныя къ *Латинскому* ритуалу; и 5) нѣсколько древнѣйшихъ глагольскихъ рукописей, приспособленныхъ къ *Восточному* обряду, и съ особенностями нарѣчія *Хорватскаго*, найдены въ ближайшей къ древнему Хорватскому государству, части православной Болгаріи. Трудно понять, какимъ образомъ Шафарикъ, Ганушъ и др. могли не видѣть, въ какой связи эти факты должны быть поставлены одинъ къ другому, и того простаго вывода, который изъ нихъ слѣдуетъ.

поддѣлать (¹), — слово это какъ нельзя лучше выражаетъ характеръ глагольскаго письма и отношеніе его къ кирилловскому. — Допустивъ предположеніе, что глаголица произошла въ приморской Хорватіи, гдѣ Славянское богослуженіе, созданное Кирилломъ и Меѳодіемъ, было, по настоянію папскаго престола, уже въ 925 году осуждено и запрещено постановленіемъ помѣстнаго собора, — мы поймемъ цѣль составленія новой азбуки. Цѣль эта была: — въ краѣ, гдѣ не хотѣли или нельзя было прямо противостать папскому авторитету, спасти Славянскую письменность, скрывъ ея Греческій характеръ подъ знаками, совершенно своеобразными и для непосвященнаго непонятными. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и тотъ весьма древній, нелѣпый разсказъ, будто изобрѣтателемъ глагольскаго алфавита былъ Іеронимъ, святой, особенно уважавшійся Римскою церковью, которая получила отъ него свой каноническій текстъ священнаго писанія. Впрочемъ, эта ли именно или другая, была первоначальная цѣль составленія глагольскихъ письменъ, исторія дѣйствительно опредѣлила ей такое значеніе. Это было дѣйствительно нѣчто въ родѣ тайнописи, за которою кое-гдѣ между западными Славянами успѣла скрыться народная стихія въ церкви — отъ безпощаднаго „нивелированья“ средневѣковаго Рима, и которой Римъ не побоялся въ послѣдствіи дать свое освященіе, именно потому, что это было не болѣе, какъ тайнопись, именно потому, что глаголица могла быть только исключеніемъ, привилегіею для немногихъ, и, удовлетворяя народному чувству избраннаго меньшинства, ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться орудіемъ общаго образованія,

(¹) Этотъ оттѣнокъ выступаетъ еще ярче въ другихъ нарѣчіяхъ: *потворити* по Чешски значитъ «обезобразить», по Сербски и по Словенски «оклевѣтать», т. е. обезобразить нравственно.

достояніемъ массъ (*). Такой характеръ глагольской грамоты и письменности несомнѣненъ и очевиденъ; несомнѣненъ и очевиденъ также характеръ дѣятельносги Кирилла и Меѳодія, этихъ неутомимыхъ миссіонеровъ, которые, по выраженію современниковъ „столько трудились Христа ради, на сѣверныхъ и южныхъ и западныхъ странахъ“, дабы „насѣять духовныя словеса безчисленнымъ племенамъ“, дабы „разумно просвѣтить, письменами и ученіемъ“ „многоплодный языкъ Словенскій“; вся борьба ихъ съ Латинскимъ духовенствомъ, борьба, ихъ погубившая и погубившая ихъ дѣло на Западѣ, истекала изъ разногласія двухъ принциповъ: что книжное ученіе и пониманіе вѣры и ея обрядовъ назначено всему народу, или что оно должно быть достояніемъ немногихъ. Какъ же согласовать эти двѣ вещи,—характеръ глагольской грамоты, и направленіе Кирилла и Меѳодія? Неужели твореніе не носитъ на себѣ отпечатка мысли его творца, или можетъ носить отпечатокъ мысли, прямо противорѣчущей его духу? Указаніемъ на эту внутреннюю, существенно важную въ моихъ глазахъ, несообразность глаголитской теоріи дополню всѣ тѣ, историческія и прочія, доказательства, которыя, надѣюсь, достаточно убѣдили васъ, что Кириллу и Меѳодію дѣйствительно принадлежитъ *наша*, всенародная Славянская, грамота, что дѣйствительно *они* основатели нашей письменности и нашего просвѣщенія.

(*) Вся исторія глаголицы, не говоря о наружномъ ея видѣ, выказываетъ въ ней такой характеръ. Особенно же ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ фактъ, что папа Климентъ VI, уступая настойчивымъ требованіямъ Карла IV о возстановленіи въ Чехіи богослуженія на языкѣ народномъ, допустилъ тамъ *глаголицу* и Славянскую литургію по глаголитскимъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобы служба эта совершалась въ *одномъ только* монастырѣ.

(ПИСЬМО 3-е и послѣднее).

Кириллъ и Меѳодій имѣли ту замѣчательную судьбу, что и по истеченіи тысячи лѣтъ не принадлежатъ еще окончательно *прошлому*, что и нынче, въ XIX вѣкѣ, ихъ имя не раздѣльно съ вопросами, взглядами, страстями современнаго міра Славянскаго. Никто другой изъ историческихъ дѣятелей Славянской древности въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться съ ними. Такая особенность въ историческомъ значеніи Кирилла и Меѳодія совершенно понятна. Это были, въ древности, единственные дѣятели *всеславянскіе*. Ихъ труды принадлежали одинаково и Южнымъ Славянамъ, и Западнымъ, и Восточнымъ. Славянская Македонія и Болгарія считаютъ ихъ по праву своими; своими считаетъ ихъ по праву Моравія и земля Словаковъ и Чехія; и Полякамъ они не чужіе, ибо Краковская земля (область тогдашняго государства Великоморавскаго) входила въ составъ паствы Меѳодіевой, и какой-то, инынѣ намъ неизвѣстный, „князь силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ“ (1),

(1) Князь этотъ, по словамъ Житія, ругался надъ христіанами и творилъ имъ пакости; тогда Меѳодій послалъ ему сказать: «добро ти ся бы крестити, сыну, водею на своей земли, да не, плѣненъ, нудми (т. е. по принужденію) крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя.» И это сбылось, прибавляетъ Житіе, не объясняя однако, гдѣ и кѣмъ этотъ князь былъ взятъ въ плѣнъ и крещенъ. При тогдашнемъ состояніи Германіи, не возможно предполагать, чтобы она воевала съ княземъ «на Вислѣхъ» и принудила его креститься; ее раздѣляли притомъ отъ Польской земли обширные края независимыхъ Славянъ, обитавшихъ между Эльбой и Одрой. Единственною христіанскою землею въ сосѣдствѣ съ Польшею была въ то время могущественная держава Великоморавская, и ея королю Святополку должно приписать взятіе въ плѣнъ Вислянскаго князя и его крещеніе.—Славянское богослуженіе по Грече-

былъ имъ убѣждаемъ къ принятію христіанства; даже

скому обряду продолжалось въ Краковѣ еще въ XIII вѣкѣ (см. Зубрицкаго, Критико-историч. повѣсть Червоной Руси, переводъ Бодянскаго, стр. 20 и др.). Чтобы поставить такой важный фактъ, какъ вліяніе Кирилла и Меѳодія на древнюю Польшу, выше всякаго сомнѣнія или подозрѣнія въ пристрастіи, приведу здѣсь слова Польскаго ученаго, г. Августа Бѣлёвскаго (изъ предисловія къ новому изданію Польскаго Словаря Линде, стр. 10 и 11): «Исторія Славянъ въ IX и X вѣкѣ, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ ее точнѣе, убѣждаетъ насъ, что колыбель языка церковнаго (cerkiewnego, т. е. Церковно-Славянскаго) была преимущественно тамъ, гдѣ находилась также колыбель организованнаго Польскаго общества, именно въ Великой Моравіи. Возвѣщенное здѣсь Кирилломъ и Меѳодіемъ ученіе перешло въ послѣдствіи къ Хорутанамъ Коцела и къ Борисовымъ Болгарамъ (относительно послѣдняго г. Бѣлёвскій введенъ въ ошибку распространеннымъ теперь у Западныхъ Славянъ ложнымъ мнѣніемъ, будто Славянская грамота была *впервые* сочинена для Моравіи); «но нива, на которую главнымъ образомъ пали сѣмена ихъ проповѣди, и гдѣ принесли первые плоды, были Славяне Ростислава и Святополка, держава которыхъ простиралась до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Выработанный между этими Славянами первый письменный языкъ, на которомъ распространяема была между ними вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности для всѣхъ Славянъ, и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ въ ту пору, такъ и долгое время потомъ, — *писалось не иначе, какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами*. Ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ древняя легенда о Кириллѣ; монета Болеслава храбраго съ Кирилловскою надписью; хроника Ярослава, каноника Плоцкаго (принадлежавшаго къ Латинскому обряду), писанная имъ кириллицей въ 1219 году, на которую ссылался Прусскій списокъ Христіанъ, и слѣды которой нынѣ отысканы (wysledzona) въ Кенигсбергскомъ архивѣ; еще древнѣйшія Польскія книги, писанныя этою азбукою, и упоминаемыя Несецкимъ и другими достовѣрными свидѣтелями;

на землю Лужицкихъ Сербовъ простиралось вліяніе

отдѣльныя кирилловскія буквы, невольно выскользнувшія изъ-подъ пера писца Маргаритовой псалтыри, и другіе подобные памятники достаточно утверждаютъ справедливость вышесказаннаго. И такъ кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ, и написанныя Меѳодіемъ и его преемниками Церковно-Славянскія (cerkiewne) книги были образцомъ, по которому мы, какъ и прочіе Славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока языкъ этотъ, около XIV вѣка, не былъ вытѣсненъ вліяніемъ Чешскаго. Можетъ быть, что изданная въ 1851 г. Миклошичемъ въ Вѣнѣ Супрасльская рукопись, въ которой мы находимъ особливыя носовыя буквы и наиболѣе словъ, по звуку и значенію соотвѣтствующихъ Польскимъ, окажется при тщательномъ изслѣдованіи, однимъ изъ кириловскихъ памятниковъ, писанныхъ въ Польшѣ. Эта рукопись принадлежитъ, какъ извѣстно, времени не позднѣе XI вѣка, и такимъ образомъ относится къ числу древнѣйшихъ Церковно-Славянскихъ памятниковъ». Догадка г. Бѣлѣвскаго о Польскомъ происхожденіи Супрасльской рукописи, если бы она подтвердились, была бы тѣмъ важнѣе, что послужила бы самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія въ Польшѣ XI вѣка не только кирилловской грамоты, но и восточнаго исповѣданія: ибо рукопись содержитъ въ себѣ житія древнихъ Святыхъ, переведенныя съ Греческаго, и поученія Греческихъ отцовъ церкви, между прочимъ и патріарха Фотія, который былъ столь ненавистенъ Риму; ни малѣйшаго слѣда Латинства въ ней нѣтъ. Не смѣю однако произнести сужденія о степени вѣроятности этой догадки; при чтеніи памятника, — правда, совершенно поверхностномъ, — мнѣ представлялись доводы et pro et contra; во всякомъ случаѣ, вопросъ заслуживаетъ внимательнаго изученія. Если бы впрочемъ Супрасльская рукопись не могла быть признана за памятникъ, писанный въ Польшѣ, то все-таки мнѣ кажется несомнѣннымъ, что она по крайней мѣрѣ читалась Поляками. Это я заключаю не только изъ того, можетъ быть, случайнаго обстоятельства, что она попала въ Супрасльскій мона-

Меѳодія (¹). Наконецъ, и тѣхъ Славянъ, которые назвались Русскимъ народомъ, коснулось непосредственно,—надѣюсь, что я въ этомъ убѣдилъ васъ,—слово Солунскихъ братьевъ.

На порогѣ исторической жизни Славянскаго племени эти люди стоятъ предвѣстниками его духовнаго единства: такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, что младенца озаряетъ символическое, пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа. Вотъ этотъ-то пророческій символической характеръ даетъ Кириллу и Меѳодію такое *современное* значеніе въ Славянскомъ мірѣ. И для Южныхъ, и для Западныхъ Славянъ они болѣе, чѣмъ историческіе дѣятели, основатели ихъ просвѣщенія; они также знамя Славянскаго самосознанія и единенія, и потому-то память ихъ чтится въ особенности у тѣхъ именно племенъ, которымъ ближе къ сердцу идея ихъ Славянства,

---

стырь близъ Бѣлостока, сколько изъ одной приписки, весьма древней, судя по начертанію мягкаго *юсъ*, въ ней находящемуся. Она кончается словами: «Господь, имѣ миръ душамо моимо». Очевидно, что писавшій эти строки былъ не твердъ въ ореографіи, если онъ вмѣсто *душею моею* могъ написать *душамо моимо*. Но такого рода описка была *невозможна* для другаго Славянина, кромѣ какъ для Поляка, который, не зная хорошенько, какъ выразить свое протяжно произносимое носовое окончаніе duszą moją, сдѣлалъ изъ него *душамомоимо*.

(¹) Это признаетъ г. Богуславскій въ своей прекрасной книгѣ «Rys dziejów Serbo-Luzyckich» (очеркъ исторіи Сербо-Лужицкой), стр. 44 — 46, приводящій при этомъ замѣчательныя слова Лелевеля о проповѣдникахъ восточной церкви, какъ о носителяхъ идеи *вселенскаго* христіанства, и ясно выставляющій, въ противоположность характеру этихъ проповѣдниковъ, пагубные для Славянъ принципы Римскихъ миссіонеровъ. Указанія г. Богуславскаго на значеніе Меѳодія для Лужицкихъ Сербовъ, можно бы дополнить еще ссылкою на Нѣмецкаго лѣтописца Титмара (VI, 60).

ихъ Славянскаго братства: таковы на югѣ Болгаре, на западѣ Чехи, Моравцы, Словаки, Хорваты, Словенцы; потому-то празднество тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія будетъ для нихъ важнымъ событіемъ ихъ современной жизни.

Вотъ какъ тѣсно имя этихъ дѣятелей IX вѣка связано съ настоящимъ положеніемъ Славянскихъ народовъ, и весьма естественно, что именемъ этимъ играютъ современныя политическо-религіозныя страсти. Для клерикальной партіи въ Западно-Славянскихъ земляхъ Кириллъ и Меѳодій имѣютъ важность первостепенную, судя по тому усердію, какое люди этой партіи высказываютъ къ ихъ памяти: пишутъ ихъ исторію, то съ полнымъ парадомъ учености, то въ формѣ болѣе популярной, то наконецъ въ видѣ статей въ духовныхъ журналахъ и книжекъ для простонароднаго чтенія, сочиняютъ имъ молитвы, службы и литаніи, воспѣваютъ ихъ въ эпосѣ и лирическихъ стихахъ, составляютъ во имя ихъ церковныя братства (1), посвящаютъ имъ церкви и придѣлы, распространяютъ десятками тысячъ ихъ образа и медальоны, заботясь объ ихъ мощахъ (2). Отчего такая

(1) Какъ-то «Наслѣдіе св. Кирилла и Меѳодія», общество, основанное въ 1850 г. въ Моравіи, распространенное также между Венгерскими Словаками и имѣющее нѣсколько тысячъ членовъ; «Братство св. Кирилла и Меѳодія», учрежденное въ 1852 г. въ Брнѣ (Брюнѣ, въ Моравіи) при тамошней семинаріи; «Братство св. Кирилла и Меѳодія для обращенія несоединенныхъ (съ Римомъ) Славянъ», утвержденное Піемъ IX 12 Мая 1852 г. Относительно послѣдняго братства мы знаемъ только его постановленія, особыя индульгенціи, которыя даются его членамъ и особую молитву, которая ему присвоена; но о дѣятельности его не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

(2) Было объявлено Западнымъ Славянамъ въ клерикальныхъ газетахъ, что послѣ долгихъ изысканій открытъ въ Моравіи

палинодія? Какимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, которые при жизни своей терпѣли столько преслѣдованій отъ „Ультрамонтановъ“ своего времени, Кириллъ и Меѳодій, ученики которыхъ, тотчасъ послѣ ихъ смерти, были изгнаны изъ Моравіи Латинскимъ духовенствомъ, и труды—Славянская письменность и богослуженіе, осуждены, какъ ересь, и искоренены,—какимъ образомъ эти самые люди сдѣлались теперь предметомъ такой любви и такого почитанія клерикальной партіи въ земляхъ Западныхъ Славянъ? Отреклась ли она, въ настоящее время, отъ тѣхъ принциповъ, на основаніи которыхъ преслѣдовала во время оно съ такимъ ожесточеніемъ дѣло Кирилла и Меѳодія? Едва ли. Принципы остаются неизмѣнными, но обстоятельства измѣнились. Клерикальная партія у Западныхъ Славянъ поняла, что съ пробужденіемъ въ этихъ народахъ самосознанія и неодолимаго стремленія къ единенію во имя Славянскаго сродства,—Кириллъ и Меѳодій, какъ знамя, какъ символъ нѣкогда бывшаго и потому могущаго быть снова, духовнаго единства Славянъ, получаютъ огромное значеніе; а съ тѣмъ вмѣстѣ, она поняла, какая съ этимъ именемъ, съ этимъ символомъ сопряжена опасность, опасность, заключающаяся въ нѣсколькихъ простыхъ историческихъ фактахъ, а именно: 1) что Кириллъ и Меѳодій были родомъ Греки и воспитанники Греческой церкви; 2) что Кириллъ и Меѳодій были посланы для образованія *Западныхъ* Славянъ церковью *Восточною* и Византійскимъ правительствомъ; 3) что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали между Западными Славянами во имя началъ, которыя признавала и признаетъ церковь Восточная, и которыхъ никогда не признавала церковь

слѣдъ мощей св. Меѳодія; было имъ объявлено также, что мощи св. Кирилла найдены въ Римѣ, и что Папа имѣлъ намѣреніе торжественно открыть ихъ въ 1863 году.

Западная; 4) что Кириллъ и Меѳодій и между Западными Славянами совершали богослуженіе по обряду Восточной церкви; и наконецъ 5) что дѣло Кирилла и Меѳодія было истреблено церковью Латинскою въ земляхъ, ей подвластныхъ, тогда какъ оно у Славянъ, принадлежащихъ къ православному исповѣданію, осталось неприкосновеннымъ и сдѣлалось ихъ народнымъ достояніемъ. Вы видите, какою грозою имя Кирилла и Меѳодія является Латинству; вы видите, что воспоминанія, сопряженныя съ этимъ именемъ, могутъ у Западныхъ Славянъ подорвать самыя основы Латинства. А бороться противъ возрастающей популярности этого имени было бы безполезно, и только увеличило бы опасность. И вотъ, клерикальная партія напрягаетъ тамъ всѣ свои силы, употребляетъ всѣ средства, чтобы, такъ сказать, усыновить Кирилла и Меѳодія католицизму, чтобы загладить какъ нибудь въ ихъ исторіи то, что можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе; чтобы, усердіемъ къ ихъ памяти, удовлетворяя народному чувству, обратить заключающуюся въ имени Кирилла и Меѳодія силу въ свое собственное орудіе. Словомъ, сознавая невозможность бороться *противъ* этого знамени, клерикальная партія хочетъ захватить его въ свои руки. Для того, разумѣется, нужно бываетъ подвергнуть исторію особеннаго рода операціямъ, утаить одни факты, перетолковать другіе, выставить третьи въ особенномъ свѣтѣ: но у клерикальной партіи за этимъ дѣло не станетъ. Я, разумѣется, считаю совершенно безполезнымъ разбирать всѣ эти толкованія; если вамъ любопытно, то познакомьтесь съ ними въ сочиненіяхъ каноника Штульца (1), профессора богословскаго училища

(1) Wypsání ziwota swatych bratrí Cyrillaz a Methoda sepsal Stulc, c. 1847. Ziwot swatych Cyrilla a Methodia, apostolu Slowanskych sepsal Stulc. 1857.

въ Литомѣрицахъ Гинцеля (1), и другихъ писателей той же категоріи. Позвольте только показать вамъ конечную цѣль всего этого; яснѣе она не можетъ быть выражена, какъ въ книгѣ г. Штульца: „Жизнь св. Кирилла и Меѳодія, апостоловъ Славянскихъ“, написанной, надобно сказать, съ большимъ умѣньемъ и талантомъ, и которая распространена въ Моравіи и Чехіи обществомъ „Наслѣдіе Кирилла и Меѳодія“ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Вотъ заключительная страница этого сочиненія: „Подъ конецъ нельзя намъ обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, которое тщательному изслѣдователю является предзнаменованіемъ того, что и нынѣ еще святые апостолы наши должны сдѣлаться, такъ сказать, мостомъ къ соединенію раздѣленныхъ въ вѣрѣ Славянъ. Извѣстно, что Кириллъ и Меѳодій суть, такъ сказать, единственные святые католическихъ Славянъ Западныхъ, которые пользуются не меньшимъ уваженіемъ на востокѣ. Въ Сербіи, въ Болгаріи и въ цѣлой имперіи Русской чтится имя нашихъ Святыхъ братьевъ, память ихъ прославляется донынѣ въ согласіи и съ сыновнею любовью. Конечно, Сербы, Болгаре, Русскіе забыли, что гробъ Св. Кирилла находится въ Римѣ; они забываютъ, что Папа назначилъ и посвятилъ св. Меѳодія въ епископы, забываютъ, что Папы были главными охранителями и покровителями нашихъ апостоловъ; забываютъ, съ какимъ довѣріемъ Святые братья эти прибѣгли и „льнули“ къ престолу св. Петра, къ Папѣ. Но они не забыли, что Кирилломъ и Меѳодіемъ намъ дано участіе въ общеніи святыхъ, въ церкви Божіей. Честь, воздаваемая святымъ апостоламъ нашимъ, не составляетъ ли такимъ образомъ какъ бы связи, соединяющей братій, отторгнутыхъ обманомъ сварливыхъ

(1) Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie, v. Hinzel, второе изданіе въ 1861 году.

Грековъ, съ нами, сынами святой церкви католической? Не подаетъ ли это намъ надежду, что братья, помнящіе своихъ отцовъ въ вѣрѣ, (Кирилла и Меѳодія), мало-по-малу вспомнятъ также, откуда они получили право на святое дѣло апостольское, кѣмъ были въ немъ хранимы? Человѣкъ не видитъ будущаго, судьбы Божіи скрыты отъ взоровъ смертной твари; но намъ по всему кажется, что Св. Кириллъ и Меѳодій, по Божьему изволенію, своимъ примѣромъ и памятью сдѣлаются однажды еще, — и то, если Богъ дастъ, въ близкой будущности, — апостолами единства католическаго между Славянскими народами.“

Я показалъ вамъ разныя стороны того значенія, которое имѣютъ Кириллъ и Меѳодій между Западными и Южными Славянами А что же сказать про насъ? Отчего мы такъ равнодушны къ памяти первоучителей Славянскаго племени, провозвѣстниковъ его духовнаго единства? Какимъ образомъ ихъ имена, съ которыми у другихъ Славянъ соединяется такъ много надеждъ и разнообразныхъ стремленій, которыя такъ извѣстны и чтимы въ каждой хижинѣ, нашимъ глазамъ представляются не иначе, какъ сквозь библіотечную пыль и ученый туманъ? Отчего и въ церковномъ отношеніи, мы, пользующіеся въ теченіе десяти вѣковъ трудами Кирилла и Меѳодія, — письменами, которыя они изобрѣли, языкомъ, который они увѣковѣчили, переводомъ священныхъ книгъ и литургіи, который мы отъ нихъ получили, мы до такой степени невнимательны къ нимъ, что предали забвенію даже имя ихъ въ службахъ церковныхъ, ежедневно совершаемыхъ, даже выпустили его изъ свѣтскаго календаря, содержащаго однако имена мало у насъ извѣстныхъ по дѣятельности своей, святителей Греческихъ, Иверскихъ, Персидскихъ! Отчего наконецъ духовная литература наша остается безучастною въ виду всѣхъ тѣхъ огромныхъ, непрестанныхъ усилій, которыя дѣлаются клерикаль-

ною партіею на Западѣ, чтобы, такъ сказать, завоевать первоучителей Славянскихъ?

А между тѣмъ было бы такъ легко состязаться съ нею и разрушить всѣ ея софизмы, хотя бы просто на основаніи Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія: вѣдь житія этѣ, писанныя несомнѣнно въ области Западной церкви, какъ видно изъ особеннаго уваженія къ Папскому престолу, въ нихъ проявляющагося, и изъ титула *апостолика*, который въ нихъ придается Папѣ, согласно обычаю средневѣковой Латинской Европы, — житія этѣ не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ Восточной церкви, и все-таки онѣ рѣшаютъ въ пользу ея не только историческій вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, но и вопросъ догматическій, рѣшаютъ его такъ ясно, что тутъ и тѣни сомнѣнія оставаться не можетъ. Опредѣлительность этихъ свидѣтельствъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ предѣлахъ обѣихъ церквей и въ такую эпоху, когда догматическое разногласіе между ними едва начинало находить себѣ формулу. Но при всей неясности вопроса въ то время Паннонскія житія говорятъ прямо, что Кириллъ и Меѳодій всѣми силами своими отвергали „ересь триязычниковъ“, т. е. ученіе тѣхъ, которые допускали богослуженіе только на трехъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, и „ересь іопаторскую“, — Греческое слово, которымъ обозначается догматъ объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, — и что это именно было главною причиною гоненій, которыя они терпѣли на Западѣ. Сохранилось также „исповѣданье вѣры“ Св. Кирилла и Меѳодія, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ ученіе не имѣло ничего общаго съ Латинствомъ (1).

(1) Объ этомъ «исповѣданіи» см. статью Преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго, «Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители» (Чтенія Общества Исторіи и Древностей. 1846, 4).

Старалась ли духовная литература наша о разъясненіи этихъ фактовъ и всего съ ними связаннаго? Я не говорю о почтенныхъ трудахъ нѣкоторыхъ писателей, каковы преосвященные Макарій, Филаретъ, и г. Горскій: ихъ изслѣдованія о первоучителяхъ Славянскихъ обогатили науку (1). Но что значатъ эти немногія изслѣдованія въ сравненіи съ огромной церковно-полемической литературой, обработывающей на Западѣ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ? и не свидѣтельствуетъ ли самая немногочисленность этихъ трудовъ и ихъ исключительно ученый характеръ о томъ, какъ мало еще живаго интереса соединяется у насъ съ этимъ вопросомъ?

Между тѣмъ, древняя Русь, древняя церковь Русская вовсе не были такъ безучастны къ памяти Славянскихъ просвѣтителей; это видно изъ древней письменности нашей, изъ того, что Русскими писцами сохранена бо́льшая часть драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Вниманіе къ нимъ охладѣвало на Руси въ Московскій періодъ, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возрастающее сознаніе ея особности, народной и государственной, все болѣе и болѣе заслоняло собою память объ общемъ Славянскомъ источникѣ, а съ другой, въ церкви Русской элементъ Греческій, Византійскій, бралъ перевѣсъ надъ древнимъ Славянскимъ, Болгарскимъ элементомъ.

А въ Петербургскій періодъ могло ли остаться на Руси мѣсто идеѣ Славянства, и потому самому, Кириллъ и Меѳодій не должны ли были потерять для насъ всякое значеніе?

Въ настоящее время, какъ я сказалъ, имя ихъ важно особенно для тѣхъ народовъ Славянскихъ, въ которыхъ историческая нужда вызываетъ сознаніе Славянства, Сла-

---

(1) Въ послѣднее время Русская литература можетъ присоединить къ нимъ еще много почтенныхъ трудовъ.

вянскаго братства. Тамъ, гдѣ народность крѣпка сама по себѣ, гдѣ для нея достаточно ея собственнаго самосознанія, и нѣтъ такой настоятельной потребности искать ей опоры въ общей идеѣ Славянства, участіе къ памяти Кирилла и Меѳодія гораздо слабѣе, напримѣръ у Сербовъ или у Поляковъ. А мы? Нужды прямой, осязательной нужды намъ нѣтъ искать опоры въ идеѣ Славянства, въ Славянскомъ общеніи; мы сильны сами по себѣ, *мы* нужны другимъ Славянамъ, а намъ они развѣ видимо нужны? Внѣшняго повода къ пробужденію въ Россіи идеи Славянства не было и нѣтъ, а внутреннимъ путемъ органическаго развитія она можетъ явиться только, какъ плодъ и вѣнецъ самосознанія собственной народности, въ чемъ мы, кажется, еще не далеко ушли! Вотъ какимъ образомъ я объясняю себѣ то огромное разстояніе, которое существуетъ между нашимъ обществомъ и другими Славянами въ степени развитія Славянской идеи, чувствъ Славянской общности. Иные заграничные Славяне, познакомившись съ Россіею, приходятъ просто въ отчаянье отъ нашего равнодушія къ идеѣ Славянства, отъ совершеннаго отсутствія въ общественной (не говоря о домашней) жизни нашей того сознанія, что Русскій человѣкъ сверхъ того Славянинъ. Но факту этому нечего удивляться; я, по крайней мѣрѣ, ни мало не прихожу въ отчаянье на счетъ будущности Славянской идеи въ нашемъ отечествѣ. Теперь ей еще нѣтъ мѣста въ нашемъ *общественномъ* сознаніи, но, по моему мнѣнію, она будетъ плодотворнѣе тамъ, гдѣ можетъ вырости только изъ внутреннихъ, органическихъ началъ народной жизни, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ вызвана внѣшнею потребностью самосохраненія: въ странахъ этихъ и идея Славянская по существу своему остается только внѣшнею. Я говорилъ вамъ объ этомъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, помѣщенныхъ въ вашей газетѣ.

Я удалился однако отъ своей настоящей темы, отъ Кирилла и Меѳодія. Я хотѣлъ пояснить вамъ, почему, говоря такъ много о Кириллѣ и Меѳодіѣ, объ ихъ огромномъ современномъ значеніи въ Славянскомъ мірѣ, я все-таки считалъ бы совсѣмъ несвоевременнымъ ожидать отъ нашего общества чего нибудь подобнаго тому энтузіазму, съ которымъ Славяне Западные готовятся праздновать ихъ тысячелѣтнюю годовщину. Но это не освобождаетъ каждаго изъ насъ лично отъ обязанности содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію между нами Славянской идеи: ибо безъ нея наше собственное народное самосознаніе не можетъ быть полно; а потому самому никто изъ насъ, не безучастный къ народному и Славянскому самосознанію нашему, не можетъ быть равнодушенъ къ памяти тѣхъ людей, которые въ древности служатъ символомъ духовнаго единства Славянъ. Старайтесь же, словомъ и дѣломъ, пробудить, на сколько возможно въ настоящее время, участіе къ наступающему всеславянскому празднеству; обратитесь при этомъ не только ко всѣмъ Русскимъ людямъ безъ различія, но также въ особенности къ Малоруссамъ.

Отъ нихъ я ожидаю, въ настоящее время, бо́льшаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія, чѣмъ отъ общества Великорусскаго, и вообще считаю ихъ призванными къ особенному участію въ развитіи между нами Славянской идеи. Кіевъ ближе къ другимъ Славянамъ, чѣмъ Москва, и точно также племя Малороссійское ближе къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ племя Великорусское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко-опредѣленнаго типа, какъ нашъ Великорусскій языкъ, стоитъ какъ бы на срединѣ между имъ и нарѣчіями Западныхъ Славянъ, и въ Западныхъ краяхъ Малорусскаго племени сливается съ рѣчью Венгерскихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ и въ отношеніи историческомъ

и общественномъ. Часть Малорусскаго племени, въ Галиціи, несетъ на себѣ то же самое бремя иноземнаго владычества, подъ которымъ бьются Славяне Западные и Южные: что̀ мы, въ положеніи другихъ Славянъ, поминаемъ только отвлеченно, то эта часть Русскаго народа чувствуетъ и знаетъ по опыту. Мы были всегда самостоятельны, государство было наше, и страданія наши были всегда по нашей собственной винѣ; Малорусское племя своего государства не имѣло, и завоевавъ себѣ на минуту самостоятельность, тотчасъ же отъ нея отказалось, въ пользу общерусскаго единства; его страданія имѣли источникомъ не только его собственныя вины, но и вины чужія: вотъ другая причина, почему положеніе другихъ Славянъ можетъ быть ему гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу. Наконецъ и то, въ чемъ Малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ Славянскихъ, уступивъ Западнымъ общественнымъ началамъ (бо́льшее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, бо́льшая особенность городской жизни и т. п.), служитъ какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго Славянскаго быта племени Великорусскаго къ Западно-Европейскому быту Славянъ Западныхъ. А ко всему этому прибавьте, что домашняя, повседневная тяжба Малороссовъ съ Поляками,—намъ представляющаяся все-таки какъ нѣчто отдаленное и теоретическое,—что эта домашняя, повседневная тяжба непремѣнно должна вызывать, какъ примирительницу, идею Славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Малороссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе Русской земли идею Славянства, хотя бы то путемъ *внѣшнимъ*, какъ живое осязательное явленіе; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ, нашимъ съ остальнымъ Славянскимъ міромъ.

Безспорно, Славянская идея можетъ найти полное свое опредѣленіе и развитіе только тамъ, гдѣ въ наиболь-

шей полнотѣ хранятся жизнію народною общественныя стихіи Славянскаго организма, и гдѣ племя Славянское проявило себя не только пассивнымъ самосохраненіемъ, но и дѣятельнымъ строеніемъ общественнымъ и государственнымъ, и открыло себѣ поприще всемірно-историческое, — въ средѣ племени Великорусскаго. Но какъ идея Славянская зародилась впервые на Западѣ, у тѣхъ Славянъ, которые почти утратили внутреннія общественныя стихіи Славянскія, зародилась тамъ, какъ внѣшній признакъ, какъ средство самосохраненія погибавшаго народа,—такъ, переходя въ Россію, не должна ли она и здѣсь сдѣлаться общественнымъ достояніемъ впервые среди того племени, которое, хотя уступило исторіи часть своихъ древнихъ органическихъ началъ Славянскихъ (напримѣръ ослабленіемъ элемента общиннаго), но за то имѣетъ болѣе, чѣмъ другія вѣтви Русскаго народа, внѣшнихъ побужденій къ сознанію своего Славянства?

Такимъ образомъ идея Славянства, постепенно расширяясь, пока не захватитъ въ свой кругъ всѣ народы Славянскіе, съ тѣмъ вмѣстѣ переходила бы отъ внѣшняго значенія къ внутреннему, изъ порожденія матеріальныхъ условій и требованій становилась бы мало-по-малу свободнымъ плодомъ сознанія народныхъ началъ.

Примите эту мысль не болѣе, какъ за мое предположеніе, мое гаданіе; но во всякомъ случаѣ, недаромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной Малороссійской и струны религіозной, — еще третью струну, Славянскую (поэма Гусъ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, — и то и другое написанныя еще въ сороковыхъ годахъ).

Какъ бы то ни было, призывайте всѣхъ къ празднованію въ наступающемъ году тысячелѣтней годовщины Кирилла и Меѳодія. Старайтесь, чтобы сочувствіе наше къ ихъ

памяти и къ идеѣ, которой они служатъ символомъ, выразилось достойнымъ образомъ; ибо, если справедливо, что Малорусская земля въ настоящее время ближе къ живому, внѣшнему сознанію Славянства, Славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также, что пока сознаніе это не усвоится землею Великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи,—и самая идея Славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное самосознаніе останется недовершеннымъ. Потому-то, я полагаю, долгъ каждаго изъ насъ, если мы хотимъ у насъ народнаго самосознанія, способствовать по возможности укорененію и развитію въ Россіи Славянской идеи.

А. Гильфердингъ.

ЗАПИСКА

О ПЕРЕВОДѢ ЕВАНГЕЛІЯ НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ, СДѢЛАННОМЪ СВ. КИРИЛЛОМЪ И МЕѲОДІЕМЪ.

(Читана въ торжественномъ собраніи Общества любителей Русской Словесности, по случаю тысящелѣтняго юбилея христіанства и писменности у Славянъ, 11 Мая 1863 года.)

Святые Кириллъ и Меѳодій оказали величайшую и вѣчную услугу новопросвѣщенному ими Славянскому племени, и стяжали безсмертную славу себѣ переводомъ на Славянскій языкъ Евангелія и Апостола и другихъ богослужебныхъ книгъ. Высокія, спасительныя истины вѣры они провели такимъ образомъ въ духъ и жизнь, въ сокъ и кровь народа, и положили основаніе истинному его просвѣщенію. И въ началѣ, сказать мимоходомъ, Славяне далеко опередили симъ просвѣщеніемъ всѣхъ Западныхъ народовъ, доколѣ не подпали гнету латинства и чужеземному игу. Одинъ изъ ближайшихъ лицъ къ Славянскимъ первоучителямъ, современникъ Болгарскаго царя Симеона, Іоаннъ екзархъ свидѣтельствуетъ, что св. Кириллъ съ братомъ Меѳодіемъ „отъ Евангелія и Апостола преложили изборъ“ т. е. перевели сіи книги не въ той собственно полнотѣ и послѣдовательности, какъ онѣ вышли отъ свящ. писателей, въ Евангеліи начиная отъ Матѳея, а перевели отдѣльныя изъ Евангелія и Апостола, избранныя чтенія, по недѣлямъ,—для

церковнаго употребленія, начиная съ Іоанна. По принятымъ терминамъ: перевели Евангеліе и Апостолъ не тетры, но апракосы, которые и на Греческомъ называются *Εὐαγγέλια*, или *Ἀπόστολος ἐκλογάδια* или *λογάδην* (Montfaucon Paläographia Graeca p. 386. Matthaei Nov. Testam. Vitembergae 1803. t. I, p. 728), т. е. Евангеліе и Апостолъ избранныя, по древней формѣ „изборныя.“ Два Евангельскихъ списка апракоса Флорентійской библіотеки Медичи, одинъ X в., другой XI в. надписываются такъ: *Ἐκλογάδιν* (sic) *τῶν δ' εὐαγγελιστῶν διά τε τῆς ἀρχῆς καὶ τῆ τέλους τὴν περικοπὴν τῆ ἑκάστῃ εὐαγγελιστῇ, ἅμα δὲ καὶ τὴν τῶν κεφαλαίων παρασημείωσιν ἀκριβῶς διαγορεῦον· περιέχει δὲ καὶ τὴν ἀρχὴν ἀπὸ τῆ ἁγίᾳ πάσχα, τελειῦν ἐν τῷ μηνολογίῳ*, т. е. выборъ изъ четырехъ Евангелистовъ, въ которомъ точно излагается отъ начала до конца отдѣленіе (или чтеніе) изъ каждаго Евангелиста, и вмѣстѣ означаются главы: начинается съ пасхи и оканчивается мѣсяцесловомъ. (Bandini, Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae Mediceae t. I, p. 130. 162.). Подобнымъ образомъ, Барберинскій списокъ у Алляція (Dissertatio l. de libris Ecclesiasticis Graecorum, ed. Fabricii, Hamburgi 1712, p. 26) надписывается: *Ἐκλογάριν τῶν ἁγίων εὐαγγελίων ὅλῃ τῆ ἐνιαυτῆ τῶν καθημερινῶν κατὰ διαφόρες περικοπὰς*, т. е. выборъ святыхъ евангелій, ежедневныхъ на весь годъ, по различнымъ отдѣленіямъ (или чтеніямъ). Соотвѣтственно сему, древнѣйшій списокъ апракоса, глаголитскій, у Ассемана, XI в., озаглавленъ такъ: *Евангеліе изборное* = *Εὐαγγέλιον ἐκλογάδιον*. (См. Копитара Gesychii glossographi discipulus, Vindob. 1839, p. 42.).—Свидѣтельство Паннонскаго житія св. Кирилла, что первыя слова изъ Евангелія, переведенныя имъ на Славянскій языкъ, были: *въ началѣ бѣ Слово*, также показываетъ, что переводимо было Евангеліе —апракосъ, начинающееся съ Іоанна.

Иностранецъ Шмидтъ въ своей Русской исторіи (Schmidt, Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte, Riga 1773.) пишетъ, что Стефанъ Баторій, по взятіи Полоцка, нашелъ тамъ библіотеку Русскихъ лѣтописей и писаній святыхъ Отцевъ, между прочимъ *подлинные переводы* св. Меѳодія и Кирилла, и что отдалъ все это іезуитскому Коллегіуму, который былъ имъ здѣсь основанъ (Энциклоп. лексиконъ, изд. Плюшаромъ, т. 5. стр. 508). Въ настоящее время это извѣстіе кажется болѣе, нежели страннымъ. Первоначальный Славянскій переводъ, не помышляя о подлинникѣ, остается слѣдить только въ древнихъ спискахъ книгъ богослужебныхъ, — и чѣмъ болѣе и древнѣе будетъ такихъ документовъ, тѣмъ безопаснѣе по нимъ можно составить сужденіе.

Съ сею цѣлію, для ближайшаго ознакомленія съ безцѣннымъ для Славянъ памятникомъ, переводомъ Евангелія, вниманію почтенныхъ посѣтителей мы предлагаемъ результаты готовящагося къ изданію, и отчасти извѣстнаго по Запискамъ 2 отд. Импер. Академіи наукъ т. VIII, стр. 65-80. X, 110-137., Изслѣдованія о Мстиславовомъ спискѣ Евангелія, въ сличеніи съ другими древнѣйшими. *Мстиславовъ списокъ*, хранящійся въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, писанъ по волѣ Новгородскаго князя Мстислава Владиміровича, княжившаго въ Новгородѣ отъ 1095 до 1117 г., для построенной имъ Благовѣщенской церкви близь Новгорода, на Городищѣ, гдѣ издревле имѣли свое пребываніе Новгородскіе князья. Списокъ относится къ первымъ годамъ XII столѣтія, такъ какъ означенная церковь, по лѣтописямъ, построена 1099 или 1103 г.; онъ представляетъ древнѣйшій текстъ Евангелія — апракосъ, и притомъ въ полномъ его видѣ, т. е. въ недѣляхъ отъ Пятидесятницы до великаго поста имѣетъ чтенія и на простые дни, тогда какъ въ другихъ, и въ самомъ Остром., сіи чтенія пишутся на одни только субботніе

и воскресные дни. Текстъ его въ Изслѣдованіи сличенъ 1) съ *Остромировымъ списком*ъ Евангелія—апракосъ, относящимся къ 1056—1057 г.; 2) съ *Юрьевскимъ списком*ъ Евангелія—апракосъ же, доселѣ хранившимся въ Ново-Іерусалимскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, а теперь въ Синод. библіотекѣ: онъ писанъ для Новгородскаго Юрьева монастыря при игуменѣ Киріакѣ, основавшемъ этотъ монастырь въ 1119 г. и скончавшемся 1128 г.; 3) съ пергам. спискомъ *Евангелія-апракоса Синод. типографіи* подъ № 60, XII в.; 4) съ *апракосом*ъ же, на пергаменѣ, Моск. *Архангельскаго собора*, № 2, XIII в. Всѣ эти списки, подобно Мстиславову, представляютъ вполнѣ чтенія Евангельскія. Употреблены также 5) *Галичскій*, извѣстный *списокъ тетро-евангелія* Синод. библіотеки, писанный 1144 г., и 6) *тетро-евангеліе Синод. типографіи* № 54, на пергаменѣ, XII в., принадлежавшее Новгородскому Аркажскому монастырю.—Нѣтъ сомнѣнія, что сіи древніе списки, особенно апракосы, вообще представляютъ первоначальный Слав. переводъ Евангелія, какъ онъ вышелъ изъ рукъ св. Кирилла и Меѳодія, хотя въ частностяхъ того и другаго встрѣчаются и исправленія. Не смотря на эти и въ послѣдующія времена постоянно возобновлявшіяся исправленія и на всеобщій пересмотръ прежняго библейскаго перевода при Петрѣ 1 и Елисаветѣ Петровнѣ, отпечатанный и съ того времени доселѣ употребляемый Слав. переводъ весьма близокъ къ этому, въ означенныхъ спискахъ содержащемуся, первоначальному переводу. Отличій первоначальнаго перевода отъ нынѣшняго печатнаго текста, сравнительно со всѣмъ содержаніемъ Евангелія, вообще мало.

Прежде разсмотрѣнія этихъ отличій его, скажемъ о раздѣленіи въ апракосахъ всего текста Евангельскаго на чтенія, и отношеніи его къ нынѣшнему росписанію или столпу евангелій. Всѣ чтенія Евангельскія въ означенныхъ

спискахъ раздѣляются на четыре отдѣла: первый отъ Пасхи до Пятидесятницы, вторый отъ Пятидесятницы до великаго поста, съ двумя счетами недѣль (одинъ отъ Матѳея, другой отъ Луки), третій содержитъ чтенія великопостныя, четвертый—чтенія по мѣсяцеслову, для нарочитыхъ святыхъ и праздниствъ, чтенія утреннія воскресныя и на особые случаи. Во всѣхъ сихъ отдѣлахъ Евангельскія чтенія какъ въ апракосахъ вполнѣ пишутся, такъ въ тетрахъ въ росписаніи евангелій указываются всѣ тѣже самыя, какія положены и въ нынѣшнемъ нашемъ росписаніи евангелій, съ тѣми же по мѣстамъ пропусками, преступками и вносками. Росписаніе сіе согласно съ Греческимъ синаксаремъ, отпечатаннымъ у Маттея по 8 рукописямъ Синодальной библіотеки VIII—XV в. и одной 1602 г., въ Novum Testamentum Graece et Latine, Rigae 1782—88 г., — въ началѣ каждаго Евангелиста, равно и во второмъ его изданіи, въ которое вошли еще многія другія рукописи, Vitembergae 1803, t. I. p. 725 sq.; согласно оно и съ Саксен-готскимъ спискомъ Евангелія XII в., описаннымъ тѣмъ же Маттеемъ въ книжкѣ: Vetustum Ecclesiae Graecae Constantinopolitanae Evangelistarium bibliothecae Seren. Ducis Saxo-gothani, Lipsiae 1791.; наконецъ соотвѣтствуетъ Греческому синаксарю, отпечатанному у Шольца въ Novum Testamentum Graece, Lipsiae 1830. t. I. p. 453 sq. по четыремъ спискамъ Парижской библіотеки, изъ коихъ одинъ IX, а прочія три X вѣка. Незначительныя только разности въ прибавкѣ, убавкѣ или перестановкѣ стиховъ представляютъ тѣ или другіе списки въ нѣкоторыхъ дняхъ. Они примыкаютъ въ этомъ случаѣ то къ тѣмъ или другимъ Греч. спискамъ, не во всемъ же между собою одинаковымъ, то къ нынѣшнему нашему печат. росписанію евангелій. Очевидно, что таковыя разности въ настоящемъ вопросѣ ничего не значатъ и не должны имѣть мѣста.

Скажемъ теперь о самомъ переводѣ и отличіяхъ его отъ нынѣшняго печатнаго. Они касаются а) иныхъ чтеній или варіантовъ Греч. текста, и б) самого перевода или языка.

Вотъ важнѣйшія изъ этихъ отличій, которыя такъ какъ одинаково читаются *во всѣхъ означенныхъ спискахъ*, сличенныхъ съ Мстиславовымъ, то и должны быть относимы къ первоначальному переводу. 1) Отличія въ *варіантахъ*, представляющіяся въ чтеніяхъ отъ Іоанна отъ св. Пасхи до Пятидесятницы: Іоан. 1, 28. (понедѣльникъ св. недѣли) си въ Виѳанїи быша обонъ полъ Іордана (нынѣ: въ Виѳаварѣ); 17, 5. (нед. 7) съ перестановкою: славою, юже имѣхъ, прежде даже не бысть мїръ, у тебе (нынѣ: славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде даже не бысть міръ); 7, 39. (нед. Пятидесятницы) не у бо бѣ Духъ свѧтый данъ (прибавлено), ѧко Іисусъ не у бѣ прославленъ. Въ чтеніяхъ отъ Пятидес. до вел. поста: Матѳ. въ 23 гл. ст. 13. горе вамъ книжницы и фарисеи, ѧко затворѧете царствїе небесное и пр. стоитъ послѣ 14-го: горе вамъ книжницы и фарисеи, ѧко снѣдаете домы вдовицъ и пр. (понед. 10 нед.); 24, 51. (пят. 10) часть его съ лицемѣры положитъ (нынѣ: съ невѣрными); 25, 2. (суб. 17) съ перестановкою: пѧть же бѣ отъ нихъ (дѣвъ) буй и пѧть мудръ. Лук. 6, 9. (суб. 4) опущены слова объ Іудеяхъ, обличенныхъ Спасителемъ: они же умолчаша; 17, 2. (пят. 9) уне ему бы было, аще бы камень жерновный възложенъ (былъ) на выи его (нынѣ: жерновъ осельскій); Марк. 15, 3. (четв. мясоп.) глаголаху нань старѣйшины жречески много: онъ же ничесоже не отвѣщаваше (прибавлено во всѣхъ спискахъ, кромѣ типогр. № 54). Во вторникъ страстн. недѣли на литург. Матѳ. гл. 25 изъ ст. 30 исключены слова: сїѧ глаголѧ взгласи: имѣѧй ушы

слышати да слышитъ. Въ чтеніяхъ по мѣсяцеслову Лук. 13, 35. (Нояб. 19. и пят. 8 нед. отъ Луки): не имате видѣти мене дондеже (прїидетъ, егда опущ.) речете (въ № 54 безъ опущенія). Генв. 4. Матѳ. 3, 11. той вы креститъ Духомъ святымъ (и огнемъ опущено во всѣхъ спискахъ, кромѣ Галичскаго). Генв. 7. (суб. по просвѣщеніи) Матѳ. 4, 6. заповѣсть о тебѣ (сохранити тя, опущено).

Во всѣхъ спискахъ отлично отъ нынѣшняго читается 2) *переводъ:* Іоан. 1, 7. (нед. Пасхи) да вси вѣру имутъ имъ т. е. Іоанномъ, (нынѣ: ему, Греч. δι' αὐτοῦ, въ Русск. переводѣ—чрезъ него); Матѳ. 7, 14. (понед. 1.) коль (Юрьевск. сп. какъ) узка врата! (нынѣ: что, въ Русск. переводѣ: какъ); Лук. 6, 32. 33. 34. (нед. 2) кая вамъ хвала есть (печ. благодать—χάρις, въ Русск. переводѣ: благодарность); 11, 50. (четв. 7.) да мстится кровь пророкъ (нынѣ: да взыщется): не указываетъ ли этотъ переводъ на древній обычай мщенія крови? Мар. 8, 33. (сред. 13. въ нед. отъ Луки) иди за мя сотоно (только типограф. № 54 по нын. за мною, Русск. переводъ: отойди отъ меня). Въ 5 страстн. евангеліи Матѳ. 27, 15. на всякъ день великъ обычай бѣ игемону отпущати (κατὰ δὲ ἑορτὴν—разум. праздникъ Пасхи, который какъ въ древности, такъ и нынѣ у южныхъ Славянъ, и у насъ въ простомъ народѣ, особенно въ малой Россіи, доселѣ называется великъ день). Въ 6 страстн. евангеліи Мар. 15, 23. и даяху ему пити оцѣтано вино т. е. смѣшанное съ уксусомъ (типогр. № 54 огорчено, нынѣ — Греч. слово ἐσμυρνισμένον оставлено безъ перевода: есмурнісмено вино). Въ 8 страстн. евангеліи Лук. 23, 35. подражаху же его и кнзи (т. е. дразнили, издѣвались, ἐξεμυκτήριζον, нынѣ—ругахуся). Въ чтеніяхъ по мѣсяцеслову: Дек. 25. Матѳ. 2, 12. отъ бѣтъ прїеміше (волхвы) во снѣ не

възвратитися къ Ироду (нынѣ—вѣсть, χρηματισθέντες); 12, 20. (Дек. 26. суб. по Рожд. Хр.) перта вжемшася не угасить (нынѣ—лена, λῖνον). Вообще переводится: γραφαὶ, γράμμα, βιβλίον—книги, напр. Матѳ. 1, 1. (нед. предъ Рожд. Христ.) книги рожьства Іисуса Христа,—и странно теперь читать Лук. 23, 38. (евангеліе страстн. 8) бѣ же и написанїе, написано книгами Ѥлиньскими и Римьскими и Жидовьскими (γράμμασιν); ἀλέκτωρ вездѣ переводится—куръ, вмѣсто пѣтухъ. Куръ—мужеское, коренное слово, отъ котораго нынѣ сохранилось только производное, женское курица; слич. левъ—львица, царь—царица и т. п.

Вообще замѣчено, что какъ *списки апракосовъ* ближайшимъ образомъ *сходствуютъ между собою* въ чтеніяхъ (варіантахъ) и переводѣ, такъ и тетры, въ извѣстныхъ мѣстахъ отступая отъ нихъ, сходствуютъ здѣсь между собою. Апракосы въ тѣхъ мѣстахъ представляютъ переводъ древній, иногда съ недостатками, показывающими отчасти недоразумѣнія переводчиковъ, вульгарность и необработанность языка,—естественныя у необразованнаго народа, съ словами и формами его древнѣйшими. И какъ извѣстно уже, что св. Кириллъ и Меѳодій перевели собственно апракосное Евангеліе для церковнаго употребленія: то въ сихъ мѣстахъ, одинаково читаемыхъ въ апракосахъ, надлежитъ предположить первоначальный Славянскій переводъ. Тетры напротивъ, появившіеся послѣ апракосовъ, хотя и вскорѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ представляютъ переводъ уже исправленный, съ нынѣшнимъ согласный, языкъ очищенный и поновленный. Таковы суть общіе всѣмъ апракосамъ 1) *варіанты:* Іоан. 21, 15. (суб. 7 по Пасх.) паси овцѧ моѧ (тетры по нынѣшнему—агнцы); Матѳ. 10, 10. (вторн. Пятид.) достоинъ дѣлатель пищѧ своѥѧ (тетры по нынѣшнему—мзды); Мар. 1, 13. (понед. 11. въ чте-

ніяхъ отъ Матѳея) и бѣ (Іисусъ) тѹ въ пѹстыни дни четыредесѧте и м̃ ноши (противъ тетровъ прибавлено); къ послѣднимъ словамъ Лук. гл. 17. ст. 37. идѣже тѣло, тѹ соберѹтсѧ и орли, (во вторн. 10 нед.) прибавленъ изъ 18 гл. стихъ 8-й: обаче Сынъ человѣчь пришедъ аще обрѧщетъ вѣрѹ на земли; Мар. 12, 14. (понед. 16, въ чтеніяхъ отъ Луки) рцы ѹбо намъ (прибавлено): достоитъ ли дань дати кесареви; Лук. 23, 24. (четв. сыроп.) отпѹсти же имъ Варавѵ разбойника (прибавлено).

Отличія 2) *въ переводѣ:* въ чтеніяхъ отъ Матѳея 5, 21. 27. 33. (сред. четв. и пят. Пятид.) слышасте, ꙗко речесѧ первыимъ (тетры по нынѣшнему — древнимъ, τοῖς ἀρχαίοις). — Въ объясненіе сей разности скажемъ, что какъ Греческое πρῶτος имѣетъ значеніе относительно времени первоначальный, древній, прежній: такъ и Славянское первый и въ другихъ мѣстахъ употребляется въ сихъ же значеніяхъ, по древнему и нынѣшнему переводамъ, напр. Дѣян. 15, 7. (отъ дней первыхъ), 1 Петр. 1, 14. (первыми похотѣніи) и др. Далѣе Матѳ. 10, 37. (нед. 1 по Пятид.) иже любитъ отца или матерь паче мене, нѣсть ми подобенъ (Остр. и тетры— достоинъ, ἄξιος). — „Подобенъ“ на древнемъ языкѣ значитъ годенъ, потребенъ, угоденъ. Во всѣхъ напр. спискахъ Лук. 22, 6. (вел. четв. на утр.) читается: искаше подобна времени (εὐκαίρίαν). И нынѣ: дѣла неподобныя суть — недостойныя, негодныя. Матѳ. 9, 14. (пят. 1) почто мы и фарисеи алчемъ, а ѹченицы твои не алчѹтъ: такъ и въ другихъ мѣстахъ (тетры: постимся, постятся — νηστεύομεν). — Слова: алчу, алканіе, не точно выражающія понятіе поста, взяты изъ обыкновеннаго языка народа Славянскаго, для котораго еще чуждо было христіанское понятіе поста. Они употребляются и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ Слав. литературы. Другое слово:

постъ надобно производить отъ Готѳскаго fastan поститься (читаемаго въ переводѣ Ульфилы Матѳ. 6, 16. 9, 14. Мар. 2, 18. 19. 20. и др.), на Нѣмецкомъ и Скандинавскихъ языкахъ fasten (см. Извѣстія Акад. наукъ, т. 3. Матеріалы с. 156). Матѳ. 7, 4. (суб. 2) не дѣй, да изм8 сѫкъ изъ очесе (Остр. и тетры по нын. остави, ἄφες): такъ и въ другихъ мѣстахъ переводится ἄφες; 10, 10. (вторн. 2.) не стяжите.., ни двою ризъ8, ни онъ8ша (тетры по нын. ни сапогъ, μηδὲ ὑποδήματα); 9, 23. (суб. 6.) и видѣвъ (Іисусъ) гопцы и народъ плачющь (Остр. и тетры по нын. народъ молвящь, ὄχλον θορυβούμενον); 14, 31. (нед. 9.) маловѣре, почто сумѣвом (Остр. и тетры по нын. ся усумнѣ, τί ἐδίσασας). Мар. 7, 8. (пон. 15.) держите преданїа человѣческа, омываніа голкомъ (тетры по нын. крещенія чваномъ, βαπτισμὸς ξεστῶν); 13. (втор. 15) безъ устава творяще слово Божїе (тетры по нын. преступающе, ἀκυροῦντες). Въ чтеніяхъ отъ Луки: 5, 19. (суб. 2.) сквозѣ стропъ низвѣсиша и (тетры по нын. сквозѣ скудѣлы, Остр. сквозѣ покровъ, διὰ τῶν κεράμων); 13, 7. (четв. 8.) рече же къ копачемѣ: древнее слово, значущее виноградарь (тетры по нын. къ винареви, πρὸς τὸν ἀμπελουργόν); 18, 13. (нед. 16.) Боже оцѣсти (т. е. очисти) мнѣ грѣшномъ8 (Остр. и тетры по нын. милостивъ буди, ἱλάσθητί μοι); Мар. 11, 15. (втор. 15) и столы разсыпавъ (тетры по нын. сѣдалища испроверже, τὰς καθέδρας κατέστρεψε); 12, 4. (пят. 15.) и того каменїемъ биша знаменаша (тетры по нын. пробиша главу, ἐκεφαλαίωσαν).—Къ объясненію слова „знаменаша“ въ этомъ значеніи можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ 1-й Софійской лѣтописи, стр. 178, о побѣдѣ Александра Невскаго: и самому королю (Шведскому) взложи *печать* на лице острымъ своимъ мечемъ. Мар. 14, 15. (втор.

мясоп.), равно и Лук. 22, 12. (пон. сыроп.) и той вама покажеть всходницу велику (тетры по нын. горницу—ἀνώγεον); Мар. 14, 65. (сред. мясоп.) и начаша нѣцыи—бити ѝ по выи (тетры по нын. мучити ѝ, κολαφίζειν). Въ древнемъ также видѣ, и иногда не совсѣмъ точно, въ апракосахъ вообще переводится καιρός—годъ, напр. Матѳ. 8, 29. (нед. 5.) пришелъ еси сѣмо прежде года мучитъ насъ; γεέννα—озеро огненно или горящее, также дебрь огненная, Матѳ. 5, 22. (сред. Пятидес.) повиненъ есть озерꙋ огненнꙋ; ἀρχιερεύς—старѣйшина жреческій; Ἰȣδαῖος—Жидовскій, Ἰȣδαία—Жидовская, Лук. 6, 17. (четв. 2.) отъ всеа Жидовскыа и отъ Іерꙋсалима; θυσιαςήριον—требникъ, θυσία—треба, Матѳ. 12, 7. (пят. 3.) милости хощꙋ, а не требѣ; ἔθνος язычники переводится—страна, Матѳ. 20, 19. 25. (четв. 8.) предадѧтъ ѝ на порꙋганїе странамъ.—Въ основаніи древняго перевода ἔθνος—*страна* или *языкъ* лежитъ одна идея: иноземецъ, пришедшій изъ другой страны и говорящій другимъ языкомъ, представляется иновѣрнымъ или совсѣмъ невѣрнымъ. И нынѣ въ нашемъ простомъ народѣ иностранцы—нехристь. Δένδρον переводится дубъ, Матѳ. 13, 32. (сред. 5.) егда же (зерно горушно) вздрастетъ и бꙋдетъ дꙋбъ, Мар. 11, 8. (понед. мяс.) о встрѣтившихъ Господа съ пальмовыми вѣтвями говорится: вѣѧ отсѣкахꙋ отъ дꙋбїѧ; εἰσέρχομαι и ἐξέρχομαι—влазить, излазить, Матѳ. 5, 20. (сред. Пятид.) не имате влѣзти въ царство небесное, 21, 12. (пят. 8.) влѣзе Іисꙋсъ въ церковь.—Это древнее слово „влазить", вмѣсто входить, доселѣ употребляется у Болгаръ и Сербовъ. Въ тетрахъ, и по нимъ въ *Остромировомъ* спискѣ, всѣ вышеприведенныя слова переводятся по нын. καιρός—время, γεέννα, ἀρχιερεύς, Ἰȣδαῖος, Ἰȣδαία оставлены безъ перевода: геона, архіерей и т. д., θυσιαςήριον—жертвен-

яикъ, θυσία—жертва, ἔθνος—языкъ, δένδρον—древо, εἰσέρχομαι и ἐξέρχομαι—входить, исходить.—Замѣчательно, что какъ въ сихъ мѣстахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ Остромировъ списокъ слѣдуетъ тетрамъ: онъ такимъ образомъ не можетъ быть истиннымъ представителемъ первоначальнаго перевода, но онъ представитель уже поправленнаго текста.

Часто замѣчаются *разности* а) въ однихъ и тѣхъ же Евангельскихъ чтеніяхъ (одного Евангелиста), повторяющихся въ другихъ случаяхъ,—въ страстныхъ евангеліяхъ, особенно же въ мѣсяцословѣ, и б) въ сходныхъ съ даннымъ или параллельныхъ евангеліяхъ (у другихъ Евангелистовъ). Напр. тогда какъ въ чтеніяхъ отъ Матѳея 5, 32. (четв. Пятид.) во всѣхъ спискахъ переведено: иже потъбѣгꙋ поемлетъ любы дѣетъ, Лук. 16, 18. (пят. 9.) во всѣхъ же спискахъ: и женайсѧ пꙋщеною отъ мꙋжа; на Греч. въ обоихъ случаяхъ одно слово—ἀπολελυμένην. Слово „потьбѣга“ (такъ пишется въ Остр. Мстисл. Юрьев. и др. спискахъ), замѣтимъ мимоходомъ, приводящее въ затрудненіе филологовъ (см. Буслаева О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ, Моск. 1848. с. 137. 138.), по нашему мнѣнію, объясняется изъ слѣдующаго мѣста въ Изборникѣ Святославовомъ: „и къ мужу твоему обращеніе твое, рекше *подъбѣжище* твое“ (καταφυγή), слич. въ Лаврентьевской лѣтописи по Полн. собранію лѣт. с. 53. „(и Володимеръ) *подъбѣгъ* ста подъ мостомъ“ (прибѣгши). Отсюда видно, что правильное написаніе сего слова должно быть: подъбѣга, а не (испорченное) потьбѣга, тѣмъ менѣе подъпѣга, по коимъ и даютъ другія различныя ему производства и толкованія. Матѳ. 9, 15. (пят. 1) въ апракосахъ: еда могꙋтъ сынове чертожника (τὸ νυμφῶνος) желѣти, дондеже съ ними женихъ (ὁ νυμφίος), но Мар. 2, 19. (пят. 11.) и Лук. 5, 34. (сред. 2.) сынове

брачніи, женяйся, въ тетрахъ у всѣхъ Евангелистовъ читается одинаково: сынове брачніи, женяйся. Матѳ. 11, 23. (сред. 3.) въ апракосахъ: и ты Капернаѹме, взбысивыйся (ὑψωθεῖσα) до небесе, до темнаго обнизъ снидеши (ἕως ᾅδου καταβιβασθήσῃ), но Лук. 10, 15. (пят. 5.) до небесе вознесеся, до ада низведешися; тетры въ обоихъ случаяхъ одинаково: взнесыйся до небесе до ада снидеши, Лук. низведешися. — „Темный обнизъ“ есть буквальный переводъ слова ᾅδης (слич. Псал. 85, 12.), первоначально сдѣланный переводчиками для народа, незнакомаго съ симъ терминомъ.—Примѣровъ таковыхъ разностей въ апракосахъ довольно; но въ тетрахъ почти всѣ эти мѣста исправлены и приведены къ единству, именно такъ, что первопишущіяся чтенія исправлены согласно вторымъ, повторяющимся и точнѣе переведеннымъ. Эта разность перевода въ апракосахъ, перевода, какъ думать надобно, первоначальнаго, объясняется тѣмъ, что или не одно лице, напр. св. Кириллъ, переводило всѣ чтенія, или, что означенныя мѣста сперва такъ, потомъ лучше, однимъ или двумя переведенныя, по окончаніи всего труда не были между собою сличены и приведены къ единству, чего требуетъ впрочемъ ученая уже критика. Такія разности въ переложеніи однихъ и тѣхъ же словъ и мѣстъ встрѣчаются и въ другихъ древнеславянскихъ переводахъ, напр. у Іоанна екзарха, въ поученіяхъ Кирилла Іерусалимскаго.

Вообще же надобно отдать полную справедливость первоначальному Славянскому переводу Евангелія относительно его точности и близости къ подлиннику, равно какъ и ясности, при большей или меньшей свободѣ переложенія. Какъ переводъ удовлетворительный, онъ вообще и оставленъ по прежнему въ изданіяхъ послѣ строгаго пересмотра текста при импер. Елисаветѣ и послѣ многихъ

предшествующихъ испытаній. Разныя его чтенія или варіанты находятся въ древнѣйшихъ Греческихъ спискахъ, какъ это видно изъ древняго, сличеннаго текста у Тишендорфа въ послѣднемъ 7-мъ изданіи Новаго Завѣта (Novum Testamentum Graece, editio septima, critica maior, Lipsiae 1859.). Но преимущественно сіи варіанты встрѣчаются въ спискахъ Византійской или Константинопольской фамиліи, и часто также въ Евангельскомъ текстѣ истолковательныхъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго, какъ это показываетъ тоже изданіе, особенно же Маттеево изданіе Новаго Завѣта по Синодальнымъ спискамъ Евангелія и бесѣдъ Златоустовыхъ (Rigae 1782—1788.). Есть нѣкоторые варіанты, сходные съ *Латинскимъ переводомъ* или Вульгаты, именно: Іоан. 2, 15. (пятокъ Пасхи) створи ако (прибавлено) вичь (кромѣ списковъ Юрьевскаго, № 60. и обоихъ тетровъ), 5, 28. (четв. 2 нед.) въ Юрьев. № 60 и обоихъ тетрахъ: услышатъ гласъ Сына Божіа, а Остр. Мстисл. и № 2.—его (въ Греч. αὐτοῦ), 7, 39. (нед. Пятид.) не у бо бѣ Дѹхъ святый данъ (прибавлено во всѣхъ спискахъ,—по толкованію Злат.), Матѳ. 25, 1. (суб. 17. по Пятид.) въ Остр. Мстисл. и № 54 изыдоша противѹ женихѹ и невѣстѣ (приб.). Но какъ всѣ сіи варіанты, кромѣ Іоан. 5, 28. (сл. 25.), читаются и въ тѣхъ или другихъ Греческихъ спискахъ: то, при постоянной вѣрности перевода Греческому тексту и уклоненіи отъ Латинскаго, вмѣстѣ съ Добровскимъ, и сіи варіанты мы производимъ отъ Греческихъ же списковъ, а не изъ Латинскаго перевода (Добровскій Slovanka II, 128—139. Institutiones lingvae Slavicae LI—LII. 193. 423. 667. 699—701). Притомъ, какъ означенные варіанты, кромѣ Іоа. 7, 39., находятся только въ нѣкоторыхъ изъ сравниваемыхъ нами списковъ, а въ прочихъ отсутствуютъ: то могутъ быть считаемы за послѣ-

дующія поправки, какъ думалъ тотъ же Добровскій о глаголитскихъ поправкахъ. Что касается до употребленія Латинскихъ словъ въ древнемъ Славянскомъ переводѣ,—*олтарь* (Матѳ. 23, 35. втор. страст. на утр. и въ мѣсяцосл. Сент. 5, равно и Лук. 11, 51. четв. 7 нед.), *Греčески, Латински* (Матѳ. 19, 19. Сент. 14 на лит.), *оцетъ* (Іоа. 19, 29. 30. евангеліе страстъ 9-е и въ вел. пятокъ на 9 часѣ): то слова ἀλτάριον, *Γραικοί*, *Λατῖνοι* вошли въ средневѣковый Греческій языкъ (см. Дюканжа Glossarium mediae et infimae Graecitatis), а оцетъ чрезъ Готѳское akeit—въ древній Славянскій. (Буслаева О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ, стр. 115. 116). И что таковыя слова у переводчиковъ происходили не отъ употребленія Вульгаты, а изъ народнаго языка, показываетъ слѣдующее несоотвѣтствіе перевода „оцтаный“ тексту Вульгаты: Мар. 15, 23. (ев. страстное 6-е) во всѣхъ спискахъ, кромѣ № 54: и даахѫ емѫ пити оцѣтано вино (ἐσμυρνισμένον οἶνον, Вулг. myrrhatum vinum), слич. въ Церк. словарѣ Востокова: оцѣтьство, коимъ Іоаннъ екзархъ перевелъ Греч. σμυρνότης. Не отвергаемъ, что, судя по учености и многоязычію св. Кирилла, при своемъ переводѣ онъ *могъ* имѣть подъ руками и самую Вульгату, равно какъ нѣкои другіе переводы, какъ пособія. Въ древнемъ переводѣ есть варіанта четыре, вовсе необъяснимые изъ извѣстныхъ по изданіямъ документовъ Новозавѣтнаго текста, если не брать во вниманіе нѣкоего Сагидскаго (Египетскаго) перевода, съ коимъ два изъ нихъ (Іоа. 7, 17. разумѣетъ *ученіе*, Лук. 15, 2. роптаху *вси* приб.) имѣютъ странное сходство. Въ томъ же древнемъ переводѣ видны слѣды употребленія *Готѳскаю перевода*, сдѣланнаго въ IV в. епископомъ Ульфилою.—Извѣстно, что Готѳы съ древнѣйшихъ временъ находились въ смежности и сношеніяхъ съ Славянами,—до исхода II в. на Балтій-

скомъ морѣ въ нынѣшнихъ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Польшѣ и Пруссіи, потомъ на югѣ въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи и сопредѣльныхъ странахъ, наконецъ въ Мизіи или нынѣшней Болгаріи и части Сербіи, въ которую Готѳы перешли въ концѣ IV ст. Здѣсь, въ Мизіи, и впослѣдствіи въ Далмаціи и Паннониі, Готѳы смѣшались съ Славянами,— и христіанство, уже въ IV в. появившееся между обоими народами, тѣмъ болѣе ихъ сближало взаимно; въ среднія же времена остатки Готѳовъ обитали въ Македоніи и Албаніи, — родинѣ и поприщѣ Кирилла и Меѳодія и сотрудниковъ ихъ (Шафарика Славянскія Древности, пер. Бодянскаго, изд. 2. Москва 1848. т. I. кн. 2. стр. 244 и дал., 253, Мацѣевскаго Исторія первобытной Церкви у Славянъ, Варшава, 1840. стр. 20 и дал., преосв. Филарета Исторія Русской Церкви, изд. новое, 1849. стр. 3 и дал.). Сими данными объясняется какъ вообще филологами признанное присутствіе въ Славянскомъ языкѣ Готѳскихъ словъ и на оборотъ въ Готѳскомъ Славянскихъ, такъ и въ частности предполагаемое знакомство Славянъ съ Готѳскимъ переводомъ Библіи, и потому употребленіе его Кирилломъ въ своемъ переложеніи Евангелія. Весьма правдоподобная догадка Шафарика, что (по Паннонскому житію) найденныя Кирилломъ въ Крыму Евангеліе и Псалтирь на *Русскомъ* языкѣ (которому тутъже онъ и научился), были на Готѳскомъ (или Варяго-русскомъ) языкѣ, представляетъ новое основаніе къ тому, чтобъ св. Кириллъ впослѣдствіи самъ воспользовался переводомъ Ульфилы (Шафарика Памятники древней писменности южныхъ Славянъ, Прага 1851, слич. Извѣстія 2 отд. Академіи наукъ т. 1. стр. 293. 296, также Памятники глагольской писменности, Прага 1853. стр. XXIII-XXIV, слич. тамже т. 2. с. 133).—Какъ бы то ни было: при сличеніи древняго Славянскаго перевода и съ немногими, доселѣ уцѣлѣвшими, отрывками Готѳ-

скаго перевода въ серебреномъ Упсальскомъ кодексѣ, по изданію Цана (Ulfilas, Gothische Bibelübersezung v. Zahn, Weissenfels 1805), въ Славянскомъ намъ открылось очень много тѣхъже самыхъ Готѳскихъ словъ и выраженій и въ тѣхъже мѣстахъ, какъ и въ переводѣ Ульфилы. Только въ настоящемъ случаѣ излишне было бы приводить ихъ. Что касается до сказанной прежде нами учености и языкознанія Кирилла, при коихъ онъ имѣлъ всѣ средства къ столь хорошо сдѣланному переводу свящ. книгъ: то объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ житіе и древнія сказанія о немъ. Въ сказаніи о св. Кириллѣ философѣ по Синод. прологу № 247. XIII-XIV в. и другимъ спискамъ подъ 14 Февр. между прочимъ говорится, что св. Кириллъ, взятый къ императорскому двору для воспитанія, „четырьми языки и философіи научися: Еллински, Римски, Сирски, Жидовски.“ И по Паннонскому житію, онъ, находясь (потомъ) въ Корсунѣ изучилъ Еврейскій и Самаританскій языки. (См. Пан. житія Кирилла и Меѳодія въ Москвитянинѣ 1846. N 6. стр. 414).

Въ древнихъ Евангельскихъ спискахъ обыкновенно пишется *мѣсяцословъ* съ положенными въ немъ чтеніями на извѣстныя празднества и памяти нарочитыхъ святыхъ. При разсмотрѣніи его въ вышеозначенныхъ нашихъ спискахъ апракосовъ и тетровъ взяты были во вниманіе 1) Греческіе списки Евангелія Синод. библіотеки по Синод. каталогу № 42, IX в., № 225, X в. и № 43, 1056 г., употребленные и Маттеемъ, въ главѣ другихъ младшихъ списковъ, въ мѣсяцословѣ при 2 изданіи Нов. Завѣта (Vitembergae 1803); 2) печатный мѣсяцословъ императора Василія, представляющій древніе Греческіе святцы, съ проложными сказаніями, конца X или XI в. (Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris, ed. Albani, 1727. Urbini); 3) Два мѣсяцослова, отпечатанные у Шольца въ Nov. Testamentum Graece, 1830, одинъ при текстѣ Евангелія по двумъ

Парижскимъ спискамъ Константинопольской фамиліи X в., въ сличеніи съ третьимъ IX в., другой при текстѣ Апостола по ркписи XI в., сличенной съ одною XII в. и пятью XIV и XV в. 4) Два же мѣсяцослова въ Евангельскихъ спискахъ Флорентійской библіотеки Медичи, одинъ X в., другой XII в., вполнѣ изложенные у Бандини (Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Mediceae t. I. p. 130-133 et p. 154-155). 5) мѣсяцословъ Саксен-готскаго списка XII в., по изданію Маттея. 6) Извѣстный Никодимовъ синаксарь на Новогреч. языкѣ, дополненный и исправленный по Аѳонскимъ рукописямъ. 7) Греческій прологъ Синод. библіотеки № 390, 1295 г. 8) 5-й и 6-й томы Ассеманова Календаря (Kalendaria Ecclesiae universae, Romae 1755), кои представляютъ мѣсяцословы Славянской и Греко-россійской Церкви, гдѣ мы тщательно слѣдили и Неаполитанскій православный, на мраморѣ высѣченный, мѣсяцословъ IX в., особенное же вниманіе обратили на мѣсяцословъ глаголитскаго списка XI в., вполнѣ представленный у Ассемана. Въ пособіе употреблены и другіе Славянскіе источники, именно прологи Синодальной библіотеки № 247, XIII-XIV в., и 240, 1400 г.; служебныя минеи за всѣ 12 мѣсяцевъ XII в. (кромѣ двухъ XV в.), которыя, судя по единству съ двумя типографскими списками миней XI в., представляютъ древнѣйшій текстъ мѣсяцослововъ; списокъ стихираря № 589, 1157 г.; списокъ Студійскаго устава № 330 XII в.; церковный обиходъ Румянцевскаго музеума XIII в. (по Описанію г. Востокова стр. 405), вполнѣ отпечатанный въ 3 томѣ Исторіи Русской Церкви преосв. Макарія, въ примѣчаніяхъ на стр. 279-292; показанія нашихъ лѣтописей, по Полному ихъ собранію, и нѣкоторыя другія пособія. Мы соображались также и съ Римскимъ мѣсяцословомъ: Martyrologium Romanum Gregorii XIII jussu editum Urbani VIII et Clementis X auctoritate recognitum et Benedicti XIV labore et studio

auctum et castigatum, editio novissima, Ratisbonae 1846.

Изъ сличенія мѣсяцослова въ разсматриваемыхъ нами спискахъ съ сими Греческими и Славянскими документами, въ связи съ Римскимъ мартирологіемъ, для первоначальнаго мѣсяцослова выходятъ слѣдующіе результаты:

1. Видно, что первоначальный мѣсяцословъ переведенъ былъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ *съ Греческаго*, какъ и весь Евангельскій текстъ и расположеніе его по недѣлямъ. Всѣ бывшіе у насъ списки, не исключая и Ассеманова глаголитскаго, оставаясь постоянно вѣрными Греческому мѣсяцослову, находятся въ прямомъ противорѣчіи съ Римскимъ мартирологіемъ, очень часто отступающимъ отъ Греческаго какъ относительно лицъ чествуемыхъ, такъ и дней ихъ чествованія.—Ревнитель папства Копитаръ (Glagolita Cloz. p. XXX-XXXII et p. LXI, Hesychii glossographi discipulus p. 49.) на основаніи положенной въ спискѣ Остромировомъ, какъ совершаютъ Римскіе католики, памяти св. Сильвестра, папы Римскаго, 31 Декабря, (а, прибавимъ мы отъ себя, Поликарпа Смирнскаго 26 Генв.) и перевода Октября 4 Петра Капетуля-*ихъ*, какъ-бы читалось Латинское Capitol-eorum, утверждаетъ, будто св. Меѳодій, посланный папою (!), по прибытіи въ Паннонію исправилъ Греческій мѣсяцословъ по Римскому мартирологію. Удивительно, что а) такой слонъ образовался изъ мухи, такое обширное и важное заключеніе выведено изъ одного только Новгородскаго списка, такъ что и въ самомъ глаголитскомъ Евангеліи нѣтъ означенныхъ примѣровъ; б) и въ самомъ Остром. мѣсяцословѣ эти ласкающіе латинство примѣры, хотя бы и дѣйствительно проистекали изъ Латинскаго источника, сравнительно со всемъ содержаніемъ, исчезали бы какъ двѣ-три капли въ морѣ православія; но в) всѣ они объясняются Греческими документами, двукратнымъ празднованіемъ памятей, и, какъ сей часъ увидимъ, въ Остром. спискѣ суть позднія и случайныя

вноски, не имѣющія отношенія къ первоначальному мѣсяцослову. Въ частности о переводѣ „Петра Капетуляихъ“, соблазнившемъ самаго Шафарика (Извѣстія 2 отдѣл. Импер. Академіи наукъ т. 1. с. 387), замѣтимъ, что въ Римскомъ мартирологіѣ подъ 4 Окт., да и нигдѣ вовсе нѣтъ Петра Capitoleorum, что такъ переведено Греческое *Καπετωλέων* или *Καπετωλείων*, какъ означающее мѣстность, по древнему обороту въ мѣстномъ падежѣ, подобно тому, какъ въ Остром. Окт. 8 переведено: памать преподобныя Пелагіи Тарсѣ Киликиѣ, или Нояб. 25 *Κλήμεντος Ρώμης*—Климента Римѣхъ (*Ρώμη* и *Ρωμαῖοι* въ древнѣйшихъ памятникахъ переводилось Румы). И такъ здѣсь не латинство, а только древній оборотъ рѣчи.

2. Изъ сличенія списковъ видно, что первоначальный мѣсяцословъ, переведенный Слав. просвѣтителями, былъ *краткій*, и содержалъ только главные праздники и памяти нарочитыхъ святыхъ, коимъ полагались особыя чтенія Евангельскія. На это указываютъ своею неполнотою самые древніе списки — глаголитскій у Ассемана и Остромировъ во второй половинѣ своей: таковы вообще и древніе Греческіе списки, какъ и нашъ № 42 IX в. Но составитель Остромирова списка въ первой половинѣ мѣсяцослова, а Мстиславова вполнѣ въ этомъ первоначальномъ мѣсяцословѣ сдѣлали значительныя дополненія на основаніи Греческихъ же списковъ, прибавивъ къ тому нѣчто и изъ исторіи Русской Церкви. Источниками дополненій служили прологи, мѣсячныя минеи, мѣсяцословъ импер. Василія или подобный. Здѣсь мы позволимъ себѣ пространнѣе объясниться относительно Остромирова мѣсяцослова, который западные Славянисты хотятъ принимать за самодревнѣйшій, первоначальный мѣсяцословъ. Первая часть его, въ контрастъ со второю, особенно поражаетъ множествомъ дополненій. Здѣсь прежде всего противъ тѣхъ же Славянистовъ замѣтимъ, что въ этихъ дополненіяхъ особенно

рѣзко выступаетъ не какой нибудь Латинскій источникъ, но *Византійскій*, и именно Константинопольскій. Константинопольскихъ празднествъ, также патріарховъ и царей, причтенныхъ къ лику святыхъ, въ Остромировомъ спискѣ несравненно болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Сюда относятся: Сентября 17. значущаяся совокупно страсть св. Харалампія и Панталеона, какъ она воспоминалась сего числа въ воздвигнутомъ въ честь ихъ храмѣ въ Константинополѣ (Дюканжъ, Constantinopolis Christiana, Lutetiae Paris. 1680. lib. IV. p. 121), 21. освященіе храма въ честь св. мученика Мины,—въ Константинополѣ же на мѣстѣ называемомъ ἐν τῷ Δευτέρῳ (Дюканж. ibid. p. 128), Октября 17. освященіе храма пресв. Богородицы въ мѣстѣ рекомѣмъ Раи (*Παραδείσῳ*) и архангела Гавріила—въ Константинополѣ (по Греч. минеямъ), 27. архангела Михаила въ Овчи (Греч., вѣроятно, надобно читать не εἰς τὰ *Προβάτα*, а εἰς τὰ *Προμότα*, о чемъ см. Дюканж. ibid. p. 186), Ноября 5. освященіе храма въ честь великомученика Ѳеодора, въ Сфоракіяхъ—великолѣпный храмъ въ Константинополѣ (Дюканж. ibid. p. 139.), 8. соборъ въ честь архангела Михаила въ Аркадіанахъ—въ Константинополѣ близъ императорскаго дворца (Дюканж. ibid. p. 188), 28. память благовѣрнымъ царямъ Константину и Маврикію съ чадами ихъ: первый, вѣроятно, тотъ же самый, что въ синаксарѣ святогорца Никодима подъ 3 Сент. пишется Константинъ ὁ νεός—сынъ императора Ираклія, Константинъ III., отравленный своею мачихою, а сынъ его Ѳеодосій умерщвленъ по злобѣ брата своего имп. Констана (Дюканж. Familiae Bysantinae, Lutetiae Paris. 1680 p. 119): судьба его такимъ образомъ сходна съ судьбою злосчастнаго Маврикія, умерщвленнаго съ дѣтьми. Декабря 18 (кромѣ Остром. значится и въ тетрѣ XII в. № 54) освященіе церкви святыя Богородицы въ Халкопратіахъ,—въ Константинополѣ близъ храма св. Софіи (Дюканж.

Constant. Christ. lib. II. p. 169. lib. IV. p. 65-66. 167). Память Ермила и Стратоника записана не 13 Генваря, какъ во всѣхъ прочихъ спискахъ, но 1 Іюня, когда мѣстно совершалась въ подгородномъ Константинопольскомъ Спудейскомъ монастырѣ (см. синаксарь Никодимовъ подъ 13 Генваря, Греч. минеи, Дюканж. ibid. p. 161). Іюля 31. память царя Ѳеодосія (малаго), освященіе церкви пресв. Богородицы т. е. во Влахернахъ и поклоненіе честному древу (послѣднія два обстоятельства записаны и въ глаголитскомъ Ассемановомъ спискѣ).—Но редакція Остромирова списка, не какъ Мстиславова, вообще имѣетъ большіе недостатки, обличающіе въ исправителѣ его невнимательность къ дѣлу и плохое знаніе Греческаго языка. Напр. 4 Мая здѣсь пишется: память святуму Афродисію, Ганимида, надобно читать раздѣльно: Гаїя, Милида, и здѣсь Гай, взятый изъ одной дружины мучениковъ, поставленъ совершенно не на мѣстѣ между Афродисіемъ и Милидомъ, принадлежащими къ другой дружинѣ; Октября 25: страсть святую мученику Маркіяна и Мартуріа и святуму Нѹтарію: должность нотаріевъ принята за собственное имя святаго. Подобнымъ образомъ Генваря 14 названіе отцевъ, Ἀββάδων, избіенныхъ въ Раиѳѣ, принято за имя святаго; Мая 21 нарицательное βασιλέως принято за собственное—Василія: память святымъ Василію, Константинѹ и Елени, Августа 7 читается: память святѣй Варварѣ въ Влахернѣ (τῶν βαρβάρων—варваровъ, избавленіе отъ коихъ тогда воспоминалось). Часто оказывается, что редакторъ Остромирова мѣсяцослова имена святыхъ выбиралъ изъ разныхъ источниковъ, и иногда ставилъ оныя у себя безъ разсужденія, какъ пришлось, или подъ другимъ числомъ ставилъ тоже имя, которое было у него уже выше. Отсюда и выходитъ, что иное у него записано по мѣсяцослову импер. Василія, другое по прологамъ, или спискамъ Евангельскимъ. На основаніи

сихъ же источниковъ онъ дозволялъ себѣ противъ всѣхъ другихъ списковъ описательность и свободу въ надписаніяхъ, по коей иногда также впадалъ въ важныя ошибки. Тогда какъ напр. въ прочихъ спискахъ 26 Сентября пишется просто: преставленіе Іоанна богослова, въ Остромировомъ распространено: преставленіе святаго Іоанна евангелиста и богослова въ отоцѣ Патьмѣ. Но извѣстно, что Іоаннъ скончался въ Ефесѣ, какъ значится и въ прологѣ и въ особомъ древнемъ сказаніи. Октября 4 въ прочихъ спискахъ: память святаго Іерода апостола, въ Остром. и святаго Іеротѣа. съ бѣ на погребени святыа Богородици. Весьма часто при памятяхъ мучениковъ означается время и мѣсто мученичества и другія обстоятельства. Такъ Октября 10 (о муч. Евлампіѣ и Евлампіи), 12 (о Провѣ, Тархѣ и Андроникѣ), 14 (о Назаріѣ, Гервасіѣ и пр.), 16 (о Логинѣ сотникѣ), 20 (объ Аѳеемѣ и Аверкіѣ), 27 (о Капетолинѣ и Іеротидѣ), Декабря 17 (о трехъ Вавилонскихъ отрокахъ), Генваря 1 (о Василіѣ Вел.), 26 (о чадахъ Ксенофонта и Маріи). Отсюда ясно, что Остромировъ мѣсяцословъ, по разнымъ источникамъ такъ заботливо пополняемый именами святыхъ и священными событіями, безъ надлежащей внимательности и знанія дѣла и языка, нельзя считать представительнымъ, первоначальнымъ Славянскимъ мѣсяцословомъ, происшедшимъ отъ Кирилла и Меѳодія и ближайшихъ учениковъ ихъ: при этихъ дополненіяхъ, позднихъ и случайныхъ, и среди прочихъ списковъ Остромировъ является одинокимъ, оригинальнымъ, и потому любопытнымъ. Совсѣмъ иное надобно сказать о второй, нетронутой части мѣсяцослова.

Теперь сдѣлаемъ замѣчаніе о языкѣ и нарѣчіи первоначальнаго перевода Евангелія. Можно сказать, что едва ли еще найдется другой переводъ, котораго языкъ по составу своему столько бы приближался къ подлинному

Греческому, и по достоинству и пріятности соотвѣтствовалъ возвышенности, величію и сладости словесъ Христовыхъ, какъ Славянскій первоначальный: такъ вообще мѣрна, стройна и благозвучна рѣчь его, такъ величественны, изящны, правильны и разнообразны формы его, — достоинства, по замѣчанію филологовъ, вообще отличающія древніе языки отъ новѣйшихъ. Эту мѣрность, разнообразіе и красоту рѣчи составляютъ полныя и усѣченныя формы, въ извѣстныхъ случаяхъ соблюдаемыя въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, въ нѣкоторыхъ падежахъ однообразныя окончанія существительныхъ и относящихся къ нимъ прилагательныхъ, строго повсюду соблюдаемыя двойственныя числа въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, два неокончательныхъ наклоненія — простое и достигательное, и нѣкоторыя другія вышедшія изъ употребленія формы и обороты. Св. Кириллъ и Меѳодій, по самому происхожденію своему изъ Солуня, окруженнаго Славянами, хорошо знали языкъ Славянскій и усовершились въ немъ на поприщѣ своей проповѣди. По соборномъ соѣщаніи избравъ ихъ на проповѣдь въ Моравію, императоръ Михаилъ замѣчалъ имъ: „вы бо еста Солунянина, да Солуняне все *чисто* Словенскы бесѣдуютъ.“ (См. Паннонское ихъ житіе въ Москвит. стр. 417). И въ лѣтописи Нестора философы (ученые и языковѣдцы) говорятъ о нихъ царю: „есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ, суть у него сынове разумивы языку Словенску, хитра два сына у него философа“. (Лавр. лѣт. стр. 11). Мудрыми переводчиками формы и обороты Славянскаго языка частію заимствованы и развиты изъ его собственнаго елемента, частію же внесены съ Греческаго, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго языка, какъ сказано въ древнемъ Греческомъ житіи Климента Величскаго. (Матеріалы для исторіи писменъ, изд. по случаю юбилея Моск. Университета, стр. 7.). Въ этомъ же житіи, составленномъ ученикомъ самого

Климента, указывается какъ на то, что переводъ начатъ въ Болгаріи, и самый Славянскій народъ по этому отчасти названъ Болгарскимъ (*τὸ τῶν Σθλοβένων γένος εἴτ' ἓν Βλγάρων*), такъ и нарѣчіе, на которое переведены свящ. книги, прямо означено Болгарскимъ же (*ἐκ τῆς Ἑλλάδος γλώσσης εἰς τὴν Βλγαρικὴν*). Этимъ нарѣчіемъ говорили исконные обитатели Мизіи—Славяне, и потомъ покорившіе ее (въ VII в.) Болгары. Слѣдов. оно было древнее, для всѣхъ Славянъ понятное и, конечно, лучшее. Да оно именно и самимъ переводчикамъ, Кириллу и Меѳодію, Солунскимъ урожденцамъ, хорошо было извѣстно. И потому это нарѣчіе могло быть удержано, хотя бы переводъ окончательно совершился въ Моравіи. Мнѣніе въ пользу Болгарскаго нарѣчія, принятое многими и знаменитыми филологами (Добровскимъ, Востоковымъ, Шафарикомъ и др.), подтверждается и самыми формами и нѣкоторыми словами языка, встрѣчающимися въ древнихъ Болгарскихъ переводахъ, какъ это довольно видно, между прочимъ, изъ Описанія Славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки.

Скажемъ послѣднее слово, вытекающее изъ предъидущаго, и примѣнительное къ настоящему случаю. Переводъ Евангелія апракоснаго, т. е. расположеннаго по чтеніямъ, наблюдаемымъ православною Церковію въ теченіи всего года, съ текстомъ Константинопольской фамиліи и православнымъ мѣсяцословомъ, оставя въ сторонѣ все прочее, одинъ служитъ непререкаемымъ свидѣтелемъ того, что Кириллъ и Меѳодій ввели между Славянами Греческую, православную службу. И однакоже, не смотря на всю очевидность этой истины, есть такіе угодники Запада, кои утверждаютъ, что Кириллъ и Меѳодій распространяли или вводили между Славянами Западное богослуженіе и были поборники Рима, — *Ассеманъ* (Kalendaria Ecclesiae universae, Romae 1755 t. IV. p. 401 sq.), ученый Чехъ *Добнеръ* (Animadver-

siones in Wenc. Hagek Annales Bohemorum t. III. Pragae 1765 p. 197 sq.), и недавно докторъ *Гинцель* (Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der Slawischen Liturgie, Leitmeritz 1857 s. 105 ff). Извѣстный Краинецъ *Копитаръ* (Prolegomena historica in Evangelia Slavice въ Миклошичевой Slawische Bibliothek 1. Wien 1851, s. 59. 64.) будто-бы недоумѣвалъ,—Восточное ли это богослуженіе или Западное: *lingua rituque nescias, graecone* (nec enim schisma extiterat) *an* cui assueti erant *latino* Moravi. Говорить такъ, значитъ говорить голословно, намѣренно *подавлять истину неправдою,* (Рим. 1, 18.), говорить вопреки всѣмъ источникамъ о Славянскихъ просвѣтителяхъ (Паннонскія житія, похвала Константину философу Климента, житіе самого Климента, свидѣтельства Іоанна ексарха, пресвитеровъ Космы и Діоклейца и др.), говорить вопреки исторіи первобытнаго богослуженія у Славянъ и гоненіямъ его отъ латинства; говорить такъ, значитъ вовсе не смотрѣть на происхожденіе Кирилла и Меѳодія, на ихъ санъ и отношеніе въ Славянской миссіи къ Константинопольскому престолу, не смотрѣть на ихъ чистое православіе, выраженное напр. ими въ собственномъ Исповѣданіи вѣры, запечатлѣнное ихъ страданіями и подтвержденное внѣшними свидѣтельствами, значитъ вовсе не знать ни Славянскихъ богослужебныхъ книгъ, ни обрядовъ. Пусть бы говорили сіе природные католики, незнакомые съ Славянствомъ: такъ говорятъ и самые Славяне, знатоки своей древности, но волею или неволею отпадшіе отъ православія, говорятъ на соблазнъ остающихся въ немъ братій своихъ, въ оскорбленіе памяти своихъ просвѣтителей... Это горькое замѣчаніе невольно исторглось у насъ при взглядѣ на совершившееся тысящелѣтіе христіанства и грамотности у Славянъ, на отторженіе такого множества ихъ отъ роднаго, живаго и плодотворнаго корня православія.

К. Невоструевъ.

ДРЕВНЕ-СЛОВЯНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ,

ДОПОЛНЯЮЩІЙ ЖИТІЕ

СЛОВЯНСКИХЪ АПОСТОЛОВЪ,

СВЯТЫХЪ

КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

Истекшее тысячелѣтіе началось призывомъ племенъ Словянскихъ къ дружной христіанской молитвѣ, выраженной въ родномъ словѣ. Виновники Словянскаго Богослуженія, святые Кириллъ и Меѳодій, завѣщали въ немъ грядущимъ поколѣніямъ мысль, сознаніе которой навсегда останется живительною стихіею просвѣщенія Словянъ. Нынѣ, среди возникающаго спора народностей, эта мысль, воодушевляя отрадною надеждою примиренія, можетъ внушить благодарное воспоминаніе о безсмертномъ ихъ подвигѣ.

Кто желаетъ внять такому внушенію, прочтетъ безъ лукавой укоризны и памятникъ, предлагаемый въ первый разъ печатно. Изъ него можно почерпнуть свѣдѣнія о святой ихъ жизни, ихъ борьбѣ, а главное, объ ихъ ученіи и распространеніи ихъ ученія.

Творя память о нихъ по этимъ пѣснопѣніямъ, мы, Словяне, съ подобающимъ настроеніемъ духа вступаемъ во второе тысячелѣтіе нашей нравственной жизни. Да ознаменуется оно успѣхомъ, достигаемымъ при заступничествѣ нашихъ Апостоловъ!

Изданіе это посвящаю имени того Ученаго, который, глубоко постигая смыслъ просвѣщенія разныхъ народовъ, въ самостоятельномъ проникновеніи христіанствомъ признавалъ за Словянами ихъ историческое значеніе. Его воодушевленнымъ трудамъ мы обязаны наукою, начала

которой внушены были ему изученіемъ памятниковъ Словянскаго Богослуженія. Завершая своею жизнью первое тысячелѣтіе сознательной жизни цѣлаго поколѣнія, онъ въ душѣ своей хранилъ завѣтную мысль нашихъ Апостоловъ.

Не будетъ, слѣдственно, противно духу Словянскаго Богослуженія, если послѣ молебныхъ славословій св. Кириллу и Меѳодію, мы, Словяне, почтимъ и его задушевнымъ словомъ.

Похвалами да вѣнчѣѫтъсѧ курилъ философъ новоизбранное множъство приведъ Господеви словѣнъскаго ѩзыка съ братомъ Меѳодиемъ, с нима же пѣтъ вжди ѿцъ ѿ поустъıнѧ рылъскъıѩ.

Тріодь, ркп. XII ст. л. 49.

Издаваемыя нынѣ службы св. Словянскимъ Апостоламъ извлечены изъ рукописи болгарской рецензіи, (1) требующей нѣкотораго ознакомленія съ ея особенностями. Желая сохранить неизмѣнно древній ея текстъ, необходимымъ почитаю указать на этѣ особенности. Въ рукописи этой признаки древняго словянскаго языка замѣчательнымъ образомъ смѣшиваются, а именно:

1. Знаки ˇˇ надъ гласными обозначаютъ a) послѣдованіе гласной послѣ гласной, напр. чистӑ; b) іотированіе, наприм. Божих̆, съжизах̆. Надъ согласными знакъ ʼ замѣняетъ ъ

---

(1) Ркп. эта пергаменная 8° и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1-ый писанъ весьма красиво мелкимъ уставомъ, и заключаетъ службы Господскимъ праздникамъ и нѣкоторымъ святымъ, а въ числѣ ихъ и Слов. апостоламъ. Этотъ отдѣлъ безъ начала, состоитъ изъ 91 л. и оканчивается припискою писца *Добріана*. 2-ой отдѣлъ писанъ разными руками, и заключаетъ собственно служебную Минею отъ февраля по августъ м. включительно. Замѣчательно, что на апрѣль м. помѣщены только нѣкоторые тропари святымъ, тогда какъ за прочіе м. слѣдуютъ цѣлые каноны. Этотъ отдѣлъ заключаетъ 277 л. Ркп. находилась въ Зографскомъ монастырѣ, въ нишѣ его больницы.

или ь, наприм. крѣпкъ, вселшисѧ. Надъ гласными ставится также знакъ ˋ.

2. ь господствуетъ такъ, что слова медь, животь, мирь, троудь, законь—обычно пишутся, но за то также ъ замѣняетъ ь, наприм. благодатъ. Оба знака, слѣдовательно, безъ видимаго различія поставлены.

3. Хотя употребляются ѫ и ѭ, ѧ и ѩ, но звуковое значеніе ихъ смѣшено и зависитъ отъ знаковъ показанныхъ подъ ч. I.

Итакъ a) ѫ=ѩ, напр. ѫзыкъ, влагаѫ (причастіе), Божиѫ, b) ѫ=ѭ мѫдростиѫ.
ѧ=ѧ; ѧ=ѫ напр. имѧщѫѩ; ѧ=ѭ похотиѧ твор. падежъ.
ѩ=ѩ ѩзыкъ, ѩ=ѭ—бесчисльнѫѩ твор. падежъ.

Такая замѣна знаковъ господствуетъ въ цѣлой рукописи, но достаточной ея причины не могу открыть (2).

Подобно сему пишется ê и ıe.

4. Звукъ ꙗ очень часто замѣняется знакомъ ѣ, такъ что ѣ=ꙗ, напр. избавлѣѫ, чѣша, ѣко; зарѣ, имен. падежъ.

5. Знакъ ы господствуетъ, но нерѣдко также и ъı.

6. Замѣчательно также употребленіе знака ѡ въ предлогѣ о, об, на пр. ѡслабно, ѡборимое, и въ нѣкоторыхъ словахъ, наприм. ѡгнемь.

7. Въ употребленіи согласныхъ замѣчу вообще, что вставка д напр. вздроу, и высовка л напр. земꙗ, очень обыкновенны. Но всего болѣе отличаетъ эту рукопись

---

(2) Замѣчательно, что въ прилагательныхъ жен. р. ѫ не рѣдко стоитъ вм. ъı и наоборотъ: паноньскѫѧ, наводненъıѭ вм. паноньскыѩ, наводненѫѭ, также ставится о вм. ъı, напр. всѣкоıѧ.

постоянное писаніе ѕ тамъ, гдѣ оно произошло изъ г, такъ Бозѣ, нозѣ, юзѣ, стѧзати, стьзѧ, прозѧбати.

Сообразивъ показанныя особенности, заключаю, что въ рукописи этой всѣ знаки древнихъ сохранились, но не равносильно. Замѣтно какое-то подражаніе нѣсколькимъ образцамъ, предшествовавшимъ такому образу писанія. Полагаю, что рукопись писана въ XIII столѣтіи.

При изданіи службъ Святымъ почелъ нужнымъ соблюсти слѣдующее:

Во 1-хъ, подъ текстомъ указать на древнее подлинное писаніе такихъ словъ, которыхъ смыслъ затемняется отъ показанныхъ особенностей. Именно это часто можетъ случаться при особенностяхъ ч. 3 и иногда 4 ч. Возстановленіе всего текста по древнѣйшему произношенію, думаю, будетъ лишнимъ; ибо несоотвѣтствіе формъ легко можетъ быть замѣнено собственнымъ соображеніемъ читателя.

2. Къ тексту прибавилъ нѣкоторыя замѣчанія. Онѣ имѣютъ цѣлью пояснить трудность нѣкоторыхъ выраженій такъ, чтобы оправдать подлинный смыслъ текста, не измѣняя въ немъ ни порядка, ни словосочиненія. Только въ трехъ тропаряхъ оказались нужными небольшія поправки. Во всѣхъ прочихъ со вниманіемъ и любовію читающему едвали потребуется какое измѣненіе. Исполняя долгъ издателя, стараюсь сохранить и букву и складъ текста. Соблюдая это, необходимо было, однакожъ, ввести раздѣленіе (интерпункцію) сообразно смыслу, ибо отъ него зависитъ всегда оправданіе текста (3).

(3) При печатаніи текста положилъ еще себѣ правиломъ сохранить надъ словами титла и другіе знаки, согласуясь съ орѳографіею рукописи. Знакомъ интерпункціи согласно съ рукописью принята вездѣ одна точка.

3. Тропари сихъ службъ заключаютъ много важныхъ указаній, которыми, кажется, нельзя не дорожить. Содержаніе ихъ старался пояснить выписками изъ разныхъ извѣстій о жизни святыхъ Апостолъ.

Предваривъ объ изданіи этомъ, долженъ еще сказать, что думаю о сочиненіи сихъ службъ. Несомнѣнно, что образцомъ имъ служили греческіе каноны. На это указываетъ не только самый складъ тропарей, но и еще употребленіе слова *Меѳодій* въ нарицательномъ значеніи. Мнѣ кажется, что службы могли быть сочинены тѣмъ же писателемъ, который сочинилъ жизнь св. Климента. До нѣкоторой степени подтвержденіемъ сему могутъ послужить слова въ самомъ началѣ житія св. Климента, отнесенныя непосредственно къ св. Кириллу и Меѳодію—слѣдующія: *ὧν τὸν πάντα μεν βίον παραδιδόναι γραφῇ εὐχῆς ἔργον ἐμοί· πλὴν ἀλλὰ κρεῖττον τῆς τῆ λόγῳ δυνάμεως.* — Быть можетъ, что желанію этому удовлетворено составленіемъ издаваемыхъ службъ.

Допустивъ это, можно предположить, что службы въ оригиналѣ не позже по крайней мѣрѣ X столѣтія.

В. Григоровичъ.

Февра҃ і҃д.

ПАМѦ҆ ПРѢПБ҃НАГО ѾЦА НАШЕГО КѠСТАНДИНА ФІЛОСѠФА ПРѢТВОРЕНАГО ИМЕНЕМЪ КУРІЛА УЧІТЕЛѢ СЛОВЕНЬСКОМОУ ѪЗЫКОУ.

Ве҃ на ги҃ взва҃ ѡ҃. с҃. ѕ҃. и поіе҃ ст҃ры г҃ по в҃. гл҃. д҃.

1. Красѡтѫ прѣсвѣтлѫіѧ дѣтѣль имѣѧ ѡ҆ч҃е въ весь мирь протекъ. ꙗко пчела Бг҃оразоумиа медь прч҃тый въ ср҃ца влагаѫ вѣроуѫщимь вь едино҃ Ха҃ на земѧ҃ пришедшаго и ѡ҆б҃жившаго ч҃лкы за мл҃ть бесчисльнѫіѧ и многое схождение.

2. Кротѡкъ мѫдростиѫ Бж҃иѫ любве исплънень правовѣрных ѹчении прѣѹкрашень. курїле бл҃жене. грады же и страны ѹловлева Бм҃ъ. бл҃жнене проиде. просвѣщаѫ бл҃гтиѫ несп҃сное имѧщѫіѧ разоумие. сего ради тѧ чтемь ст҃ми пѣсньми.

3. Житиіе беспорока и животь достохвалнь и сьмр҃ть чт҃на прѣ҃ Бм҃ь всѣчьскыимь. емоуже в рѫцѣ ѡ҆ч҃е прѣдасть д҃шѫ праведнѫ исправлениемь. тѣмже тѧ мл҃имь ѡ на҃ к немоу помолисѧ да ѡбрѧщемь милость вѣрно хвалѧщии тѧ.

Сла҃ і ни҃ б҃. на ст҃и въ ѡ҃ и ст҃моу гла҃ и҃.

4. Чистаа дх҃овнаа ст҃ыихь памѧ҃ вселшисѧ въ чт҃ѣ

---

1) прѣсвѣтлѫіѫ — благаіѧ — обожившаго — бесчисльнѫіѫ — снисхождение.

2) Божиіѧ — блажненъі? — просвѣщаіѧ — имѫщѧіѧ.

срⷣци ти. всеблⷭ҇жене курїле. прⷣбне оч҃е. и҆ дх҃мъ лѫкавомь страшна тѧ прогонителѣ показавъ. и҆ не е҆дино страшна нѫ и҆ скрьвенымь недѫгом врачѣ. тѣмъ и҆ дрьзновение и҆мѣѧ къ чл҃колюбцоу Бг҃оу неѡ҆слабно молисѧ. дш҃евныѧ нашѧ скв҃рны и҆ тѣлесныѫ свободи.

Сла҃. нн҃ѣ. троп. гла҃ д҃.

5. Ѿ пелень прїлежно прѣмѫдрѡсть сестрѫ себѣ створивъ. бг҃огласе. прѣсвѣтлѫѫ видѣвъ ꙗ҆ко дв҃цѫ чїстѫ. е҆ѫ же приїемь прїведе. ꙗ҆ко монисты златы сеѫ ꙋкраси своѫ дш҃ѫ и҆ ꙋмъ и҆ ѡ҆брѣтесѧ ꙗ҆ко дроугый кꙋрїль бл҃жене разоумомь и҆ и҆менемь мѫдре.

Зау҃. ка҃. в҃. сѣ҃. вь ѡ҃. ка҃. въ ѡ҃. и ст҃моу гл҃. д҃.

Пѣ҃. а҃. їрмо҃.

Ѿврьзѫ ꙋста моа҆ и҆ напльнѧтсѧ дх҃омь.

6. Въ чѣшѫ прѣмѫдрости бж҃твнѣи ти ꙋстнѣ прїложи напитисѧ сп҃наго питиа҆. разоумомь свѣта ꙗ҆влѣѧ ѫзыком и҆ секыра посѣкаѧщиа҆ льсть непрїѣзнїнѫ.

7. Просвѣщь ꙗ҆ко свѣтило тѧ свѣтодавець Хс҃ Бг҃ нашь всемоу мироу ꙗ҆ви ꙋчїтелѣ. и҆ посла тѧ ꙋчїти темны҃. книгами законоꙋчными. ѫзыкы западныѫ.

8. Ст҃ымъ дх҃мь ѿ пѫчины извлѣче Бж҃иїмь сло҃мь. вьсемꙋ мїроу ꙋчїтелѣ. бл҃говѣриа҆ мѫдре драгый бисерь. книгами бл҃жне ѫзы ѡ҆богати Бж҃иа҆ закона.

---

4) врача — тѣлесныѧ.

5) е҆ѫ вм. ѩже винит. пад.

6) ꙗзыкомь.

7) оучителю ꙗзыкы западныѧ.

д҃. 9. Красныимь прѣимѣѫ небесным силамъ. Бж҃ии бо твои бы҃ храмь дш҃евный. ꙗже въ чрѣвѣ понесе тѧ дв҃аа гора прѣст҃аа твоѧ Бг҃а нашего.

Пѣ҃. г҃. ірмо҃.

Съ высоты сниде волеѫ на земѧ҃ прѣвышнеѫ власти всѣкоѫ. смѣрена възнесе изъ рова прѣисподнѣаго рода чл҃чьскаго. нѣсть ст҃а паче тебе Г҃и.

10. Словомъ и срцемь и ѫзыкомъ Х҃а Сн҃а Бж҃иа проповѣда. прѣмѫдрость же и силѫ и слово въпл҃ьщшееса. блажене. строуꙗми прїтьчнами ꙋдавль трѧзычники.

11. Цѣвница прїтчами ст҃ми истиноѫ ꙗвиса. бл҃жене кѵрїле. гл҃а намь сп҃ниа ст҃мъ ѕвакомь дх҃овномь брацаѫ прѣкрасно. льсть прогналь еси.

12. Ѿ оуме ѡгньный. Ѿ доброгласнаꙗ трѫбо. Ѿ славиꙋ пѣснивый. Ѿ ластовице златогливаꙗ. Ѿ ѫзыче слажеи меда въ прїтчахъ. кѵрїле пр҃мѫдре всѣ҃ на҃ помѣни.

д҃. 13. Съвѣтомъ ѿчемъ безначѧлень сн҃ь ꙗко слово вь ложесна твоѧ ѡсѣнениемь ст҃го Дх҃а Бц҃е вселиса и пльтиѫ родиса и стебе сп҃саѫ дш҃ѧ наша.

Се҃. гл҃а. и҃. по҃. Прѣмѫдрости словеси.

14. Ꙗко зарѣ просвѣщь всѫ земѫ. еретикы гониши ѫзыскаѫ на въстоцѣ и западѣ и сѣверѣ же и югѣ. трѧзычникы правиши проповѣдаѫ странамь. ѫзыкы имь гл҃ѧ и книгы прѣдаѫ. рима же дошедь тоу тѣло свое положи бл҃жне. врѫцѣ г҃ни дшѫ своѫ прѣдавь.

всѣкыѧ.

13) спасаꙗ.

14) зарꙗ, всѫ землѫ, проповѣдаꙗ, прѣдаꙗ, твоѫ.

блгов҃ѣрна оучителю. мл҃и Х҃а Б҃а грѣховъ ѡставленіе подати чтѫщимь любовиѫ ст҃ѫ твоѧ памѧть.

Пѣ. д҃. ірмо.

Сѣдай въ славѣ на прѣстолѣ бж҃тва.

15. Дроугый авраамь прѣселеніемь блжене бы ѿчьства. похотиѧ прѣмѫдрости большѫѧ ꙗко златыми монисты оукрасильсѧ еси. лоучами прѣсвѣтлами ѕѣло ѡблисташесѧ.

16. Копиемь словесъ твоихъ ꙗко зѫбриѫ принесль еси. мадиамстѣй ереси горко пріложьсѧ. тѣлеснаго ѡбраза ѿмѣтаащесѧ ꙗвльшагосѧ въ пльть І҃са еврейскааго.

17. Равносѫщнѫіѧ проповѣдаль еси ст҃го Д҃ха силѫ Ѿ҃цоу и С҃ноу трьслнчнааго свѣта. имже бжиї бываемь по поданиоу с҃нове свѣтоу и истиѩ наслѣдници.

18. Избавльшесѧ прьваго ѡсѫжденіа адамова тобоѫ д҃вце ѡбрѣтохомь радость неизглаголанѫіѧ. бл҃веніе бо всѣмь родила еси с҃на бжіа въ нашъ ѡбразь.

Пѣ. е҃. ірм.

Нинѣ въстанѫ пр҃рчскы ре҃ Б҃ъ. нн҃ѣ прославлѧсѧ. нинѣ възнесѫсѧ падшаа го пріїмѫ ѿ дв҃ы и къ свѣтоу дивно възнесѫ моего бж҃тва.

19. Мысліѫ своеѧ оукрашьшюсѧ блжне добрѣ. бл҃гть излиꙗсѧ тебѣ въ оустнѣхь. дх҃овномѫдре. и нечьствоуѫ-

15) похотиѩ.
15) ѡблистаіѫсѧ.
17) равносѫщнѫѩ.
прославлѩсѧ.

щихь глѫбинѫ и́соуши наводненыѭ словесы твои́ми.

20. Стоꙗ́ше крѣпко пособьствоуѭ по вѣрѣ. мѫдре. льсти прѣтыканиаа посѣка́ѧ словом ти. равнѣѭ вѣрнымь бж҃твнѫіѧ стьѕѫ наставлѣѭ въ градь хв҃ь послꙋшливыѭ.

21. Прѣплаваѭщоу дивно безднѫ твои́мь словомь и́ притчами. курїле бл҃жне. ѿ ѫзы мрачныѧ бл҃гоѭ бѣроѭ въи́стинѫ въ вышнѧіѧ ѡ́бїтѣль вшель е́си.

22. б҃. Спаѭ чл҃кы ѡц҃еви равень сн҃ь и чл҃къ бывае́ть и́стебе прч҃таꙗ пльть прие́мь. и́ земныѧ бл҃гы ств҃рь и небн҃омоу цр҃твиоу сн҃ы съдѣлаль есть.

Пѣ. ѕ҃. їрм҃.

Придь въ глѫбины мо́рскыѭ и́ потопила мѧ е́сть боурѣ прѣгрѣшении́ моихъ. нѫ ꙗ́ко Бь҃ съшедь възведи и́с тлѧ животь мои́ прѣмл҃тиве.

23. Сьнемь мр҃твитсѧ приложьсѧ а́гарѣнѣхь. ꙗ́ко зьмиа́ живѫщи, въ прит҃чахь трїсл҃нчно и́зь е́диного Бж҃ства силоѭ неи́знемагаѭ.

24. Ꙗко и́ зѧбрьна стрѣла ꙗ́висѧ е́ретикомь врагомъ е́мм҃ена въ тоулѣ ст҃ѣмъ. пр҃рчскы ꙗ́ко же пишеть хранѧщеесѧ бж҃твомь и прострѣлѣѭще врагы.

25. Възлюбивъ и́змлада мѫдрость и́стиннѫѭ мѫдрость сестрѫ себѣ приѧ́ль е́си. и ꙋмѫдрисѧ Бм҃ь бл҃жене и ꙗ́висѧ любомѫдрець.

---

19) своеѭ — наводненѫѭ.

20) пособъствоуіѧ — равнꙗіѧ — божествьнѫѭ — наставлꙗіѧ — послоушливыіѧ.

21) вышнѭѭ.

22) спасаіѧ.

23) моръскыіѧ.

23) изнемогаіѧ.

26. б҃. Іезекииль врата тѧ видѣ. имиже проїде единь вышнии Бг҃ъ. из ложеснь ст҃хъ твоихъ прошьдь пльтиіѫ прч҃таа. и не ѿврьста ѡставиль есть ихь.

Кон҃. гл҃. в҃. по҃. Тврьдыѫ и бг҃огаⷭ҇.

27. Тврьдымь и Бг҃одъхновеннымъ ꙋчениемь просвѣщаѫ мирь прѣсвѣтлами зарѣми. ѡбтече ꙗко мльнии вселенѫіѫ (кꙋрїле бл҃жне) расѣваѫ прѣсвѣтлое Бж҃ие сл҃во. на западѣ и сѣверѣ и ѭѕѣ мїрь просвѣщаѫ чюдесы.

Ікоⷭ҇.

28. Прѣсвѣтлое житие възлюбивъ мѫдре зарѣми трьсл҃нчнаго Бж҃тва ѡсвѣтимь проиде ꙗко мльнии вселенѫѫ сѣверскѫіѧ и южнѫѭ просвѣтивъ странѫ. западныимже свѣть незаходимъ всиа. тѣмже и мнѣ мракъ грѣховный прогнавъ бл҃жене свыше испроси послати бл҃гдтъ дх҃овнѫѫ. имаши бо дрьзновение къ Бг҃оу непрѣстанно мл҃итисѧ за всѧ.

Лю҃. мирь просвѣщаѧ чюдесы.

Пѣⷭ҇. з҃. ірмⷭ҇. Не послꙋжїшѧ твари.

29. Словесными пищалми бл҃жене прїзываѫ ѡвцѧ въ ограды ст҃ыѧ. мѫдрами прїтчѣми красѡтоѫ и сластиѫ словесъ твоихь.

30. Не ꙋстрашисѧ. ꙋчїтелю. воинскы единь внити въ плькъ жидовскыи. всѣхже народь ихь мѫдростиѫ

---

27) хранѧщисѧ.

27) просвѣщаіѧ, расѣваіѧ.

28) зарꙗми — вселенѫѭ — сѣверскѫіѫ.

разврьзе стльпъ. ꙗко и ѡнь ханаѡньскый пророчьскамі прітчами.

31. Тебе источника знаменана всѣмъ правѣи вѣрѣ. бл҃жне. воды сладоточныѫ напаꙗѭща всегда сн҃ы благовѣриꙗ. и неплвнѣѭща ꙗко рѣкѫ теченіемъ цр҃кви гн҃ѧ.

32. Небесъ ширшѫѫ сѫдѣꙗ Бж҃. браконеискоусна. в ложесна твоꙗ вселивсѧ прч҃таꙗ. тѣмже мл҃имтисѧ стѧжаѭщіа мѧ прѣгрѣшеніа избави широтоѫ покаꙗніа ми.

Пѣ҃. и҃. ірмо҃. Отроки бл҃гочстивы.

33. Свѣтѣ пріложьсѧ свѣть ꙗвисѧ внатиꙋ еже ѿ Бг҃а. фулшсофе. инь бо ѡбрѣтесѧ павель дѣтѣлми прѣтекъ всѧ земѧ въ ѩзыцѣхь. сл҃нца свѣтлѣе сиꙗѫ. словомъ ꙋченіа ти вьпиѫ. Гл҃а поите дѣла.

34. Ꙗкоже прѣтрьжесѧ сънмь еꙋреискый ѡстротоѫ словесь твоихь. бл҃жне. вь градѣхь сѣверскыхь вь хазарѣхь пріложи ти сѧ. ты бо множство посѣче ꙋчителю ст҃ыи. ꙗко голиада дв҃дъ въ поганѣхъ.

35. Велика тѧ ѿплота и тврьдь земѣ паноньскаꙗ имѧщи бл҃жне. влади еретичьскыѫ роушить книгами триѧзычникы. крѣпко наоучена тобоѫ. тѣмже тѧ ꙋчителѣ мѫдраго поминаѭще присно Х҃а прославлѣемь.

36. Книгами ꙋченіи. Дв҃о. ст҃хь пр҃ркь бц҃ѫ вѣроѫ проповѣдаемь. ты бо роди ѡтрочѧ ветхаго дн҃ьми ꙗко нова чл҃ка. тѣмже тѧ прѣст҃аа поемь и прѣвъзносимь.

---

29) прізываѩ.
31) сладоточнꙑѩ.
32) стѫжаѭща.
33) сиꙗѩ.
34) ꙗкоже.
35) земліа—имѫщи—еретичьскыѩ—оучителѩ.

Пѣ҃. ѳ҃. ірм҃.

Єува ѹбо недѫгомь ѡ́слоушаниа́ клѧтвѫ вселила.

37. Ѣко свѣтило тѧ чт҃но Хс҃ взложи. бльщѫщасѧ въ кон҃цихь. мѫдре. въ вѣнци цр҃квнѣмь. єгоже ради до смр҃ти подвиѕасѧ. ѹмножа́ѧ вѣрныхь въспитаниє разоумомь и҆ говѣаниє́мь.

38. Паѹ̀лоу бл҃женоѡ́моу ѹченикь бы҃. єгоже дѣтелми послѣдоуѫ. проиде до краи́ западныи́хь. слово расѣва́ѧ въ ѫзыцѣхь. въ ѡ́киа́нѣ. и в римѣ дх҃ь свой в рѫцѣ Бо҃у своє́моу прѣдасть.

39. Ꙗко сл҃нце на земли вьсиꙗ́. ѹчїтелю. всѫдоу притчами лоучами бг҃огласиа́ просвѣщаѫ. поѫщѫѫ́ тѧ вѣроѫ́ и҆ ѡ́ рацѣ стоѫщихь твоего тѣла. помѣни блажене своѧ́ ѹченикы.

ѳ҃. 40. Лоучами твоего свѣта прч҃таа дш҃ѫ моѫ́ нинѣ просвѣти лежѫщѫ въ гробѣ гыбѣлнѣмъ. въздвигни. врагы скроушаѫ́щи ѡ́скрьблѣѫ́щѫ присно дш҃и моє́й и къ грѣхомь порѣѫщѫѧ мѧ.

Свѣт:

41. Ѣко свѣтилника тѧ Хс҃ мирови показа и҆ ѹчїтелѣ вселенѣи́ прѣбл҃жене кирїле. солоуи́скаа́ ѿрасли. тѣмь и намь поминаѫ́щимь чет҃нѫѫ ти памѧ҃ ѿ него испроси(мь) милость.

---

36) вѣрѫѭ.
37) ꙗко.
38) послѣдоуіѧ.
39) просвѣщаіѧ—поѭщѧіѧ.
40) ѡскрьблѣѭщѧ — порѣѭщѧіѧ (τοὺς ἐχθροὺς ὠθοῦντας μὲ εἰς τὰ ἁμαρτήματα.

Мц҃а априлиа ѕ҃.

ПРПДБНАГО ОЦ҃А НАШЕГО МЕѲОДИА И КИРІЛА ФИЛОСОФА ОУЧІТЕЛѢ СЛОВѢНОМЬ.

Вс҃ на г҃и взва ѡ҃ с҃ ѕ҃. и поіемь ст҃и. г҃. по в҃ щи. гла҃с. д҃. по҃. дасть зна.

1. Законь бл҃гти наказателѣ стѧжавси. ст҃лю Меѳѡдиіе. тѣмъ оубо бы ст҃мъ боуквамь прѣмѫдръ ѡбратникъ. и прѣдаль еси своимь людемь и стадоу оучениіе ихъ. имиже чтѫще и поучаѫщесѧ вь ст҃ыѧ книгъі бл҃вѧть г҃а. блажим тѧ достойно.

2. Гн҃ь. Меѳодіе бл҃жене. словесы послѣдоуѧ. бг҃ословѣше ꙗвѣ ѡ҃ца оубо родителѣ словеси сѫща. изложителѣ дх҃оу прѣст҃моу. и еще же истѣе испыташе вьпиѧ. ѿ ѿца оутѣшителѣ не ѿ сн҃а ꙗвѣ гл҃ѧ исходѧща. тѣмже ꙗвисѧ прьвааго сънма ѡ҃цемь то(го)же гл҃ѧ бг҃огласе. с тѣми молисѧ Сп҃соу. да сп҃ет ны всѧ.

3. Ап҃лскѫѫ бл҃гтъ не исполоу ѿ Б҃а приімь. ѡ҃че меѳѡдиіе. прр҃чствоу сп҃бисѧ и чюдесь же ѿ почьтшаго тѧ достойно гл҃ати прѣжде бѫдѫщаа ꙗко настоѫща. мѫдре. радуисѧ слѣпымъ видѣниіе и бѣсомь прогонителю и недѫжнымь врачь славне. тѣмже подаждь намь грѣхомъ ѡставлениіе и велиѧ мт҃и.

---

1) наказателꙗ.

2) родителꙗ—изл жителꙗ—оутѣшителꙗ.

3) велиѭ.

Сла і ни б. на сти вь ѡ. на ѿпоу. тро гла д.

4. Сщенника ти хе творяще свѣтло трьжство . .ениа. млти твоея свыше подаажь. ѿврзи же цртвиа двери. раздрѣши же іязы наша многыхь грховь. ходатаиствомь Влко стго ти ученика ѡца нашего.

КАНОНЪ, гласъ в.

Пѣ. а. ірм.

Грядѣте люе поимь.

5. Дажь Хе Спе едине млрде слово пространно. млясѧ твоея млти. да стлѣ ти вьсхвалѧ меѳодиа и тѧ прославлѧ.

6. Ѡставивь родь и ѡчьство подроужие и дѣтиї. сте оучїтелю. в поустыни изволи сь стыми ѡцы жити прѣславне.

7. Брань лютѫ посрамивъ оче бѣсовьскѫіѧ. брань лютѫ утоли грѣхь моихь учтлю меѳѡдие млтвами ти.

в. 8. Кто изрещи тебе достоино можеть. зачѧтиѐ ти паче словесе. Ба бо роди пльтиѧ прчтаа. намь ꙗвлена Спа всѣмь.

Пѣс. г. ірмо.

Оутврьди насъ собоѫ Ги.

9. Ѡ прѣславне. кто можеть изрещи меѳодиа дѣтѣли. и троудь еже пострада ѿ бѣсь трїѫзычникъ.

---

4) оуспениа.

5) іѧзы, ѫзы.

6) молѭсѧ—вьсхвалѭ—прославлѭ

7) бѣсовьскѫѭ.

8) пльтиѭ.

10. Медѡдніє сте҃. дарь ты прия҆ть ѿ Бг҃а и҆ подасть трєвоужщимь славѧщимь Бг҃а прославьшаго тѧ.

11. Є҆же ми подасть бг҃атьство Хе҃ сп҃е. блаждно живь погоубихь ѡкаа́нный. нѫ ѡ҆богати мѧ покаа́ние́мь.

д. 12. Марие́ златаа́ кадильнице. ты страстный мой смрадь (отьжени). Ѹтвьрди колѣбѧщасѧ мене прїложенні́ємь льстиваго борца.

Сѣ҃. гла҃ д҃. по҃. Оудивисѧ ї҆ѡсїфь.

13. Ꙗ҆ко сл҃нца свѣтлость вьстока тѧ Хс҃. вьсиниавь кь западоу о҆ч҃е посла мѫдра Ѹчїтелѣ медѡдна́ всѣмъ. просвѣщаѫща грады многы и҆ страны. боуквами твои҆ми почїтаѫщѫ вьсѧ книгы Бг҃одъхновенный бл҃жене. Ѹчениа́ Дх҃а прѣст҃го. нинѣ молисѧ непрѣстанно ѡ҆ хвалѧщих тѧ.

Пѣ҃. д҃. ї҆рмо҃.

Оуслышахь Гі҃ слоухь твои и҆ оубоа́хсѧ. разоумѣхь...

14. Тѧ и҆мать ѡ҆ч҃е земѣ моравьскаа́ стѣнѫ твьрдѫ. є҆ѫже побѣждае́мь є҆ретикы.

15. Ѿдеснѫѫ прѣстоѫща прѣст҃ыѧ Тр҃цѧ Ѹчїтелѣ. молитасѧ съхранити стадо славѣньское.

16. Дш҃ѫ своѫ и҆ тѣло же ѡ҆скврьнихь неключимаа́ дѣлаѧ. нѫ сп҃се ѡ҆чисти мѧ своеѫ си м҃лтиѫ.

д. 17. Мл҃тисѧ Пр҃чтаа́. заченши Бг҃а бесѣмене. прїсно молисѧ за рабы своѫ.

---

13) оучителꙗ—почитаѭщѫ.

14) земꙗ—еѭже.

15) оучителꙗ.

16) своѭ—своеѭ—милостиѭ.

17) молѭтисѧ.

Пѣ҃. е҃. ірмо҃.

Свѣ҃та подателю.

18. Истый настолникъ апл҃а славнаго андроника славне ꙗвися. Ѹкрасѧ прѣстолъ ст҃ыѧ цр҃кве пононьскѫѧ мѫдре.

19. Тѧ молимъ. медѡдніе ст҃лю славне. разгнаное еретикы стадо твое схрани въ вѣрѣ правовѣрнѣй мл҃твами си ѻч҃е.

20. Пѫчинѫ прѣплаваѧ житіискѫѧ прѣлетѣ ѡч҃е ѡрелскы. потаплѣема мѧ грѣхы. ст҃е. изведи мл҃мся мл҃твами си мѫдре.

б҃. 21. Тебе рожьшѫѧ творца всѣчьскымъ въпнемъ ти радуися Пр҃чтаа. радуися вьсиꙗвши намъ свѣтъ. радуися вьмѣщьши Бг҃а невмѣстимаго.

Пѣ҃. ѕ҃. ірм҃.

Въ безнѣ грѣ҃.

22. Ты ѿ запада ст҃е вьсиа. ꙗко же ѕвѣзди своѧ лоучѧ слѫщи до вьстока и севера и до юга славне медѡдніе.

23. Еѫ же слоужбѫ славне пріѧть ѿ Хр҃а сп҃а млрдаго. сконча ст҃лю ꙗко вѣренъ рабъ Гв҃у своемоу.

24. Калъ грѣховъ моихъ измый мѧ щедре Сп҃ителю. едине млрде. ты бо единъ имаши власть Гн҃и ѿпоущати грѣхы.

д҃. 25. Вѣрнаго црѣ нашего Ѹтвьрди. побѣдѫ даѧ

18) паноньскыѧ.

23) іѭже.

25) царѧ

е́моу ꙗко всемогый на варвары Влко. рождейсѧ и́с чистыі́ѧ и безмѫжныі́ѧ матере.

Ко. гл. в.

26. Бжтвна и́ вѣрна меѳѡдиа́ вси вьспоимь люе́. и́ любовиѧ́ ꙋблажимь ꙗ̀ко пастырѣ великаго словѣномь. слоужителѣ наꙋчи честно. прогонителѣ е́реси. молитбосѧ ѡ всѣхь насъ. ікос.

27. Цртвиа́ паномиа́ коупно новии́ сѫще людие́. тебе пастырѣ чтна свѣдѧщи радуетсѧ. дѣтели ти поспѣшьствоуе́мь. троуды и́ болѣзни похвалнаа́ таи́но тебе почита́ѧщимь мꙋ̀ро многочестно меѳѡдиі́є стлю. лю: млисѧ непрѣстанно ѡ́ всѣхь насъ.

Пѣ. з. ірмо.

Ѡ тѣлѣ златѣ на поли диерамли слоужі.

28. Ѡ ваоу̀ стаа хвалитсѧ славно градъ солоунскый. курїле сте и́ меѳѡдиі́є. мисиа́ и паномиа́ и́ моравьскаа́ блжене земѣ. славѧщи и́ бьпиѧ́щи блнъ бь.

29. На камени ты бѣры ꙋтврьди ноѕѣ свои́ блжне. и́ неподбиѕа боу тебе сте противных дховъ. нѫ ꙗко храберь борець противѧсѧ имъ поа́ше. блнь бь ѡ́ць.

30. Сьбодена мѧ разбоинникы Хе и́ ꙋꙗ́звена помилоуи́ мѧ. млѧсѧ тебѣ. и́ възлѣи́ масло на мѧ о́бычаи́ млти си. ꙗ́ко да бсхвалѧ тѧ бже блнь е́си.

ѳ. 31. Невеществьна свѣта селище твое чрѣбо бь.

---

26) любовиѭ—пастырꙗ.

27) панониꙗ, пастырꙗ.

28) о ваю—земꙗ.

30) молѭсѧ, бъсхвалѭ.

свѣтлостми Бжиа разоума безбожіе ѿгнавши чтаа его. невѣсто Дѣце. еже поемь въпиѫще блнь бь ѡць.

Пѣ. и. ірм.

Вь пещь ѡгньнѫѫ кь дѣтемь еѵреискымь сьшьшаго и пламень на хладь прѣложьшаго Ба поите всѣ дѣла Га и прѣвьзносите его вь вѣкы.

32. Теклоименить сте медѡдніе ты бы. кьзни бражиѧ низложивь славне Ѹчітелю прѣмѫдре. поите вьпиѫще блви всѣ дѣла Га поите и прѣвъзносите.

33. Архиереи ты бы по чиноу аароню жерьи блжене агньца. рѫкама си стыма вѣрнымь. пож блвите всѣла.

34. Нощь люта мѧ Хе грѣховнаа постиже и лютѣ ıако ѡмрачи дшѫ моѫ. молѧтисѧ Бе просвѣти и на покааніе настави поѫща тѧ вь вѣкы.

б. 35. Изнемогшѫ многыми прїлогы лѫкаваго. Бце. ѡкааннѫѫ дшѫ моѫ цѣлебнами мтвами дѣвице сдравѫ сьдѣваи да тѧ прославлѣемь вѣкь.

Пѣ. д. ірм.

Іже ѿ Ба Бь сло. неизрѣннѫѫ мѫдростиѫ пришедша ѡбновити адама ıадиѧ тлѣниа падша лютѣ. ѿ стыѧ же дѣцѧ неизрѣнно вьпльщаемаго на ради пѣнми величаем.

36. Тѧ блжене поеть земѣ морабьскаа. честно твое тѣло имѫщи и паноньскаа стлю просвѣщена тобоѫ. и людіе ею сьшедшесѧ праздноуѫть твоѫ памѧть.

---

32) благословите—прѣвозносите.

33) поıа.

34) молѭтисѧ—поѭща.

35) моѭ 36) земıа—имѫщи—твоѭ.

37. Ймаща. ст҃аа́. прѧ́ ѡ́ ст҃ѣй тройцн. кѵ̀рїле пр҃пбне медωдніє ст҃лю. стадо ва́ю ст҃ое ходаще по земи стра́н-нѣ́й съхранше растита мл҃вами си блаженаа́.

38. Нинѣ припа́ж ѹ҆чїтелю ст҃е молѧсѧ тебѣ. Ѹмале-ное́ се пѣниіє прнїми и просиже ѿпоустъ грѣховъ моих ѿ сп҃са Х҃а.

д҃. 39. Ра́уйсѧ прѣст҃аа́ Бц҃е Маріє. ра́уйсѧ непороч-наа́ йскоуса мѫжска непознавшна́. ра́уйсѧ свѣтило всемоу мироу рожьши. мл҃ащї непрѣстай къ Бг҃оу сп҃соу.

---

37) прѭ.
38) припадаѭ, молѭсѧ.

ЗАМѢЧАНІЯ

ПОЯСНЯЮЩІЯ СМЫСЛЪ ТРОПАРЕЙ.

КАНОНЪ СВ. КИРИЛЛУ.

Тропари:

1) въ весь мирь—предлогъ *въ* кажется лишній. схождение—*συγκατάβασις*—вм. снисхожденіе.

2) Трудныя выраженія сего тропаря поясняю тѣмъ, что принимаю блажнене (вм. блажненꙑ) и имѫщѫѭ въ винит. падежѣ. Итакъ тропарь этотъ будетъ имѣть слѣдующій смыслъ: Кротокъ мудростію, исполненъ любви, Кирилле блаженне, правовѣрными ученіями преукрашенъ, ты уловливалъ грады и страны именемъ Бога, и прошелъ соблазненныя, (т. е. страны,) просвѣщая благодатію (людей) имѣющихъ неспасительное мудрованіе *οὐ σωτηριώδη γνῶσιν*).

3) Богомь всѣчьскыимь срав. 21 тр. Канонъ Меѳодію; исправлениемь *τῷ κατορθώματι*.

8) Чтобы лучше понять выраженія сего тропаря, надобно замѣтить, что 2-е лице глагола извлѣче относится къ подлежащему предыдущаго тропаря. Если это такъ, то 2 л. глагола обогати заставляетъ предполагать, что въ текстѣ выпала частица, тѣмъ. Смыслъ тотъ: Тебя Богъ извлекъ изъ пучины учителя, потому то ты обогатилъ и проч.

9) Красныимь прѣ.. и пр. Выраженія сего ѳеотокіона мнѣ непонятны. Слово сложенное изъ прѣ и причастія имѣѧ трудно привести въ связь съ цѣлымъ періодомъ.
Въ ирмосѣ »съ высоты сниде« замѣтить, что сниде и бьзнесе суть вторыя лица аориста, а всѣкоѫ вм. бъсѣчьскыѩ т. е. род. пад. Перевожу слѣдственно такъ: ты низшелъ волею, которая выше всякой власти.

16) Копиемь словесь. Выраженія сего тропаря до нѣкоторой степени могутъ быть уяснены, если слова мадиамстѣй ереси пріймемъ въ предл. падежѣ, а отмѣтаѧщесѫ въ винит. пад. вм. отмѣтаѭщесѧ. Итакъ будетъ: Обращаясь съ мадіамляны т. е. срацины, ты принесъ въ жертву, ты повергъ какъ зубровъ тѣхъ, которые отвергаютъ тѣлесный образъ Іисуса Христа. Слово зѫбриѫ т. е. зѫбриѭ понимаю какъ винител. падежъ собират. (подобно слову братиꙗ) отъ зѫбръ. Чтобы это слово означало Замвріа, сомнѣваюсь, ибо не только ам замѣнено было бы въ ѫ, но и *в* въ *б*. См. троп. 27.

19) Наводненыѭ вм. наводненѫѭ вин. пад.

Придь вм. придъ; аористъ этотъ рѣдко встрѣчается въ рукописи.

23) Живѫщи. Причастіе живѫщи согласовано съ существ. объяснительнымъ, не съ подлежащимъ. Мнѣ кажется, должно быть: сънемь ꙗко зьмиа живъıи.

24) Зѫбрьна стрѣла, см. тропарь 17, подтверждаетъ догадку, высказанную по поводу слова зѫбриꙗ.

—е́м҃мена сего слова пояснить не могу.

—хранѧщеесѫ относится къ слову стрѣла.

30) Всѣхъ народь стльпъ, родит. пад. множ. числа народъ относится къ слову плькъ, какъ имени собирательному.

31) Тебе источника и пр. Въ этомъ тропарѣ пропущено слово молимъ.

33) Внѧтиоу. Смыслъ сего слова поясняю изъ глагола вънѧтисѧ горѣть, и перевожу: явился свѣтъ божественнаго пламени. Дат. вм. род. см. Dobrow. Inst. linguae Slav. Syntaxis § 24. Слово внѫтиоу въ смыслѣ *пониманія* не можетъ согласоваться съ слѣдующимъ: еже отъ Бога.

34) Ѣко прѣтрьжесѧ. Въ тропарѣ этомъ реченіе приложитисѧ читаю какъ три слова; слѣдовательно смыслъ будетъ: когда поколебался сонмъ еврейскій, то приложился къ тебѣ и пр.

35) Велика тѧ оплота. Отъ глагола роушить зависятъ два винит. падежа: блѧди еретичьскыѭ и триѫзычникы.

38. О словѣ ѡ́киа́нѣ см. прим. 38, къ канону сему.

40) Лоучами твоего свѣта. Въ тропарѣ этомъ выраженіе въздвигни врагы съкроушажщи будетъ понятно, если предпоставимъ союзъ *и*, т. е. просвѣти и вздвигни сокрушая.

41) Ѣко свѣтильника испросимь, вѣроятно вм. испроси.

КАНОНЪ СВ. МЕѲОДІЮ.

2 Господнь—можетъ быть объяснено какъ прилагательное всѣхъ родовъ, срав. исполнь, свободь. Въ тропарѣ этомъ господнь поставлено вм. господскы словесы послѣдовати; срав. кан. св. Кириллу троп. дѣтельми послѣдоуѭ 38; тогожде вм. тожде.

4) Свѧщенника ти и пр. Начало стертаго слова сего тропаря дополняю такъ: оуспениа.

5) молѧсѫ (молѭсѧ) твоеѧ милости, род. пад. при глаголахъ возвратныхъ.

12) Прибавкою слова отъжени возстановленъ смыслъ, приличный сему ѳеотокіону.

13) Ꙗко слънца свѣтлость.—Въ этомъ тропарѣ замѣтить пропускъ предлога отъ при словѣ вьстока, и значеніе словъ Меѳодиа всѣмъ. Имя Меѳодій, какъ мнѣ кажется, употреблено здѣсь нарицательно, какъ бы для объясненія предъидущаго. Перевожу его такъ: послалъ мудраго учителя, *путеводителя* всѣмъ. Очевидно, что сочинитель канона примѣнилъ смыслъ греческаго *μεθοδεύω* къ существительному Меѳодій.

15) Славѣньское—такое писаніе слова будетъ, кажется мнѣ, первымъ древнимъ указаніемъ двоякаго производства названія *Словянъ и Славянъ*.

23) Єѫже, замѣчательное смѣшеніе формъ: єѫже и ѭже.

26) Слоужителѣ. Если слово это зависитъ отъ глагола наоучи, то слѣдовало бы писать: слоужителѧ.

27) Цр҃ствиа Паномиа.—Смыслъ тропаря при такомъ размѣщеніи знаковъ препинанія будетъ, кажется, ясенъ. Перевожу: Паннонія радуется, мы содѣйствуемъ твоей доблести, а похвальные труды и заботы для твоихъ

почитателей (т. е. читающихъ книги твои) суть мѵро многоцѣнно, о св. Меѳодіе! Замѣтить похвальнаа дв. числ. прилаг. им. при двухъ существительныхъ разныхъ родовъ.

28) Назвать Болгарію Мисіей не могъ, кажется, природный словянинъ. Замѣтить отдѣльное упоминовеніе Панноніи и Моравіи.

29) Въ этомъ тропарѣ пропущено, кажется слово сила, безъ котораго смыслъ неясенъ. Подвизати, т. е. поколебати, съ дат. пад. см. Dobrov. Inst. Synt. 43.

32) Теклоименить М. и пр.—Слова бъпижще благослови принимаю какъ вставочное предложеніе.

34) Лютѣ ѧко —лютѣ ѕѣло.

36) Людие его съшедъщеся: указаніе на чествованіе памяти св. Меѳодія въ хорутанскихъ (Панноніи) и моравскихъ земляхъ.

37) Имѫщи свѧтаа прѧ стадо ваю ходѧще по земи страннѣи.—Слова эти обращаютъ особенное вниманіе. Изъ смысла ихъ можно бы заключить, что каноны Святымъ Апостоламъ были писаны сочинителемъ житія св. Климента, въ которомъ находится подобное упоминовеніе.

ПРИМѢЧАНІЯ,

УКАЗЫВАЮЩІЯ НА ПОДОБНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ ВЪ ДРУГИХЪ ИСТОЧНИКАХЪ.

Службы св. Меѳодію и св. Кириллу суть, если не ошибаюсь, древнѣйшій памятникъ, касающійся житія приснопамятныхъ Словянскихъ Апостоловъ. До недавняго времени едвали была извѣстна пергаменная рукопись, заключающая болѣе подробностей объ нихъ. Древность, слѣдственно, и содержаніе представляемыхъ памятниковъ могутъ подавать поводъ къ подробному ихъ толкованію. Имѣя однакожъ въ виду пояснить содержаніе нѣкоторыхъ тропарей только, долгомъ считаю дать отчетъ о тѣхъ матеріалахъ къ жизнеописанію нашихъ первоучителей, которые посчастливилось мнѣ собрать въ разныхъ странахъ. Слѣдующіе матеріалы находятся у меня:

1) *Βίος καὶ πολιτεία — — — τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἐπισκόπου βουλγαρίας, συγγραφεῖσα παρὰ τῶ ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης ἰουστινιανῆς καὶ πάσης βουλγαρίας κύρι Θεοφιλάκτος*—ркп. на толстой бумагѣ, какъ мнѣ кажется, XIV или XV стол., найденная въ Охридѣ. Рукопись эта заключаетъ нѣкоторые варіанты противъ печатныхъ изданій. Такъ какъ содержаніе ея извѣстно, то не почелъ нужнымъ приводить изъ нея выписки. Замѣчу только, что споръ о происхожденіи Св. Духа, изложенный въ рукописи, подтверждается также службами обоимъ Святымъ.

2) *Βίος τῶ ἁγίου Κλήμεντος*—краткое житіе, выписанное мною изъ ркп. пергаменной, находящейся въ Охридѣ. Оно издано въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1847 года № 1.

3. *Житіе и жизнь блаженнаго оучителя нашего Константина Философа, пръваго наставника словенскоу езыкоу.* Выписано изъ большой ркп. Срб. рец. XV ст., заключающей слова Св. отцевъ и житія Святыхъ, и находящейся въ Рыльскомъ монастырѣ(1). Это такъ называемое 2-ое паннонское житіе. Оно, мнѣ кажется, есть пространное изложеніе краткаго житія приписываемаго св. Клименту. Предполагаю, что оно составлено Евѳиміемъ, патріархомъ Болгарскимъ, въ сочиненіяхъ котораго замѣтно стараніе распространить и дополнить краткія свѣдѣнія.

4) *Похвала свѧтому Кириллу, оучителю словѣнскому ѩзыкоу, сътворена Климентомъ Епископомъ.* Этой похвалы имѣю полный списокъ изъ Макарьевской Четьи Минеи и выписки изъ ркп. Срб. рец. Содержаніе похвалы впрочемъ есть краткое изложеніе того, что находится въ житіи, показанномъ подъ числ. 3.

5) *Слово похвалъное на памѧть свѧтымъ и прьславнымъ оучителемъ словенскоу ѩзыкоу, сотворшима письмены емоу и преложшима новый и ветхій законъ въ ѩзыкъ ихъ* (sic), *блаженномоу Кириллоу и Архіепископоу Паннонскоу Меѳодію.* Нач.: *и Богоу и Спасоу нашемоу Їсъ Хоу многымъ и непзреченнымъ человѣколюбіемъ помиловавшоу родъ человѣческыи.* — Выписано изъ Макаріевской Четьи Минеи. Похвала эта, не совсѣмъ сходная съ 1-мъ паннонскимъ житіемъ, заключаетъ въ себѣ подробности, о которыхъ сообщилъ ученый въ журналѣ Москвитянинѣ 1843 г.

6) Прѣподобнаго отца Меѳодія, епископа Моравскаго — краткое житіе, найденное въ Валахіи въ ркп. Русск. рец. Оно сходно съ житіемъ, помѣщеннымъ въ изданіи Академика М. П. Погодина. Кир. и Меѳ. словенскіе первоуч. 1826.

(1) См. Очеркъ путешествія по европейской Турціи стр. 187.

7) Тропари св. Меѳодію находящіеся въ рукописи, изъ которой взяты и настоящія службы. Въ этой же рукописи находилась еще служба св. Меѳодію на 14 іюля, но во время продолжительнаго перевоза моихъ рукописей кто-то успѣлъ ее вырѣзать.

8) Тропарь св. Кириллу и упоминовеніе о св. Меѳодіи—въ Апостолѣ Охридскомъ.

9) Тропарь св. Кириллу и Меѳодію въ тріоди XIII ст. изъ м. Дохіара, см. эпиграфъ (а).

Примѣчанія мои, поясняющія содержаніе службъ, будутъ основываться на источникахъ 4, 5, 6, 7 и 8-мъ (1).

1. КАНОНЪ СВ. КИРИЛЛУ.

Къ троп. 2. *блажнене проиде просвѣщаіѧ.*

2) Бѣсовскоую лесть прогонѫ и поганскыи мракъ и поганскоую лесть *освящаіѧ*. 4. ч. (2).

Къ тр. 5-му.

5) Тропарь этотъ въ Апостолѣ Охридскомъ пишется тякъ: отъ пеленъ прилежно прѣмѫдростъ себѣ сестрѫ створъ Богогласне. прѣсвѣтло видѣ ѫ ꙗко дѣвѫ чистѫ. ѫже приведъ ꙗко златы монисты сиѫ оукрашъ своѫ доушѫ и оумъ именемъ мѫдре. 8 ч.

(а) Въ прибавленіяхъ къ изданію "твореній Святыхъ отцевъ,, за 1856 г. помѣщена на стр. 33 статья: О древнихъ канонахъ святымъ Кириллу и Меѳодію. Въ ней упоминается о службѣ св. Кириллу и канонѣ обоимъ святителямъ, сохранившихся въ ркп. XIII ст. или XII ст. сѵнодальной библіотеки. Тропари приводимые изъ этого памятника, одни-также темны какъ и въ моей рукописи, другіе, особенно св, Меѳодію, несходны съ тропарями моей рукописи. Я не привожу ихъ потому, что мое изданіе было представлено къ печати еще въ 1852, и не напечатано не по моей винѣ. Рукопись свою почитаю древнѣе сѵнодальной.

(1) Цѣль слѣдующихъ примѣчаній есть та: показать, что указанія, находимыя въ службахъ, опредѣленнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ въ поименованныхъ матеріалахъ.

(2) Числа эти указываютъ на вышепоказанныя сочиненія.

7) Словенскоу же ѧзыкоу въ неразоуміи и *мрацѣ* грѣховнѣ соущоу милостию и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисоуса Христа—ѧвленъ бысть пастырь и оучитель емоу. 4 ч.

Къ троп. 7. *Х҃с Богь нашь ꙗви оучителꙗ и посла тѧ оучити темныхъ.*

8) Прѣложи весь цьрковный оуставъ отъ гръчьска въ словѣнскъ ѧзыкъ. 4 ч.

Къ тр. 8-му. *книгами ꙗзыкы обогати Божиа закона.*

Тако сеи блаженыи отецъ и оучитель ѧзыка нашего, паче слънца троичными зарѧми просвѣти безчисленныи народъ, въ тмѣ лежащь невѣдѣнія. 4 ч.

14) Всѣмъ ѧзыкомъ съкровены таины въ извитіихъ словесныхъ разоумно исповѣда *овомоу писмены, овомоу оученіемъ.* 4 ч.

Къ тр. 14. *ꙗзыкы имь глаголя и книгы предаꙗ.*

14) и иде въ Римъ веды на съвршеніе избранное си стадо, и радостію соверши теченіе свое, ꙗкоже изволи Г҃ь Б҃ъ прѣчьстномоу *тѣлеси* его тоу почити. 4 ч.

Къ 14 троп. *Рима же дошедъ тоу тѣло свое положи.*

15) Ꙗкоже и великій патриархъ Авраамъ *прѣсельникъ* бывъ и пришлецъ въ земли тоуждеи, и сіа свѧтаа и прѣславнаа отьца—прѣсельника быста ѡтчьства своего и прьшельца на землю тоуждоу. 5 ч.

Къ троп. 15. *дроугыи авраамь прѣселениемь, блажене, бысть.*

16) Зѫбриѫ. Примѣчательно, что въ житіи св. Меѳодіа ч. 6. Это слово сдѣлано именемъ собственнымъ. *Замбрии же нѣкто родомъ Казаринъ, а вѣрою еретикъ, нача противитисѧ Меѳодию.* Предполагаю, что сказаніе о Замбріѣ произошло отъ недоразумѣнія при толкованіи сего тропаря.

Къ 16 троп. *Копиемь словесъ твоихъ ꙗко зѫбриѭ принесль геси.*

23, 38, 34) въ козарехъ же и въ срацинѣхъ о свѧтѣй вѣрѣ въ *соборѣхъ* обрѣтесѧ, всѣ блѧди ихъ разорꙗѧ. 4 ч.

Къ 23 троп. *приложьсѧ агарѣнѣхъ.*

Къ 23 и 34 тр. *ꙗкоже прѣтрьжесѧ сънмь еуврейскыи остротоѭ словесъ твоихъ въ градѣхъ сѣверскихъ въ хазарѣхъ приложити сѧ.*

23, 34) Въ соборѣхъ срацинстѣхъ и жидовскихъ обрѣтошѧсѧ своими имь книгами и ѧзыкомъ, бохмитовы блѧди и жидовскоую злобу доуховнымъ мечемъ отсѣкоша. 5 ч.

Къ 27 и 28 тр. *обътечеꙗко млънии вселенѫѭ—на западѣ и сѣверѣ и юѕѣ міръ просвѣщаіѧ.*

27, 28) Такоже бѣ и сеи оучитель—да аще гдѣ очути каковоу любо хулу о божественнѣмъ образѣ, ꙗко *крилат прелѣташе всѣ страны* ꙗсными притчами съблазны всѣ разарꙗше. *прѣлѣтаꙗ аки* орелъ на всѣ страны *со въстока дозапада, и отъ сѣвера до оуга* 4 ч.

Къ 35 троп. *велика тѧ оплота и тврьдь земꙗ панонь-скаа имѫщи,—блѧди еретичьеныѧ роушить книгами.*

35) Многоплоднаго ѧзыка словѣнскаго тои оубо новыи апостолъ посланъ бысть. Отъ тѣхъ бо оустъ истече источникъ животныхъ словесъ напоꙗіѧ соухотоу нашоу, тѣми свѧзасѧ много хоульный *ѧзыкъ еретическыи.* 4 ч.

Къ 38 троп. *слово расѣваіѧ въ ꙗзыцѣхъ въ ѡкианѣ. Каѡнѣ.*

38) *Ѡкианѣ:* это слово трудно поясняется. Въ житіи св Меѳодія ч. 6 сказано: Меѳодію возвратившоусѧ въ Константинъ градъ, патріархъ же свѧти его епископа и възвратисѧ въ Моравѫ въ градъ *Каѡнъ.* Думаю, что оно произошло изъ слова *κυανέαι,* острововъ, близъ которыхъ св. Кириллъ пребывалъ прежде на узкомъ морѣ (узкимъ моремъ называется также и Босфоръ [судъ]).

Къ 38 троп. *и въ римѣ доухъ свои въ рѫцѣ Богоу прѣдасть.*

38) Блаженъ градъ пріимый третьаго съвершителꙗ Божіаго смотреніа, тои оубо верховноую свѣтилоу (св. Ап. Петра и Павла) останкы наполнꙗѧ, ꙗвисѧ блаженыи сеи; тѣмъ же и съ нима повелѣ емоу Господь Богъ прѣчьстныи покои

приѧти. Почи съ миромъ о Господѣ въ лѣто ҂ѕ. т҃. о҃. ꙁ҃. мц҃а февр. въ д҃і д҃нь. 4 ч.

2. КАНОНЪ СВ. МЕѲОДІЮ.

1) Не на тоуждемъ основаніи свое дѣло показающа, но изъ-нова *писмена* вообразиша и совершиста въ ѧзыкъ новъ. ч. 5.

Къ троп. 1. *тѣмь оубо бысть свѧтымь боуквамь прѣмѫдръ обратникъ.*

2 и 3) Тропари 2 и 3 находятся отдѣльно въ рукописи подъ ч. 6 апрѣля. Ставлю ихъ здѣсь потому, что они заключаютъ нѣкоторые варіанты.

Къ троп. 2 и 3.

а) Господскꙑ. Меѳодие блажене. словесы послѣдствоуѫ̑ благословесьтвоваше ꙗвѣ, ѡ̑тьца родителѣ словесы сѫща и вложителѣ Доухоу прѣсвѧтомоу. и еще же истѣе исповѣдаша глаголѧ, (ѡт) ѡтьца параклита не ѡтъ сына ꙗвѣ и̑сходѧщаго. тѣмже ꙗвисѧ прьваго сьнма ѡтьцемь, тожде глаголѧ богославне. сь тѣми молисѧ Спасоу спастисѧ всѣмь.

б) А̑постольскѫ благодать неисполоу ѡт Бога приемь. Меѳодие. пророчьствиоу сподобисѧ чюдеси ѿ почьтьшаго тѧ достои́но глаголати прѣжде бѫдѫщаа́ ꙗко и настоѫ́ща. мѫдре. дароуѫ слѣпымь видѣние и бѣсныѫ̀ сь областиѫ̀ ѡчищаѫ́ ꙗвѣ и недѫжныѫ̀ оуврачюѫ славно. нѫ подаи намъ велиѫ̑ милость.

За этими двумя тропарями слѣдуетъ еще третій, который не находится въ службахъ. Онъ весьма примѣчателенъ и доказываетъ, что была еще служба другая Святому. Тропарь этотъ слѣдующій.

в) Моравскыѫ земля велегражданинъ, слава же и похвала сѣверьскыѫ страны, свѧтитель бо Меѳодие высокымь нынѣ съзываетъ проповѣданиемь. придѣте памятолюбци вѣрож съпѣцѣмсѧ и ликъствоуимь съ нимь въ празденьство оуспениа его прѣславнаго. да приносить ти непрѣстанѫ молитвѫ къ Христоу Богоу нашемоу да избавить всеѫ бѣды и напастеи доушѫ нашѧ. ч. 7.

Къ троп. 6. *оставивь родъ и отьчьство подроужие и дѣтие.*

6) Изъ млада житийскыа санъı начѧтъ пріимати и на службѣ всѣмъ оугодно обрѣтесѧ, и на войнѣ ꙗко Сампсонъ и Гедеонъ и Іисусъ Навгинъ страшенъ ꙗвлѧетсѧ: и воеводскы санъ пріимъ побысть въ немъ мало, и разоумѣвъ многомѫтежныи сеи свѣтъ, шедъ въ Олимбъ пострижесѧ въ черныѫ ризы. и бѣ повинуесѧ всѣмъ съ покореніемъ и смѣреніемъ въ бдѣніи и молитвѣ, дондеже патріархъ услышавъ подвигъ его бѣдяше и поставити митрополита въ честнѣ мѣстѣ, и не могше его тамъ прибѣдити поставиша и игумена въ монастырѣ иже нарицается именемъ Полухронъ, въ немъ же бѧше ѻ отьць. ч. 5.

Къ 9 троп. *и троудь еже пострада отъ бъсъ тріѫзычникъ.*

9 и 39) Трѣзычникомъ же злобоу низложша, потребиста ꙗко плевелъ отъ пшеницѧ отъвращьша. ч 5.

Къ 13 троп. *боукъами твоими поучитаѫщѧ.*

13) Законъ же Божіи *соуглоубо* прѣложиста въ новый ѧзыкъ прѣдаста, *писмена сътворше.* ч. 5.

Къ 15 троп. *молитасѫ съхрънити стадо славѣньское.*

Къ троп. 19. *разгнаное еретикы стадо твое схрани* въ

15, 19) Непрестанно прѣподобнаа и истинная пастырь за *избранное стадо ваю* подвижно помолитасѫ, страсти отъженѫща, бѣды и напасти избавлѧюща, просвѣтита имъ срьдѣчнѣи очи и оумъ оутвердита достойно послѣдовати стопамъ ваю, немощи наша на сѫ взимающа свыше силоу подадита, да достоино о Христѣ наслѣдницы троудовъ

ваю обрѧщутся и проповѣдници правои вѣрѣ, юже еста предала. ч. 5. *вѣрѣ правовѣрныхъ.*

18. Апостоликъ—свѧтиже (въ Римѣ) прѣчьстнаго Меѳодіа на архіепископство на столѣ *свѧтаго Андроника* апостола въ Панноніи отъ о҃, и поустишѧ и на страны словенскіа. ч. 5. Къ троп. 18. *истыи настольникъ апостола славнаго Андроника.*

20) Такое выраженіе отнесено къ св. Кириллу: прилѣтаѫ аки орелъ на всѣ страны. Похвала св. Кир. ч. 4. и примѣч. 27 и 28. Къ троп. 20.

23) И апостолъ новъ возсіꙗвъ, кротостію и любовію привлачѧ, теченіе свое *сконча*, и тако почи о Господѣ въ лѣто ѡтъ твари всего міра ҂ѕ. т҃. ч҃. д҃. (886.). Къ 23 троп. *Ѭже слоужбѫ славне приѭть сконча.*

27) *Нови людіе*: по отношенію ихъ въ похвалѣ Кирилла и Меѳ. ч. 6. два мѣста примѣчательны: Къ 27 троп. *Царьствиа панониа коупнонови сѫще люди радоуетсѫ.*

а) Пришельца на землю тоуждоу не своемоу племени (1), по ѧзыку иже не разоумѣаше десницѧ своѧ и шуицѧ, но емьжесѧ притъкнѣахоусѧ томоу сѧ порабощьсѧ, кланѣахоусѧ ꙗко богоу, твари въ Творца мѣсто.

6) и имиже усты бѣшѧ прежде жертвы непріѧзнены воздавали на кладѧзихъ и на всѣхъ мѣстѣхъ хоуловали Бога, тѣмъ же дѣти словесныѧ и безскверныѧ слоужбы Богу воздаютъ за весь міръ:

дошедшоу же емоу въ страны Моравскы вси людіе съ *радостию* изидоша въ срѣтеніе емоу, и тако пріаша ꙗко и ангела Божіа.

---

1) Не могу не замѣтить, что еще въ XVII стол. Арсеній Сухановъ слышалъ на Аѳонѣ преданіе, что св. Кириллъ и Меѳодій родилися отъ отца болгарина и матери грекини.—Это сказаніе помѣщено въ рукописныхъ преніяхъ Арсенія Суханова.

Къ 28 троп. *о ваю свѧтаа́ хвалитсѫ славно градъ солоунскыи, куріле свѧте и меѳодие, мисиа и понониа́ и моравьскаа ѕемѧ.*

28) Въ западныхъ же странахъ, паноньстѣхъ и моравьстѣхъ странахъ, ꙗко слънце возсіавши просвѣтиша боуквами, наоучыла оученикъı цѣрковномоу чиноу исполнь. ч. 5.

Слово Мисіа поясняется только изъ житія Меѳодія ч. 6. гдѣ сказано: просꙗху Словꙗне кръщеніа, козаре оучителꙗ, моравлꙗне епископа и болгаре наставника.

Изслѣдованіе посвящено памяти

Павла-Іосифа Шафарика.

Въ Москвѣ, въ Синод. Библіотекѣ найденъ А. В. Горскимъ лучшій списокъ каноновъ или службы, которые здѣсь и помѣщаются съ предводительнымъ его разсужденіемъ. М. П.

О ДРЕВНИХЪ КАНОНАХЪ

СВЯТЫМЪ КИРИЛЛУ И МЕѲОДІЮ.

Просвѣтители Славянскаго міра, Кириллъ и Меѳодій, за свои заслуги для Церкви и богоугодную жизнь, вскорѣ по кончинѣ своей, были причислены Церковію къ лику Святыхъ. Первымъ знакомъ уваженія благодарныхъ Славянскихъ народовъ къ ихъ памяти, какъ памяти мужей благоугодившихъ Господу, можно почитать составленіе житій, сперва св. Кирилла, потомъ и св. Меѳодія. Послѣ того находимъ имена ихъ въ мѣсяцословахъ наряду съ именами другихъ Святыхъ, чтимыхъ Церковію; встрѣчаемъ и нѣкоторыя пѣснопѣнія, въ честь ихъ писанныя: но еще не было извѣстно полной церковной службы учредителямъ Славянскаго богослуженія, которая бы дошла до насъ отъ временъ древности (а).

Въ минеяхъ служебныхъ Московской Синодальной библіотеки, по письму принадлежащихъ къ концу XII или къ началу XIII ст., сохранились до насъ и полная служба

(а) Служба св. Кириллу и Меѳодію, о которой сообщено свѣдѣніе въ сочиненіи О. М. Бодянскаго «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» стр. 78, по языку своему не представляется древнею.

св. Кириллу (14 Февр.), и канонъ обоимъ просвѣтителямъ (6 Апр.) (б). Познакомимся съ тою и другою службою, обращая преимущественно вниманіе на тѣ пѣснопѣнія, въ которыхъ находятся указанія на обстоятельства жизни св. Кирилла и Меѳодія (в).

Служба св. Кириллу, помѣщенная въ февральской минеѣ, содержитъ въ себѣ: сѣдаленъ, три стихиры (на Господи воззвахъ) и канонъ. Канонъ состоитъ изъ 8 пѣсней: въ каждой по три тропаря и богородиченъ; только въ 8-й пѣсни два тропаря.

Служба св. Кириллу обильнѣе историческими указаніями, и по языку представляется древнѣе, нежели служба 6 Апрѣля. Въ ней можно найдти подтвержденіе многихъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ житіи Святаго.

Творецъ канона св. Кириллу припоминаетъ о видѣніи, которое въ его житіи относится къ первымъ годамъ его жизни. Кириллъ, будучи еще шести или семи лѣтъ, видѣлъ, будто бы какой-то воевода, собравъ у себя множество дѣвицъ, предлагалъ ему избрать себѣ ту или другую, и онъ избралъ Софію — мудрость. Вотъ какъ представляется это въ канонѣ: „възлюбль измлада прѣмудрость, сестру

(б) По каталогу Синод. библіотеки февральская минея значится подъ N 164, апрѣльская — 165. Вообще минеи сіи имѣютъ довольно особенностей въ своемъ составѣ. Стихиры и тропари каноновъ въ нихъ положены на ноты для пѣнія.

(в) Передавая выписки изъ рукописей Русскою азбукою, мы не можемъ выразить различныхъ начертаній буквъ: *е* и *я*; не выражаемъ также особенностей въ начертаніи *о*, *у*, *ы*. Для удобства чтенія раздѣляемъ слова и ставимъ знаки препинанія, по требованію смысла. Сокращеній въ словахъ рукопись не представляетъ.

себѣ приялъ ю еси, и умудрься Богъмь, блажене, явилъся еси философъ“ (пѣс. 6.). Самое нареченіе мудрости сестрою взято изъ наставленія родителей св. Кирилла, которые, объясняя ему видѣніе, внушали ему: „храни, чадо, что̀ видѣлъ. Воевода, собравшій у себя дѣвицъ, есть Ангелъ Божій; дѣвица избранная—мудрость чистая. Сія-то мудрость да будетъ тебѣ, чадо, сестра“.—Эта мысль объ обрученіи мудрости Константину, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, выражена и въ тропарѣ св. Кириллу, дошедшемъ до насъ въ Сербскомъ прологѣ XIII вѣка.

Сказаніе о мудрости навело творца канона на мысль о томъ всемірномъ приглашеніи къ себѣ Премудрости Божіей, о которомъ говоритъ Соломонъ въ книгѣ Притчей: растворивъ въ своей чаши вино, Она послала ко всѣмъ съ высокимъ проповѣданіемъ: *иже есть безуменъ, да уклонится ко мнѣ* (9,3.). Въ числѣ немногихъ, внявшихъ сему приглашенію съ юныхъ лѣтъ, видитъ пѣснопѣвецъ и св. Кирилла, и этимъ раннимъ знакомствомъ съ мудростію Божіею объясняетъ все, что̀ пріобрѣлъ онъ для себя, и что̀ сдѣлалъ для другихъ. Въ канонѣ говорится: „въ чаши прѣмудрости Божьствьнѣи ти устьнѣ преложь, напитася съпасенааго пияньства: разумѣмь же свѣтъ яви языкомъ и секыра посѣкающи неприязнину всяку льсть“. Т. е. *Къ чашѣ Премудрости Божіей приложивъ свои уста, ты насытился спасительнаго питія: и въ своемъ вѣденіи явилъ свѣтъ народамъ, и сѣкиру, поражающую всякое коварство врага* (п. 1.). Тропарь этотъ напоминаетъ пѣснь церковную св. Григорію Богослову: „къ премудрости чаши приближивъ честная твоя уста, отче Григоріе, Богословія почерпълъ еси Божественную воду“ (г).

(г) Въ службѣ 28 Генв. на Хвалите, 4 стихира.

Изъ даровъ Премудрости, которыми обогащенъ былъ св. Кириллъ, пѣснопѣвецъ особенно славитъ способность излагать свое ученіе въ притчахъ. Во многихъ тропаряхъ канона указывается на этотъ даръ, особенно привлекательный для простыхъ умовъ его слушателей. Напр. „Цѣвьница притъчьна свята въистину явися, блажене Кѵриле, гласъмь съпасена святыимь звукъмь духовныимь брячяя красьно, съна отъганяяше“. Т. е. *Блаженный Кирилле! въ притчахъ возлагаяся спасеніе, поистинѣ ты явился святою цѣвницею, и прекрасно бряцая, священнодуховными звуками прогонялъ сонъ* (п. 3.). Еще: „о уме огньнъ, о гласьна труба, о славию пѣснивый, о ластавице глаголива, о языче слажии меду въ притъцахъ, Кѵриле премудре, вся ны помяни“ (тамже).—Житіе св. Кирилла дѣйствительно содержитъ въ себѣ не мало опытовъ приточнаго объясненія истины, въ спорахъ съ еретиками и съ невѣрующими. Когда былъ онъ у Хазаровъ, то самъ Каганъ вызывалъ его представить превосходство Христіанскаго ученія предъ всякимъ другимъ въ какомъ либо приточномъ сравненіи, такъ чтобы истина для простыхъ и необразованныхъ умовъ открылась въ непререкаемой ясности и силѣ. И Кириллъ удовлетворилъ желанію Кагана.

Составитель канона не забываетъ однакоже и о естественныхъ способахъ къ пріобрѣтенію мудрости. Онъ воспоминаетъ о переселеніи Константина изъ Солуня въ Царьградъ и обученіи здѣсь у славныхъ наставниковъ. „Другый Авраамъ пресѣлениемь, блажене, бывъ отъ отьчьства похотию премудрости больша, яко златы монисты украсилъся еси, лучами пресвѣтълами зѣло облистаяся“. Т. е. *По желанію большей мудрости, преселившись изъ отечества, какъ вторый Авраамъ, и украсившись ею, какъ златыми монистами, ты, блаженный, весь блистаешь лучами пресвѣтлыми* (п. 4). — Въ Константинополѣ,

какъ повѣствуетъ житіе, Константинъ учился вмѣстѣ съ малолѣтнымъ царемъ, и наставниками ихъ были Левъ и Фотій, впослѣдствіи патріархъ Константинопольскій.

Ученикъ Фотіевъ, послѣ общаго всѣмъ образованія, особенно посвятилъ себя изученію Слова Божія. Въ немъ нашелъ онъ утвержденіе своей вѣрѣ, опору своего православія, и его потомъ возвѣщалъ народамъ, блуждавшимъ въ мракѣ невѣдѣнія. „Святыимь Духъмь отъ пучины извлече Божиемь словъмь благыя вѣры, мудре, драгъ бисьръ, кънигами, блажене, и языкы освяти Божия закона“. Т. е. *Святымъ Духомъ извлекъ ты, мудрый, изъ пучины Божіихъ словесъ драгоцѣнный бисеръ благовѣрія, и освятилъ, блаженный, народы книгами закона Божія* (п. 1.).

Славный своею мудростію и своими богословскими познаніями, Кириллъ еще въ молодыхъ годахъ явился защитникомъ православія въ спорѣ съ иконоборцемъ Іоанномъ, за свои еретическія мысли лишеннымъ патріаршаго престола. На сей-то споръ, по видимому, указываетъ творецъ канона въ слѣдующемъ тропарѣ: „копиемь словесъ твоихъ яко Замврию пронълъ еси, Мадияньсцѣй ереси преложься горько, тѣлесъ телесьнааго образа отъмѣтающься явльшаагося въ плъть Иисуса Еврейска“. Смыслъ сего тропаря, довольно темно выраженнаго и отчасти поврежденнаго переписчиками (д), можно передать въ слѣдующихъ словахъ: *копіемъ твоихъ словесъ, какъ Замврія, ты пронзилъ бользненно того, кто приложившись къ плотскому нечестію Мадіамскому, отвергалъ тѣлесный образъ Іисуса, явившагося среди Евреевъ во плоти* (п. 4.).

(д) Такъ слова: *преложься* и *отъмѣтающься* должны стоять въ винительномъ падежѣ.

Творецъ канона сравниваетъ иконоборца съ Замвріемъ, совратившимся въ нечестіе Мадіамское, котораго поразилъ Финеесъ копіемъ (Числ. 25, 7—14.). По этому воспоминанію изъ исторіи Еврейской, и по противоположности между Мадіамскимъ и Еврейскимъ, какъ между нечестивымъ и чистымъ, и при имени Господа Іисуса поставлено названіе народа Еврейскаго (e).

Не видно въ канонѣ указаній на преніе Кирилла съ Сарацинами на востокѣ: но о его дѣйствіяхъ въ Крыму, о его борьбѣ то съ Магометанами, то съ Евреями у Хазаръ, говорится неоднократно въ разныхъ пѣсняхъ канона.

„Съньмъ мьртвиться приложься Агаринѣхъ, яко змия живущихъ (?) ти въ притчахъ, трисълньчьна и единого Божьства силою убо изнемагая". Т. е. *Сонмъ, приложившійся къ Агарянамъ, какъ змія, мертвѣетъ отъ твоихъ притчей, приводимый въ изнеможеніе силою трисолнечнаго и единаго Божества* (п. 6.). Изъ житія видно, что въ ту пору Хазары были увлекаемы съ одной стороны Магометанами, а съ другой Евреями къ своей вѣрѣ. И св. Кириллъ долженъ былъ вести борьбу съ тѣми и другими. Одинъ изъ Хазаръ дѣйствительно предлагалъ ему вопросъ о почитаніи Св. Троицы, и Кириллъ отвѣчалъ ему притчею, на что и намекается въ приведенномъ тропарѣ.

(e) Можно было бы видѣть въ этомъ тропарѣ указаніе на то преніе съ Замвріемъ, которое въ прологахъ XV вѣка усвоястся то св. Кириллу, то брату его Меѳодію. См. Добровскаго, *Кириллъ и Меѳодій*, въ перев. Погодина стр. 103 и слѣд. — Но какъ о семъ преніи ничего не говорится въ древнихъ житіяхъ сихъ Святыхъ, то нельзя съ достовѣрностію остановиться на такомъ предположеніи. Можно спросить: не канонъ ли подалъ поводъ къ составленію преданія о Замвріѣ еретикѣ?

Но особенно продолжительно было преніе Кирилла съ Евреями. Много приводилъ онъ противъ нихъ пророческихъ изреченій, исполнившихся на Іисусѣ Христѣ; много долженъ былъ разрѣшить ихъ вопросовъ и возраженій. И своею побѣдоносною мудростію возбудилъ противъ себя такую ненависть въ Евреяхъ, что они искали его жизни. На сіе-то указываетъ составитель канона, говоря: „не устрашися, учителю, воиньскы единъ вънити въ пълкъ Жидовьскый, вьсѣхъ же народъ ихъ премудростию развърже стълпъ, яко онъ Ханаанѣскыи, пророчьсками притъчами". Т. е. *Не устрашился ты, учителю, одинъ воинственно войти въ полкъ Еврейскій, и пророческими указаніями разорилъ созданный всенародною ихъ мудростію столпъ, какъ оный столпъ Халанскій* (Быт. 10, 10. 11, 2. 4.) (Пѣсн. 7.).

Объ этомъ торжествѣ надъ невѣрными сынами Израиля опять воспоминаетъ пѣснопѣвецъ въ слѣдующихъ словахъ: „якоже претьржеся сънъмъ Еврейскый остротою словесъ твоихъ, блажене, въ градѣхъ сѣверьскыихъ, Козарѣхъ приложься. Ты бо множьства не имый посѣче, учителю святый, яко Голиада Давыдъ въ поганѣхъ". Т. е. *Сонмъ Еврейскій, приложившійся къ Хазарамъ въ градахъ сѣверныхъ, разсѣянъ острымъ оружіемъ твоего слова: ибо ты, учителю святый, выступивъ противъ него одинъ, поразилъ его, какъ нѣкогда Давидъ Голіаѳа язычника* (п. 8.).

Переходя къ дѣйствіямъ св. Кирилла собственно среди народовъ Славянскихъ, пѣснопѣвецъ намекаетъ на то, что народы сіи и ранѣе были уже отчасти знакомы съ Христіанскимъ ученіемъ, но тѣмъ не менѣе оставались во тмѣ неразумія, доколѣ не просвѣтили ихъ книгами Греческіе проповѣдники вѣры. „Кротъкъ милостию и Божия мудрости испълнь, правовѣрьны учении преукрашаемъ, Кириле блаже-

ный, грады же и страны уловлены Богъмь, святе, пройде просвѣтя благодатию не у съпасительно приимъша разумие. Сего ради тя чьтемъ святыими пѣниими.“ Т. е. *Кроткій милостію и полный Божіей мудрости, украшаемый правовѣрнымъ ученіемъ, блаженный Кирилле, ты проходилъ города и страны, Богомъ уловленныя, и благодатію просвѣщалъ, святый, еще неполучившихъ спасительнаго вѣденія. Посему почитаемъ тебя священными пѣніями* (стих. 2.). Это было собственное призваніе Кирилла — проповѣдывать законъ Евангельскій Славянамъ на понятномъ для нихъ языкѣ. „Просвѣщь яко свѣтила тя свѣтодавьць Богъ нашь вьсему миру учителя яви, и посъла тя учить тьмныихъ кънигами закона языкы западьныя.“ Т. е. *Свѣтодавецъ Богъ нашъ, надѣливъ тебя свѣтомъ, какъ свѣтило, явилъ въ тебѣ учителя всему міру, и послалъ тебя учить писаніямъ закона темные народы запада* (п. 1.).

Ничего не говоритъ творецъ канона объ изобрѣтеніи св. Кирилломъ письменъ для Славянъ: но упоминаетъ о препятствіяхъ, какія противопоставляли его разумному благовѣствованію священники Латинскіе. Утверждая, что только на трехъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ дозволено славить Бога въ церкви, они возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на Славянскомъ языкѣ. За это еще Кириллъ называлъ ихъ „треязычниками“. Такъ именуетъ ихъ и составитель канона. „Словъмь и сьрдцьмь и языкъмь Христа Сына Божия проповѣда, Прѣмудрость же и Сила Слово въплъщьшееся, блажене, струями притъчьнами удави триязычникы“. Т. е. *Словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, блаженный, Христа, Сына Божія, Премудрость, Силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложилъ треязычниковъ* (пѣс. 3.).

Наименованіе противниковъ св. Кирилла треязычниками напоминаетъ намъ о другомъ канонѣ, помѣщенномъ въ тѣхъ же минеяхъ Синодальной библіотеки и принадлежащемъ къ одному времени съ канономъ св. Кириллу (ж). Это канонъ св. Димитрію Солунскому: онъ совершенно отличенъ отъ положеннаго въ печатной Славянской минеѣ, и переведеннаго съ Греческаго. Надѣемся, что это воспоминаніе не отвлечетъ насъ отъ предмета, но дастъ намъ услышать голосъ самихъ Солунскихъ проповѣдниковъ.

Въ послѣдней пѣсни сего канона св. Димитрію читаются слѣдующіе тропари:

„Услыши, славьне, нищая твоя, ныня, и умилися, яко отълучихомся далече суще отъ свѣтьла храма твоего, и горять дньсь вънутрь сьрдьца наша, и желаемъ, святе, твоея цьркъве и поклонитися къгда твоими молитвами“.

„Почьто, мудре, нищии твои раби едини лишаемъся твоея убо красоты, любъве ради Зижителя по чюжимъ землямъ и градьмъ ходяще на пострадание, блажене, трьязычьникъ и еретикъ лютъ воини бывающе“.

Т. е. *Услыши нынѣ, славный, твоихъ убогихъ рабовъ и сжалься надъ нами: отлучились мы далеко отъ святаго храма твоего, и сердца наши сгараютъ внутрь насъ желаніемъ поклониться еще разъ твоей церкви, твоими молитвами.*

Почто, мудрый, одни мы, рабы твои убогіе, лишаемся зрѣнія твоей красоты, изъ любви къ Создателю странствуя по чужимъ землямъ и городамъ, и претерпѣвая, блаженный, лютыя нападенія отъ треязычниковъ и еретиковъ.

(ж) Минея № 160, Октября 26 д.

Думаемъ, что эти жалобы на треязычниковъ, указаніе на отдаленное странствованіе изъ любви къ Создателю и томительное желаніе снова видѣть благолѣпіе и святыню храма св. Димитрія, особенно возбудившееся въ день его памяти (26 Октября),—все это, какъ нельзя ближе идетъ къ положенію Солунскихъ братьевъ—проповѣдниковъ, и, можетъ быть, ихъ однихъ.

Возвращаемся къ канону св. Кирилла. Намъ остается привести изъ него послѣдніе тропари, въ которыхъ говорится о его кончинѣ и св. мощахъ его. „Павлу блаженуму ученикъ бысть, егоже дѣтельмъ послѣдуя, пройде до край западныихъ, слово расѣвая въ языцѣхъ, въ Каонѣ и въ Римѣ духъ свой Богу своему въ руцѣ прѣдасть“. Т. е. *Ты былъ подражателемъ блаженному Павлу: послѣдуя его подвигамъ, прошелъ до предѣловъ запада, разсѣвая слово между язычниками, (въ Каонѣ) и въ Римѣ предалъ духъ свой въ руцѣ Бога своего* (п. 9.). Слова: „въ Каонѣ и въ Римѣ предалъ духъ свой Богу“—указываютъ на два разные источника свѣдѣній о мѣстѣ кончины св. Кирилла. По житію—онъ скончался въ Римѣ, по прологу — въ Каонѣ, неизвѣстномъ городѣ, гдѣ будто бы и былъ епископомъ. Но указаніе на Каонъ, въ разсматриваемомъ канонѣ, конечно, есть поздняя вставка. По теченію мысли пѣснопѣвца должно быть здѣсь только: *въ Римѣ.* Ибо съ этою цѣлію онъ и поставилъ въ началѣ тропаря имя Апостола Павла, чтобы какъ въ дѣятельности, такъ и въ кончинѣ показать уподобленіе Кирилла сему Апостолу. Какъ бы то ни было, но отсюда видно, что преданіе о кончинѣ св. Кирилла въ Каонѣ, вопреки свидѣтельству житія, распространилось довольно рано.

„Яко сълньце на земли въсиявъ, учителю, вьсюду же притъчами, лучами богогласия просвѣщая поющая тя

вѣрою и о рацѣ стоящихъ у твоего тѣла". Т. е. *Какъ солнце озарилъ ты, учителю, землю, и лучами Божественныхъ внушеній, твоими притчами просвѣщаешь поющихъ тебя вѣрою и стоящихъ вокругъ раки твоего тѣла* (п. 9). Послѣднія слова указываютъ на то время, когда связь между новопросвѣщенною страною пѣснопѣвца и Римомъ, гдѣ было положено тѣло св. Кирилла, была еще во всей силѣ. Только тогда ученики св. Кирилла, приходя въ Римъ, могли совершать пѣснопѣнія въ честь своего наставника близъ его гроба. А это, конечно, могло быть только при жизни св. Меѳодія. Можетъ быть, по этому самому ни въ стихирахъ, ни въ канонѣ нѣтъ нигдѣ и намека на сотрудничество Меѳодія своему брату. Если бы служба была составлена послѣ кончины св. архипастыря Моравскаго, тогда весьма естественно было бы ожидать въ ней какого нибудь указанія на общіе труды святыхъ братьевъ, вмѣстѣ подвизавшихся на пользу Церквей Славянскихъ.

Другой канонъ, помѣщенный въ Апрѣльской минеѣ, имѣетъ слѣдующее надписаніе: „святыма учителема Словѣньску языку, Курила философоа и блаженаго Мефодия". — По примѣру Греческихъ каноновъ, онъ имѣетъ свой акростихъ, хотя это и не замѣчено предъ канономъ. Акростихъ состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: „Курила ѳилософа и блаженна Методия пою". Канонъ состоитъ изъ 8 пѣсней, въ каждой по четыре тропаря и богородиченъ; послѣдніе два тропаря въ каждой пѣсни обыкновенно посвящаются св. Меѳодію, впрочемъ индѣ и одинъ.

По содержанію своему, этотъ канонъ представляется менѣе самостоятельнымъ, чѣмъ предыдущій. Изъ тропарей относящихся къ св. Кириллу, можно замѣтить слѣдующій: „Аврамъ другый преселениемь явися, отьче Кириле, въ землю Ханаоньску, юже просвѣти словъмь нова учения,

въспѣвая: отець нашихъ Боже благословенъ еси“ (пѣс. 7.). Примѣчательно это сравненіе св. Кирилла съ Авраамомъ. Оно уже встрѣчалось и въ предшествующемъ канонѣ, но въ другомъ смыслѣ. Тамъ было взято во вниманіе переселеніе Кирилла изъ отечественнаго города въ Константинополь для собственнаго образованія: здѣсь переселеніе въ чужую страну, которую онъ долженъ былъ просвѣтить словомъ новаго, т. е. Евангельскаго ученія. И эта страна, конечно, примѣнительно къ исторіи Авраама называется Ханаоньскою. Не отсюда ли образовалось преданіе о *Канаонѣ* или *Каонѣ*, встрѣчающееся въ прологахъ?

Вотъ нѣсколько тропарей въ честь св. Мефодія:

„Илия другый рьвьниимъ явися на земли, Меѳодие святе, вьсякы ереси попаляя богодъхновеныимь ученіемь“ (п. 1.).

„Стопами вьсю вьселеную освяти, богогласе отьче Мефодие, слово раздая вьсѣмъ странамъ новъмь языкъмь. Тѣмьже тя, блаже, вься тварь славить, твоими словесы просвѣщаемъ“ (п. 4.).

„Обрѣтеся новый Павьлъ, премудре, вьсь миръ Богови приобрѣте, съмыслно крьстъ Христовъ на ся въсприимъ, дойде до западъ, святе, льсть идольскую вьсю разаряя, вься ереси, блажене, потрѣбляя“ (п. 4.).

„Ересьмъ вьсѣмъ противьнъ явися благодатию, Мефодие, достойныими отъвѣты, Отьца (д. б. отъ Отьца) убо Параклита исходяща, а не Сыну глаголя, нъ равьньствъмь Троицю чисти исповѣдающе“ (п. 6.).

Послѣдній тропарь можно передать въ слѣдующихъ словахъ: *Благодатію Божіею ты противъ всѣхъ ересей далъ достойный отвѣтъ, и Параклита* (Духа Святаго) *именовалъ исходящимъ отъ Отца, а не отъ Сына, научая воздавать Троицѣ равную честь.* Здѣсь ясно

указывается на отношеніе св. Меѳодія къ возникшему тогда спору между Церквами восточною и западною объ исхожденіи Духа Святаго и свидѣтельствуется православіе Славянскаго проповѣдника и пастыря.

Заключимъ наши выписки словами канона, въ которыхъ можно видѣть указаніе на страну, гдѣ онъ составленъ. „Моравьская страна вели заступъ и стълпъ имѣя къ Богу, тобою просвѣщена, научи въспѣвати въ свой языкъ: отецъ нашихъ Боже благословенъ еси.“ Т. е. *Моравская страна, тобою просвѣщенная, и въ тебѣ имѣя великаго заступника и защитника предъ Богомъ, научилась воспѣвать Ему на своемъ языкѣ: благословенъ Богъ отцевъ нашихъ* (п. 7.). „Юже ти приносимъ мольбу, прѣблажене, приими изъ устъ недостоинъ; прилѣжьно молися къ Христу за стадо свое“ (п. 9.). Изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что творецъ канона причисляетъ себя къ паствѣ св. Меѳодія, и что изъ многихъ странъ Славянскихъ, равно обязанныхъ благодарностію своимъ просвѣтителямъ за учрежденіе разумнаго богослуженія, къ составителю канона ближе всѣхъ была Моравская земля.

Но чтобы эти первые опыты церковныхъ пѣснопѣній на Славянскомъ языкѣ не показались совершенно одинокими явленіями въ странѣ, гдѣ Славянское богослуженіе вскорѣ подверглось преслѣдованію со стороны Латинскаго духовенства, укажемъ еще на канонъ, сохранившійся въ тѣхъ же минеяхъ Синодальной библіотеки, въ честь св. Вячеслава Чешскаго, и написанный, безъ сомнѣнія, въ землѣ Чешской. Канонъ сей помѣщенъ подъ 28 ч. Сентября (з), когда совершается память св. Вячеслава. Творецъ канона довольно ясно даетъ видѣть себя, неоднократно указывая на торжество

(з) Рукопись подъ № 159.

города Праги. Приведемъ его слова: „весело ликуетъ Прагъ дньсь, прѣславьный ти градъ, почитая память ти и чюдесы ти озаряя свѣтьло вься страны, съзываетъ въпити: благословенъ Богъ отецъ нашихъ“ (п. 7.). „Веселия добротами, прѣславьне, паче сълньца въ земли Боемьсцѣ благодѣтьныими зарями съвыше освященъ, прѣвъзнашая Христа въ вѣкы вься“ (п. 8.). Смыслъ сего тропаря, какъ видно, поврежденъ утратою или измѣненіемъ нѣкоторыхъ словъ: но примѣчательно здѣсь указаніе на землю Богемскую. За симъ тропаремъ непосредственно слѣдуетъ еще: „Тѣло твое святое, блажене, приимъ Прагъ дньсь, прѣхвальный ти градъ, и прѣдивьная чюдеса мирови провъзвѣщаетъ, прѣвъзнашая Христа въ вѣкы“. Изъ этого живаго участія въ духовной радости города Праги и всей земли Богемской ясно открывается, что писатель канона принадлежалъ къ Церкви Чешской.

Минея № 164. мѣс. Февраль.

Л. 99. Мц҃а то҃ въ. ді҃. прп҃бьнаго оц҃а нашего. аѵѯентиꙗ. и ст҃го кюрила.

Сѣ҃. курилѣ. гла҃. а҃. по҃. ликъ анг:·

Бж҃иꙗми мольбами. просвѣщь си ср҃це. просвѣтова дш҃ю бодъхновенꙑ оучении. и нꙑнѣ же приде. на свѣтъ невечернии. тѣмь дн҃ь свѣтоносьноую ти памѧть. праздьноуѥмъ веселиѥмь ср҃ца. прѣславьне куриле:·

Ст҃їр. курилѣ. гла҃. д҃. по҃. дасть зна:·

Красотоу свѣтьлоу. добродѣтель имѣꙗ отьче. вьсь миръ протекова. дѣлатель ꙗко бьчела. богоразоумиꙗ. медъ прѣсвѧтꙑи. въ сьрдьца вълагаꙗ. вѣроующиимъ въ ѥдиного христа. на землю пришьдъшааго. и обожьшаго чловѣкꙑ. за милость бещисльноу. и мъногоѥ съхожениѥ:·

Кротъкъ милостию. и божиꙗ моудрости испълнь. правовѣрьнꙑ оучении. преоукрашаѥмъ. куриле блаженꙑи. градꙑ же и странꙑ оуловленꙑ богъмь свѧте. проиде просвѣтѧ благодатию. не оу спасительно. примъша разоумиѥ. сего ради тѧ чьтемъ свѧтꙑими пѣнии ми:·

Житиѥ твоѥ бес порока. и животъ достохвальнъ. и съмьрть же чьстьна. предъ богъмь бꙑсть. вьсѧчьскꙑимь. ѥмоуже въ роуцѣ си

отьче. предасть доушю просвѣтованоу исправлениѥмь. тѣмьже тѧ молимъ. о насъ ѥмоу помолисѧ. да обрѧщемъ милость. вѣрьно хвалѧщиимъ тѧ:

Ка҃. оц҃а нашего курила. оучителѧ словѣньскоу ꙗзыкоу. гла҃ д҃.

Пѣ҃. а҃. ірм҃. отъвьрзъ оу:

Въ чаши прѣмоудрости. божьствьнѣи ти оустьнѣ. преложь напитасѧ съпасенааго пиꙗньства. разоумъмь же. свѣтъ ѧви ꙗзъкомъ (sic). и сѣкъіра посѣкающи неприꙗзниноу вьсѧкоу льсть:

Просвѣщь ꙗко свѣтила тѧ. свѣтодавьць богъ нашь. вьсемоу мироу оучителѧ ꙗви и посъла тѧ. оучитъ. тьмьнъіихъ кънигами. закона ꙗзъікъі западьнъіꙗ:

Свѧтъіимь доухъмь. отъ поучинъі извлѣче. божиѥмь словъмь благъіꙗ вѣръі моудре. драгъ бисьръ. кънигами блажене. и ꙗзъікъі освѧти божиꙗ закона:

Бо҃. Красьнъіи оумъ прѣимѣꙗ. небесьнъіимъ силамъ. божии бо твои бъість храмъ доушевьнъіи. ꙗже въ чрѣвѣ понесе тѧ дѣваꙗ. гора прѣсвѧтаꙗ бога нашего:

Пѣ҃. г҃. ірм҃. съ въісотъі с:

Словъмь и сьрдьцьмь и ꙗзъікъмь. христа съіна божиꙗ проповѣда. прѣмоудрость же и сила. слово въплъщьшеѥсѧ блажене. строуꙗми притъчьнами. оудави триꙗзъічьникъі:

Цѣвьница притъчьна свѧта въистиноу ꙗвисѧ блажене куриле. гласъмь съпасена. свѧтъіимь звоукъмь доуховьнъіимь. брѧчаꙗ красьно. съна отъганѧаше:

О оуме огньнъ. о гласьна троуба. о славию пѣснивъіи. о ластовице глаголива. о ꙗзъіче слажии медоу въ притъцахъ. куриле премоудре вьсѧ нъі помѧни:

Бг҃. Свѣтъмь отьцьмь безначальнъіи съіне. ꙗко слово въ ложесна твоꙗ. осѣнениѥмь. свѧтааго доуха богородице въселисѧ. въ плъть родисѧ. ис тебе съпасаꙗ чловѣка:

Пѣ҃. д҃. ірм҃. сѣдѧи въ сла:

Дроугъіи. авраамъ. пресѣлениѥмь блажене бывъ. отъ отьчьства. похотию премоудрости больша. ꙗко златъі монистъі. оукрасилъсѧ ѥси. лоучами пресвѣтьлами зѣло. облистаꙗсѧ:

Копиѥмь словесъ твоихъ. ꙗко замбрию проньзлъ ѥси. мадиꙗньсцѣи. ереси преложьсѧ горько. тѣлесъ телесьнааго образа. отъмѣтающьсѧ. ꙗвльшаагосѧ въ плъть иисуса евреиска:

Равьносоущю. проповѣдалъ ѥси силоу. свѧтааго доуха. отьцю и съіноу. трьсълньчьнааго гласа имьже божии бъіваѥмъ. по поданию:

Бг҃. Избавльшесѧ пьрвааго. отъречениꙗ адамова. тобою дѣво. обрѣтохомъ радость неизглаголанꙋ. бога бо вьсѣмъ родила ѥси. съіна божиꙗ и бога въ нашь образъ:

Пѣ҃. е҃. ірм҃. нꙑнѣ въстан⁘

Мастию своѥю. оукрашьшюсѧ блажене добрѣ. благодать излиꙗсѧ тебе въ оустьнахъ. доуховьна моудре. и неѵьствоующемъ. глоубиноу исоушаѥши. наводьненоу словесꙑ твоими⁘

Стоꙗаше крѣпъко. пособьствоуꙗ по вѣрѣ моудре. льсть претꙑканиꙗ посѣкъ словъмь ти. равьнаꙗ (т. е. равняя) вѣрьнꙑимъ. божию стьзю. наставлѧꙗ въ градъ божии послоушьливꙑꙗ⁘

Преплавающеи дивьно. бездньнꙋ твоимь словъмь. притъчами же кюриле премоудре. отъ зимꙑ мразьнꙑꙗ. благою вѣрою. въ тишиноу вꙑшьниихъ. обитѣлии въшьлъ ѥси⁘

Бг҃. Съпасаꙗ чловѣкꙑ. отьчеви равьнъ сꙑнъ. чловѣкъ бꙑваѥть ис тебе пречистаꙗ. плъть приимъ и земьнꙑꙗ. богови сътворь. и небесьноуоумоу цьсарьствию. чловѣкꙑ сътворилъ ѥсть⁘

Пѣ҃. г҃. ірм҃. придохъ въ гл⁘

Съньмъ мьртвитьсѧ приложьсѧ. агаринѣхъ ꙗко змиꙗ. живоущиихъ ти въ притъчахъ. трисълньчьна и ѥдиного божьства силою оубо изнемагаꙗ⁘

Ꙗко избьрана стрѣла ꙗвисѧ. еретикомъ врагомъ. имена въ тоулѣ свѧтꙑими пророкꙑ. ꙗкоже пишеть. хранѧщии божьствъмь прострѣлѧющи⁘

Възлюбль измада (sic) прѣмоудрость. сестроу себе приꙗлъ ю ѥси. и оумоудрьсѧ богъмь. блажене ꙗвилъсѧ ѥси философъ.

Б҃. Иезекиль тѧ врата видѣ. имиже проиде ѥдинъ богъ. из ложеснъ свѧтъіихъ твоихъ. и прошьдъ плътию пречиста. не отъвьрстъ оставилъ ѥсть ихъ:

Пѣ҃. з҃. ірм҃. не послоужи:

Словесьнъіими пищѧльми прїзъіваꙗ блажене. овьцѧ въ оградъі свѧтъіꙗ. моудрами притъчами. красотою и сластию словесъі твоими:

Не оустрашисѧ оучителю воиньскъі. ѥдинъ вънити. въ пълкъ жидовьскъіи. вьсѣхъ же народъ ихъ. премоудростию развьрже стълпъ. ꙗко онъ ханаанѣскъіи. пророчьсками притъчами:

Тебе источьника знаменана вьсѣмъ. правѣи вѣрѣ моудре водъі. златоточьнъі напаꙗюща. вьсьгда благъіꙗ вѣръі съінъі. испълнѧющѧ же ꙗко рѣкоу. теченикмь цьркъвь господьню:

Б҃. Небесъ ширьшю съдѣꙗ богъ въ ложесна твоꙗ. въсельшасѧ пречиста. тѣмьже молимътисѧ. сътоужающю (sic) ми прѣгрѣшении. избави широтою покаꙗниꙗ.

Пѣ҃. и҃. ірм҃. отрокъі бл҃гоу:

Свѣтѣ приложьсѧ свѣтъ ꙗвисѧ вънитию. ѥже отъ бога о философе. инъ бо обрѣтесѧ. павьлъ дѣтельми пририста вьсю землю. въ ꙗзъіцѣхъ. сълньца свѣтьлѣи. словъмь оучениꙗ оучителю блажене:

Ꙗкоже претьржесѧ съньмъ еврѣискъіи. остротою словесъ твоихъ блажене. въ градѣхъ сѣверьскъіихъ. козарѣхъ приложьсѧ. тъі бо мъножьства, не имъіи. посѣче оучителю свѧтъіи. ꙗко голиада давъідъ въ поганѣхъ:

Б҃. Кънигами оучениꙗ дѣво. свѧтъіихъ пророкъ богородицю тѧ. вѣрою проповѣдаѥмъ. роди бо отроча тъі. ветъхааго дьньми. ꙗко нова чловѣка. тѣмьже тѧ поѥмъ свѧтоую. и прѣвъзносимъ въ вѣк:

Пѣ҃. д҃. ірм҃. еуга оубо нед:

Ꙗко свѣтила тѧ драга. христосъ възложи бльщатисѧ. въ коньцихъ свѧте. вѣньци цьркъвьнѣмь. ѥгоже ради до съмьрти подвизасѧ. мъножа вѣрьнъіимъ въспитѣниꙗ. разоумѣниѥмь и говѣниѥмь:

Павьлоу блаженоуоумоу. оученикъ бъість. ѥгоже дѣтельмъ послѣдоуꙗ. проиде до краи западьнъіихъ. слово расѣваꙗ въ ꙗзъіцѣхъ. въ каонѣ и въ римѣ доухъ свои. богоу своѥмоу въ роуцѣ прѣдасть:

Ꙗко сълньце на земли. въсиꙗвъ оучителю. вьсюдоу же притъчами. лоучами богогласиꙗ. просвѣщаꙗ поющаꙗ тѧ. вѣрою и о рацѣ. стоꙗщиихъ оу твоѥго тѣла:

Б҃. Лоучами твоѥго свѣта. прѣпѣтаѧ доушю мою. нъінѣ просвѣти лежащю. въ ровѣ гъібельнѣмь. въздвигни врагъі съкроушающи. оскърблѧюща присно мою доушю. и къ грѣхомъ порѣющемъ мѧ:

Минея № 165. мѣс. Апрѣлв. (6 дня).

Л. 57. Въ тъ҃ днь стъіма оучителема словѣньскоу ꙗзъікоу. курила. философа. и блаженаго мефодиꙗ.

Ка҃. гла҃. и҃. пѣ҃. а҃. ірм҃. водоу про҃:

Въіꙗ достоинъіꙗ принесоу. похвальнъіꙗ пѣсни. богословесьника. свѣта даръ съвъіше посълѣтами. да достоино въспою ваю памать:

Оуность измада (sic) си бес порока. въсприимъ владъіцѣ си послѣдовавъ. свѧте куриле блажене. тѣмь тѧ достоино славить вьсѧ тварь:

Росоу источи божиꙗаго доуха. въсприимъ отъ бога свѧте. ꙗко громъ възгрьмѣ въ коньцихъ. слово расѣвал въ ꙗзъіцѣхъ:

Илиꙗ дроугъіи рьвьнимъ. ꙗвисѧ на земли мефодию. свѧте вьсѧкъі ереси попалаꙗ. богодъхновенъіимь оученимь:

Б҃. Чини тѧ ангельстии и чловѣчьстии. безневѣстьнаꙗ мати хвалать непрестаньно. зижителѧ бо ихъ ꙗко младѧ. на роукоу своюю понесла юси.

Пѣ҃. г. ірм. тъі юси оутвь:

Лѣствицѧ избьрана. ꙗвисѧ философе богогласьне. вьсѧ оученимь. на небо възважаѧта:

Ангелообразьно. житию живъіи на земли премоудре костѧнтине. достоинъ вьсѣмъ. наречесѧ оучитель:

Ѳараона мꙑсльнааго. въ мори житиистѣмь погроузи избьранъ. воинъ ꙗвисѧ. христа бога мефодиѥ:·

Иереискоую слоужьбоу. възносѧ предъ бога и обрѣтесѧ достоинъ. равьнъ ангеломъ отьче мефодиѥ:·

Б҃. Тебе вьси имамъ. прибѣжище и стѣноу нашю крьстьꙗни. и тебе славимъ. немълчьно безневѣстьнаꙗ:·

Пѣ҃. д҃. ірм҃. тꙑ ми х҃е г҃ь:·

Ликоуꙗ съ ангелꙑ на небесьхъ. прилѣжьно за нꙑ моли: вьсѧкꙑ скърби отъганаꙗ. и напастьнꙑꙗ прелогꙑ разорѧ. и бѣдъ богогласе. ангелꙑ и пророкꙑ. и апостолꙑ за нꙑ молисѧ:·

Оучищь си измлада свѧте доушю и тѣло. достоинъ съсоудъ обрѣтесѧ. пресвѧтоуоумоу доухоу отьче куриле блажене. имьже просвѣщьсѧ. сиꙗюши въ мирѣ ицѣлениꙗ вьсѣмъ. обильно подавъ преславьне:·

Стопами вьсю вьселеноую освѧти. богогласе. отьче мефодиѥ. слово раздаꙗ вьсѣмъ странамъ. новъмь ꙗзꙑкъмь. тѣмьже тѧ блаже вьсѧ тварь славить. твоими словесꙑ просвѣщаѥмъ:·

Обрѣтесѧ новꙑи павьлъ премоудре. вьсь миръ богови приобрѣте. съмꙑсльно крьстъ христовъ на сѧ въсприимъ. доиде до западъ свѧте. льсть идольскоую вьсю разарѧꙗ. вьсѧ ереси блажене потрѣблѧꙗ.

Б҃. Тъі вѣрьнъіимъ похвала ѥси безневѣстьнаꙗ. тъі застоуплениѥ. тъі прибѣжище. крьстьꙗномъ стѣна и пристанище. къ съіноу бо своѥмоу мольбъі носиши непорочьнаꙗ. и отъ бѣдъ съпасаѥши вѣрою и любъвию. богородицю чистоу тѧ знающе⁘

Пѣ. е҃. ірм҃. просвѣти н⁘

Философоу моудрость почьрпе. и бездънъі божиꙗ съкровищѧ. имьже озарѝвъсѧ слово расѣꙗ въ ꙗзъікъі новъі⁘

Ангельскъіꙗ чинъі. преспѣлъ ѥси моудре на земли. ꙗко бесплътьнъ ꙗвисѧ. христовьнъіими зарѧми просвѣщѧꙗ въселеноую⁘

Идольскоую. льсть безбожьноую искорени. сладость вьсѣмъ истачаꙗ. божиꙗ словесе свѧте меѳодиѥ⁘

Божию присно. престолоу свѧте престоиши. прилѣжьно за нъі молисѧ. творѧщѧꙗ вѣрьно твою памѧть⁘

Б҃. Помолисѧ въіноу. съіноу своѥмꙋ и богоу нашемоу. браконеискоусьнаꙗ мариѥ чистаꙗ. посълати намъ вѣрьнъіимъ велию милость⁘

Пѣ҃. г҃. ірм҃. мл҃твоу си про⁘

Лютъіими страстьми одьржимъ. и напастьною боурею движимъ въпиѥмъ ти. свѧтъіи оучителю нищаꙗси рабъі избави отъ бѣдъ. скорьіимь посѣщениѥмь. вьсѧ скърби отъганѧꙗ богогласе⁘

Апостоломъ равьноу благодать. пречистааго доуха отьче приимъ испълнь. вьсь миръ благочьстиꙗ. сладостьно наставлѧꙗ рѣкꙑ бо животьнꙑꙗ. по гласоу божию истѣкающа. ис тебе мира възвеселиша.

Житинскоую славоу на земли. вьсю оставль трьвьрсть блажене отьче. владꙑцѣ си и богоу. вьсь привьржесѧ доушею и тѣлъмь. тѣмь тѧ достоино. намъ вьсѣмъ подасть оучителѧ.

Ересьмъ вьсѣмъ противьнъ. ꙗвисѧ благодатию мефодиѥ. достоинꙑими отъвѣтꙑ. отьца (sic) оубо параклита исходѧща. а не сꙑноу глаголѧ. нъ равьньствъмь троицю чисти исповѣдающе.

Б҃. Непрестаи о насъ молѧщи. пресвѧтаꙗ богородице дѣво ꙗко вѣрьнꙑимъ. оутвьржениѥ тꙑ ѥси. и надежею твоѥю крѣпимъсѧ. тѣмьже тѧ ис тебе. въплъщенааго бога прославлѧѥмъ.

Пѣ҃. з҃. ірм҃. иже ѿ июд.

Нескоудьно съкровище. ꙗвисѧ коуриле пресвѧтоуоумоу доухоу. имь же просвѣщьсѧ. наоучи вьсь миръ ꙗзꙑкꙑ въспѣвати. отьць наших.

Аврамъ дроугꙑи. преселениѥмь ꙗвисѧ. отьче куриле. въ землю ханаоньскоу. юже просвѣти словъмь. нова оучениꙗ въспѣваꙗ оц҃ь наш.

Моравьскаꙗ страна. вели застꙋпъ и стълпъ имѣꙗ къ богоу. тобою просвѣщена. наоучи (sic) въспѣвати въ свои ꙗзꙑкъ. оц҃ь н.

Еуангельскоу словеси. достоинъ ꙗвисѧ. отьче мефодиѥ. ꙗсно исповѣдати. наоучити коньца вьсѣми ꙗзыкꙑ въспѣвати. отьць наших.

Б҃. Из дѣвичь ложеснъ. въплъщьсѧ ꙗвисѧ на съпасениѥ наше. тѣмьже матерь твою. видѣвъше богородицю правовѣрьно въпиѥмъ. отьць н҃:

Пѣ҃. и҃. ірм҃. седьмь седми:

Тобою намъ прѣсвѧте. свѣтъ въсиꙗ тьмьнꙑимъ. и омраченꙑимъ грѣхъми лютꙑими. въсиꙗ ꙗко свѣтъ проходѧ до запада. бѣсовьскоую льсть и ересь посѣкаꙗ. тѣмьже ти дьньсь праздьноующе памѧть вьси дѣти бл҃те:

Отъ въстока проиде. ꙗко сълньце свѣтозарьноѥ. льсть прогъна бѣсовьскоую богогласе. тоучами кънижьнꙑими. сластьно напои вьсь миръ. слово раздаꙗ ꙗзꙑкомъ въпиꙗ. дѣ҃ бл҃те:

Достоиноу ти похвалоу. къто издречи можеть. подвигꙑ и трꙋдꙑ твоꙗ почитаꙗ. възгрьмѣ ꙗко громъ. на вьсѣхъ коньцихъ словесьнꙑи плодъ. вьсѣмъ раздаваꙗ отьче мефодиѥ. тѣмь тѧ чьтоуще вѣрьно. дѣ҃ бл҃г:

Илии рьвениѥмь. и кротостию моисѣю. и незълобиѥмь давꙑдоу подобѧсѧ. издрѧдьнъ притъчами. и наказаниѥмь премоудръ. и сластию премоудро въпиꙗаше. дѣ҃ бл҃те:

Б҃. Чьртогъ чьсарьскꙑи. въ немьже христосъ полежа. свободоу чловѣчьскоу родоу подаꙗ. юже пронаричаша. прѣчьстьнии пророци. христа бога нашего прѣвѣчьнꙋю свѧтꙑню. того благословите марию въспоите. людиѥ пре:

Пѣ҃. д҃. ірм҃. въ истиноу:

Ꙗко чада си блажене приими припадающа. пречистꙑꙗ молитвꙑ за нꙑ свѧте помолисѧ:

Прими богогласе мольбьноую ти пѣснь приносѧще. и вари къ богоу молитвами си. и отъ напасти и бѣдъ избави нъı сватѣ. тебе величаемъ·

Очисти мѧ молюсѧ твоими молитвами. богогласьне отьче мефодие. и отъ лютъıихъ грѣхъ имиже мѧ оумъзви врагъ·

Юже ти приносимъ мольбоу прѣблажене. прими изъ оустъ недостоинъ. прилѣжьно молисѧ къ христоу за стадо свое·

Б̂. Пристанище тѧ съпасеное вѣровавъше. пресватоуоумоу ти рожьствоу съвѣдоуще. отъ бѣдъ избавити тебе сѧ молимъ·

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО

списковъ службы Св. Кириллу, просвѣтителю Славянъ, принадлежащаго г. Григоровичу и московской Синодальной Библіотекѣ.

Служба святому Кириллу, сохранившаяся въ служебныхъ минеяхъ московской синодальной библіотеки, по письму своему принадлежитъ къ концу XII или началу XIII в. Г. Григоровичъ почитаетъ свой списокъ древнѣйшимъ (стр. 264,) хотя онъ относитъ его только къ XIII в. Это зависѣло кажется отъ того, что г. Григ. не видалъ подлинной рукописи синодальной, и судилъ объ ней по выпискамъ, сдѣланнымъ безъ соблюденія древнихъ формъ письма. Иногда онъ и самъ колеблется въ опредѣленіи времени написанія имѣющихся у него рукописей. Такъ взявъ изъ рукописной Тріоди въ эпиграфъ своей статьи тропарь Св. Кириллу и Меѳодію, онъ означаетъ ркп. XII в. на страницѣ 264-й пишетъ: тропарь Св. Кириллу и Меѳодію въ тріоди XIII в. см. эпиграфъ. Знатокъ славянскихъ нарѣчій, О. М. Бодянскій, приведя на стр. 78-й своего изслѣдованія о происхожденіи славянскихъ письменъ, отрывокъ изъ сей службы, сообщенной ему г. Григоровичемъ, замѣтилъ въ примѣчаніи 75-мъ: „языкъ сей службы въ теперешнемъ ея видѣ, очевидно уже средне-булгарскій“

Предоставляя спеціалистамъ по языку, его грамматическимъ формамъ и начертанію буквъ, рѣшать вопросъ объ относительной древности обоихъ списковъ, мы обратимъ вниманіе на сравнительную исправность обоихъ списковъ.

Въ синодальномъ спискѣ на первомъ мѣстѣ поставленъ сѣдаленъ. Какимъ образомъ сѣдаленъ попалъ на первое мѣсто въ службѣ трудно понять. По своему содержанію

сей сѣденъ могъ бы быть и тропаремъ. Вотъ его смыслъ: Просвѣтивъ свое сердце молитвою къ Богу, и озаривъ душу Богодухновеннымъ ученіемъ, нынѣ пришелъ ты къ свѣту невечернему. Посему съ веселіемъ сердечнымъ празднуемъ нынѣ свѣтоносную твою память, преславный Кирилле“

Списокъ г. Григоровича начинается стихирами на Господи воззвахъ, которыя тѣже и въ синодальномъ спискѣ. Но въ спискѣ г. Григор. есть еще особыя стихиры на *Слава и нынѣ* и тропарь, которыхъ нѣтъ въ спискѣ синодальномъ. Въ первой стихирѣ встрѣчаются уже разночтенія между обоими списками. (1)

Въ спискѣ синодальномъ читаемъ: „Красоту свѣтлу добродѣтель имѣя отче, весь миръ протекова дѣлатель, яко пчела.“ Въ спискѣ Григ. это мѣсто читается такъ: Красоту пресвѣтлу дѣтель имѣя отче, въ весь міръ протекъ, яко пчела.“ намъ кажется слово *добродѣтель* болѣе приличнымъ здѣсь, нежели просто *дѣтель*, какъ стоитъ въ спискѣ г. Григоровича: словомъ *дѣтель* переводится Греческое *πρᾶγμα* и *ῥῆμα*, и иногда этимъ словомъ обозначается и дѣло нехорошее. Такъ въ спискахъ Библіи XVI в. читаемъ мы, что Іосифъ говоритъ братьямъ, у которыхъ нашелъ мнимо украденную чашу: что дѣтель сію створисте (Быт. 46, 15). Здѣсь дѣтелью названо воровство. Въ подобномъ смыслѣ это слово встрѣчается Суд. 6, 29. Потому когда опредѣлено уже свойство дѣла прибавленіемъ *добро*, приличнѣе будетъ назвать его красотою свѣтлою или пресвѣтлою.—Слово *дѣлатель* совсѣмъ неизлишнее въ спискѣ синодальномъ потому, что тутъ начинается уже

(1) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приводя чтеніе изъ обоихъ списковъ мы не удерживаемъ особенностей древняго правописанія: желающій можетъ справиться въ приложенныхъ текстахъ.

другая мысль: ты дѣлалъ какъ пчела. Весь смыслъ этой стихиры можетъ быть переданъ такъ: свѣтлымъ украшеніемъ имѣя добродѣтель, отче, ты весь миръ протекъ; трудясь какъ пчела, ты вносилъ священный медъ Боговѣденія въ сердца вѣрующихъ въ единаго Христа, по своей неизреченной милости, и великому снисхожденію, пришедшаго на землю и обожившаго человѣковъ.

Стихира вторая въ обоихъ спискахъ имѣетъ не совсѣмъ одинаковый смыслъ, и трудно сказать, которому чтенію нужно отдать преимущество. По списку синодальному стихира можетъ быть такъ переведена: кроткій милостію и полный Божіей мудрости, украшаемый правовѣрнымъ ученіемъ, блаженне Кирилле, ты проходилъ города и страны, Богомъ уловленныя, и благодатію просвѣщалъ еще не получившихъ спасительнаго вѣденія.

По списку Григоровича можно передать такъ: смиренный мудростію, исполненный любви Божіей, преукрашенный правовѣрнымъ ученіемъ, ты блаженный Кирилле, прошелъ грады и страны, уловляя ихъ при помощи Божіей, просвѣщая благодатію неимѣющихъ спасительнаго разумѣнія.“ Но конструкція словъ, кажется болѣе правильна въ синодальномъ спискѣ.

Въ первой пѣсни въ тропарѣ первомъ есть разночтенія въ спискахъ, дающія также не одинаковый смыслъ ему. Въ синод. стоитъ: *преложь*, въ спискѣ г. Григ. приложи; въ синод. *напитася*, у Григ. напитися. Чтеніе синодальнаго списка нужно предпочесть: очевидно здѣсь двѣ мысли въ тропарѣ, и первая представляется какъ причина второй. Кириллъ напитался отъ чаши премудрости, потому въ своемъ разумѣ явилъ свѣтъ языкомъ. Авторъ статьи о древнихъ канонахъ Кириллу и Меѳодію относитъ слово: *божественныи* къ устамъ, указывая на церковную пѣснь св. Григорію Богослову, гдѣ употреблено подобное же

выраженіе, и которая очевидно послужила образцомъ для составителя канона Кириллу; къ тому же заключенію приводятъ и правила славянскаго словосочетанія, по которому слово *Божественныи* нужно отнести къ устамъ, а не къ премудрости.

Второй тропарь, кажется, правильнѣе читается въ спискѣ г. Григоровича, нежели въ синодальномъ. „ просвѣщь, яко свѣтило тя свѣтодавецъ Христосъ Богъ нашъ всему міру яви учителя, и посла тя, учити темныя книгами законоучными языки западныя. Смыслъ стихиры такой: Свѣтодавецъ Христосъ Богъ нашъ, просвѣтивъ тебя, какъ свѣтило, явилъ въ тебѣ учителя всему міру иославъ тебя учить народы западные, у которыхъ темныя книги, изъ коихъ они учатся закону, или которые темны т. е. непросвѣщенны отъ книгъ, по которымъ они учатся закону. Въ синодальномъ же спискѣ вмѣсто *свѣтило*, читается *свѣтила*, вмѣсто *учити, учитъ;* а послѣднія слова читаются: темныхъ книгами закона языки западныя.

Разстоновка словъ въ слѣдующемъ тропарѣ такъ затруднила г. Григоровича, что онъ дѣлаетъ самый невѣрный переводъ его, именно: Тебя Богъ извлекъ изъ пучины учителя, потому то ты обогатилъ... Но смыслъ тропаря ясенъ при надлежащей перестановкѣ словъ. „ Святымъ Духомъ извлекъ, ты мудрый, изъ пучины Божіихъ словесъ драгоцѣнный бисеръ благовѣрія и освятилъ, блаженный, книгами закона народы.“ Въ синодальномъ спискѣ союзъ *и* предъ *языки* излишенъ.

Въ Богородичнѣ въ спискѣ Григор. очевидно описка; у него читается: красными прѣимѣя небеснымъ силамъ. Вслѣдствіе этой описки онъ замѣчаетъ, что „смыслъ богородична для него непонятенъ. Слово сложенное изъ *пръ* и причастія *имѣя* трудно привести въ связь съ цѣлымъ періодомъ.“ Но въ синодальномъ спискѣ вмѣсто: красными читается:

красный умъ. Смыслъ такой: умъ твой прекрасный возвысился надъ небесными силами; ибо Божіимъ содѣлался твой храмъ душевный, когда ты Дѣво, *гора* пресвятая, понесла во чревѣ Бога нашего.

Въ третьей пѣсни въ первомъ тропарѣ въ спискѣ г. Григоровича вѣрнѣе написано: *силу*, нежели какъ въ синодальномъ *сила* и слово: *удавль* грамматически лучше идетъ, нежели *удави*, какъ читается въ синодальномъ.

Второй тропарь имѣетъ ошибки въ обоихъ спискахъ и одинъ другимъ можетъ быть исправленъ. Въ синодальномъ спискѣ читаемъ: цѣвница приточна свята во истину явися, блажене Кирилле, гласомъ спасена, святымъ звукомъ духовнымъ бряцая красно, сна отганяше.“ У Григор. цѣвница притчами святыми истиная явися, блажене Кирилле, гласъ намъ спасенія, звукомъ духовнымъ бряцая прекрасно, лесть прогналъ еси. Слова синод. списка: *гласомъ спасена*, очевидно должны быть замѣнены словами списка Григоровича: гласъ намъ спасенія. Первыя слова синод. списка могутъ быть переданы: ты воистину явился святою приточною цѣвницею.“ По списку Григ. “Ты истинною цѣвницею ради святыхъ твоихъ притчей явился. Послѣднія слова представляютъ уже не описку, а сознательную замѣну въ син: *сна* прогонящь, у Григор. *лесть* прогналъ.

Въ слѣдующемъ тропарѣ *вмѣсто гласьна* синод. списка, читается у Григор. *добро гласная* вмѣсто: *глаголивая, златоглаголивая*. Въ послѣднемъ тропарѣ у Григ. сказано вѣрнѣе: *свѣтомъ*, вмѣсто синод. *свѣтемъ*, равно какъ *пльтію* вмѣсто пльть, смыслъ такой: совѣтомъ отчимъ и осѣненіемъ Духа Святаго, безначальный Сынъ и Слово, вселился въ твои ложесна Богородице, и отъ тебя родился плотію, спасая человѣковъ.

Въ спискѣ синодальномъ нѣтъ сѣдальна по третьей пѣсни, который есть въ спискѣ г. Григоровича.

Въ четвертой пѣсни второй тропарь читается въ синод. *Копіемъ словесъ твоихъ*, яко *Замврія пронзилъ еси*, а въ спискѣ Гр. яко *зубрія принесли еси*. Г. Григор. сомнѣвается, чтобы здѣсь нужно было читать: *замврія* вмѣсто *зубрія*. Но послѣдующія слова ясно опредѣляютъ это чтеніе прибавляя: мадіамстѣй ереси горько приложься. Очевидно здѣсь указывается на извѣстное Библейское событіе, когда Финіесъ пронзилъ копіемъ Замврія, вопреки повелѣнію Божію вступившаго въ связь съ Мадіянитянкою (Числ. 25). Для объясненія того, почему составитель канона отступленіе въ иконоборство сравниваетъ съ отступленіемъ въ ересь мадіамскую, можно указать на то, что враги иконъ были Аравитяне Магометане, въ числѣ предковъ которыхъ считались и Мадіамитяне, и самое иконоборство въ Византіи по мнѣнію многихъ возникло изъ идей Магометанскихъ, а потому оно очень прилично могло быть названо ересію Мадіамскою. Въ спискѣ синод. безъ нужды повторяется слово: *тѣлесъ* тѣлеснаго образа; у Г. читается просто: тѣлеснаго образа, и это чтеніе должно быть предпочтено.

Слѣдующій тропарь читается не сходно въ обоихъ спискахъ, Син. Равносущу проповѣдалъ еси силу Святаго Духа Отцу и Сыну, трисолнечнаго гласа, имже Божіи бываемъ, по поданію. У Григ. Равносущную, проповѣдалъ еси Святаго Духа силу Отцу и Сыну трисолнечнаго свѣта, имже Божіи бываемъ по поданиу сынове свѣту и истіи наслѣдници. Въ спискѣ Г. текстъ полнѣе, и кажется лучше сохранился; смыслъ можно передать такъ: Равносущную Отцу и Сыну какъ трисолнечный свѣтъ, проповѣдалъ ты силу Святаго Духа, чрезъ котораго по дару его, мы бываемъ Божіими, сынами свѣта и истинными наслѣдниками.

Въ Богородичнѣ сей пѣсни также нужно въ послѣднихъ словахъ отдать предпочтеніе списку Григ., въ Синод.

читается: *Бога всѣмъ родила еси*, сына Божія *и Бога*, въ нашъ образъ,—очевидно ненужное повтореніе. У Григ: „благословеніемъ бо всѣмъ родила еси Сына Божія въ нашъ образъ.“ Въ первой части тропаря говорилось объ осужденіи Адамовомъ: естественно во второй части о благословенной въ женахъ встрѣтить выраженіе, что она благословеніемъ родила Сына Божія. *Въ пятой пѣсни* у Григ. *мыслію* своею, въ синод. *мастію* своею; чтеніе синодальнаго списка вѣрнѣе. Составитель канона очевидно здѣсь пользуется Библейскимъ выраженіемъ изъ псалма 44-го стих. 3, 8, 9. Смыслъ стиха такой: Отъ помазанія благоукрасившаго тебя, блаженный, благодать духовная излилась во устахъ твоихъ, мудрый, и ты изсушивъ глубину нечестія, наводнилъ ее твоими словами.

Во второмъ тропарѣ слово поставленное въ спискѣ Григ. „равнѣя“ объясняетъ смыслъ слова синод. списка: равьняя (т. е. уравнивая).

Третій тропарь имѣетъ смыслъ болѣе ясный въ спискѣ Григ., нежели въ синод. Списокъ синодальный даетъ такую мысль: Подъ руководствомъ твоего слова и притчей, премудрый Кирилле, переплывавшихъ бездну, ты привелъ по ихъ благой вѣрѣ, отъ зимы мрачной, въ тишину горнихъ обителей. Но послѣднее слово стоитъ: вшелъ еси, а не ввелъ еси, слѣдовательно относится къ самому Кириллу, а не къ руководствуемымъ отъ него. Потому вѣрнѣе въ спискѣ Григоровича стоитъ: преплавающу, вмѣсто преплавающей, синодальн. списка. Смыслъ будетъ такой: Дивно переплывъ бездну твоимъ словомъ и притчами, блаженный Кирилле, благою вѣрой ты истинно перешелъ изъ мрачнаго узилища въ вышнюю обитель.

Въ Богородичнѣ въ спискѣ Григор. лишнее *и* между словами: сынъ *и* человѣкъ, но конецъ стиха правильнѣе написанъ у Григ. Въ синод. спискѣ: и небесну уму, цьсарьствію

человѣкы сътворилъ есть. У Григ. „и небесному царствію сыны съдѣлалъ есть. Но вмѣсто *блаы*, лучше читать по синод. списку: Богови. Смыслъ такой: Спасая человѣковъ Сынъ, равный Отцу дѣлается человѣкомъ, пріявъ отъ тебя, пречистая, плоть, и земное соединивъ съ Богомъ, содѣлалъ ихъ сынами небеснаго царствія.

Пѣснь шестая. Весьма естественно, что первый тропарь сей пѣсни искусственный по сочиненію, и содержащій темное указаніе на историческія обстоятельства, которыя переписчикамъ могли быть неизвѣстны, или по темнотѣ самаго указанія непоняты, — подвергался ошибкамъ при переписке. Въ спискѣ г. Григор. вмѣсто: *самъ*, стоитъ снемъ; на концѣ вмѣсто—убо изнемогая, не изнемогая. По списку синодальному смыслъ этого тропаря достаточно объясненъ въ статьѣ—О древнихъ канонахъ Кириллу и Меѳодію (стр. 6), тогда какъ нѣтъ возможности дать ясный смыслъ сему тропарю по списку Григоровича.

Во второмъ тропарѣ въ спискѣ Григ. стоитъ: и изябрна, въ спискѣ синод., избрана. Очевидно послѣднее чтеніе есть правильное; потому напрасно г. Григоров. одну описку, зубрия, вмѣсто Замбриа, думаетъ подтверждать другою. Далѣе въ спискѣ синод. стоитъ, *имена;* въ спискѣ Григ. поставлено: еммена; по смыслу рѣчи видно, что *имена* нужно производить отъ *имать* или *емлю*, и читать удерживая удареніе на первой гласной. Отъ того же глагола *емлю* нужно производить и *еммена*, вѣроятно—*емлена;* но конецъ этого тропаря вѣрнѣе въ спискѣ Григ. нежели въ синодальномъ. Въ синод. читаемъ: „ яко избьрана стрѣла явися еретикомъ врагомъ, имена въ тулѣ святыими пророкы, якоже пишетъ, хранящии божьствомъ прострѣляющи.“ Въ спискѣ Григ: яко изубьрна стрѣла явися еретикомъ врагомъ, еммена въ тулѣ святѣмъ, пророческы якоже пишетъ, хранящееся божьствомъ и прострѣляюще враги.

Здѣсь очевидно заимствованіе образа изъ 49 главы ст. 2. пророка Исаіи: И положи уста моя яко мечь остръ, и подъ кровомъ руки своея скры мя: положи мя, яко *стрѣлу избранну*, и *въ тулѣ своемъ скры* мя Смыслъ будетъ такой: ты явился избранною стрѣлою противъ враговъ еретиковъ, взятою изъ тула святаго, сохраненною какъ пишетъ пророкъ Богомъ, и поражающею враговъ.

Въ слѣдующемъ тропарѣ въ синод. написано: *измада*, вмѣсто *измлада*, какъ должно читать по списку Григор.

Въ Богородичнѣ вмѣсто, плътися, по списку Григор. правильнѣе написано въ синод.—плътию; но лучше чтеніе Григ. отврьста, вмѣсто синод. *отъверьстѣ*.

Кондака и икоса, помѣщенныхъ по шестой пѣсни въ спискѣ Григор., нѣтъ въ синодальномъ.

Въ пѣсни седьмой въ спискѣ Григ. напрасно напечатано: пищаáми, вѣроятно въ ркп. стояло также какъ и въ синод. спискѣ: пищалми.

Смыслъ втораго тропаря переданъ въ статьѣ о древнихъ Канонахъ (стр. 7-я).

Смыслъ третьяго тропаря можетъ быть переданъ такъ: Въ тебѣ Господь всѣмъ даровалъ источникъ запечатанный воды сладкотекущей, напаяющей всегда сыновъ благовѣрія, и своимъ ученіемъ наполняющей какъ рѣка церковь Господню.

Въ Богородичнѣ въ спискѣ Григ. вѣрнѣе сказано: ширшую... вселився; нежели въ синод: ширьши..... всельшася.

Пѣснь восмая. Въ первомъ тропарѣ въ спискѣ синодальномъ стоитъ: вънитию, въ спискѣ Григор. вънятну. Г. Григор. объясняетъ слово, внятну, изъ глагола вънятися

горѣть, и переводитъ: явился свѣтъ Божественнаго пламени, замѣчая, что слово—внятну, въ смыслѣ понимать, не можетъ согласоваться съ слѣдующимъ: еже отъ Бога. Но гораздо проще, кажется, можно по списку Григоровича объяснить смыслъ словъ, переставивъ слова такъ: свѣту внятну еже отъ Бога приложься, свѣтъ явися; т. е. ты о философе, приложившись къ такому свѣту, который очевидно происходитъ отъ Бога (понятному, что отъ Бога).

Трудно рѣшить, какое чтеніе вѣрнѣе въ слѣдующемъ тропарѣ. Г. Григоровичь читаетъ: въ Хазарѣхъ приложитися; въ синодальномъ спискѣ: Казарѣхъ приложься. На основаніи синодальнаго списка, въ статьѣ о древнихъ канонахъ (стр. 7), дается такой смыслъ: сонмъ Еврейскій, приложившійся къ Хазарамъ въ градахъ сѣверныхъ, разсѣянъ острымъ оружіемъ слова твоего: ибо ты, учителю святый, выступивъ противъ него одинъ, поразилъ его, какъ нѣкогда Давидъ Голіаѳа язычника. Григ. по своему списку даетъ такой смыслъ словамъ: Когда разсѣянъ былъ сонмъ Еврейскій острымъ оружіемъ словъ твоихъ, въ градахъ сѣверныхъ въ Хозарахъ, тогда онъ приложился къ тебѣ. Можно бы допустить подобное объясненіе, какъ указаніе на успѣхи проповѣди Кирилла между Евреями, хотя и то слышалось бы здѣсь преувеличеніе. Но послѣднія слова тропаря не благопріятствуютъ подобному толкованію. Здѣсь говорится только о пораженіи сонма, а не о привлеченіи его къ Меѳодію. Посему нужно предпочесть смыслъ, какой даетъ Синодальной списокъ.

Въ Синодальномъ спискѣ нѣтъ третьяго тропаря осмой пѣсни, который читается въ спискѣ Григ. „Велика тя оплота“ такъ какъ во всѣхъ прочихъ пѣсняхъ сверхъ Богородична вездѣ по три тропаря, то должно думать, что въ синодальномъ спискѣ опущеніе здѣсь произошло отъ писца.

Смыслъ Богородична въ сей пѣсни такой: Наученные книгами святыхъ пророковъ, мы вѣрою исповѣдуемъ тебя, Дѣво, Богородицею; ибо ты родила отроча Ветхаго деньми, какъ новаго человѣка; посему поемъ тебя святую и превозносимъ во вѣки.

Пѣснь девятая. Чтеніе перваго тропаря предлагаемое въ спискѣ Григоровича, кажется намъ исправнѣйшимъ, нежели въ спискѣ синодальномъ: Христосъ, какъ драгоцѣнный свѣтлый камень блещущій во всѣхъ концахъ, вложилъ тебя, о мудрый, въ вѣнецъ церковный, ради котораго ты до смерти подвизался, воспитывая многихъ вѣрныхъ разумомъ и благочестіемъ.

Во второмъ тропарѣ обращаетъ вниманіе слово, по списку Григор. въ окіанѣ, по Синод. въ каонѣ. Объясненіе, приводимое г. Григоровичемъ стр. 28 изъ житія Меѳодія, кажется достаточно показываетъ, какое чтеніе нужно принять: И возвратися въ Мораву въ градъ Каонъ. Была область Хаонія въ Епирѣ, но указаніе на эту область едва ли объяснитъ дѣло. Изъ житіи ли перешло это слово въ службы, или изъ службъ въ житіе, неизвѣстно. Разнообразіе письма этого слова въ разныхъ спискахъ показываетъ, что оно мало было понятно и современникамъ. Такъ въ одномъ хронографѣ XVII в. принадлежащемъ библіотекѣ Виѳанской семинаріи, читается: въ Катаонѣ; въ прологѣ читается, что св. Кириллъ скончался въ Канаонѣ градѣ, гдѣ онъ былъ и Епископомъ.

Благоразумно поступилъ авторъ статьи о древнихъ канонахъ Кириллу и Меѳодію, разсѣкши такъ сказать, мечемъ этотъ запутанный узелъ, и признавъ слова—и въ Каонѣ, позднѣйшею вставкою. Конечно подобный способъ рѣшенія не удовлетворитъ записныхъ филологовъ, но онъ избавитъ

отъ опасности дѣлать предположенія подобныя тѣмъ, какія сдѣлалъ г. Григоровичь, защищая описку въ словѣ „замбриа.“

Смыслъ послѣднихъ двухъ тропарей въ девятой пѣсни ясенъ и непредставляетъ въ обоихъ спискахъ никакихъ значительныхъ варіантовъ.

Сличеніе показало, что въ большей части разно-чтеній, преимущество должно было отдать списку синодальному. Есть и въ немъ ошибки, но нѣтъ столь грубыхъ, какія встрѣчаются въ спискѣ г. Григоровича. Списокъ г. Григоровича долженъ быть признанъ позднѣйшимъ уже потому, что онъ имѣетъ дополнительныя стихиры по 3-й пѣсни и по 6-й канона. Но во всякомъ случаѣ совокупное изданіе обоихъ списковъ весьма полезно, какъ показалъ опытъ сдѣланной нами повѣрки одного списка другимъ.

П. Казанскій.

Мц҃а. апрі: ѕ҃. памѧ҃. и҆ похва҃. прѣбл҃женою ѡц҃оу нашею. и҆ наставникоу словѣньскꙋ ѩзыкоу. кѵрила философа. и ст҃г. меѳодиа оучителѣ. бл҃гви ѡ҆ч҃е.

(Изъ рукописи П. И. Севастьянова, писанной на пергаменѣ въ 4-ку, на 107 листахъ, уставомъ XIII в., л. 34—37.).

Се вьсиа҆ намъ хр҃толюбц҃и свѣтозарна.. (1) памѧтъ. прѣбл҃женаго ѡц҃а наше.. кирила. новаго ап҃ла и҆ ꙋчителѣ всѣмъ странамъ. и҆же бл҃говѣрьствиемъ и красотоѩ. вьсиꙗ на земи ꙗко сл҃нце. трии҆постаснаго бж҃тва. зарѣми всего мира просвѣщаѩ. Прѣмѫдростъ би҃а сьз҃а вь ср҃ци его. храмъ себѣ. и҆ на ѩзыцѣ е҆го ꙗкоже на херꙋвимѣ почиваа҆ше дх҃ъ ст҃ы҆ присно. раз҃ѣлѣѩ дары по числоу вѣрѣ. ꙗкоже ре҃ павелъ ап҃лъ. е҆диномоу же комоужо на҃. . . . . (2) бл҃готъ. по мѣрѣ дарованиа҆ хв҃а. и҆же бо мѧ ре҃ г҃ъ любитъ. то́ и҆ а҆зь вьзлюбѧ е҆го. и҆ ꙗвлѣѩсѧ е҆моу самъ. и҆ о҆битѣль си вь немь сьтворѧ. и҆ бѫдет ми вь сн҃а. и҆ азъ бѫ҃ е҆моу вь ѡ҆ц҃а. того же ѿчьства искы прѣбл҃жны́ съ ѿц҃ъ. и҆ оу҆читель нашь. о҆стави житиа҆ сего всѧ красотѫ домъ и҆ бг҃атьство. ѡ҆ц҃а и҆ мт҃ре братиѩ и҆ сестры. И҆змла҃ же бы҃ чистотоѭ ꙗко а҆гг҃лъ. оукланѣѩсѧ и҆ оу҆бѣгаѩ ѿ житеискыи҆хь сластеи. прѣбываѩ присно. вь ѱал҃мѣхъ и҆ пѣнихь. и҆ вь поꙋчени дх҃внѣ. единъ пѫтъ гонѧ. им҃же.. вьзыти на нб҃са. тѣм҃же и҆ и҆злиа҆сѧ вь оустѣ҃ его бж҃иа҆ бл҃гь. Ꙗкоже ре҃ прѣмѫдры сол.монъ. вь оу҆ст҃нахь прѣмѫдроу

(1) Точки въ началѣ, въ срединѣ и двѣ въ концѣ словъ означаютъ пропуски буквъ: поля рукописи сильно обрѣзаны, а потому во многихъ мѣстахъ въ началѣ и въ концѣ строкъ недостаетъ по одной и по двѣ буквы.

(2) Нѣсколько буквъ выскоблено.

вѧзіт.. чювьствиѥ. закон же и млть на ѭзы.. носитъ. имже свѧза злохоулнаа оуста е..тигомъ. Ереси бо вьставши. при теѡд.лѣ иконоборци. многаа лѣта прѣбы. и ..ннаа стьни. При блговѣрнѣмъ же цр.. михаилѣ. правовѣрнии сьборъ сьтвор.. поустишѫ его на еретигы ты. и всѧ зл.бѫ ихь попали. дхвноѭ силоѭ. идеже б. аще слышааше каковѫ хоулѫ. ѡ бжтв.нѣмъ ѡбразѣ то ꙗко крилатъ прѣлатааше всѧ страны. ꙗснами притчами. с.блазны всѧ разарѣѩ и наоучаѩ правовѣрию павлѧ ѡстанкы напльнѣаше.

Прѣлатаѭ ꙗко ѡрелъ на всѧ страны. ѿ вьстока до запада. и ѿ сѣвера и юга. вь козѣрѣх же. и срацинѣхь. о стѣи вѣрѣ вь сьборѣхь обрѣтаѩсѧ. трьсвѣтлами ꙗко слнце сиꙗѩ. всѣкѫ блѧди ихь разарѣѧ вь фоульсцѣ же ѭзыцѣ. безбожнѫѩ льстъ разорь. тръбезначѧлны свѣтъ в.сиа. словѣньскоу ѭзыкоу в неразоумій .. вь мрацѣ грѣховнѣ сѫщоу. млтиѩ и члвколюбиемъ. га нашего іс ха. ꙗвленъ бы пастырь и оучитель. и затьче оуста влькомъ. трьѭзычнымъ еретикомъ .зьꙗшнѣѭ пророчьскы. ꙗзыка гѫгнива. и писмеными направлѣѩ всѧ. на пѫтъ спсениа. Въ римѣ же изволи гъ бъ. прѣчьстномоу тѣлоу его почити. егоже и трѹдъ и хожениѥ почитаѭще. подобны похвалы нѣ комоу приложити. аще бо и послѣже вьсиа всѧ прѣспѣ. ꙗкоже и деница послѣже вьсходѧщи. свѣтлостиѧ своеѩ. весь ликь ѕвѣздны облистаетъ. слнчами зарѣми свѣта проꙗвлѣѩщі .ако и сь прѣблжны ѿцъ. и оучитель ѭзыка нашего. паче слнца троичными зарѣми сиꙗѩ. просвѣти бечислъна народа. вь тьмѣ же лежѫща невѣниа. кое же мѣсто ѹтаисѧ. егоже не ѡсвти стопами своими. Каа же ли хытростъ. оутаисѧ. ѿ блженыѭ его дшѧ. всѣмъ бо ꙗзыкомъ сьскрьвеныѭ тайны. въ извѣстныихъ словесны разоумно исповѣдоуѭ сказа. ѡвомоу писмены. ѡвомоу

ꙋченїемъ. ѝзлиасѧ бж҃иа блг҃тъ вь оустнахь его. и сего ради бл҃ви и б҃ъ вь вѣкы. Тѣмже каа ꙋста исповѣдѧть. сладость тѫ оучениа его. которы ли ѭзыкъ постигнетъ изрещи. подвигы и троуды. и добротѫ житиа его. та бо ꙋста свѣтлѣйшаа свѣта ꙗви г҃ъ. ѡмраченыѧ льстиѧ грѣховноѭ просвѣщаѩща. того ѭзыкь сладостныѭ и животныѧ гл҃ы источи. тѣ прч҃тнѣи оуст҃нѣ. прѣмѫдростиѧ процьвтосте. Того же прч҃тний пръсти. дх҃вныѭ органы ѡсновашѫ. и златозарны писмены оукрасишѫ. тѣми бг҃лными оусты напоишѫсѧ жѫжѫщии. разоума бж҃иа. тѣми насладишѫсѧ мноѕи. животныѭ пищѧ. тѣмже ѡбг҃ати б҃ъ многы ѭзыкы б҃оразоумиемъ. Паче бг҃.тканнымъ вѣнцемъ оувѧзе. многопл.тенаа ѩзыка словѣньска. Томоу тьи ап҃лъ послань бы ѿ тѣхь оубо ꙋстъ истече. источникъ животныихъ словесъ. напааѩ исхшаѩ соухотѫ нашѫ, и тѣми свѧзасѧ многохоулны ѩзыкъ іеретичьскы. Та бо ꙋста чьст҃наа. ꙗвишѫсѧ ꙗко единъ ѿ серафимъ. б҃а прославлѣѭщ.. и тѣми познахомъ трисьставное бжств.. Единѣмъ сѫществомъ ѡбьдръжимъ. свойствы же именованы раздѣлѣемо. и равнопрославлѣемо. сьприсносѫщна ѡц҃а. и ст҃го дх҃а. тѣмже бл҃жѫ твои оуоустнѣ Ѡ бл҃жны ѡч҃е куриле. имаже моима оустнама. сладостъ дх҃вная и...чисѧ. Бл҃жѫ многогл҃ны твои ѭзыкъ имже моемоу ѭзыкоу. тръбезначѧнааго бж҃тва зарѣ вьсиавши. мракъ грѣховны ѿгна. Бл҃жѫ многопрѣсвѣтлое лице твое. озаршеесѧ ѿ ст҃го дх҃а имже моемоу лицоу б҃оразоумныи свѣ вьсиа. и многобж҃наа льсть искоренисѧ. Бл҃жѫ златозарнѣи твои ѡчи. имже моима очима слѣпота неразоумнаа. ѡтѧта бы. и б҃оразоумиа свѣтъ вьсиа. Бл҃жѫ агг҃лозрачнѣи твои зѣніци. озарившиисѧ ѿ бж҃твныѭ славы. иже срч҃нѫѩ ми. слѣпотѫ прогнавши. б҃одьхновены словесы просвѣтисте. Бл҃жѫ прч҃тнѣі твои

рѫцѣ. имаже сьниде моемоу ꙗзыкоу. бо҃разоумнаа тѫча. напаꙗщи бо҃тѫчноꙗ росоѭ. изгорѣвшаа грѣховноꙗ соухотоꙗ. срⷣца наша. Бл҃жѫ бо҃движныꙗ твоѫ пръсты. имиже написасѧ. моемоу ѭзыкоу свобода. ѿ грѣховнаго ига. Бл҃жѫ златозарнѫꙗ твоꙗ ѭтробѫ ѿ неꙗже истече ѭзыкоу моемоу животнаа вода сьвыше сходѧщи. твоими мл҃твами. Бл҃жѫ свѣтозарнѣи твои ноѕѣ. имаже обтече ꙗко сл҃нце всего мира. проповѣдаꙗ бо҃дьхновенымъ оучениемъ. Бл҃жѫ златозарныѭ твоѫ стопы, имаже направи заблѫждьшѫꙗ. нашѧ стопы. на пѫть правь. Бл҃жѫ пр.ст҃ѫꙗ твоѭ дш҃ѫ. еꙗже моеѧ дш҃ѧ. грѣховний строупи ицѣлѣшѧ. и разоум.. вьсадишѫ вь срⷣцихь нашихь. дх҃вными словесы. Бл҃жѫ бо҃движныꙗ твоꙗ пръсты. имиже написасѧ. оутаенаа ѿ многь бж҃иа прѣмѫдростъ. ѿкрываꙗщи. бо҃разоумныѭ тайны Бл҃жѫ свѣтозарнѫꙗ твоꙗ ѭтробѫ. ѿ неѭже истече всѣмъ странамъ животнаа вода сьвыше сходѧщи. твоими мл҃твами. Бл҃жѫ свѣтозарнѣи твои ноѕѣ. имаже ѡбтече ꙗко сл҃нце вьсего мира. просвѣщаꙗ. бо҃дъхвнымъ оучениемъ. Блжѫ прч҃тнѫꙗ твоѫ цр҃квъ. в неиже лежитъ многоразоумный бо҃глвы твои ѡрганъ. Бл҃жнъ градъ тъ. приемыи третиаго сьвръшителѣ. бж҃ию смотрению. тою бо врьховною свѣтилоу. останькъ испльнѣꙗ. ꙗвисѧ бл҃жны сьи Тѣмже и сь нима повелѣ емоу. г҃ъ б҃ъ. прѣч҃тны покой приꙗти. почи же съ миромъ ѡ г҃и. в лѣ ѿ сьзаниа всего мира. мц҃а феврѣрѣ. вь. д҃г. дн҃ъ. и приложисѧ житиемъ и вѣроѭ. кь всѣмъ ст҃ымъ оц҃емъ. и всѣхь чины и троуды. в себѣ сьвръшивь. и бы сь агг҃лы ꙗко агг҃лъ. и сь апл҃ы апл҃ъ. и сь прр҃кы прр҃къ. сь всѣми ст҃ыми. сьѡбещникъ славѣ бж҃ии. .ь ними же мл҃исѧ за ны. прѣпо҃бны оучителю. чьтѫщѫꙗ прѣславное твое ѹспение. Вь славѫ прѣст҃ыꙗ тр҃цѫ. Ѡц҃а и сн҃а и прѣст҃го дх҃а. нн҃ѣ и пр҃н и вь вѣкы амінь.

Похвала ст҃мꙋ кирилꙋ. оу҆чителю словѣньскꙋ ѧ҆зыкꙋ. сътворено климентѡ́мъ є҆пкп҃ѡ́мъ.(1)

Се҆ повѣда намъ хрⷭ҇тѡлюбци҆. свѣтозарнаѧ памѧ҇ блж҃на ѡ҆ц҃а нш҃его кирила. новаго́ апл҃а и҆ оу҆чителѧ всѣмъ страна҃. и҆же бл҃говѣрі҃емъ и҆ красотою въсїа намъ

(1) Предлагаемая «Похвала Св. Кирилу» взята изъ принадлежащаго мнѣ рукописнаго Сборника (XV в.), въ которомъ она помѣщена въ-слѣдъ за жизнеописаніемъ Св. Кирилла и составляетъ съ нимъ одну главу, именно одиннадцатую. Жизнеописаніе озаглавлено такъ: «Памѧ҇ и жи҃е блаженаго ꙋ҆чителѧ нашего Костѧ́нтина философа. пръвааго наставника словѣньскꙋ ѧзыкꙋ». Начинается: «Бг҃ъ мл҃тивъ и҆ щедръ, жадаѧ на покаѧніе чл҃че». Слѣдовательно то самое, о которомъ дѣльная статья была помѣщена въ Москвитянинѣ 1843 года (ч. III. № 6. стр. 405—434). Ею начинается нащъ Сборникъ. Только, сличая выдержки изъ Кириллова житія, помѣщенныя въ Москвитянинѣ, съ нашимъ спискомъ, мы замѣтили нѣсколько разностей въ словахъ; напр.

	въ статьѣ Москвитянина:	въ нашемъ спискѣ:
стр. 410:	отъ нихъ же бѣ мѣзинецъ седьмый.	отъ них же бѣ мезиныи семыи.
408:	*сетнѣе* же на свою ся злобу обращьше, даша ему ядъ пити.	горше же на свою ся злобу обращше. даша ему ядъ пити.
416:	во Фульстѣ языцѣ.	въ фѵ҆льстѣ языцѣ.
421:	Иверіи, Гугди,..Сури.	Иверіе Еоугди... Сѵ҆ри.

ꙗко слнце. бѣсовскꙋю лесть прогонѧ. и поганьскїи мракъ. и поганьскꙋю лесть ѡсвѣщаѧ бжтвными лꙋчами. премдрть бо бжїа създа въ срци его храмъ собѣ. и на ѧзыцѣ его ꙗко на херовимѣ почиваше дхъ стыи. прно, раздѣлѧꙗ дары по числꙋ вѣрѣ его. ꙗкоже рече павелъ апл҃ъ. единомꙋ комꙋждо на дастьсѧ блгть по мѣрѣ дарованїа хва. рече бо гь иже мѧ любить, и азъ възлюблю и. и ꙗвлюсѧ емꙋ са. и ѡбитель си в немъ сътворю. и бꙋдеть ми снъ. и азъ бꙋдꙋ емꙋ ѡць. того же ѿчества ища блжнныи сеи ѡць и оучитель нашь. ѡстави житїа сего всю красотꙋ, и бгатьство. ѡца и мтрь. братїю, и сестры. измлада же бы чистотою ꙗко агглъ. оукланѧꙗсѧ и оубѣгаѧ житїискы сласти. пребываѧ

422: яже ся нарицаетъ — яже ся нарицаеть фатанъ.
Фантъ.
— Формосу и Гоиръдиху. — Фурмосу и Гоидриху (попр. Гондриху).
— Петрониллы, и нѣк. др. — Петруниды.

Обращаясь къ «Похвалѣ св. Кириллу», замѣчаемъ, что 1) по началу своему: «се повѣда намъ, христолюбци, свѣтозарная память блаженаго отца нашего Кирила», она имѣетъ самую близкую связь съ предшествующимъ ей жизнеописаніемъ св. Кирилла. 2) въ Похвалѣ указываются (разумѣется кратко) тѣ же самыя обстоятельства и въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ жизнеописаніи. 3) въ Похвалѣ повторяются даже нѣкоторыя особенныя выраженія, какія находятся въ жизнеописаніи; напр. въ Похвалѣ: «та бо уста честнѣиша явишясь, яко отъ сѣрафима Бога прославляюще»; въ жизнеописаніи: «уста бо твоя яко единъ отъ сѣрафимъ бога прославляють». Въ Похвалѣ: «иже затче уста, яко лвомъ, триязычнымъ еретикомъ, иже... причастници суть злобою Пилату творяще:» въ жизнеописаніи: «нарече я триязычникы, яко Пилату тако написавшу на титлѣ Господни» и др. Не указываетъ ли это и многое другое на единство писателя «Похвалы св Кирилу» и Житія его?

П. Савваитовъ.

оубо въ псалмѣхъ и пѣниихъ. в поученіи дховнѣ, едн пѹтк гонѧ, имже взити на нбса. тѣмже изліасѧ блгть въ оустѣх его. ꙗкоже рече премдрый соломонъ. во оустѣхъ премдрѹ вазить чювьство закон же и млть на ꙗзыцѣ носить. имже свѧза злохѹлнаꙗ оуста еретикомъ; ереси бо възгавши при феѡдилѣ цри многа лѣта пребы, иконнаꙗ стни гонима и разорѧема а не утома. при блговѣрнѣм же цри михаилѣ. правовѣрьный соборъ сътворше. пѹстиша и на еретикы. и всю злобѹ ихъ попали дховною силою. баше же началникъ ереси анніи патріархъ. егоже ѡбличивше. съгнаша и съ стола. тако же бѣ и сей оучитель да аще гдѣ ѡчютивши какову любо хѹлѹ ѡ бжтвнѣмъ ѡбразѣ. ꙗко крилатъ прелѣташе на вся страны. ꙗсными притчами. съблазны вся разорѧꙗ. а оуча правовѣрію. павлѧ же ѡстанки наполнѧꙗ. прелѣтаꙗ акы орелъ на всѣ страны. ѿ въстока до запада. и ѿ сѣвера до оуга. в козарѣх же и въ срацинѣхъ ѡ стѣи вѣрѣ, въ соборѣхъ обрѣтсѧ тресвѣтлыми зарями, ꙗко слнце восіа вся блѧди ихъ разорѧꙗ. въ фѹльстѣ же ꙗзычьствѣ безбожнѹю лесть разори. древѹ творимѹю чть. емѹже имѧ нарекоша александръ, кланѧхѹсѧ емѹ ꙗко бгѹ требѹ полагающе. се оубо искоренивъ блѧжный стада хва тревезначалнымъ свѣтомъ ѡблистаꙗ освѣти и наѹчі а правовѣрію. словѣньскѹ же ꙗзыкѹ в неразѹмьи и мрацѣ грѣховнѣ сѹщю. млтію и члколюбіемъ га нашего іс ха. ꙗвленъ бы пастырь и оучитель емѹ. иже затче оуста ꙗко лвомъ. триꙗзычным еретикомъ. иже завистію ѡмрачишасѧ и глахѹ, недостоить инѣмъ ꙗзыкомъ славити бга. токмо жидомъ, ти рѹмомъ, ти еллином причастници сѹть злобою пилатѹ творѧще. ихже блѧди разори ꙗсными притчами. паля силою прстаго дха преложи весь цркьвный ѹставъ. ѿ греческа въ словѣньскы ꙗзыкъ. и иде в рим.

ведыи на съвершенїе избранное си стадо. и радостїю
сверши теченїе свое, ꙗкоже изволи гь бгъ пречестному
телеси его ту почити. егоже подвигы и труды и хоже-
нїа почитающе. подобны похвалы не ктому приложити.
аще бо послеже всїа то вса преспе. ꙗко и дьница
послеже въсходащи. светлостїю своею весь лучь зве-
здныи облистаеть. слнчными зарами. света проꙗвлаю-
щи, тако и сеи блжныи оць и учитель ꙗзыка на-
шего. паче слнца сїаа троичными зарами, просвети
бещисленыи народ. во тме лежащь неведенїа. кое бо
место укрыса егоже не обсти стопами своими. каꙗ же ли
хитрость утаитса от блжныа его дша. всемъ бо ꙗзы-
комъ съкровеныа таины, въ извитьи словесных разумно
исповедаа сказа. овому писмены. овому ученїемъ.
излїабоса блгть бжїа во уста его. и сего ради блгви
и бгъ в векы. темже каа уста исповедают сладость
ученїа его. которыи ли ꙗзыкь постигнеть изрещи
подвигы и труды и доброту житїа его, та убо уста
света светлеиши ꙗви гь. Омраченыа лестїю греховною
просвещающа, того ꙗзыкь сластныа и животныа гласы
испусти. те пречтнеи устне премудростїю процвето-
ста ꙗко цветъ. того же пречтнїи персти дховныа
органы основаша. и златозарными писмены украси ꙗ.
теми бгогласными усты напоишаса жажущїи разума
бжїа. теми насладиша многи. животную пищу прїем-
люще. теми обгати бгъ (¹) многы ꙗзыки бгоразумї-
емъ. пакы же бготканнымъ венцемъ увазе много-
плоднаго ꙗзыка словенска. то убо новыи аплъ по-
сланъ бы. от техъ бо устъ истече источникь живот-
ных словесъ. напаꙗꙗ пресохъшую сухоту нашу. теми
свазаса многохулныи ꙗзыкь еретичь. та бо уста

(¹) бгъ—приписано надъ строкою.

чтнѣиша явишѧ. ꙗко ѿ сѣрафима бга прославлѧюще. имиже познахо҃ тре́свѣтлое бж҃тво. единѣмь сꙋщьствомъ одръжими. своиствы же и имены раздѣлѧемо. съпрн҃осꙋщна ѡ҃ца и сн҃а и ст҃го дх҃а, тѣмже бл҃жю твои оустнѣ. ѿ преблж҃нныи ѡ҃че кириле имаже всѣмъ странамъ. сладость дх҃овнаѧ источисѧ, блажю многогл҃ныи твои ѧзыкь. имже въ згремѣ ꙗко громъ, тре-бе҃началнаго бж҃тва зарею сїаꙗ. мракь грѣховныи ѿгонѧ. бл҃жю многопресвѣтлое лице твое ѡзаршьесѧ ѿ ст҃го дх҃а. имже бгоразꙋмныи свѣтъ восїа. а многобожнаѧ лесть искоренисѧ. бл҃жю златозарнѣи твои ѡчи. имаже наша слѣпота неразꙋмнаѧ ѿтѧта бы҃. и бг҃оразꙋмныи свѣтъ восїа, бл҃жю агг҃лоѡбразнѣи твои ѕѣници. ѡзарившїисѧ ѿ бж҃ественыа славы. имаже прозрѣ преже. н҃. дн҃и. пречт҃наго ти преставленїа, дн҃ь покоꙗ твоего. бл҃жю прчт҃нѣи твои рꙋцѣ. имиже сниде моемꙋ ѧзыкꙋ бг҃оразꙋмнаѧ тꙋча. напаꙗющи бг҃оточною росою. изгорѣвшаѧ грѣховною сꙋхотою срⷣца наша. бл҃жю бг҃одвижныа твоꙗ персты. имиже написа оутаенаѧ ѿ многъ. бж҃їа премдрть ѿкрывающи бг҃оразꙋмныа таины. бл҃жю свѣтозарнꙋю твою оутробꙋ. ѿ неꙗже истече всѣмъ странамъ животнаѧ вода. свыше сходѧщи твоими мл҃твами. бл҃жю свѣтозарныи твои нозѣ. имаже ѡбьтече ꙗко сл҃нце, всего мира просвѣщаѧ, бх҃одх҃овны оученїемъ. бл҃жю пречт҃нꙋю тꙋ црк҃вь, в неиже лежить многоразꙋмныи и бг҃огл҃ивыи органъ. бл҃жнъ гра҃ прїимыи третїаго свершителѧ бж҃їю смотрѣю тои оубо верховнꙋю свѣтилꙋ ѡстанки наполнѧꙗ, ꙗвисѧ бл҃жныи сеи. тѣмже и с нима повелѣ емꙋ г҃ь бг҃ъ, пречт҃ныи покои прїати. почи же с миромъ ѡ г҃ѣ. ѿ твари всего мира, въ лѣто. ҂ѕ҃. и. т҃. и. о҃. и з҃. лѣто, мц҃а февра҃ въ д҃і. дн҃ь. и приложисѧ житїемъ и вѣрою. ко всѣмъ ст҃мъ ѡц҃мъ всѣ чины и трꙋды

со́бою сверши҇: и҆ бы҇ съ а́гглы ꙗ҆ко а́ггл҃ъ. съ а́пл҇ы а́пл҇ъ. съ пр҇ркы пр҇ркъ. съ всѣ́ми ст҃ми съѡ҇бещни҇, славѣ бж҃іи. с ни̇ми̇же помолишися за ны, пр҇побне оу҇чителю. чтꙋ́щая пресвѣтлое твое оу҇спеніе. въ славꙋ пр҇тыя тр҇ца ѡ҇ц҃а и҆ с҃на и҆ ст҃го д҇ха. е҆мꙋже е҇ слава и҆ ч҇ть и҆ покланяніе, нн҃ѣ и҆ пр҇но и҆ в вѣкы̀ вѣкомъ а̀минь:

В тои дне [1] слово на принесеніе моще. Преславнаго климента. Историческоую имоуще беседоу. ꙗко хвою помощію въ д. [2] тысѫща. т. и. ѯ. и д. (861 г.) лет изыскавши его любено и верно. ꙗкѡ изо [3] иже бо в понте восіа.

(Изъ Макарьевскихъ Четь-Миней, по списку московской синодальной библіотеки, мѣсяцъ генварь, подъ 23 числомъ, л. 1081—1083. Варіанты выставлены по списку тѣхъ же Четь-Миней библіотеки Московскаго Успенскаго Собора.)

Въ ѡбретеніе мощеи сты славнаго климента, и радостны ѡбразом ꙗвленіа [4] высокою беседою како оубо быто благоверным. и духовным и любащим послушаніе. еще и добрым званіемъ ѡбедникомъ небнаго и славна словесе в мыслене велелепіи. постретіе же и подаꙗніе [5]) каково радостно извещаніе. егда бо братіе возримъ оумом на коуплелюща. и приѡбретникъ любець шествіа а ꙗко се знаменіе печатно его желаніе и покои ѿ труда. и подвига желаніе пріимет. [6]) тогда поведают приключившаꙗ и по поути ѿцемъ и брати. [7]) чадѡмъ и пріателе. еще и соседомъ не трудащися. много убо летом мимошедшим тогда оума и ꙗзыка преложеніе ꙗко се кающа. [8])

---

1) 23 генваря. 2) ошибкою вмѣсто: ѕ—6. 3) За этимъ было написано: всех, но потомъ зачеркнуто. Въ Соборномъ спискѣ Мак. Четь—Миней слово всех опущено. 4) Въ Соб. спискѣ: ꙗвленіа ихъ. 5) Въ Соб. и проданіе. 6) и подвига покои желаніа пріамет. 7) и братіамъ. 8) касающе.

николи не престане повѣдающе братїи. свѣтлꙋ и блжннꙋ коуплю мощеи. и поюще блженнаго климента. сами бо и бѣды и ранныа ꙗзвы. и многа оулѧченїа. множицею бо к тѣмъ повѣствоующе приложенїе. иноа сласти ꙗко спсени инѡ понта повѣсти мнѧ. [1]) мы о дховнѣи преславнаго климента. ꙗко се ѿ тайны ада высокоую бесѣдоу преложенїе вѣры [2]) оупованїю и любви соущеи ко стмоу. и помышленїе дховны. вкоупе и добры и блженны дѣлателемъ приложенїе. и добрѣ пища брашенъ лежащии. и даемаѧ боголюбце оутвержае срца. ѿсамого ѿпоущениа словеснѣ бесѣде касающасѧ [3]) повѣдае. бѣ бѡ оубо велїе оупованїе. вѣрою и любовїю неизливаемаго съкровища. блженны мощеи стго климента. в наше помышленїи не оубь сътворено. ꙗко се въ соборно оученїе вещїю ѡслабленїа искра вжагающи. и поꙗдающи словеси. не плоть токмо. да костеи же и мозга касающесѧ. и всегда поѧдающи и оутробꙋ попалѧющи. бѣ же пакы оуповающи и поноужающисѧ дша нша. и ꙗко жалѡ побоужающисѧ. ꙗко роса пророческомꙋ словеси. не до сего, еже ѿвержесѧ оутѣшитисѧ дша моѧ стоѧщи желающи славнаго климента видѣти мощи. пастыре же добры исцѣнїе (sic) [4]) бжїе прїемлюще. крилѣ голоубинѣ въспрїати желающе. блжнна климента рѣкы достигноути и почити. еи совершенїе [5]) имѣти изволи члколюбець іс. оубоуди етеры живоущаа в херсоне. паче вѣрнаго пастырѧ геѡргїа. с никиѳоро славнымъ. тогда цртвїа добрѣ и кротко прїимша. кормила граскаѧ. со мнѡствомъ нѣкыимъ и славны причтѡ, теплотою преспѣвааше. аще и мнѣи бѣ по старѣишинствоу. сице оубѡ и симъ соуще. днь ѿ дне. и

1) менѧ повѣсти. 2) преложенїем слова вѣры. 3) касающе. 4) исцѣленїе. 5) и еиже и съвершенїе.

подвигъ имоуще. к начатїю. въ единъ днь. егда бгъ
изволи явитися стмоу. тридесятенъ днь бѣ. ианоурїа
мца. нѣцїи ѿ теплы идоша. пѣснеными пѣнїи ѿ
пристанища исходяще млтвена пѣ бѣ сице глющи. не
ѿврати на посрамлены клименте. вѣрою припадающая
къ твоему гробоу стыи, но и прїими рабъ срца при-
стоупающаа [1]) раце твоей стѣи. твои моще молящеся,
яко да блженны и щедры оулучити. и насладитися стадоу
твоеа хризмы. бгоу дающоу вѣрны исцѣленїе. млтвами
твоими славне [2]) и велїю млть. Идохѡ же до блженнаго
ѡтока яко единъ не ѿлоучи тѡи поуть. не ѡружїемь
но пѣнїемъ ѡдержимъ являшеся. егда же желанныи
твои ѡтокъ пре ѡчима являшеся. пришествїе нѣкое
тверъдо добрѣ. [3]) напающи и [4]) яснаго прѡлитїа съ нбсе
настоящихъ поиде [5]). не ѡставляа дерзновенїа нашего
желающи. вторѣи же пѣсни хотящи начатїе прїати.
изъглаваай всѣмъ гранеса сщнникъ тои именемъ со-
лѡмонъ [6]). тогда попъ сыи стго прокопїа. тоугою и
неоудобиемъ ѡдержима бѣ. послоушающаго съвѣта
лишенъ бывь. и се внезаапоу помощїю стго климента.
разидошася ѡблацы. просвѣщена же бысть луна про-
свѣщенъ і аеръ. и кругъ еа бысть свѣтло сїанїе. еже
и етеръ ктѡ видѣвъ. свѣдыи моужеви подвига. сыи [7])
вкоупѣ на сѣдалищи. подвижны [8]) и прилѣжно послоушаяи.
сїимъ [9]) гласѡ абїе возопи. ѡ оче. вѣсть бѡ славно
просвѣтити блгодѣтїю дша. желающи сладкаго свѣта
млтвами стго климента. сея радости вторѣи пѣсни
начатїе славно и не възбранно прѡсвѣщающи силѣ. ни-
какѡ възбраняющи соствѡрихомъ [10]). бѣ же сице трепе-

---

1) припадающаа твоеи стыи и 2) млтвами твоими славне пропущено. 3) дѡбѣ. 4) и—нѣтъ. 5) и пѡиде. 6) соламанъ. 7) сей. 8) пѡвижнѣмъ. 9) послоушааи и симъ. 10) възбраняюще сътворихо.

томъ ѡдержими и слезами по сеи пѣсни къ славномоу ѡтокоу и рацѣ. со архїереѡмъ идохѡ. и тоу ѡкрочше [1]) и просвѣщенїемъ достоины просвѣщьше на желанноу землю припаше все оутрїе хвалословленїю начатїе сътворихо. егда же бысть среднаа пѣснь. искоушенїе нѣкое ѿ бга. на ползоу нѣкыимъ оутверженым в вѣрѣ внезаапоу наста. ѡблацы бѣша гоусти. нападающи ѿ южныа страны ѡтока. ꙗ видѣвь архїереи нѣкоего ѿ блговѣрны пришедша дигица имене. тоу ꙗко хꙋдога [2]) соуща страна тѣмъ. и сла и искоусити ше же тои близъ соуща дожда повѣдавь тогда оубо за неѡбрѣтенїе мѣста. блженныа раки исканїе наченше. пѣнїе же кондачьское пѣти повелѣхо. абїе ѡблачнаа гоустыни на сѣверскоую страноу зашедши ꙗсно нбо и прозрачно ꙗви. за темность бли ѡчима своима. звѣзда на видѣнїе. Ищемый мощеи блжннаго климента. И подвиго приготоваюсѧ. Бѣ оубо сице ѡ опщи [3]) подвизанїи. егда пѣвець четвертое пѣнїе поꙗше. сице в нѣкоемъ мѣсте глѧ. оу бо сокрѡвище не сокровище есть. На свѣщници же свѣ. ꙗко свѣтилници нѣкое. звѣзда дньничнаѧ. ꙗвлѧющисѧ ѿ мощїи блжннаго климента, ребро нѣкое начатїе сотвори, в печали намъ сꙋщемъ. зане мно ча преиде. и ничтоже ꙗвисѧ имѣѧхѡ оубо ѡчи же и оумъ, ѡво къ бгоу возводѧщь [4]). ѡво ко стѣи той рацѣ. имоуще шестѡ на. і. е пѣнїе поюще сице. в нѣкое мѣсте имоущоу. хранит бо кости правены ꙗко поеть въспѣвае [5]) двдъ в пѣнїи восїа на стаа и преславнаѧ глава. пресловоущаго климента юже и нѣкто видѣв первоицы. и и сьи [6]) есть повѣстникъ. абїе блженныи гла [7]) возпи. радоуитесѧ ѿцы и братїе [8])

---

1) ѡкрѡтчше. 2) хꙋдѡгга. 3) общемъ. 4) возводѧще. 5) въспѣваа. 6) и се. 7) гласѡ. 8) браа.

ѿ гдѣ. паки рекꙋ радоуитеⷭ се бо блаженнаго глава. ꙗко же слнце свѣтло. ѿ глоубины ада восїа намъ. сьи же гла слышавше. внезаапоу весели быше. хвалноу пѣ бгоу возсылаахоу. ѿ нбны во стоую ракоу взирающе [1]. і ꙗко на негибноущее богаство [2] собирающеса. и рѣеми хотаще лобзати ли видѣти. свѣтлыа тыа и бисерообра- ныа мощи идахоу. и се бо велїе имъ бѣ. и на стыню доволно. е поне лицекосновенїемъ [3] тѣ просвѣтити. егда дховное веселїе [4] преславны блгоюханїемъ вса озари и возвесели. авїе ѿ преисподни и прочи оудовь сохра- нени свѣтлыа на звѣзы восїаша [5] сами оубо стѣи роуцѣ со блаженныма стегнама. и вса содержащаса оуды. и ꙗко на смысленѣ твердѣ и нбси дшевнѣ. вса соби- раюша си. и достойны пристоупание. лица вѣрны оукра- шающе. авїе найпослѣ же анкурьско ꙗвленїе. токмо не гласа поущающи ꙗко подобаеⷮ по чиноу. блажены ꙗвитиса оудѡ еиже тлѣвше свойствѡ. сохранени соущи своею твердшстїю. авїе же крѣпко и ѡбще пѣнїе хвално бысть. и до малыхъ кроупиць оукрашеный [6]. ѿ неа славословїе же бжїе непрестанно бы всю нощь. до по- добнаго часа бескверныа жрътвы и приношенїа ха бга нашего. мало нѣкый безъмолъствовавши. за подобїе тоа слоужбы. е и сотворь прпбныи архїереи. в корабль блаженноую ракоу на главѣ носа. с нѣкыми вѣрными соущими тоу возложи. весь гра херсонескъ. съ си хвалословествїемъ поуть начинае. Возмѣте нн҃ѣ вси ꙗзыци ꙗкоже древле четверочастьноу скинїю. бжїи херсоньскыи соборе. и стго нн҃ѣ ракоу. ꙗко зовоуще всѣ поющи ѿ конець мира на бжїе празньствѡ. егда ѿстоупиша [7] ѿ отока. елико. і. стадїи бголюбець кнзь

1) взираахоу. 2) богатьство. 3) лицикосновенїи. 4) видѣнїе. 5) восїавши. 6) оукрошены. 7) ѿстоупивше.

гра҃скіи. и съ нѣкыими вѣрными. и моудрыми моужи ѡбрѣтшимися тогда тоу. подобно срѣтеніе [1]) сотвори. не пешно шествіе к на҃ повѣда [2]). ꙗвлꙗ за мнѡ҃ство свѣщь, и се пѣніе поюще [3]) соущаꙗ ѿ ст҃ѣи рацѣ ракоу ѡбидемъ оубо. ꙗко кивота носꙗше. не ꙗко [4]) моусеꙗ дн҃е в рацѣ. но ап҃ла потоплꙗюща лесть невидимаго врага. пѣв же с нами и с похвалы [5]) ѿтока оученіа [6]) и со тщаніемъ тогда вниде во гра҃. и срѣтеніе достоино приготова и сотвори. лобзавшоу же ѥмоу блаженноую ракоу. молꙗше взꙗти ю. и на заннѣмъ столѣ града. тѣмъ созанѣмъ тогда ст҃го климента. Положити ю в мало времꙗ. И тоу слѡво преношенію почьсти Послꙋшавше его. Поставихомъ ракоу тоу. Паки вторицею молꙗшесꙗ въ храмъ ст҃го созонта донести его по стенѣ града. близъ забра соущоу зане бѣ вече. множество же много притекаше. ꙗко не оудобь [7]) донести на мѣсто блаженноую. ракоу. в первоую же стражоу нощи безмолвию бывшю вышеа архіереи с нѣкыими вѣрными преславнаго климента. в дѡ ст҃го леѡнтіа прѣложи. и тоу соборꙋ бывшоу. всенощное пѣніе повелѣніе архіерешвымъ бысть. до полоущи [8]) оубо моужескомъ полѡ. а ѿ полоунощи до оутра черноризицами и благовѣрными женами. ѡбычаи такъ соущь вѣрными тѣми до скончаніа. Потом же всенощнѣи пѣніи литіа нѣкаꙗ вселюска заоутра в ты црькви собравшесꙗ изыде по всемоу градоу. в нейже бѣ видѣти всꙗкого чл҃ка. и всꙗкъ ѡбразъ вѣрных веселꙗщьсꙗ и слезꙗщь и играюща духовно доушею же и тѣлѡ и неизглаанною радостію радоующесꙗ. не бѣ бѡ разлоучити ли расмотрѣти старости за оутрьствомъ.

---

1) срѣтеніа 2) не пещнѡ свѣтеніе нам ѿгн повѣда. 3) поющаа. 4) всꙗкѡ. 5) нс пѡхваль. 6) оученіе. 7) не дѡбь. 8) дѡ полоунощи.

радованны̑ ѡ҆бразънымъ шествїа богатыа и нищаѧ. бл҃городныа и҆ простородныа. но вси и҆ всѧ вкоупѣ. съ дерзновенїе̑ забывше всѧкоу напасть. съ ст҃ыми мощми славнаго климента весь гра̑ ѡ҆бише̑ше въ собо́рноую цр҃квь прїидоша. и҆ е҆гда̀ в первыа двери хотѧаше внити ст҃ыи климентъ. славныи причетъ со архїереѡ̑мъ. ꙗко е҆динеми ѹ҆сты бл҃годш҃но. се а҆бїе пѣтїе нача̑ [1]). прии̑ми просвѣщника сщ҃нныа цр҃кви. тебе просвѣщающа климента ст҃го и҆ славна̑ дне̑. ꙗ҆вибосѧ богатьство прест҃аѧ дръжава. ꙗ҆ко с петрѡ̑ и҆ павломъ сподобисѧ слѡ́во прїати. тѣмже и҆ преходѧ конца земли. радостїю скончасѧ. и҆ в херсонѣ возлюбль га̑ во и҆стинѹ и҆ [2]) спасае̑ тѧ достоино сего почьсти ꙗ҆ко подающа вѣрны̑ велїю мл҃ть. Тоу̑ ст҃моу приноше́нїю бы́вшоу. и҆ ст҃ми мощ̑ми во́доу сщ҃ьше [3]) и҆ тою̀ прѡсвѣще́нїе прїимъ ра́вно. ꙗ҆ко̑ вѣ́рѡю не мнѣ послоужь̑ше. во своа домы с похвалою возвратишасѧ. бл҃вѧще ба̑ ѡ҆ семъ дарѣ велицѣмъ и҆ бл҃годѣти нб҃нѣи. сице оу҆бо ѡ҆ братїе. нескоудное̑ богатьство бл҃женны̑ мощеи. славнаго климента ꙗ҆влено бывше. достойноу хвалоу ꙗ҆ко ѿ словесна е҆стьства содѣтелеви е҆го слѡвеси бж҃їю. слѡ́вомъ ве̑ миръ. празе̑ньственъ дн҃ь. свѣтлыа и҆ славныа памѧти е҆го. достойно сотворѧюща. и҆ грѧдѹща въ слѣ̑ вѣры. ѿ бг҃а оу҆пованїе̑. ꙗ҆ко настоѧща [4]) ѹ҆зри̑мъ. мы бо е҆смы си̑ вина. и҆мже сѧ е҆смы лишили его но некли возникне̑. бл҃жнъ бо гра̑ нш҃ь. сице намъ соуще̑. и҆ противныѧ ѿгонѧщимъ [5]) ꙗ҆витсѧ. Ѿ бл҃женныи соборе пришедыи в тѡ́и дн҃ь к рацѣ преславнаго климента, ꙗ҆ко ѿ землѧ дрѹгое сл҃нце. преславно восїавше оу҆зрѣвь. ѡ҆ бл҃жнны̑ моужь несоуменно оу҆пованїе.

---

1) Было написано: начинае̑. 2) и҆—нѣтъ. 3) ѡ҆сщ҃ьше. 4) настоѧщаа̀. 5) ѿгонѧщемъ.

не изнемогшее начати. и на свѣтъ принести. таковыи славныи превзимающий даръ. ѿ руки прр҃чьскы видѣнїе. клещамъ оуподобльшеся. страшныя югли мощи климентовы прїимша. ѡ блж҃енныи соборе всякого възраста. ра҃ совокоуплься, и всеславныи ст҃ыи днь. пренесенїа [1]) мощемъ славнаго климента сотворь. ѡ пресловоущии и преславне [2]). и пре҃ всѣми и надо всѣми клименте давыи намъ ст҃ыи сьи дн҃ь явленїемъ твои мощеи. не посрамль и давно вжагающаго нашего ѹпованїа. но себе вдавъ неключи нами и непотребными роуками нашими изысканъ. и явленъ быти. и желаннаго сокровища богатно насытитися. боуди и намъ чтѹщи тя днесь. мыслены дарѡ датель незавидливъ [3]) блистающимся и истекающи мыслено ѡзаренїе ѿ красныя [4]) твоеа ракы. да дш҃евны и теле҃ныхъ стр҃тей. и всѣхъ противны приложенїи избавляеми. игл҃ныя прр҃чьскы ѡ твои мощеи. да сподобимся насладитися и еще. яко ѿ сада растоуща и цвѣтоуща. все земно наслаж҃енїе мысленаго села бж҃їа мышленїа да тѣми великими дарми. напаяеми и храними. всяко смоущенїе и силѹ противнаго поправше и потребльше преславноую твѡю память ликоствоуе. радоующеся оукрашаеми [5]) и всякоя доброты исполняеми. и ибн҃омоу цр҃твїю неоуклонно. да оутвержени боуде. бл҃тїю явльшагося дн҃е. свѣтло творящая присно. чт҃ное твое ст҃ое явленїе мощеи твои. ха҃ истиннаго ба҃ нш҃е. со ѿц҃емъ и со ст҃мъ дх҃омъ нн҃ѣ и в бесконечныа вѣки вѣко҃ ами.

---

1) прїнесенїи. 2) и преславныи клименте. 3) независтени. 4) ѡ красныѐ. 5) оукрашаемъ.

ЖИТІЕ И ПЕРЕНЕСЕНІЕ

(мощей)

СВ. КЛИМЕНТА.

Изъ рукописи Франциска Дюшеня V. CL.

(Рукопись Московскаго Публичнаго (прежде-Румянцевскаго) Музея, № 151, л. 29-34.)

1. Тогда какъ императоръ Михаилъ управлялъ Новымъ Римомъ, былъ нѣкій благородный мужъ, родомъ изъ Θессалоникіи, именемъ Константинъ, котораго за чудесный умъ, съ малолѣтства въ немъ открывшійся, не напрасно прозвали Философомъ. Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, онъ привезенъ былъ родителями въ столицу. Тамъ, какъ мужъ весьма благочестивый и благоразумный, Богу изволившу, украсился священническимъ саномъ. Въ тоже время къ упомянутому императору прибыли послы отъ Хазаровъ,

---

Vita cum Translatione S. Clementis.

Ex Ms. Francisci Duchesne V. CL.

(Acta Sanctorum Bolland. Martii Tom. II. p. 19–21.)

1. Tempore igitur quo Michaël imperator Novae-Romae regebat imperium, fuit quidam vir nobili genere, civitate Thessalonica ortus, vocabulo Constantinus, qui ob mirabile ingenium, quo ab ineunte infantia mirabiliter claruit, veraci agnomine Philosophus est appellatus. Hic cum adoleuisset, atque a parentibus fuisset in urbem regiam ductus, essetque insuper magna religione et prudentia praeditus, honorem quoque sacerdotii ibidem, ordinante Domino, est adeptus. Tunc temporis ad praefatum imperatorem Cazarorum legati venerunt,

прося и моля, да пошлетъ къ нимъ ученаго мужа, который бы научилъ ихъ неложно каѳолической вѣрѣ, прибавляя между прочимъ, какимъ образомъ то Іудеи, то Сарацины стараются обратить ихъ въ свою вѣру. Но мы, не вѣдая, къ которымъ паче склониться, рѣшились просить совѣта о нашей вѣрѣ и спасеніи у верховнѣйшаго и каѳолическаго Императора, полагаясь на вашу вѣрность и старинную дружбу. Тогда Императоръ, посовѣтовавшись съ патріархомъ, призвалъ предъ себя упомянутаго Философа и съ величайшею честію отправилъ его туда съ хазарскими и своими послами, въ полномъ упованіи на его благоразуміе и краснорѣчіе.

2. И такъ немедленно приготовя все нужное, онъ пустился въ путь и прибылъ въ Херсонесъ, весьма близкій и смѣжный съ землею Хазаровъ. Тутъ остановился на нѣсколько времени, желая обучиться языку онаго народа. Между тѣмъ по внушенію Бога, который уже положилъ открыть правовѣрнымъ своимъ столь драгоцѣнное сокровище, т. е. тѣло св. Климента, упомянутый мужъ, какъ

---

orantes ac supplicantes, ut dignaretur mittere ad illos aliquem eruditum virum, qui eos fidem catholicam veraciter edoceret; adjicientes inter cetera, quoniam nunc Judaei ad fidem suam, modo Saraceni ad suam nos convertere e contrario moliuntur. Verum nos ignorantes ad quos potissimum nos transferamus, propterea a summo et catholico Imperatore consilium quaerere nostrae fidei ac salutis decreuimus, in fide vestra ac veteri amicitia plurimum confidentes. Tunc Imperator, simul cum Patriarcha consilio habito, praefatum Philocophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis, honorificentissime transmisit illuc, optime confidens de prudentia et eloquentia ejus.

2. E vestigio igitur praeparatis omnibus necessariis, iter arripiens venit Cersonam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est, ibique gratia discendi linguam gentis illius est aliquantulum demoratus. Interea Deo inspirante, qui jam jamque tantum tamque pretiosum thesaurum, corporis videlicet s. Clementis, fidelibus suis

любознательный испытатель, началъ отъ тамошнихъ жителей прилежно навѣдываться и тщательно испытывать, что̀ до него дошло, частію чрезъ письменное преданіе, частію по слуху, о тѣлѣ блаж. Климента, о храмѣ, воздвигнутомъ ангельскими руками и о гробѣ его. Всѣ объявили, что, какъ пришельцы изъ разныхъ народовъ, а не тутошніе урожденцы, ни мало не вѣдаютъ, о чемъ онъ спрашиваетъ; ибо чудо морскаго отлива, знаменитое въ исторіи страданій упомянутаго первосвященника, давно уже прекратилось за грѣхи и нераденіе жителей, и море прежнія свои мѣста покрыло волнами. Сверхъ того и отъ многихъ набѣговъ варваровъ храмъ оставленъ и разрушенъ, страна сія опустѣла и сдѣлалась необитаемою. Да и самый гробъ св. мученика съ тѣломъ покрытъ былъ волнами.

3. Симъ отвѣтомъ весьма удивленный и крайне опечаленный, Философъ обратился къ молитвамъ, да откроется ему свыше ради заслугъ упомянутаго первосвященника, чего

---

revelare decreverat, coepit praefatus vir, ac si curiosus explorator, ab incolis loci diligentissime perscrutari ac solerter investigare illa, quae ad se tum litterarum traditione, tum quoque vulgari, fama, de corpore B. Clementis, de templo angelicis manibus praeparato sive de arca ipsius, pervenerant. Ad quem praefati omnes, utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae, se quod requireret omnino nescire professi sunt. Siquidem ex longo jam tempore, ob culpam et negligentiam incolarum, miraculum illud marini recessus, quod in historia passionis praefati pontificis celebre satis habetur, fieri destiterat, et mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat. Praeterea et ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita; ac propterea ipsa sancti martyris arca cum corpore ipsius fluctibus obruta fuerat.

3. Super quo responso miratus valde ac tristis Philosophus redditus, ad orationem conversus est, ut quod per homines explorare non poterat, divina sibi revelatio meritis praefati Pontificis digna-

не могъ узнать отъ людей. Онъ пригласилъ митрополита изъ самаго города, именемъ Георгія, вмѣстѣ съ причетомъ церковнымъ и народомъ, да просятъ того же отъ небесъ. Сверхъ того, расказывая дѣянія страстотерпца, или чудеса блаженнѣйшаго мученика, весьма многихъ возбудилъ увѣщаніями своими приступить къ отысканію столь драгоцѣннаго и столь долго пренебрегаемаго сокровища и съ помощію Божіею извлечь на свѣтъ. Въ нѣкій день, 30-тый, какъ пишутъ, генваря, при тихой погодѣ вступивши на корабль, путеводящу Христу, пускаются въ дорогу, т. е. упомянутый Философъ съ епископомъ и честнымъ клиромъ и нѣкоторыми изъ города. И такъ водоплавая съ великою набожностію и упованіемъ, съ псалмопѣніемъ и молитвами, прибыли на островъ, гдѣ находится, какъ думали, святое тѣло мученика. При блескѣ свѣтильниковъ обходя всѣ мѣста онаго острова, начали паче и паче возсылать моленія и прилежно рыть въ нѣкоторомъ курганѣ, гдѣ, какъ должно было догадываться, покоится сокровище.

---

retur ostendere. Civitatulae ipsius Metropolitam, nomine Georgium, simul cum clero et populo ad eadem de coelo expetenda invitans: super hoc etiam referens illius gesta passionis, seu miraculorum ejusdem beatissimi martyris, plurimos eorum accedere et tam pretiosas margaritas tamdiu neglectas requirere, et in lucem Deo juvante reducere, suis adhortationibus animavit. Quadam autem die, quae in III. Calendarum Januariarum inscribitur, tranquillo mari navem ingressi, Chtisto duce iter arripiunt, praedictus videlicet Philosophus cum episcopo ac venerabili clero, nec non cum nonnullis de populo. Navigantes igitur cum ingenti devotione ac fiducia psallentes et orantes pervenerunt ad insulam, in qua videlicet aestimabant sancti corpus Martyris esse. Eam igitur undique circumdantes, et multo luminum splendore lustrantes, coeperunt magis ac magis precibus sacris insistere, et in acervo illo, quo tantum thesaurum quiescere suspicari dabatur, curiose satis et instantissime fodere.

4. Долго и много рыли, надѣясь на Божіе милосердіе. Наконецъ внезапно возсіяла, подобно нѣкоторой лучезарнѣйшей звѣздѣ, одна изъ костей неоцѣненнаго мученика. При семъ зрѣлищѣ всѣ исполнились неописаннаго восторга и уже безъ всякаго побужденія наперерывъ копали землю. Тогда показалась святая глава его. Всѣ со слезами возопили къ небу, возсылая хвалы и благодаренія Богу. Сей радости ежели вообразить не можемъ, то кольми паче описать; ибо столько всѣ восхищены были, какъ обрѣтеніемъ святыхъ мощей, такъ и благоуханіемъ, что мечтали быть въ раю. Потомъ принялись опять за работу и, отрывая частичку за частичкой, ископали всѣ. Напослѣдокъ нашелся и самый якорь, съ которымъ онъ брошенъ былъ въ море.

5. И такъ при всеобщей несказанной радости о толикихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, по совершеніи на томъ мѣстѣ

---

4. Ubi diu multumque desiderio sancto cunctantibus, et de spe divinae miserationis plurimum confidentibus, tandem ex improviso velut clarissimum quoddam sidus, donante Deo, una de costis martyris pretiosi resplenduit. Ad quod spectaculum omnibus immensa exultatione repletis, magisque ac amplius sine aliqua jam excitatione terram certatim eruderantibus, sanctum quoque caput ipsius consequenter apparuit. Quantae jam omnium voces in coelum, quantae laudes et gratiarum actiones in Deum ab universis cum lacrymarum effusionibus, datae sunt, si vel aestimare quidem vix possumus, quanto minus exprimere? Tanta siquidem in omnes tum de sanctarum inventione reliquiarum, tum de immensissimi odoris suavitate erat innata laetitia, ut cum jubilo ineffabili gratulantes in paradiso extra sese putaretur consistere. Cum ecce post paullulum rursus quasi ex quibusdam abditis sanctarum reliquiarum particulis paullatim et per modica intervalla, omnes repertae sunt. Ad ultimum quoque ipsa etiam anchora, cum qua in Pontum est praecipitatus, apparuit.

5. Omnibus igitur pro tantis Dei bonis immensa repletis laetitia, celebratis ibidem a sancto pontifice sacrosanctis mysteriis, ipsemet

таинствъ святымъ первосвященникомъ, самъ святый мужъ, возложивши на собственную главу святыя мощи, при восклицаніяхъ всѣхъ сопутствующихъ вступилъ на корабль и потомъ съ хвалебными пѣснями перенесъ оныя въ столицу Глорію Между тѣмъ приближающимся имъ къ городу, встрѣтилъ ихъ со многими другими доблественный Никифоръ, князь того города, и, поклонившись святымъ мощамъ, съ радостію предшествовалъ, поспѣшая въ городъ. Тамъ еще при всеобщихъ восклицаніяхъ пріявши, поклонился святому и честному тѣлу и разсказалъ всенародно таинственное его обрѣтеніе. Когда уже начинало смеркаться и отъ бесчисленнаго множества народа идти далѣе не возможно было, то съ рачительною осторожностію положили тѣло въ храмѣ св. Созонта, въ предмѣстіи города, а наконецъ перенесли въ церковь св. Леонтія. На другой день утромъ при стеченіи всего народа, взявши святыя мощи, съ великими хвалами обошли кругомъ весь городъ и такимъ образомъ принесли оныя въ соборную церковь, съ честію

---

sanctus vir super proprium caput sanctarum reliquiarum loculum levans, ad navim cum ingenti universorum subsequentium tripudio detulit; ac deinde Gloriam metropolim cum hymnis et laudibus maximis transportavit. Interea cum jam civitati appropinquarent, vir nobilis Nicephorus ejusdem civitatis dux, illis cum pluridus aliis obviavit, et adoratis sacrosanctis reliquiis, cum multis gratiarum actionibus praecedens sanctum loculum, ad urbem cum gaudio remeare properabat. Ibi etiam cum ingenti universorum tripudio sanctum ac venerabile corpus receptum adoravit, et recitato coram omni populo inventionis ejus mysterio, cum jam advesperasceret, et prae nimia populi frequentia ingredi ultra non posset, in templo s. Sozontis, quod urbi erat contiguum, cum diligenti custodia posuerunt: demum vero ad ecclesiam s. Leuntii transtulerunt. Inde cum mane factum esset, universa civitatis multitudo conveniens, assumpto sanctarum reliquiarum loculo, totam cum magnis laudibus in circuitu lustraverunt urbem, et sic ad majorem basilicam venientes, in ea ipsum honori-

тамъ положили и потомъ всѣ радуясь возвратились по домамъ.

6. Послѣ сего упомянутый Философъ отправился въ путь и, прибывши къ тому народу, куда былъ посланъ, проповѣдывалъ Искупителя всѣхъ Бога, и силою своего слова отвратилъ всѣхъ тѣхъ отъ заблужденій, коихъ обольстило вѣроломство Сарацинъ или Іудеевъ. Утвержденные въ каѳолической вѣрѣ и наученные, они съ веліею радостію благодарили всемогущаго Бога и служителя его Константина Философа. Сверхъ того они послали къ Императору письма, благодаря, что постарался обратить ихъ къ истинной и каѳолической вѣрѣ, и утверждая, что они за сіе всегда пребудутъ вѣрнѣйшими и покорными власти его. Отпуская же Философа съ великою честію, принесли они ему драгоцѣннѣйшіе дары, которыхъ онъ, какъ истинный философъ, не принялъ, а просилъ вмѣсто всѣхъ даровъ отпустить съ нимъ, сколько есть, чужеземныхъ плѣнниковъ. Сіе тотъ часъ было исполнено.

---

fice locaverunt: sicque omnes demum ad sua gaudentes reversi sunt.

6. Post haec praedictus Philosophus iter arripiens, et ad gentem illam, ad quam missus fuerat, veniens, comitatus Redemptoris omnium Dei praedicationibus et rationibus eloquiorum suorum, convertit omnes illos ab erroribus, quos tam de Saracenorum quam de Judaeorum perfidia retinebant. Unde plurimum exhilarati, et in fide catholica corroborati atque edocti, gratias referebant omnipotenti Deo et famulo ejus Constantino Philosopho. Litteras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad veram et catholicam revocare studuerit fidem; affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere. Deducentes autem Philosophum cum multo honore, obtulerunt ei munera maxima, quae ille omnia, ut revera Philosophus, respuens, rogavit ut pro muneribus illis, quotquot captivos externos haberent, sibi secum mox reversuro dimmitterent. Quod protinus completum est.

7. Возвратившуся же Философу въ Константинополь, услышалъ князь моравскій Ростиславъ о томъ, что учинилъ Философъ въ области Хазаровъ. Желая того же своему народу, послалъ онъ вѣстниковъ къ упомянутому Императору, донося, что народъ его отступилъ отъ идолопоклонства и желаетъ наблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы наставилъ его читать и совершенно разумѣть самый законъ; и для того проситъ прислать такого человѣка, который бы могъ ясно показать народу вѣру и порядокъ Закона Божія и путь истины. Императоръ, внявъ просьбѣ Ростислава, призвалъ къ себѣ того же упомянутаго Философа и послалъ его туда, т. е. въ страну Славянъ вмѣстѣ съ братотъ его Меѳодіемъ, надѣливши ихъ щедро на путевыя издержки. Прибывшимъ имъ туда, жители весьма обрадовались, услыша, что они и мощи бл. Климента несутъ съ собою и Евангеліе переведено на ихъ языкъ упомянутымъ Философомъ. И такъ вышедши за городъ на

---

7. Philosopho autem reverso Constantinopolim, audiens Rastilaus princeps Moravie, quod factum fuerat a Philosopho in provincia Cazarorum; ipse quoque genti suae consulens, ad praedictum Imperatorem nuntios misit, nuntians hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat, et christianam legem observare desiderabat; verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoceat: rogare se ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat. Cujus precibus annuens imperator, eumdem supernominatum Philosophum ad se venire rogavit; eumque illuc, id est, in terram Sclavorum, simul cum Methodio germano suo, transmisit, copiosis valde illi de palatio suo datis expendiis. Cumque ad partes illas, Deo praeparante, venisset; cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisi sunt; quia et reliquias B. Clementis secum ferre audierant, et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum. Exeuntes igiur extra civitatem obviam, honorifice et cum ingenti laetitia receperunt

встрѣчу, приняли ихъ съ честію и великою радостію. Святые мужи немедленно приступили къ дѣлу, начали учить дѣтей грамотѣ, наставлять въ законѣ Божіемъ и изощрять краснорѣчіе свое на исправленіе разныхъ заблужденій, обрѣтенныхъ въ народѣ, и такимъ образомъ очищая вредоносное оное поле отъ многоразличныхъ корней пороковъ, сѣяли сѣмена слова Божія. Они пробыли въ Моравіи четыре года съ половиною, научили народъ каѳолической вѣрѣ и оставили тамъ разныя писанія, нужныя для церковной службы.

8. Услыша все сіе, знаменитѣйшій папа Николай весьма обрадовался и пригласилъ ихъ къ себѣ апостольскими письмами. Восхищенные симъ извѣстіемъ, они благодарили Бога, что удостоились первосвященническаго приглашенія. Отправясь немедленно въ путь, они взяли съ собою еще нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ, коихъ считали достойными полученія епископскаго сана, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Римъ.

---

eos. Coeperunt itaque ad id quod venerant peragendum studiose insistere, et parvulos eorum litteras edocere, officia ecclesiastica instruere, et ad correptionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere; sicque abrasis et extirpatis de agro illo pestifero multifariis vitiorum sentibus, divini verbi gramina seminare. Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium, et direxerunt populum illius in fide catholica, et scripta ibi reliquerunt omnia, quae ad Ecclesiae ministerium videbantur esse necessaria.

8. His omnibus auditis, papa gloriosissimus Nicolaus, valde laetus super his quae sibi ex hoc relata fuerant redditus, mandavit et ad se venire illos litteris apostolicis invitavit. Quo nuntio illi percepto valde gavisi sunt, gratias agentes Deo, quod tanti erant habiti, quod mererentur ab apostolica sede vocari. Mox igitur iter aggressi, duxerunt etiam secum aliquos de discipulis suis, quos dignos esse ad episcopatus honorem recipiendum censebant: sicque post aliquot dies Romam applicuerant.

9. Но упомянутый папа Николай незадолго переселился ко Господу. Адріанъ второй, поступившій на мѣсто его первосвященникомъ, услыша, что Философъ несетъ съ собою тѣло св. Климента, трудами его обрѣтенное, весьма тому обрадовался, и, вышедши на срѣтеніе за городъ съ клиромъ и народомъ, принялъ ихъ съ великою честію. Между тѣмъ въ присутствіи святыхъ мощей, силою всемогущаго Бога, начали совершаться чудесныя исцѣленія: кто бы ни былъ одержимъ какою болѣзнію, прикосновеніемъ святыхъ мощей мученика тотъ часъ исцѣлялся. Посему первосвященникъ, равно какъ и весь народъ, принося велію хвалу и благодареніе Богу, радовались, что онъ по долгомъ времени сподобилъ ихъ принять въ свою столицу святаго и апостольскаго мужа и преемника Петра, главы всѣхъ апостоловъ, и не только весь Римъ, но и всю Римскую Имперію просвѣтить его знаменіями и добродѣтельми. И такъ, возблагодаря упомянутаго Философа за оказанное

---

9. Sed cum ante non multos dies supradictus papa Nicolaus transiisset ad Dominum, secundus Adrianus, qui illi in romano pontificatu successerat, audiens quod praefatus Philosophus corpus B. Clementis, quod studio suo repererat, secum deferret, valde nimis exhilaratus est, et extra urbem cum clero et populo procedens obviam illis, honorifice satis eos recepit. Coeperunt interea ad praesentiam sanctarum reliquiarum, per virtutem omnipotentis Dei, sanitates mirabiles fieri; ita ut quovis languore quilibet oppressus fuisset, adoratis pretiosi martyris reliquiis sacrosanctis, protinus salvaretur. Quapropter tam venerabilis Apostolicus quam et totius romani populi universitas, gratias et laudes Deo maximas referentes, gaudebant et jocundabantur in ipso, qui eis post tam prolixi temporis spatia concesserit in diebus suis sanctum et apostolicum virum, et ipsius apostolorum principis Petri successorem, in sede sua recipere; et non solum urbem totam, sed et orbem quoque totum romani imperii, signis ejus ac virtutibus illustrare. Multis itaque gratiarum actionibus praefato Philosopho pro tanto beneficio redditis, consecra-

благодѣяніе, рукоположили его и Меѳодія въ епископы, а прочихъ учениковъ ихъ въ пресвитеры и діаконы.

10. Когда же Философъ, или Константинъ, почувствовалъ приближеніе своей смерти, то съ позволенія первосвященника далъ себѣ имя Кирилла, говоря, что имя сіе внушено ему было свыше, и такимъ образомъ чрезъ сорокъ дней уснулъ въ Господѣ 17 Марта. Святый отецъ папа повелѣлъ какъ римскому такъ и греческому духовенству собраться на погребеніе его съ псалмами и пѣснями, свѣщами и ладаномъ, и погребсти съ такою же честію, какъ самаго первосвященника.

11. Тогда вышеупомянутый братъ его Меѳодій, пришедши къ первосвященнику и повергшись къ стопамъ его, сказалъ: достойнымъ и нужнымъ считаю внушить твоему святѣйшеству, что при выходѣ изъ дома нашего на службу, совершенную нами съ помощію Божіею, мать со слезами просила одного брата оставшемуся въ живыхъ привезть успшаго въ свой монастырь и тамъ погребсти его

---

verunt ipsum et Methodium in episcopos, nec non et ceteros eorum discipulos in presbyteros et diaconos.

10. Cum autem Philosophus, qui et Constantinus, diem transitus sui imminere sibi sensisset, ex concessione summi pontificis imposuit sibi nomen Cyrillum, dicens hoc revelatum sibi fuisse: et sic post quadraginta dies dormitionem accepit in Domino sexto decimo Kalendas Martias. Praecepit autem sanctus apostolicus, ut omnes tam graeci quam romani clerici ad exequias ejus accurrerent cum psalmis et canticis, cum cereis et thuris odoribus, et non aliter ei, quam ipsi quoque apostolico, funeris honorem impenderent.

11. Tunc supradictus frater ejus Methodius accedens ad sanctum pontificem, et procidens ad vestigia ejus, ait: Dignum ac necessarium duxi suggerere Beatitudini Tuae, Apostolice Pater, quoniam quando ex domo nostra ad servitium, quod auxiliante Domino fecimus, sumus egressi; mater cum multis lacrymis obtestata est, ut si aliquem ex nobis, antequam reverteremur, obiisse contingeret,

съ подобающею честію. И такъ позволь рабу твоему исполнить долгъ, да не ослушаюсь матери. Папа хотя съ трудомъ, однако согласился на его требованіе: положивши рачительно тѣло успшаго въ мраморный гробъ и запечатавши собственною печатью, чрезъ семь дней онъ отпускаетъ Меѳодія. Тогда римскій клиръ, по совѣщаніи съ епископами, кардиналами и вельможами города, приступилъ къ первосвященнику и вѣщалъ такъ: мы считаемъ за недостойное дѣло отпустить въ другіе краи, по какому бы то ни было случаю, мужа столь знаменитаго, чрезъ коего Римъ и церковь сподобились стяжать столь драгоцѣнное сокровище, коего Богъ изъ отдаленныхъ и чуждыхъ странъ по милости своей благоволилъ къ намъ привесть, и даже изъ сего мѣста восхитилъ въ небесное свое царствіе. Лучше да погребется онъ здѣсь съ честію, ибо весьма прилично столь знаменитому мужу быть погребену въ столь знаменитомъ градѣ. Такой совѣтъ

---

defunctum fratrem frater vivens ad monasterium suum reduceret, et ibidem illum digno et competenti obsequio sepeliret. Dignetur igitur Sanctitas Vestra hoc munus meae parvitati concedere, ne precibus matris vel eontestationibus videar aliquatenus contraire. Non est visum apostolico, quamvis grave sibi aliquantulum videretur, petitioni et voluntati hujuscemodi refragari: sed clavusum diligenter defuncti corpus in locello marmoreo, et proprio insuper sigillo signatum, post septem dies dat ei licentiam recedendi. Tunc romanus clerus simul cum episcopis ac cardinalibus et nobilibus urbis consilio habito convenientes ad apostolicum coeperunt dicere: Indignum nobis valde videtur, venerabilis Pater et Domine, ut tantum tamque magnificum virum, per quem tam pretiosum thesaurum urbs et ecclesia nostra recuperare promeruit, et quem Deus ex tam longinquis regionibus et exteris ad nos sua gratuita pietate perducere, et adhuc etiam ex hoc loco ad sua regna est dignatus assumere, qualibet interveniente occasione in alias patiamini partes transferri: sed hic potius placet, honorifice tumuletur, quia et dignum valde est, ut famae tam celebris homo, in tam celeberrima urbe,

понравился первосвященнику: онъ велѣлъ положить его въ церкви св. Петра, т. е. въ собственномъ своемъ памятникѣ.

12. Меѳодій, видя намѣреніе свое не исполнившимся, приступилъ опять съ просьбою: когда не угодно было вамъ удовлетворить моему требованію, то молю васъ, владыки, да погребется братъ мой въ церкви св. Климента, коего тѣло трудами его обрѣтено и сюда принесено. Святѣйшій отецъ внялъ сему моленію и при стеченіи клира и многочисленнѣйшаго народа, съ великою радостію и благоговѣніемъ, положили Кирилла, вмѣстѣ съ мраморнымъ гробомъ, куда прежде папа заключилъ его, въ приготовленномъ для сего памятникѣ съ гимнами и велiими благодареніями Богу, творящему въ семъ мѣстѣ чудеса, во славу и хвалу имени своего, ради заслугъ и моленій угодниковъ своихъ благословенному и препрославленному во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

celebrem locum habeat sepulturae. Placuit hoc contilium apostolico, et statuit ut in B. Petri basilica poneretur, in suo videlicet proprio monumento.

12. Cernens Methodius jam suum defecisse propositum, oravit iterum dicens: Obsecro vos Domini mei, quandoquidem non est placitum vobis, meam petitiunculam adimplere, ut in ecclesia B. Clementis, cujus corpus multo suo labore ac studio repertum huc detulit, recondatur. Annuit hujusmodi petitioni praesul sanctissimus, et concurrente cleri ac populi maxima frequentia, cum ingenti laetitia et reverentia multa, simul cum locello marmoreo, in quo pridem illum praedictus papa condiderat, posuerunt in monumento ad id praeparato in basilica B. Clementis ad dexteram partem altaris ipsius, cum hymnis et laudibus, maximas gratias agentes Deo: qui in loco eodem multa et miranda operatur, ad laudem et gloriam nominis sui, per merita et orationes sanctorum suorum, qui est benedictus et gloriosus in secula seculorum. Amen.

Примѣчаніе. Предлагаемый переводъ такъ называемой Италіянской Легенды сдѣланъ для графа Н. П. Румянцева, вѣроятно прот. І. Григоровичемъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ знаменитаго мецената въ его историческихъ работахъ. Въ указанной рукописи, кромѣ Италіянской Легенды, находится переводъ и другихъ, относящихся къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, латинскихъ сказаній, а равно и предисловія и комментаріевъ къ нимъ. Сл. Востокова Описаніе Рум. Музеума, стр. 199. Русскій переводъ Италіянской Легенды напечатанъ по Румянцевской рукописи безъ всякихъ поправокъ. Для сравненія подъ строками приложенъ латинскій подлинникъ, взятый изъ Acta SS. Далѣе, по тому же переводу и такъ же съ приложеніемъ подлинника, предлагается отрывокъ изъ предисловія Болландистовъ, относящійся къ вопросу о происхожденіи Италіянской Легенды.

Изъ Рукописи Москов. Публ. Музея, № 151. л. 12-13.

§ 15. Исторія перенесенія его (св. Климента) тѣла, которую мы намѣрены предложить здѣсь, написана, какъ подозрѣваемъ, Годерикомъ, епископомъ Велитернскимъ, котораго иные называютъ Гавденціемъ. Ибо мы получили отъ тогоже аббата Угелла не полное житіе или исторію св. Климента. Предисловіе сей исторіи къ папѣ Іоанну VIII такъ начинается:„ Предисловіе Годерика, Велитернскаго епископа, къ святѣйшему папѣ, владыкѣ присноблаженному святой каѳолической и апостольской римской церкви,

---

Acta SS. Martii T. II p. 15.

§ 15. Quam porro nos hic daturi sumus Translationis ejus (S. Clementis) historiam, eam suspicamur à Gauderico Velitrarum episcopo, quem alii Gaudentium vocant, esse conscriptam. Accepimus enim ab eodem abbate Ughello vitam sive historiam S. Clementis, sed mutilam. Cujus praefatio ad Joannem VIII papam ita incipit: Praefatio Gauderici Veliterni episcopi ad sanctissimum papam Ioannem, sanctae catolicae et apostolicae romanae ecclesiae Domino semper beato, summo Pontifici et universali Papae Ioanni, Gaudericus

верховному первосвященнику и всемірному папѣ Іоанну, Годерикъ, наимладшій изъ епископовъ, вѣчно радующійся о Христѣ Господѣ Іисусѣ. Къ чести и хвалѣ твоего предшественника бл. Климента, мученика и первосвященника заблагоразсудилъ я собрать нѣчто касательно его жизни, отыскать, какого онъ былъ благороднаго происхожденія, какъ оружіемъ философіи поражалъ идоловъ, какъ вдохновеніемъ Божіимъ позналъ истину, особливо когда я управлялъ Христовою церковію сего доблественнаго мученика въ городѣ Велитернѣ.“ И потомъ: „Не столь точно, сколь богобоязливо собралъ я сіе и раздѣлилъ на три книги. Въ первой книгѣ показали мы происхожденіе Климента, отечество, рожденіе, воспитаніе, намѣреніе, образъ жизни, обращеніе въ христіанскую вѣру и способъ, какъ позналъ истину. Во второй съ помощію Божіею предложили мы глубокость ученія, санъ епископства, власть первосвященства и смѣлость, съ каковою поражалъ идоловъ философскими доводами. Въ третьей книгѣ удивляемся чудесамъ. Здѣсь постарались мы собрать все, касающееся до жестокой ссылки, мученическій вѣнецъ и чудесное его возвращеніе въ собственный престольный градъ.“ Напослѣдокъ говоритъ онъ

---

episcoporum novissimus, perenne gaudium in Domino Jesu Christo. Dignum esse putavi ad honorem et laudem Tui praedecessoris B. Clementis matryris atque pontificis, aliqua de genere vel vita ipsius, Deo institutore, in unum colligi: et quam generosa fuerit oriundus prosapia, quamque philosophando contra idola disputans, divino praesagio veritatem cognoverit, enucleatius inveniri: praesertim cum ego valde inutilis, hujus eximii martyris Chisti ecclesiae, apud Veliternam oppidum sitae, praefuerim. *Et aliquanto post:* Non tam strenue quam devote collegi, et in tribus libris conglutinans ordinavi. In primo siquidem libro Clementis genus, patriam, nativitatem, institutionem, propositum, vitam, conversionem et qualitatem recognitionis ejus innuimus. In secundo vero, Deo auxiliante, profunditatem doctrinae, dignitatem episcopalis apicis, auctoritatem singularis pontificatus, et audatiam contra idola sophistice disputantis, subdidimus. Ast in tertio miramur prodigia, exulationis angustias, martyrii laureas, reversionis ejus ad propriam sedem miracula colligere procuravimus. *Ac demum:* Quae nos, ut meminimus, inquit, quae

такъ: „Изъ многаго мы составили весьма немногое касательно того, что̀ творится молитвами мученика Христова во̀ славу Всемогущаго, сколько помнили, видѣли и слышали.“

§ 16. И такъ кажется нѣтъ сомнѣнія, что оное повѣствованіе обрѣтенія св. Климента, доставленное намъ грамотою Дюшеня, почерпнуто и можетъ быть сокращено изъ третьей книги, сочиненной Годерикомъ и содержащей дѣянія того же святаго первосвященника. Онъ самъ признается, что собиралъ извѣстія касательно перенесенія св. Климента въ Римъ и чудесъ, которыя кажется относятся ко времени Адріана II, преемника Іоанна VIII, которому посвящаетъ и сочиненіе. Сей же Годерикъ, или Гандерикъ, епископъ Велитернскій, присутствовалъ на VIII экуменскомъ соборѣ, какъ изъ многихъ мѣстъ явствуетъ.

---

vidimus et legimus, ipsius Christi martyris fieri orationibus, colligentes transscripsimus, et ad laudem Dei omnipotentis ex multis paucissima defloravimus.

§ 16. Haudquaquam ergo dubium nobis videtur, quin ea narratio inventionis s. Clementis, quam nobis suppeditavit Duchesnii codex, ex illo tertio libro de ejusdem sancti pontificis rebus gestis a Gauderico ep. composito, decerpta sit, ac fortassis contracta. Ipse certe se reversionem s. Clementis ad propriam sedem, factaqve tunc miracula collegisse profitetur, quae spectasse videtur, sub Hadriano II, Ioannis VIII decessore facta, quorum et huic narrationem dicat. Interfuit autem idem Gaudericus sive Candericus Veliternensis episcopus concilio oecumenico VIII, ut multis ex locis patet.

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

Славянскихъ Апостоловъ.

О Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ. Москвитянинъ. 1843. № 6.

Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Von Wilhelm Wattenbach. Wien. 1849.

Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Von Ernst Dümmler. Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Wien. 1854. Band XIII.

О Времени происхожденія славянскихъ письменъ. Соч. О. Бодянскаго. Съ 19-ю снимками. Москва. 1855 г.

Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie. Von Dr. I. A. Ginzel. Leitmeritz. 1857.

(*Писано въ 1858 г.*)

I.

Жизнь и дѣятельность Славянскихъ Апостоловъ имѣли огромное и рѣшительное вліяніе на судьбу и образованіе всего славянскаго міра. Составленіе славянскихъ письменъ, переводъ Священнаго Писанія и другихъ книгъ на славянскій языкъ, зарожденіе и первые опыты славянской народной письменности, преобразованіе языка, распространеніе и окончательное утвержденіе между Славянами христіанской вѣры, собраніе большей части сла-

вянскихъ племенъ въ отдѣльныя государства, наконецъ вообще пробужденіе и возвышеніе въ нихъ народнаго самопознанія и первый шагъ ихъ на поприщѣ общечеловѣческой образованности—все это такія событія, которыя неразрывно связаны съ именами Кирилла и Меѳодія. Вотъ почему и исторія ихъ имѣетъ высокій и всегдашній интересъ для Славянъ и не—Славянъ. Скоро минетъ тысячелѣтіе послѣ выступленія Кирилла и Меѳодія на поприще ихъ дѣятельности, а интересъ этотъ съ теченіемъ вѣковъ не только не ослабѣваетъ, но все болѣе и болѣе усиливается. Начавшееся въ послѣднее время движеніе славянскихъ племенъ въ Австріи и Турціи и возрожденіе между ними образованности обращаетъ на нихъ и на ихъ историческія судьбы общее вниманіе цѣлой Европы, а съ этимъ вмѣстѣ увеличиваетъ общій интересъ и къ исторіи первовиповниковъ славянскаго образованія. Наука, которая всегда съ готовностію отзывается на всякое движеніе жизни и мысли, и въ настоящемъ случаѣ остается вѣрною своему призванію, находясь въ полной гармоніи съ общимъ направленіемъ умовъ. Такъ, изученіе славянскихъ народностей, ихъ исторіи и древностей, никогда не двигалось впередъ съ такимъ успѣхомъ, какъ въ послѣднее время: появленіе новыхъ ученыхъ трудовъ славянскихъ и не—славянскихъ ученыхъ въ области славянской археологіи, филологіи и исторіи, новыя изданія памятниковъ славянской письменности, основаніе новыхъ ученыхъ обществъ для разработки славянскихъ древностей, учрежденіе для тойже цѣли ученыхъ каѳедръ въ европейскихъ университетахъ—все это служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Въ частности, въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу, т. е. въ отношеніи къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, наука въ послѣднее время также обогатилась значительными приобрѣтеніями. У насъ въ Россіи,

въ недавнее время, открыто, или точнѣе возобновлено въ памяти науки, нѣсколько новыхъ, для этой исторіи чрезвычайно важныхъ памятниковъ, которыми отчасти уже воспользовались знатоки отечественной Церковной Исторіи: епископъ Макарій и архіепископъ Филаретъ,—первый въ своей „Исторіи Христіанства въ Россіи до Владимира“ (1) второй въ краткой біографіи Кирилла и Меѳодія, помѣщенной имъ въ Чтеніяхъ Московскаго Истор. Общества и давно уже переведенной на нѣмецкій языкъ. (2) Самое приближеніе роковой цыфры лѣтъ послѣ изобрѣтенія славянской азбуки, т. е. приближеніе тысячелѣтняго юбилея этого многознаменательнаго событія, не говоря о другихъ вышеисчисленныхъ побужденіяхъ, естественно должно было возбудить и усилить вниманіе ученыхъ къ первобытной эпохѣ славянскаго образованія. Такъ отчасти именно этому обстоятельству отечественная наука обязана появленіемъ въ ней такого труда, который по богатству матеріаловъ оставилъ за собою далеко всѣ предшествующіе. Мы разумѣемъ, давно уже извѣстное нашей ученой публикѣ, сочиненіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ.“ Сочиненіе это ближайшимъ образомъ имѣетъ своимъ предметомъ частный въ жизни Кирилла и Меѳодія вопросъ о времени изобрѣтенія, или составленія ими славянской азбуки; но при той полнотѣ и всесторонности изслѣдованія, какую далъ авторъ своему труду, и при той важности, какую имѣетъ этотъ вопросъ въ исторіи Славянскихъ Апостоловъ,—въ упомянутомъ сочиненіи разсмотрѣны съ большею или меньшею подробностію всѣ важнѣйшія стороны ихъ дѣятельности.

---

(1) С П Б. 1856 г.

(2) 1846 г. № 4. Нѣмецкій переводъ біографіи Кирилла и Меѳодія изданъ въ Митавѣ въ 1846 г., отдѣльною книжкою.

Западные ученые,—славянскіе и нѣмецкіе,—первые положившіе начало ученой обработкѣ исторіи Кирилла и Меѳодія, въ послѣднее время такъ же представили по этому предмету нѣсколько ученыхъ трудовъ, заслуживающихъ полное вниманіе науки, а тѣмъ больше науки отечественной, обязанной своимъ происхожденіемъ тому великому дару, какой данъ былъ намъ безсмертными изобрѣтателями славянской азбуки, въ лицѣ западныхъ нашихъ братій. Къ числу замѣчательнѣйшихъ изъ этихъ трудовъ принадлежатъ сочиненія, которыхъ заглавія мы выписали выше. Изъ нихъ первыя два были вызваны вновь открытыми источниками для исторіи разсматриваемой эпохи и имѣютъ ближайшею цѣлію критическое ихъ обслѣдованіе; а сочиненіе Гинцеля содержитъ въ себѣ систематическое обозрѣніе цѣлой жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ по вновь открытымъ и прежнимъ источникамъ и современнымъ изслѣдованіямъ,—съ цѣлію „восполнить ощутительный въ современной ученой литературѣ недостатокъ полной прагматической исторіи Кирилла и Меѳодія, сообразной съ современными требованіями науки.“ Книга Гинцеля представляетъ въ себѣ явленіе тѣмъ болѣе интересное, что со времени Добровскаго, да и прежде него,—если не считать неудачнаго опыта Стредовскаго,— (¹) еще не было полной системематической біографіи Славянскихъ Апостоловъ. Трудность задачи и множество спорныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ останавливаетъ попытки даже опытныхъ изслѣдователей взяться за подобный трудъ. Вотъ почему Дюммлеръ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ австрійскихъ и славянскихъ древностей, обслѣдовавши въ разсматриваемомъ своемъ трудѣ вопросъ объ исторической

(¹) Sacra Moraviae historia, sive vita SS. Cyrilli et Methodii 1710

достовѣрности паннонскаго житія Меѳодія, предлагаетъ обозрѣніе жизни и дѣятельности его только въ видѣ примѣчаній и камментаріевъ къ новооткрытому памятнику, съ цѣлію согласить сообщаемыя въ немъ новыя данныя съ показаніями прежде бывшихъ извѣстными источниковъ. „Связное изложеніе дѣятельности Меѳодія, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, мнѣ представляется невозможнымъ, потому что большая часть вопросовъ въ его жизни, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, доселѣ остаются нерѣшенными, и при существующихъ матеріалахъ едва ли и могутъ быть рѣшены. Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ вопросы объ отношеніи Глаголитскаго письма къ Кирилловскому, о числѣ переведенныхъ братьями книгъ, о національности древнихъ Моравлянъ и наконецъ о мѣстѣ архіепископской каѳедры и времени смерти Меѳодія. И хотя въ трудахъ моихъ предшественниковъ историческая истина часто затемняема была предзанятыми мнѣніями и національными пристрастіями; но это не заставило бы меня принять на себя трудную задачу изслѣдованія жизни Меѳодія, еслибы я не руководствовался при этомъ желаніемъ для будущихъ изслѣдователей представить въ ясномъ видѣ важность вновь открытаго источника.“ „Я желалъ бы, говоритъ далѣе Дюммлеръ, что бы на мои изслѣдованія смотрѣли какъ на трудъ приготовительный, и что бы онъ вызвалъ собою кого либо изъ знатоковъ славянскихъ древностей съ болѣе достаточными силами окончить то, что̀ мною такъ неудовлетворительно начато.“

Почти въ такомъ же непритязательномъ видѣ является и сочиненіе Ваттенбаха. Представляемое имъ обозрѣніе жизни Кирилла и Меѳодія составляетъ какъ бы приложеніе къ открытому и изданому имъ новому источнику для ихъ исторіи, это именно къ буллѣ папы Стефана V къ мо-

равскому князю Святополку. „Объ исторіи Моравскихъ Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, говоритъ Ваттенбахъ, писано было очень много, и почти каждый отдѣльный пунктъ ихъ дѣятельности былъ предметомъ самыхъ живыхъ споровъ. Къ источникамъ, бывшимъ извѣстными прежде, теперь присоединяется новый, и, какъ всѣ другіе, онъ долженъ быть подвергнутъ строгой критической оцѣнкѣ. При изданіи этого акта, мнѣ кажется умѣстнымъ войти въ разсмотрѣніе, въ какое должны стать отношеніе добытые изъ него результаты съ фактами, которые были извѣстны прежде, и какъ должны дополнять ихъ? Но гдѣ искать этихъ фактовъ? Вездѣ они смѣшаны съ предположеніями и догадками, которыя съ такою же рѣшительностію утверждаютъ одни, съ какою отвергаютъ другіе. Добровскій принялъ за правило (которому и слѣдовалъ)—основываться только на достовѣрныхъ источникахъ; но со времени этого ученаго частію открыто много источниковъ новыхъ, частію нѣкоторымъ изъ прежнихъ дано болѣе правильное значеніе, а иные вопросы подвергнуты болѣе точному критическому изслѣдованію. Я съ своей стороны, для выполненія своей задачи не нахожу лучшаго средства, какъ вновь принять за правило принципъ, указанный Добровскимъ, и мнѣ кажется, что читателямъ не непріятно будетъ найти здѣсь изложеніе того, что̀ современники и ближайшіе ихъ потомки сообщаютъ намъ о тѣхъ временахъ и отношеніяхъ. Я слишкомъ далекъ отъ мысли отвергать, что позднѣйшія извѣстія, при строгой критической ихъ оцѣнкѣ, могутъ привести къ дальнѣйшимъ результатамъ; но здѣсь, что ни шагъ, то новый предметъ для спора, а мнѣ хотѣлось бы остаться на мирномъ поприщѣ."

Такое скромное сознаніе своего безсилія предъ трудностію задачи составить полную и удовлетворительную біографію

Кирилла и Меѳодія, высказываемое если не первыми, то и далеко не дюжинными знатоками славянской древности, невольно приводитъ къ мысли,—не преждевременна ли въ настоящее время попытка писать систематическую исторію безсмертныхъ изобрѣтателей славянской азбуки? И въ самомъ дѣлѣ, какъ представишь громаду источниковъ для ихъ исторіи, далеко еще не подвергнутыхъ должному критическому анализу, длинный рядъ извѣстій изъ всѣхъ вѣковъ,—извѣстій часто совершенно разнорѣчивыхъ, которыя только ожидаютъ соглашенія, и огромную литературу изслѣдованій съ самыми противоположными выводами; то вопросъ этотъ едва ли приметъ положительное рѣшеніе. Исторія Кирилла и Меѳодія, въ полномъ ея объемѣ, въ настоящее время представляетъ въ себѣ множество почти непобѣдимыхъ трудностей. Изслѣдователю, который взялъ бы на себя подобную задачу, пришлось бы брать приступомъ почти каждый шагъ, на каждомъ пунктѣ соглашать противорѣчія, наводить самыя отдаленныя справки, бороться съ разными, часто совершенно противоположными мнѣніями. Только такимъ путемъ для него возможно будетъ отдѣлить, какъ выражается Шлецеръ, а за нимъ Добровскій, золото исторической истины отъ нагара благочестивыхъ вымысловъ.“ Это требованіе, вѣрное въ отношеніи къ историческимъ работамъ подобнаго рода вообще, имѣетъ особенное значеніе въ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, которая по преимуществу богата такъ называемыми второстепенными, третьестепенными и т. д. источниками, представляющими, какъ извѣстно, при историческихъ изслѣдованіяхъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ источникм первостепенные. Живой примѣръ такой трудности, а вмѣстѣ и блестящаго преодолѣнія ея представляетъ разсматриваемое сочиненіе проф. Бодянскаго, взявшаго на себя задачу разсмотрѣть вопросъ о времени происхожденія славянскихъ письменъ во всемъ

его объемѣ. Почтенный профессоръ такъ отзывается о предстоявшихъ ему затрудненіяхъ въ изслѣдованіи взятаго имъ для разсмотрѣнія вопроса:

„Начиная съ самаго почти появленія селунскихъ благовѣстниковъ въ земляхъ славянскихъ, говоритъ онъ, до конца XII вѣка, стало быть въ продолженіе трехъ съ половиною вѣковъ, свои и чужіе, на отечественномъ и другихъ языкахъ (греческомъ и латинскомъ), описывали ихъ благодѣтельныя дѣйствія и передали современникамъ и позднему потомству; потому рядъ свѣдѣтельствъ о нихъ, слѣдовательно и о нашемъ предметѣ, непрерывно продолжался и доставилъ намъ 22 свѣдѣтелей.... Есть, стало быть, что послушать, и раскинуть, какъ говорится, о чемъ умомъ—разумомъ. Ибо не всѣ они одно и тоже передаютъ намъ: тутъ слышимъ голосъ съ разныхъ сторонъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Отъ того естественно нельзя было ожидать строгаго согласія и точности въ передаваемомъ: не всякій разсказываетъ только, что́ и какъ происходило, но еще примѣшиваетъ къ тому и свой взглядъ, а иногда даже догадки о такомъ, чего, по его мнѣнію, недостаетъ тутъ для его полноты. Это необходимо вело къ порчѣ, искаженію первоначальльной основы дѣйствительно случившагося..... И такъ нужно отдѣлить, что не принадлежитъ, не могло и не должно принадлежать по существу самаго дѣла, первоначально къ разсказываемому произшествію, а привнесено послѣ людьми къ людскому, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, цѣлей и побужденій.“... Нельзя было и ожидать, „чтобы всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ были отмѣчены печатью подлинности и современности, чтобы дошли они къ намъ безъ всякихъ наростовъ и измѣненій, въ ихъ первичности и чистотѣ. Плавая по морю, нельзя, чтобы какой валъ его не хлеснулъ когда и намъ въ лицо, не

оставилъ слѣда и на нашемъ платьѣ. Не много такихъ счастливцевъ, которые безъ треволненій и крушеній выходятъ на берегъ. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ поврежденія судно, уцѣлѣло ль что отъ его первобытнаго вида, годно ли еще оно и по скольку годно? А по тому первое дѣло отдѣлить первооснову отъ нароста, бывшее отъ небывшаго, голосъ очевидца—современника отъ голоса толкователей послѣдующаго времени, ихъ догадокъ, украшеній, передѣлокъ и т. п. По сему вся тайна изслѣдователя заключается въ умѣньѣ отличить дѣйствительное отъ возможнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго и даже небывалаго" (стр. 145-148).

Само собою разумѣется, что трудности, встрѣченныя почтеннымъ профессоромъ въ его трудѣ, имѣющемъ предметомъ одинъ вопросъ въ жизни Славянскихъ Апостоловъ, хотя и болѣе другихъ затруднительный, должны въ неимовѣрной степени увеличиться при составленіи ихъ біографіи—полной, систематической. Число источниковъ въ такомъ случаѣ естественно далеко возрастаетъ противъ цыфры, указанной нашимъ изслѣдователемъ въ приведенной выпискѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ и сумма противорѣчій, требующихъ примиренія, или по крайней мѣрѣ объясненія со стороны ученаго, который бы взялъ на себя подобную задачу. Чтобы подтвердить наши слова фактами и представить въ ясномъ видѣ, какъ далеко расходятся другъ отъ друга источники, по разсматриваемому предмету, въ полномъ ихъ объемѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнятся мнѣнія изслѣдователей, укажемъ нѣсколько тому примѣровъ. По однимъ источникамъ Кириллъ и Меѳодій были греки, по другимъ славяне; по однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меѳодій, по соображенію съ другими Кириллъ; по однимъ только послѣдній путешествовалъ къ Хазарамъ, по другимъ

оба. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меѳодію, третьи обоимъ, и притомъ самыя свидѣтельства объ этомъ, при своей неопредѣленности, даютъ возможность подъ именемъ славянскихъ письменъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ—азбуку Кирилловскую,—другимъ Глаголитскую. Мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки одни источники назначаютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи Болгарію, четвертые наконецъ Херсонъ, гдѣ будто бы Кириллъ нашелъ уже готовыя письмена. Временемъ изобрѣтенія славянской грамоты по однимъ извѣстіямъ былъ 852-й годъ, по другимъ—855, по третьимъ 858—861, по четвертымъ 862, по пятымъ 865-й и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась 3 года, по другимъ 3 года съ половиною, по третьимъ 4 года съ половиною, по инымъ наконецъ Апостолы Славянскіе вовсе не были въ Моравіи, а дѣятельность ихъ ограничивалась одною Болгарію. Точно такія же противорѣчащія свидѣтельства существуютъ о санѣ Кирилла и времени посвященія его и Меѳодія въ епископы, о мѣстѣ епископской каѳедры послѣдняго, о времени кончины Кирилла (источники назначаютъ годы: 868, 869, 870, 871 и т. д), о мѣстѣ и времени кончины Меѳодія (—годы 881, 885, 886, 892, 893, 894, 899, 900) о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи, о числѣ переведенныхъ ими книгъ, о славянскомъ нарѣчіи, на которое сдѣланъ былъ переводъ и прч. и проч. Не нужно конечно прибавлять, что чѣмъ источники позднѣе, тѣмъ далѣе свидѣтельства ихъ расходятся какъ другъ съ другомъ, такъ и съ свидѣтельствами древнѣйшими. Вотъ почему Ваттенбахъ, а за нимъ и Дюммлеръ, опасаясь можетъ быть запутаться въ разборѣ разнорѣчащихъ показаній позднѣйшихъ источниковъ, или просто не желая входить въ расмотрѣніе ихъ, рѣшились ограничиться въ своихъ, разсматриваемыхъ

нами, изслѣдованіяхъ, только извѣстіями древнѣйшими; и вотъ почему нашъ отечественный изслѣдователь, взявшій на себя задачу разсмотрѣть свой вопросъ въ полномъ его объемѣ, по всѣмъ прежнимъ и открытымъ имъ самимъ источникамъ, въ своемъ сочиненіи положительному изложенію сдѣланныхъ имъ выводовъ предпосылаетъ огромное обозрѣніе источниковъ (стр. 1—140), а потомъ критическій разборъ самыхъ свидѣтельствъ и исторію мнѣній ученыхъ о данномъ вопросѣ (стр. 141—337). Всякій согласится, что въ подобныхъ случаяхъ вопросъ объ историческомъ достоинствѣ источниковъ есть вопросъ первой важности: никакое остроуміе, никакая проницательность историка не замѣнитъ въ его изслѣдованіяхъ недостатка критическихъ основъ. Самое прочное по видимому зданіе должно будетъ обрушиться, если не крѣпокъ фундаментъ, на которомъ оно воздвигнуто. Это дѣйствительно и случалось уже не разъ съ историко-критическими работами ученыхъ надъ исторіею Славянскихъ Апостоловъ. Какъ ни основательны были повидимому историко-критическія положенія, изложенныя Добровскимъ въ его біографіи Кирилла и Меѳодія, но тотъ часъ же послѣ выхода ея въ свѣтъ (1824 г.), по поводу критики Блюмбергера, возникли сомнѣнія, которыя готовы были подорвать въ самомъ основаніи зданіе, воздвигнутое знаменитымъ славянистомъ, а въ послѣдующее время, въ слѣдствіе новыхъ критическихъ розысканій (о житіи Климента) и новыхъ открытыхъ наукою данныхъ, исторія Кирилла и Меѳодія естественно должна была во многомъ получить совсѣмъ другой видъ, нежели какой данъ былъ ей Добровскимъ. Точно такъ же и Добровскій своими изслѣдованіями во многомъ измѣнилъ историческіе выводы своихъ предшественниковъ: Ассемани, Добнера и другихъ ученыхъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ первой эпохи славянской письменности.

До какой степени недостаточна критическая разработка источниковъ, относящихся къ исторіи Кирилла и Меѳодія, и не тверды ея основы, яснымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ изслѣдованіяхъ о ней не разъ игралъ главную роль чистый произволъ, увлеченіе изслѣдователя какою либо любимою идеею, національныя и религіозныя пристрастія и вообще предзанятыя мнѣнія. Что бы представить въ этомъ отношеніи рѣшительный примѣръ, стоитъ вспомнить, что сдѣлалъ изъ исторіи Славянскихъ Апостоловъ нашъ отечественный изслѣдователь, Венелинъ. Отвергнувши подлинность и достовѣрность всѣхъ основныхъ для этой исторіи источниковъ, онъ доказывалъ, что Кириллъ и Меѳодій никогда не были ни въ Моравіи, ни въ Римѣ, не составляли славянской азбуки, ничего почти не переводили на славянскій языкъ (то и другое сдѣлано было прежде), не входили ни въ какія сношенія ни съ моравскими князьями, ни съ папами,—однимъ словомъ отвергнулъ всѣ почти главнѣйшіе факты въ жизни Славянскихъ Апостоловъ. Могутъ сказать, что въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности положить границы произволу; но намъ кажется, что причины подобнаго явленія нужно искать именно въ недостаткѣ должной критической оцѣнки источниковъ по разсматриваемому предмету. Послѣднее обстоятельство даетъ изслѣдователю полную возможность свободно обращаться съ источниками, принимать одни и отвергать другіе, второстепенные источники возводить на степень первостепенныхъ и на оборотъ первостепеннымъ давать значеніе второстепенное, или даже вовсе выпускать ихъ изъ виду,—все это разумѣется сообразно съ любимою предзанятою идеею, какую хочетъ провести изслѣдователь въ своемъ трудѣ. Такъ поступали въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ въ жизни Славянскихъ

Апостоловъ, увлеченные интересами римской церкви, извѣстные ученые: Ассемани, Добнеръ, Копитаръ и другіе. Тоже самое поприще для своей дѣятельности, т. е. учено-литературное служеніе чисто вѣроисповѣднымъ интересамъ католицизма избралъ для себя и точно въ такоеже отношеніе поставилъ себя къ источникамъ Гинцель, авторъ одного изъ разсматриваемыхъ нами сочиненій. Вся его „Исторія Славянскихъ Апостоловъ“ съ начала до конца, говоря буквально, написана на заданную тему, что Кириллъ и Меѳодій отличались такою же горячею преданностію римской церкви, какъ самые рѣвностные поборники тогдашняго и современнаго католицизма. При такомъ положеніи дѣла нельзя не признать, что критическая обработка источниковъ для исторіи Славянскихъ Апостоловъ и тщательный пересмотръ сообщаемыхъ ими свѣдѣній въ такой напр. формѣ, какъ это сдѣлалъ Дюмилеръ съ Паннонскимъ Житіемъ Меѳодія, составляетъ насущную потребность современной науки славянскихъ древностей. Подобные критическіе труды послужили бы оплотомъ противъ возможности произвола какъ въ выборѣ и оцѣнкѣ источниковъ, такъ и въ пользованіи ими, а слѣд. и въ самомъ взглядѣ на характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Таковы по нашему мнѣнію причины, доселѣ препятствующія успѣшному ходу ученыхъ работъ надъ исторіею Кирилла и Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и появленію, какъ въ отечественной, такъ и въ иностранной литературѣ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительной ихъ біографіи. Но кромѣ недостатка должной критической обработки источниковъ по разсматриваемому предмету, еще бо́льшее, въ этомъ отношеніи, представляетъ затрудненіе то обстоятельство, что эти источники, какъ ни значительна общая ихъ сумма, открыты далеко еще не всѣ. Число

ихъ умножается, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе. При томъ послѣднее время показало, что важнѣйшіе изъ нихъ кроются еще въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, —въ нашей древней письменности. А у насъ, какъ извѣстно, работы и открытія по этому предмету, да и вообще по исторіи нашей древней литературы, можно сказать, только начинаются. При такомъ положеніи дѣла нельзя и ожидать, чтобы относительно исторіи Славянскихъ Апостоловъ въ настоящее время могли установиться въ наукѣ твердыя и рѣшительныя положенія. Для иностранныхъ же ученыхъ указанное затрудненіе тѣмъ бо́льшее имѣетъ значеніе, что новые памятники, открытые въ послѣднее время у насъ въ Россіи по разсматриваемому предмету, доселѣ еще не изданы, а многіе даже не изслѣдованы, а только указаны. Наши ученые имѣютъ всегда возможность — бо́льшую, или меньшую, — пользоваться ими по рукописямъ; но для иностранныхъ изслѣдователей, само собою разумѣется, такой возможности не существуетъ. Вотъ почему и труды ихъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, а равно и въ отношеніи къ исторіи славянской письменности вообще, часто носятъ на себѣ печать нѣкоторой отсталости, — недостатокъ, которымъ страдаютъ и разсматриваемыя нами сочиненія. Такъ Дюммлеръ наприм., издавая Паннонское Житіе Меѳодія, въ предисловіи къ своему изслѣдованію о немъ, говоритъ, что единственный списокъ этого памятника находится въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи; а у насъ между тѣмъ задолго до выхода въ свѣтъ сочиненія Дюммлера извѣстенъ былъ, даже по печатнымъ указаніямъ, названный памятникъ уже въ нѣсколькихъ спискахъ, и притомъ древнѣйшихъ. Гинцель, на основаніи отзыва Миклошича о языкѣ Паннонскихъ Житій, принадлежащемъ будто XIV

вѣку, старается доказать, что названные памятники относятся именно къ этому времени; между тѣмъ у насъ въ Россіи, благодаря открытію г. Ундольскаго, еще съ 1848 г. извѣстенъ былъ списокъ одного изъ названныхъ памятниковъ, писанный въ XII вѣкѣ, (1), а слѣд. самымъ наглядным образомъ заранѣе опровергнуто было приведенное мнѣніе Миклошича. Приведемъ еще примѣръ: что бы доказать сообразно съ своей предзанятой идеей, что Славянскими Апостолами не были переведены всѣ библейскія книги, а только извлеченія изъ нихъ для церковнаго употребленія (лекціонари—паремейники), Гинцель, со словъ Добровскаго, въ разсматриваемомъ сочиненіи (стр. 43.) говоритъ, что на славянскомъ языкѣ до XV вѣка вовсе не было извѣстно полнаго перевода библейскихъ книгъ; между тѣмъ у насъ въ Россіи давно уже извѣстны самыя положительныя доказательства того, что еще въ XI и

---

(1) Чт. Об. Ист. 1848 г, № 8. Замѣчательно, что списокъ Паннонскаго Житія XVI в., бывшій въ рукахъ Миклощича, по которому, опъ на основаніи филологическихъ данныхъ, сдѣлалъ заключеніе о принадлежности этого памятники, къ XIV в., по своему языку ничѣмъ почти не разнится, (за исключеніемъ только не многихъ грамматическихъ особенностей,) со спискомъ того же житія, находящемся въ рукописи XII в. И такъ, если для такого опытнаго филолога, каковъ Миклошичь, возможны подобныя ошибки; то невольно приходишь къ заключенію, какъ ненадежны въ подобныхъ случаяхъ, т. е. при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія памятника, соображенія, основанныя единственно на филологическихъ данныхъ! Намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ историческія указанія и библіографическія данныя гораздо тверже, чѣмъ данныя филологическія, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи славянской, филологіи.

XII. вѣкѣ на славянскоиъ языкѣ существовали почти всѣ библейскія книги. Не говоримъ уже объ историческихъ на это указаніяхъ, находящихся въ памятникахъ, которые перевóдъ всѣхъ библейскихъ книгъ приписываютъ прямо Славянскимъ Апостоламъ.

Само собою разумѣется, что названные ученые, дѣлая подобнаго рода выводы, такъ рѣзко противорѣчащіе положительнымъ фактамъ, становятся нѣкоторымъ образомъ въ положеніе комическое, и это вслѣдствіе незнанія того, что̀ сдѣлано и открыто по части изслѣдываемыхъ ими вопросовъ у насъ въ Россіи; но съ другой стороны мы нисколько не въ правѣ упрекать ихъ за это незнаніе; потому что открытыя у насъ, Паннонскія Житія, не смотря на обще-признанную ихъ важность доселѣ еще не изданы, даже не были предметомъ особаго изслѣдованія. Точно также и древность славянскаго перевода библейскихъ книгъ положительнымъ образомъ доказана была только недавно, благодаря ученымъ трудамъ профессоровъ, Горскаго, и Невоструева. Да и говоря вообще, мы вовсе не въ правѣ обвинять иностранныхъ ученыхъ въ равнодушіи къ изслѣдованіямъ и открытіямъ отечественныхъ ученыхъ въ отношеніи къ славянскимъ древностямъ вообще и въ частности въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу. Доказательствомъ противнаго можетъ служить, какъ увидимъ ниже, именно открытіе у насъ Паннонскихъ Житій. Безпристрастно говоря, эти памятники положительную и окончательную, прежде чѣмъ у насъ, оцѣнку нашли именно въ кругу иностранныхъ ученыхъ, занимающихся славянскою исторіей и филологіей. По крайней мѣрѣ тамъ это открытіе пробудило ученую дѣятельность гораздо въ бóльшей степени, нежели какъ это было у насъ.

Какъ бы то ни было, но, какъ уже замѣчено было, каждое новое открытіе, особенно, если новооткрытый памятникъ, по своему историческому достоинству, древности и объему сообщаемыхъ имъ фактовъ, представляетъ въ себѣ источникъ первостепенной важности, естественно должно производить переворотъ въ изслѣдованіяхъ и ниспровергать историческія положенія, прежде считавшіяся несомнѣнными. Наука, въ подобныхъ случаяхъ, естественно должна дѣлать новые учеты въ прежнихъ выводахъ, разширять, или сокращать ихъ, отвергать прежнія положенія, измѣнять, дополнять ихъ и проч. Привычка къ авторитету прежнихъ источниковъ заставляетъ иныхъ долго не признавать достоинство новаго памятника, но мало по малу онъ вступаетъ въ свои права и получаетъ должное ему мѣсто. Въ теченіи ученыхъ работъ надъ исторіею Кирилла и Меѳодія такихъ переворотовъ было уже нѣсколько; но самый рѣшительный изъ нихъ произведенъ былъ открытіемъ Паннонскихъ Житій Славянскихъ Апостоловъ. Но прежде нежели войдемъ въ размотрѣніе важности этихъ памятниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, а равно и значенія памятника, открытаго Ваттенбахомъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ для этой исторіи вообще, то есть о тѣхъ источникахъ, которые извѣстны были прежде. Тогда гораздо яснѣе опредѣлится для насъ значеніе памятниковъ, открытыхъ въ послѣднее время.

Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія можно раздѣлить на два разряда: оффиціяльные и неоффиціяльные. Къ оффиціяльнымъ источникамъ принадлежатъ прежде всего буллы и письма римскихъ папъ, писанныя ими въ разное время къ славянскимъ князьямъ и къ Меѳодію въ теченіи его апостольской дѣятельности. Между этими письмами,

въ прежнихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, первое мѣсто занимали и дѣйствительно имѣютъ очень важное значеніе: четыре письма папы Іоанна VIII (878, 880 и 881-го года) —два къ Меѳодію и два къ Святополку, въ которыхъ этотъ папа сначала запрещаетъ, а потомъ дозволяетъ отправленіе славянскаго богослуженія въ Моравіи. Въ послѣднее время къ числу этихъ писемъ присоединились столько же если не болѣе важные документы: — 1.) открытая Ваттенбахомъ булла Папы Стефана V, или VI, (885—890) къ Святополку, 2.) письмо папы Адріана II (868—872) къ славянскимъ князьямъ, писанное имъ еще при первомъ отправленіи Меѳодія въ Паннонію въ санѣ пресвитера, (между 869 и 870-мъ годомъ), вскорѣ послѣ кончины Кирилла въ Римѣ. О буллѣ Стефана VI, открытой Ваттенбахомъ, мы будемъ говорить послѣ, при разборѣ его сочиненія; о письмѣ же Адріана II здѣсь же приведемъ очень замѣчательное мнѣніе Дюмлера, замѣтивъ предварительно, что подлинникъ этого письма до насъ не дошолъ, а сохранился только славянскій переводъ его, находящійся въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія и слѣд. открытый вмѣстѣ съ послѣднимъ памятникомъ. Дюмлеръ, въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи, такъ отзывается объ исторической достовѣрности послѣдняго документа.

„Этотъ достопримѣчательный памятникъ, говоритъ онъ, приводимый авторомъ Паннонскаго Житія въ полномъ его объемѣ, по своей формѣ и содержанію такого свойства, что я не нахожу никакихъ причинъ сомнѣваться въ его подлинности. Доказательствомъ ея служитъ то обстоятельство, что въ буллѣ упоминается о перенесеніи мощей Св. Климента и о пріемѣ, сдѣланномъ братьями въ Римѣ со стороны Адріана II,—два событія, которыя въ самомъ Житіи вовсе не упомянуты. Послѣднее отступаетъ отъ

буллы и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Отсюда ясно, что авторъ Житія не могъ быть въ то же время авторомъ письма....“ „Полномочіе, какое Адріанъ II даетъ въ немъ Меѳодію относительно употребленія при богослуженіи славянскаго языка, и предписаніе читать на литургіи Евангеліе и Апостолъ сначала по Вульгатѣ, а потомъ уже по славянски, до такой степени согласно съ позднѣйшими предписаніями Іоанна VIII о томъ же предметѣ, что сомнѣваться въ достовѣрности показаній этого памятника мы не имѣемъ никакого права. При томъ же эти показанія вполнѣ подтверждаются свидѣтельствомъ неизвѣстнаго Зальцбуржца (въ сочиненіи: de conversatione Bajoar.), который пишетъ, что въ 871-мъ году Меѳодій началъ отправлять въ Панноніи богослуженіе на славянскомъ языкѣ.“ (p. 182).

Вслѣдствіе доказательствъ, приведенныхъ Дюммлеромъ, историческая достовѣрность и подлинность буллы Адріана II была признана лучшими западными критиками, доказательствомъ чего служитъ помѣщеніе этого документа, въ латинскомъ переводѣ, въ числѣ другихъ актовъ, относящихся къ исторіи Кирилла и Меѳодія, Ербеномъ въ извѣстномъ его изданіи: Reqesta Boh. et Mor. (Pars 1. 1855.)

Къ числу оффиціальныхъ памятниковъ для біографіи Славянскихъ Апостоловъ принадлежатъ также: 1) упомянутая Дюммлеромъ въ сейчасъ сдѣланной нами выпискѣ изъ его сочиненія, записка неизвѣстнаго Зальцбуржца объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанцевъ, представленная, какъ думаютъ Ваттенбахъ и Дюммлеръ, нѣмецкому королю Людовику въ 871, или, какъ думаетъ Копитаръ, въ 873-мъ году, и содержащая въ себѣ доказательства правъ Зальцбуржскихъ архіепископовъ на паннонскую каѳедру Меѳодія; 2) письмо Баварскихъ епископовъ къ папѣ Іоанну IX 900 г., съ изъявленіемъ притязаній пассавской архіепископіи на Моравію. Первый памятникъ даетъ понятіе

о церковномъ состояніи Панноніи до—и во время прибытія туда Меѳодія, послѣдній—о состояніи Панноніи и Моравіи послѣ его кончины. Сюда же относятся позднѣйшія указанія разныхъ оффиціальныхъ памятниковъ преимущественно относительно славянскаго богослуженія, напр. опредѣленія объ этомъ папъ, соборовъ; также разныя оффиціальныя современныя записки, напр. записка объ освященіи Меѳодіемъ церкви въ Брюнѣ, замѣтка о Кириллѣ Анастасія Библіотекаря въ предисловіи къ его переводу актовъ Константинопольскаго собора 879-го года и проч.

Совершенно соглашаясь съ общепринятымъ положеніемъ исторической критики, что оффиціальные памятники въ историческихъ изслѣдованіяхъ вообще составляютъ самый достовѣрный источникъ, и показанія ихъ должны служить критеріумомъ для извѣстій неоффиціальныхъ,—мы однакожъ замѣтимъ, что папскія буллы и письма къ Славянскимъ князьямъ и къ Меѳодію, при пользованіи ими, представляютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое неудобство, и не вполнѣ отвѣчаютъ общему вышеуказанному характеру оффиціальныхъ источниковъ. Въ папскихъ буллахъ прежде всего бросаются въ глаза странныя противорѣчія одной буллы съ другой: что дозволяетъ одинъ папа, то запрещаетъ другой, или даже одинъ и тотъ же папа сначала предписываетъ одно, потомъ совершенно другое,—и это не одинъ разъ. Эти противорѣчія поразили первыхъ критиковъ до такой степени, что иные изъ нихъ всѣ, а другіе—нѣкоторыя изъ буллъ папы Іоанна VIII признали подложными. Но въ настоящее время, послѣ открытія (въ 1837 г.) Палацкимъ (*) реэстра посланіямъ папы Іоанна, писаннаго, съ Ватиканскаго подлинника, во 2-й

(*) Въ библіотекѣ Монтекассинскаго монастыря.

половинѣ XI вѣка и содержащаго въ себѣ между прочимъ разсматриваемыя буллы, — подлинность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Остается ждать теперь новыхъ данныхъ для подтвержденія подлинности буллъ Адріана II и Стефана VI, которыя болѣе чѣмъ вдвое увеличиваютъ общую сумму упомянутыхъ противорѣчій, и по своему содержанію и характеру сильно не нравятся тѣмъ изъ западныхъ критиковъ, кои смотрятъ на науку, какъ на орудіе для совершенно чуждыхъ для нея цѣлей (¹). Но судя по внутреннему характеру названныхъ буллъ, нельзя сомнѣваться, что онѣ пройдутъ безопасно сквозь всѣ испытанія и нападенія недобросовѣстной критики. За то съ признаніемъ достовѣрности папскихъ буллъ открывается огромное поприще для всякаго рода толкованій, — дѣйствительно неизбѣжныхъ потому, что иначе въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ папъ не будетъ никакого смысла, или эти дѣйствія примутъ совершенно ложный колоритъ. Это-то объясненіе — не подлинности, а — подлиннаго смысла папскихъ буллъ и составляетъ то затрудненіе и неудобство, при пользованіи ими, о которомъ мы сказали выше. Давно уже, еще со времени Шлецера, принято для этой цѣли брать въ соображеніе тогдашнія отношенія папъ къ Константинополю; но намъ кажется, что этотъ пунктъ

(¹) Гинцель, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, противъ подлинности буллъ Адріана и Стефана писалъ отдѣльную статью, помѣщенную имъ въ Zeitschrift für gesammte Kath. Theologie Bd. VII. Wien. 1856 s. 345—80. Но доказательства его, изложенныя въ сокращеніи въ разсматриваемомъ нами его сочиненіи (p. 8—11 сл. 85—87), слишкомъ ничтожны, чтобы могли сколько нибудь поколебать историческую достовѣрность этихъ важныхъ документовъ, и вовсе не заслуживаютъ, какъ и многое въ книгѣ Гинцеля, ученаго обстоятельнаго опроверженія.

въ жизни Славянскихъ Апостоловъ доселѣ еще не раскрытъ съ надлежащею полнотою. Кромѣ того истинный смыслъ папскихъ предписаній, или точнѣе, побужденій для того или другаго образа дѣйствій папъ, долженъ опредѣляться изъ разсмотрѣнія тогдашнихъ отношеній ихъ къ Моравскимъ князьямъ, къ зальцбуржскому и пассавскому архіепископамъ, къ св. Меѳодію и его паствѣ, и наконецъ къ законоположеніямъ и обычаямъ Римской церкви. Римскимъ первосвященникамъ хотѣлось въ одно и тоже время: сохранить миръ съ Константинопольскою церковію, чтобы не лишиться Болгаріи; а потомъ ее чтобы возвратить остаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ Славянскими князьями, постоянно мѣнявшими свой образъ мыслей и дѣйствій вслѣдствіе политическихъ цѣлей; поддержать расположеніе къ себѣ проповѣдниковъ, имѣвшихъ большое вліяніе на новопросвѣщенную ими страну; отстранить вліяніе и притязанія Зальцбуржскаго и Пассавскаго архіепископовъ, и наконецъ остаться, сколько возможно было, вѣрными принципамъ и установленіямъ, принятымъ Западною церковію. — Такъ много препятствій предстояло Римскимъ первосвященникамъ на пути стремленія ихъ пріобрѣсть и удержать за собою Моравскую и Паннонскую архіепископіи. При такомъ затруднительномъ положеніи, и при столь противорѣчащихъ и исключающихъ одно другое требованіяхъ естественно, что въ дѣйствіяхъ римскихъ папъ въ отношеніи къ Славянскимъ Апостоламъ и не могло быть требуемаго единства. Измѣнялись отношенія ихъ къ той или другой, соприкосновенной съ событіями, сторонѣ, — измѣнялись и предписанія ихъ въ отношеніи къ Меѳодію и Моравскимъ князьямъ; а отсюда и колеблющіяся отношенія римскаго престола къ нимъ и къ Меѳодію, нерѣшительныя распоряженія, полумѣры и вообще противорѣчія въ папскихъ буллахъ.

Съ другой стороны при пользованіи буллами папъ нужно имѣть въ виду, что въ частности отношенія ихъ къ Славянскимъ князьямъ и въ особенности къ Меѳодію были не искреннія, а вынужденныя, образовавшіяся вслѣдствіе другихъ разнообразныхъ отношеній ихъ и цѣлей, къ которымъ они стремились. Отъ этого во многихъ случаяхъ папы писали въ своихъ буллахъ далеко не то, что думали, и въ словахъ ихъ осталось много недосказаннаго. И такъ изслѣдователь долженъ открыть въ ихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ тайныя пружины, которыми они руководились. Эти тайныя пружины, которыя, разумѣется, имѣютъ главное значеніе при объясненіи фактовъ, изслѣдователь долженъ отгадывать по соображенію съ событіями: онъ долженъ читать между строками. Вотъ почему, при вопросѣ объ отношеніяхъ папъ къ Меѳодію, ни въ какомъ случаѣ нельзя вездѣ основываться на буквальномъ смыслѣ папскихъ буллъ, какъ это дѣлаетъ Гинцель въ своемъ сочиненіи. Это было бы тоже, какъ если бы кто сталъ составлять понятіе объ отношеніяхъ папы Іоанна VIII къ патр. Фотію и къ императору Василію, руководствуясь буквальнымъ смысломъ ихъ переписки. На основаніи ея эти отношенія представляются дружественными; но факты показываютъ намъ совершенно противное. Факты должны служить основаніемъ и при вопросѣ объ отношеніяхъ папы Іоанна VIII къ Меѳодію. Мы увидимъ далѣе, что Іоаннъ при этомъ остался вѣрнымъ своему характеру, и вообще характеру тогдашнихъ отношеній римскаго престола къ Восточной церкви.

Кромѣ объясненныхъ затрудненій оффиціальные источники для исторіи Славянскихъ Апостоловъ представляютъ то неудобство, что каждый изъ нихъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, относится собственно къ одному какому либо отдѣльному моменту въ жизни Славянскихъ Апостоловъ, и притомъ главнымъ образомъ въ жизни Меѳодія. Пусть эти отдѣльные

моменты имѣютъ особенную важность, такъ какъ относятся къ самому главному пункту въ дѣятельности благовѣстниковъ, т. е. къ изобрѣтенію славянской азбуки и къ учрежденію славянскаго богослуженія; но само собою разумѣется, что свѣдѣнія объ этихъ моментахъ далеко не могутъ удовлетворить любознательнаго изслѣдователя собственно полной жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Поэтому нельзя не признать, что въ чисто біографическомъ интересѣ гораздо важнѣе, чѣмъ папскія письма и другіе оффиціяльные документы, памятники неоффиціяльные. Это именно дошедшія до насъ историческія сказанія, или такъ называемыя легенды о жизни Славянскихъ Апостоловъ. Само собой разумѣется, что сообщаемыя ими свѣдѣнія, прежде чѣмъ займутъ мѣсто въ біографіи благовѣстниковъ, должны быть тщательно очищены критикой отъ всѣхъ постороннихъ наростовъ времени, личностей, религіозныхъ и національныхъ пристрастій и проч. При этомъ, какъ замѣтилъ еще Добровскій, показанія древнѣйшихъ легендъ должны предпочитаться показаніямъ сказаній позднѣйшихъ, и первыя должны служить критеріумомъ для послѣднихъ.

Между легендами, въ теченіи почти 200-лѣтнихъ историческихъ работъ надъ исторіею Славянскихъ Апостоловъ, первое мѣсто занимала Легенда, такъ называемая (по мѣсту написанія), Италіянская, изданная въ первый разъ, въ 1668 году, болландистомъ Геншеномъ въ извѣстномъ собраніи житій Святыхъ: Acta Sanctorum, подъ 9-мъ Марта, и содержащая въ себѣ послѣдовательное повѣствованіе о жизни св. Кирилла и отчасти Меѳодія. По мнѣнію Геншена, которое принято было, безъ всякой впрочемъ повѣрки, всѣми послѣдующими изслѣдователями, эта легенда составлена епископомъ города Велитры, Гавдерикомъ, современникомъ св. Кирилла, а потому и признана была источникомъ вполнѣ исторически-достовѣрнымъ. Ею обыкновенно

повѣряли (а иные и теперь повѣряютъ) свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія, сообщаемыя легендами позднѣйшими, къ числу которыхъ принадлежатъ: Легенда Моравская, писанная въ XIV вѣкѣ на основаніи Легенды Италіянской, и Житія св. Людмилы, Легенда о св. Людмилѣ и Житіе св. Вячеслава Чешскаго,—также составленныя въ XIV вѣкѣ, краткія житія Кирилла и Меѳодія, находящіяся въ славянскихъ прологахъ и проч. Италіянской же Легендой повѣряли обыкновенно позднѣйшія отрывочныя извѣстія съ лѣтописнымъ характеромъ, куда принадлежатъ: показанія Сазавскаго и Градиштскаго монаховъ (XII в.), Діоклейскаго священника (1161 г), нашего Нестора и т. д.

Послѣ Добровскаго въ число первостепенныхъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія принято было греческое Житіе Климента, еп. Величскаго († 916 г.), хотя и оно также повѣряемо было Италіянскою Легендою. Это житіе въ 1-й своей части содержитъ съ бо́льшею или меньшею подробностію свѣдѣнія о жизни обоихъ Славянскихъ Апостоловъ, но преимущественно о послѣднихъ годахъ жизни Меѳодія. Оно писано было ученикомъ Климента, что́ окончательно доказано Миклошичемъ, вновь издавшимъ этотъ драгоцѣнный памятникъ въ 1847 году (1). Около того же времени, т. е. послѣ Добровскаго, признана была критикою историческая достовѣрность отрывочныхъ славянскихъ свидѣтельствъ о жизни Славянскихъ Апостоловъ: Іоанна Екзарха (X в.) о переводѣ Меѳодіемъ книгъ Священнаго Писанія, и монаха Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ.

И такъ связныхъ и сколько нибудь полныхъ сказаній о жизни Славянскихъ Апостоловъ съ характеромъ исторически-

(1) У насъ въ Россіи жизнеописаніе Климента издано съ Русскимъ переводомъ въ извѣстномъ юбилейномъ изданіи Моск. Университета: Матеріалы для исторіи письменъ. М. 1855.

вполнѣ достовѣрнымъ, до открытія Паннонскихъ Житій, считалось собственно два, т. е. Италіянская Легенда и Житіе Климента. Оставляя другія сказанія, позднѣйшія, безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, что̀ завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько подробнѣе о послѣднихъ двухъ памятникахъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ собственно ставятся въ непосредственныя отношенія новые источники для жизни св. Кирилла и Меѳодія, служащіе предметомъ сочиненій Дюммлера и Ваттенбаха.

Италіянская Легенда не есть самостоятельное повѣствованіе о жизни Кирилла и Меѳодія, а собственно сказаніе о перенесеніи изъ Херсона въ Римъ мощей святаго Климента (римскаго папы), какъ и названа была эта Легенда первымъ ея издателемъ (Translatio s. Clementis). Но такъ какъ мощи св. Климента открыты были въ Херсонѣ св. Кирилломъ во время путешествія его къ Хозарамъ, и потомъ перенесены были имъ же вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ сначала въ Моравію, а потомъ въ Римъ; то естественно, что авторъ Легенды, разсказывая объ этомъ событіи, составляющемъ собственно главную цѣль его разсказа, слѣдитъ вмѣстѣ съ этимъ и за обстоятельствами жизни Кирилла, а отчасти и Меѳодія, начиная съ путешествія перваго въ Хозарію до вызова обоихъ проповѣдниковъ въ Римъ. Вслѣдствіе этого въ Легендѣ, кромѣ разсказа о главномъ предметѣ, говорится о дѣятельности Кирилла у Хозаровъ, о посольствѣ Ростислава въ Константинополь по возвращеніи туда Кирилла, объ изобрѣтеніи имъ письменъ, о дѣятельности братьевъ въ Моравіи и т. д. Но само собою разумѣется, что при этомъ разсказъ объ открытіи и перенесеніи мощей св. Климента вездѣ стоитъ на первомъ планѣ, а разсказъ о Кириллѣ, и тѣмъ болѣе Меѳодіѣ, на второмъ. О Кириллѣ правда разсказывается больше,

нежели сколько это было нужно для изъясненія главнаго предмета Легенды; въ концѣ ея даже присоединены подробности о кончинѣ и погребеніи его: но это очевидно вслѣдствіе чувства признательности современниковъ къ св. Кириллу, какъ главному виновнику разсказываемаго въ Легендѣ событія. За то извѣстіемъ о погребеніи Кирилла авторъ Легенды совершенно заканчиваетъ разсказъ, и о дѣятельности Меѳодія, которая преимущественно относится къ періоду времени послѣ кончины Кирилла, не говоритъ ни слова. Такимъ образомъ разсказъ его, если смотрѣть на него какъ на повѣствованіе о жизни Славянскихъ Апостоловъ, остается неоконченнымъ.

Все это объясняется однакожъ очень легко, когда мы возмемъ въ соображеніе извѣстіе, передаваемое Геншеномъ о происхожденіи Италіянской Легенды. Въ примѣчаніяхъ къ ней (§ 15) Геншенъ говоритъ, что Гавдерикомъ составлено было полное жизнеописаніе Климента Римскаго, и посвящено Папѣ Іоанну VIII, и что онъ получилъ это жизнеописаніе отъ аббата Угелли, но не въ полномъ видѣ. За тѣмъ издатель Легенды приводитъ сохранившееся посвященіе труда Гавдерика папѣ Іоанну VIII. Изъ этого посвященія видно, что сочиненіе Гавдерика о Климентѣ Римскомъ было раздѣлено на три книги, изъ коихъ въ 1-й авторъ описываетъ жизнь и дѣянія Климента, во 2-й говоритъ объ ученіи его, въ 3-й о чудесахъ, о заточеніи въ Херсонъ, о мученичествѣ, и наконецъ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей его. Отсюда Геншенъ совершенно справедливо заключаетъ, что изданная имъ, такъ называемая Италіянская Легенда, есть собственно отрывокъ, а можетъ быть сокращеніе изъ 3-й части обширнаго сочиненія Гавдерика. При такомъ положеніи дѣла понятно, почему въ Италіянской Легендѣ съ такою подробностію разсказывается объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей св. Климента,

и разсказъ о нихъ стоитъ на первомъ планѣ, тогда какъ въ другихъ легендахъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, напр. въ Моравской, а равно и въ Паннонской, объ этомъ едва упомянуто. Ясно, что и по намѣренію автора разсматриваемаго памятника описаніе этого событія было главнымъ предметомъ сказанія, а повѣствованіе о жизни Кирилла и тѣмъ болѣе Меѳодія предметомъ совершенно постороннимъ, только соприкасающимся къ главному.

Какъ бы то ни было, однакожъ этотъ отрывокъ изъ Гавдерикова жизнеописанія Климента получилъ названіе Легенды собственно о Кириллѣ, и, какъ замѣчено уже было, почти въ теченіи 200 лѣтъ считался главнымъ источникомъ для біографіи Славянскихъ Апостоловъ, которымъ, какъ сказаніемъ современнымъ, повѣряли показанія всѣхъ другихъ памятниковъ. Принявши безусловно мнѣніе Геншена относительно времени сочиненія Италіянской Легенды, критика даже не взяла на себя труда провѣрить его выводы, и вообще подвергнуть этотъ памятникъ болѣе тщательному изслѣдованію. Такъ напр., сколько мы знаемъ, никто изъ прежнихъ изслѣдователей не задавалъ себѣ вопроса: откуда Гавдерикъ, если даже принять за несомнѣнное, что онъ именно былъ авторомъ разсматриваемаго сказанія,—заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія до прибытія ихъ въ Римъ? Гинцель, положившій Италіянскую Легенду въ основаніе своей „Исторіи Славянскихъ Апостоловъ“, въ видѣ аксіомы замѣчаетъ, что Гавдерикъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія отъ нихъ самихъ во время пребыванія ихъ въ Римѣ (p. 12), и слѣд. сообщаемыя имъ извѣстія получены имъ изъ первыхъ рукъ. Но, во первыхъ, чтобы утверждать это, нужно было представить хоть какія нибудь доказательства, что епископъ Велитрскій былъ именно въ Римѣ во время пребыванія тамъ Кирилла и Меѳодія, и слышалъ отъ нихъ извѣстія о

ихъ жизни (1). Во вторыхъ, вопросъ еще въ томъ, могъ ли интересоваться и насколько интересовался Гавдерикъ, если даже онъ былъ тогда въ Римѣ, свѣдѣніями о дѣятельности Апостоловъ у Хозаровъ, въ Константинополѣ, въ Моравіи и проч., вовсе не бывши намѣренъ писать ихъ исторіи. Онъ могъ интересоваться подробностями объ открытіи мощей св. Климента, какъ событіи, близкомъ для всего Рима, и кромѣ того какъ занимавшійся исторіею названнаго Святаго, но отнюдь не подробностями, касавшимися лично Кирилла и Меѳодія; да и самую исторію жизни св. Климента онъ писалъ уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ перваго путешествія Апостоловъ въ Римъ.

И такъ, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ объ историческомъ достоинствѣ и происхожденіи свѣдѣній, сообщаемыхъ Италіянской Легендой, изслѣдователю приходится судить по внутреннимъ признакамъ самаго сказанія. Но и съ этой стороны трудно придти къ какимъ либо, сколько нибудь рѣшительнымъ, результатамъ. Въ этомъ отношеніи въ разсказѣ Италіянской Легенды замѣтно какое-то раздвоеніе: въ послѣдней ея части, гдѣ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ въ Римѣ принесеніемъ мощей св. Климента, о кончинѣ Кирилла и о его погребеніи, мы дѣйствительно слышимъ голосъ современника, черпавшаго сообщаемыя имъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, даже какъ будто непосредственнаго свидѣтеля повѣствуемаго. Но гдѣ говорится о дѣятельности Кирилла въ Хозаріи и въ Моравіи, а равно и о самомъ открытіи мощей—главномъ предметѣ разсматриваемаго сказанія,—тамъ сухость и сжатость разсказа вовсе не могутъ привести къ подобному заключенію. Отвлеченный тонъ

(1) На это есть темное указаніе въ Паннонскомъ Житіи Кирилла, которое (указаніе) впрочемъ, какъ видно, неизвѣстно было Гинцелю.

повѣствованія скорѣе показываетъ, что авторъ его пользовался какими либо рукописными матеріалами, и сокращалъ ихъ, какъ это онъ дѣлалъ при написаніи цѣлаго своего сочиненія, для котораго у него было безъ сомнѣнія много рукописныхъ сказаній. Такъ даже въ разсматриваемомъ отрывкѣ своего сочиненія, т. е. въ повѣсти объ открытіи и перенесеніи мощей св. Климента, сказавши о чудѣ, совершившемся надъ ними, когда онѣ еще были въ морѣ, онъ цитуетъ письменный источникъ, которымъ пользовался, именно: „Исторію страданія св. Климента.“ (1)

Приведенныя нами соображенія, надѣемся, доказываютъ, что Италіянская Легенда, служившая прежде для всѣхъ изслѣдователей фундаментальнымъ источникомъ при обработкѣ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, съ одной стороны по своей неполнотѣ, какъ передающая намъ извѣстія о жизни собственно одного Кирилла, и то какъ бы случайно, съ другой, по неизвѣстности происхожденія сообщаемыхъ ею данныхъ, далеко не можетъ удовлетворить любознательнаго изслѣдователя жизни Славянскихъ Апостоловъ, тѣмъ менѣе— взыскательнаго критика. Тѣми же почти недостатками отличается и греческое житіе св. Климента Величскаго. Этотъ памятникъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ и незамѣнимъ для знакомства съ послѣдними годами жизни Меѳодія, а равно и съ состояніемъ моравской паствы послѣ его кончины; но только съ этого времени, т. е. послѣ описанія кончины Меѳодія, какъ справедливо замѣчаетъ Дюммлеръ (стр. 155), онъ становится исторически-вполнѣ достовѣрнымъ. Всѣ остальныя событія жизни Кирилла и Меѳодія разсказаны въ немъ только въ общихъ чертахъ, безъ надлежащей точности и опредѣленности. Такъ напр. біографъ Климента говоритъ, что славянская грамота

(1) Translat. s. Clem. cap. 2.

изобрѣтена была для Болгаръ, что Меѳодій былъ въ Римѣ одинъ только разъ и проч. Все это, какъ справедливо замѣчаетъ Дюммлеръ, могло произойти отъ того, что ученикъ Климента, описывавшій жизнь своего учителя, черпалъ свои свѣдѣнія о жизни Славянскихъ Апостоловъ изъ устъ послѣдняго, и слѣд. не изъ первыхъ рукъ и не изъ собственнаго наблюденія, на что указываетъ наименованіе Константина именемъ Кирилла, которое вошло въ употребленіе уже у потомства (стр. 154). При этомъ нельзя не вспомнить замѣчанія, о жизнеописаніи Климента, Шафарика, которое сдѣлано имъ еще въ 1847 г. (1). Онъ говоритъ, что это жизнеписаніе дѣйствительно было первоначально написано ученикомъ Климента, но потомъ передѣлано и подновлено Ѳеофилактомъ, архіепископомъ Болгарскимъ († 1107 г), которому и приписывается въ заглавіи. Намъ кажется, что, принявъ это мнѣніе, гораздо легче объяснить и историческую неточность разсказа и витіеватость слога, которою отличается этотъ памятникъ.

Такимъ образомъ до открытія Паннонскихъ Житій литература матеріаловъ для біографіи Кирилла и Меѳодія не представляла лѣтописнаго источника, который бы могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ исторической критики, не было жизнеописанія ихъ, писаннаго современникомъ, неоспоримо черпавшимъ свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, и притомъ жизнеописанія полнаго для обоихъ братьевъ. Вотъ почему, возвращаясь за нѣсколько лѣтъ назадъ, изслѣдователю жизни Славянскихъ Апостоловъ нельзя было не пожелать найти такія именно жизнеописанія ихъ. Конечно подобное желаніе тогда могло показаться слишкомъ смѣлымъ; но тѣмъ не менѣе оно совершенно неожиданно исполнилось съ открытіемъ, въ древней нашей письменности, Паннонскихъ

(1) Расцвѣтъ Сл. Письм. Чтенія Об. Ист. 1848 г. № 7. стр. 44.

Житій. Писанныя лицомъ, или лицами, бывшими, какъ доказала критика, непосредственными наблюдателями жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ, ихъ учениками и сотрудниками, они сообщали слѣд. свѣдѣнія, заимствованныя изъ первыхъ рукъ,—частію отъ самихъ благовѣстниковъ, частію изъ непосредственнаго наблюденія, и притомъ несравненно точнѣе и полнѣе, чѣмъ Легенда Италіянская и Греческая біографія Климента. Далѣе, свѣдѣнія эти, сличенныя съ другими источниками, оказались и по содержанію своему вполнѣ исторически-достовѣрными и выдержали всѣ розысканія критики. Но такъ какъ въ Паннонскихъ Житіяхъ открылось при этомъ очень много свѣдѣній, частію совершенно новыхъ, частію противорѣчившихъ показаніямъ прежнихъ источниковъ и тѣмъ историческимъ положеніямъ, которыя на основаніи ихъ утвердились было въ наукѣ; то и естественно, что въ изслѣдованіяхъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, съ открытіемъ этихъ памятниковъ, долженъ былъ произойти тотъ переворотъ, о которомъ мы говорили выше, и который всегда бываетъ неразрывенъ съ открытіемъ новыхъ источниковъ для всякаго историческаго вопроса. Обращаемся теперь къ любопытной исторіи открытія Паннонскихъ Житій и перваго употребленія, какое сдѣлано было изъ нихъ наукой.

Открытіе это, какъ отчасти уже выше замѣчено было, нельзя назвать открытіемъ въ собственномъ смыслѣ, а только признаніемъ исторической важности, или какъ выражается О. М. Бодянскій, возобновленіемъ, въ памяти, памятника, забытаго было небрежнымъ потомствомъ. Паннонскія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія издавна пользовались извѣстностію въ нашей древней письменности, и служили для нашихъ предковъ источникомъ свѣдѣній о Славянскихъ благовѣстникахъ. Такъ о Житіи Кирилла упоминается съ похвалою въ извѣстномъ древнемъ сборникѣ 1076 года, принадлежащемъ библіотекѣ Императорскаго Эрмитажа. Такъ

нашъ лѣтописецъ Несторъ свои извѣстія объ изобрѣтеніи славянской грамоты, о переводѣ Свящ. книгъ и проч. заимствовалъ изъ Паннонскихъ Житій. Послѣдующіе лѣтописцы, а равно составители Степенной Книги и дополнители Славянскихъ хронографовъ также пользовались этими Житіями. Наприм. извѣстный, относящійся къ исторіи св. Кирилла, отрывокъ изъ Палеи, напечатанный г. Погодинымъ въ приложеніи къ его переводу біографіи Кирилла и Меѳодія Добровскаго (стр. 110-118), —отрывокъ содержащій въ себѣ преніе, Константина Философа съ патр. Анніемъ, съ Козариномъ и съ Латинскими священниками, буквально взятъ изъ Паннонскаго Житія Кирилла. Слѣдующее за симъ извѣстіе о св. Кириллѣ, и о найденной имъ въ Херсонѣ Славянской грамотѣ, большею частію также отсюда же. Изъ Паннонскихъ Житій встрѣчаются отрывки и въ разныхъ сборникахъ древней Славянской письменности (напр. въ азбучникахъ). Составители проложныхъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіѣ также главнымъ образомъ основывались на ихъ Паннонскихъ Житіяхъ. Далѣе, съ того времени, какъ въ Славянскія Четь-Минеи Греческихъ святыхъ стали вносить житія Русскихъ святыхъ, туда вошли и Паннонскія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія. Отъ этого разсматриваемыя Житія мы встрѣчаемъ во всѣхъ, безъ исключенія, извѣстныхъ редакціяхъ нашихъ Четь-Миней, какъ-то: въ Четь-Минеяхъ древняго до-Макарьевскаго состава, въ Четь-Минеяхъ, собранныхъ митр. Макаріемъ, въ Четь-Минеяхъ Чудовскихъ (сокращенныхъ изъ Четь-миней Макарія), въ Четь-Минеяхъ, собранныхъ троицкимъ священникомъ Іоанномъ Милютинымъ (1646-1654 гг.) и друг. Не говоримъ уже о томъ, что Паннонскія Житія вошли, въ полномъ видѣ, во многіе сборники, бывшіе въ столь большомъ употребленіи въ старинной нашей письменности.

Не смотря однакожъ на такую огромную извѣстность въ ней Паннонскихъ Житій, онѣ долго оставались тайною

для изслѣдователей жизни Кирилла и Меѳодія. Въ концѣ XVII вѣка сдѣлалъ было ученое употребленіе изъ нихъ знаменитый Іерархъ нашей церкви, и вмѣстѣ одинъ изъ представителей зарождавшейся у насъ въ то время науки, св. Димитрій Ростовскій, составивши на основаніи этихъ памятниковъ жизнеописаніе Славянскихъ Апостоловъ для изданныхъ имъ Четь-Миней, гдѣ и помѣщено оно подъ 11-мъ Мая. Но за то это самое жизнеописаніе какъ будто заслонило собою древнія подлинныя сказанія, и въ половинѣ прошлаго столѣтія извѣстный нашъ историкъ Татищевъ въ своей исторіи ссылался уже (ч. II. 368) на біографію Славянскихъ Апостоловъ, составленную Димитріемъ Ростовскимъ, а Панноніскія Житія, служившія для послѣдней основаніемъ, были забыты.

Послѣ Татищева открылась въ наукѣ для разсматриваемыхъ Житій какъ будто свѣтлая будущность: онѣ попались въ руки Шлецеру, хотя опять не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, данной имъ Димитріемъ Ростовскимъ. Но знаменитый нашъ критикъ пришелъ въ восторгъ, прочетши ихъ даже въ этомъ видѣ, и, руководствуясь однимъ инстинктомъ исторической истины, сразу оцѣнилъ ихъ значеніе для біографіи Кирилла и Меѳодія. „Я уже давно зналъ изъ Татищева, писалъ онъ въ своемъ Несторѣ, что въ Четь-Минеѣ и Прологѣ говорится также о нашихъ герояхъ, но нигдѣ не могъ отыскать сихъ книгъ... Теперь къ счастію попалась мнѣ вышесказанная книга нечаянно въ нашей Публичной Библіотекѣ; къ удивленію своему нахожу я въ ней отмѣнно полное и подробное повѣствованіе о нашемъ дѣлѣ... Какъ удивятся этой находкѣ иностранцы, которые до сего должны были держаться своихъ легендъ! Нельзя не признать имъ сего сочиненія: Русская Четь-Минея достойна уваженія не менѣе Латинской. Что сочинитель первой заимствовалъ совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, нежели сочинители послѣднихъ, это очень видно; на поляхъ

прописываетъ онъ: выбрано изъ разныхъ рукописей. Сверхъ того частныя извѣстія, анекдоты, которыхъ тутъ довольно, несравненно правдоподобнѣе, нежели въ Acta SS.; они пріятны, имѣютъ внутреннее правдоподобіе и по большей части согласуются съ прочею тогдашнею исторіею.“ (1)

За тѣмъ, помѣстивши съ нѣкоторыми сокращеніями и съ собственными критическими замѣчаніями печатное жизнеописаніе Кирилла и Меѳодія, Шлецеръ приходитъ къ такому заключенію:

„Все это (именно: приведенныя Шлецеромъ ученыя розысканія Димитрія Ростовскаго о Хозарахъ и о живописцѣ Меѳодіѣ) доказываетъ, что писавшій это былъ мужъ почтенный и благомыслящій, а не такой, каковы были нерѣдко жалкіе писцы Латинскихъ легендъ; что всю Кириллову исторію и принадлежащее къ оной, должно исправить, дополнить и передѣлать съ русскаго, и что въ Русскихъ Четь-Минеяхъ несравненно болѣе исторической истины, нежели въ Латинскихъ легендахъ.“ (2)

Но къ сожалѣнію, надеждѣ Шлецера на признаніе найденнаго имъ новаго источника для обработки Исторіи Кирилла и Меѳодія и на передѣлку ея на основаніи этого источника, долго не суждено было исполниться. Этого и нужно было ожидать потому, что Шлецеръ не зналъ, и отъ того не могъ указать подлинныхъ рукописныхъ житій, изъ которыхъ черпалъ свои свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіѣ Димитрій Ростовскій. Вслѣдствіе этого Добровскій, основываясь на правилахъ строгой, неумытной исторической критики, въ своей біографіи Кирилла и Меѳодія, отвергнулъ новый, предложенный Шлецеромъ для этого матеріалъ. „Въ наше критическое изслѣдованіе, говоритъ онъ, не входитъ

(1) Несторъ Шлец. въ русс. пер. Т. II. стр. 565-66.
(2) Ibid стр. 578.

новѣйшее Русское Житіе, потому что историческіе документы, на коихъ основывается оное, неизвѣстны.“ (1) Авторитетъ знаменитаго славяниста, естественно, увлекъ за собою и другихъ изслѣдователей, и Паннонскимъ Житіямъ, даже въ печатной ихъ передѣлкѣ, угрожало рѣшительное забвеніе въ области науки Славянскихъ древностей. Правда и послѣ Добровскаго, равно какъ и прежде него, нѣкоторые ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, продолжали ссылаться на печатное ихъ житіе, такъ напр. митр. Евгеній, Калайдовичь, Новицкій, Максимовичь и другіе; а Мацѣевскій въ своей „Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ“ ссылался даже на житіе Кирилла рукописное, т. е. подлинное,—но все это безъ признанія особенной силы и важности подобнаго рода ссылокъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, какъ въ 1843-мъ году въ 6-й книжкѣ Москвитянина (2) явилась краткая, съ лѣтописнымъ характеромъ, біографія Кирилла и Меѳодія, составленная на основаніи рукописныхъ ихъ житій, съ подлинными оттуда выписками. Новыя данныя, передаваемыя въ Житіяхъ и сообщенныя въ этой біографіи, были подкрѣплены учеными историческими розысканіями и соображеніями, не допускавшими никакого сомнѣнія въ достовѣрности этихъ данныхъ. Сверхъ того въ началѣ статьи были сдѣланы критическія замѣчанія, въ которыхъ ученый авторъ самымъ положительнымъ образомъ доказалъ глубокую древность открытыхъ имъ, или точнѣе извлеченныхъ изъ забвенія, памятниковъ. Относительно Житія Меѳодія, на основаніи внутреннихъ, находящихся въ немъ, признаковъ, авторъ біографіи пришелъ къ тому заключенію, что 1) Житіе это

(1) Кир. и Меѳ. Добр. въ русс. пер. стр. 5.
(2) Стр. 405-434.

составлено въ непродолжительномъ времени послѣ кончины Меѳодія, и именно прежде разрушенія Моравской державы, послѣдовавшаго въ концѣ 9-го столѣтія; 2) что сочинитель Житія принадлежалъ къ Римской церкви, хотя и исповѣдывалъ православный символъ вѣры; 3) что онъ долженъ быть изъ Панноніи—области Кочеловой (1). По послѣднему обстоятельству, Житіе Меѳодія, а вмѣстѣ съ нимъ и Кириллово въ послѣдствіи получили названіе Паннонскихъ. Относительно послѣдняго Житія, не представляющаго въ своемъ содержаніи рѣшительныхъ признаковъ мѣста и времени его написанія, авторъ названной статьи, на основаніи сходства нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ этомъ памятникѣ, выраженій съ соотвѣтственными выраженіями въ первомъ Житіи,—пришелъ къ тому выводу, что и „Кириллово Житіе принадлежитъ тому же времени и той же странѣ, какъ и Житіе Меѳодія.“

Біографія, о которой мы говоримъ, была напечатана безъ подписи имени автора (2). Впрочемъ высокія ученыя ея достоинства, какъ-то: обширная эрудиція автора, свѣтлый критическій взглядъ, необыкновенная точность, опредѣленность и умѣренность въ выводахъ, были причиною, что она, и не прикрываясь авторитетомъ имени автора, возбудила самый живой интересъ въ наукѣ. Отечественные изслѣдователи славянскихъ древностей тотъ часъ же признали важность ново-открытаго памятника, и въ своихъ изслѣдованіяхъ сдѣлали приложеніе нѣкоторыхъ, сообщаемыхъ ими

(1) Москв. 843 г. № 6. стр. 405-407.

(2) Какъ оказалось впослѣдствіи, она принадлежала одному изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ отечественной церковной исторіи и древней письменности, А. В. Горскому, получившему въ послѣднее время въ особенности извѣстность издаваемымъ имъ, вмѣстѣ съ Проф. Невоструевымъ, Описаніемъ рукописей Синодальной библіотеки.

новыхъ данныхъ. Такъ Паннонскія Житія были, можно сказать, возвращены къ жизни, и получили право гражданства въ наукѣ, послѣ того, какъ оно отнято было у нихъ сомнѣніями Добровскаго. Къ сожалѣнію эти драгоцѣнные памятники, не смотря на обще-признанную важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлаго Славянскаго міра, долго у насъ не находили издателя, и ученые должны были пользоваться печатными извлеченіями изъ нихъ по вышеуказанной статьѣ въ Москвитянинѣ, что̀ дѣйствительно большею частію и было (1). За то тѣ изъ отечественныхъ ученыхъ, которые не довольствовались печатными извлеченіями изъ Паннонскихъ Житій, и подвергали ихъ новому изслѣдованію въ полномъ ихъ видѣ, старались точнѣе опредѣлить обстоятельства ихъ написанія. Въ этомъ отношеніи первый подалъ свой голосъ В. М. Ундольскій. Въ письмѣ своемъ къ проф. Бодянскому (въ Чт. Об. Ист. 1848 г. № 7) онъ помѣстилъ оба Паннонскія Житія между открытыми имъ тогда сочиненіями ученика Меѳодіева, Климента ей. Величскаго (2), не объяснивъ впрочемъ причинъ, по которымъ онъ приписалъ ему эти памятники. Мнѣніе г. Ундольскаго о принадлежности ихъ Клименту впрочемъ было принято въ наукѣ, и въ послѣднее время съ полною отчетливостію развито въ разсматриваемомъ нами сочиненіи проф. Бодянскаго (стр. 42-46). Обращаемся теперь къ тому

(1) Напр. въ Изслѣдованіи о Кир. и Меѳ. архіеп. Филарета; въ Исторіи Христіанства въ Россіи до Владимира, Арх. Макарія; въ Исторіи Рус. Словесности, преимущественно древней Шевырева и проч.

(2) Сочиненія Климента,—старшій послѣ сочиненій и переводовъ Кирилла и Меѳодія памятникъ Славянской письменности,—открыты были въ одно время на Югѣ у Западныхъ Славянъ, и на Сѣверѣ у насъ въ Россіи. Тамъ открылъ ихъ Шафарикъ

движенію, которое произведено было открытіемъ Паннонскихъ житій между Западными изслѣдователями древностей Славянскаго міра, и къ тѣмъ результатамъ, которые были плодомъ этого движенія.

Вышеуказанная нами ученая статья въ Москвитянинѣ скоро получила должную оцѣнку и въ кругу западныхъ славянскихъ и другихъ ученыхъ. Въ 1845-мъ году она переведена была Ганкою на чешскій языкъ, читана въ историческомъ отдѣленіи Чешкаго Ученаго Общества и затѣмъ напечатана въ Журналѣ Чешскаго Музеума (1), съ присоединеніемъ собственныхъ замѣчаній переводчика. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году Шафарикъ воспользовался новыми данными, сообщаемыми въ Паннонскихъ Житіяхъ для своей статьи, переведенной потомъ на русскій: Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи (2). Въ той же статьѣ Шафарикъ, какъ видно, имѣвшій уже у себя полные списки Паннонскихъ Житій, предложилъ собственные выводы о сочинителѣ ихъ, нѣсколько отличные отъ сдѣланныхъ отечественными учеными. Именно: Житіе Кирилла онъ приписалъ,

---

въ 1843-мъ году, по указаніямъ въ Описаніи Рум. Муз. Востокова, у насъ—В. М. Ундольскій еще въ 1840-мъ году, хотя это открытіе обнародовано имъ было уже долго спустя послѣ. Въ 1844 году г. Ундольскій нашелъ похвальное слово Климента Кириллу, а за тѣмъ Похв. слово обоимъ Апостоламъ, которое приписано имъ тому же автору. Это обстоятельство, т. е. принадлежность Похв. слова Кирилла Клименту и ему же Похв. слова обоимъ Апостоламъ было, кажется, однимъ изъ основаній, что и Паннонскія житія приписаны Клименту же. Чт. Общ. Ист. 1848 N 7. стр. IX.

(1) Casopis Ceského Museum 1846. XII.

(2) Чт. Об. Ист. 1848 г. № 7.

согласно съ г. Ундольскимъ, Клименту, а житіе Меѳодія другому ученику Кирилла и Меѳодія, Горазду, бывшему преемникомъ Меѳодія въ санѣ моравскаго архіепископа, не входя впрочемъ въ объясненіе основаній своего мнѣнія. Послѣ Шафарика Ваттенбахъ, въ разсматриваемомъ нами своемъ сочиненіи, съ высокимъ уваженіемъ отозвался о Паннонскихъ Житіяхъ, познакомившись съ ихъ содержаніемъ по ученой статьѣ въ Москвитянинѣ въ чешскомъ ея переводѣ, но это уже по окончаніи своего сочиненія. Вслѣдствіе этого новыя данныя, находящіяся въ Паннонскихъ Житіяхъ не введены имъ въ изслѣдованіе, а изложены въ концѣ его, въ видѣ очерка жизни Славянскихъ Апостоловъ. Относительно времени написанія Житій, Ваттенбахъ совершенно согласился съ авторомъ вышеразсмотрѣнной нами біографіи, помѣщенной въ Москвитянинѣ, именно, что онѣ писаны современниками и учениками Славянскихъ Апостоловъ, прежде разрушенія Моравской державы и въ области Кочела, прибавивъ съ своей стороны, что „онѣ могли быть составлены еще прежде кончины Меѳодія, потому что тотъ часъ же послѣ него началось гоненіе на его учениковъ, а объ этомъ въ житіяхъ нѣтъ даже никакого намека. Что же до извѣстія о смерти Меѳодія, продолжаетъ Ваттенбахъ, то оно могло быть прибавлено впослѣдствіи, такъ какъ позднѣйшія прибавленія въ Житіяхъ признаетъ самъ издатель ихъ“ (p. 33). Послѣднее обстоятельство, т. е. неизвѣстность, что въ Житіяхъ принадлежитъ къ первоначальному ихъ тексту, и что прибавлено послѣ, было отчасти причиною, почему Ваттенбахъ не рѣшился новыя важныя данныя, сообщаемыя Паннонскими Житіями, соединить съ преждеизвѣстными фактами.“ Для этого, по его мнѣнію, новый памятникъ нужно было подвергнуть болѣе подробному и точному критическому изслѣдованію. Въ тоже время Ваттенбахъ выразилъ желаніе, чтобы новооткрытые памятники поскорѣе были изданы въ подлинникѣ,

Это желаніе Ваттенбаха, которое конечно раздѣляли всѣ друзья Славянской науки, скоро было выполнено: въ 1851-мъ году Паннонскія Житія, въ полномъ ихъ видѣ, были наконецъ изданы Шафарикомъ въ его „Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей“ (1). Житіе Кирилла было напечатано по списку Рыльскаго монастыря, 1479 г, отысканному самимъ издателемъ, а житіе Меѳодія по списку, полученному имъ отъ г. Погодина изъ Москвы, по рукописи Библ. Моск. Дух. Академіи, т. е. по той самой рукописи, въ которой въ первый разъ найдены были Паннонскія Житія первымъ ихъ находчикомъ; даже имъ самимъ, кажется, или по крайней мѣрѣ подъ его наблюденіемъ снята была копія съ подлиннаго списка для Шафариковскаго изданія. Такъ честь перваго обнародованія и изданія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ досталась, если и не нашей отечественной наукѣ древностей, за то первому, безспорно знатоку ихъ, принесшему столько пользы для разработки обще-славянской старины. Тотъ часъ же послѣ изданія Паннонскихъ Житій явилось новое извлеченіе изъ нихъ на Польскомъ языкѣ въ Львовскомъ журналѣ: Dziennik Litteracki, N 32, сдѣланное I. Вагилевичемъ съ краткимъ предисловіемъ, переведенное потомъ на нѣмецкій языкъ (2).

Въ такихъ обстоятельствахъ издано было разсматриваемое сочиненіе Дюммлера. Какъ показываетъ все вышесказанное объ интересѣ, возбужденномъ открытіемъ Паннонскихъ Житій, оно удовлетворяло насущнымъ потребностямъ науки, представляя въ себѣ полнѣйшій, въ срав-

---

(1) Památky drêvního pisemnictvi Iihoslovanov. v Praze. 1851.

(2) Schmalers Iahrbücher für Slawische Literatur... 1852. Heft. 2.

неніи съ прежними, историко-критическій обзоръ новооткрытыхъ памятниковъ, столь важныхъ не только для исторіи Кирилла и Меѳодія, но и вообще для уясненія обще-славянской старины.

II.

Первое свѣдѣніе о Паннонскихъ Житіяхъ Дюммлеръ, какъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему сочиненію, получилъ изъ брошюрки Ваттенбаха; за тѣмъ узнавши о сдѣланномъ Шафарикомъ изданіи подлиннаго текста ихъ, по причинѣ своего незнакомства съ Славянскимъ языкомъ, просилъ извѣстнаго славяниста Миклошича перевести ихъ для себя на латинскій языкъ, что̀ послѣднимъ и было сдѣлано. Но выслушаемъ лучше самаго автора. „Изъ этого, продолжаетъ Дюммлеръ, благосклонно предпринятаго для меня труда, я издаю теперь только жизнеописаніе Меѳодія, за которымъ впослѣдствіи, если мой трудъ найдетъ одобреніе, можетъ быть послѣдуетъ жизнеописаніе Константина. Разныя причины удержали меня подвергнуть изслѣдованію послѣднее вмѣстѣ съ первымъ: не смотря на свой бо́льшій, въ сравненіи съ нимъ, объемъ, оно не такъ важно для исторіи, какъ Житіе Меѳодія, и хотя, по времени сочиненія, оно принадлежитъ глубокой древности, но это удовлетворительнымъ образомъ доказать трудно; при томъ же самый текстъ его во многихъ мѣстахъ теменъ и непонятенъ. Справедливо, что Житіе Кириллово по своему содержанію представляетъ внутреннее сродство съ Житіемъ Меѳодія и нѣкоторымъ образомъ дополняетъ его; при всемъ томъ однакожъ, по причинѣ

встрѣчающихся въ немъ, нѣкоторыхъ противорѣчій и отступленій отъ послѣдняго, написаніе перваго я не могу приписать одному и тому же лицу. Мнѣ кажется, что достовѣрность Кириллова Житія должна быть доказана независимо отъ Житія Меѳодія."

Изъ приведенныхъ словъ Дюммлера ясно, что онъ не вполнѣ довѣряетъ древности и достовѣрности Паннонскаго Житія Константина, по крайней мѣрѣ не ставитъ его въ этомъ отношеніи наравнѣ съ Житіемъ Меѳодія. Но такъ какъ нашъ авторъ не вошелъ въ болѣе точное объясненіе своихъ сомнѣній, и не представилъ ясныхъ доказательствъ противнаго мнѣнія; то и мы пока оставляемъ эти его сомнѣнія безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, и обращаемся къ его изслѣдованію о Житіи Меѳодія, которое собственно и составляетъ, какъ уже замѣчено было, предметъ его сочиненія.

По формѣ своей, разсматриваемое сочиненіе Дюммлера раздѣлено на три отдѣленія. Изъ нихъ въ 1-мъ авторъ излагаетъ критическіе выводы о происхожденіи и исторической достовѣрности новаго памятника, во 2-мъ читается текстъ его въ сдѣланномъ Миклошичемъ, латинскомъ буквальномъ переводѣ, въ 3-мъ—рядъ примѣчаній, или экскурсовъ, въ которыхъ предлагаются очень основательныя розысканія объ отдѣльныхъ фактахъ жизни Меѳодія, сообщаемыхъ Паннонскимъ его Житіемъ, въ сличеніи ихъ съ прежними извѣстіями, именно: показаніями папскихъ буллъ, отрывка объ обращеніи Хорутанцевъ, Италіянской Легенды, Житія Климента и отчасти Паннонскаго Житія Кирилла. Послѣднее отдѣленіе, какъ мы выше замѣтили, имѣетъ видъ біографіи Славянскихъ Апостоловъ. Мы намѣрены въ своемъ разборѣ остановиться собственно на критическихъ и библіографическихъ выводахъ Дюммлера.

Въ этотъ отношеніи нашъ авторъ, какъ и Ваттенбахъ, принимаетъ выводы перваго находчика Паннонскихъ Житій, котораго, какъ самъ говоритъ, избралъ своимъ руководителемъ, и дѣйствительно во многомъ повторяетъ буквально критическія положенія, высказанныя послѣднимъ; но по мѣстамъ дѣлаетъ соображенія и свои собственныя. Такимъ образомъ, на основаніи выписокъ изъ самаго памятника, именно относительно уваженія, повсюду высказываемаго сочинителемъ Житія къ Римскому престолу и вообще относительно римско-католическаго взгляда его на вещи и событія, Дюммлеръ приходитъ къ заключенію, что жизнеописатель Меѳодія принадлежалъ къ Римской церкви и признавалъ папу духовною главою, что онъ былъ ученикомъ Меѳодія, и принадлежалъ къ его паствѣ, но не Моравской, а Паннонской, потому что ясно отличаетъ себя отъ Моравцевъ. О времени написанія Житія, Дюммлеръ, на основаніи отзыва жизнеописателя о возвышеніи и благоденствіи Моравской державы послѣ 2-го призванія туда Меѳодія, и на основаніи молчанія его о преслѣдованіи учениковъ Меѳодія, начавшемся тотъ часъ послѣ его кончины, — приводитъ болѣе точное соображеніе, именно, что Паннонское Житіе писано тотъ часъ послѣ смерти Моравскаго Архіепископа, еще до наступленія упомянутаго гоненія, по крайней мѣрѣ когда извѣстіе о немъ еще не достигло въ Паннонію. Къ тому же заключенію приводитъ Дюммлера то обстоятельство, что сочинитель Житія, принадлежа къ Римской церкви, исповѣдывалъ въ тоже время православный символъ вѣры. „Такое двойственное положеніе, говоритъ онъ (стр. 152) между двумя церквами въ позднѣйшее время, когда въ западной церкви прибавленіе „Filioque“ получило всеобщее значеніе и принято было въ Символъ вѣры, было не возможно; но оно возможно было во 2-й половинѣ IX

вѣка, и могло быть тогда частнымъ мнѣніемъ Меѳодія и его покровителей, Адріана II и Іоанна VIII.“ Теперь приведемъ очень замѣчательный отзывъ Дюммлера о внутреннихъ признакахъ исторической достовѣрности новаго памятника.

„Житіе Меѳодія, если разсматривать его съ безпристрастнымъ взглядомъ, говоритъ нашъ авторъ, представляется простымъ, чуждымъ всякихъ украшеній разсказомъ о дѣйствительныхъ фактахъ. Изъ этихъ фактовъ многіе вполнѣ согласны съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, но для иныхъ мы вовсе не находимъ постороннихъ свидѣтельствъ, которыми можно было бы подтвердить, или отвергнуть показанія новаго памятника. Во всякомъ случаѣ однакожъ въ Житіи нигдѣ нѣтъ разсказовъ о вещахъ чудесныхъ, невозможныхъ, которыя могли бы возбудить сомнѣніе въ достовѣрности нашего источника. Оно вовсе не имѣетъ характера преданія изукрашеннаго и обезображеннаго въ устахъ народа. Судя по взгляду автора на вещи и пониманію событій, житіе это могло быть писано именно только въ той странѣ, на которую мы указали, и ужъ никакъ не въ строго-православной Россіи. И такъ какъ нельзя опредѣленно представить времени, когда могъ бы быть сдѣланъ подлогъ этого житія, то и ничего не остается намъ, какъ признать сочинителемъ его кого-либо изъ паннонскихъ учениковъ Меѳодіевыхъ, который, научившись отъ своего учителя греческому языку, описалъ на немъ его дѣянія для назиданія потомства (стр. 153).“

Такимъ образомъ Дюммлеръ, соглашаясь относительно написанія Житія Меѳодіева съ отечественными изслѣдователями въ главномъ, расходится съ ними въ частностяхъ. Не принимая на себя задачи рѣшать вопросъ, кому именно принадлежитъ этотъ памятникъ, онъ дѣлаетъ со-

ображенія о языкѣ, на которомъ этотъ памятникъ первоначально писанъ, и приходитъ къ тому заключенію, что дошедшій до насъ Славянскій текстъ житія Меѳодіева есть переводный съ другаго языка, на что указываетъ, говоритъ онъ, между прочимъ объясненіе неизвѣстнаго Русскимъ слова *миша* (обѣдня, литургія) особымъ прибавленіемъ: *рекше служба.* Въ доказательство своей мысли о первоначальномъ текстѣ Житія, Дюммлеръ приводитъ мнѣніе Миклошича, что „оно было писано именно на греческомъ языкѣ, на что указываютъ синтаксическія формы и обороты рѣчи въ языкѣ памятника (151).“ Точно также и текстъ Паннонскаго Житія Кирилла, замѣчаетъ Дюммлеръ въ другомъ мѣстѣ, не есть первоначальный, а переводный съ другаго языка.

Это мнѣніе Дюммлера о первоначальномъ текстѣ Паннонскихъ Житій имѣетъ нѣкоторый видъ правдоподобія, тѣмъ больше, что изъ той же эпохи Славянской письменности мы имѣемъ памятникъ, который такъ же писанъ Славяниномъ, и однакожъ, если судить по дошедшему до насъ тексту его, на языкѣ Греческомъ, а не на Славянскомъ. Мы разумѣемъ жизнеописаніе Климента епископа Величскаго, писанное ученикомъ его, по происхожденію Булгаромъ, которое извѣстно только на греческомъ языкѣ. Дюммлеръ указываетъ еще другую черту сходства въ происхожденіи обоихъ памятниковъ, именно принадлежность Климентова біографа, какъ и біографа Меѳодіева къ Римской церкви, не смотря на то, что оба они исповѣдывали Символъ вѣры безъ прибавленія Filioque. При всемъ томъ однакожъ основанія, приводимыя Дюммлеромъ въ пользу своего мнѣнія о переводѣ Житія Меѳодіева съ другаго языка вообще и Греческаго въ частности, слишкомъ шатки, чтобы оно могло утвердиться въ наукѣ. Прежде всего скажемъ объ употребленіи

біографомъ Меѳодія названія литургіи словомъ *миша*, съ прибавленіемъ объяснительнаго слова: *служба (мьша, рекше служба)*. Слово это, и притомъ большею частію съ объясненіемъ, дѣйствительно не разъ встрѣчается въ Житіи Меѳодія (1). Но это обстоятельство по нашему мнѣнію, можетъ и должно быть объяснено гораздо проще: извѣстно, что въ Панноніи, (равно какъ и въ Моравіи), гдѣ, по общему признанію изслѣдователей, писано житіе Меѳодіево, христіанство и церковное богослуженіе первоначально, еще за долго до прибытія туда Славянскихъ Апостоловъ, введено было миссіонерами Римской церкви. Съ этимъ вмѣстѣ тамъ конечно вошла въ употребленіе и Латинская церковно-богослужебная терминологія, что какъ нельзя яснѣе доказываютъ слова: *алтарь*—лат. altare, *церковь*—древнеслав. црькы отъ лат. circus, *попъ*—лат. popa, *оцетъ*—оцьтъ—лат. acetum и проч., доселѣ сохранившіяся въ Славянскомъ языкѣ. Неудивительно послѣ этого, что и литургія въ Панноніи, до прибытія туда Славянскихъ Апостоловъ, и отчасти послѣ нихъ, называлась передѣланнымъ съ Латинскаго словомъ—*миша* (мьша)—missa, messe, впослѣдствіи вышедшимъ изъ употребленія,—словомъ, которое употреблялъ и сочинитель Житія Меѳодія, какъ видно державшійся еще старинной въ этомъ отношеніи терминологіи. Вотъ почему изъ этого обстоятельства и нельзя выводить заключенія о написаніи Житія Меѳодія первоначально на Латинскомъ языкѣ, что̀ кажется имѣлъ въ виду Дюммлеръ, настаивающій собственно на мысли о переводѣ этого памятника съ другаго языка вообще; потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что всѣ Славянскія богослужебныя и другія книги, въ которыхъ вездѣ встрѣчаются слова: алтарь,

(1) Пан. Жит. по изд. Шаф. гл. VIII. X. XI.

церковь и проч. переведены съ Латинскаго, и слѣд. впасть въ прямое и рѣшительное противорѣчіе съ фактами. Не нужно забывать при этомъ, что авторъ Житія Меѳодія былъ членъ Римской церкви и слѣд. принадлежалъ къ числу такихъ людей, между которыми и послѣ Меѳодія слово *миша* держалось во всей силѣ, какъ оно доселѣ удержалось у нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ, впослѣдствіи присоединившихся къ Римской церкви. Но за чѣмъ онъ къ слову *миша* прибавляетъ объясненіе—служба? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти видѣнъ уже изъ предыдущаго. Съ введеніемъ въ Панноніи при Меѳодіѣ богослуженія и богослужебныхъ книгъ греческой церкви это названіе, какъ видно, стало выходить изъ употребленія и замѣняться новымъ, взятымъ съ греческаго, словомъ *литургія*, или славянскимъ словомъ *служба*. Естественно такимъ образомъ, что для новаго поколѣнія, воспитаннаго въ духѣ новыхъ учрежденій, нужно было объясненіе устарѣлаго термина. Съ другой стороны ничего нѣтъ удивительнаго, если это объясненіе внесено въ текстъ Житія впослѣдствіи переписчиками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что указанное прибавленіе сдѣлано въ житіи не вездѣ.

Другое доказательство Дюммлера, приводимое имъ въ частности въ пользу мысли о переводѣ Меѳодіева Житія съ Греческаго, и собственно принадлежащее Миклошичу, также не выдерживаетъ критики. Въ Житіи Меѳодія дѣйствительно встрѣчаются греческія синтаксическія формы и обороты рѣчи; но не должно забывать, что Славянскій синтаксисъ образовался по Греческому и что вліяніе послѣдняго на Славянскій языкъ, въ первобытную эпоху его литературнаго образованія, было рѣшительное, не только въ сочиненіяхъ переводныхъ, но и оригинальныхъ. Этого вліянія конечно никто не станетъ отрицать ни въ сочиненіяхъ

Климента, ни въ сочиненіяхъ Іоанна экзарха, ни даже въ позднѣйшихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Славянской письменности. Всѣ они наполнены болѣе или менѣе грецизмами. Что же послѣ этого удивительнаго, если встрѣчаются грецизмы въ Житіи Меѳодія, писанномъ въ самое первое время образованія Славянскаго языка?

Наконецъ общее соображеніе съ обстоятельствами написанія разсматриваемаго памятника также вовсе не оправдываетъ заключенія, сдѣланнаго Дюммлеромъ. Сочинитель Житія Меѳодія былъ Паннонецъ, слѣд. Славянинъ, и, какъ говоритъ самъ Дюммлеръ, описывалъ жизнь и дѣянія своего учителя для назиданія потомства, слѣд. прежде всего для своихъ соотечественниковъ, а потомъ для Славянъ вообще. При такой обстановкѣ дѣла возможно ли представить, чтобы онъ сталъ писать біографію Меѳодія на непонятномъ для большинства, Греческомъ или Латинскомъ языкѣ, — и это именно тогда, когда, какъ сами Славянскіе Апостолы, такъ и сотрудники ихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и біографъ Меѳодія, о томъ преимущественно и заботились, чтобы какъ можно болѣе распространить между новообращенными знаніе Славянскаго языка, и когда главнымъ занятіемъ писавшихъ что либо были именно переводы съ Греческаго? И если этотъ біографъ дѣйствительно, какъ говоритъ Дюммлеръ, учился у своего учителя греческому языку, то ужъ конечно не для того, чтобы писать на немъ, а напротивъ именно для того, чтобы переводить съ него на свой отечественный языкъ. Равнымъ образомъ, если этому біографу представился случай писать что-либо оригинальное, то, по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ, онъ конечно не рѣшился бы промѣнять его ни на какой иностранный. Но Дюммлеръ, какъ мы видѣли, указываетъ на Житіе Климента, которое писано Болгаромъ и однакожъ

на Греческомъ языкѣ. Дѣйствительно этотъ фактъ представляетъ странное явленіе въ древней Славянской письменности; но мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ онъ можетъ служить въ подтвержденіе мысли Дюммлера. Другое дѣло—еслибъ доказано было, что всѣ Славянскіе писатели въ первую эпоху писали на Греческомъ языкѣ, и что это было тогда общимъ правиломъ; но утверждать это еще никто не рѣшался, да и нѣтъ къ тому никакой возможности. Точно также и общая, указанная Дюммлеромъ, между обоими памятниками черта, т. е. одинаковое уваженіе, высказываемое въ нихъ къ Римскимъ первосвященникамъ, никакъ не можетъ служить къ подтвержденію мысли нашего автора. Біографъ Климента почему бы то ни было могъ писать по гречески, а біографъ Меѳодія слѣдовалъ общему правилу и писалъ по славянски. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что первое явленіе должно быть объяснено независимо отъ послѣдняго. По этому поводу мы не можемъ не привести очень замѣчательнаго соображенія профес. Бодянскаго, который думаетъ, что подлинникъ жизнеописанія Климента первоначально былъ составленъ на Славянскомъ языкѣ, и только впослѣдствіи переведенъ кѣмъ-то на греческій. „Чтобы Булгаръ, говоритъ онъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, рѣшился промѣнять отечественный языкъ на другой, хотя бы самый образованный, невѣроятно по тогдашнимъ отношеніямъ всѣхъ булгарскихъ писателей къ Грекамъ и самимъ себѣ. Обыкновенно не только въ первыя времена какой-либо письменности, но и послѣ, довольно долго еще горячка родолюбія и отвращеніе ко всему чужому, царятъ, можно сказать, безгранично надъ умами, воображеніемъ и волею пишущей братіи. Тогда больше пытаютъ свои силы въ своемъ, либо переносятъ съ чужаго на отцовскую ниву, но не наоборотъ (стр. 10).“

Все сказанное въ приведенной нами выпискѣ очевидно тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ быть отнесено къ Житію Меѳодія. Въ отношеніи къ нему споръ еще могъ бы поддерживаться, еслибъ былъ извѣстенъ текстъ его на Греческомъ, или другомъ языкѣ, хоть въ позднѣйшихъ спискахъ, или по крайней мѣрѣ извѣстія о немъ, или ссылки на него другихъ писателей; но этого ничего нѣтъ. Греческій текстъ только предполагается на основаніи филологическихъ выводовъ Миклошича, которые, одинъ разъ, именно въ отношеніи ко времени языка Паннонскихъ Житій, какъ мы выше видѣли, уже оказались такъ неудачно-ошибочными.

Приведенныя нами доказательства, относительно Славянскаго происхожденія Житія Меѳодія, имѣютъ одинаковую силу въ отношеніи къ Житію Кирилла. Здѣсь не видимъ даже употребленія слова *миша* вмѣсто *литургія*, а слѣдовательно въ пользу противнаго мнѣнія недостаетъ одного изъ основныхъ доводовъ, на которые указываетъ Дюммлеръ. И такъ, вопреки его мнѣнію, равно какъ и мнѣнію Миклошича, до открытія въ пользу его новыхъ данныхъ, остается держаться въ этомъ отношеніи прежнихъ выводовъ, сдѣланныхъ отечественными и другими изслѣдователями, которые, приписавъ составленіе обоихъ Паннонскихъ Житій ученикамъ Меѳодія—Славянамъ, этимъ самымъ конечно высказали свое мнѣніе о Славянскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ памятниковъ.

Но, совершенно соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ въ послѣднемъ отношеніи, мы однакожъ затрудняемся принять его въ полномъ его видѣ, и именно признать сочинителемъ Житія Меѳодіева кого-либо изъ учениковъ Меѳодія, извѣстныхъ намъ по Греческому житію Климента,—затрудняемся тѣмъ болѣе, что, какъ мы выше видѣли, ученые въ этомъ случаѣ, т. е. въ назначеніи лица писателя значительно

расходятся: у насъ въ Россіи Житіе Меѳодія приписано Клименту, а Шафарикъ приписываетъ его другому ученику Меѳодія, Горазду. Основаніемъ послѣдняго мнѣнія служила, кажется, особенная близость Горазда къ Меѳодію, который назначилъ его себѣ преемникомъ. Но всякій согласится, что такое основаніе слишкомъ нетвердо, и что оно могло бы имѣть нѣкоторую силу и идти въ соображеніе только при другихъ данныхъ. А этихъ данныхъ нѣтъ ни въ самомъ Житіи, ни въ другихъ памятникахъ. Между тѣмъ есть много такого, что рѣшительно препятствуетъ принять сдѣланное Шафарикомъ заключеніе: во первыхъ Горазда вовсе неизвѣстенъ, какъ писатель; во вторыхъ въ Житіи о немъ говорится въ 3-мъ лицѣ, на что указываетъ и самъ Шафарикъ; въ третьихъ похвальный отзывъ, который читается о Горазда въ послѣдней главѣ Житія, конечно ужъ никакъ не могъ принадлежать ему.

Другое мнѣніе, приписывающее Паннонское Житіе Меѳодія Клименту, еп. Славянскому, или Величскому, имѣетъ въ свою пользу доказательствъ гораздо больше, которыя, какъ мы замѣтили уже, изложены въ разсматриваемомъ сочиненіи О. М. Бодянскаго (стр. 42-46); но и оно, позволяемъ себѣ замѣтить, не окончательно рѣшаетъ вопросъ. Кромѣ близости Климента къ Меѳодію и извѣстности его, какъ писателя, и именно житій и похвальныхъ словъ разнымъ Святымъ, почтенный профессоръ главнымъ образомъ основываетъ свои заключенія на сходствѣ Житія Меѳодія въ слогѣ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ съ Похвальнымъ Словомъ обоимъ Славянскимъ Апостоламъ, которое приписывается нѣкоторыми учеными Клименту, и на согласіи обоихъ памятниковъ въ изложеніи историческихъ данныхъ. Но, во первыхъ, мысль о принадлежности упомянутаго Похвальнаго Слова Клименту еще доселѣ остается предположеніемъ, которое положительнымъ образомъ не доказано, что совершенно

необходимо, чтобы это предположеніе могло быть приведено въ подтвержденіе другаго. Во вторыхъ, приведенное выше обстоятельство, т. е. сходство Похвальнаго Слова съ Житіемъ по слогу и содержанію, намъ кажется, гораздо естественнѣе можетъ быть объяснено тѣмъ соображеніемъ, что сочинитель Слова пользовался Житіемъ Меѳодія (равно какъ и Житіемъ Кирилла), какъ матеріаломъ. И дѣйствительно, при сличеніи обоихъ памятниковъ нельзя не придти къ такому заключенію. Въ Словѣ встрѣчаются на каждой страницѣ не только отдѣльныя слова и обороты, но и цѣлыя фразы, наконецъ цѣлыя тирады, заимствованныя изъ Паннонскихъ Житій буквально,—и это въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касается историческихъ данныхъ. Послѣднее невольно приводитъ къ заключенію, что авторъ Слова самъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о жизни Кирилла и Меѳодія, кромѣ заимствованныхъ имъ изъ Паннонскихъ Житій; потому что къ общей суммѣ историческихъ данныхъ въ отношеніи къ Славянскимъ Апостоламъ онъ не прибавляетъ ровно ничего. Все, что есть въ Словѣ, непремѣнно есть и въ Житіи (1); — только въ послѣднемъ въ подробномъ видѣ, а въ первомъ сокращенно,

(1) Единственное отступленіе въ Словѣ отъ Житій, находимъ въ означеніи года смерти Меѳодія. Тогда какъ по житію Меѳодій скончался въ 6393 (885)-мъ году, авторъ Слова назначаетъ временемъ кончины Меѳодія годъ 6394 (886), и это читается во всѣхъ, по крайней мѣрѣ намъ извѣстныхъ, спискахъ Слова, начиная съ старшаго изъ нихъ, XII в. Отсюда можно думать, что авторъ слова, въ отношеніи къ этому пункту руководствовался другимъ источникомъ. Но указанное нами отступленіе очевидно не можетъ подтвердить мысли о принадлежности Слова и Житія одному и тому же лицу; напротивъ въ связи съ другими соображеніями оно идетъ прямо противъ такого заключенія.

а тамъ, гдѣ дѣло касается цыфръ, собственныхъ именъ, буквально. Послѣднія, какъ видно, авторъ Слова не могъ удержать въ памяти, и потому выписывалъ ихъ буквально изъ Житій, которыя неоспоримо имѣлъ передъ глазами при составленіи своего сочиненія. Но можно ли отнести все это къ Клименту? Разумѣется нельзя. Зная, какъ говорится въ его Житіи, лучше всѣхъ современниковъ жизнь своего учителя, для восхваленія его подвиговъ и изображенія ихъ въ общихъ чертахъ, онъ конечно не имѣлъ нужды въ постороннемъ для этого источникѣ, а тѣмъ меньше имѣлъ нужду выписывать оттуда буквально цѣлыя фразы, мало того—цѣлыя тирады, когда дѣло касалось фактовъ (1). Съ другой стороны, если выйти и изъ той мысли, что Клименту принадлежатъ оба памятника; то такъ же невѣроятно, чтобы одинъ и тотъ же авторъ сталъ дѣлать подобныя заимствованія изъ собственнаго же сочиненія, содержаніе котораго, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, (что собственно и нужно было для составленія Похвальнаго слова), разумѣется было ему извѣстно. Вотъ почему сходство Житія съ Похвальнымъ Словомъ никакъ не можетъ подтвердить мысли о принадлежности перваго Клименту, а

(1) Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, сильнѣе всего говоритъ противъ принадлежности похвальнаго слова Клименту. Прибавимъ къ этому, что по заглавію оно не приписывается ему ни въ одномъ спискѣ; къ сочиненіямъ же Климента отнесено главнымъ образомъ, кажется, на основаніи сходства его въ слогѣ съ другими похвальными словами того же писателя, которое (сходство) легко объясняется вліяніемъ Климента, какъ знаменитаго въ то время церковнаго витіи, на современныхъ ему и слѣдовавшихъ за нимъ писателей. Само собою разумѣется, что, при такомъ положеніи дѣла, Похвальное Слово, какъ составленное на основаніи письменныхъ матеріаловъ, должно быть отнесено къ числу источниковъ второстепенныхъ (для исторіи Кирилла и Меѳодія).

равно и вообще о принадлежности обоихъ памятниковъ одному и тому же писателю. Послѣднему заключенію сильно не благопріятствуютъ такъ же находящіяся въ разсматриваемыхъ памятникахъ указанія о мѣстѣ жительства сочинителей ихъ. Авторъ Житія Меѳодія, какъ видно изъ его сочиненія, жилъ въ Панноніи, а авторъ Похвальнаго Слова, кажется, въ Болгаріи, только во всякомъ случаѣ не въ Панноніи и не въ Моравіи, потому что говоритъ объ нихъ, какъ о странахъ, лежащихъ (конечно въ отношеніи къ мѣсту своего жительства) на Западѣ (¹).

Главное же, что препятствуетъ намъ отнести Житіе Меѳодія къ сочиненіямъ Климента, равно какъ и признать сочинителемъ его Горазда, или кого другаго изъ учениковъ Меѳодія, извѣстныхъ по греч. житію Климента,—это тѣ противорѣчія, въ которыя тогда необходимо должно стать съ другими обстоятельствами написанія этого памятника, уже до послѣдней степени наглядности выясненными критикой. На одно изъ этихъ обстоятельствъ мы отчасти уже указали, когда говорили о невозможности приписать Житіе Меѳодія и Похвальное Слово обоимъ Славянскимъ Апостоламъ одному и тому же лицу; мы разумѣемъ мѣсто жительства автора Житія Меѳодіева. Что онъ былъ Паннонецъ, (пусть даже Паннонецъ не по мѣсту жительства, а по происхожденію), этого конечно отвергнуть нельзя: въ памятникѣ на это есть самыя ясныя указанія. Между тѣмъ изъ греческаго Житія Климента извѣстно, что послѣдній, равно какъ и Гораздъ, съ другими учениками Меѳодія, бывшими съ нимъ въ Моравіи въ послѣдніе годы его жизни, тотъ часъ же послѣ его

(¹) Ти (Кириллъ и Меѳодій) чисто цр҃кви и свѣтообразьно жито прѣдаста, въ западънихъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравъскахъ странахъ яко сл҃нцы въсиявъша. Похв. Слово по списку Усп. Соб. XII в.

кончины подверглись гоненію со стороны Латинскаго духовенства и должны были бѣжать въ Болгарію, гдѣ и провели остальное время жизни,—оба въ санѣ болгарскихъ архіепископовъ. Отсюда ясно, что говорить о себѣ, подобно автору Житія Меѳодія, какъ о Паннонцахъ, ни Гораздъ, ни Климентъ не могли. Они не могли такъ называть себя и по происхожденію, потому что Климентъ по происхожденію былъ Болгаръ, а Гораздъ Моравецъ. Для примиренія этого противорѣчія можно конечно предположить, что Климентъ, или Гораздъ, послѣ перехода своего въ Болгарію, посѣщали Панноніо, но такое предположеніе не будетъ имѣть основанія въ источникахъ; да оно и невѣроятно по общимъ соображеніямъ съ фактами. Другое обстоятельство: какъ мы выше видѣли, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что авторъ Житія Меѳодіева принадлежалъ къ Римской церкви и Римскаго первосвященника признавалъ духовною главою; а эта черта конечно не можетъ быть отнесена ни къ Клименту, ни къ Горазду. Чтобы примирить это противорѣчіе, какъ ни станемъ мы ослаблять и смягчать сдѣланный критикой въ этомъ отношеніи выводъ,—но этотъ взглядъ сочинителя разсматриваемаго житія на власть папъ, на вселенскіе соборы, собиравшіеся будто бы подъ главнымъ вліяніемъ римскихъ первосвященниковъ, это уваженіе его, или гораздо болѣе, благоговѣніе къ Римскому престолу, эти титулы (ключедержца, апостолика, настольника ап. Петра и проч), усвояемые папамъ, наконецъ вообще Римская точка зрѣнія автора Житія на вещи и событія, усвоенная по мѣстамъ даже Славянскимъ Апостоламъ,—все это непремѣнно приведетъ къ заключенію, что разсматриваемый памятникъ не могъ принадлежать ни Горазду, ни Клименту, и что скорѣе онъ принадлежитъ кому либо изъ Паннонскихъ учениковъ Меѳодія, признавшихъ, послѣ его удаленія изъ Панноніи, окончательно

и съ полною искренностію власть Римскаго престола, но сохранившихъ въ тоже время полное уваженіе къ своему учителю и вмѣстѣ завѣщанный имъ догматъ о происхожденіи Св. Духа безъ прибавленія filioque. Другое дѣло, еслибъ Житіе Меѳодія могло быть писано прежде кончины Меѳодія, когда проповѣдники Славянскаго богослуженія, а между ними конечно и названные ученики Меѳодія, были еще въ добрыхъ отношеніяхъ съ Римомъ, по крайней мѣрѣ не теряли еще къ нему довѣрія. Какъ мы выше видѣли, этой мысли дѣйствительно держится Ваттенбахъ; но по многимъ причинамъ въ этомъ никакъ нельзя съ нимъ согласиться, и извѣстіе въ Житіи о кончинѣ Меѳодія нельзя признать позднѣйшимъ дополненіемъ. Ясно, что оно писано уже послѣ Меѳодія, хотя и недолго спустя, а слѣд. тогда, когда Климентъ, Гораздъ и другіе ученики Меѳодія находились въ самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ Риму; потому что, какъ видно изъ новаго, открытаго Ваттенбахомъ памятника, въ это именно время, (за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Меѳодія, или скоро послѣ нея), вновь отъ самаго главы Римскаго престола издано было запрещеніе совершать Славянское богослуженіе, и приверженцы его, начиная съ св. Меѳодія, буллою Стефана VI, были преданы анаѳемѣ. Вслѣдствіе этого ученики Меѳодія послѣ его кончины тотъ часъ же подверглись гоненію, заключенію въ темницѣ, мученіямъ, а наконецъ изгнанію, что̀ все такими яркими красками изображено въ Житіи Климента. Ушедши съ такими вспоминаніями и подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній въ Болгарію, которыя, въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ гоненій на Славянское богослуженіе въ просвѣщенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ странахъ, должны были усилиться еще болѣе,—само собою разумѣется, ни Гораздъ, ни Климентъ не могли писать о Римскихъ первосвященникахъ такимъ тономъ, какимъ

проникнуто Житіе Меѳодія. Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о принадлежности этого памятника ни Клименту, ни Горазду; покрайней мѣрѣ позволяемъ себѣ думать, что указанныя нами противорѣчія настоятельно требуютъ соглашенія и объясненія. Обращаемся теперь къ житію Кирилла.

Это житіе, какъ мы выше видѣли, ученые единогласно приписываютъ Клименту. Въ основаніе этого мнѣнія такъ же полагается: 1) извѣстность Климента, какъ писателя житій и похвальныхъ словъ. 2) особенная къ Кириллу близость Климента, который, по общепринятому предположенію, былъ ученикомъ не только Меѳодія, но и Кирилла, и сопутствовалъ имъ во всѣхъ ихъ апостольскихъ подвигахъ. Другое основаніе представляетъ то обстоятельство, что между похвальными словами Климента извѣстно между прочимъ одно, написанное имъ въ честь Кирилла, и приписываемое ему (Клименту) самымъ заглавіемъ; а жизнь и похвала Святому, говоритъ Шафарикъ (1), обыкновенно пишется однимъ и тѣмъ же лицемъ. Противъ послѣдняго основанія, какъ болѣе другихъ имѣющаго силу, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что правило, въ немъ высказанное, не можетъ быть названо общимъ: оно безусловно вѣрно только въ отношеніи къ похвальнымъ словамъ краткимъ, или собственно *похвалам*ъ, какія обыкновенно (хотя это и не всегда) присоединяются въ концѣ житій, безъ особаго заглавія и неразрывно съ послѣдними; а Похвальное Слово Кириллу встрѣчается въ рукописяхъ отдѣльно отъ его Житія, съ особымъ заглавіемъ и далеко не можетъ быть названо краткимъ. Но во всякомъ случаѣ Кириллово Житіе можетъ быть приписано Клименту съ бо̀льшею вѣроятностію, нежели

(1) Въ предисловіи къ изд. имъ Житію и Похв. Слову Кириллу. Изборъ Югославян. Достопамятностей 1851 г.

Меѳодіево. Здѣсь по крайней мѣрѣ мы не встрѣтимся съ тѣми противорѣчіями, съ которыми должны встрѣтиться въ отношеніи къ послѣднему, когда приписали бы его названному писателю. Потому что во 1-хъ изъ Житія Кирилла вовсе не видно, гдѣ именно жилъ его авторъ; а слѣд. Климента вовсе нѣтъ нужды вести въ Паннонію, чтобы имѣть возможность приписать ему этотъ памятникъ. Да еслибъ положеніе, высказанное первымъ находчикомъ Паннонскихъ Житій, что оба онѣ суть произведенія одной страны и дѣйствительно было доказано; то и въ этомъ случаѣ противорѣчія никакаго не будетъ, если причислимъ Кириллово Житіе и къ сочиненіямъ Климента: какъ думаютъ большая часть изслѣдователей, оно писано въ первые годы послѣ кончины Кирилла; а въ это время Климентъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ могъ жить въ Панноніи. Изъ Житія Кириллова не видно также, чтобы авторъ его былъ членомъ Римской церкви. Все вліяніе на него послѣдней отразилось только въ названіи Апостоликъ, которое по мѣстамъ (но отнюдь не вездѣ) придается папамъ. А это обстоятельство легко можетъ быть объяснено навыкомъ къ церковной Римской терминологіи, усвоенной авторомъ Житія въ той странѣ, гдѣ онъ жилъ (т. е. въ Моравіи и Панноніи), и добрыми отношеніями Меѳодія и учениковъ его, сохранявшимися, хотя и не постоянно, почти во все время жизни и дѣятельности послѣдняго въ отношеніи къ Римскому престолу. Что же касается до общаго тона Житія Кирилла, то впечатлѣніе, производимое имъ въ этомъ отношеніи, рѣзко отличается отъ впечатлѣнія, какое производитъ на читателя Житіе Меѳодія. Такимъ тономъ о Римскихъ первосвященникахъ писали тогда и Греки; но между произведеніями Греческой тогдашней духовной литературы нельзя указать такого, въ которомъ бы можно найти такіе отзывы о Римскихъ первосвященникахъ, какія находимъ въ Житіи

Меѳодія. Во всякомъ случаѣ однакожъ мысль о принадлежности Кириллова Житія Клименту, по нашему крайнему разумѣнію, еще не достаточно доказана и требуетъ бо́льшаго подтвержденія.

Говоря все это, мы однакожъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и совершенно другимъ путемъ пришли къ тому же выводу, какой сдѣлалъ Дюммлеръ изъ сравненія обоихъ Паннонскихъ Житій, какъ видно изъ вышеприведенной выписки изъ его статьи,—т. е. что эти Житія не могли принадлежать одному и тому же автору. Противное мнѣніе, какъ и большая часть критическихъ положеній въ отношеніи къ разсматриваемымъ памятникамъ,—въ первый разъ высказана была въ нѣсколько уже разъ указанной нами статьѣ въ Москвитянинѣ. Тамъ говорится: „оба Панн. Житія можно считать произведеніями одной страны и одного времени.“ (1) Но пріемы, которые употреблены авторомъ указанной статьи для подтвержденія этаго вывода, ясно показываютъ, что сейчасъ приведенныя слова нужно понимать именно въ смыслѣ принадлежности обоихъ Житій одному и тому же автору, какъ дѣйствительно и понялъ ихъ Шафарикъ (2) и другіе ученые. Въ доказательство этой мысли указывается въ означенной статьѣ на употребленіе нѣкоторыхъ одинаковыхъ краткихъ выраженій и словъ (именно: *на судъ грядый... Петрова суда, Апостоликъ, сетныѣ,* начальныя слова Житія и проч.), встрѣчающихся въ обоихъ памятникахъ, и потомъ на то обстоятельство, что одно Житіе какъ бы дополняетъ другое: „въ житіи Меѳодія по большей части то опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла.“ (3) Но указанная нами разность въ

(1) Москв. 1843 г. № 6. стр. 409.
(2) См. пред. его къ изд. житія Кирилла.
(3) Москв. ibid, стр. 408.

тонѣ обоихъ Житій относительно Римскаго первосвященника, и въ нѣкоторыхъ взглядахъ сочинителей на вещи и событія, а равно нѣкоторыя, хотя и небольшія историческія противорѣчія между обоими памятниками, на что справедливо указываетъ Дюммлеръ, —не позволяетъ намъ принять приведенное мнѣніе. Поэтому мнѣніе Дюммлера представляется намъ болѣе вѣроятнымъ. Что же касается до встрѣчающихся въ обоихъ памятникахъ одинакихъ словъ и выраженій, то это обстоятельство, въ силу всего вышесказаннаго, по нашему мнѣнію, можетъ быть объяснено во первыхъ случайностію, во вторыхъ одинаковостію пріемовъ, какая замѣтна во всѣхъ подобнаго рода памятникахъ, главное же тѣмъ соображеніемъ, что сочинитель житія Меѳодія, какъ писаннаго послѣ Кириллова, безъ сомнѣнія имѣлъ подъ руками этотъ памятникъ, когда писалъ свое сочиненіе, и пользовался имъ какъ матеріаломъ, (что дѣйствительно открывается изъ сличенія обоихъ житій), а отсюда естественно было ему перенести изъ него и нѣкоторыя слова и выраженія. Послѣднимъ соображеніемъ легко объясняется и та гармонія, какая существуетъ между обоими памятниками въ разсказѣ о событіяхъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ описанія. Сочинитель Житія Меѳодія, разумѣется, не считалъ нужнымъ описывать подробно то, что разсказано въ Житіи Кирилла, которое онъ имѣлъ передъ глазами при написаніи своего сочиненія.

Но кому бы ни принадлежали такъ называемыя Паннонскія Житія,—одному автору, или двумъ, извѣстнымъ ли лицамъ изъ среды писателей, которыхъ имена и сочиненія сохранила намъ древность, или, что всего вѣроятнѣе, такимъ лицамъ, которыхъ имена, а равно и другія сочиненія теперь для насъ потеряны,—во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію глубокая древность, и высочайшая степень исторической достовѣрности этихъ

памятниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія. Соберемъ въ одно, не выработанныя критикой, библіографическія и критическія опредѣленія въ отношеніи къ разсматриваемымъ памятникамъ, которыя (опредѣленія) не могутъ быть подвергнуты никакому сомнѣнію: 1) Оба Паннонскія Житія писаны современниками Славянскихъ Апостоловъ. — Житіе Меѳодія писано въ Панноніи, скоро послѣ его кончины, еще до наступленія гоненія на учениковъ его, покрайней мѣрѣ когда извѣстіе объ этомъ гоненіи еще не достигло Панноніи; Житіе Кирилла—неизвѣстно гдѣ, но такъ же скоро послѣ его кончины, по крайней мѣрѣ не позже, какъ увидимъ, смерти папы Іоанна VIII, слѣд. до 882 года. 2) Современники эти были ближайшими учениками Славянскихъ Апостоловъ, очевидцами ихъ дѣйствій, можетъ быть сотрудниками ихъ Апостольскихъ подвиговъ, слѣд. изъ числа людей, которые передавали то, что сами видѣли, или слышали отъ самихъ Апостоловъ, а по этому и сообщаемыя ими свѣдѣнія получены ими изъ первыхъ рукъ. 3) По внутреннему характеру Паннонскія житія также вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ исторической критики. Касательно Житія Меѳодія мы выше привели уже въ этомъ отношеніи замѣчательную характеристику этого памятника, сдѣланную Дюммлеромъ. Что же до житія Кириллова, которое говоря вообще меньше изслѣдовано, нежели Житіе Меѳодія, то о немъ считаемъ нужнымъ съ своей стороны сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Въ этомъ отношеніи, кромѣ простоты и безъискуственности въ разсказѣ, которою Житіе Кириллово отличается столько же, сколько и житіе Меѳодія,—въ разсматриваемомъ памятникѣ не можетъ не обратить на себя вниманіе необыкновенная подробность въ повѣствованіи, которая служитъ лучшимъ ручательствомъ истинности повѣствуемаго

и современности повѣствователя. Такъ напр. находящіяся въ житіи подробности о первыхъ годахъ жизни Кирилла, о путешествіи къ Срацинамъ, о посольствѣ Моравлянъ, о пребываніи въ Венеціи, Римѣ и проч. не могутъ не привести къ заключенію, что авторъ Житія или былъ свидѣтелемъ описываемаго, или слышалъ все это отъ самаго Кирилла, или Меѳодія. Нѣкоторыя мѣста невольно заставляютъ даже думать, что авторъ какъ будто велъ дневникъ событій, которыя онъ описываетъ. Укажемъ въ этомъ отношеніи на описаніе совершенія Славянской Литургіи въ Римѣ. Да и вообще въ Житіи столько мелочныхъ подробностей, столько хронологическихъ и топографическихъ указаній, столько названій лицъ, мѣстностей, предметовъ, что все это могло сохраниться только въ памяти непосредственнаго свидѣтеля, или участника событія, или по крайней мѣрѣ слышавшаго о нихъ отъ самихъ дѣйствователей.

Изъ Житія Кириллова видно, что авторъ его пользовался и источниками письменными; но за то какіе это были источники, и какъ много возвышаютъ они историческое достоинство памятника? Это были: во 1-хъ сочиненіе самого Кирилла, въ которомъ описано было имъ преніе его о вѣрѣ, бывшее во время пребыванія его у Хазаровъ; во 2-хъ Описаніе обрѣтенія мощей св. Климента Римскаго, приписываемое одними такъ же Кириллу, а другими Клименту Величскому, т. е. тому самому, которому приписывается иными и Житіе Кирилла. первое сочиненіе къ сожалѣнію не дошло до нашего времени, сохранилась только память о немъ въ древней нашей письменности, (гдѣ оно извѣстно подъ названіемъ: Кириллъ Словенскій), и извлеченія изъ него въ разсматриваемомъ Житіи, перешедшія, какъ выше было замѣчено, въ Палею. Въ Житіи Кирилла (§ X.) говорится, что названное

сочиненіе переведено было Меѳодіемъ на Славянскій языкъ, слѣдовательно писано было (конечно прежде изобрѣтенія Славянской азбуки) первоначально на Греческомъ языкѣ. Какъ извѣстно, Св. Кириллъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ отправлены были къ Хазарамъ въ качествѣ миссіонеровъ въ слѣдствіе оффиціальныхъ сношеній Хазарскаго Хана съ Константинопольскимъ дворомъ. Въ подобныхъ случаяхъ Греческіе миссіонеры по возвращеніи представляли Императору, или патріарху подробныя донесенія о своихъ дѣйствіяхъ, (какъ это было наприм. въ сношеніяхъ Греческой церкви съ Армянскою въ XII вѣкѣ). По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что этотъ, теперь потерянный для насъ, памятникъ имѣлъ такой характеръ. Естественно также, что во время дѣятельности Меѳодія въ Моравіи, или Панноніи, онъ переведенъ былъ на Славянскій языкъ вмѣстѣ съ другими, переводившимися тогда сочиненіями. Жизнеописатель Кирилла прибавляетъ, что въ переводѣ это сочиненіе раздѣлено было на 8 главъ, слѣд. имѣло довольно большой объемъ. Само собою разумѣется, что въ немъ заключалось не одно преніе о вѣрѣ съ Хозарами, извлеченія изъ котораго читаются въ житіи Кирилла, но и описаніе его путешествія вообще, чѣмъ конечно и пользовался составитель Паннонскаго Житія Кирилла.

Другое сочиненіе, которое служило источникомъ для Житія Кирилла, сохранилось до нашего времени; оно, какъ и Паннонскія Житія, вошло въ наши рукописныя Четь-Минеи всѣхъ редакцій, гдѣ читается или подъ 23-мъ, или подъ 30-мъ числомъ Генваря. Этотъ драгоцѣнный памятникъ, какъ увидимъ ниже, очень важенъ для объясненія такъ называемой Италіанской легенды, а потому и о немъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что онъ, когда будетъ обнародованъ и из-

слѣдованъ, безъ сомнѣнія займетъ важное мѣсто въ ряду источниковъ для исторіи Славянскихъ Апостоловъ и первобытныхъ памятниковъ Славянской письменности. Сочиненіе это имѣетъ видъ слова, назначеннаго для произнесенія съ церковной каѳедры, а именно въ день памяти св. Климента, и въ заглавіи его означенъ годъ событія (6369—861), то есть обрѣтеніе мощей св. Климента (1). Оно писано очевидцемъ и участникомъ событія ,потому что сочинитель говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ (*идохомъ... сотворихомъ... поставихомъ* и т. д.). Въ другихъ мѣстахъ авторъ обозначаетъ себя словомъ *етеръ*, или словомъ *нѣкто*, но за то въ одномъ мѣстѣ въ подобномъ случаѣ, онъ прямо называетъ себя повѣстникомъ (2) или повѣствователемъ, и этимъ даетъ знать, что въ обоихъ случаяхъ мы должны разумѣть одно и тоже лице. Далѣе, судя по тѣмъ дѣйствіямъ, которыя усвояетъ себѣ авторъ слова, онъ былъ не только свидѣтелемъ событія, но однимъ изъ главнѣйшихъ, или даже главнымъ дѣятелемъ при его совершеніи. Такъ, не говоря уже о томъ, что онъ вездѣ ставитъ себя на ряду съ Архіереемъ, и вмѣстѣ съ нимъ издаетъ приказанія, что должны дѣлать другіе (повелѣхомъ пѣніе кондачное пѣти), онъ первый увидѣлъ свѣтлое сіяніе вокругъ луны, онъ прежде всѣхъ увидѣлъ главу Св. Климента, онъ въ продолженіи совершенія открытія мощей говорилъ по разнымъ случаямъ рѣчи и проч. Мысль о первенствующемъ участіи повѣствователя въ открытіи мощей

(1) Вотъ полное заглавіе слова: В тои же день (Ген. 23. Мак. Четь-Мин.) слово на принесеніе мощемъ Преславнаго Климента, историческую имуще бесѣду, яко Христовою помощію въ 4 (описка вмѣсто 6-ти) 300 и 69 лѣто изыскавшимъ его любезно и вѣрно, яко изо инѣхъ бо в Понтѣ восіа.

(2) нѣкто... иже и сый жъ есть повѣстникъ.

подтверждается въ особенности тѣми мѣстами, гдѣ онъ прямо говоритъ о себѣ, какъ о виновникѣ этаго событія (1). Обращаясь теперь къ самому содержанію слова замѣтимъ, что оно заключаетъ въ себѣ самый подробный разсказъ объ обрѣтеніи и открытіи мощей св. Климента. Авторъ слова передаетъ намъ объ этомъ всѣ подробности, даже мелочныя, именно, онъ описываетъ прибытіе Херсонскаго Епископа Георгія съ священнымъ соборомъ къ морю, гдѣ находились мощи, молитвословія передъ ихъ открытіемъ, самое открытіе со всѣми подробностями, обратное шествіе свящ. собора къ городу съ святыми мощами, гдѣ они были встрѣчены Херсонскимъ княземъ Никифоромъ, крестный ходъ вокругъ города, поставленіе мощей сначала въ церкви св. Созонта, а потомъ Леонтія, перенесеніе мощей въ соборную церковь, молитвословія, бывшія во все это время и т. д.—все это съ означеніемъ названія лицъ, мѣстностей, съ означеніемъ разстояній мѣста, часовъ дня и ночи, когда и гдѣ что случилось. Теперь, извѣстно, что главнымъ виновникомъ и дѣятелемъ открытія мощей св. Климента былъ св. Кириллъ, открывшій ихъ во время своего пребыванія въ Херсонѣ на пути къ Хозарамъ; и однакожъ во всемъ словѣ, не смотря на множество заключающихся въ немъ подробностей даже мелочныхъ, нигдѣ не говорится объ его участіи, даже присутствіи во время этого событія, не названо даже его имени, тогда какъ означены имена нѣкоторыхъ простыхъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ открытіи и перенесеніи мощей. Соображая это обстоятельство со всѣмъ вышесказаннымъ о значеніи, какое имѣлъ неизвѣстный сочинитель слова при этомъ событіи, и о дѣйствіяхъ, какія онъ усвояетъ себѣ, нельзя не придти къ заключенію,

(1) Непотребными руками нашими изъисканъ (Климентъ).

что этотъ сочинитель, или повѣстникъ, какъ онъ называетъ себя, былъ именно св. Кириллъ. Вотъ почему въ Словѣ и не упоминается о немъ, не смотря на вліяніе его на событіе; по той же причинѣ въ сказаніи ничего не говорится о ближайшемъ поводѣ къ открытію мощей, т. е. о прибытіи св. Кирилла въ Херсонъ, о распросахъ его у жителей о мощахъ св. Климента и проч., что все необходимо должно бы войти въ сказаніе, если бы оно было писано напр. херсонскимъ епископомъ Георгіемъ, или кѣмъ либо изъ жителей Херсона, либо кѣмъ либо изъ учениковъ Славянскихъ Апостоловъ.

Таковы наши соображенія, вслѣдствіе которыхъ мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, приписывающихъ разсматриваемый памятникъ Клименту Величьскому, или Славянскому, т. е. ученику Меѳодія. Шафарикъ въ объясненіе вѣроятности послѣдняго мнѣнія говоритъ, что Климентъ „безъ сомнѣнія сопутствовалъ Константину въ Козары,“ то есть, былъ свидѣтелемъ открытія мощей, и слѣд. могъ писать, какъ очевидецъ событія. Но мысль о путешествіи Климента въ Хозарію вмѣстѣ съ Кирилломъ есть конечно одно предположеніе, и намъ оно кажется очень сомнительнымъ. Климентъ былъ Болгаринъ, и всего вѣроятнѣе присоединился къ Славянскимъ Апостоламъ въ бытность ихъ въ Болгаріи на пути въ Моравію. Чтобы это случилось ранѣе путешествія Кирилла ка Хозарамъ (ок. 858 г.), намъ кажется невѣроятнымъ по общимъ соображеніямъ съ событіями. При томъ же во всякомъ случаѣ оригинальная литературная дѣятельность Климента конечно относится къ періоду его жизни послѣ кончины Меѳодія, а разсматриваемое сказаніе было написано еще въ 70-хъ или 80-хъ годахъ 9-го столѣтія; это какъ нельзя вѣрнѣе доказывается тѣмъ, что имъ пользовались: во 1-хъ, Паннонскій біографъ

Кирилла, во 2-хъ, какъ увидимъ ниже, составитель Италіанской Легенды, т. е. житія Климента Римскаго,—сочиненія, которое, какъ было сказано, посвящено было авторомъ папѣ Іоанну VIII (872-882 г.). Послѣднее обстоятельство ясно доказываетъ, что сказаніе объ открытіи мощей при папѣ Іоаннѣ, а можетъ быть и ранѣе, извѣстно было уже въ Римѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что Клименту, да и никому другому, кромѣ Кирилла, какъ главнаго дѣйствователя при открытіи мощей, вовсе нельзя приписать того первенствующаго вліянія, и тѣхъ дѣйствій, которыя усвояетъ себѣ сочинитель сказанія, потому что если онъ присутствовалъ при этомъ событіи, т. е. если сопутствовалъ Кириллу въ Херсонъ, то это было еще въ самой ранней его (Климента) молодости (Извѣстно, что онъ скончался въ 916-мъ году). Наконецъ, приписавъ разсматриваемый памятникъ Клименту, и въ тоже время согласившись съ обще-принятымъ мнѣніемъ, что онъ первоначально писанъ на греческомъ языкѣ, невольно задаешь себѣ вопросы: могъ ли Климентъ въ указанный періодъ времени (до 882 г.) научиться греческому языку такъ, чтобы свободно писать на немъ, и что̀ его заставило оставить свой природный славянскій языкъ? Да и вообще, съ какой стороны мы ни стали бы разсматривать Слово о перенесеніи мощей, всюду встрѣчаютъ насъ вопросы, недоумѣнія, затрудненія, если припишемъ его Клименту. Все напротивъ говоритъ въ пользу мысли о принадлежности его никому другому, какъ именно самому Кириллу. Только ему одному, какъ главному дѣйствователю при открытіи мощей св. Климента, могли принадлежать тѣ дѣйствія, какія усвояетъ себѣ авторъ Слова; только ему одному приличенъ тотъ тонъ, и то достоинство, съ какими онъ говоритъ о себѣ; наконецъ только этимъ объясняется то обстоятельство, что въ цѣломъ сказаніи о Кириллѣ даже не упомянуто.

Всѣ другія обстоятельства написанія разсматриваемаго памятника, а равно и отношенія его къ Италіянской Легендѣ и Житію Кирилла, такъ же легко объясняются, если признаемъ его сочиненіемъ Кирилла, а не кого либо другаго. И, во 1-хъ, подробности объ открытіи мощей, какія встрѣчаемъ въ сказаніи, конечно Кириллу извѣстны были лучше, нежели всякому другому. На греческомъ языкѣ могло быть писано это сказаніе потому, что вѣроятнѣе всего оно было писано прежде изобрѣтенія славянской грамоты, вмѣстѣ съ выше-разсмотрѣннымъ сочиненіемъ о путешествіи къ Хозарамъ. Далѣе, при перенесеніи мощей св. Климента (867 г.) въ Римъ, оно могло быть принесено туда св. Кирилломъ, и распространиться тамъ, а слѣд. имъ и могъ воспользоваться сочинитель Италіянской Легенды (1).

(1) Что разсматриваемый памятникъ тотъчасъ же долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ въ Римѣ, объ этотъ свидѣтельствуютъ тѣ радостныя ощущенія и та любознательность, какая возбуждена была въ жителяхъ Рима въ отношеніи къ мощамъ св. Климента, по принесеніи ихъ туда Славянскими Апостолами. Въ Житіи Кирилла говорится: »Дошьдшоу ему въ Римь, изыде самь Апостоликь Андріанъ, сь вьсѣми гражданы, свѣще носеще, яко и светаго Климента мощи носещу мученика и папы Римьска, И абіе Богь чюдеса прѣславнаа сьтвори тоу... Римляне же *не престааху идуще къ нему*, (Кириллу), *и въпрашающе его о вьсемъ*, и сказаніе сугубо и трьгубо пріимааху отъ него.« Въ Италіанской легендѣ прибавлено къ сказанному въ Славянскомъ Житіи: »Папа Адріанъ и весь народъ Римскій, радуясь и ликуя возносилъ великое благодареніе и хвалу Богу, который спустя столь долгое время возвратилъ имъ, во дни ихъ, святаго и апостольскаго мужа (т. е. мощи Климента) и преемника самаго главы Апостоловъ Петра... И такъ принесши благодарность упомянутому философу (Кириллу) за такое благодѣяніе, посвятили его и Меѳодія

Въ тоже время разсматриваемое сказаніе для новопросвѣщенныхъ Славянъ могло быть переведено кѣмъ либо, а можетъ быть и самимъ Меѳодіемъ, какъ и преніе Кирилла у Хозаровъ, на славянскій языкъ, и слѣд. послужить источникомъ для Житія Кириллова.

въ епископы.» Сообразивъ приведенныя извѣстія, а въ особенности замѣчаніе славянскаго біографа Кирилла о дѣланныхъ ему жителями распросахъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сказаніе о перенесеніи мощей имѣетъ видъ слова, произнесеннаго съ церковной каѳедры, нельзя избѣжать вопроса: не написано ли было св. Кирилломъ это слово именно въ Римѣ по просьбѣ его жителей, и не было ли имъ же произнесено съ церковной каѳедры на одной изъ славянскихъ литургій, которыя по свидѣтельству Слав. Житія Кирилла (XVII) совершены были въ Римѣ по прибытіи и принесеніи туда Слав. Апостолами мощей св. Климента? Въ пользу этого предположенія могутъ быть приведены нѣкоторыя указанія, находящіяся въ самомъ Словѣ: въ концѣ его проповѣдникъ говоритъ отъ лица своихъ слушателей: «мы бо есмы симъ вина, имже ся есмы лишили его (Климента), но некли возникнемъ, блаженъ бо градъ *нашъ* сице намъ сущемъ (т. е. что такъ случилось: прежде говорено было о явленіи мощей) и противныя отгоняющимъ явится. О блаженный соборе пришедый въ той день (въ день открытія мощей) къ рацѣ преславнаго Климента,» и т. д. Для объясненія этихъ словъ, именно: «мы бо есмы симъ вина... и блаженъ градъ нашъ»..нужно припомнить, что по греческому сказанію (а также и переводному славянскому) о мученичествѣ Климента, при импер. Траянѣ (98-117 г.) онъ сосланъ былъ въ заточеніе въ Херсонъ, но своимъ ученіемъ и чудесами обратилъ многихъ въ Христіанскую вѣру, и вслѣдствіе этого по указу того же императора (ок. 100 г.) былъ ввергнутъ въ море, гдѣ и находились мощи его до того времени, когда открыты были Кирилломъ (861 г.) и перенесены были имъ въ Римъ. По этому проповѣдникъ отъ лица римскихъ гражданъ, своихъ слушателей, говоритъ какъ бы

Какъ бы то ни было, но сочинитель Славянскаго Житія Кирилла ссылается какъ на свой источникъ, на оба разсмотрѣнные памятника (гл. VIII и X), и это, разумѣется, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, какъ выше уже замѣчено было, возвышаетъ цѣну и историческое значеніе нашего памятника, представляя ручательство самаго Кирилла за истину свѣдѣній о тѣхъ событіяхъ, которыхъ свидѣтелемъ не былъ самъ его жизнеописатель. Такимъ

такъ; мы, т. е. предки наши были виною, что Климентъ оставилъ насъ, но теперь мы не можемъ не назвать себя счастливыми, когда мощи открыты и перенесены на мѣсто прежняго пребыванія знаменитаго пастыря, т. е. въ Римъ. Таже мысль выражена и въ Италіянской легендѣ, какъ мы видѣли изъ выше-приведенной выписки.—Въ дополненіе къ извѣстію о мощахъ святаго Климента сообщаемому разсматриваемымъ памятникомъ, Житіемъ Кирилла, и Италіянскою Легендою, считаемъ нужнымъ прибавить, что папа Адріанъ II, при которомъ принесены были въ Римъ Кирилломъ мощи св. Климента, часть ихъ послалъ въ даръ императору Людовику благочестивому II, который въ 872 г. обогатилъ ими учрежденное имъ аббатство Cava, за 4 мили отъ Салерно, гдѣ они и доселѣ находятся. Другія части находятся теперь въ Римѣ въ церкви св. Климента, куда онѣ положены по свидѣтельству Ит. Легенды; такъ же въ церквахъ святаго Марцелла и св. Северина. (Leben der väter und Marthyren von A. Butler. Mainz. 1838. т. XVII. p. 211.) Не нужно прибавлять, что наши соображенія касательно происхожденія Слова объ открытіи мощей совершенно согласны съ сдѣланными критикой выводами о написаніи этого памятника первоначально на греческомъ языкѣ. Говоря это слово въ Римѣ передъ такими слушателями, между которыми значительно распространено было знаніе греческаго языка, и нисколько не былъ извѣстенъ языкъ славянскій, св. Кириллъ естественно долженъ былъ оставить послѣдній, и избрать языкъ греческій.

образомъ, вопреки сомнѣніямъ Дюммлера, надѣемся, мы имѣемъ полное право сказать, что и Славянское Житіе Кирилла, какъ и Меѳодіево, удовлетворяетъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ исторической критики и должно быть отнесено къ числу первостепенныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ для обработки исторіи Славянскихъ Апостоловъ.

Остается теперь опредѣлить то мѣсто, которое должны занять такъ называемыя Паннонскія Житія въ ряду другихъ, однородныхъ съ ними, источниковъ для того же предмета. Показать относительное значеніе и сравнительное достоинство ихъ въ этомъ отношеніи очень важно потому, что сообщаемыя Паннонскими Житіями данныя, далеко не всѣ согласны съ показаніями о томъ же другихъ сказаній о Славянскихъ Апостолахъ; а въ слѣдствіе этого, при изслѣдованіи нѣкоторыхъ вопросовъ въ ихъ жизни, въ случаѣ разнорѣчія Паннонскихъ Житій съ другими однородными съ ними памятниками, сейчасъ же является вопросъ: какое изъ двухъ, или нѣсколькихъ противорѣчащихъ свидѣтельствъ, должно принять, и какое отвергнуть, и какой источникъ предпочесть другимъ, или другому? Само собою разумѣется, что изъ вышеисчисленныхъ нами, однородныхъ съ Паннонскими Житіями, источниковъ, здѣсь можетъ идти въ разсмотрѣніе только такъ называемое Италіянское сказаніе, какъ памятникъ, подобно имъ, (по крайней мѣрѣ по общепринятому мнѣнію), современный самымъ событіямъ; потому что всѣ другія сказанія о Славянскихъ Апостолахъ, какъ то: находящееся въ греческомъ житіи Климента, Легенда Моравская, Легенда о св. Людмилѣ и проч. позднѣе Паннонскихъ, и слѣд, говоря вообще, въ случаѣ разнорѣчія ихъ съ послѣдними, по законамъ исторической критики, должны уступить имъ первое мѣсто.

И такъ, въ какое же должны стать отношеніе къ Италіянской Легендѣ новооткрытые памятники? Ею ли

повѣрять послѣдніе, какъ прежде повѣряли ею всѣ другіе, неоффиціяльные по крайней мѣрѣ, источники для исторіи Кирилла и Меѳодія, или наоборотъ она сама должна быть повѣряема Паннонскими Житіями? Къ сожалѣнію Дюммлеръ, отдавшій полное имъ достоинство въ отношеніи къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, не смотря на спеціяльное назначеніе своего труда, не предлагаетъ по этому вопросу никакихъ заключеній, даже не касается его. Въ одномъ только мѣстѣ своего изслѣдованія (p. 166) замѣчаетъ онъ, что между Паннонскимъ Житіемъ Кирилла и Италіянскою Легендою во многихъ пунктахъ обнаруживается удивительное сходство, но не входитъ ни въ какія по этому поводу соображенія и объясненія. Въ изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ, и между ними нашихъ отечественныхъ, также замѣтна въ этомъ отношеніи какая-то нерѣшительность: одни, какъ бы подъ вліяніемъ давности авторитета Италіянской Легенды, въ случаѣ разногласія ея съ Паннонскими Житіями, отдаютъ предпочтеніе ея показаніямъ; другіе,—и это большая часть,—смотрятъ на свидѣтельства той и другихъ, какъ на равносильныя, и заботятся о томъ лишь, чтобы согласить ихъ и примирить, хоть это и не всегда удается. Изъ отечественныхъ изслѣдователей одинъ токько О. М. Бодянскій въ этомъ случаѣ отступилъ отъ общаго правила, давши Паннонскимъ Житіямъ, въ своемъ сочиненіи, первое мѣсто въ ряду другихъ, однородныхъ съ ними, источниковъ, и положивши ихъ въ основаніе своихъ розысканій. Онъ же первый сдѣлалъ и замѣчательныя соображенія объ отношеніи Италіянской Легенды къ Паннонскимъ Житіямъ, или собственно къ Житію Кирилла, а этимъ самымъ представилъ и данныя для рѣшенія вопроса о сравнительномъ-историческомъ достоинствѣ той и другихъ.

„ Вчитываясь, говоритъ онъ, въ житіе Кирилла и сличая со всѣмъ, извѣстнымъ мнѣ о немъ изъ другихъ

источниковъ, я убѣдился, что и такъ называемая Добровскимъ, первая, или Итальянская *Легенда есть* не что иное какъ только *сокращеніе этого Житія.* Кѣмъ оно сдѣлано, навѣрное сказать нельзя, хотя нѣкоторые и приписываютъ это Гавдерику. Можетъ быть епископъ Велитрскій воспользовался Житіемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ, и, безъ сомнѣнія, ходившимъ по рукамъ у Славянъ западныхъ и южныхъ, изъ коихъ знающій могъ сдѣлать изъ него сокращеніе по Латыни; или же Гавдерикъ *пользовался,* для значительной части своего сочиненія, *однимъ и тѣмъ же источникомъ,* что и Климентъ, т. е. сочиненіемъ Кирилла: «преніе съ Магометаны и Жиды въ Козарѣхъ»... Существенныхъ прибавленій со стороны сократителя очень не много, а что лишняго противу Житія, относится болѣе къ случившемуся на Западѣ, слѣдовательно принесено, какъ дополненіе туземца. Если моя догадка справедлива, въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣтельства западныхъ источниковъ, за исключеніемъ дипломатическихъ сношеній, т. е. посланій папы Іоанна VIII-го, перестаютъ быть первостепенными источниками, но переходятъ въ разрядъ второстепенныхъ, которые, какъ составленные вольно со словъ другихъ, естественно, должны были, въ послѣдствіи, подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и тому подобному, что и видимъ уже на второмъ, или Моравскомъ Сказаніи. Мнѣ сдается, что первая, или Итальянская Легенда находится точно въ такомъ отношеніи къ Климентову Житію Кирилла, въ какомъ нѣкоторыя изъ сказаній о Меѳодіѣ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ рукописныхъ прологахъ. Или же тутъ правда на оборотъ, то есть, *Славянское Житіе Кирилла составляетъ распространеніе Латинскаго,* приписываемаго Гавдерику? И это дѣло статочное. Кто нибудь изъ учениковъ Кирилла, или Меѳодія, вообще изъ современниковъ,

даже нѣсколько близкихъ къ тому времени славянскихъ книжныхъ людей въ земляхъ славянскихъ Ѳракійскаго полуострова, имѣя въ рукахъ жизнеописаніе незабвеннаго просвѣтителя и наставника своего племени на языкѣ, невѣдомомъ для большинства облагодѣтельствованныхъ имъ, могъ рѣшиться оказать услугу эту преложеніемъ онаго, дополнивъ его другими, извѣстными ему данными, состоящими, большею частію, въ размноженіи второстепенными свѣдѣніями заключающагося уже въ разсказѣ. То ли или иное предположеніе справедливо, во всякомъ случаѣ неопровержимо чрезвычайно поразительное сходство обоихъ Житій между собою; отъ того заимствованіе одного у другаго яснѣе самаго солнечнаго дня. Указать, кто тутъ у кого списывалъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ этихъ памятникахъ, рѣшительно не возможно.“ (стр. 40—42).

Выписанныя нами строки показываютъ, что почтенный Профессоръ, признавая во всей полнотѣ близость Италіянской Легенды и Славянскаго Житія Кирилла другъ ко другу, не рѣшается однакожъ произнести окончательный судъ о томъ, первая ли основана на послѣднемъ, или наоборотъ. Вмѣстѣ съ предположеніемъ, что Италіянская Легенда есть сокращеніе Славянскаго Житія, онъ даетъ по видимому почти совершенно равносильное значеніе другому предположенію, что наоборотъ Славянское Сказаніе могло быть распространеніемъ Италіянскаго, прибавляя въ тоже время, для объясненія взаимнаго сходства обоихъ памятниковъ 3-е соображеніе, что сочинители ихъ могли пользоваться одними и тѣми же источниками, и что вслѣдствіе этого Италіянская Легенда, какъ и Паннонское Житіе Кирилла, „составляетъ отдѣльное самобытное сказаніе“ (стр. 167). Оставляя въ сторонѣ два послѣднія предположенія, мы остановимся на первомъ изъ нихъ.

Оно, по нашему мнѣнію, не только вѣроятно, но можетъ быть названо единственно—вѣрнымъ, даже болѣе, не допускающимъ никакихъ другихъ объясненій. Мы принимаемъ за несомнѣнное, что Италіянская Легенда есть ни больше ни меньше, какъ сокращеніе Славянскаго Житія, и всякое другое объясненіе взаимнаго сходства обоихъ сказаній считаемъ рѣшительно не возможнымъ.

Къ послѣднему убѣжденію мы въ особенности пришли, когда сличили выше разсмотрѣнное и приписанное нами Кириллу Славянское, или точнѣе дошедшее къ намъ на славянскомъ языкѣ, сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго съ тѣми главами Италіянской Легенды(1), въ которыхъ говорится о томъ же предметѣ. Открылось, что эти главы суть не что иное, какъ съ большимъ искусствомъ сдѣланный экстрактъ изъ Славянскаго сказанія. Къ тому, что разсказывается въ послѣднемъ объ упомянутомъ событіи, въ Италіянской Легендѣ не прибавлено ни одного лишняго извѣстія, ни одного факта, ни одного собственнаго имени, ни одного названія мѣстности. Съ другой стороны все, что разсказывается въ Италіянской Легендѣ, разсказано именно по Славянскому сказанію, откуда выбрано все существенное, относящееся къ событію, и во многихъ мѣстахъ, не смотря на относительную краткость экстракта, по объему въ десять разъ меньшаго въ сравненіи съ оригиналомъ, говоримъ, во многихъ мѣстахъ Италіянской Легенды удержаны цѣлыя выраженія, взятыя буквально изъ Славянскаго сказанія. Да и вообще заимствованіе составителемъ Ита-

(1) См. по раздѣленію, сдѣланному Геншеномъ, первымъ издателемъ Италіянской Легенды, §§ 3 4 и 5. Вся Италіянская Легенда раздѣлена, на 12 §§, и указанныя ея главы составляютъ съ небольшимъ 4-ю часть цѣлаго ея состава.

ліянской Легенды передаваемыхъ имъ свѣдѣній именно изъ славянскаго источника, (по всей вѣроятности въ греческомъ его подлинникѣ), до такой степени очевидно, что всякое сомнѣніе мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ, и по этому дальнѣйшія объясненія признаемъ излишними. Но мы должны сказать, почему это обстоятельство мы считаемъ крайне важнымъ. Нужно замѣтить, что подробности собственно объ обрѣтеніи мощей св. Климента и перенесеніи ихъ въ Херсонъ, передаваемыя авторомъ Италіянской Легенды въ вышеуказанныхъ ея главахъ, составляютъ излишекъ противъ того, что говорится объ этомъ въ Славянскомъ Житіи Кирилла; потому что въ послѣднемъ памятникѣ это событіе разсказано кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ (гл. VIII), съ ссылкою на самый источникъ, т. е. на Кириллово сказаніе объ обрѣтеніи мощей. Вотъ почему, не смотря на буквальную близость Италіянской Легенды къ Славянскому Житію Кирилла, и не смотря на бо́льшій въ сравненіи съ нею объемъ послѣдняго памятника, можно еще усумниться, дѣйствительно ли она на немъ основана; потому что упомянутыя главы Италіянской Легенды не нашли бы для себя объясненія. Теперь же, если мы возмемъ въ соображеніе оба славянскіе памятника, т. е. и Паннонское Житіе Кирилла, и дошедшее къ намъ на славянскомъ языкѣ, сказаніе Кирилла объ обрѣтеніи мощей св. Климента,—происхожденіе и процессъ составленія Италіянской Легенды въ полномъ ея объемѣ, и именно на основаніи названныхъ письменныхъ источниковъ, представится въ совершенно ясномъ видѣ. Разумѣется не мѣсто входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого процесса, что̀ завлекло бы насъ далеко и потребовало бы выписокъ изъ самыхъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, такъ какъ отъ этого зависитъ рѣшеніе выше сдѣланнаго нами вопроса объ относительномъ

значеніи разсматриваемыхъ памятниковъ въ ряду другихъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, и вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніе многихъ очень важныхъ вопросовъ относительно ихъ жизни и дѣятельности,—мы считаемъ необходимымъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній, чтобы наши выводы не казались голословными.

Выше мы видѣли, что такъ называемая Италіянская Легенда составляетъ отрывокъ изъ послѣдней части труда епископа Гавдерика, именно: приписываемаго ему и въ полномъ видѣ не дошедшаго до насъ, жизнеописанія Климента Римскаго, которое составлено было авторомъ на основаніи письменныхъ греческихъ и другихъ матеріаловъ. Сличеніе этого отрывка съ разсмотрѣнными славянскими сказаніями объ открытіи мощей св. Климента и о жизни Кирилла приводитъ къ заключенію (1), что Гавдерикъ, оканчивая свое сочиненіе, и желая присоединить къ нему свѣдѣнія объ открытіи въ Херсонѣ и перенесеніи въ Римъ мощей св. Климента, обратился за этимъ именно къ на-

(1) Къ тому же заключенію приводитъ и тотъ фактъ, что между всѣми греческими и латинскими сказаніями о св. Климентѣ, извѣстными по печатнымъ изданіямъ и рукописямъ, нѣтъ ни одного,—ни современнаго Гавдерику, ни позднѣйшаго, которое могло бы служить источникомъ для Италіянской Легенды. По этому всѣ западные изслѣдователи жизни Климента, когда говорятъ объ открытіи въ Херсонѣ Кирилломъ и о перенесеніи въ Римъ мощей его, ссылаются на Италіянскую Легенду, какъ на основной и единственный въ этомъ отношеніи источникъ, вовсе не подозрѣвая того, что въ славянской письменности сохранились памятники, въ которыхъ сообщаются объ этомъ свѣдѣнія гораздо полнѣйшія, и которыя послужили источникомъ для самой Италіянской Легенды. См. напр. Ассемани Calend. Eccles. Bar. Martyrolog. Rom. подъ 23 Ноября; также Курсы Патрологіи: Селье, Люмпера, Фесслера, Мёлера и др.

званнымъ сказаніямъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ нашелъ самое обстоятельное повѣствованіе объ открытіи мощей, во второмъ самыя подробныя свѣдѣнія о св. Кириллѣ, а слѣд. и о перенесеніи открытыхъ имъ мощей въ Римъ, и вмѣстѣ о тѣхъ обстоятельствахъ въ жизни Кирилла, которыя послужили поводомъ къ тому и другому событію. Что оба эти сказанія въ правленіе папы Іоанна VIII, когда была писана Гавдерикомъ его біографія Климента (872—882 г.), могли быть извѣстны въ Римѣ, объ этомъ мы уже говорили. Кириллово сказаніе объ обрѣтеніи мощей могло быть принесено туда св. благовѣстниками вмѣстѣ съ мощами Климента (въ 867 г.), или даже, что̀ гораздо вѣроятнѣе, написано Кирилломъ по прибытіи его въ Римъ, по просьбѣ его жителей. Что же до жизнеописанія самаго Кирилла, которое, какъ справедливо рѣшила критика, написано было въ первые годы послѣ его кончины; то оно такъ же могло перейти въ Римъ тотъ часъ послѣ его составленія. Это мы необходимо должны предположить на основаніи того уваженія, которымъ, какъ свидѣтельствуютъ: славянскій біографъ Кирилла, самъ Гавдерикъ и Анастасій Библіотекарь, пользовался въ Римѣ (1), какъ

(1) Слав. Житіе Кир. по изд. Шаф. гл. XVII и XVIII. Ит. Лег. §9—12. Письмо Анастасія Библ. къ королю Карлу Плѣшивому, 875 г. На какомъ языкѣ Гавдерикъ читалъ слав. сказанія? Кириллово сказаніе о мощахъ Климента безъ сомнѣнія на греч., на которомъ оно по всей вѣроятности было первоначально написано; а Слав. Житіе Кирилла могло быть переведено для него кѣмъ либо изъ знающихъ на славянскій языкъ. А можетъ быть и самъ Гавдерикъ, который часто употребляемъ былъ папами въ дипломатическихъ сношеніяхъ ихъ съ разными государями, зналъ славянскій языкъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ нужды предполагать, что Слав. Житіе Кирилла было первоначально писано на греч. или лат. языкѣ.

за оказанное имъ его жителямъ благодѣяніе, такъ и вообще за свою святость, св. Кириллъ. Послѣднее обстоятельство, какъ замѣчено уже было нами, когда мы говорили объ Италіянской Легендѣ вообще, было причиною, что Гавдерикъ, который имѣлъ цѣлію въ этой части своего сочиненія описать собственно обрѣтеніе и перенесеніе мощей св. Климента, подробностямъ о самомъ Кириллѣ далъ больше мѣста, нежели сколько этого требовала систематическая строгость разсказа. Но, какъ мы замѣтили уже, онъ нигдѣ не выпускаетъ изъ виду главной своей цѣли, т. е. описанія обрѣтенія и перенесенія мощей, и подробности о св. Кириллѣ вездѣ ставитъ на второмъ планѣ, не смотря на тотъ объемъ, который они занимаютъ въ цѣломъ разсказѣ.

Сообразно съ своею главною цѣлію, авторъ Италіянской Легенды, чтобы дать понятіе о св. Кириллѣ, какъ виновникѣ открытія и перенесенія мощей св. Климента, въ 1-й главѣ своего разсказа выбираетъ изъ Славянскаго Житія Кирилла (гл. II и IV), хотя многое и буквально, только общія о немъ свѣдѣнія, какъ то: о его происхожденіи, воспитаніи и посвященіи въ санъ священника, и опустивъ при этомъ всѣ подробности, находящіяся въ Славянскомъ Житіи какъ объ этомъ, такъ равно и о преніи св. Кирилла съ патр. Анніемъ, о путешествіи его къ Сарацинамъ и проч. (Сл. Ж. гл. III. V—VII), спѣшитъ перейдти къ описанію его Хозарской миссіи, служившей поводомъ къ открытію мощей св. Климента. Разсказавши о причинахъ ея, а равно о прибытіи Кирилла въ Херсонъ (§ 1 и нач. 2-го), такъ же по Славянскому Житію (VIII), Гавдерикъ переходитъ къ главному предмету своего разсказа, къ повѣствованію объ обрѣтеніи мощей названнаго Святаго. Описаніе этого событія, составляющее

съ небольшимъ 4-ю, часть цѣлаго сочиненія (§ 2—5), какъ мы выше видѣли, есть сокращеніе Кириллова объ этомъ сказаніи; не нашедши нужныхъ для него подробностей объ открытіи мощей святаго Климента въ Славянскомъ Житіи Кирилла, гдѣ это событіе разсказано кратко (VIII), съ указаніемъ на особое объ этомъ Сказаніе, Гавдерикъ обратился именно къ этому сказанію, т. е. вышеразсмотрѣнному нами Слову св. Кирилла, и сократилъ его, выбравъ изъ него всѣ существенное. Но въ началѣ этой главной части своего разсказа (2-я пол. § 2-го) Гавдерикъ въ нѣсколькихъ строкахъ сообщаетъ свѣдѣнія о распросахъ, съ которыми обращался св. Кириллъ къ мѣстнымъ жителямъ относительно мѣста, гдѣ находятся мощи св. мученика. Этого извѣстія нѣтъ въ Кирилловомъ сказаніи, и оно заимствовано Гавдерикомъ изъ какого-то неизвѣстнаго намъ источника, а можетъ быть изъ живаго, дошедшаго къ нему непосредственно, или посредственно объ этомъ разсказа самаго Кирилла въ бытность его въ Римѣ. При этомъ Гавдерикъ упоминаетъ о чудѣ, совершившемся надъ св. мощами за долго прежде ихъ открытія. Это свѣдѣніе заимствовано имъ изъ Сказанія о страданіи св. Климента, на которое онъ тутъ же, какъ замѣчено было, и ссылается.

Послѣ описанія открытія мощей (§ 6 и 7), Гавдерикъ кратко говоритъ объ окончаніи и слѣдствіяхъ Хозарской миссіи Кирилла, о посольствѣ Ростислава въ Константинополь, о путешествіи братьевъ въ Моравію и о пребываніи ихъ тамъ. Все это или буквально или въ сокращеніи взято имъ изъ Славянскаго Житія Кирилла (гл. IX—XV), и разумѣется переданы только существенныя свѣдѣнія о событіяхъ, на сколько нужно было это, чтобы дать понятіе о томъ, какъ и по какому случаю мощи св. Климента

изъ Херсона перенесены были въ Римъ. Подробности же, передаваемыя славянскимъ біографомъ Кирилла о преніяхъ его о вѣрѣ съ Хозарами, о разныхъ случаяхъ, бывшихъ съ нимъ на обратномъ пути и въ Константинополѣ по возвращеніи туда, даже объ изобрѣтеніи имъ славянской азбуки, и потомъ по прибытіи въ Моравію о разныхъ, найденныхъ тамъ Апостолами, религіозныхъ заблужденіяхъ, и проч.—эти подробности, которыя въ Славянскомъ Житіи, по своему объему, занимаютъ очень много мѣста, Гавдерикомъ совсѣмъ опущены, какъ не идущія къ главной цѣли его разсказа.

Слѣдующій за этимъ разсказъ Гавдерика (§ 8 и 9) о путешествіи Славянскихъ Апостоловъ въ Римъ и о пребываніи тамъ, говоря вообще, такъ же составленъ по Славянскому Житію (гл. XV и XVII), представляя въ себѣ или сокращеніе, или распространеніе, или буквальный переводъ его. Но тутъ сочинитель Италіянской Легенды нѣсколько отступилъ отъ своего источника. Какъ туземецъ, и кромѣ того можетъ быть бывшій въ Римѣ во время пребыванія тамъ Славянскихъ Апостоловъ, (что подаетъ поводъ предполагать одно указаніе въ Славянскомъ Житіи Кирилла, гл. XVII), онъ конечно могъ и самъ имѣть нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія, или же могъ получить ихъ изъ мѣстныхъ преданій и другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ въ этой части Италіянской Легенды мы находимъ нѣкоторыя дополнительныя извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Славянскомъ Сказаніи. Оставивши находящіяся въ послѣднемъ подробности о преніи св. Кирилла въ Венеціи съ латинскимъ духовенствомъ (XVI), и о совершеніи въ Римѣ въ разныхъ церквахъ славянской литургіи (XVII), Гавдерикъ нѣсколько подробнѣе говоритъ о призваніи въ Римъ Славянскихъ Апостоловъ папою Николаемъ, упоминаетъ о смерти его и возшествіи на

престолъ Адріана II, чего вовсе нѣтъ въ Славянскомъ сказаніи. За тѣмъ, сказавши словами славянскаго біографа о сдѣланной Апостоламъ Адріаномъ II встрѣчѣ и о чудесахъ отъ мощей св. Климента, онъ, согласно съ главною цѣлію своего разсказа, уже независимо отъ Славянскаго Житія, распространяется о той радости, какую ощущалъ Римскій папа и весь народъ Римскій по случаю перенесенія мощей св. Климента, и объ общихъ чувствахъ благодарности къ Кириллу, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, при этомъ посвящены будто бы были въ епископы, а ученики ихъ въ санъ пресвитеровъ и діаконовъ. Замѣтимъ, что послѣднее извѣстіе Италіянской Легенды, т. е. о посвященіи обоихъ Славянскихъ Апостоловъ въ санъ епископовъ въ это именно время, и будто бы въ благодарность за перенесеніе въ Римъ мощей св. Климента, составляетъ единственный, относящійся собственно къ жизни Славянскихъ Апостоловъ фактъ, который не находитъ для себя объясненія въ Славянскомъ Житіи Кирилла. Наконецъ, послѣднюю часть Италіянской Легенды (§ 11 и 12) составляетъ разсказъ о кончинѣ и погребеніи св. Кирилла. Этотъ разсказъ почти съ начала до конца есть буквальный переводъ XVII-й т. е. послѣдней главы Славянскаго Житія. Формальный излишекъ противъ него въ Италіянской Легендѣ составляетъ одна лишь реторическая амплификація просьбы Римскихъ епископовъ къ папѣ объ оставленіи въ Римѣ раки съ тѣломъ св. Кирилла и просьбы самаго Меѳодія о дозволеніи взять ее съ собой, согласно съ завѣщаніемъ матери.

Такимъ образомъ Италіанская Легенда, какъ основанная главнымъ образомъ на Славянскомъ Житіи Кирилла, за исключеніемъ вышеуказаннаго извѣстія о посвященіи обоихъ братьевъ въ епископы, извѣстія, которое, какъ извѣстно, находится въ противорѣчіи какъ съ Паннонскими Житіями, такъ и съ другими памятниками, и слѣд. требуетъ критиче-

скаго разсмотрѣнія, говоримъ, Италіянская Легенда къ общей суммѣ свѣдѣній о жизни Кирилла, сообщаемыхъ намъ Славянскимъ его Житіемъ, не прибавляетъ ровно ничего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ и сдѣлаемъ общіе выводы о методѣ, которой слѣдовалъ ея составитель при сокращеніи Славянскаго Житія. Эта метода совершенно одна и таже, какую употребляли составители позднѣйшихъ кратчайшихъ житій, выбранныхъ ими изъ житій редакціи древнѣйшей и пространнѣйшей. Съ перваго взгляда въ подобныхъ случаяхъ иногда представляется, что кратчайшая редакція сообщаетъ что-то новое, отличное отъ извѣстій, находящихся въ редакціи полнѣйшей, на которой она основана, и по мѣстамъ полнѣе ея; а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что позднѣйшій, а иногда и современный, сократитель, ровно ничего незная новаго о разсказываемомъ событіи, только перифразировалъ, сокращалъ, по своему видоизмѣнялъ, а иногда украшалъ и дополнялъ собственными чисто-логическими соображеніями и размышленіями разсказъ своего источника. Точно тоже видимъ и въ Италіянской Легендѣ. Почти на половину она есть буквальный переводъ Славянскаго Житія, и Кириллова сказанія о перенесеніи мощей св. Климента; а во всемъ остальномъ, за исключеніемъ выше-указанныхъ мѣстъ, мы видимъ или сокращеніе и изложеніе въ общихъ положеніяхъ того, что въ Славянскомъ Житіи разсказывается подробно, или реторическое распространеніе и видоизмѣненіе его показаній, или же наконецъ чисто-лочическіе выводы, сдѣланные авторомъ разсматриваемаго памятника на основаніи общихъ соображеній о событіяхъ, либо на основаніи извѣстій, читающихся въ Славянскомъ Житіи иначе, но по своему понятыхъ сократителемъ. Говоримъ все это потому, что это ведетъ однакожъ иныхъ изслѣдователей жизни Славянскихъ Апостоловъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ, какъ то: заста-

вляетъ находить между Славянскимъ Житіемъ и Италіянской Легендой противорѣчія, которыхъ вовсе не существуетъ, отыскивать въ ней относительно жизни Славянскихъ Апостоловъ будто бы новыя данныя, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ, и которыя именно имѣютъ значеніе частію историческихъ, частію логическихъ выводовъ, какіе сталъ бы дѣлать современный сократитель Славянскаго Житія Кирилла, какъ и всякаго другаго памятника, на основаніи въ немъ же самомъ заключающихся свѣдѣній, на основаніи общаго хода событій и т. п. Для примѣра возьмемъ въ разсмотрѣніе самое важное мѣсто въ обоихъ памятникахъ о посольствѣ Моравлянъ и о дѣятельности Апостоловъ въ Моравіи (1), замѣтивъ предварительно, что какъ по внѣшнему объему, такъ и по обилію фактовъ разсказъ объ этомъ Славянскаго Житія въ четыре раза полнѣе разсказа Италіянской Легенды, и что мы, разумѣется, будемъ говорить о тѣхъ показаніяхъ, которыя есть въ томъ и другомъ сказаніи.

Въ самомъ началѣ этого разсказа, въ Италіянской Легендѣ, дошедшій до Ростислава слухъ о томъ, „что сдѣлано Философомъ въ странѣ Хозарской“, представляется причиною, по крайней мѣрѣ поводомъ къ посольству, отправленному въ Константинополь славянскимъ Княземъ. Въ Славянскомъ Житіи между тѣмъ о причинѣ посольства не говорится ни слова; поэтому указаніе Италіянской Легенды можетъ представиться извѣстіемъ самостоятельнымъ, какъ и дѣйствительно понимаютъ это нѣкоторые изслѣдователи. А между мѣмъ приведенная фраза употреблена въ Италіянской Легендѣ только для логической, или точнѣе для реторической связи послѣдующаго съ предыдущимъ, гдѣ именно

(1) Житіе Кир. Гл. XIV-XV. Ит. Легенда § 7.

говорится о результатахъ дѣятельности Кирилла у Хозаровъ, и основана на общихъ соображеніяхъ о событіяхъ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ, по Славянскому Житію, Ростиславъ предъ отправленіемъ посольства „съвѣтъ сътвори съ князи своими Моравляны“. Это извѣстіе разумѣется даетъ право заключать, что посольство въ Константинополь было не отъ одного Ростислава, но въ немъ принимали участіе и другіе славянскіе князья, что подтверждается Славянскимъ Житіемъ Меѳодія, свидѣтельствомъ Нестора и проч. Составитель Италіянской Легенды, приведенное извѣстіе Славянскаго Житія перифразировалъ такимъ образомъ: „Ростиславъ, посовѣтывавшись съ народомъ своимъ“ и т. д... Послѣдняя фраза употреблена авторомъ Италіянской Легенды очевидно для краткости. А между тѣмъ она подала поводъ къ спорамъ, какъ самостоятельное извѣстіе, и нѣкоторые ученые на основаніи ея стараются доказать, что посольство было отъ одного Ростислава. Далѣе, въ Паннонскомъ Житіи передается извлеченіе изъ письма Ростислава, который пишетъ къ Императору: „учителя не имамы таковаго, иже ны бы въ свой езыкъ истинную вѣру христіяньскую сказалъ“. Это мѣсто, очень важное при рѣшеніи вопроса о томъ, за чѣмъ именно были вызваны въ Моравію, и что тамъ дѣлали Славянскіе Апостолы въ первые три года, — мѣсто совершенно ясное въ связи съ послѣдующимъ разсказомъ славянскаго біографа Кирилла, въ Италіянской Легендѣ передано такимъ образомъ: „Мы, говоритъ Ростиславъ, не имѣемъ такаго учителя, который бы научилъ ихъ *читать* и совершенному закону“, и за тѣмъ опущено все, что въ Славянскомъ Житіи далѣе говорится о разговорѣ Кирилла съ Императоромъ. Выраженіе *читать* очевидно употреблено здѣсь сократителемъ Славянскаго Житія во первыхъ на основаніи общаго соображенія, что для приготовленія священнослужителей

Славянскіе Апостолы должны были прежде всего собрать дѣтей, и учить ихъ читать по Славянски, во вторыхъ потому, что въ Славянскомъ Житіи относительно дѣятельности Кирилла въ Моравіи именно говорится между прочимъ далѣе (XV.), что онъ, собравъ учениковъ „вьдасть ихъ учити“. Дѣло такимъ образомъ объясняется очень просто, и свидѣтельство Италіянской Легенды при рѣшеніи вышеупомянутаго вопроса принимать въ расчетъ какъ что то новое, было бы очень странно. Между тѣмъ Гинцель на основаніи приведенной фразы ad legendum, въ своихъ видахъ, старается доказать, что дѣятельность Апостоловъ въ первое пребываніе ихъ въ Моравіи ограничивалась только обученіемъ дѣтей чтенію и письму.

Приведемъ еще примѣръ: слова славянскаго біографа о прибытіи Апостоловъ въ Моравію: „съ великою чьстію пріеть его (Кирилла) Растиславь (XV)“ сочинитель Италіянской Легенды распространилъ и украсилъ такимъ образомъ: „когда же съ Божіею помощію они (Апостолы) пришли въ тѣ страны, то жители мѣста того, узнавши о приходѣ ихъ, очень обрадовались, ибо слышали, что они *принесли съ собою мощи св. Климента и Евангеліе, переведенное упомянутымъ философомъ на ихъ языкъ*“... и т. д. И такъ въ Италіянской Легендѣ сообщаются здѣсь повидимому два совершенно новыхъ извѣстія, т. е. во 1-хъ о принесеніи Апостолами въ Моравію мощей св. Климента, и во 2-хъ о принесеніи туда готоваго уже Евангелія. Между тѣмъ первое указаніе основано на простомъ соображеніи, что мощи Климента, перенесенныя впослѣдствіи Апостолами изъ Моравіи въ Римъ, разумѣется прежде взяты были ими въ Моравію, о чемъ сочинитель Италіянской Легенды считалъ нужнымъ упомянуть, какъ о предметѣ, составлявшемъ главную цѣль его разсказа; что же касается до извѣстія о принесеніи въ Моравію готоваго уже Евангелія,

то это извѣстіе есть выводъ изъ предыдущаго мѣста Славянскаго Житія, гдѣ именно говорится, что Кириллъ еще въ Константинополѣ началъ переводить Евангеліе. Вотъ почему въ спорѣ о томъ, окончилъ ли св. Кириллъ переводъ Евангелія, бывши въ Константинополѣ, или это сдѣлано имъ уже по прибытіи въ Моравію, по нашему мнѣнію нельзя брать въ расчетъ приведенное извѣстіе, какъ самостоятельное свидѣтельство, что дѣлаетъ Гинцель, когда говоритъ противъ мнѣнія объ окончаніи перевода Евангелія Кирилломъ уже въ Моравіи (р 37). Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, въ Славянскомъ Житіи подробно говорится объ учрежденіи Апостолами въ Моравіи славянскаго богослуженія: „вьскорѣ же вьсь црьковныи чинь пріемь, научи е утрьници и часовомь и вечерни и павечерници и таинѣи службѣ (литургіи)“..., и потомъ исчисляются подробно заблужденія, которыя они нашли у Моравцевъ. Въ Италіянской Легендѣ все это передано краткою фразою: „начали (Апостолы) устроять церковныя службы, (officia ecclesiastica), и истреблять заблужденія, которыя нашли въ народѣ“. Здѣсь извѣстіе объ учрежденіи церковныхъ службъ (т. е. какія именно учреждены были службы) въ связи съ Славянскимъ Житіемъ совершенно ясно: очевидно, что сократитель его не хотѣлъ изсчислять подробно ни службъ, ни заблужденій, а употребилъ общую фразу. Между тѣмъ Гинцель, на основаніи указаннаго мѣста Италіянской Легенды, старается доказать, что братья въ первое пребываніе свое въ Моравіи вовсе не учреждали никакихъ церковныхъ службъ, а установили только одни *часы*, давая такое именно толкованіе вышеприведенной фразѣ: „officia ecclesiastica.“(1)

(1) Geschichte der Slavenap. Ginzel. p. 40 и 41. Замѣтимъ, что Гинцель здѣсь обращается даже съ своимъ собственнымъ

Въ другихъ мѣстахъ своего разсказа о св. Кириллѣ, сочинитель Италіянской Легенды дѣйствовалъ по той же самой методѣ, т. е. тамъ, гдѣ не выписывалъ буквально, показанія Славянскаго Житія онъ сокращалъ, перифразировалъ, распространялъ, украшалъ, или дополнялъ собственными соображеніями. Всего удивительнѣй, что сократитель, за исключеніемъ вышеупомянутаго единственнаго извѣстія, не передаетъ намъ никакихъ своихъ собственныхъ свѣдѣній даже относительно пребыванія Апостоловъ въ Римѣ, т. е. свѣдѣній, относящихся собственно къ жизни Славянскихъ Апостоловъ; а отсюда невольно раждается сомнѣніе, дѣйствительно ли Италіянская Легенда писана современникомъ Кирилла, т. е. епископомъ Гавдерикомъ, по крайней мѣрѣ дѣйствительно ли онъ былъ въ Римѣ во время пребыванія тамъ Славянскихъ Апостоловъ, и указаніе славянскаго біографа Кирилла о епископѣ *Гондрихѣ* (XVII) можно ли

привиллигированнымъ источникомъ слишкомъ не добросовѣстно; онъ намѣренно выпустилъ изъ виду не только другія указанія Италіянской Легенды, но и то обстоятельство, что слово officium, которое онъ переводитъ словомъ *часы*, стоитъ въ числѣ множественномъ officia; а въ этой формѣ это слово ужъ никакъ нельзя перевесть словомъ *часы*. И такъ въ этомъ случаѣ, даже съ точки зрѣнія Гинцеля, за нимъ остается одно, придуманное имъ по особенному способу, доказательство, именно, что Апостолы безъ дозволенія папы и пассавскаго архіепископа не рѣшились бы, и не должны были осмѣлиться учредить славянскую литургію, какъ будто имъ и нужно было это дозволеніе, когда на ихъ сторонѣ былъ самъ князь. А какъ дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ славянскіе князья видно изъ извѣстія Славянскаго Житія Меѳодія о Святополкѣ, который въ 874 году прогналъ изъ своей земли всѣхъ латинскихъ священниковъ, во все не обративши вниманія на то, понравится ли это Апостольскому Престолу.

относить именно къ нему? Если бъ это было такъ, то Гавдерику во все не было бы нужды буквально переводить изъ Славянскаго Житія напр. находящійся въ немъ разсказъ о кончинѣ и погребеніи Кирилла, какъ это дѣйствительно видимъ въ Легендѣ. Во всякомъ случаѣ все, сказанное нами объ отношеніи Италіянской Легенды къ Славянскому Житію Кирилла, надѣемся, доказываетъ, какъ важно было бы для науки, еслибы кто изъ знатоковъ славянской древности взялъ на себя трудъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія ея въ связи съ послѣднимъ памятникомъ,—какъ это напримѣръ сдѣлано Добровскимъ съ Легендою Моравской. Мы увѣрены, что тогда изслѣдователямъ жизни Кирилла и Меѳодія не было бы нужды примирять ея мнимыя quasi-самостоятельныя показанія съ показаніями напр. Паннонскихъ Житій и другихъ памятниковъ, объяснять противорѣчія, дѣлать разныя, совершенно излишнія, оговорки, дополненія и проч., что̀ все теперь такъ много занимаетъ мѣста въ изслѣдованіяхъ объ эпохѣ Кирилла и Меѳодія и о нихъ самихъ. Тогда даже стали бы рѣдко упоминать и приводить ея свидѣтельства, какъ теперь, послѣ разбора Добровскаго, рѣдко ссылаются на Моравскую Легенду, такъ же когда-то пользовавшуюся большимъ авторитетомъ.

Послѣ всего сказаннаго, мы не знаемъ, нужно ли говорить о другомъ вышеприведенномъ предположеніи автора изслѣдованія „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, сдѣланномъ имъ для объясненія сходства между Италіянскою Легендою и Славянскимъ Житіемъ Кирилла,—предположеніи, по которому не послѣднее послужило основаніемъ для первой, а наоборотъ Славянское Житіе могло быть распространеніемъ сказанія Латинскаго, приписываемаго Гавдерику, и дополнено лишь второстепенными свѣдѣніями

о томъ, что заключалось уже въ разсказѣ Гавдерика. Намъ кажется, что это предположеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдержать соперничества съ предъидущимъ предположеніемъ тогоже автора. И во первыхъ, исходя изъ того положенія, что Славянское Житіе писано ученикомъ Славянскихъ Апостоловъ, который разумѣется зналъ жизнь своего учителя лучше Гавдерика, ужъ конечно нельзя придти къ тому заключенію, чтобы этотъ ученикъ, Климентъ, или другой кто, для изображенія жизни своего учителя имѣлъ нужду, и взялъ въ пособіе такой сухой и тощій очеркъ жизни св. Кирилла, какимъ представляется въ сравненіи съ Славянскимъ Житіемъ Италіянская Легенда;—тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы онъ сталъ повторять буквально свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ очеркѣ. Если автору Славянскаго Житія извѣстны были относительно жизни Кирилла даже мелкія подробности, то онъ разумѣется знакомъ былъ съ общими ея фактами, которые передаются въ Италіянской Легендѣ. Но забудемъ это обстоятельство и будемъ судить по одному содержанію свѣдѣній, заключающихся въ томъ и другомъ памятникѣ, и по общему впечатлѣнію, какое они производятъ на читателя. Въ этомъ отношеніи, съ одной стороны прежде всего бросается въ глаза необыкновенная полнота, необыкновенное обиліе фактовъ, заключающихся въ Славянскомъ Житіи, представляющемъ полную картину жизни Кирилла отъ его рожденія до кончины, со всѣми даже мелочными подробностями; съ другой стороны изложеніе только общихъ фактовъ, отсутствіе подробностей и вообще сравнительная скудость свѣдѣній, передаваемыхъ Италіянскою Легендою, которая въ пять разъ меньше Славянскаго Житія какъ по внѣшнему объему, такъ и по общей суммѣ извѣстій. Съ одной стороны мы слышимъ разсказъ живой, безъискуственный, основанный на самомъ близкомъ знакомствѣ съ повѣствуемымъ, и явно идущій

изъ первыхъ рукъ,—разсказъ, чуждый всякихъ поэтическихъ и риторическихъ украшеній, а равно и собственныхъ размышленій автора, что все обыкновенно является за недостаткомъ фактическихъ свѣдѣній повѣствователя о событіяхъ; съ другой, т. е. въ Италіянской Легендѣ, какъ выше замѣчено было, видимъ все это на оборотъ. И во первыхъ здѣсь вовсе не видно близкаго знакомства автора съ предметомъ его разсказа; по мѣстамъ встрѣчаются риторическія распространенія, украшенія, а самый разсказъ носитъ на себѣ отвлеченный колоритъ. Систематическая строгость и порядокъ разсказа также показываетъ, что тутъ работала голова на основаніи данныхъ матеріаловъ. Кромѣ того, какъ показало сличеніе, авторъ въ первой половинѣ своего разсказа, гдѣ говоритъ объ открытіи мощей св. Климента, воспользовался рукописнымъ источникомъ, т. е. сказаніемъ Кирилла объ этомъ событіи, выписавъ изъ него многое буквально. Далѣе, вторая, большая, половина разсматриваемаго памятника находится въ близкомъ отношеніи съ Славянскимъ Житіемъ Кирилла, такъ что заимствованіе однимъ у другаго, какъ выражается авторъ изслѣдованія о времени происхожденія славянскихъ письменъ, яснѣе солнечнаго дня. При такомъ положеніи дѣла намъ кажется не трудно выбирать между заключеніями, кто у кого заимствовалъ. Ясно, что полнѣйшее сказаніе служило основаніемъ кратчайшаго, т. е. Италіянская Легенда основана на Славянскомъ Житіи.

Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: сейчасъ высказанное нами положеніе, что изъ двухъ сказаній, которыхъ близость другъ къ другу доходитъ до буквальнаго сходства, полнѣйшее должно служить основою для кратчайшаго,—это положеніе, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ тѣмъ родомъ памятниковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ разсматриваемые нами, не всегда оказывается вѣрнымъ: случается часто,

даже большею частію, совершенно на оборотъ, т. е. кратчайшее сказаніе служитъ основаніемъ полнѣйшаго. Въ такомъ другъ къ другу отношеніи находятся большая часть среднѣвѣковыхъ сказаній о жизни святыхъ: въ первоначальной ихъ редакціи мы находимъ только общіе факты; въ позднѣйшихъ же являются подробности, все болѣе и болѣе накопляющіяся съ теченіемъ вѣковъ. Для примѣра укажемъ на взаимныя отношенія разныхъ сказаній объ извѣстной Кельнской Святой, Урсулѣ. Да и между позднѣйшими сказаніями о Славянскихъ Апостолахъ есть такія, въ которыхъ о разныхъ случаяхъ въ ихъ жизни передается больше подробностей, нежели въ Паннонскихъ Житіяхъ, хотя по всему ясно, что основою этихъ подробностей служили извѣстія, сообщаемыя послѣдними памятниками. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ подробности, передаваемыя въ позднѣйшей редакціи сказанія вовсе не составляютъ новыхъ историческихъ данныхъ, а суть только поэтическое развитіе фактовъ, заключавшихся въ общихъ чертахъ въ первоначальной редакціи того же сказанія, украшеннаго впослѣдствіи поэтическими вымыслами и преданіями. Казалось бы, что подобнаго рода объясненіе можно приложить и къ отношеніямъ Славянскаго Житія Кирилла къ Италіянской Легендѣ. Но на такое объясненіе согласиться никакъ нельзя; потому что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего аналогическаго съ тѣми литературными явленіями, о которыхъ сказано было выше. Въ Славянскомъ Житіи не только передаются подробно тѣ свѣдѣнія, о которыхъ говорится въ общихъ чертахъ въ Италіянской Легендѣ; но кромѣ того разсказывается множество событій изъ жизни Кирилла совершенно новыхъ, о которыхъ тамъ нѣтъ и помину. Таковы извѣстія о воспитаніи Кирилла, подробности о его путешествіи къ Сарацинамъ, о преніяхъ въ Хозаріи и въ Венеціи, и вообще о его служеніи до Моравской миссіи; таково наконецъ извѣстіе

объ изобрѣтеніи славянской азбуки. Съ другой стороны, внутренній характеръ Славянскаго Житія, характеръ чисто историческій, а отнюдь не поэтическій, о чемъ мы уже говорили, никакъ не можетъ благопріятствовать подобному заключенію. Не забудемъ при этомъ, что оба разсматриваемые памятники современны другъ другу, а выше объясненныя отношенія существуютъ обыкновенно между памятниками, раздѣленными между собою однимъ, или нѣсколькими столѣтіями. Впрочемъ, если угодно, эти отношенія дѣйствительно существуютъ между разсматриваемыми памятниками, но только совершенно въ обратномъ смыслѣ; т. е. не Славянское Житіе есть развитіе Латинскаго, а на оборотъ, какъ уже замѣчено было, Латинское, по мѣстамъ, есть развитіе Славянскаго. Доказательствомъ могутъ служить тѣ случаи, гдѣ сократитель взятыя имъ изъ Славянскаго Житія свѣдѣнія дополняетъ собственными соображеніями и объясненіями въ родѣ напр. того, какое читаемъ въ первыхъ же строкахъ Италіянской Легенды, гдѣ авторъ ея объясняетъ читателю (и нужно замѣтить—даже невѣрно), почему Кириллъ прозванъ Философомъ, или въ родѣ тѣхъ мнимодополнительныхъ свѣдѣній, на которыя мы указали выше.

Послѣднее обстоятельство, т. е. что Италіянская Легенда по мѣстамъ представляется полнѣе Славянской, и потомъ передаетъ дѣйствительно нѣсколько новыхъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ послѣдней, именно о преемствѣ папъ, о общемъ восторгѣ въ Римѣ по поводу принесенія туда мощей св. Климента, и о посвященіи обоихъ братьевъ въ епископы—это обстоятельство, по нашему мнѣнію можетъ служить новымъ доказательствомъ, что Славянское сказаніе не могло быть основано на Латинскомъ; потому что въ противномъ случаѣ Славянскій біографъ Кирилла, обработывая его жизнеописаніе по обширному плану, безъ сомнѣнія

не сталъ бы сокращать свой источникъ, по крайней мѣрѣ не опустилъ бы такого важнаго извѣстія, каково посвященіе братьевъ въ епископы.

Но можетъ быть оба автора пользовались одними и тѣми же источниками, а отселѣ произошло и сходство ихъ сочиненій? Но гдѣ эти источники? Пока ихъ еще не открыто. Да и трудно надѣяться на что либо подобное. И то и другое сказаніе принадлежатъ современникамъ Кирилла; а послѣ этого можно ли предполагать, чтобы существовало жизнеописаніе его древнѣе обоихъ разсматриваемыхъ памятниковъ? Притомъ же изъ дѣла открывается, что тамъ, гдѣ оба автора дѣйствительно пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, т. е. Сказаніемъ Кирилла объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго, къ удивленію нашему между произведеніями ихъ мы не находимъ ни малѣйшаго сходства. Что же касается до сходства ихъ въ описаніи Хозарской миссіи Кирилла; то, каково бы ни было по содержанію своему не дошедшее до насъ сочиненіе Кирилла о его путешествіи къ Хозарамъ, это сходство объясняется какъ нельзя удовлетворительнѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь сочинитель Италіянской Легенды, какъ будто для того, чтобы не привести въ заблужденіе позднѣйшихъ критиковъ, какъ нарочно держался ближе къ Славянскому Житію Кирилла, выписавъ разсказъ его буквально и не прибавивъ съ своей стороны ни одной черты. Отъ этого никакія другія предположенія для объясненія происхожденія этого мѣста Латинскаго сказанія рѣшительно невозможны. Вотъ почему мы даже на одну минуту не можемъ допустить третьяго предположенія г. Бодянскаго, что Гавдерикъ для значительной части своего сочиненія, какъ и сочинитель Славянскаго Житія Кирилла, пользовался вышеупомянутымъ повѣствованіемъ послѣдняго о его Хозарской миссіи.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что мы такъ много дали мѣста разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній обоихъ памятниковъ, и вообще изслѣдованію такъ называемыхъ Паннонскихъ Житій Славянскихъ Апостоловъ. Дѣло, надѣемся, стоило того, чтобы подвергнуть его подробному разбору. Во первыхъ на Паннонскія Житія доселѣ многіе, преимущественно западные ученые смотрятъ съ какимъ-то подозрѣніемъ, по крайней мѣрѣ не даютъ имъ полнаго права гражданства при изслѣдованіи исторіи Кирилла и Меѳодія, и вообще современной имъ эпохи Славянскаго міра. (¹)

(¹) Что всего удивительнѣе, даже между отечественными учеными есть такіе, которые совершенно игнорируютъ Паннонскія Житія, какъ не стоющія никакого вниманія. Укажемъ въ этомъ случаѣ на изслѣдованіе Мюральта о Византійской Хронологіи (Essai de Chronographie Byzantine. St. Pétersburg. 1853. Не смотря на то, что до выхода этого сочиненія въ свѣтъ о Паннонскихъ Житіяхъ было такъ много писано, и на основаніи ихъ многіе факты въ жизни Славянскихъ Апостоловъ обработаны были иначе (какъ напр. въ біографіи Кирилла и Меѳодія Архіеп. Филарета), въ названномъ изслѣдованіи, при хронологическомъ обзорѣ жизни Славянскихъ Апостоловъ (р. 436—463), о Паннонскихъ Житіяхъ едва упомянуто,—если только авторъ, вообще не точный въ указаніи славянскихъ источниковъ, на стр. 463 подъ именемъ Болгарской Легенды разумѣетъ именно Слав. Житіе Меѳодія, а не другое что. При всемъ томъ однакожъ въ этомъ обзорѣ вездѣ указаны источники (и поименованы даже мелочные изъ нихъ) и позднѣйшіе. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ обзорѣ, при самой обработкѣ данныхъ въ жизни Слав. Апостоловъ и при приурочиваніи ихъ къ тому или другому году, вовсе не приняты въ соображеніе извѣстія Паннонскихъ Житій, и что авторъ вездѣ приводитъ Италіянскую Легенду, какъ основной источникъ для исторіи Кирилла и Меѳодія.

Во вторыхъ, независимо отъ безотносительнаго значенія этихъ памятниковъ, намъ хотѣлось поставить вопросъ о томъ, какое должны имѣть значеніе сообщаемыя ими историческія данныя въ отношеніи къ показаніямъ Италіянской Легенды, пользовавшейся такъ долго неограниченнымъ авторитетомъ, и это до такой степени, что прежде отвергали, а иные изслѣдователи и доселѣ отвергаютъ, свидѣтельства о томъ или другомъ остальныхъ источниковъ для жизни Кирилла и Меѳодія, не исключая и Паннонскихъ Житій, собственно на томъ основаніи, что не находятъ упоминанія объ этомъ въ Италіянской Легендѣ. Надѣемся, что мы, если и не вполнѣ рѣшили этотъ вопросъ, то по крайней мѣрѣ подвинули его къ рѣшенію. Ясно, что Италіанская Легенда должна сойти съ того пьедестала, на которомъ она стояла доселѣ, (а у нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр. въ разсматриваемомъ сочиненіи Гинцеля) стоитъ и доселѣ), въ ряду другихъ памятниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, и уступить мѣсто своему прототипу, Славянскому Житію Кирилла. Ясно, что послѣдній памятникъ вмѣстѣ съ Слав. Житіемъ Меѳодія по всѣмъ правамъ должны занять ту роль, какая доселѣ принадлежала Италіянской Легендѣ, и, какъ источники современные событіямъ и удовлетворяющіе вполнѣ всѣмъ требованіямъ исторической критики, должны служить основою при обработкѣ исторіи Славянскихъ Апостоловъ и критеріумомъ для повѣрки показаній всѣхъ другихъ памятниковъ. Ясно такъ же, что съ этимъ вмѣстѣ должны во всей силѣ исполниться вышеприведенныя слова нашего знаменитаго критика (Шлецера), что „эта Исторія, и все принадлежащее къ ней, должна быть исправлена, дополнена и передѣлана по славянскимъ источникамъ.„ Какъ показываетъ все прежде сказанное нами, эта работа уже начата: въ разсматриваемыхъ нами сочиненіяхъ, и въ особенности въ изслѣдованіяхъ Дюммлера

и О. М. Бодянскаго, многія стороны жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ представлены уже въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это было до открытія Паннонскихъ Житій. Самъ Гинцель, не смотря на свое невѣріе въ нихъ, дѣлаетъ по мѣстамъ уступки ихъ показаніямъ. Будемъ же благодарны и за то, что въ этомъ отношеніи доселѣ сдѣлано.

А. Викторовъ.

СЛОВО

НА ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ [1].

И свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть.

Матѳ. 5, 15.

Нѣкогда св. Апостолъ Павелъ, простираясь съ проповѣдію Евангелія изъ одной страны въ другую, дошелъ до предѣла, который положила природа между двумя частями свѣта,—остановился въ Троадѣ, на берегу пролива, отдѣляющаго Азію отъ Европы. Здѣсь явился ему въ сновидѣніи, повидимому, одинъ изъ жителей Европейскаго берега, Македонянинъ, и звалъ его на помощь къ себѣ въ Македонію. Можетъ быть, то былъ Ангелъ страны Македонской, который чрезъ Апостола желалъ скорѣе даровать своему народу благо спасенія. Апостолъ повиновался призванію: и вы знаете, какими благодатными успѣхами сопровождалась его проповѣдь въ этой странѣ. Церковь Филиппійская и Церковь Солунская, *образецъ всѣмъ вѣрующимъ* (Сол. 1, 7.), *радость и вѣнецъ* Апостола (Филипп. 4, 1.), стоятъ предъ нами въ его писаніяхъ вѣчными памятниками просвѣтительной дѣятельности Учителя языковъ.

---

(1) Говорено къ студентамъ Московской Дух. Академіи Ректоромъ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ, 11 Мая 1863 г.

Пришла другая пора. Ангелъ народовъ Славянскихъ возбудилъ Государей нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ просить помощи у Церкви Греческой, для наставленія и утвержденія ихъ въ вѣрѣ посредствомъ вразумительной для всѣхъ проповѣди и Богослуженія. И на этотъ разъ Церковь Македонская представила Славянамъ равноапостольныхъ дѣятелей, въ лицѣ ублажаемыхъ нынѣ св. Кирилла и Меѳодія, уроженцевъ Солунскихъ.

Не вамъ нужно, и не теперь время—повѣствовать о трудахъ Славянскихъ просвѣтителей. Но при тысящелѣтнемъ воспоминаніи о ихъ подвигахъ, благовременно обратить вниманіе на ихъ значеніе для Церкви, чтобы тѣмъ возбудить въ себѣ живѣйшее чувство ихъ благодѣяній и возблагодарить за нихъ Господа.

Славянскіе просвѣтители дали намъ писмена. Не мое дѣло говорить о важности такой услуги для умственнаго, словеснаго и вообще народнаго образованія. Обращаю вниманіе: на что прежде всего употреблены эти писмена? Имъ ввѣрено слово Евангельское; имъ переданы молитвы Богослуженія. Итакъ, благодаря св. Кириллу и Меѳодію, Славянинъ сталъ слышать на своемъ языкѣ слово Господа, и могъ на своемъ же языкѣ достойно славословить своего Господа: двѣ необходимыя потребности благочестія, безъ удовлетворенія которымъ нѣтъ живаго христіанства. Доказывать это и развивать нѣтъ нужды.

Коль скоро явились слово Божіе и литургія на Слав. языкѣ, долженъ былъ явиться и священникъ—Славянинъ, слѣдов. своя Іерархія у Славянъ: важное условіе для процвѣтанія каждой Церкви въ своемъ народѣ!—И дѣйствительно, первымъ дѣломъ просвѣтителей было пригото-

вить изъ мѣстныхъ жителей разумныхъ служителей алтаря. И скоро въ Моравіи имъ уступили Нѣмецкіе священники, которые, съ своею Латинскою литургіею, хотѣли держать народъ въ невѣжествѣ по отношенію къ вѣрѣ; —въ Болгаріи ученики Кирилла и Меѳодія смѣнили Грековъ: тамъ мы видимъ св. Архіепископа Климента и другихъ сотрудниковъ св. Меѳодія.

Задуманное на такихъ широкихъ и прочныхъ основаніяхъ просвѣщеніе Славянъ не могло обойтись безъ училищъ. Св. Благовѣстники основывали ихъ, гдѣ ни трудились. Эти училища удовлетворяли не только потребностямъ Іерархическимъ, но и послужили разсадникомъ людей образованныхъ, которые, подъ ихъ руководствомъ, могли работать на пользу новооснованной Церкви Славянской. Одни переводили, для назиданія церковнаго и домашняго, слова и житія Святыхъ; другіе передавали догматическія творенія Отцевъ и толкованія на Св. Писаніе; иные сами брались изъяснять Писаніе и защищать истину православія противъ еретиковъ. Замѣчательное обиліемъ такихъ трудовъ первое время Слав. проповѣди показываетъ, какъ благотворна была дѣятельность нашихъ просвѣтителей. И что же переводили?—что имѣла лучшаго христіанская литература Грековъ. Ко временамъ просвѣтителей или близкимъ къ нимъ принадлежитъ переложеніе Богословія св. Іоанна Дамаскина и огласительныхъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго—двухъ твореній, въ которыхъ и ученые и простые могли почерпать точное и отчетливое знаніе истинной вѣры и жизни христіанской. Слова Григорія Богослова, св. Аѳанасія Александрійскаго, Отеческія толкованія на Пророковъ, на Псалтирь: все это быстро передавалось на языкъ новопросвѣщенныхъ народовъ. Святая ревность первоучителей возбуждала къ подражанію и неучившихся у нихъ: одинъ пишетъ изъясне-

ніе повѣствованія о міротвореніи; другой вступаетъ въ борьбу съ Богомилами. Какая жизнь, какая сильная и плодотворная дѣятельность! На землѣ Славянской возгорѣлся тотъ огнь, который Господь пришелъ воврещи на землю.— Юные ревнители просвѣщенія Богословскаго и друзья любомудрія! Обращали ли вы когда нибудь вниманіе на эти первоначальные памятники духовнаго просвѣщенія Славянъ? Въ нихъ полагалось начало языку Богословскому и философскому,—и вы, конечно, съ удовольствіемъ замѣтили бы, какъ постепенно выработывались наши теперь установившіеся термины для предметовъ отвлеченныхъ и до христіанства Славянамъ неизвѣстныхъ. Укажу вамъ на два примѣра, которые вмѣстѣ покажутъ, съ какимъ вниманіемъ и разборчивостію дѣйствовали просвѣщенные переводчики. Въ Греческихъ произведеніяхъ нерѣдко встрѣчали они слово: Божественный въ примѣненіи къ предметамъ и дѣйствіямъ не собственно Божіимъ: чтобы не смѣшать понятій въ новопросвѣщенныхъ христіанахъ, они употребляли вмѣсто этаго слова: великій, святый. Для означенія добродѣтели чаще употребляли: добровольство, добронравіе, добрый нравъ, доброта,—какъ видно, полагая, что сущность добродѣтели состоитъ не во внѣшней дѣятельности, но въ благоустроеніи воли и нрава.—Но св. просвѣтители имѣли дѣло не съ школою только, а еще болѣе съ народомъ: съ нимъ они должны были говорить особеннымъ языкомъ, чтобы дѣйствовать на него успѣшнѣе. Жизнеописатель св. Кирилла замѣчаетъ, что онъ особенно владѣлъ искусствомъ излагать народу свои наставленія наглядно, въ притчахъ. Это мудрое подражаніе способу ученія Евангельскому, конечно, не утратило своего значенія и въ настоящее время, въ приложеніи къ народу, непривыкшему къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ. Такимъ сближеніемъ съ народомъ Слав. просвѣтители совершенно овладѣвали его вниманіемъ.

Но призванные трудиться собственно для крещенныхъ въ вѣру христіанскую св. Кириллъ и Меѳодій своею ревностію, своею проповѣдію, своимъ разумнымъ Богослуженіемъ привлекали къ себѣ и множество невѣрующихъ и приводили ихъ къ вѣрѣ. Многихъ крестили они въ Моравіи и областяхъ ей подчиненныхъ; св. Меѳодій проповѣдалъ Евангеліе и въ землѣ Чешской и обратилъ князя ея. Ихъ примѣръ, ихъ труды въ переводѣ св. книгъ много облегчили успѣхи проповѣди между Славянскими народами и въ послѣдующія времена. Намъ не навязывали непонятной литургіи, какъ Нѣмецкіе проповѣдники Славянамъ въ сѣв. Германіи, и мы безъ упорства, свободно покорялись проповѣди, разумно предлагаемой. Примѣръ Славянскихъ просвѣтителей сталъ предметомъ подражанія у насъ и для распространителей Евангелія между другими племенами. Также дѣйствовали св. Стефанъ въ Перми, Ѳеодоритъ въ Лапландіи, и другіе позднѣйшіе благовѣствователи у инородцевъ, даже до современныхъ намъ дѣятелей среди Монголовъ, Якутовъ и на берегахъ сѣв. Америки.

Вводя такимъ образомъ у Славянскихъ народовъ слово Божіе и литургію на общепонятномъ языкѣ, святые просвѣтители наши, можетъ быть, сами не сознавая того, рѣшали вопросъ о нашемъ православіи, о нашей будущности. Тогда уже разгарался споръ между Восточною и Западною Церквами, возбужденный притязаніями властолюбія и своеволіемъ суемудрія владыкъ Западныхъ. Св. Кириллъ былъ ученикъ бл. Патріарха Фотія, который сталъ на защиту и православія и правъ Церкви Восточной. Дѣйствуя въ области, независимой отъ Конст. Патріарха, но подлежавшей верховному завѣдыванію Римскаго престола, Славянскіе просвѣтители должны были наблюдать крайнюю осторожность, чтобы не вооружить противъ себя

власть Рима, въ ущербъ Евангелію: но съ другой стороны они чувствовали долгъ быть вѣрными истинѣ православія,— и они ни однимъ словомъ не измѣнили его строгости: свидѣтель тому ихъ Исповѣданіе вѣры. Этою твердостію они удержали за православіемъ и просвѣщенные ими народы, и только насиліе впослѣдствіи могло отторгнуть отъ него нѣкоторыя области. Неразумное гоненіе, поднятое Церковію Римскою противъ Славянской литургіи, еще болѣе расположило Славянскія племена бояться сближенія съ Западомъ и дорожить богомудрою свободою православія Восточнаго. Такъ св. просвѣтители наши опредѣлили на вѣкъ нашу исторію, наше духовное развитіе, наше спасеніе.

Но нашу ли только исторію?—Чья рука, по какому тайному побужденію, вписала имена св. Кирилла и Меѳодія на скрижаляхъ церковныхъ въ нынѣшній именно день, въ день, когда Церковь Греческая воспоминаетъ обновленіе Царяграда? Это не день кончины св. Кирилла, не день кончины св. Меѳодія. Древніе памятники Слав. Богослуженія также нигдѣ не указываютъ на это число, какъ на день общей ихъ памяти. Что же это значитъ: „обновленіе Царьграда“, и рядомъ съ нимъ память „пр. Меѳодія и Константина, нареченнаго Кирилла, Епископовъ Моравскихъ?“ Что это? случайное ли совпаденіе,—или изъясненіе исторіи, показывающее въ совершившемся обращеніи племенъ Славянскихъ къ Церкви Восточной духовное обновленіе Царьграда,—или это еще пророчество о будущемъ?

Предоставляя разгадывать это, кому угодно, съ своей стороны прибавлю, что дѣло св. Кирилла и Меѳодія еще не кончено. Ихъ проповѣдь вызвала къ бытію самостоятельную Слав. Іерархію: а нѣкоторыя племена, въ

годы бѣдствій потерявшія этотъ залогъ процвѣтанія церковнаго, къ несчастію, донынѣ не могутъ добиться признанія за ними этого священнаго права... Но что говорить объ отдаленномъ? Все ли у насъ совершено? Св. Кириллъ и Меѳодій передали намъ слово Божіе въ переводѣ съ Греческаго на общедоступный намъ языкъ. Начало ими принятое должно было со временемъ вести къ переложенію Еврейскихъ книгъ Писанія съ Еврейскаго языка: а мы только еще принимаемся за исполненіе этого дѣла. Трудами св. Кирилла и Меѳодія и ихъ послѣдователей положено начало разработкѣ науки Богословской въ разныхъ ея отрасляхъ. По тысящелѣтнему ея возрасту надлежало бы ожидать болѣе самостоятельности въ ея развитіи... О, много еще нужно ревности, много совокупныхъ усилій многихъ, чтобы достойно продолжать дѣло св. просвѣтителей. Невольно припоминается здѣсь предсмертное слово св. Кирилла. Застигнутый смертною болѣзнію еще во цвѣтѣ лѣтъ, почти въ началѣ своихъ трудовъ среди Славянъ, но уже успѣвъ получить отъ первосвященника Римскаго благословеніе пѣть литургію на Слав. языкѣ,-въ виду множества другихъ предстоявшихъ работъ, онъ трогательно прощался съ своимъ братомъ, въ которомъ подозрѣвалъ, по его склонности къ уединеннымъ иноческимъ подвигамъ, намѣреніе возвратиться въ свой прежній монастырь. „Мы съ тобою, говорилъ онъ Меѳодію, какъ два вола, вели одну борозду. И я падаю на своей чертѣ; день мой кончился. А ты не вздумай оставить труды ученія, чтобы удалиться въ свою любимую гору (Олимпъ). Нѣтъ, здѣсь (среди Славянъ) скорѣе ты можешъ обрѣсти спасеніе“.—Это завѣщаніе святой ревности не отзывается ли самымъ сильнымъ возбужденіемъ въ душѣ каждаго изъ призванныхъ и вновь призываемыхъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго просвѣщенія?

Заключу мое слово, сложившееся все изъ воспоминаній, еще однимъ воспоминаніемъ, которое вмѣстѣ будетъ и молитвою. Между древними молитвословіями церковно-славянскихъ книгъ сохранилось одно „при началѣ ученія“, въ которомъ Іерей молится о отрочати: „дай же ему, Господи, отъ Давидова разума, отъ Соломони премудрости, и отъ Кирилловы хитрости. Дай же ему стояніе съ Іереи и со всѣми святыми Твоими.“ Изъ послѣднихъ словъ видно, что цѣль ученія поставляется въ приготовленіи къ Іерейству, чтобы въ этомъ св. санѣ служить своему и другихъ спасенію. Для сего испрашивается отъ Бога дарованіе разума Давидова, премудрости Соломоновой, и хитрости, т. е. остроты ума мудраго учителя Славянъ Кирилла. Да будетъ же это прошеніе постояннымъ желаніемъ и предметомъ молитвы для каждаго изъ насъ. Аминь.

ВЪ ПАМЯТЬ

ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСТВА.

I.

Дѣло Кирилла и Меѳодія, какъ извѣстно людямъ, принимающимъ живое участіе въ судьбѣ Славянства, но, къ сожалѣнію, безвѣстно читающему большинству, и въ особенности Русскому, не есть только дѣло одной *грамоты*, впервые изобрѣтенной для Славянъ Кирилломъ; не есть дѣло даже одной *письменности*, которая однако заняла оттуда свое начало, и дала Славянамъ возможность, при первыхъ шагахъ положительной исторіи, заявить о самихъ себѣ своимъ собственнымъ языкомъ, выразить своимъ словомъ свою мысль, свой характеръ, свои воззрѣнія, все существо свое, пересказать внутреннія событія своего сложившагося народнаго духа и движеніе сего развитія среди внѣшнихъ событій, подлежащихъ бытописанію. Это не одна только *книга*, хотя бы великая книга Библіи, хотя бы масса книгъ Богослужебныхъ, Отеческихъ и учительныхъ, переведенныхъ дружными братьями, распространенныхъ ихъ друзьями, учениками и послѣдователями. Мало было бы сказать, что это однѣ только *самостоятельныя произведенія*, въ которыхъ, съ эпохи и примѣра Первоучителей, началось своеобразное творчество Славянскаго народнаго генія, откуда пошли Болгарскія, Сербскія и Русскія лѣтописи, заговорилъ

нашъ Несторъ, потянулся длинный рядъ сочиненій, нынѣ образовавшихъ Славянскую литературу, возникли безчисленныя Кирилловскія рукописи, двинулась четырехсотлѣтняя работа Славянскихъ типографскихъ становъ, наполнились обширнѣйшія книгохранилища, на храненіе всего былаго, въ наслѣдіе каждой смѣнявшейся эпохи и всему будущему поколѣнію Славянства. Потому это дѣло не есть дѣло одного только *поученія* или *изученія*, дѣло не одной книги и не одного кабинета, не ученической лишь скамьи и не ученой лишь каѳедры. Это дѣло всего Славянскаго *просвѣщенія*, основаннаго первыми Просвѣтителями Славянства, во сколько просвѣщеніе шире, выше и глубже ученой образованности, наука обширнѣе книги, жизнь, дающая стихіи духовному просвѣщенію, и сама питающаяся ими въ дальнѣйшемъ возрастаніи, неизмѣримо обильнѣе всякой книжной образованности, всякой спеціальной науки и высшихъ ея органовъ, университетовъ и академій, и всѣхъ библіотекъ и архивовъ вмѣстѣ. А таково именно было дѣло просвѣщенія Славянскаго, въ томъ видѣ и въ ту эпоху, когда оно получило себѣ основу и первое спеціальное выраженіе въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, во второй половинѣ IX вѣка: какъ ни велико дѣло изобрѣтенія народной грамоты, и какъ ни знаменательно для каждаго народа зачало его письменности, все это взято было какъ одно лишь орудіе, и получило смыслъ одного лишь средства. На сихъ основахъ, и съ сими средствами, дѣло просвѣщенія охватило тогда собою все Славянство, и не въ общихъ или отвлеченныхъ чертахъ, а въ живыхъ представителяхъ тогдашняго Славянскаго міра, въ типическихъ и крупнѣйшихъ его лицахъ въ вѣтви Болгарской, у которой зародилось, и гдѣ послѣ величественно разцвѣло; по Дунаю, гдѣ шли Первоучители между Болгарскими поселеніями; въ Моравіи, гдѣ они со средоточили всю силу лучшей поры дѣятельности;

въ странѣ нынѣшнихъ Словенцевъ, Чеховъ, Лужичанъ, Поляковъ, преимущественно округи Краковской, Венгерскихъ Словаковъ, куда, по окраинамъ обширнаго Моравскаго государства, быстро и одновременно проникли лучи новаго просвѣщенія; въ Сербіи, спѣшившей къ долѣ общаго дѣла, и принявшей его подъ кровъ своего могущества изъ рукъ ослабѣвшей скоро Болгаріи; наконецъ на югѣ нынѣшней Руси, гдѣ Кириллъ сѣялъ неумирающія сѣмена своей проповѣди въ Херсонѣ, куда приходилъ потомъ Владиміръ, чтобы завоевать ключи новоявленнаго свѣта, откуда пробирались къ намъ Болгаре съ новою грамотою, новыми книгами, Христіанскою Службою, Славянскимъ церковнымъ пѣніемъ, и откуду нашъ Несторъ почерпнулъ горячо выраженное имъ убѣжденіе, что, при единствѣ грамоты, Славяне единъ языкъ и народъ, а Русь есть часть сего великаго единства: „Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ—Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри (которыхъ поплѣнили Мадьяры), и Марава, Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены (впервые переведены) книги (въ) Маравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ. А Словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ... Языкъ Словѣньскый бѣ имъ единъ.“ Новое Славянское просвѣщеніе, въ эпоху, о коей идетъ рѣчь, достойное называться „Кирилловскимъ,“ какъ прозвана „Кирилловскою“ и грамота, и вся письменность, оттолѣ возникшая, заключало въ себѣ всѣ черты истиннаго, дѣйствительнаго просвѣщенія. Мы видѣли его *всеобщность*, для всѣхъ тогдашнихъ Славянъ, оставшихся и понынѣ представителями Славянства. Оно же было источникомъ и символомъ ихъ *единства;* не нашъ только Несторъ, и не въ послѣдствіи, а тогда же, и мгновенно, и всѣ вѣтви Славянства почувствовали свое общее единство, коренное

единство племени, за тѣмъ единство языка, выражавшаго собою единство народныхъ стихій, и послужившаго вскорѣ средствомъ выраженія новому, высшему единству духовному: все это совершилось первоначально черезъ посредство грамоты, порожденной ею письменности и вызваннаго творчества. Единство не только *оказалось*, какъ готовое, какъ данное основами прежней пройденной жозни: оно было впервые тогда *сознано*, сознательно высказано, и повело Славянъ къ совокупной *дѣятельности* на пути ихъ общаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Потому просвѣщеніе, о которомъ говоримъ мы, явилось *сознательнымъ* и *дѣятельнымъ*. Излишне прибавлять, что оно было *жизненно:* его интересами мгновенно и быстро завлечены были въ общую Славянскую жизнь цѣлыя страны, большая половина тогдашней Европы, отъ Царяграда, гдѣ положены первыя основы изобрѣтенію грамоты, откуда возбуждали, Кирилла къ дѣятельности, гдѣ принимали посольства отъ народовъ, искавшихъ свѣта, и откуда высылали просвѣтителей, отъ Царяграда по всей восточной половинѣ Балканскаго полуострова, въ обширномъ Болгарскомъ государствѣ, по теченію всего Дуная, въ нынѣшней Венгріи, до окраинъ Польскихъ, Лужицкихъ-Саксонскихъ, Чешскихъ, Хорватскихъ, Сербскихъ, наконецъ до Кіева и Новагорода. Съ половины IX-го и даже до конца X-го вѣка здѣсь принимаютъ участіе цѣлыя народныя массы, пересылаясь посольствами и письменными сообщеніями другъ со другомъ; лучшіе народные дѣятели, образованнѣйшіе Славянскіе умы того времени, всѣ соединены въ общемъ дѣлѣ; въ трудахъ всѣ правительства Славянскихъ народовъ, во главѣ дѣятельности государи. Михаилъ Греческій, Борисъ и Симеонъ Болгарскіе, Ростиславъ, Святополкъ, Коцель, Моравскіе и Паннонскіе, Боривой Чешскій, потомъ взятая изъ Чеховъ супруга Польскаго Мечислава, и наша Ольга, и Владиміръ

съ Ярославомъ. Присоедините сюда вольное и невольное участіе тогдашнихъ Папъ и всего Латинскаго, Итальянскаго и Нѣмецкаго духовенства, участіе Западныхъ государей, то пассивно снисходившее, то яростно противодѣйствовавшее: и вы увидите, что не одна Греко-Славянская, но и другая половина Европы вступала въ дѣятельную роль одного великаго событія. Наконецъ, это просвѣщеніе, будучи вполнѣ *народнымъ*, вызванное народными потребностями и ихъ развившее во всей послѣдующей дѣятельности, не ограничивалось только первичными или внѣшними условіями жизни народной, не племенемъ только, не языкомъ, даже не письменностью и не творчествомъ въ духѣ народномъ: оно соединялось съ принятіемъ *вѣры*, оно было одновременно и главнѣйше дѣломъ *вѣры*, выражалось и сопровождалось устроеніемъ Славянской *церкви*. Оно было просвѣщеніемъ *Христіанства:* въ Христіанствѣ коренилось, изъ него истекало, въ немъ обрѣтало силы, къ нему вело, его собою распространяло и развивало. И какого Христіанства? Единаго истиннаго, не вѣроисповѣданія, заключающаго въ себѣ понятіе частности, а *Православія*, всеобщаго, единаго, каѳолическаго Христіанства, отселѣ уже не Греческаго, а Греко-Славянскаго, или, еще шире—Восточнаго, соединившаго собою весь Востокъ Европы и далекія страны Азіи. Если Славяне Южные, православные, доселѣ зовутъ страну солнечнаго восхода „Истокомъ,“ то къ имени Восточнаго Православія дѣйствительно присоединялось значеніе Источнаго, какъ Источника всякой истинной вѣры, въ ея чистомъ и первобытномъ свѣтѣ. Когда такое Православіе, имѣя за собою Азіатскія страны Востока, одновременно и столь обширно обняло собою половину Европы, когда единство его пріобрѣло такой громадный внѣшній объемъ и такую глубокую внутреннюю силу, тогда естественно, и только тогда, отдѣлилось Христіанство Западное, какъ

развѣтвленіе и уклоненіе отъ существеннаго и главнаго единства: вспомнимъ, что та же самая эпоха, и отчасти въ тѣхъ же дѣятеляхъ, какъ на примѣръ въ Греческомъ Фотіѣ, была эпохою перваго отдѣленія Церкви Западной, съ пророчествомъ объ ея дальнѣйшихъ раздробленіяхъ на секты и общества. Такъ, повторяемъ, это просвѣщеніе переходило въ дѣло *Вѣры* и *Церкви*, становилось *Духовнымъ* въ глубойчайшемъ смыслѣ сего слова, то есть обращалось къ глубочайшимъ вопросамъ духовной жизни каждаго Славянина, тогда жившаго и дѣйствовавшаго, цѣлыхъ народовъ, имъ завлеченныхъ, и всего человѣчества, къ нему небезучастнаго. Высшая жизнь, оживлявшая все это дѣло, была жизнью духа, который проявлялъ себя въ избраніи, воспринятіи, сердечномъ усвоеніи и дѣятельномъ плодотвореніи Восточной Вѣры и Церкви, —вотъ что было душею того просвѣщенія; сюда, возвращаясь къ быту болѣе внѣшнему, приспособлялись и примѣнялись всѣ простѣйшія, первичныя силы и средства, какъ орудія или готовые сосуды: народность, языкъ, творчество, письменность, грамотность, внѣшній обычай и складъ, племенныя отличія, государственное устройство, всѣ тогда жившіе дѣятели, какъ лица, и все, что добыто было Славянствомъ на прежде пройденномъ пути до исторіи. Потому это дѣло, сказали мы, не имѣло характера какой либо частности, случайности, какого либо дробнаго вида или черты единичной: въ немъ сосредоточивалась всѣ черты, всѣ силы, всѣ основы, сновавшія тогдашнюю, а по преемству отъ нея —всегдашнюю жизнь Славянства. Когда, вмѣстѣ съ водвореніемъ вѣры, крестился народъ со всѣми представителями, строились церкви, заводились училища, читалось Божіе Слово и совершалось Богослуженіе на родномъ языкѣ, когда орудіемъ сего являлась письменность со своей новой грамотой, тогда, конечно, здѣсь дѣйствовали всѣ силы жизни, и дѣйствовали подъ наитіемъ началъ и побужденій высшихъ, какія только

есть для человѣчества, духовныхъ и духовнѣйшихъ. Это было то, что на языкѣ современномъ, если удалить нѣкоторую мелкость фразы, называется *цивилизаціей*, первымъ и существеннымъ ея проявленіемъ въ жизни извѣстнаго народа. Цивилизація древнѣйшаго Христіанскаго Востока, отселѣ уходившаго на далекій планъ, и всей Греціи, тогда уже завершавшей циклъ своего былаго развитія, воспрянула снова, въ небываломъ и могучемъ явленіи, въ мірѣ Славянскомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался ея представителемъ на Востокѣ Европы. Силы новой, Восточно-Европейской цивилизаціи, намѣченныя въ зародышѣ Азіатскимъ Востокомъ и выработанныя подвигами Греціи, отнынѣ, чрезъ посредство Православія, путемъ духовнаго усвоенія и за тѣмъ многообразными путями цѣлой жизни, перешли къ Славянамъ, чтобы въ нихъ получить развитіе дальнѣйшее, которое восполняло исторію человѣчества, и обѣщало въ будущемъ небывалый приплодъ, новые вклады въ историческую сокровищницу. Это начало новой цивилизаціи человѣчества, въ которой дѣятелемъ явился народъ Славянскій: это первые шаги цивилизаціи *Славянской*. Все, что мы разумѣемъ нынѣ подъ началами Западными, все, чему присвоиваемъ имя и единство цивилизаціи Западной, все это опредѣлилось лишь тогда, когда самобытно зачалась цивилизація Европы Восточной, или, что то же, Славянской: опредѣлилось, говоримъ, тогда лишь и въ ту лишь эпоху, ибо тогда только отстранилось, тогда только обособилось какъ Западъ, сотоварищъ и соперникъ Европы Восточной. — Потому, говоримъ, дѣло Славянскихъ Первоучителей и Просвѣтителей, а на языкѣ Церкви—Славянскихъ Апостоловъ, есть дѣло *великое*, можетъ быть единственное, какое только слѣдуетъ назвать великимъ по отношенію *ко всему* Славянству: оно велико, какъ ни смотрите на него, отъ простѣйшаго—хотя въ сущности труднѣйшаго—изобрѣтенія азбуки, до самыхъ

высшихъ явленій, до водворенія Православія и порожденія Православной жизни въ Славянскомъ духѣ; всѣ кажущіяся мелочи или дробности получаютъ въ семъ цѣльномъ организмѣ значеніе высшее, служа орудіемъ или символомъ высшихъ явленій, и всѣ явленія высшія связаны тѣсно съ простѣйшими и первичными. Великое дѣло Кирилла и Меѳодія, ихъ товарищей, послѣдователей, учениковъ, тогдашнихъ Славянскихъ вѣтвей и тогдашняго единаго Славянскаго народа, всей той эпохи—IX и X вѣка,—это великое дѣло вполнѣ *цѣльно*. Можетъ быть вы не знаете въ подробности судебъ, которыми развивалось или слабѣло и гасло Православіе у разныхъ вѣтвей Славянства; можетъ быть даже вы холодны къ этому вопросу, и съ бо́льшимъ интересомъ слѣдите за судьбами ихъ народности; слѣдя за народностью, можете неясно представлять себѣ ея стихіи; можете не знать теченія Славянской письменности, не вѣдать ея дѣятелей, рукописей, твореній; иной, статься можетъ, знаетъ немного о томъ, что́ такое Церковно-Славянскій языкъ, какая именно азбука создана Кирилломъ, въ чемъ именно и гдѣ подвизались братья, каковъ былъ объемъ ихъ дѣятельности въ пространствѣ географическомъ или въ историческомъ времени: но, хотя бы, говоримъ, вы не знали подробностей этого дѣла, оно такъ цѣльно, что если вы Славянинъ, и въ васъ не застыла послѣдняя капля Славянской крови, если не расплылась она въ лимфѣ заносной чужой цивилизаціи, вамъ дѣло Первоучителей всегда чувствуется какъ нѣчто громадное и великое, какъ первое зачало самобытной Славянской жизни—духовной и внѣшней, исторической и политической.

Въ немъ, въ этомъ дѣлѣ, какъ въ зародышѣ и средоточіи, хотя бы въ сжатомъ и еще неразвитомъ видѣ, предчувственно и предзнаменательно, собраны всѣ начала послѣдующей жизни Славянской: здѣсь источникъ и здѣсь же объясненіе

всѣмъ послѣдующимъ судьбамъ Славянства. Если вы изучаете ту эпоху, хотя бы до самыхъ частностей, вы изучаете вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдующую Славянскую исторію, и современность ея, какъ бы, повидимому, ни далеко ушла она съ ходомъ вѣковъ: и на оборотъ, на какой бы точкѣ Славянской исторіи ни остановились вы своимъ вниманіемъ, въ какой бы уголокъ современной Славянской жизни ни проникли вы съ любопытствомъ, отвсюду сущность вопроса, если вы задали его серьезно, возводитъ васъ къ дѣлу первыхъ Просвѣтителей, и только тамъ обѣщаетъ для васъ законное разъясненіе недоумѣній. По мѣрѣ того, какъ Славяне, въ теченіе нашего полстолѣтія, обращались съ каждымъ годомъ все серьезнѣе и серьезнѣе къ уразумѣнію великаго дѣла Первоучителей, по той же мѣрѣ съ каждымъ днемъ выясняютъ они себѣ современное свое положеніе между народами Европы, свои роковыя задачи, сужденныя для рѣшенія путемъ историческимъ, свои особенности, свою природу, языкъ и нравы. Каждое новое разысканіе о томъ великомъ дѣлѣ, каждое улучшенное изданіе Церковно-Славянской древней грамматики или печатаніе памятника Кириловской письменности, проливаютъ свѣтъ на современныя Славянскія нарѣчія, на судьбы Славянскаго языка; труды Добровскаго, Ганки, Шафарика, Востокова, Бодянскаго, Григоровича, и всѣхъ соучастниковъ Славянской науки, устремленные въ ту далекую сторону и эпоху, поднимаютъ одновременно дѣятельность нынѣшняго Славянскаго языка, и цѣлой литературы Славянской; Церковно-Славянскій словарь, словарь языка, завѣщаннаго Церкви, съ каждымъ новымъ выходомъ, вноситъ массу одушевленныхъ представленій и образовъ прямо въ современную жизнь Славянства; исторія Славянскихъ народныхъ вѣтвей уяснилась лишь съ тѣхъ поръ, какъ приникли ближе къ ея единому великому началу. Если же сознаніе сего начала оказало

такое могущественное вліяніе на все современное возрожденіе Славянской мысли, въ наукѣ и жизни, то, на оборотъ, каждое новое явленіе Славянскаго міра будитъ собою память о прошломъ, даетъ иначе и лучше понимать его, цѣнить, возсоздавать: фактъ замѣчательный, — дѣло Первоучителей понято и оцѣнено въ должной мѣрѣ лишь нынѣ, въ эпоху Славянскаго возрожденія.

. . . . . .

П. Безсоновъ.

ПО ПОВОДУ ПАМЯТИ

СВЯТЫХЪ КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей)

Завтра, 11-го мая, празднуется память Славянскихъ учителей, Святыхъ Кирилла и Меѳодія, которые, тысяча лѣтъ тому назадъ, изобрѣли для Славянъ азбуку, и положили начало переводу Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, по нарѣчію Болгарскаго племени, распространившемуся по Греціи. Съ тѣхъ поръ и доселѣ, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, это священное достояніе, завѣщанное первоучителями, составляетъ главную основу народности Славянъ *восточныхъ*, т.-е. Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, въ отличіе отъ Славянъ *Западныхъ*, олатынившихся и онѣмеченныхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ Поляки и Чехи.

Славяне восточные вмѣстѣ съ православіемъ удержали Кирилловскую грамотность; западные же, получивъ изъ Рима Латинскую Библію и Латинское богослуженіе, отказались и отъ славянской азбуки, замѣнивъ ее Латинскою, и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушили родственную связь съ своими восточными братьями, свято сохранившими у себя преданія православія на родномъ, церковнославянскомъ языкѣ.

Хотя христіянская религія стоитъ выше всѣхъ національныхъ различій по языкамъ и обычаямъ, но, чтобы быть усвоенною народомъ, чтобы всякій равно принялъ ее къ сердцу, и богатый и бѣдный, и вельможа и простолюдинъ, она непремѣнно должна быть исповѣдуема на родномъ языкѣ, всѣмъ одинаково понятномъ. Такъ было,

такъ и до сихъ поръ продолжается у Славянъ восточныхъ. Грамотное простонародье на Руси нисколько не затрудняется въ пониманіи церковнославянской Библіи; старообрядцы больше читаютъ церковнославянскія книги, нежели гражданскія; наконецъ всѣ Русскіе люди, черезъ богослуженіе и молитвы, съ малолѣтства свыкаются съ немногими древними особенностями, отличающими церковный языкъ отъ разговорнаго. Точно такъ же родственно относятся къ церковнославянскому языку православные Сербы, а тѣмъ болѣе Болгары, которые чувствуютъ въ немъ свою родную, разговорную рѣчь.

Такимъ образомъ, родной языкъ Церкви, въ теченіе тысячелѣтія, сближалъ и роднилъ, и доселѣ роднитъ между собою Славянъ восточныхъ, т.-е. Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ. Отличаясь другъ отъ друга мѣстнымъ говоромъ, всѣ они сознаютъ себя братьями, на одномъ и томъ же языкѣ возносятъ свои молитвы, одинаково понимаютъ церковнославянское богослуженіе и Св. Писаніе. Эти Славянскія племена, въ теченіе всего своего историческаго развитія, не переставали взаимно дѣйствовать другъ на друга передачею общаго имъ достоянія, завѣщаннаго первоучителями. Мы, Русскіе, вмѣстѣ съ христіянскою вѣрою, получили и церковныя книги отъ Болгарскихъ братій, потомъ отъ Сербовъ; а когда Русь окрѣпла въ своемъ государственномъ строѣ, мы въ свою очередь стали снабжать ими своихъ восточныхъ соплеменниковъ. Церковная книга, будучи переписываема съ древняго оригинала въ Болгаріи, на Руси, или у Сербовъ, получала въ языкѣ оттѣнокъ мѣстнаго, племеннаго говора, въ слѣдствіе неминуемыхъ ошибокъ писца, Болгарина, Русскаго или Серба, изъ которыхъ каждый по своему произносилъ текстъ списываемаго имъ оригинала. Это внесеніе элементовъ позднѣйшей разговорной рѣчи дало новый поводъ

къ родственному сближенію между восточными Славянами. Даже самый слогъ въ литературѣ этихъ нарѣчій образовался на основѣ церковнославянской грамматики древняго перевода Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ.

Итакъ, священное преданіе славянскихъ первоучителей послужило неизсякаемымъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія источникомъ для *единомыслія* и братственнаго единодушія между Славянами восточными. Оно же постоянно было преградою для сближенія съ Славянами западными, усвоившими себѣ латинство.

Для древней Руси представителями этого исповѣданія были по преимуществу Ляхи или Поляки. Кіевская Русь была въ непрестанной съ ними борьбѣ, которая всегда имѣла характеръ религіозный. Но когда рѣчь идетъ о священной дѣятельности нашихъ древнихъ учителей, во имя братственнаго согласія между славянскими племенами, едва ли бы умѣстно было распространяться объ ожесточенной враждѣ между ними, продолжавшейся многія столѣтія. Этою бѣдственною враждой запечатлѣны страницы нашихъ лѣтописей, Кіевскаго Патерика, малорусскія думы или пѣсни, въ которыхъ и доселѣ русскій народъ Украйны воспоминаетъ съ ужасающими подробностями объ отчаянной, остервенѣнной борьбѣ между православнымъ казачествомъ и католическою Польшей.

Чѣмъ болѣе сближалась Русь съ Славянами восточными по единомыслію общаго съ ними исповѣданія, тѣмъ болѣе расходилась съ Славянами олатынившимися, однако не на столько, чтобы не принять и отъ нихъ того, что она находила полезнымъ для своего образованія. Съ половины XVII столѣтія и до первой четверти XVIII включительно, Москва заимствовала изъ Польши, черезъ Кіевъ, множество произведеній западной литературы, не только богословскаго и вообще ученаго содержанія, но и легкаго, беллетри-

стическаго. Но вмѣстѣ съ книгами сталъ проникать въ русское православіе латинскій духъ. Надобно было скорѣе положить конецъ одностороннему вліянію, и реформа Петра Великаго избавила Русскихъ отъ необходимости получать результаты западнаго просвѣщенія изъ вторыхъ рукъ. Происки польскаго латинства потеряли на Руси всякій кредитъ, и вмѣстѣ съ обновленіемъ Руси возрасло могущество православнаго преданія славянскихъ первоучителей, испытаннаго въ борьбѣ съ католическими притязаніями XVII столѣтія и съ протестантскими въ эпоху Петровской реформы.

У Славянъ, подчинившихся римскому исповѣданію, Латынь стала непреоборимою преградой между Церковью и высшими классами, усвоившими себѣ этотъ языкъ, и между простымъ народомъ, не понимавшимъ Слова Божія на чужомъ языкѣ. Гнетъ Латыни гибельно отразился и на народной словесности, заглушивъ въ ней живительныя начала патріотической поэзіи, состоящей въ эпическихъ разказахъ объ историческихъ судьбахъ своего отечества. Потому-то, такъ бѣденъ поэтическими воспоминаніями о своей старинѣ и исторіи народъ польскій и чешскій; между тѣмъ какъ Славяне восточные, уровнявъ сословія единствомъ въ пониманіи языка вѣры, несмотря на всѣ временныя невзгоды, несмотря на порабощеніе чуждымъ народомъ, на крѣпостное право, на случайности западныхъ нововведеній, остались вѣрны своимъ національнымъ преданіямъ, доселѣ сохраняя ихъ во всей ихъ свѣжести. Сербы воспѣваютъ своихъ великихъ героевъ — Марка Кралевича, царя Лазаря и друг. Русскій народъ замѣняетъ для себя лѣтопись историческими былинами, въ которыхъ и теперь сохраняетъ для себя дорогія воспоминанія о томъ, какъ князь Владиміръ пировалъ съ своими богатырями, и при ихъ содѣйствіи очищалъ Русскую землю отъ всякой нечисти и погани; какъ богатыри съ своимъ княземъ

отстаиваютъ Кіевъ отъ татарскаго Калина царя; какъ московскій царь Иванъ Васильевичь завоевывалъ Казань, Астрахань и великій Новгородъ, и какъ выводилъ измѣну въ Москвѣ, какъ Ермакъ Сибирь покорилъ, и какъ Марина Мнишекъ еретница поселилась въ кремлевскихъ теремахъ; какъ царствовалъ царь Алексѣй Михайловичъ, и какъ онъ учреждалъ великій пиръ на всю Россію, по случаю рожденія своего сына Петра, перваго русскаго императора.

Служа источникомъ единомыслія между племенами восточными, церковнославянское преданіе и въ самой Россіи было примирительною средой для разногласій между религіозными расколами. У всѣхъ равно, и у православныхъ, и у раскольниковъ всѣхъ согласій или толковъ, былъ подъ руками церковнославянскій текстъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Расходились только вслѣдствіе разныхъ изданій одного и того же текста, болѣе или менѣе исправленнаго; такъ что недоразумѣнія между разными религіозными толками, поддерживая домашнія разногласія, только скрѣпляли связь Русскихъ съ церковнославянскимъ преданіемъ первоучителей, еще болѣе изощряя зоркое вниманіе къ церковному тексту, вслѣдствіе религіозныхъ преній.

Наконецъ, языкъ гражданскій, принятый теперь русскою литературой и образованными людьми всѣхъ классовъ, по всѣмъ краямъ нашего великаго отечества, есть необходимый результатъ исторической жизни Русскаго государства и русскаго просвѣщенія, ведущаго свое начало отъ церковнаго преданія славянскихъ первоучителей. Церковнославянская письменность была главнымъ, почти единственнымъ источникомъ для русскихъ писателей до XVII столѣтія, которые иначе не могли понять языка литературнаго, какъ въ его классической формѣ церковнаго стиля, выработаннаго переводчиками Св. Писанія по образцу

греческихъ оригиналовъ. Правда, что кое-гдѣ, въ юридическихъ актахъ, даже въ лѣтописяхъ, слышатся звуки разговорной рѣчи; но главный строй и складъ древне-русской литературы дается языкомъ Церкви, который служитъ для русскихъ писателей какъ бы канвою или основою, которую они забираютъ цвѣтными нитями разговорнаго языка съ его мѣстными, областными оттѣнками. Такимъ образомъ составился искусственный литературный языкъ древне-русскій, который столько же былъ понятенъ для всѣхъ и въ Кіевѣ, и Львовѣ, и Смоленскѣ, и Новѣгородѣ, и Ростовѣ, и наконецъ въ Москвѣ. Каждая область чувствовала родственную симпатію къ этому искусственному единству вслѣдствіе внесенныхъ въ него своихъ мѣстныхъ, домашнихъ особенностей; но эти особенности поглощались общимъ теченіемъ церковно-славянской рѣчи, и, такимъ образомъ, теряя характеръ провинціяльной исключительности, вмѣстѣ съ языкомъ Церкви пріобрѣтали право на общее всероссійское господство.

Москва, собравъ около себя всѣ нѣкогда разрозненные удѣлы и области, вмѣстѣ съ тѣмъ внесла къ себѣ отовсюду и памятники древне-русской письменности, сначала преимущественно изъ Суздаля и Ростова, потомъ изъ Новагорода и Пскова, и наконецъ въ XVII столѣтіи изъ Кіева. Средоточіе государственной жизни стало средоточіемъ русской литературы и языка. Москва, грозная для областей въ политическомъ отношеніи, не могла дѣйствовать деспотически въ отношеніи умственномъ и литературномъ. Образовавшись позднѣе старыхъ городовъ, она отъ нихъ брала плоды древне-русскаго просвѣщенія и грамотности; но она налагала печать своей областной рѣчи на другія провинціи, но изъ нихъ брала себѣ все то, что было необходимо для умственной жизни всей Русской земли. Такимъ образомъ Москва стала хранительницею

церковнославянскаго преданія славянскихъ первоучителей, но уже вполнѣ слившагося съ родными, домашними особенностями всѣхъ областей нашего отечества. Болгарскій языкъ св. Кирилла и Меѳодія въ Московской печати XVII вѣка потерялъ уже всѣ не нужные для русскихъ читателей болгаризмы. Это сталъ языкъ, не церковно-болгарскій, а церковно-русскій, какимъ онъ является напримѣръ въ Четьихъ-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго и въ другихъ произведеніяхъ конца XVII столѣтія и начала XVIII в. какъ въ православныхъ, такъ и въ раскольничьихъ. Оставалось только исключить *аще, абіе, паки* и т. п., чтобы сдѣлать естественный переходъ къ чисто русскому литературному языку Ломоносова, и этотъ переходъ былъ тѣмъ возможнѣе, что и въ древней Руси, при церковно-славянской грамматикѣ, въ массѣ церковныхъ писаній все же, время отъ времени, прорывалась въ искуственной письменности живая струя разговорной рѣчи. Надобно было дать ей только болѣе широкій исходъ, который теперь не могъ уже принести вреда, наводнивъ искусственный всероссійскій языкъ невоздѣланнымъ сырьемъ провинціализмовъ. Нашъ современный литературный языкъ до того окрѣпъ и созрѣлъ, до того слился съ русскою цивилизаціей, постоянно внося въ свою область, въ теченіе многихъ столѣтій и грецизмы, и болгаризмы церковныхъ переводовъ, и новгородскую областную рѣчь, и полонизмы южно-русской печати, и наконецъ всевозможныя нововведенія изъ Западной Европы,—этотъ, можно сказать, классическій языкъ до того покорилъ своему цивилизующему вліянію всякую областную, провинціяльную отсталость, до того провелъ объединяющую свою силу черезъ всю мелкую рознь тысячи мѣстныхъ отличій русскаго населенія, что сталъ главнымъ отличительнымъ признакомъ всякаго образованнаго на Руси человѣка.

Итакъ, гражданскій языкъ, принятый теперь всѣми Русскими, не только не противополагается церковно-славянскому преданію славянскихъ первоучителей, но непосредственно изъ его источника заимствовалъ онъ то объединяющее могущество, то цивилизующее и ведущее впередъ вліяніе, которому должны были подчиниться всѣ мѣстныя особенности, какъ нѣкогда подчинялись онѣ языку Церкви. Такимъ образомъ, единомысліе и единодушіе русскаго народа, прочно основанныя на единствѣ богослужебнаго языка, пріобрѣли себѣ новую объединяющую силу въ языкѣ гражданскомъ. Тотъ и другой состоятъ въ родственномъ отношеніи, какъ Церковь и Государство, и въ одинаковой мѣрѣ опредѣляютъ національный характеръ русскаго народа.

Родное преданіе, положенное славянскими учителями въ основу единомыслія славянскихъ племенъ, стало, для нашего отечества источникомъ его политическаго могущества и прочнаго, единодушнаго образованія всего русскаго народа.

Ѳ. Буслаевъ.

ПРИТЧИ

СВЯТАГО КИРИЛЛА-ФИЛОСОФА УЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКАГО.

Въ среднихъ вѣкахъ люди были довѣрчивѣе нынѣшняго ко всему писанному; не мудрено, что любимѣйшимъ ихъ чтеніемъ были повѣствованія разнаго рода: замысловатые разсказы путешественниковъ о странахъ заморскихъ, преданія о витязяхъ и чародѣяхъ, басни, гдѣ дѣйствуютъ и говорятъ не только звѣри, но и предметы неодушевленные. Мужи ученые, пользуясь этимъ любопытствомъ и этимъ легковѣріемъ для нравственныхъ цѣлей, *издавали* (*) между прочимъ притчи, изъ которыхъ или самъ писатель выводилъ поученія всякаго рода, или предоставлялъ дѣлать эти выводы разуму и сердцу многочисленныхъ своихъ читателей.

Сборники такихъ притчей, болѣе или менѣе поучительныхъ, являются у всѣхъ средневѣковыхъ народовъ. Имѣя общимъ источникомъ восточныя басни и переходя отъ одного европейскаго народа къ другому, эти притчи во многомъ сходствуютъ между собою.

Книгопечатаніе вскорѣ послѣ своего появленія воспроизвело для вящшаго размноженія то, что читалось съ наибольшею охотою. Въ 1470—80-хъ годахъ вышло четыре *(по крайней мѣрѣ)* изданія любимѣйшаго изъ таковыхъ сборниковъ притчей, ходившаго въ народѣ на латинскомъ языкѣ. Во всѣхъ этихъ четырехъ изданіяхъ сочинителемъ

(*) До изобрѣтенія книгопечатанія подъ словами edere, edidit, (издавать, издалъ) разумѣлось пустить свое или чужое сочиненіе въ ходъ, въ переписку, давъ ему окончательный художественный образъ.

именуется святый Кириллъ (sanctus, beatus episcopus Cyrillus). Но когда, гораздо позднѣе, эти четыре изданія сдѣлались библіографическими рѣдкостями, то библіографы прошлаго столѣтія (Fabricius, Maittaire, Panzer и другіе), описывая ихъ, заспорили о томъ, которому изъ Кирилловъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, Александрійскому ли, Іерусалимскому ли, приписать сочиненіе? О нашемъ же св. Кириллѣ, менѣе памятномъ латинству, и не подумали, такъ какъ не встрѣчали его имени въ числѣ сочинителей, особенно извѣстныхъ своими произведеніями. Оставаясь понынѣ въ увѣренности, что притчи сочинены которымъ нибудь изъ двухъ св. Кирилловъ, Іерусалимскимъ или Александрійскимъ, библіографы не обратили вниманія на то, что еще за двѣсти лѣтъ до насъ Іезуитъ Бальбинъ (Bohuslaus Balbinus) приводилъ сильныя доказательства въ пользу мнѣнія многихъ Славянъ, считавшихъ сочинителемъ притчей третьяго святаго Кирилла, брата св. Меѳодія, первоучителя Славянскаго. Въ книгѣ своей: Epitome rerum Bohemicarum, Pragae, (1677. 20.) Бальбинъ, изложивъ подробно житіе нашего первоучителя, продолжаетъ такъ:

„Святый Кириллъ написалъ по гречески прекрасныя „притчи..... Трудно предполагать, чтобы эти притчи „были писаны кѣмъ либо другимъ, ибо онѣ у насъ около „двухъ сотъ лѣтъ извѣстны на древнемъ славянскомъ языкѣ, „и на этомъ языкѣ находятся по старымъ нашимъ Богем„скимъ библіотекамъ въ древнѣйшихъ спискахъ, а именно „въ нашей Крумловской (1) библіотекѣ, и намъ очень

(1) Krummau, по латыни Crumlovium, въ округѣ Зноймскомъ, на рѣкѣ Ракитной—незначительное мѣстечко, два латинскихъ монастыря и дворецъ князей Шварценберговъ, которые носятъ титулъ Herzod von Krummau; у нихъ тутъ библіотека въ 30,000 томовъ. Въ Австрійскихъ владѣніяхъ есть и

„вѣроятно, что эти притчи переведены по славянски или „самимъ Кирилломъ, написавшимъ ихъ по гречески. (что „явствуетъ изъ греческихъ оборотовъ рѣчи), или кѣмъ либо „изъ его чтителей, пожелавшимъ тѣмъ доставить славянскому „потомству памятникъ о замѣчательномъ умѣ первоучителя„.

Вотъ подлинныя слова Бальбина (стр. 9 и 10).

„Elegantissimos apologos Græcâ linguâ scripsit„ ac primus propè ê christianis philosophis, hoc Esopico scribendi genere, propemodum ludendo, Christianam et interiorem sapientiam docere voluit„.

„A Cyrillo hosce apologos conscriptos esse dubitare vix potest, cum constet jam ante ducentos et amplius annos editos apud nos esse, vetere Slavorum linguâ, hujus sancti Apostoli nomine; reperiuntur hodieque in veteribus Bohemiæ bibliothecis, ac nominatim in Crumloviensi nostra, vetustissima exemplaria manuscripta; unde probabile redditur, græce a s. Cyrillo primum librum esse conscriptum (ut Græca phrasis ostendit), deinde vel ab ipso Cyrillo, vel alio quopiam ex veneratione sancti viri in Slavorum idioma translatum, ut imaginem quandam sui Apostoli, et tam suavis ac fielicis ingenif, Slavorum posteritas haberet„.

Замѣтимъ съ нашей стороны: *во первыхъ,* что ученые богословы, издававшіе полныя сочиненія св. Кирилла Іерусалимскаго (Parisiis, 1720.) и св. Кирилла Александрійскаго (Lutetiae, 1638.) не включили въ эти сборники притчи,

---

другой Krummau, называющійся по латынѣ Cromena. *Соб.* Въ географическомъ словарѣ Чешскаго королевства, трудѣ Палацкаго (Popis kralowstwi ceského, w Praze, 1848» стр. 320; Чертк. библ. А. XXII, 3—26) показано въ числѣ *старыхъ градовъ* Будейовскаго округа, № 26: Krumlou, по нѣмецки Krummau, 704 дома, 6008 обывателей; панство аллодіальное, владѣлецъ Янъ Адольфъ князь Шварценбергъ. *Замѣчаніе П. И. Бартенева.*

столь распространенныя въ рукописяхъ и столько разъ уже напечатанныя; *во вторыхъ*, что ни тотъ, ни другой изъ названныхъ двухъ святыхъ Кирилловъ не былъ греческимъ уроженцемъ и что оба епископствовали внѣ Греціи, такъ что прозвище: doctor Græcorum къ нимъ обоимъ никакъ не идетъ.

Добровскій (Кириллъ и Меѳодій, Москва 1825, стр. 46-ая) помимо трехъ Кирилловъ, чтимыхъ святыми, предполагаетъ, что баснописецъ этотъ могъ быть епископъ Кириллъ, — poeta laureatus, жившій въ 13-мъ столѣтіи. Ясно, что Добровскій не сдѣлалъ бы этого предположенія, если бы имѣлъ случай видѣть хоть одно изъ четырехъ изданій пятнадцатаго столѣтія; въ противномъ случаѣ во всѣхъ четырехъ повторенныя слова sanctus, beatus не допустили бы въ немъ мысли искать баснописца внѣ лика святыхъ, чтимыхъ церковію, а слова: de græco in latinum traslatus навели бы его на то, что въ 13-мъ столѣтіи врядъ ли гдѣ либо могъ существовать poeta laureatus изъ писавшихъ по гречески, а не прямо по латыни.

Къ свидѣтельству Бальбина присовокупилъ въ новѣйшія времена нѣкто *Абри* (Abry) нѣсколько новыхъ указаній (Magasin Encyclopedique на 1806 годъ). Но вопреки всему этому, новѣйшіе библіографы, Хайнъ (Hain) съ братіею, переписывали ошибку предшественниковъ, упуская изъ виду все то, что и Бальбинъ и Абри говорили о третьемъ святомъ того же имени.

Не погрѣшилъ въ этомъ дѣлѣ одинъ Брюнетъ, (Manuel du libraire), и напомнилъ объ нашемъ первоучителѣ, какъ о творцѣ притчей.

На дняхъ мнѣ посчастливилось видѣть одно изъ упомянутыхъ выше четырехъ изданій пятнадцатаго столѣтія, именно напечатанное въ Стразбургѣ типографщикомъ Зоргъ (Sorg), въ листъ, въ два столбца на 89-ти печатаныхъ страницахъ

(сверьхъ того первыя двѣ и послѣдняя остались бѣлыми). Въ этомъ изданіи книга названа Tractatus apologeticus quatropartitus (въ другихъ трехъ прибавлено: Speculum sapientiæ); всѣ четыре изданія именуютъ сочинителемъ святаго Кирилла епископа (sanctus, beatus), всѣ четыре называютъ эту книгу переводомъ съ греческаго; сверхъ того это изданіе прибавляетъ къ имени святаго: doctor Græcorum; прозвище: doctor Græcorum—не приличнѣе ли всего, помимо другихъ во святыхъ чтимыхъ Кирилловъ, придавать тому, кто въ юношествѣ уже назывался не иначе, какъ Константинъ Философъ: и въ этомъ случаѣ латинское прозвище doctor не прямой ли переводъ греческаго: φιλόσοφος?

Мы уже приняли посильныя мѣры къ отысканію за границею этого Tractatus apologeticus quatropartitus-четверокнижіе поучительное) или Speculum sapientiæ, (зерцало премудрости), въ древне-славянскомъ переводѣ; авось ли получимъ мы свѣдѣніе объ какой либо изъ рукописей, Бальбиномъ столь положительно упоминаемыхъ, особенно же о той, про которую у него даже указано, гдѣ она находится: bibliotheca Crumloviensis. Между тѣмъ, предполагая, что занимательная такая книга могла дойти и до нашихъ предковъ, просимъ покорнѣйше всѣхъ русскихъ ревнителей славянской словесности обратить вниманіе на то, не отыщутся ли слѣды оной и у насъ на Руси.

Вотъ нѣкоторыя путеводительныя указанія для сихъ изысканій.

Въ началѣ книги обращеніе къ непоименованному лицу, котораго сочинитель называетъ fili carissime. Далѣе 95 притчей, расположенныхъ въ четырехъ отдѣлахъ (liber primus, secundus, и такъ далѣе); въ первыхъ двухъ отдѣлахъ по 27 притчей, въ третьемъ 30, въ четвертомъ 11. Предъ каждою притчею въ немногихъ словахъ цѣль оной; потомъ часто прибавлено, кто дѣйствующія лица. Послѣ

изложенія каждой притчи долгое разсужденіе объ ней; тутъ много тогдашней учености, много христіанской нравственности; вездѣ проявляется глубокая житейская премудрость.

Сообщаемъ обозначеніе нѣкоторыхъ притчей и показываемъ, кто въ нихъ дѣйствуетъ. Для любопытствующихъ прибавимъ, что въ вышеупомянутой статьѣ Абри находятся переводы нѣкоторыхъ притчей цѣликомъ.

Притча 21-ая первой книги:

Omnem adversitatem ut vincas,
pacienciæ valet tibi magnanimitas.

(о хлѣбномъ зернѣ и луковицѣ лиліи.)

Притча 9-ая второй книги:

Contra appetitum superbiæ libertatis.

(Волкъ и Волъ)

Притча 15-ая третьей книги:

Contra eos, qui laborare omittunt et student de rapinis vivere.

(Олень и Овца)

Притча 9-ая четвертой книги:

Proverbium ad laudem virginitatis.

(Роза и Лилія).

С. Соболевскій.

11 МАЯ ВЪ МОСКВѢ.

(1862.)

(*Отрывокъ изъ письма.*)

11-го числа этого мѣсяца было совершено въ церкви Московскаго Университета, по ходатайству членовъ Славянскаго Комитета, торжественное богослуженіе съ молебномъ, въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ Славянскихъ—Кирилла и Меѳодія,—въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ забвенія. Съ достовѣрностью неизвѣстно, когда именно прекратилось на Руси празднованіе памяти тѣхъ, кому обязанъ Славянскій міръ величайшимъ своимъ духовнымъ сокровищемъ: въ минеяхъ XII вѣка еще встрѣчается отдѣльная служба св. Кириллу съ особымъ канономъ, но въ позднѣйшія времена—хотя имена ихъ и упоминаются въ святцахъ—Русская церковь уже не дѣлала относительно ихъ никакого отличія отъ прочихъ св. угодниковъ, для которыхъ не существуетъ особаго празднованія.

Какъ ни скромно было торжество 11 Мая, оно все же было выраженіемъ не одной пробудившейся поздней признательности къ творцамъ Славянской письменности, но и возникшей въ нашемъ общественномъ сознаніи идеи Славянства. Это празднество служитъ залогомъ будущаго *духовнаго* воссоединенія всѣхъ Славянъ, звеномъ, связующимъ разрозненныхъ братьевъ.

Молва о празднествѣ 11 Мая въ Москвѣ разнесется по всѣмъ Славянскимъ странамъ радостною вѣстью будущаго освобожденія: потому что невозможно духовное возрожденіе Славянъ безъ участія многомилліоннаго Русскаго племени въ общемъ подвигѣ Славянскаго самосознанія. Пробужденіе идеи Славянства въ Россіи даетъ нравственную опору неутомимымъ бойцамъ и мужественнымъ страдальцамъ Славянства—нашимъ братьямъ, угнетеннымъ внѣшнимъ игомъ Нѣмцевъ и Турокъ, и въ то же время созидаетъ прочную основу и для нашего Русскаго народнаго возрожденія. Крѣпче и сильнѣе почувствуетъ себя Русская народность, сознавая свое духовное единство съ Славянскимъ міромъ, и уже не одиночную борьбу поведетъ она съ своими внутренними домашними врагами—общими врагами Славянъ, —ренегатами Русской народности!

Въ 10 часовъ въ пятницу 11 Мая, въ церкви Московскаго Университета, главнаго представителя науки въ Россіи, началось праздничное богослуженіе, въ присутствіи многихъ профессоровъ, ученыхъ, и вообще тѣхъ, кто сочувствовалъ совершаемому торжеству. Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что дамъ было едва ли не меньше, чѣмъ и мужчинъ. Впрочемъ изъ послѣднихъ нѣкоторые были удержаны дома обязанностями службы, а нѣкоторые узнали о назначенномъ торжествѣ уже поздно, такъ какъ въ газетахъ возвѣщено было о немъ только наканунѣ.

Нельзя было безъ особеннаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе именъ „святыхъ Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія,“ или внимать Слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ Славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ предъ симъ, читались книги, напечатанныя тѣми же письменами, какими написаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ, дѣломъ Кирилла и Меѳодія, благодарили пред-

стоявшіе Кирилла и Меѳодія—просвѣтителей и молитвенниковъ Славянскаго міра. Особенное молитвенное движеніе выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли, частію заимствованныя изъ древней рукописной минеи XII вѣка, частію вновь составленныя пѣсни:

„Наста день свѣтлыя памяти святыхъ первоучителей Словенскія земли, святителей Кирилла и Меѳодія, иже любовію Христовою распаляеми и духомъ истины просвѣщаеми, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣстиша, отнюду же и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовы сокровище. Тѣмъ же благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовію Сына Твоего во единомъ языцѣ и во всѣхъ языцѣхъ едино будемъ въ Тебѣ, яко же Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино.“

Другая:

„Отъ юности избравый сестру себѣ премудрость, потомъ же Словенскихъ племенъ явившійся апостолъ и первохудожникъ Словенскаго письмене, не мертваго и убивающаго, но словомъ Евангелія Христова отъ начала оживленнаго и животворящаго, святителю отче Кирилле, купно съ твоимъ по плоти и по духу братомъ, блаженнымъ Меѳодіемъ, и отъ насъ, позднихъ сокровища вѣры вашея наслѣдниковъ, пѣснь благодаренія пріемше, Бога Слова молите, да въ православнѣй вѣрѣ и премудрости насъ возращая и утверждая, спасетъ души наша.“

Предъ окончаніемъ литургіи, совершавшій священнодѣйствіе, священникъ университетскаго храма и профессоръ университета, Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее краткое слово, выслушанное съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ:

„Въ 1855 году, въ день столѣтняго юбилея здѣшняго университета, принесена частица отъ руки св. Кирилла, одного изъ первоучителей Славянскихъ (1).

„Не можемъ сказать, съ какою *именно* цѣлію было сдѣлано это приношеніе. Конечно, на праздникѣ перваго Русскаго университета, было прилично напомнить о первыхъ виновникахъ, общеславянскаго просвѣщенія и во очію представить персть, впервые начертавшій Славянскія письмена, *не мертвыя и убивающія, но словомъ Евангельской истины отъ начала оживленныя.* Думается также: не предполагалось ли тутъ нѣкотораго сближенія времени столѣтняго юбилея университета съ тысячелѣтнимъ юбилеемъ церковно-Славянской письменности, такъ какъ изысканіями нѣкоторыхъ 1855 годъ предполагался тодомъ изобрѣтенія Славянскихъ письменъ.

„Какъ бы то ни было, но не напрасно сдѣлано приношеніе: оно послужило напоминаніемъ забытаго-дорогаго, хотя и невольно забытаго.

„Послѣ долгаго и можетъ быть весьма долгаго времени, мы впервые возобновляемъ празднованіе у насъ памяти св. первоучителей Славянскихъ, Кирилла и Меѳодія. Будемъ

(1) Эта частица принесена Московскому Университету въ даръ при празднованіи его столѣтія въ 1855 году М. П. Погодинымъ, которому досталась она слѣдующимъ образомъ: въ 1835 году, въ Августѣ была отдѣляема отъ части руки св. Кирилла, хранящейся въ Пражскомъ Соборѣ, частица для Моравской митрополіи, гдѣ св. Меѳодій святилъ церковь. М. П. Погодинъ на ту пору случился въ Прагѣ, и, по усиленной просьбѣ его, Каноникъ Пешина, въ присутствіи Ганки, Шафарика Коляра, отдѣлилъ и для него частицу и приложилъ къ ней свидѣтельство на Латинскомъ языкѣ. См. Моск. Вѣд. 1862 г. № 106.

надѣяться, что наконецъ оно возобновится по всей землѣ Русской.

„Какъ намъ не праздновать памяти тѣхъ, которые дали намъ слова Евангелія на нашемъ родномъ языкѣ, поборая сильныя препятствія къ тому со стороны тогдашнихъ *ревнителей* яко бы по славѣ Божіей, которыхъ ревность могла лишить насъ и разумнаго благочестія и благочестнаго просвѣщенія. Этихъ ревнителей нашъ первоучитель именуетъ „треязычниками“. Они утверждали, что только на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ, дозволено славить Бога, и потому возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на Славянскомъ языкѣ. Составитель древняго канона въ память св. Кирилла выразилъ это въ одномъ изъ тропарей: „словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, блаженный, Христа, Сына Божія, премудрость, Силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложилъ треязычниковъ“.

„Мы слишкомъ, такъ сказать, богаты богатствомъ слова Божія, дошедшаго намъ изначала на нашемъ родномъ языкѣ, чтобы всякій и всегда могъ чувствовать драгоцѣнность и благотворность этого сокровища. Сытому надобно вспомнить голоднаго, чтобы чувствовать радость въ сытости и благодарить насыщающаго. А есть слово пророческое и *о гладѣ слышанія слова Божія*... Пожелаютъ люди услышать слово Божіе, но не услышатъ... Это голодъ безъ возможности насытиться. Молитвами просвѣтителей нашихъ, не дай намъ Богъ, чтобы когда нибудь пришло на насъ то грозное слово пророческое!...“

Тутъ же въ церкви, по предложенію одного изъ предстоявшихъ, открыта была подписка на сооруженіе иконы Кирилла и Меѳодія для университетской церкви, — и собрано до 300 рублей серебромъ.

Спѣшимъ добавить, что не въ одной университетской церкви, но и въ храмѣ Московской духовной семинаріи, въ тотъ же самый день, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, была празднована память св. первоучителей Славянскихъ, молебномъ, на который были приглашены всѣ ученики. Намъ остается пожелать, чтобъ это празднованіе установилось по всей Россіи, отъ Успенскаго собора въ Москвѣ до сельской церкви въ самомъ глухомъ захолустьѣ. Если бы—вѣроятно подъ вліяніемъ Грековъ—не произошло въ нашей церкви этого страннаго забвенія тѣхъ, кому мы, Славяне, обязаны больше, чѣмъ Грекамъ,—если бы не прерывалось въ церквахъ пѣніе каноновъ въ честь св. Кирилла и Меѳодія, —Русскій народъ вѣдалъ бы больше о Славянахъ и своемъ Славянскомъ происхожденіи, чѣмъ вѣдаетъ теперь: онъ зналъ бы, что тотъ языкъ, на которомъ онъ славитъ Бога, есть Славянскій языкъ,—единый и общій для всѣхъ Славянъ, оставшихся вѣрными преданію Славянскихъ первоучителей и апостоловъ....

Иванъ Аксаковъ

(Изъ другаго письма).

11-го мая, въ день, посвященный церковію памяти свв. Кирилла и Меѳодія, происходило въ Москвѣ столько важнаго, знаменательнаго, примѣчательнаго и любопытнаго, что совокупность смѣло можетъ быть поставлена не только рядомъ съ предполагаемымъ празднованіемъ на славянскомъ западѣ, но и съ какими угодно значительнѣйшими европейскими торжествами. Начнемъ съ архіерейскаго богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, въ сонмѣ архимандритовъ и заслуженныхъ протоіереевъ, въ золотыхъ парчевыхъ

ризахъ, съ громогласными ликами синодальныхъ пѣвчихъ, которые воспѣли въ первый разъ подъ древними сводами: „Святіи равноапостольные Меѳодіе и Кирилле, молите Бога о насъ!“

Предъ молебномъ, священникъ Покровскаго собора сказалъ прекрасную проповѣдь, въ коей, понятнымъ для народа языкомъ, была изложена жизнь славянскихъ первоучителей, и объяснены причины, по коимъ воздаются имъ такія великія почести.

Въ университетской церкви, въ то же время, литургія совершена была профессоромъ Сергіевскимъ. Чудовскіе пѣвчіе гремѣли славу равноапостольнымъ учителямъ. Выставленъ былъ на поклоненіе вновь написанный ихъ образъ, и частица мощей Св. Кирилла (de brachio sancti Cyrilli, qui liturgiam slavonicam scripsit.) Вся Москва принимала участіе въ торжествѣ, и въ сорокахъ московскихъ церквей, при колокольномъ звонѣ, въ одно время отправлялась божественная служба.

Въ 11 часовъ назначено было освященіе Публичной Епархіальной Библіотеки и открытіе особаго духовнаго общества.

Въ часъ было публичное засѣданіе Общества Любителей Русской Словесности и Славянскаго Благотворительнаго Комитета, въ коемъ прочтены были:

Предсѣдателемъ—изслѣдованіе о жизни и трудахъ свв. Кирилла и Меѳодія, въ коемъ доказывалось:

1. Что свв. Кириллъ и Меѳодій были Славяне, а не Греки.

2. Что Священное Писаніе они перевели и славянскую грамоту изобрѣли по собственному побужденію, и потомъ ввели оныя между своими Славянами.

3. Что Моравскіе князья выпросили ихъ себѣ у Грековъ, вслѣдствіе распространившейся молвы о славянскомъ богослуженіи.

4. Что славянская грамота изобрѣтена и переводъ богослужебныхъ книгъ сдѣланъ не въ 863 году, а только принесенъ тогда въ Моравію, на пути же введенъ въ употребленіе въ Болгаріи.

5. Что нарѣчіе Кириллово ближе всѣхъ къ настоящему русскому языку.

Послѣ этого разсужденія, въ доказательство прочитана была молодымъ Болгариномъ Жензифовымъ Молитва Господня, по древнему Кириллову переводу, какъ онъ значится въ Остромировомъ Евангеліи, и на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

За симъ профессоръ священникъ Сергіевскій прочиталъ разсужденіе профессора Невоструева о переводѣ Евангелія, по древнѣйшимъ харатейнымъ спискамъ, хранящимся въ Москвѣ, XII и XIII столѣтія.

Наконецъ В. М. Ундольскій прочиталъ отрывки изъ похвалы Св. Кириллу, сочиненной ученикомъ его св, Климентомъ, и доставленной почтеннымъ ревнителемъ нашей старины П. И. Саввaитовымъ.

Вечеромъ было засѣданіе Общества Исторіи и Древностей, въ коемъ профессоръ Бодянскій представилъ Житіе Кириллово, напечатанное имъ по семи спискамъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась въ тотъ же день статья профессора Буслаева объ отношеніяхъ церковнаго языка къ русскому.

Перечтите, читатель, все вышеписанное и согласитесь, что день великій почтенъ въ Москвѣ достойнымъ образомъ.

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ

КЪ СЛАВЯНАМЪ.

1862 года, Марта 25 въ день Благовѣщенія.

Славяне намѣрены праздновать тысячелѣтіе своей грамотности, своего христіанскаго просвѣщенія, въ нынѣшнемъ 1862, или слѣдующемъ 63 году, 11 мая, въ день, посвященный памяти ихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія.

Мысль животворная! Западные Европейскіе народы считаютъ эрою основаніе своихъ государствъ остріемъ меча. Мы, восточные, должны начинать нашу исторію именно съ апостольской дѣятельности безсмертныхъ братьевъ, изобрѣтшихъ нашу азбуку, и возвѣстившихъ намъ Слово Божіе на родномъ языкѣ, между тѣмъ какъ прочіе осуждены были долго слыщаще его не слыхать, и видяще не разумѣть.

Гдѣ-же справить намъ нашъ славный праздникъ?

Въ *Царьградѣ*?—Въ Царьградѣ, правда, апостолы наши получили свое образованіе: изъ Царьграда пошли они на святую проповѣдь, пріобрѣвъ всѣ нужныя для того средства и пособія. Но увы! градъ Константиновъ давно ужь томится подъ властію Турокъ, надъ Святою Софіею высится полумѣсяцъ, и языкъ Кирилла и Меѳодія преслѣдуется Греческими Патріархами гораздо жесточе Римскихъ Папъ во время оно.

Въ *Болгаріи*, съ которой началось благовѣстіе, для которой переведены первоначально священныя книги? Нѣтъ, тамъ не посмѣемъ мы и ударить въ колоколъ, чтобъ созвать православныхъ Христіанъ на молитву.

Въ *Москвѣ*? Въ Москвѣ, пріявшей священное наслѣдіе, хранящей искони и чтущей древнее слово во всей чистотѣ

его, считавшей всегда много искреннихъ ревнителей Славянскаго дѣла?—Нѣтъ, вся Европа всполошится за свое равновѣсіе, и припишетъ церковному, народному, ученому торжеству политическій характеръ; всѣ посланники и дипломаты прозрѣютъ здѣсь съ трепетомъ панславянскіе замыслы, и въ смиренныхъ паломникахъ заподозрятъ опасныхъ революціонеровъ, угрожающихъ обществу нарушеніемъ спокойствія. Нѣтъ, въ Москвѣ нельзя быть торжеству, еще менѣе, чѣмъ въ Константинополѣ.

Такъ въ *Брюннѣ* (Брно), гдѣ св. Меѳодій, незадолго предъ кончиною, святилъ церковь, гдѣ покоится прахъ Добровскаго, третьяго изобрѣтателя славянской грамоты?

Или въ *Прагѣ*, гдѣ училъ св. Прокопій, гдѣ въ XI еще вѣкѣ процвѣталъ его православный монастырь, гдѣ Гусситы напомнили народу первоначальное ученіе?

Или въ *Краковѣ*, древней столицѣ Польши, въ *Варшавѣ*, новой ея столицѣ?

Но тамъ вездѣ раздается Латинскій языкъ, совершается богослуженіе по Римскому обряду! Какъ можетъ быть Славянское собраніе въ честь св. Кирилла и Меѳодія, безъ совершенія литургіи, ими переведенной, на ихъ языкѣ, ихъ собственными словами, тѣми словами, кои, за тысячу лѣтъ ими произнесенныя, сохраняются у насъ въ цѣлости и неприкосновенности, какъ будто въ это мгновеніе излетѣли изъ ихъ устъ? Развѣ мыслима латинская миша въ честь св. Кирилла и Меѳодія? Не будетъ ли она ругательствомъ надъ ихъ памятью, вмѣсто воздаянія ей подобающей чести? Нѣтъ, торжеству слѣдуетъ совершиться тамъ, гдѣ есть Православная церковь.

Въ *Вѣнѣ?* — Въ Вѣнѣ оно можетъ быть разогнано пушками, какъ Славянскій съѣздъ 1848 года, или окружиться съ одной стороны противною спирою, оскверняющею всякое благочестивое чувство, съ другой—нозваными дилеттантами,

которые захотятъ выразить при этомъ случаѣ свою ненависть къ настоящему порядку вещей.

Въ Берлинѣ? Нѣтъ, тамъ все населеніе питаетъ враждебныя чувства къ Славянамъ, тамъ воздухъ носится антиславянскій; тамъ собраніе можетъ подвергнуться публичнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, подать поводъ къ прискорбнымъ столкновеніямъ.

Неужели-же въ *Парижѣ*, подъ покровительствомъ Наполеона III, или въ *Лондонѣ*, подъ охраною Англійской конституціи ? Избави Господи! Это первые друзья Турокъ.

Бѣдные Славяне! Васъ чуть-ли не сто милліоновъ, пол-Европы занимаете вы даже теперь подъ своимъ поселеніемъ, а прежде разсыпаны были вездѣ, по всему ея пространству, до крайнихъ предѣловъ; но сынамъ вашимъ, смиреннымъ, безоружнымъ, слабымъ поклонникамъ, негдѣ приклонить голову! Нѣтъ мѣста во всемъ раздольномъ Божіемъ мірѣ, гдѣ-бы они могли помолиться спокойно, свободно, не оглядываясь, не стѣсняясь, не тревожась!

Ужъ не уйдти-ли имъ въ пустыню, и воспѣть тамъ жалобную пѣснь Давидову:

„На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, „внегда помянути намъ Сіона..... прильпни языкъ... „гортани...“ А кстати,—псаломъ этотъ имѣетъ грозное окончаніе: „Помяни, Господи, сыны Едомскіе, въ день „Іерусалима глаголющіе: истощайте, истощайте до основаній „его. Дщи Вавилоня окаянная! блаженъ, иже воздастъ тебѣ „воздаяніе твое... блаженъ, иже имѣетъ и разбіетъ младенцы „твоя о камень.“ Кто же это сыны Едомскіе? Кто же дщи Вавилоня?

Да, отчаянно положеніе Славянъ въ Европѣ! Здѣсь угнетается ихъ вѣра, и они принуждены искать себѣ покровительство у Магомета, или у Папы.—Тамъ вмѣсто пастырей насылаются на нихъ волки въ одеждѣ овчей,

изъ которыхъ иные не пасти, а грабить только, сосать ихъ кровь, способны. Здѣсь вырывается у нихъ языкъ, и они принуждены въ судорогахъ извлекать изъ своей груди чужіе, противные звуки. Тамъ они должны кланяться исконнымъ врагамъ Христова имени и подвергаться ихъ беззаконному суду безъ прекословія. Дѣти осуждены на невѣжество, безъ малѣйшихъ средствъ для образованія; жены и дочери подвергаются безпрерывнымъ поруганіямъ, имущество — добыча перваго разбойника. На землѣ ихъ пируютъ пришлые, незваные гости, и смѣются въ глаза надъ ихъ униженіемъ, заставляя ихъ служить и жертвовать сборному отечеству (gesammtes Vaterland).

Господи! неужели все это должно быть такъ? Неужели Славянамъ нѣтъ никакой надежды на спасеніе?

Лице Европы обновляется. Народы уразумѣваютъ свои нужды, и стремятся къ улучшенію своего быта. Италія пріобрѣла почти себѣ свободу и избавляется изъ-подъ чуждаго вліянія. Раздѣленная Германія ищетъ средствъ соединиться и предъявляетъ торжественно свои желанія. Валахія и Молдавія составляютъ уже одно цѣлое. Жители Іоническихъ острововъ провозглашаютъ сліяніе съ Греческимъ Королевствомъ. Евреи получаютъ себѣ вездѣ права. Сѣверные-Американскіе Штаты воюютъ во имя освобожденія Негровъ отъ рабства, Негровъ, черныхъ дѣтей Хамовыхъ. Что-же? только Славяне должны оставаться вѣчно въ одномъ страдательномъ своемъ положеніи, пресловутомъ statu quo? Нѣтъ это противно всѣмъ понятіямъ о справедливости Божеской и человѣческой!

Въ Европѣ образуется новая держава безъ центра и предѣловъ, безъ бюрократіи и дипломаціи, безъ палатъ и министровъ. Это—общественное мнѣніе, которому начинаютъ мало-по-малу подчиняться самые сильные и самые умные міра сего.

Къ нему, къ нему должны обратиться Славяне. —Другихъ средствъ теперь не предвидится. Никто за нихъ заступиться не можетъ, не хочетъ или не умѣетъ. Вездѣ слышатся однѣ клеветы, напраслины, корыстныя, лживыя показанія. „Друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближишася.... далече сташа.... и ищущіе душу мою, ищущіе злая мнѣ, глаголаху суетная, и льстивнымъ весь день поучахуся.“

Кавура негдѣ взять Славянамъ, Гарибальди и настоящему нечего дѣлать пока на островѣ Капрерѣ; надо искать хоть Петра пустынника! Пусть, одѣтый во вретища, препоясанный ремнемъ, обойдетъ онъ Европу босыми ногами, и повѣдаетъ всѣмъ добрымъ людямъ ихъ несчастную судьбу; докажетъ очевидно, что бѣдствія Славянъ далеко превосходятъ, нейдутъ даже въ сравненіе съ обстоятельствами Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венгровъ, Ирландцевъ, возбуждающихъ благородное участіе во всѣхъ чистыхъ сердцахъ; пусть провозгласитъ онъ торжественно отъ ихъ имени, что терпѣніе ихъ истощилось, и что тяжелаго креста своего они не могутъ нести долѣе...

Славяне въ настоящую минуту не питаютъ никакихъ лишнихъ желаній, не думаютъ сбрасывать съ себя чуждое иго, готовы служить каждому своему Правительству, не ищутъ своей собственности, владѣй ею кому она досталась, въ слѣдствіе историческихъ событій; *но оставьте имъ по крайней мѣрѣ ихъ вѣру*, оставьте имъ ихъ *языкъ*, не считайте ихъ илотами на собственной родной своей землѣ, не отнимайте у нихъ того, что случится имъ пріобрѣсти въ потѣ лица трудами рукъ своихъ; дайте имъ средства учиться, и сдѣлаться достойными Европейскими гражданами, на общихъ правахъ со всѣми.

Не законны-ли эти желанія? Что въ нихъ есть чрезмѣрнаго и неудобоисполнимаго, или опаснаго?

Помилуйте—Славяне вѣдь бѣлые, вѣдь они Христіане, вѣдь они древнѣйшіе Европейскіе старожилы, и принадлежатъ

вмѣстѣ съ вами къ потомству Іафетову? Вспомните, сколько великихъ услугъ оказали они всѣмъ вамъ, принимая на себя удары грозныхъ азіятскихъ варваровъ, даже до новаго времени, до спасенія Вѣны, Вѣны, которая воздаетъ имъ такою чувствительною благодарностію.

Дѣло Славянъ чисто, праведно и свято. Европа должна принять его къ сердцу, должна внять ихъ горестнымъ воплямъ, и подать имъ помощь, помощь дѣйствительную, а не отвлеченную,—не номинальную, какъ то сдѣлано въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года, гдѣ она думала только объ уничиженіи Россіи, а не объ облегченіи Славянъ, за которыхъ заступалась Россія, естественная, историческая ихъ союзница, защитница и покровительница.

Но Славяне должны быть согласны между собою,—къ нимъ обращаемъ мы теперь простую рѣчь свою. Вотъ важнѣйшее, главное условіе ихъ успѣха.

А могутъ ли они похвалиться своимъ согласіемъ? Въ какомъ разнообразномъ сонмѣ, напримѣръ, явятся они на свѣтлый свой праздникъ? Что отвѣтятъ Католики, Протестанты, Кальвинисты, Уніаты, Магометане, на вопросъ: какъ сохранили они священную заповѣдь своихъ безсмертныхъ наставниковъ, отдавшихъ всю жизнь на ихъ просвѣщеніе?

Они сошлются на какую-то роковую историческую необходимость, разметавшую мирное племя по неизмѣримымъ пространствамъ, подвергнувшую его пагубному вліянію хищныхъ, лукавыхъ, вѣроломныхъ сосѣдей; но нельзя отрицать, что собственные ихъ раздоры содѣйствовали больше всего этому пагубному вліянію.

Междоусобія лишили Славянъ и политической независимости: Болгарія, Сербія, Боснія, Богемія, Моравія, Польша, Кроація, Панноніа, Славоніа, Далмація, Стирія, Каринтія—изъ славныхъ сильныхъ государствъ упали на степень подчиненныхъ провинцій.

Да и теперь, стеная подъ игомъ, развѣ выучились Славяне этой, все еще непостижимой для нихъ, наукѣ согласія, наукѣ взаимныхъ уступокъ? Развѣ умѣютъ они пользоваться вѣковыми тяжелыми опытами?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Поляки ненавидятъ Русскихъ, Чехи не ладятъ съ Моравянами, Кроаты ревнуютъ Сербамъ, Босняки чуждаются Болгаръ.

И вотъ, оплакивая это несчастное расположеніе, осмѣливаемся мы, Русскіе, меньшіе и младшіе изъ братьевъ, сохраненные судьбою въ политическомъ отношеніи, обратиться къ старшимъ братьямъ съ словомъ мира и любви, въ день нашего общаго праздника, празднуя тысящелѣтіе Славянской литургіи и грамотности, съ которымъ, по удивительному стеченію обстоятельствъ, сходится Всероссійское тысящелѣтіе.

Пора, пора намъ, откинувъ природную лѣнь, безпечность и равнодушіе, пора намъ понять свое положеніе, одушевиться одною мыслію, устремиться къ одной цѣли и собрать всѣ свои силы для ея достиженія.

У насъ у всѣхъ есть благонадежная точка соединенія: это—языкъ, прошедшій цѣло и невредимо чрезъ всѣ испытанія, чрезъ всѣ пожары и наводненія, чрезъ всѣ войны и нашествія, не смотря ни на какія козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ, достигшій высокой степени совершенства по всѣмъ почти нарѣчіямъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Языкъ—это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего счасенія, залогъ нашихъ успѣховъ.

При началѣ Славянской исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъже рукамъ досталось разсыпать однѣ и тѣже сѣмена по всѣмъ странамъ Славянскимъ. О если-бы теперь, исполняющемуся тысящелѣтію, о если-бы теперь, за литургіею святыхъ Кирилла и Меѳодія, услыша

ихъ вѣщіе звуки, встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ враждующихъ между собою, разномыслящихъ братьевъ!

О, если-бы возродились они всѣ въ единомъ любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!

Вотъ была-бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на что-бъ они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали-бы намъ долу отеческое благословеніе.

Вотъ было-бы вмѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, лучшее выраженіе нашей признательности къ трудамъ, усиліямъ и заботамъ милыхъ, дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу, — Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Коляра, Мицкевича, Сметану, Челаковскаго, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, — вслѣдъ за Милутиновичемъ, Юнгманомъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Прешлемъ, Добровскимъ. Увы! никто изъ нихъ умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: „Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣша очи мои спасеніе Израиля!“ Увы! всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, не видя единаго луча надежды, истекая кровью, точившеюся изъ сердца.

Помолимся-же, братія, въ этотъ приснопамятный для насъ день, молитвами святыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вмѣстѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, позабывъ наслѣдственную ненависть и злобу, прощая другъ другу и врагъ врагу; помолимся едиными устны и единымъ сердцемъ Милосердому Богу, *да не до конца Онъ прогнѣвается, нижде во вѣкъ враждуетъ;* помолимся, да снизойдетъ къ намъ миръ, — и будетъ едино стадо и единъ Пастырь!

М. Погодинъ.

ВАРІАНТЫ

КЪ СЛУЖБѢ СВ. КУРИЛЛУ,

изъ списковъ московской Типографской библіотеки.

(См. выше стран. 248; 280—290.)

Въ библіотекѣ Московской Сунодальной Типографіи найдены мною три списка службы св. Куриллу, просвѣтителю славянъ, о которыхъ знаютъ очень немногіе, занимавшіеся въ этой библіотекѣ. Служба помѣщена подъ 14 числомъ февраля въ двухъ минеяхъ и трефолоѣ, писанныхъ на пергаменѣ, въ 4 д. листа. Изъ нихъ минея подъ № 67 отличается глубокою древностію: судя по письму, близко подходящему къ письму миней XI вѣка, находящихся въ тойже библіотекѣ, въ которыхъ время написанія обозначено (№ 63-1096 г. и № 44-1097 г.), минею подъ № 67 можно отнести, по крайней мѣрѣ, къ XII вѣку. Трефолой подъ № 6 писанъ, по видимому, въ XIII в; минеяже подъ № 38 болѣе поздняго времени. Въ минеяхъ служба св. Куриллу находится вмѣстѣ съ службой пр. Авксентію, а въ трефолоѣ подъ 14 числомъ февраля помѣщена служба одному св. Куриллу. По содержанію своему, очевидно заимствованному изъ одного и тогоже житія св. Курила, встрѣчающагося въ нашихъ прологахъ, рукописныхъ и печатныхъ, типографскіе списки службы совершенно сходны какъ между собой, такъ и съ сунодальнымъ спискомъ (минея № 164). Небольшое исключеніе составляетъ трефолой, гдѣ помѣщены кондакъ и икосъ,

которыхъ нѣтъ въ минеяхъ, но которые мы встрѣчаемъ у Григоровича на стр. 10 изданнаго имъ въ 1862 г. въ Казани канона св. Кѵриллу.

Полагая, что многіе не безъ интереса узнаютъ о существованіи малоизвѣстныхъ типографскихъ списковъ службы, считаю не лишнимъ привести здѣсь варіанты: сначала изъ трефолоя къ напечатаннымъ у Григоровича кондаку и икосу, а потомъ изъ всѣхъ трехъ типографскихъ списковъ-къ сѵнодальному списку службы св. Кѵриллу (№ 164).

Въ кондакѣ у Григоровича читаемъ: кѵ̀рїле блж҃не — въ типогр. трефолоѣ: кюриле ст҃е; слова: прѣсвѣтлое — въ трефолоѣ нѣтъ; Григ. просвѣщаѭ чюдесы — треф. просвѣтѧ оученіемь ст҃е.

Въ икосѣ у Григ: възлюбивъ мѫдре — въ треф: възлюби ст҃е; Григ. трьсл҃нчнаго — треф. трисълньценами; Григ. ѡ́свѣтимь прои́де — треф: освѧщаемъ приде; въ треф. въ всю вселеноую — у Григ. словъ: въ всю — нѣтъ; Григ. просвѣтивъ странѫ — треф: землю просвѣщь; Григ. всиа́ — треф. ꙗвисѧ; Григ. блж҃ене — треф. ст҃е; Григ. испроси послати — треф. испрошь, а сл. послати — нѣтъ; Григ. непрѣстанно мл҃итисѧ за всѧ — въ трефолоѣ послѣднихъ словъ нѣтъ.

Приводя изъ типогр. рукописей варіанты къ сѵнодальному списку службы св. Кѵриллу, рукописи мы будемъ обозначать: сѵнодальную-буквою С, типографскія же — ихъ нумерами, а тропари каждой пѣсни будемъ отличать цифрами: 1, 2, 3.

С. Мц҃а то҃ въ. д҃і. прп҃бьнаго оц҃а нашего. аѵѯентиꙗ. и ст҃го кюрила; № 67. — тоже; № 38. послѣ слова: ст҃го приб: ѡц҃а, а послѣ слова: кѵрила приб: оучителѧ словеньскоу ꙗзыкоу; № 6. такъ какъ помѣщена здѣсь

служба одному св. Кvриллу, то о пр. Авксентіи, разумѣется, неупоминается; послѣ слова: ст҃го также приб. оц҃а, а послѣ слова: кюрила приб. философа и оучителѧ словѣньска ꙗзыка.

С. Сѣ҃. курилѣ. — слова: курилѣ въ тип. спискахъ нѣтъ; а вмѣсто того въ сп. №№ 67 и 38 просто стоитъ: ино; С. невечернии—№ 6. навечернии.

Послѣ сѣдальна въ трефолоѣ слѣдуютъ вышеуказанные кондакъ и икосъ.

С. Ст҃їр. курилѣ — №№ 67 и 6. слова: курилѣ нѣтъ; а въ № 38 стихира совсѣмъ не озаглавлена, и самый гласъ не показанъ.

Стихира I. С. Красотоу свѣтьлоу. добродѣтель— №№ 67 и 38. Красотоу пресвѣтьлоу. дѣтель; № 6. Красьноу и прѣтьлоу. дѣтель. С. № 67 и 38. дѣлатель— № 6. дѣтель.

Стих. 2. С. №№ 67 и 38. приимъша—№ 6. приимъше. С. №№ 67, 38. пѣниими. — № 6. пѣ҃м.

Стих. 3. С. Житиѥ твоѥ—№ 67. Житие ти; № 38. Житиѥ тиѥ твоѥ; № 6. слова: твоѥ нѣтъ. С. №№ 67 и 38. хвалѧщиимъ—№ 6. хвалѧщии.

С. Ка҃. оц҃а нашего курила. оучителѧ словѣньскоу. ꙗзыкоу.—№ 6. просто: Ка҃; №№ 67 и 38. словъ: оучителѧ словѣньскоу ꙗзыкоу — нѣтъ; кромѣ того въ № 67 передъ словомъ: Кано҃ написано: въ т҃ъ дн҃ь ст҃го курила.—С. №№ 6 и 38. отъвьрзъ оу ⁘ —№ 67. ѿврьзоу оуста моꙗ. — Пѣсиь а҃.—1. С. Въ чаши—№№ 67, 38 и 6. Въ чашоу.— С. преложь—№ 38. преложи; №№ 67 и 6. приложь.— С. №№ 67 и 38 пиꙗньства— № 6. пиваниꙗ. —С.

свѣтъ ѧви—№ 67. свьтѧсѧ ꙗви; № 38 и 6. свѣтъ сѧ ꙗви.

2. № 6. вм. тьмьнъıихъ—ихъ.

3. С. №№ 6 и 38. отъ поучинъı— № 67. ѿ поустъıнѧ. № 6. слова: и—нѣтъ.

Бог: С. Красьнъıи оумъ—№№ 67 и 38. Красьнъıимь; № 6. Красьнъıими. — № 67. слова: бо — нѣтъ. — С. №№ 6 и 38. понесе—№ 67. понесъшиꙗ.—С. прѣсвѧтаꙗ—№№ 67, 38 и 6. престаꙗ твоꙗ.

Пѣснь г҃. 1. С. №№ 38 и 6. ꙗзъıкъмь—№ 67. разоумъмь.—С. №№ 67 и 6. блажене—№ 38. блж҃ное.

2. С. №№ 67 и 38. съпасена—№ 6. сп҃снъı.

3. С. №№ 67 и 38. глаголива—№ 6. глаголивъıи.

Богор.—С. № 38. твоꙗ—№№ 67 и 6. своꙗ. № 6. послѣ слова: въселисѧ приб. и. № 38. вм. родисѧ—родивъсѧ.

Пѣснь д҃. 1. № 6. послѣ слова: похотию приб: и; также и иослѣ слова: больша приб: и. № 38. вм. премоудрости—премоудростию.

2. С. преложьсѧ—№№ 67 и 6. приложьсѧ, № 38. приложьшасѧ. С. № 67. тѣлесъ—№№ 6 и 38—нѣтъ. С. и № 38. въ плъть—№ 67. въ плъти; № 6.—нѣтъ. С. иисуса—№ 6. исоуса; №№ 67 и 38. іс҃а.

3. С. №№ 38 и 6. Равьносоущю—№ 67. Равьносоущноу.—С. №№ 67 и 6. свѧтаго—№ 38. пр҃таго. № 38. послѣ слова: сн҃оу—приб. и. С. №№ 67 и 38. по поданию—№ 6 по проповѣданию.

Богор. С. №№ 67 и 6. Избавльшесѧ—№ 38. Избавльшасѧ. № 6. послѣ слова: дѣво—приб. и.

Пѣснь ѳ. 1. С. № 38. благодать—№№ 67 и 6. бл҃годѣть.—С. №№ 67 и 6. излишася—№ 38. излишашася.—С. №№ 67 и 6. нечьствующемъ—№ 38. нечт҃ьмъ; вм. же: наводьненоу—наводноу.

2. № 6. послѣ слова: льсти, а также и послѣ слова: стьзю—приб. и.

3. С. №№ 67 и 6. Преплавающеи—№ 38. Преплавающе.

Богор. С. №№ 67 и 6. человѣкы сътворилъ—№ 38. причастьникы створилъ.

Пѣснь і҃. 1. С. №№ 67 и 38. Сънмъ—№ 6. Съномь. С. №№ 67 и 6. единого божьства—№ 38. едино бж҃твьна. № 67. вм. оубо—бо.

2. № 38. вм. имена—имене.—№ 6. вм. хранящии—хранящи. и.

3. С. вм. измлада—измада.—№ 38. послѣ слова: измлада приб. истиньноую.—№№ 67 и 6. послѣ слова: прѣмоудрость приб: истиньноую премоудрость.—С. послѣ слова: приялъ приб: ю.

Пѣснь і҃. № 67. вм. непослоужиша—непоклонишася.

1. № 6. вм. въ оградѣ сватѣи—въ оградѣ с҃тыи.—№ 38. вм. сластию—сладостию.—С. и № 67. словесы твоими—№№ 38 и 6. словесъ твоихъ.

2. С. № 67. стълпъ. ако онъ хананѣскыи—№ 6. стълпъ. ако хананьскыа; № 38. ако с҃тлпъ анъ ахананьскыи.

3. № 38. вм. высѣмъ—всеи.—№ 6. вм. теченикмь—оученикмь.—№ 67. вм. цркъвь господьню—кръвь гд҃ноу.

Богор. С. № 67. сѣдѣи—№ 38. сѣдѣла; № 6. та створи; вм. вьсельшася—вьсельсѧ. № 38. вм. сътоужа-

ющю ми—стоужаеми.—№ 6. вм. прѣгрѣшении—прѣгрѣшению.

Пѣснь и҃. 1. № 67. вм. Свѣтѣ—Свѣтъ.—№ 38. вм. дѣтельми—дѣльми.—С. пририста; №№ 67 и 38 прѣристаꙗ; № 6. прѣтече.

2. С. приложьсѧ; № 38. преложьсѧ; №№ 67 и 6. приложисѧ.—№ 6. вм. голиада—лиада.

Богор.—№ 6. вм. дьньми—дн҃ьмъ; вм. свѧтоую—чт҃оу.—С. послѣ слова: прѣвъзносимъ приб: въ вѣк.; № 38—его въ вѣкъі.

Пѣснь ѳ҃.—С. №№ 6 и 38. еуга оубо нед...—№ 67. евга оубо ѡслоушанї...,

1. С. христосъ—№ 6. х҃е; №№ 67 и 38. х҃а.—№ 38 вм. бльщатисѧ—бльщати; вм. мъножа—множаиша. С №№ 6 и 38. и говѣниемь.—№ 67. говѣнимъ.

2. № 38. вм. блаженоуоумоу—бж҃твьномоу; вм. егоже—его; вм. расѣваꙗ—расѣꙗ.

3. С. въсиꙗвъ—№№ 6, 38, 67. въсиꙗ. С. № 67. лоучами—№№ 6 и 38. и лоучами.—С. №№ 38 и 67. о рацѣ. стоꙗщиихъ оу твоего тѣла—№ 6. оу рацѣ стоꙗщихъ ст҃го твоего тѣла.

Богор.—№ 67. вм. твоего—своего.—С. № 67. гъібельнѣмь—№№ 6 и 38. погъібельнѣмь; С. съкроушающи. оскърблѧюща; № 6. съкроушающи. оскърблѧющаꙗ; № 38. скроушающи. ѡскърблѧющихъ; № 67. съкроушающа. оскрьблѧющи.

А. Арсеньевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Житія св. Кирилла и Меѳодія. Разсужденіе *А. В. Горскаго*. 5

Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. *Архіеп. Филарета Черниговскаго*. 43

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи московскаго общества любителей россійской словесности предсѣдателемъ, *М. П. Погодинымъ*, 11 Мая 1863 года, въ память о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ. 81

О Кириллѣ и Меѳодіѣ и тысячелѣтней ихъ годовщинѣ. *А. Ѳ. Гильфердинга*. 145

Записка о переводѣ евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. *К. П. Невоструева*. 209

Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе Славянскихъ Апостоловъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. *В. И. Григоровича*. 235

О древнихъ канонахъ святымъ Кириллу и Меѳодію. *А. В. Горскаго*. 271

Служба св. Кириллу и Меѳодію, по Синодальному списку . 285

Сравнительное достоинство списковъ службы св. Кириллу, принадлежащихъ: г. Григоровичу и моск. Синодальной Библіотекѣ. *П. С. Казанскаго*. 297

Память и похвала св. Кириллу и Меѳодію (изъ рук. *П. И. Севастьянова*) 309

Похвала св. Кириллу, соч. еп. Климента (по рук. *П. И. Савваитова*). 313

Слово о перенесеніи мощей св. Климента Римскаго (изъ Мак. Четь-Миней). 319

Житіе и перенесеніе мощей св. Климента (Италіянская Легенда въ русс. пер—изъ рук. Румянцовскаго Музея) 327

Vita cum translatione s. Clementis (Ex Act. SS.). . . . . —

Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ. *А. Е. Викторова*. . . . 343
Слово на день памяти св. Кирилла и Меѳодія. *А. В. Горскаго*. 441
Въ память первоучителей Славянства. *П. А. Бевсонова*. . 449
По поводу памяти св. Кирилла и Меѳодія. *Ѳ. И. Буслаева*. 510
О притчахъ св. Кирилла Философа, учителя Славянскаго. *С. А. Соболевскаго*. 526
11 Мая въ Москвѣ. изъ письма *И. С. Аксакова*. . . . 534
Другое извѣстіе о томъ же. №. №. 539
Окружное Посланіе къ Славянамъ, 1862 года Марта 25, въ день Благовѣщенія. *М. П. Погодина*. 542
Варіанты къ службѣ св. Кириллу, изъ списковъ московской Типографской библіотеки. *А. И. Арсеньева*. 550

На стр. 222 строка 8 снизу ссылку на Добровскаго, и далѣе въ строкахъ 4—6 цитаты изъ него же, равно и на стр. 223 строка 1 и 2 сверху указаніе на Добровскаго слѣдуетъ вовсе исключить.

На стран. 112, за строкою 7, пропущены слова. „послѣ Гильфердинга:“

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКИХЪ АПОСТОЛОВЪ.

А. Викторова.

МОСКВА.
въ Сунодальной Типографіи.
1865 года.

(Заимствовано: изъ Кириллo-Меѳодіевскаго Сборника.)

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

Славянскихъ Апостоловъ.

О Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ. Москвитянинъ. 1843. № 6.

Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Von Wilhelm Wattenbach. Wien. 1849.

Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Von Ernst Dümmler. Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Wien. 1854. Band XIII.

О Времени происхожденія славянскихъ письменъ. Соч. О. Бодянскаго. Съ 19-ю снимками. Москва. 1855 г.

Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie. Von Dr. I. A. Ginzel. Leitmeritz. 1857.

(Писано въ 1858 г.)

I.

Жизнь и дѣятельность Славянскихъ Апостоловъ имѣли огромное и рѣшительное вліяніе на судьбу и образованіе всего славянскаго міра. Составленіе славянскихъ письменъ, переводъ Священнаго Писанія и другихъ книгъ на славянскій языкъ, зарожденіе и первые опыты славянской народной письменности, преобразованіе языка, распространеніе и окончательное утвержденіе между Славянами христіанской вѣры, собраніе большей части сла-

вянскихъ племенъ въ отдѣльныя государства, наконецъ вообще пробужденіе и возвышеніе въ нихъ народнаго самопознанія и первый шагъ ихъ на поприщѣ общечеловѣческой образованности—все это такія событія, которыя неразрывно связаны съ именами Кирилла и Меѳодія. Вотъ почему и исторія ихъ имѣетъ высокій и всегдашній интересъ для Славянъ и не—Славянъ. Скоро минетъ тысячелѣтіе послѣ выступленія Кирилла и Меѳодія на поприще ихъ дѣятельности, а интересъ этотъ съ теченіемъ вѣковъ не только не ослабѣваетъ, но все болѣе и болѣе усиливается. Начавшееся въ послѣднее время движеніе славянскихъ племенъ въ Австріи и Турціи и возрожденіе между ними образованности обращаетъ на нихъ и на ихъ историческія судьбы общее вниманіе цѣлой Европы; а съ этимъ вмѣстѣ увеличиваетъ общій интересъ и къ исторіи первовиновниковъ славянскаго образованія. Наука, которая всегда съ готовностію отзывается на всякое движеніе жизни и мысли, и въ настоящемъ случаѣ остается вѣрною своему призванію, находясь въ полной гармоніи съ общимъ направленіемъ умовъ. Такъ, изученіе славянскихъ народностей, ихъ исторіи и древностей, никогда не двигалось впередъ съ такимъ успѣхомъ, какъ въ послѣднее время: появленіе новыхъ ученыхъ трудовъ славянскихъ и не—славянскихъ ученыхъ въ области славянской археологіи, филологіи и исторіи, новыя изданія памятниковъ славянской письменности, основаніе новыхъ ученыхъ обществъ для разработки славянскихъ древностей, учрежденіе для тойже цѣли ученыхъ каѳедръ въ европейскихъ университетахъ—все это служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Въ частности, въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу, т. е. въ отношеніи къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, наука въ послѣднее время также обогатилась значительными приобрѣтеніями. У насъ въ Россіи,

въ недавнее время, открыто, или точнѣе возобновлено въ памяти науки, нѣсколько новыхъ, для этой исторіи чрезвычайно важныхъ памятниковъ, которыми отчасти уже воспользовались знатоки отечественной Церковной Исторіи: епископъ Макарій и архіепископъ Филаретъ, — первый въ своей „Исторіи Христіанства въ Россіи до Владимира“ (1) второй въ краткой біографіи Кирилла и Меѳодія, помѣщенной имъ въ Чтеніяхъ Московскаго Истор. Общества и давно уже переведенной на нѣмецкій языкъ. (2) Самое приближеніе роковой цыфры лѣтъ послѣ изобрѣтенія славянской азбуки, т. е. приближеніе тысячелѣтняго юбилея этого многознаменательнаго событія, не говоря о другихъ, вышеисчисленныхъ побужденіяхъ, естественно должно было возбудить и усилить вниманіе ученыхъ къ первобытной эпохѣ славянскаго образованія. Такъ отчасти именно этому обстоятельству отечественная наука обязана появленіемъ въ ней такого труда, который по богатству матеріаловъ оставилъ за собою далеко всѣ предшествующіе. Мы разумѣемъ, давно уже извѣстное нашей ученой публикѣ, сочиненіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ.“ Сочиненіе это ближайшимъ образомъ имѣетъ своимъ предметомъ частный въ жизни Кирилла и Меѳодія вопросъ о времени изобрѣтенія, или составленія ими славянской азбуки; но при той полнотѣ и всесторонности изслѣдованія, какую далъ авторъ своему труду, и при той важности, какую имѣетъ этотъ вопросъ въ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, — въ упомянутомъ сочиненіи разсмотрѣны съ большею или меньшею подробностію всѣ важнѣйшія стороны ихъ дѣятельности.

(1) С П Б. 1856 г.

(2) 1846 г. № 4. Нѣмецкій переводъ біографіи Кирилла и Меѳодія изданъ въ Митавѣ въ 1846 г., отдѣльною книжкою.

Западные ученые,—славянскіе и нѣмецкіе,—первые положившіе начало ученой обработкѣ исторіи Кирилла и Меѳодія, въ послѣднее время такъ же представили по этому предмету нѣсколько ученыхъ трудовъ, заслуживающихъ полное вниманіе науки, а тѣмъ больше науки отечественной, обязанной своимъ происхожденіемъ тому великому дару, какой данъ былъ намъ безсмертными изобрѣтателями славянской азбуки, въ лицѣ западныхъ нашихъ братій. Къ числу замѣчательнѣйшихъ изъ этихъ трудовъ принадлежатъ сочиненія, которыхъ заглавія мы выписали выше. Изъ нихъ первыя два были вызваны вновь открытыми источниками для исторіи разсматриваемой эпохи и имѣютъ ближайшею цѣлію критическое ихъ обслѣдованіе; а сочиненіе Гинцеля содержитъ въ себѣ систематическое обозрѣніе цѣлой жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ по вновь открытымъ и прежнимъ источникамъ и современнымъ изслѣдованіямъ,—съ цѣлію „восполнить ощутительный въ современной ученой литературѣ недостатокъ полной прагматической исторіи Кирилла и Меѳодія, сообразной съ современными требованіями науки.“ Книга Гинцеля представляетъ въ себѣ явленіе тѣмъ болѣе интересное, что со времени Добровскаго, да и прежде него,—если не считать неудачнаго опыта Стредовскаго,— (¹) еще не было полной системематической біографіи Славянскихъ Апостоловъ. Трудность задачи и множество спорныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ останавливаетъ попытки даже опытныхъ изслѣдователей взяться за подобный трудъ. Вотъ почему Дюммлеръ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ австрійскихъ и славянскихъ древностей, обслѣдовавши въ разсматриваемомъ своемъ трудѣ вопросъ объ исторической

(¹) Sacra Moraviae historia, sive vita SS. Cyrilli et Methodii 1710.

достовѣрности паннонскаго житія Меѳодія, предлагаетъ обозрѣніе жизни и дѣятельности его только въ видѣ примѣчаній и камментаріевъ къ новооткрытому памятнику, съ цѣлію согласить сообщаемыя въ немъ новыя данныя съ показаніями прежде бывшихъ извѣстными источниковъ. „Связное изложеніе дѣятельности Меѳодія, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, мнѣ представляется невозможнымъ, потому что большая часть вопросовъ въ его жизни, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, доселѣ остаются нерѣшенными, и при существующихъ матеріалахъ едва ли и могутъ быть рѣшены. Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ вопросы объ отношеніи Глаголитскаго письма къ Кирилловскому, о числѣ переведенныхъ братьями книгъ, о національности древнихъ Моравлянъ и наконецъ о мѣстѣ архіепископской каѳедры и времени смерти Меѳодія. И хотя въ трудахъ моихъ предшественниковъ историческая истина часто затемняема была предзанятыми мнѣніями и національными пристрастіями; но это не заставило бы меня принять на себя трудную задачу изслѣдованія жизни Меѳодія, еслибы я не руководствовался при этомъ желаніемъ для будущихъ изслѣдователей представить въ ясномъ видѣ важность вновь открытаго источника.“ „Я желалъ бы, говоритъ далѣе Дюммлеръ, что бы на мои изслѣдованія смотрѣли какъ на трудъ приготовительный, и что бы онъ вызвалъ собою кого либо изъ знатоковъ славянскихъ древностей съ болѣе достаточными силами окончить то, что мною такъ неудовлетворительно начато„.

Почти въ такомъ же непритязательномъ видѣ является и сочиненіе Ваттенбаха. Представляемое имъ обозрѣніе жизни Кирилла и Меѳодія составляетъ какъ бы приложеніе къ открытому и изданому имъ новому источнику для ихъ исторіи, это именно къ буллѣ папы Стефана V къ мо-

равскому князю Святополку. „Объ исторіи Моравскихъ Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, говоритъ Ваттенбахъ, писано было очень много, и почти каждый отдѣльный пунктъ ихъ дѣятельности былъ предметомъ самыхъ живыхъ споровъ. Къ источникамъ, бывшимъ извѣстными прежде, теперь присоединяется новый, и, какъ всѣ другіе, онъ долженъ быть подвергнутъ строгой критической оцѣнкѣ. При изданіи этого акта, мнѣ кажется умѣстнымъ войти въ разсмотрѣніе, въ какое должны стать отношеніе добытые изъ него результаты съ фактами, которые были извѣстны прежде, и какъ должны дополнять ихъ? Но гдѣ искать этихъ фактовъ? Вездѣ они смѣшаны съ предположеніями и догадками, которыя съ такою же рѣшительностію утверждаютъ одни, съ какою отвергаютъ другіе. Добровскій принялъ за правило (которому и слѣдовалъ) — основываться только на достовѣрныхъ источникахъ; но со времени этого ученаго частію открыто много источниковъ новыхъ, частію нѣкоторымъ изъ прежнихъ дано болѣе правильное значеніе, а иные вопросы подвергнуты болѣе точному критическому изслѣдованію. Я съ своей стороны, для выполненія своей задачи не нахожу лучшаго средства, какъ вновь принять за правило принципъ, указанный Добровскимъ, и мнѣ кажется, что читателямъ не непріятно будетъ найти здѣсь изложеніе того, что современники и ближайшіе ихъ потомки сообщаютъ намъ о тѣхъ временахъ и отношеніяхъ. Я слишкомъ далекъ отъ мысли отвергать, что позднѣйшія извѣстія, при строгой критической ихъ оцѣнкѣ, могутъ привести къ дальнѣйшимъ результатамъ; но здѣсь, что ни шагъ, то новый предметъ для спора, а мнѣ хотѣлось бы остаться на мирномъ поприщѣ.“

Такое скромное сознаніе своего безсилія предъ трудностію задачи составить полную и удовлетворительную біографію

Кирилла и Меѳодія, высказываемое если не первыми, то и далеко не дюжинными знатоками славянской древности, невольно приводитъ къ мысли, — не преждевременна ли въ настоящее время попытка писать систематическую исторію безсмертныхъ изобрѣтателей славянской азбуки? И въ самомъ дѣлѣ, а какъ представишь громаду источниковъ для ихъ исторіи, далеко еще не подвергнутыхъ должному критическому анализу, длинный рядъ извѣстій изъ всѣхъ вѣковъ, — извѣстій часто совершенно разнорѣчивыхъ, которыя только ожидаютъ соглашенія, и огромную литературу изслѣдованій съ самыми противоположными выводами; то вопросъ этотъ едва ли приметъ положительное рѣшеніе. Исторія Кирилла и Меѳодія, въ полномъ ея объемѣ, въ настоящее время представляетъ въ себѣ множество почти непобѣдимыхъ трудностей. Изслѣдователю, который взялъ бы на себя подобную задачу, пришлось бы брать приступомъ почти каждый шагъ, на каждомъ пунктѣ соглашать противорѣчія, наводить самыя отдаленныя справки, бороться съ разными, часто совершенно противоположными мнѣніями. Только такимъ путемъ для него возможно будетъ отдѣлить, какъ выражается Шлецеръ, а за нимъ Добровскій, золото исторической истины отъ нагара благочестивыхъ вымысловъ.“ Это требованіе, вѣрное въ отношеніи къ историческимъ работамъ подобнаго рода вообще, имѣетъ особенное значеніе въ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, которая по преимуществу богата такъ называемыми второстепенными, третьестепенными и т. д. источниками, представляющими, какъ извѣстно, при историческихъ изслѣдованіяхъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ источники первостепенные. Живой примѣръ такой трудности, а вмѣстѣ и блестящаго преодолѣнія ея представляетъ разсматриваемое сочиненіе проф. Бодянскаго, взявшаго на себя задачу разсмотрѣть вопросъ о времени происхожденія славянскихъ письменъ во всемъ

его объемѣ. Почтенный профессоръ такъ отзывается о предстоявшихъ ему затрудненіяхъ въ изслѣдованіи взятаго имъ для разсмотрѣнія вопроса.

„Начиная съ самаго почти появленія селунскихъ благовѣстниковъ въ земляхъ славянскихъ, говоритъ онъ, до конца XII вѣка, стало быть въ продолженіе трехъ съ половиною вѣковъ, свои и чужіе, на отечественномъ и другихъ языкахъ (греческомъ и латинскомъ), описывали ихъ благодѣтельныя дѣйствія и передали современникамъ и позднему потомству; потому рядъ свѣдѣтельствъ о нихъ, слѣдовательно и о нашемъ предметѣ, непрерывно продолжался и доставилъ намъ 22 свѣдѣтелей.... Есть, стало быть, что послушать, и раскинуть, какъ говорится, о чемъ умомъ—разумомъ. Ибо не всѣ они одно и тоже передаютъ намъ: тутъ слышимъ голосъ съ разныхъ сторонъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Отъ того естественно нельзя было ожидать строгаго согласія и точности въ передаваемомъ: не всякій разсказываетъ только, что и какъ происходило, но еще примѣшиваетъ къ тому и свой взглядъ, а иногда даже догадки о такомъ, чего, по его мнѣнію, недостаетъ тутъ для его полноты. Это необходимо вело къ порчѣ, искаженію первоначальльной основы дѣйствительно случившагося..... И такъ нужно отдѣлить, что не принадлежитъ, не могло и не должно принадлежать по существу самаго дѣла, первоначально къ разсказываемому произшествію, а привнесено послѣ людьми къ людскому, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, цѣлей и побужденій.“... Нельзя было и ожидать, „чтобы всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ были отмѣчены печатью подлинности и современности, чтобы дошли они къ намъ безъ всякихъ наростовъ и измѣненій, въ ихъ первичности и чистотѣ. Плавая по морю, нельзя, чтобы какой валъ его не хлеснулъ когда и намъ въ лицо, не

оставилъ слѣда и на нашемъ платьѣ. Не много такихъ счастливцевъ, которые безъ треволненій и крушеній выходятъ на берегъ. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ поврежденія судно, уцѣлѣло ль что отъ его первобытнаго вида, годно ли еще оно и по скольку годно? А по тому первое дѣло отдѣлить первооснову отъ нароста, бывшее отъ небывшаго, голосъ очевидца—современника отъ голоса толкователей послѣдующаго времени, ихъ догадокъ, украшеній, передѣлокъ и т. п. По сему вся тайна изслѣдователя заключается въ умѣньѣ отличить дѣйствительное отъ возможнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго и даже небывалаго“ (стр. 145-148).

Само собою разумѣется, что трудности, встрѣченныя почтеннымъ профессоромъ въ его трудѣ, имѣющемъ предметомъ одинъ вопросъ въ жизни Славянскихъ Апостоловъ, хотя и болѣе другихъ затруднительный, должны въ неимовѣрной степени увеличиться при составленіи ихъ біографіи—полной, систематической. Число источниковъ въ такомъ случаѣ естественно далеко возрастаетъ противъ цыфры, указанной нашимъ изслѣдователемъ въ приведенной выпискѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ и сумма противорѣчій, требующихъ примиренія, или по крайней мѣрѣ объясненія со стороны ученаго, который бы взялъ на себя подобную задачу. Чтобы подтвердить наши слова фактами и представить въ ясномъ видѣ, какъ далеко расходятся другъ отъ друга источники, по разсматриваемому предмету, въ полномъ ихъ объемѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнятся мнѣнія изслѣдователей, укажемъ нѣсколько тому примѣровъ. По однимъ источникамъ Кириллъ и Меѳодій были греки, по другимъ славяне; по однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меѳодій, по соображенію съ другими Кириллъ; по однимъ только послѣдній путешествовалъ къ Хазарамъ, по другимъ

оба. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меѳодію, третьи обоимъ, и притомъ самыя свидѣтельства объ этомъ, при своей неопредѣленности, даютъ возможность подъ именемъ славянскихъ письменъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ—азбуку Кирилловскую,—другимъ Глаголитскую. Мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки одни источники назначаютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи Болгарію, четвертые наконецъ Херсонъ, гдѣ будто бы Кириллъ нашелъ уже готовыя письмена. Временемъ изобрѣтенія славянской грамоты по однимъ извѣстіямъ былъ 852-й годъ, по другимъ—855, по третьимъ 858—861, по четвертымъ 862, по пятымъ 865-й и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась 3 года, по другимъ 3 года съ половиною, по третьимъ 4 года съ половиною, по инымъ наконецъ Апостолы Славянскіе вовсе не были въ Моравіи, а дѣятельность ихъ ограничивалась одною Болгарію. Точно такія же противорѣчащія свидѣтельства существуютъ о санѣ Кирилла и времени посвященія его и Меѳодія въ епископы, о мѣстѣ епископской каѳедры послѣдняго, о времени кончины Кирилла (источники назначаютъ годы: 868, 869, 870, 871 и т. д), о мѣстѣ и времени кончины Меѳодія (—годы 881, 885, 886, 892, 893, 894, 899, 900) о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи, о числѣ переведенныхъ ими книгъ, о славянскомъ нарѣчіи, на которое сдѣланъ былъ переводъ и прч. и проч. Не нужно конечно прибавлять, что чѣмъ источники позднѣе, тѣмъ далѣе свидѣтельства ихъ расходятся какъ другъ съ другомъ, такъ и съ свидѣтельствами древнѣйшими. Вотъ почему Ваттенбахъ, а за нимъ и Дюммлеръ, опасаясь можетъ быть запутаться въ разборѣ разнорѣчащихъ показаній позднѣйшихъ источниковъ, или просто не желая входить въ расмотрѣніе ихъ, рѣшились ограничиться въ своихъ, разсматриваемыхъ

нами, изслѣдованіяхъ, только извѣстіями древнѣйшими; и вотъ почему нашъ отечественный изслѣдователь, взявшій на себя задачу разсмотрѣть свой вопросъ въ полномъ его объемѣ, по всѣмъ прежнимъ и открытымъ имъ самимъ источникамъ, въ своемъ сочиненіи положительному изложенію сдѣланныхъ имъ выводовъ предпосылаетъ огромное обозрѣніе источниковъ (стр. 1—140), а потомъ критическій разборъ самыхъ свидѣтельствъ и исторію мнѣній ученыхъ о данномъ вопросѣ (стр. 141—337). Всякій согласится, что въ подобныхъ случаяхъ вопросъ объ историческомъ достоинствѣ источниковъ есть вопросъ первой важности: никакое остроуміе, никакая проницательность историка не замѣнитъ въ его изслѣдованіяхъ недостатка критическихъ основъ. Самое прочное по видимому зданіе должно будетъ обрушиться, если не крѣпокъ фундаментъ, на которомъ оно воздвигнуто. Это дѣйствительно и случалось уже не разъ съ историко-критическими работами ученыхъ надъ исторіею Славянскихъ Апостоловъ. Какъ ни основательны были повидимому историко-критическія положенія, изложенныя Добровскимъ въ его біографіи Кирилла и Меѳодія, но тотъ часъ же послѣ выхода ея въ свѣтъ (1824 г.), по поводу критики Блюмбергера, возникли сомнѣнія, которыя готовы были подорвать въ самомъ основаніи зданіе, воздвигнутое знаменитымъ славянистомъ, а въ послѣдующее время, въ слѣдствіе новыхъ критическихъ розысканій (о житіи Климента) и новыхъ открытыхъ наукою данныхъ, исторія Кирилла и Меѳодія естественно должна была во многомъ получить совсѣмъ другой видъ, нежели какой данъ былъ ей Добровскимъ. Точно такъ же и Добровскій своими изслѣдованіями во многомъ измѣнилъ историческіе выводы своихъ предшественниковъ: Ассемани, Добнера и другихъ ученыхъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ первой эпохи славянской письменности.

До какой степени недостаточна критическая разработка источниковъ, относящихся къ исторіи Кирилла и Меѳодія, и не тверды ея основы, яснымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ изслѣдованіяхъ о ней не разъ игралъ главную роль чистый произволъ, увлеченіе изслѣдователя какою либо любимою идеею, національныя и религіозныя пристрастія и вообще предзанятыя мнѣнія. Что бы представить въ этомъ отношеніи рѣшительный примѣръ, стоитъ вспомнить, что сдѣлалъ изъ исторіи Славянскихъ Апостоловъ нашъ отечественный изслѣдователь, Венелинъ. Отвергнувши подлинность и достовѣрность всѣхъ основныхъ для этой исторіи источниковъ, онъ доказывалъ, что Кириллъ и Меѳодій никогда не были ни въ Моравіи, ни въ Римѣ, не составляли славянской азбуки, ничего почти не переводили на славянскій языкъ (то и другое сдѣлано было прежде), не входили ни въ какія сношенія ни съ моравскими князьями, ни съ папами,—однимъ словомъ отвергнулъ всѣ почти главнѣйшіе факты въ жизни Славянскихъ Апостоловъ. Могутъ сказать, что въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности положить границы произволу; но намъ кажется, что причины подобнаго явленія нужно искать именно въ недостаткѣ должной критической оцѣнки источниковъ по разсматриваемому предмету. Послѣднее обстоятельство даетъ изслѣдователю полную возможность свободно обращаться съ источниками, принимать одни и отвергать другіе, второстепенные источники возводить на степень первостепенныхъ и на оборотъ первостепеннымъ давать значеніе второстепенное, или даже вовсе выпускать ихъ изъ виду,—все это разумѣется сообразно съ любимою предзанятою идеею, какую хочетъ провести изслѣдователь въ своемъ трудѣ. Такъ поступали въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ въ жизни Славянскихъ

Апостоловъ, увлеченные интересами римской церкви, извѣстные ученые: Ассемани, Добнеръ, Копитаръ и другіе. Тоже самое поприще для своей дѣятельности, т. е. учено-литературное служеніе чисто вѣроисповѣднымъ интересамъ католицизма избралъ для себя и точно въ такое-же отношеніе поставилъ себя къ источникамъ Гинцель, авторъ одного изъ разсматриваемыхъ нами сочиненій. Вся его „Исторія Славянскихъ Апостоловъ“ съ начала до конца, говоря буквально, написана на заданную тему, что Кириллъ и Меѳодій отличались такою же горячею преданностію римской церкви, какъ самые рѣвностные поборники тогдашняго и современнаго католицизма. При такомъ положеніи дѣла нельзя не признать, что критическая обработка источниковъ для исторіи Славянскихъ Апостоловъ и тщательный пересмотръ сообщаемыхъ ими свѣдѣній въ такой напр. формѣ, какъ это сдѣлалъ Дюммлеръ съ Паннонскимъ Житіемъ Меѳодія, составляетъ насущную потребность современной науки славянскихъ древностей. Подобные критическіе труды послужили бы оплотомъ противъ возможности произвола какъ въ выборѣ и оцѣнкѣ источниковъ, такъ и въ пользованіи ими, а слѣд. и въ самомъ взглядѣ на характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Таковы по нашему мнѣнію причины, доселѣ препятствующія успѣшному ходу ученыхъ работъ надъ исторіею Кирилла и Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и появленію, какъ въ отечественной, такъ и въ иностранной литературѣ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительной ихъ біографіи. Но кромѣ недостатка должной критической обработки источниковъ по разсматриваемому предмету, еще бо́льшее, въ этомъ отношеніи, представляетъ затрудненіе то обстоятельство, что эти источники, какъ ни значительна общая ихъ сумма, открыты далеко еще не всѣ. Число

ихъ умножается, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе. При томъ послѣднее время показало, что важнѣйшіе изъ нихъ кроются еще въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, —въ нашей древней письменности. А у насъ, какъ извѣстно, работы и открытія по этому предмету, да и вообще по исторіи нашей древней литературы, можно сказать, только начинаются. При такомъ положеніи дѣла нельзя и ожидать, чтобы относительно исторіи Славянскихъ Апостоловъ въ настоящее время могли установиться въ наукѣ твердыя и рѣшительныя положенія. Для иностранныхъ же ученыхъ указанное затрудненіе тѣмъ бо́льшее имѣетъ значеніе, что новые памятники, открытые въ послѣднее время у насъ въ Россіи по разсматриваемому предмету, доселѣ еще не изданы, а многіе даже не изслѣдованы, а только указаны. Наши ученые имѣютъ всегда возможность — бо́льшую, или меньшую, — пользоваться ими по рукописямъ; но для иностранныхъ изслѣдователей, само собою разумѣется, такой возможности не существуетъ. Вотъ почему и труды ихъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, а равно и въ отношеніи къ исторіи славянской письменности вообще, часто носятъ на себѣ печать нѣкоторой отсталости, — недостатокъ, которымъ страдаютъ и разсматриваемыя нами сочиненія. Такъ Дюммлеръ наприм., издавая Паннонское Житіе Меѳодія, въ предисловіи къ своему изслѣдованію о немъ, говоритъ, что единственный списокъ этого памятника находится въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи; а у насъ между тѣмъ задолго до выхода въ свѣтъ сочиненія Дюммлера извѣстенъ былъ, даже по печатнымъ указаніямъ, названный памятникъ уже въ нѣсколькихъ спискахъ, и притомъ древнѣйшихъ. Гинцель, на основаніи отзыва Миклошича о языкѣ Паннонскихъ Житій, принадлежащемъ будто XIV

вѣку, старается доказать, что названные памятники относятся именно къ этому времени; между тѣмъ у насъ въ Россіи, благодаря открытію г. Ундольскаго, еще съ 1848 г. извѣстенъ былъ списокъ одного изъ названныхъ памятниковъ, писанный въ XII вѣкѣ, (¹), а слѣд. самымъ наглядным образомъ заранѣе опровергнуто было приведенное мнѣніе Миклошича. Приведемъ еще примѣръ: что бы доказать сообразно съ своей предзанятой идеей, что Славянскими Апостолами не были переведены всѣ библейскія книги, а только извлеченія изъ нихъ для церковнаго употребленія (лекціонари—паремейники), Гинцель, со словъ Добровскаго, въ разсматриваемомъ сочиненіи (стр. 43.) говоритъ, что на славянскомъ языкѣ до XV вѣка вовсе не было извѣстно полнаго перевода библейскихъ книгъ; между тѣмъ у насъ въ Россіи давно уже извѣстны самыя положительныя доказательства того, что еще въ XI и

(¹) Чт. Об. Ист. 1848 г, № 8. Замѣчательно, что списокъ Паннонскаго Житія XVI в., бывшій въ рукахъ Миклощича, по которому, опъ на основаніи филологическихъ данныхъ, сдѣлалъ заключеніе о принадлежности этого памятники, къ XIV в., по своему языку ничѣмъ почти не разнится, (за исключеніемъ только не многихъ грамматическихъ особенностей,) со спискомъ того же житія, находящемся въ рукописи XII в. И такъ, если для такого опытнаго филолога, каковъ Миклошичъ, возможны подобныя ошибки; то невольно приходишь къ заключенію, какъ ненадежны въ подобныхъ случаяхъ, т. е. при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія памятника, соображенія, основанныя единственно на филологическихъ данныхъ! Намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ историческія указанія и библіографическія данныя гораздо тверже, чѣмъ данныя филологическія, по крайнѣй мѣрѣ при настоящемъ состояніи славянской, филологіи.

XII. вѣкѣ на славянскоиъ языкѣ существовали почти всѣ библейскія книги. Не говоримъ уже объ историческихъ на это указаніяхъ, находящихся въ памятникахъ, которые переводъ всѣхъ библейскихъ книгъ приписываютъ прямо Славянскимъ Апостоламъ.

Само собою разумѣется, что названные ученые, дѣлая подобнаго рода выводы, такъ рѣзко противорѣчащіе положительнымъ фактамъ, становятся нѣкоторымъ образомъ въ положеніе комическое, и это вслѣдствіе незнанія того, что сдѣлано и открыто по части изслѣдываемыхъ ими вопросовъ у насъ въ Россіи; но съ другой стороны мы нисколько не въ правѣ упрекать ихъ за это незнаніе; потому что открытыя у насъ, Паннонскія Житія, не смотря на обще-признанную ихъ важность доселѣ еще не изданы, даже не были предметомъ особаго изслѣдованія. Точно также и древность славянскаго перевода библейскихъ книгъ положительнымъ образомъ доказана была только недавно, благодаря ученымъ трудамъ профессоровъ, Горскаго, и Невоструева. Да и говоря вообще, мы вовсе не въ правѣ обвинять иностранныхъ ученыхъ въ равнодушіи къ изслѣдованіямъ и открытіямъ отечественныхъ ученыхъ въ отношеніи къ славянскимъ древностямъ вообще и въ частности въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу. Доказательствомъ противнаго можетъ служить, какъ увидимъ ниже, именно открытіе у насъ Паннонскихъ Житій. Безпристрастно говоря, эти памятники положительную и окончательную, прежде чѣмъ у насъ, оцѣнку нашли именно въ кругу иностранныхъ ученыхъ, занимающихся славянскою исторіей и филологіей. По крайней мѣрѣ тамъ это открытіе пробудило ученую дѣятельность гораздо въ бо́льшей степени, нежели какъ это было у насъ.

Какъ бы то ни было, но, какъ уже замѣчено было, каждое новое открытіе, особенно, если новооткрытый памятникъ, по своему историческому достоинству, древности и объему сообщаемыхъ имъ фактовъ, представляетъ въ себѣ источникъ первостепенной важности, естественно должно производить переворотъ въ изслѣдованіяхъ и ниспровергать историческія положенія, прежде считавшіяся несомнѣнными. Наука, въ подобныхъ случаяхъ, естественно должна дѣлать новые учеты въ прежнихъ выводахъ, разширять, или сокращать ихъ, отвергать прежнія положенія, измѣнять, дополнять ихъ и проч. Привычка къ авторитету прежнихъ источниковъ заставляетъ иныхъ долго не признавать достоинство новаго памятника, но мало по малу онъ вступаетъ въ свои права и получаетъ должное ему мѣсто. Въ теченіи ученыхъ работъ надъ исторіею Кирилла и Меѳодія такихъ переворотовъ было уже нѣсколько; но самый рѣшительный изъ нихъ произведенъ былъ открытіемъ Паннонскихъ Житій Славянскихъ Апостоловъ. Но прежде нежели войдемъ въ размотрѣніе важности этихъ памятниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, а равно и значенія памятника, открытаго Ваттенбахомъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ для этой исторіи вообще, то есть о тѣхъ источникахъ, которые извѣстны были прежде. Тогда гораздо яснѣе опредѣлится для насъ значеніе памятниковъ, открытыхъ въ послѣднее время.

Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія можно раздѣлить на два разряда: оффиціяльные и неоффиціяльные. Къ оффиціяльнымъ источникамъ принадлежатъ прежде всего буллы и письма римскихъ папъ, писанныя ими въ разное время къ славянскимъ князьямъ и къ Меѳодію въ теченіи его апостольской дѣятельности. Между этими письмами,

въ прежнихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, первое мѣсто занимали и дѣйствительно имѣютъ очень важное значеніе: четыре письма папы Іоанна VIII (878, 880 и 881-го года) —два къ Меѳодію и два къ Святополку, въ которыхъ этотъ папа сначала запрещаетъ, а потомъ дозволяетъ отправленіе славянскаго богослуженія въ Моравіи. Въ послѣднее время къ числу этихъ писемъ присоединились столько же если не болѣе важные документы: 1.) открытая Ваттенбахомъ булла Папы Стефана V, или VI, (885—890) къ Святополку, 2.) письмо папы Адріана II (868—872) къ славянскимъ князьямъ, писанное имъ еще при первомъ отправленіи Меѳодія въ Панноніо въ санѣ пресвитера, (между 869 и 870-мъ годомъ), вскорѣ послѣ кончины Кирилла въ Римѣ. О буллѣ Стефана VI, открытой Ваттенбахомъ, мы будемъ говорить послѣ, при разборѣ его сочиненія; о письмѣ же Адріана II здѣсь же приведемъ очень замѣчательное мнѣніе Дюмлера, замѣтивъ предварительно, что подлинникъ этого письма до насъ не дошолъ, а сохранился только славянскій переводъ его, находящійся въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія и слѣд. открытый вмѣстѣ съ послѣднимъ памятникомъ. Дюмлеръ, въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи, такъ отзывается объ исторической достовѣрности послѣдняго документа.

„Этотъ достопримѣчательный памятникъ, говоритъ онъ, приводимый авторомъ Паннонскаго Житія въ полномъ его объемѣ, по своей формѣ и содержанію такого свойства, что я не нахожу никакихъ причинъ сомнѣваться въ его подлинности. Доказательствомъ ея служитъ то обстоятельство, что въ буллѣ упоминается о перенесеніи мощей Св. Климента и о пріемѣ, сдѣланномъ братьями въ Римѣ со стороны Адріана II,—два событія, которыя въ самомъ Житіи вовсе не упомянуты. Послѣднее отступаетъ отъ

буллы и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Отсюда ясно, что авторъ Житія не могъ быть въ то же время авторомъ письма....“ „Полномочіе, какое Адріанъ II даетъ въ немъ Меѳодію относительно употребленія при богослуженіи славянскаго языка, и предписаніе читать на литургіи Евангеліе и Апостолъ сначала по Вульгатѣ, а потомъ уже по славянски, до такой степени согласно съ позднѣйшими предписаніями Іоанна VIII о томъ же предметѣ, что сомнѣваться въ достовѣрности показаній этого памятника мы не имѣемъ никакого права. При томъ же эти показанія вполнѣ подтверждаются свидѣтельствомъ неизвѣстнаго Зальцбуржца (въ сочиненіи: de conversatione Bajoar.), который пишетъ, что въ 871-мъ году Меѳодій началъ отправлять въ Паннониі богослуженіе на славянскомъ языкѣ.“ (p. 182).

Вслѣдствіе доказательствъ, приведенныхъ Дюммлеромъ, историческая достовѣрность и подлинность буллы Адріана II была признана лучшими западными критиками, доказательствомъ чего служитъ помѣщеніе этого документа, въ латинскомъ переводѣ, въ числѣ другихъ актовъ, относящихся къ исторіи Кирилла и Меѳодія, Ербеномъ въ извѣстномъ его изданіи: Reqesta Boh. et Mor. (Pars 1. 1855.)

Къ числу оффиціальныхъ памятниковъ для біографіи Славянскихъ Апостоловъ принадлежатъ также: 1) упомянутая Дюммлеромъ въ сейчасъ сдѣланной нами выпискѣ изъ его сочиненія, записка неизвѣстнаго Зальцбуржца объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанцевъ, представленная, какъ думаютъ Ваттенбахъ и Дюммлеръ, нѣмецкому королю Людовику въ 871, или, какъ думаетъ Копитаръ, въ 873-мъ году, и содержащая въ себѣ доказательства правъ Зальцбуржскихъ архіепископовъ на паннонскую каѳедру Меѳодія; 2) письмо Баварскихъ епископовъ къ папѣ Іоанну IX 900 г., съ изъявленіемъ притязаній пассавской архіепископіи на Моравію. Первый памятникъ даетъ понятіе

о церковномъ состояніи Паннониі до—и во время прибытія туда Меѳодія, послѣдній—о состояніи Паннониі и Моравіи послѣ его кончины. Сюда же относятся позднѣйшія указанія разныхъ оффиціальныхъ памятниковъ преимущественно относительно славянскаго богослуженія, напр. опредѣленія объ этомъ папъ, соборовъ; также разныя оффиціальныя современныя записки, напр. записка объ освященіи Меѳодіемъ церкви въ Брюнѣ, замѣтка о Кириллѣ Анастасія Библіотекаря въ предисловіи къ его переводу актовъ Константинопольскаго собора 879-го года и проч.

Совершенно соглашаясь съ общепринятымъ положеніемъ исторической критики, что оффиціальные памятники въ историческихъ изслѣдованіяхъ вообще составляютъ самый достовѣрный источникъ, и показанія ихъ должны служить критеріумомъ для извѣстій неоффиціальныхъ,—мы однакожъ замѣтимъ, что папскія буллы и письма къ Славянскимъ князьямъ и къ Меѳодію, при пользованіи ими, представляютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое неудобство, и не вполнѣ отвѣчаютъ общему вышеуказанному характеру оффиціальныхъ источниковъ. Въ папскихъ буллахъ прежде всего бросаются въ глаза странныя противорѣчія одной буллы съ другой: что дозволяетъ одинъ папа, то запрещаетъ другой, или даже одинъ и тотъ же папа сначала предписываетъ одно, потомъ совершенно другое, — и это не одинъ разъ. Эти противорѣчія поразили первыхъ критиковъ до такой степени, что иные изъ нихъ всѣ, а другіе—нѣкоторыя изъ буллъ папы Іоанна VIII признали подложными. Но въ настоящее время, послѣ открытія (въ 1837 г.) Палацкимъ (1) реэстра посланіямъ папы Іоанна, писаннаго, съ Ватиканскаго подлинника, во 2-й

(1) Въ библіотекѣ Монтекассинскаго монастыря.

половинѣ XI вѣка и содержащаго въ себѣ между прочимъ разсматриваемыя буллы, — подлинность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Остается ждать теперь новыхъ данныхъ для подтвержденія подлинности буллъ Адріана II и Стефана VI, которыя болѣе чѣмъ вдвое увеличиваютъ общую сумму упомянутыхъ противорѣчій, и по своему содержанію и характеру сильно не нравятся тѣмъ изъ западныхъ критиковъ, кои смотрятъ на науку, какъ на орудіе для совершенно чуждыхъ для нея цѣлей (1). Но судя по внутреннему характеру названныхъ буллъ, нельзя сомнѣваться, что онѣ пройдутъ безопасно сквозь всѣ испытанія и нападенія недобросовѣстной критики. За то съ признаніемъ достовѣрности папскихъ буллъ открывается огромное поприще для всякаго рода толкованій, — дѣйствительно неизбѣжныхъ потому, что иначе въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ папъ не будетъ никакого смысла, или эти дѣйствія примутъ совершенно ложный колоритъ. Это-то объясненіе — не подлинности, а — подлиннаго смысла папскихъ буллъ и составляетъ то затрудненіе и неудобство, при пользованіи ими, о которомъ мы сказали выше. Давно уже, еще со времени Шлецера, принято для этой цѣли брать въ соображеніе тогдашнія отношенія папъ къ Константинополю; но намъ кажется, что этотъ пунктъ

---

(1) Гинцель, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, противъ подлинности буллъ Адріана и Стефана писалъ отдѣльную статью, помѣщенную имъ въ Zeitschrift für gesammte Kath. Theologie Bd. VII. Wien. 1856 s. 345—80. Но доказательства его, изложенныя въ сокращеніи въ разсматриваемомъ нами его сочиненіи (p. 8—11 сл. 85—87), слишкомъ ничтожны, чтобы могли сколько нибудь поколебать историческую достовѣрность этихъ важныхъ документовъ, и вовсе не заслуживаютъ, какъ и многое въ книгѣ Гинцеля, ученаго обстоятельнаго опроверженія.

въ жизни Славянскихъ Апостоловъ доселѣ еще не раскрытъ съ надлежащею полнотою. Кромѣ того истинный смыслъ папскихъ предписаній, или точнѣе, побужденій для того или другаго образа дѣйствій папъ, долженъ опредѣляться изъ разсмотрѣнія тогдашнихъ отношеній ихъ къ Моравскимъ князьямъ, къ зальцбуржскому и пассавскому архіепископамъ, къ св. Меѳодію и его паствѣ, и наконецъ къ законоположеніямъ и обычаямъ Римской церкви. Римскимъ первосвященникамъ хотѣлось въ одно и тоже время: сохранить миръ съ Константинопольскою церковію, чтобы не лишиться Болгаріи; а потомъ ее чтобы возвратить остаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ Славянскими князьями, постоянно мѣнявшими свой образъ мыслей и дѣйствій вслѣдствіе политическихъ цѣлей; поддержать расположеніе къ себѣ проповѣдниковъ, имѣвшихъ большое вліяніе на новопросвѣщенную ими страну; отстранить вліяніе и притязанія Зальцбуржскаго и Пассавскаго архіепископовъ, и наконецъ остаться, сколько возможно было, вѣрными принципамъ и установленіямъ, принятымъ Западною церковію.—Такъ много препятствій предстояло Римскимъ первосвященникамъ на пути стремленія ихъ пріобрѣсть и удержать за собою Моравскую и Паннонскую архіепископіи. При такомъ затруднительномъ положеніи, и при столь противорѣчащихъ и исключающихъ одно другое требованіяхъ естественно, что въ дѣйствіяхъ римскихъ папъ въ отношеніи къ Славянскимъ Апостоламъ и не могло быть требуемаго единства. Измѣнялись отношенія ихъ къ той или другой, соприкосновенной съ событіями, сторонѣ,—измѣнялись и предписанія ихъ въ отношеніи къ Меѳодію и Моравскимъ князьямъ; а отсюда и колеблющіяся отношенія римскаго престола къ нимъ и къ Меѳодію, нерѣшительныя распоряженія, полумѣры и вообще противорѣчія въ папскихъ буллахъ.

Съ другой стороны при пользованіи буллами папъ нужно имѣть въ виду, что въ частности отношенія ихъ къ Славянскимъ князьямъ и въ особенности къ Меѳодію были не искреннія, а вынужденныя, образовавшіяся вслѣдствіе другихъ разнообразныхъ отношеній ихъ и цѣлей, къ которымъ они стремились. Отъ этого во многихъ случаяхъ папы писали въ своихъ буллахъ далеко не то, что думали, и въ словахъ ихъ осталось много недосказаннаго. И такъ изслѣдователь долженъ открыть въ ихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ тайныя пружины, которыми они руководились. Эти тайныя пружины, которыя, разумѣется, имѣютъ главное значеніе при объясненіи фактовъ, изслѣдователь долженъ отгадывать по соображенію съ событіями: онъ долженъ читать между строками. Вотъ почему, при вопросѣ объ отношеніяхъ папъ къ Меѳодію, ни въ какомъ случаѣ нельзя вездѣ основываться на буквальномъ смыслѣ папскихъ буллъ, какъ это дѣлаетъ Гинцель въ своемъ сочиненіи. Это было бы тоже, какъ если бы кто сталъ составлять понятіе объ отношеніяхъ папы Іоанна VIII къ патр. Фотію и къ императору Василію, руководствуясь буквальнымъ смысломъ ихъ переписки. На основаніи ея эти отношенія представляются дружественными; но факты показываютъ намъ совершенно противное. Факты должны служить основаніемъ и при вопросѣ объ отношеніяхъ папы Іоанна VIII къ Меѳодію. Мы увидимъ далѣе, что Іоаннъ при этомъ остался вѣрнымъ своему характеру, и вообще характеру тогдашнихъ отношеній римскаго престола къ Восточной церкви.

Кромѣ объясненныхъ затрудненій оффиціальные источники для исторіи Славянскихъ Апостоловъ представляютъ то неудобство, что каждый изъ нихъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, относится собственно къ одному какому либо отдѣльному моменту въ жизни Славянскихъ Апостоловъ, и притомъ главнымъ образомъ въ жизни Меѳодія. Пусть эти отдѣльные

моменты имѣютъ особенную важность, такъ какъ относятся къ самому главному пункту въ дѣятельности благовѣстниковъ, т. е. къ изобрѣтенію славянской азбуки и къ учрежденію славянскаго богослуженія; но само собою разумѣется, что свѣдѣнія объ этихъ моментахъ далеко не могутъ удовлетворить любознательнаго изслѣдователя собственно полной жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Поэтому нельзя не признать, что въ чисто біографическомъ интересѣ гораздо важнѣе, чѣмъ папскія письма и другіе оффиціяльные документы, памятники неоффиціяльные. Это именно дошедшія до насъ историческія сказанія, или такъ называемыя легенды о жизни Славянскихъ Апостоловъ. Само собой разумѣется, что сообщаемыя ими свѣдѣнія, прежде чѣмъ займутъ мѣсто въ біографіи благовѣстниковъ, должны быть тщательно очищены критикой отъ всѣхъ постороннихъ наростовъ времени, личностей, религіозныхъ и національныхъ пристрастій и проч. При этомъ, какъ замѣтилъ еще Добровскій, показанія древнѣйшихъ легендъ должны предпочитаться показаніямъ сказаній позднѣйшихъ, и первыя должны служить критеріумомъ для послѣднихъ.

Между легендами, въ теченіи почти 200-лѣтнихъ историческихъ работъ надъ исторіею Славянскихъ Апостоловъ, первое мѣсто занимала Легенда, такъ называемая (по мѣсту написанія), Италіянская, изданная въ первый разъ, въ 1668 году, болландистомъ Геншеномъ въ извѣстномъ собраніи житій Святыхъ: Acta Sanctorum, подъ 9-мъ Марта, и содержащая въ себѣ послѣдовательное повѣствованіе о жизни св. Кирилла и отчасти Меѳодія. По мнѣнію Геншена, которое принято было, безъ всякой впрочемъ повѣрки, всѣми послѣдующими изслѣдователями, эта легенда составлена епископомъ города Велитры, Гавдерикомъ, современникомъ св. Кирилла, а потому и признана была источникомъ вполнѣ исторически-достовѣрнымъ. Ею обыкновенно

повѣряли (а иные и теперь повѣряютъ) свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія, сообщаемыя легендами позднѣйшими, къ числу которыхъ принадлежатъ: Легенда Моравская, писанная въ XIV вѣкѣ на основаніи Легенды Италіянской, и Житія св. Людмилы, Легенда о св. Людмилѣ и Житіе св. Вячеслава Чешскаго,—также составленныя въ XIV вѣкѣ, краткія житія Кирилла и Меѳодія, находящіяся въ славянскихъ прологахъ и проч. Италіянской же Легендой повѣряли обыкновенно позднѣйшія отрывочныя извѣстія съ лѣтописнымъ характеромъ, куда принадлежатъ: показанія Сазавскаго и Градиштскаго монаховъ (XII в.), Діоклейскаго священника (1161 г), нашего Нестора и т. д.

Послѣ Добровскаго въ число первостепенныхъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія принято было греческое Житіе Климента, еп. Величскаго († 916 г.), хотя и оно также повѣряемо было Италіянскою Легендою. Это житіе въ 1-й своей части содержитъ съ бо́льшею или меньшею подробностію свѣдѣнія о жизни обоихъ Славянскихъ Апостоловъ, но преимущественно о послѣднихъ годахъ жизни Меѳодія. Оно писано было ученикомъ Климента, что́ окончательно доказано Миклошичемъ, вновь издавшимъ этотъ драгоцѣнный памятникъ въ 1847 году (¹). Около того же времени, т. е. послѣ Добровскаго, признана была критикою историческая достовѣрность отрывочныхъ славянскихъ свидѣтельствъ о жизни Славянскихъ Апостоловъ: Іоанна Екзарха (X в.) о переводѣ Меѳодіемъ книгъ Священнаго Писанія, и монаха Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ.

И такъ связныхъ и сколько нибудь полныхъ сказаній о жизни Славянскихъ Апостоловъ съ характеромъ исторически-

(¹) У насъ въ Россіи жизнеописаніе Климента издано съ Русскимъ переводомъ въ извѣстномъ юбилейномъ изданіи Моск. Университета: Матеріалы для исторіи письменъ. М. 1855.

вполнѣ достовѣрнымъ, до открытія Паннонскихъ Житій, считалось собственно два, т. е. Италіянская Легенда и Житіе Климента. Оставляя другія сказанія, позднѣйшія, безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, что̀ завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько подробнѣе о послѣднихъ двухъ памятникахъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ собственно ставятся въ непосредственныя отношенія новые источники для жизни св. Кирилла и Меѳодія, служащіе предметомъ сочиненій Дюммлера и Ваттенбаха.

Италіянская Легенда не есть самостоятельное повѣствованіе о жизни Кирилла и Меѳодія, а собственно сказаніе о перенесеніи изъ Херсона въ Римъ мощей святаго Климента (римскаго папы), какъ и названа была эта Легенда первымъ ея издателемъ (Translatio s. Clementis). Но такъ какъ мощи св. Климента открыты были въ Херсонѣ св. Кириллом во время путешествія его къ Хозарамъ, и потомъ перенесены были имъ же вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ сначала въ Моравію, а потомъ въ Римъ; то естественно, что авторъ Легенды, разсказывая объ этомъ событіи, составляющемъ собственно главную цѣль его разсказа, слѣдитъ вмѣстѣ съ этимъ и за обстоятельствами жизни Кирилла, а отчасти и Меѳодія, начиная съ путешествія перваго въ Хозарію до вызова обоихъ проповѣдниковъ въ Римъ. Вслѣдствіе этого въ Легендѣ, кромѣ разсказа о главномъ предметѣ, говорится о дѣятельности Кирилла у Хозаровъ, о посольствѣ Ростислава въ Константинополь по возвращеніи туда Кирилла, объ изобрѣтеніи имъ письменъ, о дѣятельности братьевъ въ Моравіи и т. д. Но само собою разумѣется, что при этомъ разсказъ объ открытіи и перенесеніи мощей св. Климента вездѣ стоитъ на первомъ планѣ, а разсказъ о Кириллѣ, и тѣмъ болѣе Меѳодіѣ, на второмъ. О Кириллѣ правда разсказывается больше,

нежели сколько это было нужно для изъясненія главнаго предмета Легенды; въ концѣ ея даже присоединены подробности о кончинѣ и погребеніи его: но это очевидно вслѣдствіе чувства признательности современниковъ къ св. Кириллу, какъ главному виновнику разсказываемаго въ Легендѣ событія. За то извѣстіемъ о погребеніи Кирилла авторъ Легенды совершенно заканчиваетъ разсказъ, и о дѣятельности Меѳодія, которая преимущественно относится къ періоду времени послѣ кончины Кирилла, не говоритъ ни слова. Такимъ образомъ разсказъ его, если смотрѣть на него какъ на повѣствованіе о жизни Славянскихъ Апостоловъ, остается неоконченнымъ.

Все это объясняется однакожъ очень легко, когда мы возмемъ въ соображеніе извѣстіе, передаваемое Геншеномъ о происхожденіи Италіянской Легенды. Въ примѣчаніяхъ къ ней (§ 15) Геншенъ говоритъ, что Гавдерикомъ составлено было полное жизнеописаніе Климента Римскаго, и посвящено Папѣ Іоанну VIII, и что онъ получилъ это жизнеописаніе отъ аббата Угелли, но не въ полномъ видѣ. За тѣмъ издатель Легенды приводитъ сохранившееся посвященіе труда Гавдерика папѣ Іоанну VIII. Изъ этого посвященія видно, что сочиненіе Гавдерика о Климентѣ Римскомъ было раздѣлено на три книги, изъ коихъ въ 1-й авторъ описываетъ жизнь и дѣянія Климента, во 2-й говоритъ объ ученіи его, въ 3-й о чудесахъ, о заточеніи въ Херсонъ, о мученичествѣ, и наконецъ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей его. Отсюда Геншенъ совершенно справедливо заключаетъ, что изданная имъ, такъ называемая Италіянская Легенда, есть собственно отрывокъ, а можетъ быть сокращеніе изъ 3-й части обширнаго сочиненія Гавдерика. При такомъ положеніи дѣла понятно, почему въ Италіянской Легендѣ съ такою подробностію разсказывается объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей св. Климента,

и разсказъ о нихъ стоитъ на первомъ планѣ, тогда какъ въ другихъ легендахъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, напр. въ Моравской, а равно и въ Паннонской, объ этомъ едва упомянуто. Ясно, что и по намѣренію автора разсматриваемаго памятника описаніе этого событія было главнымъ предметомъ сказанія, а повѣствованіе о жизни Кирилла и тѣмъ болѣе Меѳодія предметомъ совершенно постороннимъ, только соприкасающимся къ главному.

Какъ бы то ни было, однакожъ этотъ отрывокъ изъ Гавдерикова жизнеописанія Климента получилъ названіе Легенды собственно о Кириллѣ, и, какъ замѣчено уже было, почти въ теченіи 200 лѣтъ считался главнымъ источникомъ для біографіи Славянскихъ Апостоловъ, которымъ, какъ сказаніемъ современнымъ, повѣряли показанія всѣхъ другихъ памятниковъ. Принявши безусловно мнѣніе Геншена относительно времени сочиненія Италіянской Легенды, критика даже не взяла на себя труда провѣрить его выводы, и вообще подвергнуть этотъ памятникъ болѣе тщательному изслѣдованію. Такъ напр., сколько мы знаемъ, никто изъ прежнихъ изслѣдователей не задавалъ себѣ вопроса: откуда Гавдерикъ, если даже принять за несомнѣнное, что онъ именно былъ авторомъ разсматриваемаго сказанія,—заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія до прибытія ихъ въ Римъ? Гинцель, положившій Италіянскую Легенду въ основаніе своей „Исторіи Славянскихъ Апостоловъ“, въ видѣ аксіомы замѣчаетъ, что Гавдерикъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія отъ нихъ самихъ во время пребыванія ихъ въ Римѣ (р. 12), и слѣд. сообщаемыя имъ извѣстія получены имъ изъ первыхъ рукъ. Но, во первыхъ, чтобы утверждать это, нужно было представить хоть какія нибудь доказательства, что епископъ Велитрскій былъ именно въ Римѣ во время пребыванія тамъ Кирилла и Меѳодія, и слышалъ отъ нихъ извѣстія о

ихъ жизни (¹). Во вторыхъ, вопросъ еще въ томъ, могъ ли интересоваться и насколько интересовался Гавдерикъ, если даже онъ былъ тогда въ Римѣ, свѣдѣніями о дѣятельности Апо́столовъ у Хозаровъ, въ Константинополѣ, въ Моравіи и проч., вовсе не бывши намѣренъ писать ихъ исторіи. Онъ могъ интересоваться подробностями объ открытіи мощей св. Климента, какъ событіи, близкомъ для всего Рима, и кромѣ того какъ занимавшійся исторіею названнаго Святаго, но отнюдь не подробностями, касавшимися лично Кирилла и Меѳодія; да и самую исторію жизни св. Климента онъ писалъ уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ перваго путешествія Апостоловъ въ Римъ.

И такъ, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ объ историческомъ достоинствѣ и происхожденіи свѣдѣній, сообщаемыхъ Италіянской Легендой, изслѣдователю приходится судить по внутреннимъ признакамъ самаго сказанія. Но и съ этой стороны трудно придти къ какимъ либо, сколько нибудь рѣшительнымъ, результатамъ. Въ этомъ отношеніи въ разсказѣ Италіянской Легенды замѣтно какое-то раздвоеніе: въ послѣдней ея части, гдѣ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ въ Римѣ принесеніемъ мощей св. Климента, о кончинѣ Кирилла и о его погребеніи, мы дѣйствительно слышимъ голосъ современника, черпавшаго сообщаемыя имъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, даже какъ будто непосредственнаго свидѣтеля повѣствуемаго. Но гдѣ говорится о дѣятельности Кирилла въ Хозаріи и въ Моравіи, а равно и о самомъ открытіи мощей—главномъ предметѣ разсматриваемаго сказанія,—тамъ сухость и сжатость разсказа вовсе не могутъ привести къ подобному заключенію. Отвлеченный тонъ

(¹) На это есть темное указаніе въ Паннонскомъ Житіи Кирилла, которое (указаніе) впрочемъ, какъ видно, неизвѣстно было Гинцелю.

повѣствованія скорѣе показываетъ, что авторъ его пользовался какими либо рукописными матеріалами, и сокращалъ ихъ, какъ это онъ дѣлалъ при написаніи цѣлаго своего сочиненія, для котораго у него было безъ сомнѣнія много рукописныхъ сказаній. Такъ даже въ разсматриваемомъ отрывкѣ своего сочиненія, т. е. въ повѣсти объ открытіи и перенесеніи мощей св. Климента, сказавши о чудѣ, совершившемся надъ ними, когда онѣ еще были въ морѣ, онъ цитуетъ письменный источникъ, которымъ пользовался, именно: „Исторію страданія св. Климента.“ (1)

Приведенныя нами соображенія, надѣемся, доказываютъ, что Италіянская Легенда, служившая прежде для всѣхъ изслѣдователей фундаментальнымъ источникомъ при обработкѣ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, съ одной стороны по своей неполнотѣ, какъ передающая намъ извѣстія о жизни собственно одного Кирилла, и то какъ бы случайно, съ другой, по неизвѣстности происхожденія сообщаемыхъ ею данныхъ, далеко не можетъ удовлетворить любознательнаго изслѣдователя жизни Славянскихъ Апостоловъ, тѣмъ менѣе — взыскательнаго критика. Тѣми же почти недостатками отличается и греческое житіе св. Климента Величскаго. Этотъ памятникъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ и незамѣнимъ для знакомства съ послѣдними годами жизни Меѳодія, а равно и съ состояніемъ моравской паствы послѣ его кончины; но только съ этого времени, т. е. послѣ описанія кончины Меѳодія, какъ справедливо замѣчаетъ Дюммлеръ (стр. 155), онъ становится исторически-вполнѣ достовѣрнымъ. Всѣ остальныя событія жизни Кирилла и Меѳодія разсказаны въ немъ только въ общихъ чертахъ, безъ надлежащей точности и опредѣленности. Такъ напр. біографъ Климента говоритъ, что славянская грамота

(1) Translat. s. Clem. cap. 2.

изобрѣтена была для Болгаръ, что Меѳодій былъ въ Римѣ одинъ только разъ и проч. Все это, какъ справедливо замѣчаетъ Дюммлеръ, могло произойти отъ того, что ученикъ Климента, описывавшій жизнь своего учителя, черпалъ свои свѣдѣнія о жизни Славянскихъ Апостоловъ изъ устъ послѣдняго, и слѣд. не изъ первыхъ рукъ и не изъ собственнаго наблюденія, на что указываетъ наименованіе Константина именемъ Кирилла, которое вошло въ употребленіе уже у потомства (стр. 154). При этомъ нельзя не вспомнить замѣчанія, о жизнеописаніи Климента, Шафарика, которое сдѣлано имъ еще въ 1847 г. (¹). Онъ говоритъ, что это жизнеписаніе дѣйствительно было первоначально написано ученикомъ Климента, но потомъ передѣлано и подновлено Ѳеофилактомъ, архіепископомъ Болгарскимъ († 1107 г), которому и приписывается въ заглавіи. Намъ кажется, что, принявъ это мнѣніе, гораздо легче объяснить и историческую неточность разсказа и витіеватость слога, которою отличается этотъ памятникъ.

Такимъ образомъ до открытія Паннонскихъ Житій литература матеріаловъ для біографіи Кирилла и Меѳодія не представляла лѣтописнаго источника, который бы могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ исторической критики, не было жизнеописанія ихъ, писаннаго современникомъ, неоспоримо черпавшимъ свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, и притомъ жизнеописанія полнаго для обоихъ братьевъ. Вотъ почему, возвращаясь за нѣсколько лѣтъ назадъ, изслѣдователю жизни Славянскихъ Апостоловъ нельзя было не пожелать найти такія именно жизнеописанія ихъ. Конечно подобное желаніе тогда могло показаться слишкомъ смѣлымъ; но тѣмъ не менѣе оно совершенно неожиданно исполнилось съ открытіемъ, въ древней нашей письменности, Паннонскихъ

(¹) Расцвѣтъ Сл. Письм. Чтенія Об. Ист. 1848 г. № 7. стр. 44.

Житій. Писанныя лицомъ, или лицами, бывшими, какъ доказала критика, непосредственными наблюдателями жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ, ихъ учениками и сотрудниками, они сообщали слѣд. свѣдѣнія, заимствованныя изъ первыхъ рукъ,—частію отъ самихъ благовѣстниковъ, частію изъ непосредственнаго наблюденія, и притомъ несравненно точнѣе и полнѣе, чѣмъ Легенда Италіянская и Греческая біографія Климента. Далѣе, свѣдѣнія эти, сличенныя съ другими источниками, оказались и по содержанію своему вполнѣ исторически-достовѣрными и выдержали всѣ розысканія критики. Но такъ какъ въ Паннонскихъ Житіяхъ открылось при этомъ очень много свѣдѣній, частію совершенно новыхъ, частію противорѣчившихъ показаніямъ прежнихъ источниковъ и тѣмъ историческимъ положеніямъ, которыя на основаніи ихъ утвердились было въ наукѣ; то и естественно, что въ изслѣдованіяхъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, съ открытіемъ этихъ памятниковъ, долженъ былъ произойти тотъ переворотъ, о которомъ мы говорили выше, и который всегда бываетъ неразрывенъ съ открытіемъ новыхъ источниковъ для всякаго историческаго вопроса. Обращаемся теперь къ любопытной исторіи открытія Паннонскихъ Житій и перваго употребленія, какое сдѣлано было изъ нихъ наукой.

Открытіе это, какъ отчасти уже выше замѣчено было, нельзя назвать открытіемъ въ собственномъ смыслѣ, а только признаніемъ исторической важности, или какъ выражается О. М. Бодянскій, возобновленіемъ, въ памяти, памятника, забытаго было небрежнымъ потомствомъ. Паннонскія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія издавна пользовались извѣстностію въ нашей древней письменности, и служили для нашихъ предковъ источникомъ свѣдѣній о Славянскихъ благовѣстникахъ. Такъ о Житіи Кирилла упоминается съ похвалою въ извѣстномъ древнемъ сборникѣ 1076 года, принадлежащемъ библіотекѣ Императорскаго Эрмитажа. Такъ

нашъ лѣтописецъ Несторъ свои извѣстія объ изобрѣтеніи славянской грамоты, о переводѣ Свящ. книгъ и проч. заимствовалъ изъ Паннонскихъ Житій. Послѣдующіе лѣтописцы, а равно составители Степенной Книги и дополнители Славянскихъ хронографовъ также пользовались этими Житіями. Наприм. извѣстный, относящійся къ исторіи св. Кирилла, отрывокъ изъ Палеи, напечатанный г. Погодинымъ въ приложеніи къ его переводу біографіи Кирилла и Меѳодія Добровскаго (стр. 110-118),—отрывокъ содержащій въ себѣ преніе, Константина Философа съ патр. Анніемъ, съ Козариномъ и съ Латинскими священниками, буквально взятъ изъ Паннонскаго Житія Кирилла. Слѣдующее за симъ извѣстіе о св. Кириллѣ, и о найденной имъ въ Херсонѣ Славянской грамотѣ, большею частію также отсюда же. Изъ Паннонскихъ Житій встрѣчаются отрывки и въ разныхъ сборникахъ древней Славянской письменности (напр. въ азбучникахъ). Составители проложныхъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіѣ также главнымъ образомъ основывались на ихъ Паннонскихъ Житіяхъ. Далѣе, съ того времени, какъ въ Славянскія Четь-Минеи Греческихъ святыхъ стали вносить житія Русскихъ святыхъ, туда вошли и Паннонскія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія. Отъ этого разсматриваемыя Житія мы встрѣчаемъ во всѣхъ, безъ исключенія, извѣстныхъ редакціяхъ нашихъ Четь-Миней, какъ-то: въ Четь-Минеяхъ древняго до-Макарьевскаго состава, въ Четь-Минеяхъ, собранныхъ митр. Макаріемъ, въ Четь-Минеяхъ Чудовскихъ (сокращенныхъ изъ Четь-миней Макарія), въ Четь-Минеяхъ, собранныхъ троицкимъ священникомъ Іоанномъ Милютинымъ (1646-1654 гг.) и друг. Не говоримъ уже о томъ, что Паннонскія Житія вошли, въ полномъ видѣ, во многіе сборники, бывшіе въ столь большомъ употребленіи въ старинной нашей письменности.

Не смотря однакожъ на такую огромную извѣстность въ ней Паннонскихъ Житій, онѣ долго оставались тайною

для изслѣдователей жизни Кирилла и Меѳодія. Въ концѣ XVII вѣка сдѣлалъ было ученое употребленіе изъ нихъ знаменитый Іерархъ нашей церкви, и вмѣстѣ одинъ изъ представителей зарождавшейся у насъ въ то время науки, св. Димитрій Ростовскій, составивши на основаніи этихъ памятниковъ жизнеописаніе Славянскихъ Апостоловъ для изданныхъ имъ Четь-Миней, гдѣ и помѣщено оно подъ 11-мъ Мая. Но за то это самое жизнеописаніе какъ будто заслонило собою древнія подлинныя сказанія, и въ половинѣ прошлаго столѣтія извѣстный нашъ историкъ Татищевъ въ своей исторіи ссылался уже (ч. II. 368) на біографію Славянскихъ Апостоловъ, составленную Димитріемъ Ростовскимъ, а Паннонскія Житія, служившія для послѣдней основаніемъ, были забыты.

Послѣ Татищева открылась въ наукѣ для разсматриваемыхъ Житій какъ будто свѣтлая будущность: онѣ попались въ руки Шлецеру, хотя опять не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, данной имъ Димитріемъ Ростовскимъ. Но знаменитый нашъ критикъ пришелъ въ восторгъ, прочетши ихъ даже въ этомъ видѣ, и, руководствуясь однимъ инстинктомъ исторической истины, сразу оцѣнилъ ихъ значеніе для біографіи Кирилла и Меѳодія. „Я уже давно зналъ изъ Татищева, писалъ онъ въ своемъ Несторѣ, что въ Чѣть-Минеѣ и Прологѣ говорится также о нашихъ герояхъ, но нигдѣ не могъ отыскать сихъ книгъ... Теперь къ счастію попалась мнѣ вышесказанная книга нечаянно въ нашей Публичной Библіотекѣ; къ удивленію своему нахожу я въ ней отмѣнно полное и подробное повѣствованіе о нашемъ дѣлѣ... Какъ удивятся этой находкѣ иностранцы, которые до сего должны были держаться своихъ легендъ! Нельзя не признать имъ сего сочиненія: Русская Четь-Минея достойна уваженія не менѣе Латинской. Что сочинитель первой заимствовалъ совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, нежели сочинители послѣднихъ, это очень видно; на поляхъ

прописываетъ онъ: выбрано изъ разныхъ рукописей. Сверхъ того частныя извѣстія, анекдоты, которыхъ тутъ довольно, несравненно правдоподобнѣе, нежели въ Acta SS.; они пріятны, имѣютъ внутреннее правдоподобіе и по большей части согласуются съ прочею тогдашнею исторіею.“ (1)

За тѣмъ, помѣстивши съ нѣкоторыми сокращеніями и съ собственными критическими замѣчаніями печатное жизнеописаніе Кирилла и Меѳодія, Шлецеръ приходитъ къ такому заключенію:

„Все это (именно: приведенныя Шлецеромъ ученыя розысканія Димитрія Ростовскаго о Хозарахъ и о живописцѣ Меѳодіѣ) доказываетъ, что писавшій это былъ мужъ почтенный и благомыслящій, а не такой, каковы были нерѣдко жалкіе писцы Латинскихъ легендъ; что всю Кириллову исторію и принадлежащее къ оной, должно исправить, дополнить и передѣлать съ русскаго, и что въ Русскихъ Четь-Минеяхъ несравненно болѣе исторической истины, нежели въ Латинскихъ легендахъ.“ (2)

Но къ сожалѣнію, надеждѣ Шлецера на признаніе найденнаго имъ новаго источника для обработки Исторіи Кирилла и Меѳодія и на передѣлку ея на основаніи этого источника, долго не суждено было исполниться. Этого и нужно было ожидать потому, что Шлецеръ не зналъ, и отъ того не могъ указать подлинныхъ рукописныхъ житій, изъ которыхъ черпалъ свои свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіѣ Димитрій Ростовскій. Вслѣдствіе этого Добровскій, основываясь на правилахъ строгой, неумытной исторической критики, въ своей біографіи Кирилла и Меѳодія, отвергнулъ новый, предложенный Шлецеромъ для этого матеріалъ. „Въ наше критическое изслѣдованіе, говоритъ онъ, не входитъ

(1) Несторъ Шлец. въ русс. пер. Т. II. стр. 565-66.
(2) Ibid стр. 578.

новѣйшее Русское Житіе, потому что историческіе документы, на коихъ основывается оное, неизвѣстны.“ (1) Авторитетъ знаменитаго славяниста, естественно, увлекъ за собою и другихъ изслѣдователей, и Паннонскимъ Житіямъ, даже въ печатной ихъ передѣлкѣ, угрожало рѣшительное забвеніе въ области науки Славянскихъ древностей. Правда и послѣ Добровскаго, равно какъ и прежде него, нѣкоторые ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, продолжали ссылаться на печатное ихъ житіе, такъ напр. митр. Евгеній, Калайдовичь, Новицкій, Максимовичь и другіе; а Мацѣевскій въ своей „Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ“ ссылался даже на житіе Кирилла рукописное, т. е. подлинное,—но все это безъ признанія особенной силы и важности подобнаго рода ссылокъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, какъ въ 1843-мъ году въ 6-й книжкѣ Москвитянина (2) явилась краткая, съ лѣтописнымъ характеромъ, біографія Кирилла и Меѳодія, составленная на основаніи рукописныхъ ихъ житій, съ подлинными оттуда выписками. Новыя данныя, передаваемыя въ Житіяхъ и сообщенныя въ этой біографіи, были подкрѣплены учеными историческими розысканіями и соображеніями, не допускавшими никакого сомнѣнія въ достовѣрности этихъ данныхъ. Сверхъ того въ началѣ статьи были сдѣланы критическія замѣчанія, въ которыхъ ученый авторъ самымъ положительнымъ образомъ доказалъ глубокую древность открытыхъ имъ, или точнѣе извлеченныхъ изъ забвенія, памятниковъ. Относительно Житія Меѳодія, на основаніи внутреннихъ, находящихся въ немъ, признаковъ, авторъ біографіи пришелъ къ тому заключенію, что 1) Житіе это

---

(1) Кир. и Меѳ. Добр. въ русс. пер. стр. 5.
(2) Стр. 405-434.

составлено въ непродолжительномъ времени послѣ кончины Меѳодія, и именно прежде разрушенія Моравской державы, послѣдовавшаго въ концѣ 9-го столѣтія; 2) что сочинитель Житія принадлежалъ къ Римской церкви, хотя и исповѣдывалъ православный символъ вѣры; 3) что онъ долженъ быть изъ Панноніи—области Кочеловой (1). По послѣднему обстоятельству, Житіе Меѳодія, а вмѣстѣ съ нимъ и Кириллово въ послѣдствіи получили названіе Паннонскихъ. Относительно послѣдняго Житія, не представляющаго въ своемъ содержаніи рѣшительныхъ признаковъ мѣста и времени его написанія, авторъ названной статьи, на основаніи сходства нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ этомъ памятникѣ, выраженій съ соотвѣтственными выраженіями въ первомъ Житіи,—пришелъ къ тому выводу, что и „Кириллово Житіе принадлежитъ тому же времени и той же странѣ, какъ и Житіе Меѳодія.“

Біографія, о которой мы говоримъ, была напечатана безъ подписи имени автора (2). Впрочемъ высокія ученыя ея достоинства, какъ-то: обширная эрудиція автора, свѣтлый критическій взглядъ, необыкновенная точность, опредѣленность и умѣренность въ выводахъ, были причиною, что она, и не прикрываясь авторитетомъ имени автора, возбудила самый живой интересъ въ наукѣ. Отечественные изслѣдователи славянскихъ древностей тотъ часъ же признали важность ново-открытаго памятника, и въ своихъ изслѣдованіяхъ сдѣлали приложеніе нѣкоторыхъ, сообщаемыхъ ими

(1) Москв. 1843 г. № 6. стр. 405-407.

(2) Какъ оказалось впослѣдствіи, она принадлежала одному изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ отечественной церковной исторіи и древней письменности, А. В. Горскому, получившему въ послѣднее время въ особенности извѣстность издаваемымъ имъ, вмѣстѣ съ Проф. Невоструевымъ, Описаніемъ рукописей Синодальной библіотеки.

новыхъ данныхъ. Такъ Паннонскія Житія были, можно сказать, возвращены къ жизни, и получили право гражданства въ наукѣ, послѣ того, какъ оно отнято было у нихъ сомнѣніями Добровскаго. Къ сожалѣнію эти драгоцѣнные памятники, не смотря на обще-признанную важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлаго Славянскаго міра, долго у насъ не находили издателя, и ученые должны были пользоваться печатными извлеченіями изъ нихъ по вышеуказанной статьѣ въ Москвитянинѣ, что̀ дѣйствительно большею частію и было (1). За то тѣ изъ отечественныхъ ученыхъ, которые не довольствовались печатными извлеченіями изъ Паннонскихъ Житій, и подвергали ихъ новому изслѣдованію въ полномъ ихъ видѣ, старались точнѣе опредѣлить обстоятельства ихъ написанія. Въ этомъ отношеніи первый подалъ свой голосъ В. М. Ундольскій. Въ письмѣ своемъ къ проф. Бодянскому (въ Чт. Об. Ист. 1848 г. № 7) онъ помѣстилъ оба Паннонскія Житія между открытыми имъ тогда сочиненіями ученика Меѳодіева, Климента еп. Величскаго (2), не объяснивъ впрочемъ причинъ, по которымъ онъ приписалъ ему эти памятники. Мнѣніе г. Ундольскаго о принадлежности ихъ Клименту впрочемъ было принято въ наукѣ, и въ послѣднее время съ полною отчетливостію развито въ разсматриваемомъ нами сочиненіи проф. Бодянскаго (стр. 42-46). Обращаемся теперь къ тому

(1) Напр. въ Изслѣдованіи о Кир. и Меѳ. архіеп. Филарета; въ Исторіи Христіанства въ Россіи до Владимира, Арх. Макарія; въ Исторіи Рус. Словесности, преимущественно древней Шевырева и проч.

(2) Сочиненія Климента,—старшій послѣ сочиненій и переводовъ Кирилла и Меѳодія памятникъ Славянской письменности,—открыты были въ одно время на Югѣ у Западныхъ Славянъ, и на Сѣверѣ у насъ въ Россіи. Тамъ открылъ ихъ Шафарикъ

движенію, которое произведено было открытіемъ Паннонскихъ житій между Западными изслѣдователями древностей Славянскаго міра, и къ тѣмъ результатамъ, которые были плодомъ этого движенія.

Вышеуказанная нами ученая статья въ Москвитянинѣ скоро получила должную оцѣнку и въ кругу западныхъ славянскихъ и другихъ ученыхъ. Въ 1845-мъ году она переведена была Ганкою на чешскій языкъ, читана въ историческомъ отдѣленіи Чешкаго Ученаго Общества и затѣмъ напечатана въ Журналѣ Чешскаго Музеума (1), съ присоединеніемъ собственныхъ замѣчаній переводчика. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году Шафарикъ воспользовался новыми данными, сообщаемыми въ Паннонскихъ Житіяхъ для своей статьи, переведенной потомъ на русскій: Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи (2). Въ той же статьѣ Шафарикъ, какъ видно, имѣвшій уже у себя полные списки Паннонскихъ Житій, предложилъ собственные выводы о сочинителѣ ихъ, нѣсколько отличные отъ сдѣланныхъ отечественными учеными. Именно: Житіе Кирилла онъ приписалъ,

---

въ 1843-мъ году, по указаніямъ въ Описаніи Рум. Муз. Востокова, у насъ—В. М. Ундольскій еще въ 1840-мъ году, хотя это открытіе обнародовано имъ было уже долго спустя послѣ. Въ 1844 году г. Ундольскій нашелъ похвальное слово Климента Кириллу, а за тѣмъ Похв. слово обоимъ Апостоламъ, которое приписано имъ тому же автору. Это обстоятельство, т. е. принадлежность Похв. слова Кирилла Клименту и ему же Похв. слова обоимъ Апостоламъ было, кажется, однимъ изъ основаній, что и Паннонскія житія приписаны Клименту же. Чт. Общ. Ист. 1848. N 7. стр. IX.

(1) Casopis Ceského Museum 1846. XII.

(2) Чт. Об. Ист. 1848 г. № 7.

согласно съ г. Ундольскимъ, Клименту, а житіе Меѳодія другому ученику Кирилла и Меѳодія, Горазду, бывшему преемникомъ Меѳодія въ санѣ моравскаго архіепископа, не входя впрочемъ въ объясненіе основаній своего мнѣнія. Послѣ Шафарика Ваттенбахъ, въ разсматриваемомъ нами своемъ сочиненіи, съ высокимъ уваженіемъ отозвался о Паннонскихъ Житіяхъ, познакомившись съ ихъ содержаніемъ по ученой статьѣ въ Москвитянинѣ въ чешскомъ ея переводѣ, но это уже по окончаніи своего сочиненія. Вслѣдствіе этого новыя данныя, находящіяся въ Паннонскихъ Житіяхъ не введены имъ въ изслѣдованіе, а изложены въ концѣ его, въ видѣ очерка жизни Славянскихъ Апостоловъ. Относительно времени написанія Житій, Ваттенбахъ совершенно согласился съ авторомъ вышеразсмотрѣнной нами біографіи, помѣщенной въ Москвитянинѣ, именно, что онѣ писаны современниками и учениками Славянскихъ Апостоловъ, прежде разрушенія Моравской державы и въ области Кочела, прибавивъ съ своей стороны, что „онѣ могли быть составлены еще прежде кончины Меѳодія, потому что тотъ часъ же послѣ него началось гоненіе на его учениковъ, а объ этомъ въ житіяхъ нѣтъ даже никакого намека. Что же до извѣстія о смерти Меѳодія, продолжаетъ Ваттенбахъ, то оно могло быть прибавлено впослѣдствіи, такъ какъ позднѣйшія прибавленія въ Житіяхъ признаетъ самъ издатель ихъ“ (p. 33). Послѣднее обстоятельство, т. е. неизвѣстность, что въ Житіяхъ принадлежитъ къ первоначальному ихъ тексту, и что прибавлено послѣ, было отчасти причиною, почему Ваттенбахъ не рѣшился новыя важныя данныя, сообщаемыя Паннонскими Житіями, соединить съ преждеизвѣстными фактами.“ Для этого, по его мнѣнію, новый памятникъ нужно было подвергнуть болѣе подробному и точному критическому изслѣдованію. Въ тоже время Ваттенбахъ выразилъ желаніе, чтобы новооткрытые памятники поскорѣе были изданы въ подлинникѣ.

Это желаніе Ваттенбаха, которое конечно раздѣляли всѣ друзья Славянской науки, скоро было выполнено: въ 1851-мъ году Паннонскія Житія, въ полномъ ихъ видѣ, были наконецъ изданы Шафарикомъ въ его „Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей“ (1). Житіе Кирилла было напечатано по списку Рыльскаго монастыря, 1479 г, отысканному самимъ издателемъ, а житіе Меѳодія по списку, полученному имъ отъ г. Погодина изъ Москвы, по рукописи Библ. Моск. Дух. Академіи, т. е. по той самой рукописи, въ которой въ первый разъ найдены были Паннонскія Житія первымъ ихъ находчикомъ; даже имъ самимъ, кажется, или по крайней мѣрѣ подъ его наблюденіемъ снята была копія съ подлиннаго списка для Шафариковскаго изданія. Такъ честь перваго обнародованія и изданія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ досталась, если и не нашей отечественной наукѣ древностей, за то первому, безспорно знатоку ихъ, принесшему столько пользы для разработки обще-славянской старины. Тотъ часъ же послѣ изданія Паннонскихъ Житій явилось новое извлеченіе изъ нихъ на Польскомъ языкѣ въ Львовскомъ журналѣ: Dziennik Litteracki, N 32, сдѣланное I. Вагилевичемъ съ краткимъ предисловіемъ, переведенное потомъ на нѣмецкій языкъ (2).

Въ такихъ обстоятельствахъ издано было разсматриваемое сочиненіе Дюммлера. Какъ показываетъ все вышесказанное объ интересѣ, возбужденномъ открытіемъ Паннонскихъ Житій, оно удовлетворяло насущнымъ потребностямъ науки, представляя въ себѣ полнѣйшій, въ срав-

(1) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanov, v Praze. 1851.

(2) Schmalers Jahrbücher für Slawische Literatur. 1852. Heft. 2.

неніи съ прежними, историко-критическій обзоръ новооткрытыхъ памятниковъ, столь важныхъ не только для исторіи Кирилла и Меѳодія, но и вообще для уясненія обще-славянской старины.

II.

Первое свѣдѣніе о Паннонскихъ Житіяхъ Дюммлеръ, какъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему сочиненію, получилъ изъ брошюрки Ваттенбаха; за тѣмъ узнавши о сдѣланномъ Шафарикомъ изданіи подлиннаго текста ихъ, по причинѣ своего незнакомства съ Славянскимъ языкомъ, просилъ извѣстнаго славяниста Миклошича перевести ихъ для себя на латинскій языкъ, что̀ послѣднимъ и было сдѣлано. Но выслушаемъ лучше самаго автора. „Изъ этого, продолжаетъ Дюммлеръ, благосклонно предпринятаго для меня труда, я издаю теперь только жизнеописаніе Меѳодія, за которымъ впослѣдствіи, если мой трудъ найдетъ одобреніе, можетъ быть послѣдуетъ жизнеописаніе Константина. Разныя причины удержали меня подвергнуть изслѣдованію послѣднее вмѣстѣ съ первымъ: не смотря на свой бо́льшій, въ сравненіи съ нимъ, объемъ, оно не такъ важно для исторіи, какъ Житіе Меѳодія, и хотя, по времени сочиненія, оно принадлежитъ глубокой древности, но это удовлетворительнымъ образомъ доказать трудно; при томъ же самый текстъ его во многихъ мѣстахъ теменъ и непонятенъ. Справедливо, что Житіе Кириллово по своему содержанію представляетъ внутреннее сродство съ Житіемъ Меѳодія и нѣкоторымъ образомъ дополняетъ его; при всемъ томъ однакожъ, по причинѣ

встрѣчающихся въ немъ, нѣкоторыхъ противорѣчій и отступленій отъ послѣдняго, написаніе перваго я не могу приписать одному и тому же лицу. Мнѣ кажется, что достовѣрность Кириллова Житія должна быть доказана независимо отъ Житія Меѳодія."

Изъ приведенныхъ словъ Дюммлера ясно, что онъ не вполнѣ довѣряетъ древности и достовѣрности Паннонскаго Житія Константина, по крайней мѣрѣ не ставитъ его въ этомъ отношеніи наравнѣ съ Житіемъ Меѳодія. Но такъ какъ нашъ авторъ не вошелъ въ болѣе точное объясненіе своихъ сомнѣній, и не представилъ ясныхъ доказательствъ противнаго мнѣнія; то и мы пока оставляемъ эти его сомнѣнія безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, и обращаемся къ его изслѣдованію о Житіи Меѳодія, которое собственно и составляетъ, какъ уже замѣчено было, предметъ его сочиненія.

По формѣ своей, разсматриваемое сочиненіе Дюммлера раздѣлено на три отдѣленія. Изъ нихъ въ 1-мъ авторъ излагаетъ критическіе выводы о происхожденіи и исторической достовѣрности новаго памятника, во 2-мъ читается текстъ его въ сдѣланномъ Миклошичемъ, латинскомъ буквальномъ переводѣ, въ 3-мъ—рядъ примѣчаній, или экскурсовъ, въ которыхъ предлагаются очень основательныя розысканія объ отдѣльныхъ фактахъ жизни Меѳодія, сообщаемыхъ Паннонскимъ его Житіемъ, въ сличеніи ихъ съ прежними извѣстіями, именно: показаніями папскихъ буллъ, отрывка объ обращеніи Хорутанцевъ, Италіянской Легенды, Житія Климента и отчасти Паннонскаго Житія Кирилла. Послѣднее отдѣленіе, какъ мы выше замѣтили, имѣетъ видъ біографіи Славянскихъ Апостоловъ. Мы намѣрены въ своемъ разборѣ остановиться собственно на критическихъ и библіографическихъ выводахъ Дюммлера.

Въ этотъ отношеніи нашъ авторъ, какъ и Ваттенбахъ, принимаетъ выводы перваго находчика Паннонскихъ Житій, котораго, какъ самъ говоритъ, избралъ своимъ руководителемъ, и дѣйствительно во многомъ повторяетъ буквально критическія положенія, высказанныя послѣднимъ; но по мѣстамъ дѣлаетъ соображенія и свои собственныя. Такимъ образомъ, на основаніи выписокъ изъ самаго памятника, именно относительно уваженія, повсюду высказываемаго сочинителемъ Житія къ Римскому престолу и вообще относительно римско-католическаго взгляда его на вещи и событія, Дюммлеръ приходитъ къ заключенію, что жизнеописатель Меѳодія принадлежалъ къ Римской церкви и признавалъ папу духовною главою, что онъ былъ ученикомъ Меѳодія, и принадлежалъ къ его паствѣ, но не Моравской, а Паннонской, потому что ясно отличаетъ себя отъ Моравцевъ. О времени написанія Житія, Дюммлеръ, на основаніи отзыва жизнеописателя о возвышеніи и благоденствіи Моравской державы послѣ 2-го призванія туда Меѳодія, и на основаніи молчанія его о преслѣдованіи учениковъ Меѳодія, начавшемся тотъ часъ послѣ его кончины, — приводитъ болѣе точное соображеніе, именно, что Паннонское Житіе писано тотъ часъ послѣ смерти Моравскаго Архіепископа, еще до наступленія упомянутаго гоненія, по крайней мѣрѣ когда извѣстіе о немъ еще не достигло въ Панноніо. Къ тому же заключенію приводитъ Дюммлера то обстоятельство, что сочинитель Житія, принадлежа къ Римской церкви, исповѣдывалъ въ тоже время православный символъ вѣры. „Такое двойственное положеніе, говоритъ онъ (стр. 152) между двумя церквами въ позднѣйшее время, когда въ западной церкви прибавленіе „Filioque“ получило всеобщее значеніе и принято было въ Символъ вѣры, было не возможно; но оно возможно было во 2-й половинѣ IX

вѣка, и могло быть тогда частнымъ мнѣніемъ Меѳодія и его покровителей, Адріана II и Іоанна VIII.“ Теперь приведемъ очень замѣчательный отзывъ Дюммлера о внутреннихъ признакахъ исторической достовѣрности новаго памятника.

„Житіе Меѳодія, если разсматривать его съ безпристрастнымъ взглядомъ, говоритъ нашъ авторъ, представляется простымъ, чуждымъ всякихъ украшеній разсказомъ о дѣйствительныхъ фактахъ. Изъ этихъ фактовъ многіе вполнѣ согласны съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, но для иныхъ мы вовсе не находимъ постороннихъ свидѣтельствъ, которыми можно было бы подтвердить, или отвергнуть показанія новаго памятника. Во всякомъ случаѣ однакожъ въ Житіи нигдѣ нѣтъ разсказовъ о вещахъ чудесныхъ, невозможныхъ, которыя могли бы возбудить сомнѣніе въ достовѣрности нашего источника. Оно вовсе не имѣетъ характера преданія изукрашеннаго и обезображеннаго въ устахъ народа. Судя по взгляду автора на вещи и пониманію событій, житіе это могло быть писано именно только въ той странѣ, на которую мы указали, и ужъ никакъ не въ строго-православной Россіи. И такъ какъ нельзя опредѣленно представить времени, когда могъ бы быть сдѣланъ подлогъ этого житія, то и ничего не остается намъ, какъ признать сочинителемъ его кого-либо изъ паннонскихъ учениковъ Меѳодіевыхъ, который, научившись отъ своего учителя греческому языку, описалъ на немъ его дѣянія для назиданія потомства (стр. 153).“

Такимъ образомъ Дюммлеръ, соглашаясь относительно написанія Житія Меѳодіева съ отечественными изслѣдователями въ главномъ, расходится съ ними въ частностяхъ. Не принимая на себя задачи рѣшать вопросъ, кому именно принадлежитъ этотъ памятникъ, онъ дѣлаетъ со-

ображенія о языкѣ, на которомъ этотъ памятникъ первоначально писанъ, и приходитъ къ тому заключенію, что дошедшій до насъ Славянскій текстъ житія Меѳодіева есть переводный съ другаго языка, на что указываетъ, говоритъ онъ, между прочимъ объясненіе неизвѣстнаго Русскимъ слова *миша* (обѣдня, литургія) особымъ прибавленіемъ: *рекше служба.* Въ доказательство своей мысли о первоначальномъ текстѣ Житія, Дюммлеръ приводитъ мнѣніе Миклошича, что „оно было писано именно на греческомъ языкѣ, на что указываютъ синтаксическія формы и обороты рѣчи въ языкѣ памятника (151).“ Точно также и текстъ Паннонскаго Житія Кирилла, замѣчаетъ Дюммлеръ въ другомъ мѣстѣ, не есть первоначальный, а переводный съ другаго языка.

Это мнѣніе Дюммлера о первоначальномъ текстѣ Паннонскихъ Житій имѣетъ нѣкоторый видъ правдоподобія, тѣмъ больше, что изъ той же эпохи Славянской письменности мы имѣемъ памятникъ, который такъ же писанъ Славяниномъ, и однакожъ, если судить по дошедшему до насъ тексту его, на языкѣ Греческомъ, а не на Славянскомъ. Мы разумѣемъ жизнеописаніе Климента епископа Величскаго, писанное ученикомъ его, по происхожденію Булгаромъ, которое извѣстно только на греческомъ языкѣ. Дюммлеръ указываетъ еще другую черту сходства въ происхожденіи обоихъ памятниковъ, именно принадлежность Климентова біографа, какъ и біографа Меѳодіева къ Римской церкви, не смотря на то, что оба они исповѣдывали Символъ вѣры безъ прибавленія Filioque. При всемъ томъ однакожъ основанія, приводимыя Дюммлеромъ въ пользу своего мнѣнія о переводѣ Житія Меѳодіева съ другаго языка вообще и Греческаго въ частности, слишкомъ шатки, чтобы оно могло утвердиться въ наукѣ. Прежде всего скажемъ объ употребленіи

біографомъ Меѳодія названія литургіи словомъ *миша*, съ прибавленіемъ объяснительнаго слова: *служба (мьша, рекше служба)*. Слово это, и притомъ большею частію съ объясненіемъ, дѣйствительно не разъ встрѣчается въ Житіи Меѳодія (1). Но это обстоятельство по нашему мнѣнію, можетъ и должно быть объяснено гораздо проще: извѣстно, что въ Панноніи, (равно какъ и въ Моравіи), гдѣ, по общему признанію изслѣдователей, писано житіе Меѳодіево, христіанство и церковное богослуженіе первоначально, еще за долго до прибытія туда Славянскихъ Апостоловъ, введено было миссіонерами Римской церкви. Съ этимъ вмѣстѣ тамъ конечно вошла въ употребленіе и Латинская церковно-богослужебная терминологія, что какъ нельзя яснѣе доказываютъ слова: *алтарь*—лат. altare, *церковь*—древнеслав. црькы отъ лат. circus, *попъ*—лат. pora, *оцетъ*—оцьтъ—лат. acetum и проч., доселѣ сохранившіяся въ Славянскомъ языкѣ. Неудивительно послѣ этого, что и литургія въ Панноніи, до прибытія туда Славянскихъ Апостоловъ, и отчасти послѣ нихъ, называлась передѣланнымъ съ Латинскаго словомъ—*миша* (мьша)—missa, messe, впослѣдствіи вышедшимъ изъ употребленія,—словомъ, которое употреблялъ и сочинитель Житія Меѳодія, какъ видно державшійся еще старинной въ этомъ отношеніи терминологіи. Вотъ почему изъ этого обстоятельства и нельзя выводить заключенія о написаніи Житія Меѳодія первоначально на Латинскомъ языкѣ, что̀ кажется имѣлъ въ виду Дюммлеръ, настаивающій собственно на мысли о переводѣ этого памятника съ другаго языка вообще; потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что всѣ Славянскія богослужебныя и другія книги, въ которыхъ вездѣ встрѣчаются слова: алтарь,

(1) Пан. Жит. по изд. Шаф. гл. VIII. X. XI.

церковь и проч. переведены съ Латинскаго, и слѣд. впасть въ прямое и рѣшительное противорѣчіе съ фактами. Не нужно забывать при этомъ, что авторъ Житія Меѳодія былъ членъ Римской церкви и слѣд. принадлежалъ къ числу такихъ людей, между которыми и послѣ Меѳодія слово *миша* держалось во всей силѣ, какъ оно доселѣ удержалось у нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ, впослѣдствіи присоединившихся къ Римской церкви. Но за чѣмъ онъ къ слову *миша* прибавляетъ объясненіе — служба? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти видѣнъ уже изъ предыдущаго. Съ введеніемъ въ Паннонiи при Меѳодіѣ богослуженія и богослужебныхъ книгъ греческой церкви это названіе, какъ видно, стало выходить изъ употребленія и замѣняться новымъ, взятымъ съ греческаго, словомъ *литургія*, или славянскимъ словомъ *служба*. Естественно такимъ образомъ, что для новаго поколѣнія, воспитаннаго въ духѣ новыхъ учрежденій, нужно было объясненіе устарѣлаго термина. Съ другой стороны ничего нѣтъ удивительнаго, если это объясненіе внесено въ текстъ Житія впослѣдствіи переписчиками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что указанное прибавленіе сдѣлано въ житіи не вездѣ.

Другое доказательство Дюммлера, приводимое имъ въ частности въ пользу мысли о переводѣ Меѳодіева Житія съ Греческаго, и собственно принадлежащее Миклошичу, также не выдерживаетъ критики. Въ Житіи Меѳодія дѣйствительно встрѣчаются греческія синтаксическія формы и обороты рѣчи; но не должно забывать, что Славянскій синтаксисъ образовался по Греческому и что вліяніе послѣдняго на Славянскій языкъ, въ первобытную эпоху его литературнаго образованія, было рѣшительное, не только въ сочиненіяхъ переводныхъ, но и оригинальныхъ. Этого вліянія конечно никто не станетъ отрицать ни въ сочиненіяхъ

Климента, ни въ сочиненіяхъ Іоанна экзарха, ни даже въ позднѣйшихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Славянской письменности. Всѣ они наполнены болѣе или менѣе грецизмами. Что же послѣ этого удивительнаго, если встрѣчаются грецизмы въ Житіи Меѳодія, писанномъ въ самое первое время образованія Славянскаго языка?

Наконецъ общее соображеніе съ обстоятельствами написанія разсматриваемаго памятника также вовсе не оправдываетъ заключенія, сдѣланнаго Дюммлеромъ. Сочинитель Житія Меѳодія былъ Паннонецъ, слѣд. Славянинъ, и, какъ говоритъ самъ Дюммлеръ, описывалъ жизнь и дѣянія своего учителя для назиданія потомства, слѣд. прежде всего для своихъ соотечественниковъ, а потомъ для Славянъ вообще. При такой обстановкѣ дѣла возможно ли представить, чтобы онъ сталъ писать біографію Меѳодія на непонятномъ для большинства, Греческомъ или Латинскомъ языкѣ,—и это именно тогда, когда, какъ сами Славянскіе Апостолы, такъ и сотрудники ихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и біографъ Меѳодія, о томъ преимущественно и заботились, чтобы какъ можно болѣе распространить между новообращенными знаніе Славянскаго языка, и когда главнымъ занятіемъ писавшихъ что либо были именно переводы съ Греческаго? И если этотъ біографъ дѣйствительно, какъ говоритъ Дюммлеръ, учился у своего учителя греческому языку, то ужъ конечно не для того, чтобы писать на немъ, а напротивъ именно для того, чтобы переводить съ него на свой отечественный языкъ. Равнымъ образомъ, если этому біографу представился случай писать что-либо оригинальное, то, по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ, онъ конечно не рѣшился бы промѣнять его ни на какой иностранный. Но Дюммлеръ, какъ мы видѣли, указываетъ на Житіе Климента, которое писано Болгаромъ и однакожъ

на Греческомъ языкѣ. Дѣйствительно этотъ фактъ представляетъ странное явленіе въ древней Славянской письменности; но мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ онъ можетъ служить въ подтвержденіе мысли Дюммлера. Другое дѣло—еслибъ доказано было, что всѣ Славянскіе писатели въ первую эпоху писали на Греческомъ языкѣ, и что это было тогда общимъ правиломъ; но утверждать это еще никто не рѣшался, да и нѣтъ къ тому никакой возможности. Точно также и общая, указанная Дюммлеромъ, между обоими памятниками черта, т. е. одинаковое уваженіе, высказываемое въ нихъ къ Римскимъ первосвященникамъ, никакъ не можетъ служить къ подтвержденію мысли нашего автора. Біографъ Климента почему бы то ни было могъ писать по гречески, а біографъ Меѳодія слѣдовалъ общему правилу и писалъ по славянски. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что первое явленіе должно быть объяснено независимо отъ послѣдняго. По этому поводу мы не можемъ не привести очень замѣчательнаго соображенія профес. Бодянскаго, который думаетъ, что подлинникъ жизнеописанія Климента первоначально былъ составленъ на Славянскомъ языкѣ, и только впослѣдствіи переведенъ кѣмъ-то на греческій. „Чтобы Булгаръ, говоритъ онъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, рѣшился промѣнять отечественный языкъ на другой, хотя бы самый образованный, невѣроятно по тогдашнимъ отношеніямъ всѣхъ булгарскихъ писателей къ Грекамъ и самимъ себѣ. Обыкновенно не только въ первыя времена какой-либо письменности, но и послѣ, довольно долго еще горячка родолюбія и отвращеніе ко всему чужому, царятъ, можно сказать, безгранично надъ умами, воображеніемъ и волею пишущей братіи. Тогда больше пытаютъ свои силы въ своемъ, либо переносятъ съ чужаго на отцовскую ниву, но не наоборотъ (стр. 10).“

Все сказанное въ приведенной нами выпискѣ очевидно тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ быть отнесено къ Житію Меѳодія. Въ отношеніи къ нему споръ еще могъ бы поддерживаться, еслибъ былъ извѣстенъ текстъ его на Греческомъ, или другомъ языкѣ, хоть въ позднѣйшихъ спискахъ, или по крайней мѣрѣ извѣстія о немъ, или ссылки на него другихъ писателей; но этого ничего нѣтъ. Греческій текстъ только предполагается на основаніи филологическихъ выводовъ Миклошича, которые, одинъ разъ, именно въ отношеніи ко времени языка Паннонскихъ Житій, какъ мы выше видѣли, уже оказались такъ неудачно-ошибочными.

Приведенныя нами доказательства, относительно Славянскаго происхожденія Житія Меѳодія, имѣютъ одинаковую силу въ отношеніи къ Житію Кирилла. Здѣсь не видимъ даже употребленія слова *миша* вмѣсто *литургія*, а слѣдовательно въ пользу противнаго мнѣнія недостаетъ одного изъ основныхъ доводовъ, на которые указываетъ Дюммлеръ. И такъ, вопреки его мнѣнію, равно какъ и мнѣнію Миклошича, до открытія въ пользу его новыхъ данныхъ, остается держаться въ этомъ отношеніи прежнихъ выводовъ, сдѣланныхъ отечественными и другими изслѣдователями, которые, приписавъ составленіе обоихъ Паннонскихъ Житій ученикамъ Меѳодія—Славянамъ, этимъ самымъ конечно высказали свое мнѣніе о Славянскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ памятниковъ.

Но, совершенно соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ въ послѣднемъ отношеніи, мы однакожъ затрудняемся принять его въ полномъ его видѣ, и именно признать сочинителемъ Житія Меѳодіева кого-либо изъ учениковъ Меѳодія, извѣстныхъ намъ по Греческому житію Климента,—затрудняемся тѣмъ болѣе, что, какъ мы выше видѣли, ученые въ этомъ случаѣ, т. е. въ назначеніи лица писателя значительно

расходятся: у насъ въ Россіи Житіе Меѳодія приписано Клименту, а Шафарикъ приписываетъ его другому ученику Меѳодія, Горазду. Основаніемъ послѣдняго мнѣнія служила, кажется, особенная близость Горазда къ Меѳодію, который назначилъ его себѣ преемникомъ. Но всякій согласится, что такое основаніе слишкомъ нетвердо, и что оно могло бы имѣть нѣкоторую силу и идти въ соображеніе только при другихъ данныхъ. А этихъ данныхъ нѣтъ ни въ самомъ Житіи, ни въ другихъ памятникахъ. Между тѣмъ есть много такого, что̀ рѣшительно препятствуетъ принять сдѣланное Шафарикомъ заключеніе: во первыхъ Гораздъ вовсе неизвѣстенъ, какъ писатель; во вторыхъ въ Житіи о немъ говорится въ 3-мъ лицѣ, на что̀ указываетъ и самъ Шафарикъ; въ третьихъ похвальный отзывъ, который читается о Гораздѣ въ послѣдней главѣ Житія, конечно ужъ никакъ не могъ принадлежать ему.

Другое мнѣніе, приписывающее Паннонское Житіе Меѳодія Клименту, еп. Славянскому, или Величскому, имѣетъ въ свою пользу доказательствъ гораздо больше, которыя, какъ мы замѣтили уже, изложены въ разсматриваемомъ сочиненіи О. М. Бодянскаго (стр. 42–46); но и оно, позволяемъ себѣ замѣтить, не окончательно рѣшаетъ вопросъ. Кромѣ близости Климента къ Меѳодію и извѣстности его, какъ писателя, и именно житій и похвальныхъ словъ разнымъ Святымъ, почтенный профессоръ главнымъ образомъ основываетъ свои заключенія на сходствѣ Житія Меѳодія въ слогѣ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ съ Похвальнымъ Словомъ обоимъ Славянскимъ Апостоламъ, которое приписывается нѣкоторыми учеными Клименту, и на согласіи обоихъ памятниковъ въ изложеніи историческихъ данныхъ. Но, во первыхъ, мысль о принадлежности упомянутаго Похвальнаго Слова Клименту еще доселѣ остается предположеніемъ, которое положительнымъ образомъ не доказано, что̀ совершенно

необходимо, чтобы это предположеніе могло быть приведено въ подтвержденіе другаго. Во вторыхъ, приведенное выше обстоятельство, т. е. сходство Похвальнаго Слова съ Житіемъ по слогу и содержанію, намъ кажется, гораздо естественнѣе можетъ быть объяснено тѣмъ соображеніемъ, что сочинитель Слова пользовался Житіемъ Меѳодія (равно какъ и Житіемъ Кирилла), какъ матеріаломъ. И дѣйствительно, при сличеніи обоихъ памятниковъ нельзя не придти къ такому заключенію. Въ Словѣ встрѣчаются на каждой страницѣ не только отдѣльныя слова и обороты, но и цѣлыя фразы, наконецъ цѣлыя тирады, заимствованныя изъ Паннонскихъ Житій буквально,—и это въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касается историческихъ данныхъ. Послѣднее невольно приводитъ къ заключенію, что авторъ Слова самъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о жизни Кирилла и Меѳодія, кромѣ заимствованныхъ имъ изъ Паннонскихъ Житій; потому что къ общей суммѣ историческихъ данныхъ въ отношеніи къ Славянскимъ Апостоламъ онъ не прибавляетъ ровно ничего. Все, что есть въ Словѣ,непремѣнно есть и въ Житіи (1); — только въ послѣднемъ въ подробномъ видѣ, а въ первомъ сокращенно,

(1) Единственное отступленіе въ Словѣ отъ Житій, находимъ въ означеніи года смерти Меѳодія. Тогда какъ по житію Меѳодій скончался въ 6393 (885)-мъ году, авторъ Слова назначаетъ временемъ кончины Меѳодія годъ 6394 (886), и это читается во всѣхъ, по крайней мѣрѣ намъ извѣстныхъ, спискахъ Слова, начиная съ старшаго изъ нихъ, XII в. Отсюда можно думать, что авторъ слова, въ отношеніи къ этому пункту руководствовался другимъ источникомъ. Но указанное нами отступленіе очевидно не можетъ подтвердить мысли о принадлежности Слова и Житія одному и тому же лицу; напротивъ въ связи съ другими соображеніями оно идетъ прямо противъ такого заключенія.

а тамъ, гдѣ дѣло касается цыфръ, собственныхъ именъ, буквально. Послѣднія, какъ видно, авторъ Слова не могъ удержать въ памяти, и потому выписывалъ ихъ буквально изъ Житій, которыя неоспоримо имѣлъ передъ глазами при составленіи своего сочиненія. Но можно ли отнести все это къ Клименту? Разумѣется нельзя. Зная, какъ говорится въ его Житіи, лучше всѣхъ современниковъ жизнь своего учителя, для восхваленія его подвиговъ и изображенія ихъ въ общихъ чертахъ, онъ конечно не имѣлъ нужды въ постороннемъ для этого источникѣ, а тѣмъ меньше имѣлъ нужду выписывать оттуда буквально цѣлыя фразы, мало того — цѣлыя тирады, когда дѣло касалось фактовъ (1).

Съ другой стороны, если выйти и изъ той мысли, что Клименту принадлежатъ оба памятника, то такъ же невѣроятно, чтобы одинъ и тотъ же авторъ сталъ дѣлать подобныя заимствованія изъ собственнаго же сочиненія, содержаніе котораго, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, (что собственно и нужно было для составленія Похвальнаго слова), разумѣется было ему извѣстно. Вотъ почему сходство Житія съ Похвальнымъ Словомъ никакъ не можетъ подтвердить мысли о принадлежности перваго Клименту, а

---

(1) Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, сильнѣе всего говоритъ противъ принадлежности похвальнаго слова Клименту. Прибавимъ къ этому, что по заглавію оно не приписывается ему ни въ одномъ спискѣ, къ сочиненіямъ же Климента отнесено главнымъ образомъ, кажется, на основаніи сходства его въ слогѣ съ другими похвальными словами того же писателя, которое (сходство) легко объясняется вліяніемъ Климента, какъ знаменитаго въ то время церковнаго витіи, на современныхъ ему и слѣдовавшихъ за нимъ писателей. Само собою разумѣется, что, при такомъ положеніи дѣла, Похвальное Слово, какъ составленное на основаніи письменныхъ матеріаловъ, должно быть отнесено къ числу источниковъ второстепенныхъ (для исторіи Кирилла и Меѳодія).

равно и вообще о принадлежности обоихъ памятниковъ одному и тому же писателю. Послѣднему заключенію сильно не благопріятствуютъ такъ же находящіяся въ разсматриваемыхъ памятникахъ указанія о мѣстѣ жительства сочинителей ихъ. Авторъ Житія Меѳодія, какъ видно изъ его сочиненія, жилъ въ Панноніи, а авторъ Похвальнаго Слова, кажется, въ Болгаріи, только во всякомъ случаѣ не въ Панноніи и не въ Моравіи, потому что говоритъ объ нихъ, какъ о странахъ, лежащихъ (конечно въ отношеніи къ мѣсту своего жительства) на Западѣ (1).

Главное же, что препятствуетъ намъ отнести Житіе Меѳодія къ сочиненіямъ Климента, равно какъ и признать сочинителемъ его Горазда, или кого другаго изъ учениковъ Меѳодія, извѣстныхъ по греч. житію Климента, — это тѣ противорѣчія, въ которыя тогда необходимо должно стать съ другими обстоятельствами написанія этого памятника, уже до послѣдней степени наглядности выясненными критикой. На одно изъ этихъ обстоятельствъ мы отчасти уже указали, когда говорили о невозможности приписать Житіе Меѳодія и Похвальное Слово обоимъ Славянскимъ Апостоламъ одному и тому же лицу; мы разумѣемъ мѣсто жительства автора Житія Меѳодіева. Что онъ былъ Паннонецъ, (пусть даже Панноnецъ не по мѣсту жительства, а по происхожденію), этого конечно отвергнуть нельзя: въ памятникѣ на это есть самыя ясныя указанія. Между тѣмъ изъ греческаго Житія Климента извѣстно, что послѣдній, равно какъ и Гораздъ, съ другими учениками Меѳодія, бывшими съ нимъ въ Моравіи въ послѣдніе годы его жизни, тотъ часъ же послѣ его

(1) Ти (Кириллъ и Меѳодій) чисто цр҃кви и свѣтообразьно жито прѣдаста, въ западънихъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравъскахъ странахъ яко слн҃цы вѣсиявъша. Похв. Слово по списку Усп. Соб. XII в.

кончины подверглись гоненію со стороны Латинскаго духовенства и должны были бѣжать въ Болгарію, гдѣ и провели остальное время жизни,—оба въ санѣ болгарскихъ архіепископовъ. Отсюда ясно, что говорить о себѣ, подобно автору Житія Меѳодія, какъ о Паннонцахъ, ни Гораздъ, ни Климентъ не могли. Они не могли такъ называть себя и по происхожденію, потому что Климентъ по происхожденію былъ Болгаръ, а Гораздъ Моравецъ. Для примиренія этого противорѣчія можно конечно предположить, что Климентъ, или Гораздъ, послѣ перехода своего въ Болгарію, посѣщали Паннонію, но такое предположеніе не будетъ имѣть основанія въ источникахъ; да оно и невѣроятно по общимъ соображеніямъ съ фактами. Другое обстоятельство: какъ мы выше видѣли, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что авторъ Житія Меѳодіева принадлежалъ къ Римской церкви и Римскаго первосвященника признавалъ духовною главою; а эта черта конечно не можетъ быть отнесена ни къ Клименту, ни къ Горазду. Чтобы примирить это противорѣчіе, какъ ни станемъ мы ослаблять и смягчать сдѣланный критикой въ этомъ отношеніи выводъ,—но этотъ взглядъ сочинителя разсматриваемаго житія на власть папъ, на вселенскіе соборы, собиравшіеся будто бы подъ главнымъ вліяніемъ римскихъ первосвященниковъ, это уваженіе его, или гораздо болѣе, благоговѣніе къ Римскому престолу, эти титулы (ключедержца, апостолика, настольника ап. Петра и проч), усвояемые папамъ, наконецъ вообще Римская точка зрѣнія автора Житія на вещи и событія, усвоенная по мѣстамъ даже Славянскимъ Апостоламъ,—все это непремѣнно приведетъ къ заключенію, что разсматриваемый памятникъ не могъ принадлежать ни Горазду, ни Клименту, и что скорѣе онъ принадлежитъ кому либо изъ Паннонскихъ учениковъ Меѳодія, признавшихъ, послѣ его удаленія изъ Панноніи, окончательно

и съ полною искренностію власть Римскаго престола, но сохранившихъ въ тоже время полное уваженіе къ своему учителю и вмѣстѣ завѣщанный имъ догматъ о происхожденіи Св. Духа безъ прибавленія filioque. Другое дѣло, еслибъ Житіе Меѳодія могло быть писано прежде кончины Меѳодія, когда проповѣдники Славянскаго богослуженія, а между ними конечно и названные ученики Меѳодія, были еще въ добрыхъ отношеніяхъ съ Римомъ, по крайней мѣрѣ не теряли еще къ нему довѣрія. Какъ мы выше видѣли, этой мысли дѣйствительно держится Ваттенбахъ; но по многимъ причинамъ въ этомъ никакъ нельзя съ нимъ согласиться, и извѣстіе въ Житіи о кончинѣ Меѳодія нельзя признать позднѣйшимъ дополненіемъ. Ясно, что оно писано уже послѣ Меѳодія, хотя и недолго спустя, а слѣд. тогда, когда Климентъ, Гораздъ и другіе ученики Меѳодія находились въ самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ Риму; потому что, какъ видно изъ новаго, открытаго Ваттенбахомъ памятника, въ это именно время, (за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Меѳодія, или скоро послѣ нея), вновь отъ самаго главы Римскаго престола издано было запрещеніе совершать Славянское богослуженіе, и приверженцы его, начиная съ св. Меѳодія, буллою Стефана VI, были преданы анаѳемѣ. Вслѣдствіе этого ученики Меѳодія послѣ его кончины тотъ часъ же подверглись гоненію, заключенію въ темницѣ, мученіямъ, а наконецъ изгнанію, что все такими яркими красками изображено въ Житіи Климента. Ушедши съ такими вспоминаніями и подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній въ Болгарію, которыя, въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ гоненій на Славянское богослуженіе въ просвѣщенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ странахъ, должны были усилиться еще болѣе,—само собою разумѣется, ни Гораздъ, ни Климентъ не могли писать о Римскихъ первосвященникахъ такимъ тономъ, какимъ

проникнуто Житіе Меѳодія. Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о принадлежности этого памятника ни Клименту, ни Горазду; покрайней мѣрѣ позволяемъ себѣ думать, что указанныя нами противорѣчія настоятельно требуютъ соглашенія и объясненія. Обращаемся теперь къ житію Кирилла.

Это житіе, какъ мы выше видѣли, ученые единогласно приписываютъ Клименту. Въ основаніе этого мнѣнія такъ же полагается: 1) извѣстность Климента, какъ писателя житій и похвальныхъ словъ. 2) особенная къ Кириллу близость Климента, который, по общепринятому предположенію, былъ ученикомъ не только Меѳодія, но и Кирилла, и сопутствовалъ имъ во всѣхъ ихъ апостольскихъ подвигахъ. Другое основаніе представляетъ то обстоятельство, что между похвальными словами Климента извѣстно между прочимъ одно, написанное имъ въ честь Кирилла, и приписываемое ему (Клименту) самымъ заглавіемъ; а жизнь и похвала Святому, говоритъ Шафарикъ (1), обыкновенно пишется однимъ и тѣмъ же лицемъ. Противъ послѣдняго основанія, какъ болѣе другихъ имѣющаго силу, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что правило, въ немъ высказанное, не можетъ быть названо общимъ; оно безусловно вѣрно только въ отношеніи къ похвальнымъ словамъ краткимъ, или собственно *похвалamъ*, какія обыкновенно (хотя это и не всегда) присоединяются въ концѣ житій, безъ особаго заглавія и неразрывно съ послѣдними; а Похвальное Слово Кириллу встрѣчается въ рукописяхъ отдѣльно отъ его Житія, съ особымъ заглавіемъ и далеко не можетъ быть названо краткимъ. Но во всякомъ случаѣ Кириллово Житіе можетъ быть приписано Клименту съ бо́льшею вѣроятностію, нежели

(1) Въ предисловіи къ изд. имъ Житію и Похв. Слову Кириллу. Изборъ Югослав. Достопамятностей 1851 г.

Меѳодіево. Здѣсь по крайней мѣрѣ мы не встрѣтимся съ тѣми противорѣчіями, съ которыми должны встрѣтиться въ отношеніи къ послѣднему, когда приписали бы его названному писателю. Потому что во 1-хъ изъ Житія Кирилла вовсе не видно, гдѣ именно жилъ его авторъ; а слѣд. Климента вовсе нѣтъ нужды вести въ Панноніо, чтобы имѣть возможность приписать ему этотъ памятникъ. Да еслибъ положеніе, высказанное первымъ находчикомъ Паннонскихъ Житій, что оба онѣ суть произведенія одной страны и дѣйствительно было доказано; то и въ этомъ случаѣ противорѣчія никакаго не будетъ, если причислимъ Кириллово Житіе и къ сочиненіямъ Климента: какъ думаютъ большая часть изслѣдователей, оно писано въ первые годы послѣ кончины Кирилла; а въ это время Климентъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ могъ жить въ Панноніи. Изъ Житія Кириллова не видно также, чтобы авторъ его былъ членомъ Римской церкви. Все вліяніе на него послѣдней отразилось только въ названіи Апостоликъ, которое по мѣстамъ (но отнюдь не вездѣ) придается папамъ. А это обстоятельство легко можетъ быть объяснено навыкомъ къ церковной Римской терминологіи, усвоенной авторомъ Житія въ той странѣ, гдѣ онъ жилъ (т. е. въ Моравіи и Панноніи), и добрыми отношеніями Меѳодія и учениковъ его, сохранявшимися, хотя и не постоянно, почти во все время жизни и дѣятельности послѣдняго въ отношеніи къ Римскому престолу. Что же касается до общаго тона Житія Кирилла, то впечатлѣніе, производимое имъ въ этомъ отношеніи, рѣзко отличается отъ впечатлѣнія, какое производитъ на читателя Житіе Меѳодія. Такимъ тономъ о Римскихъ первосвященникахъ писали тогда и Греки; но между произведеніями Греческой тогдашней духовной литературы нельзя указать такого, въ которомъ бы можно найти такіе отзывы о Римскихъ первосвященникахъ, какія находимъ въ Житіи

Меѳодія. Во всякомъ случаѣ однакожъ мысль о принадлежности Кириллова Житія Клименту, по нашему крайнему разумѣнію, еще не достаточно доказана и требуетъ бо́льшаго подтвержденія.

Говоря все это, мы однакожъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и совершенно другимъ путемъ пришли къ тому же выводу, какой сдѣлалъ Дюммлеръ изъ сравненія обоихъ Паннонскихъ Житій, какъ видно изъ вышеприведенной выписки изъ его статьи,—т. е. что эти Житія не могли принадлежать одному и тому же автору. Противное мнѣніе, какъ и большая часть критическихъ положеній въ отношеніи къ разсматриваемымъ памятникамъ,—въ первый разъ высказана была въ нѣсколько уже разъ указанной нами статьѣ въ Москвитянинѣ. Тамъ говорится: „оба Панн. Житія можно считать произведеніями одной страны и одного времени.“ (1) Но пріемы, которые употреблены авторомъ указанной статьи для подтвержденія этаго вывода, ясно показываютъ, что сейчасъ приведенныя слова нужно понимать именно въ смыслѣ принадлежности обоихъ Житій одному и тому же автору, какъ дѣйствительно и понялъ ихъ Шафарикъ (2) и другіе ученые. Въ доказательство этой мысли указывается въ означенной статьѣ на употребленіе нѣкоторыхъ одинаковыхъ краткихъ выраженій и словъ (именно: *на судъ грядый... Петрова суда, Апостоликъ, сетньѣ*, начальныя слова Житія и проч.), встрѣчающихся въ обоихъ памятникахъ, и потомъ на то обстоятельство, что одно Житіе какъ бы дополняетъ другое: „въ житіи Меѳодія по большей части то опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла.“ (3) Но указанная нами разность въ

(1) Москв. 1843 г. № 6. стр. 409.
(2) См. пред. его къ изд. житія Кирилла.
(3) Москв. ibid, стр. 408.

тонѣ обоихъ Житій относительно Римскаго первосвященника, и въ нѣкоторыхъ взглядахъ сочинителей на вещи и событія, а равно нѣкоторыя, хотя и небольшія историческія противорѣчія между обоими памятниками, на что справедливо указываетъ Дюммлеръ, —не позволяетъ намъ принять приведенное мнѣніе. Поэтому мнѣніе Дюммлера представляется намъ болѣе вѣроятнымъ. Что же касается до встрѣчающихся въ обоихъ памятникахъ одинакихъ словъ и выраженій, то это обстоятельство, въ силу всего вышесказаннаго, по нашему мнѣнію, можетъ быть объяснено во первыхъ случайностію, во вторыхъ одинаковостію пріемовъ, какая замѣтна во всѣхъ подобнаго рода памятникахъ, главное же тѣмъ соображеніемъ, что сочинитель житія Меѳодія, какъ писаннаго послѣ Кириллова, безъ сомнѣнія имѣлъ подъ руками этотъ памятникъ, когда писалъ свое сочиненіе, и пользовался имъ какъ матеріаломъ, (что дѣйствительно открывается изъ сличенія обоихъ житій), а отсюда естественно было ему перенести изъ него и нѣкоторыя слова и выраженія. Послѣднимъ соображеніемъ легко объясняется и та гармонія, какая существуетъ между обоими памятниками въ разсказѣ о событіяхъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ описанія. Сочинитель Житія Меѳодія, разумѣется, не считалъ нужнымъ описывать подробно то, что разсказано въ Житіи Кирилла, которое онъ имѣлъ передъ глазами при написаніи своего сочиненія.

Но кому бы ни принадлежали такъ называемыя Паннонскія Житія,—одному автору, или двумъ, извѣстнымъ ли лицамъ изъ среды писателей, которыхъ имена и сочиненія сохранила намъ древность, или, что всего вѣроятнѣе, такимъ лицамъ, которыхъ имена, а равно и другія сочиненія теперь для насъ потеряны,—во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію глубокая древность, и высочайшая степень исторической достовѣрности этихъ

памятниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія. Соберемъ въ одно, не выработанныя критикой, библіографическія и критическія опредѣленія въ отношеніи къ разсматриваемымъ памятникамъ, которыя (опредѣленія) не могутъ быть подвергнуты никакому сомнѣнію: 1) Оба Паннонскія Житія писаны современниками Славянскихъ Апостоловъ. — Житіе Меѳодія писано въ Панноніи, скоро послѣ его кончины, еще до наступленія гоненія на учениковъ его, покрайней мѣрѣ когда извѣстіе объ этомъ гоненіи еще не достигло Панноніи; Житіе Кирилла—неизвѣстно гдѣ, но такъ же скоро послѣ его кончины, по крайней мѣрѣ не позже, какъ увидимъ, смерти папы Іоанна VIII, слѣд. до 882 года. 2) Современники эти были ближайшими учениками Славянскихъ Апостоловъ, очевидцами ихъ дѣйствій, можетъ быть сотрудниками ихъ Апостольскихъ подвиговъ, слѣд. изъ числа людей, которые передавали то, что сами видѣли, или слышали отъ самихъ Апостоловъ, а по этому и сообщаемыя ими свѣдѣнія получены ими изъ первыхъ рукъ. 3) По внутреннему характеру Паннонскія житія также вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ исторической критики. Касательно Житія Меѳодія мы выше привели уже въ этомъ отношеніи замѣчательную характеристику этого памятника, сдѣланную Дюммлеромъ. Что же до житія Кириллова, которое говоря вообще меньше изслѣдовано, нежели Житіе Меѳодія, то о немъ считаемъ нужнымъ съ своей стороны сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Въ этомъ отношеніи, кромѣ простоты и безъискуственности въ разсказѣ, которою Житіе Кириллово отличается столько же, сколько и житіе Меѳодія,—въ разсматриваемомъ памятникѣ не можетъ не обратить на себя вниманіе необыкновенная подробность въ повѣствованіи, которая служитъ лучшимъ ручательствомъ истинности повѣствуемаго

и современности повѣствователя. Такъ напр. находящіяся въ житіи подробности о первыхъ годахъ жизни Кирилла, о путешествіи къ Сарацинамъ, о посольствѣ Моравлянъ, о пребываніи въ Венеціи, Римѣ и проч. не могутъ не привести къ заключенію, что авторъ Житія или былъ свидѣтелемъ описываемаго, или слышалъ все это отъ самаго Кирилла, или Меѳодія. Нѣкоторыя мѣста невольно заставляютъ даже думать, что авторъ какъ будто велъ дневникъ событій, которыя онъ описываетъ. Укажемъ въ этомъ отношеніи на описаніе совершенія Славянской Литургіи въ Римѣ. Да и вообще въ Житіи столько мелочныхъ подробностей, столько хронологическихъ и топографическихъ указаній, столько названій лицъ, мѣстностей, предметовъ, что все это могло сохраниться только въ памяти непосредственнаго свидѣтеля, или участника событія, или по крайней мѣрѣ слышавшаго о нихъ отъ самихъ дѣйствователей.

Изъ Житія Кириллова видно, что авторъ его пользовался и источниками письменными; но за то какіе это были источники, и какъ много возвышаютъ они историческое достоинство памятника? Это были: во 1-хъ сочиненіе самого Кирилла, въ которомъ описано было имъ преніе его о вѣрѣ, бывшее во время пребыванія его у Хазаровъ; во 2-хъ Описаніе обрѣтенія мощей св. Климента Римскаго, приписываемое одними такъ же Кириллу, а другими Клименту Величскому, т. е. тому самому, которому приписывается иными и Житіе Кирилла. первое сочиненіе къ сожалѣнію не дошло до нашего времени, сохранилась только память о немъ въ древней нашей письменности, (гдѣ оно извѣстно подъ названіемъ: Кириллъ Словенскій), и извлеченія изъ него въ разсматриваемомъ Житіи, перешедшія, какъ выше было замѣчено, въ Палею. Въ Житіи Кирилла (§ X.) говорится, что названное

сочиненіе переведено было Меѳодіемъ на Славянскій языкъ, слѣдовательно писано было (конечно прежде изобрѣтенія Славянской азбуки) первоначально на Греческомъ языкѣ. Какъ извѣстно, Св. Кириллъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ отправлены были къ Хазарамъ въ качествѣ миссіонеровъ въ слѣдствіе оффиціальныхъ сношеній Хазарскаго Хана съ Константинопольскимъ дворомъ. Въ подобныхъ случаяхъ Греческіе миссіонеры по возвращеніи представляли Императору, или патріарху подробныя донесенія о своихъ дѣйствіяхъ, (какъ это было наприм. въ сношеніяхъ Греческой церкви съ Армянскою въ XII вѣкѣ). По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что этотъ, теперь потерянный для насъ, памятникъ имѣлъ такой характеръ. Естественно также, что во время дѣятельности Меѳодія въ Моравіи, или Панноніи, онъ переведенъ былъ на Славянскій языкъ вмѣстѣ съ другими, переводившимися тогда сочиненіями. Жизнеописатель Кирилла прибавляетъ, что въ переводѣ это сочиненіе раздѣлено было на 8 главъ, слѣд. имѣло довольно большой объемъ. Само собою разумѣется, что въ немъ заключалось не одно преніе о вѣрѣ съ Хозарами, извлеченія изъ котораго читаются въ житіи Кирилла, но и описаніе его путешествія вообще, чѣмъ конечно и пользовался составитель Паннонскаго Житія Кирилла.

Другое сочиненіе, которое служило источникомъ для Житія Кирилла, сохранилось до нашего времени; оно, какъ и Паннонскія Житія, вошло въ наши рукописныя Четь-Минеи всѣхъ редакцій, гдѣ читается или подъ 23-мъ, или подъ 30-мъ числомъ Генваря. Этотъ драгоцѣнный памятникъ, какъ увидимъ ниже, очень важенъ для объясненія такъ называемой Италіанской легенды, а потому и о немъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что онъ, когда будетъ обнародованъ и из-

слѣдованъ, безъ сомнѣнія займетъ важное мѣсто въ ряду источниковъ для исторіи Славянскихъ Апостоловъ и первобытныхъ памятниковъ Славянской письменности. Сочиненіе это имѣетъ видъ слова, назначеннаго для произнесенія съ церковной каѳедры, а именно въ день памяти св. Климента, и въ заглавіи его означенъ годъ событія (6369—861), то есть обрѣтеніе мощей св. Климента (1). Оно писано очевидцемъ и участникомъ событія ,потому что сочинитель говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ (*идохомъ... сотворихомъ... поставихомъ* и т. д.). Въ другихъ мѣстахъ авторъ обозначаетъ себя словомъ *етеръ*, или словомъ *нѣкто*, но за то въ одномъ мѣстѣ въ подобномъ случаѣ, онъ прямо называетъ себя повѣстникомъ (2) или повѣствователемъ, и этимъ даетъ знать, что въ обоихъ случаяхъ мы должны разумѣть одно и тоже лице. Далѣе, судя по тѣмъ дѣйствіямъ, которыя усвояетъ себѣ авторъ слова, онъ былъ не только свидѣтелемъ событія, но однимъ изъ главнѣйшихъ, или даже главнымъ дѣятелемъ при его совершеніи. Такъ, не говоря уже о томъ, что онъ вездѣ ставитъ себя на ряду съ Архіереемъ, и вмѣстѣ съ нимъ издаетъ приказанія, что должны дѣлать другіе (повелѣхомъ пѣніе кондачное пѣти), онъ первый увидѣлъ свѣтлое сіяніе вокругъ луны, онъ прежде всѣхъ увидѣлъ главу Св. Климента, онъ въ продолженіи совершенія открытія мощей говорилъ по разнымъ случаямъ рѣчи и проч. Мысль о первенствующемъ участіи повѣствователя въ открытіи мощей

(1) Вотъ полное заглавіе слова: В той же день (Ген. 23. Мак. Четь-Мин.) слово на принесеніе мощемъ Преславнаго Климента, историческую имуще бесѣду, яко Христовою помощію въ 4 (описка вмѣсто 6-ти) 300 и 69 лѣто изыскавшимъ его любезно и вѣрно, яко изо инѣхъ бо в Понтѣ восіа.

(2) нѣкто... ижъ и сый жъ есть повѣстникъ.

подтверждается въ особенности тѣми мѣстами, гдѣ онъ прямо говоритъ о себѣ, какъ о виновникѣ этаго событія (1). Обращаясь теперь къ самому содержанію слова замѣтимъ, что оно заключаетъ въ себѣ самый подробный разсказъ объ обрѣтеніи и открытіи мощей св. Климента. Авторъ слова передаетъ намъ объ этомъ всѣ подробности, даже мелочныя, именно, онъ описываетъ прибытіе Херсонскаго Епископа Георгія съ священнымъ соборомъ къ морю, гдѣ находились мощи, молитвословія передъ ихъ открытіемъ, самое открытіе со всѣми подробностями, обратное шествіе свящ. собора къ городу съ святыми мощами, гдѣ они были встрѣчены Херсонскимъ княземъ Никифоромъ, крестный ходъ вокругъ города, поставленіе мощей сначала въ церкви св. Созонта, а потомъ Леонтія, перенесеніе мощей въ соборную церковь, молитвословія, бывшія во все это время и т. д.—все это съ означеніемъ названія лицъ, мѣстностей, съ означеніемъ разстояній мѣста, часовъ дня и ночи, когда и гдѣ что случилось. Теперь, извѣстно, что главнымъ виновникомъ и дѣятелемъ открытія мощей св. Климента былъ св. Кириллъ, открывшій ихъ во время своего пребыванія въ Херсонѣ на пути къ Хозарамъ; и однакожъ во всемъ словѣ, не смотря на множество заключающихся въ немъ подробностей даже мелочныхъ, нигдѣ не говорится объ его участіи, даже присутствіи во время этого событія, не названо даже его имени, тогда какъ означены имена нѣкоторыхъ простыхъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ открытіи и перенесеніи мощей. Соображая это обстоятельство со всѣмъ вышесказаннымъ о значеніи, какое имѣлъ неизвѣстный сочинитель слова при этомъ событіи, и о дѣйствіяхъ, какія онъ усвояетъ себѣ, нельзя не придти къ заключенію,

(1) Непотребными руками нашими изъисканъ (Климентъ).

что этотъ сочинитель, или повѣстникъ, какъ онъ называетъ себя, былъ именно св. Кириллъ. Вотъ почему въ Словѣ и не упоминается о немъ, не смотря на вліяніе его на событіе; по той же причинѣ въ сказаніи ничего не говорится о ближайшемъ поводѣ къ открытію мощей, т. е. о прибытіи св. Кирилла въ Херсонъ, о распросахъ его у жителей о мощахъ св. Климента и проч., что все необходимо должно бы войти въ сказаніе, если бы оно было писано напр. херсонскимъ епископомъ Георгіемъ, или кѣмъ либо изъ жителей Херсона, либо кѣмъ либо изъ учениковъ Славянскихъ Апостоловъ.

Таковы наши соображенія, вслѣдствіе которыхъ мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, приписывающихъ разсматриваемый памятникъ Клименту Величьскому, или Славянскому, т. е. ученику Меѳодія. Шафарикъ въ объясненіе вѣроятности послѣдняго мнѣнія говоритъ, что Климентъ „безъ сомнѣнія сопутствовалъ Константину въ Козары,“ то есть, былъ свидѣтелемъ открытія мощей, и слѣд. могъ писать, какъ очевидецъ событія. Но мысль о путешествіи Климента въ Хозарію вмѣстѣ съ Кирилломъ есть конечно одно предположеніе, и намъ оно кажется очень сомнительнымъ. Климентъ былъ Болгаринъ, и всего вѣроятнѣе присоединился къ Славянскимъ Апостоламъ въ бытность ихъ въ Болгаріи на пути въ Моравію. Чтобы это случилось ранѣе путешествія Кирилла ка Хозарамъ (ок. 858 г.), намъ кажется невѣроятнымъ по общимъ соображеніямъ съ событіями. При томъ же во всякомъ случаѣ оригинальная литературная дѣятельность Климента конечно относится къ періоду его жизни послѣ кончины Меѳодія, а разсматриваемое сказаніе было написано еще въ 70-хъ или 80-хъ годахъ 9-го столѣтія; это какъ нельзя вѣрнѣе доказывается тѣмъ, что имъ пользовались: во 1-хъ, Паннонскій біографъ

Кирилла, во 2-хъ, какъ увидимъ ниже, составитель Италіанской Легенды, т. е. житія Климента Римскаго,—сочиненія, которое, какъ было сказано, посвящено было авторомъ папѣ Іоанну VIII (872-882 г.). Послѣднее обстоятельство ясно доказываетъ, что сказаніе объ открытіи мощей при папѣ Іоаннѣ, а можетъ быть и ранѣе, извѣстно было уже въ Римѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что Клименту, да и никому другому, кромѣ Кирилла, какъ главнаго дѣйствователя при открытіи мощей, вовсе нельзя приписать того первенствующаго вліянія, и тѣхъ дѣйствій, которыя усвояетъ себѣ сочинитель сказанія, потому что если онъ присутствовалъ при этомъ событіи, т. е. если сопутствовалъ Кириллу въ Херсонъ, то это было еще въ самой ранней его (Климента) молодости (Извѣстно, что онъ скончался въ 916-мъ году). Наконецъ, приписавъ разсматриваемый памятникъ Клименту, и въ тоже время согласившись съ обще-принятымъ мнѣніемъ, что онъ первоначально писанъ на греческомъ языкѣ, невольно задаешь себѣ вопросы: могъ ли Климентъ въ указанный періодъ времени (до 882 г.) научиться греческому языку такъ, чтобы свободно писать на немъ, и что его заставило оставить свой природный славянскій языкъ? Да и вообще, съ какой стороны мы ни стали бы разсматривать Слово о перенесеніи мощей, всюду встрѣчаютъ насъ вопросы, недоумѣнія, затрудненія, если припишемъ его Клименту. Все напротивъ говоритъ въ пользу мысли о принадлежности его никому другому, какъ именно самому Кириллу. Только ему одному, какъ главному дѣйствователю при открытіи мощей св. Климента, могли принадлежать тѣ дѣйствія, какія усвояетъ себѣ авторъ Слова; только ему одному приличенъ тотъ тонъ, и то достоинство, съ какими онъ говоритъ о себѣ; наконецъ только этимъ объясняется то обстоятельство, что въ цѣломъ сказаніи о Кириллѣ даже не упомянуто.

Всѣ другія обстоятельства написанія разсматриваемаго памятника, а равно и отношенія его къ Италіянской Легендѣ и Житію Кирилла, такъ же легко объясняются, если признаемъ его сочиненіемъ Кирилла, а не кого либо другаго. И, во 1-хъ, подробности объ открытіи мощей, какія встрѣчаемъ въ сказаніи, конечно Кириллу извѣстны были лучше, нежели всякому другому. На греческомъ языкѣ могло быть писано это сказаніе потому, что вѣроятнѣе всего оно было писано прежде изобрѣтенія славянской грамоты, вмѣстѣ съ выше-разсмотрѣннымъ сочиненіемъ о путешествіи къ Хозарамъ. Далѣе, при перенесеніи мощей св. Климента (867 г.) въ Римъ, оно могло быть принесено туда св. Кирилломъ, и распространиться тамъ, а слѣд. имъ и могъ воспользоваться сочинитель Италіянской Легенды (1).

---

(1) Что разсматриваемый памятникъ тотъчасъ же долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ въ Римѣ, объ этотъ свидѣтельствуютъ тѣ радостныя ощущенія и та любознательность, какая возбуждена была въ жителяхъ Рима въ отношеніи къ мощамъ св. Климента, по принесеніи ихъ туда Славянскими Апостолами. Въ Житіи Кирилла говорится: »Дошьдшоу ему въ Римь, изыде самь Апостоликь Андріанъ, съ вьсѣми гражданы, свѣще носеще, яко и светаго Климента мощи носещу мученика и папы Римьска, И абіе Богъ чюдеса прѣславнаа сътвори тоу... Римляне же *не престааху идуще къ нему*, (Кириллу), *и въпрашающе его о вьсемъ*, и сказаніе сугубо и трьгубо пріимааху отъ него.« Въ Италіанской легендѣ прибавлено къ сказанному въ Славянскомъ Житіи: »Папа Адріанъ и весь народъ Римскій, радуясь и ликуя возносилъ великое благодареніе и хвалу Богу, который спустя столь долгое время возвратилъ имъ, во дни ихъ, святаго и апостольскаго мужа (т. е. мощи Климента) и преемника самаго главы Апостоловъ Петра... И такъ принесши благодарность упомянутому философу (Кириллу) за такое благодѣяніе, посвятили его и Меѳодія

Въ тоже время разсматриваемое сказаніе для новопросвѣщенныхъ Славянъ могло быть переведено кѣмъ либо, а можетъ быть и самимъ Меѳодіемъ, какъ и преніе Кирилла у Хозаровъ, на славянскій языкъ, и слѣд. послужить источникомъ для Житія Кириллова.

въ епископы.» Сообразивъ приведенныя извѣстія, а въ особенности замѣчаніе славянскаго біографа Кирилла о дѣланныхъ ему жителями распросахъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сказаніе о перенесеніи мощей имѣетъ видъ слова, произнесеннаго съ церковной каѳедры, нельзя избѣжать вопроса: не написано ли было св. Кирилломъ это слово именно въ Римѣ по просьбѣ его жителей, и не было ли имъ же произнесено съ церковной каѳедры на одной изъ славянскихъ литургій, которыя по свидѣтельству Слав. Житія Кирилла (XVII) совершены были въ Римѣ по прибытіи и принесеніи туда Слав. Апостолами мощей св. Климента? Въ пользу этого предположенія могутъ быть приведены нѣкоторыя указанія, находящіяся въ самомъ Словѣ: въ концѣ его проповѣдникъ говоритъ отъ лица своихъ слушателей: «мы бо есмы симъ вина, имже ся есмы лишили его (Климента), но некли возникнемъ, блаженъ бо градъ *нашъ* сице намъ сущемъ (т. е. что такъ случилось: прежде говорено было о явленіи мощей) и противныя отгонящимъ явится. О блаженный соборе пришедый въ той день (въ день открытія мощей) къ рацѣ преславнаго Климента,» и т. д. Для объясненія этихъ словъ, именно: «мы бо есмы симъ вина... и блаженъ градъ нашъ» нужно припомнить, что по греческому сказанію (а также и переводному славянскому) о мученичествѣ Климента, при импер. Траянѣ (98-117 г.) онъ сосланъ былъ въ заточеніе въ Херсонъ, но своимъ ученіемъ и чудесами обратилъ многихъ въ Христіанскую вѣру, и вслѣдствіе этого по указу того же императора (ок. 100 г.) былъ ввергнутъ въ море, гдѣ и находились мощи его до того времени, когда открыты были Кирилломъ (861 г.) и перенесены были имъ въ Римъ. По этому проповѣдникъ отъ лица римскихъ гражданъ, своихъ слушателей, говоритъ какъ бы

Какъ бы то ни было, но сочинитель Славянскаго Житія Кирилла ссылается какъ на свой источникъ, на оба разсмотрѣнные памятника (гл. VIII и X), и это, разумѣется, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, какъ выше уже замѣчено было, возвышаетъ цѣну и историческое значеніе нашего памятника, представляя ручательство самаго Кирилла за истину свѣдѣній о тѣхъ событіяхъ, которыхъ свидѣтелемъ не былъ самъ его жизнеописатель. Такимъ

такъ: мы, т. е. предки наши были виною, что Климентъ оставилъ насъ, но теперь мы не можемъ не назвать себя счастливыми, когда мощи открыты и перенесены на мѣсто прежняго пребыванія знаменитаго пастыря, т. е. въ Римъ. Таже мысль выражена и въ Италіянской легендѣ, какъ мы видѣли изъ выше-приведенной выписки.—Въ дополненіе къ извѣстію о мощахъ святаго Климента сообщаемому разсматриваемымъ памятникомъ, Житіемъ Кирилла, и Италіянскою Легендою, считаемъ нужнымъ прибавить, что папа Адріанъ II, при которомъ принесены были въ Римъ Кирилломъ мощи св. Климента, часть ихъ послалъ въ даръ императору Людовику благочестивому II, который въ 872 г. обогатилъ ими учрежденное имъ аббатство Cava, за 4 мили отъ Салерно, гдѣ они и доселѣ находятся. Другія части находятся теперь въ Римѣ въ церкви св. Климента, куда онѣ положены по свидѣтельству Ит. Легенды; такъ же въ церквахъ святаго Марцелла и св. Северина. (Leben der väter und Marthyren von A. Butler. Mainz. 1838. т. XVII. p. 211.) Не нужно прибавлять, что наши соображенія касательно происхожденія Слова объ открытіи мощей совершенно согласны съ сдѣланными критикой выводами о написаніи этого памятника первоначально на греческомъ языкѣ. Говоря это слово въ Римѣ передъ такими слушателями, между которыми значительно распространено было знаніе греческаго языка, и нисколько не былъ извѣстенъ языкъ славянскій, св. Кириллъ естественно долженъ былъ оставить послѣдній, и избрать языкъ греческій.

образомъ, вопреки сомнѣніямъ Дюммлера, надѣемся, мы имѣемъ полное право сказать, что и Славянское Житіе Кирилла, какъ и Меѳодіево, удовлетворяетъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ исторической критики и должно быть отнесено къ числу первостепенныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ для обработки исторіи Славянскихъ Апостоловъ.

Остается теперь опредѣлить то мѣсто, которое должны занять такъ называемыя Паннонскія Житія въ ряду другихъ, однородныхъ съ ними, источниковъ для того же предмета. Показать относительное значеніе и сравнительное достоинство ихъ въ этомъ отношеніи очень важно потому, что сообщаемыя Паннонскими Житіями данныя, далеко не всѣ согласны съ показаніями о томъ же другихъ сказаній о Славянскихъ Апостолахъ; а въ слѣдствіе этого, при изслѣдованіи нѣкоторыхъ вопросовъ въ ихъ жизни, въ случаѣ разнорѣчія Паннонскихъ Житій съ другими однородными съ ними памятниками, сейчасъ же является вопросъ: какое изъ двухъ, или нѣсколькихъ противорѣчащихъ свидѣтельствъ, должно принять, и какое отвергнуть, и какой источникъ предпочесть другимъ, или другому? Само собою разумѣется, что изъ вышеисчисленныхъ нами, однородныхъ съ Паннонскими Житіями, источниковъ, здѣсь можетъ идти въ разсмотрѣніе только такъ называемое Италіянское сказаніе, какъ памятникъ, подобно имъ, (по крайней мѣрѣ по общепринятому мнѣнію), современный самымъ событіямъ; потому что всѣ другія сказанія о Славянскихъ Апостолахъ, какъ то: находящееся въ греческомъ житіи Климента, Легенда Моравская, Легенда о св. Людмилѣ и проч. позднѣе Паннонскихъ; и слѣд, говоря вообще, въ случаѣ разнорѣчія ихъ съ послѣдними, по законамъ исторической критики, должны уступить имъ первое мѣсто.

И такъ, въ какое же должны стать отношеніе къ Италіянской Легендѣ новооткрытые памятники? Ею ли

повѣрять послѣдніе, какъ прежде повѣряли ею всѣ другіе, неоффиціяльные по крайней мѣрѣ, источники для исторіи Кирилла и Меѳодія, или наоборотъ она сама должна быть повѣряема Паннонскими Житіями? Къ сожалѣнію Дюммлеръ, отдавшій полное имъ достоинство въ отношеніи къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, не смотря на спеціяльное назначеніе своего труда, не предлагаетъ по этому вопросу никакихъ заключеній, даже не касается его. Въ одномъ только мѣстѣ своего изслѣдованія (р. 166) замѣчаетъ онъ, что между Паннонскимъ Житіемъ Кирилла и Италіянскою Легендою во многихъ пунктахъ обнаруживается удивительное сходство, но не входитъ ни въ какія по этому поводу соображенія и объясненія. Въ изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ, и между ними нашихъ отечественныхъ, также замѣтна въ этомъ отношеніи какая-то нерѣшительность: одни, какъ бы подъ вліяніемъ давности авторитета Италіянской Легенды, въ случаѣ разногласія ея съ Паннонскими Житіями, отдаютъ предпочтеніе ея показаніямъ; другіе,—и это большая часть,—смотрятъ на свидѣтельства той и другихъ, какъ на равносильныя, и заботятся о томъ лишь, чтобы согласить ихъ и примирить, хоть это и не всегда удается. Изъ отечественныхъ изслѣдователей одинъ токько О. М. Бодянскій въ этомъ случаѣ отступилъ отъ общаго правила, давши Паннонскимъ Житіямъ, въ своемъ сочиненіи, первое мѣсто въ ряду другихъ, однородныхъ съ ними, источниковъ, и положивши ихъ въ основаніе своихъ розысканій. Онъ же первый сдѣлалъ и замѣчательныя соображенія объ отношеніи Италіянской Легенды къ Паннонскимъ Житіямъ, или собственно къ Житію Кирилла, а этимъ самымъ представилъ и данныя для рѣшенія вопроса о сравнительномъ-историческомъ достоинствѣ той и другихъ.

„Вчитываясь, говоритъ онъ, въ житіе Кирилла и сличая со всѣмъ, извѣстнымъ мнѣ о немъ изъ другихъ

источниковъ, я убѣдился, что и такъ называемая Добровскимъ, первая, или Итальянская *Легенда есть* не что иное какъ только *сокращеніе этого Житія.* Кѣмъ оно сдѣлано, навѣрное сказать нельзя, хотя нѣкоторые и приписываютъ это Гавдерику. Можетъ быть епископъ Велитрскій воспользовался Житіемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ, и, безъ сомнѣнія, ходившимъ по рукамъ у Славянъ западныхъ и южныхъ, изъ коихъ знающій могъ сдѣлать изъ него сокращеніе по Латыни; или же Гавдерикъ *пользовался,* для значительной части своего сочиненія, *однимъ и тѣмъ же источникомъ,* что и Климентъ, т. е. сочиненіемъ Кирилла: «преніе съ Магометаны и Жиды въ Козарѣхъ»... Существенныхъ прибавленій со стороны сократителя очень не много, а что лишняго противу Житія, относится болѣе къ случившемуся на Западѣ, слѣдовательно принесено, какъ дополненіе туземца. Если моя догадка справедлива, въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣтельства западныхъ источниковъ, за исключеніемъ дипломатическихъ сношеній, т. е. посланій папы Іоанна VIII-го, перестаютъ быть первостепенными источниками, но переходятъ въ разрядъ второстепенныхъ, которые, какъ составленные вольно со словъ другихъ, естественно, должны были, въ послѣдствіи, подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и тому подобному, что и видимъ уже на второмъ, или Моравскомъ Сказаніи. Мнѣ сдается, что первая, или Итальянская Легенда находится точно въ такомъ отношеніи къ Климентову Житію Кирилла, въ какомъ нѣкоторыя изъ сказаній о Меѳодіѣ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ рукописныхъ прологахъ. Или же тутъ правда на оборотъ, то есть, *Славянское Житіе Кирилла составляетъ распространеніе Латинскаго,* приписываемаго Гавдерику? И это дѣло статочное. Кто нибудь изъ учениковъ Кирилла, или Меѳодія, вообще изъ современниковъ,

даже нѣсколько близкихъ къ тому времени славянскихъ книжныхъ людей въ земляхъ славянскихъ Ѳракійскаго полуострова, имѣя въ рукахъ жизнеописаніе незабвеннаго просвѣтителя и наставника своего племени на языкѣ, невѣдомомъ для большинства облагодѣтельствованныхъ имъ, могъ рѣшиться оказать услугу эту преложеніемъ онаго, дополнивъ его другими, извѣстными ему данными, состоящими, большею частію, въ размноженіи второстепенными свѣдѣніями заключающагося уже въ разсказѣ. То ли или иное предположеніе справедливо, во всякомъ случаѣ неопровержимо чрезвычайно поразительное сходство обоихъ Житій между собою; отъ того заимствованіе одного у другаго яснѣе самаго солнечнаго дня. Указать, кто тутъ у кого списывалъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ этихъ памятникахъ, рѣшительно не возможно.“ (стр. 40—42).

Выписанныя нами строки показываютъ, что почтенный Профессоръ, признавая во всей полнотѣ близость Италіянской Легенды и Славянскаго Житія Кирилла другъ ко другу, не рѣшается однакожъ произнести окончательный судъ о томъ, первая ли основана на послѣднемъ, или наоборотъ. Вмѣстѣ съ предположеніемъ, что Италіянская Легенда есть сокращеніе Славянскаго Житія, онъ даетъ по видимому почти совершенно равносильное значеніе другому предположенію, что наоборотъ Славянское Сказаніе могло быть распространеніемъ Италіянскаго, прибавляя въ тоже время, для объясненія взаимнаго сходства обоихъ памятниковъ 3-е соображеніе, что сочинители ихъ могли пользоваться одними и тѣми же источниками, и что вслѣдствіе этого Италіянская Легенда, какъ и Паннонское Житіе Кирилла, „составляетъ отдѣльное самобытное сказаніе“ (стр. 167). Оставляя въ сторонѣ два послѣднія предположенія, мы остановимся на первомъ изъ нихъ.

Оно, по нашему мнѣнію, не только вѣроятно, но можетъ быть названо единственно—вѣрнымъ, даже болѣе, не допускающимъ никакихъ другихъ объясненій. Мы принимаемъ за несомнѣнное, что Италіянская Легенда есть ни больше ни меньше, какъ сокращеніе Славянскаго Житія, и всякое другое объясненіе взаимнаго сходства обоихъ сказаній считаемъ рѣшительно не возможнымъ.

Къ послѣднему убѣжденію мы въ особенности пришли, когда сличили выше разсмотрѣнное и приписанное нами Кириллу Славянское, или точнѣе дошедшее къ намъ на славянскомъ языкѣ, сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго съ тѣми главами Италіянской Легенды(*), въ которыхъ говорится о томъ же предметѣ. Открылось, что эти главы суть не что иное, какъ съ большимъ искусствомъ сдѣланный экстрактъ изъ Славянскаго сказанія. Къ тому, что разсказывается въ послѣднемъ объ упомянутомъ событіи, въ Италіянской Легендѣ не прибавлено ни одного лишняго извѣстія, ни одного факта, ни одного собственнаго имени, ни одного названія мѣстности. Съ другой стороны все, что разсказывается въ Италіянской Легендѣ, разсказано именно по Славянскому сказанію, откуда выбрано все существенное, относящееся къ событію, и во многихъ мѣстахъ, не смотря на относительную краткость экстракта, по объему въ десять разъ меньшаго въ сравненіи съ оригиналомъ, говоримъ, во многихъ мѣстахъ Италіянской Легенды удержаны цѣлыя выраженія, взятыя буквально изъ Славянскаго сказанія. Да и вообще заимствованіе составителемъ Ита-

(*) См. по раздѣленію, сдѣланному Геншеномъ, первымъ издателемъ Италіянской Легенды, §§ 3 4 и 5. Вся Италіянская Легенда раздѣлена на 12 §§, и указанныя ея главы составляютъ съ небольшимъ 4-ю часть цѣлаго ея состава.

ліянской Легенды передаваемыхъ имъ свѣдѣній именно изъ славянскаго источника, (по всей вѣроятности въ греческомъ его подлинникѣ), до такой степени очевидно, что всякое сомнѣніе мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ, и по этому дальнѣйшія объясненія признаемъ излишними. Но мы должны сказать, почему это обстоятельство мы считаемъ крайне важнымъ. Нужно замѣтить, что подробности собственно объ обрѣтеніи мощей св. Климента и перенесеніи ихъ въ Херсонъ, передаваемыя авторомъ Италіянской Легенды въ вышеуказанныхъ ея главахъ, составляютъ излишекъ противъ того, что говорится объ этомъ въ Славянскомъ Житіи Кирилла; потому что въ послѣднемъ памятникѣ это событіе разсказано кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ (гл. VIII), съ ссылкою на самый источникъ, т. е. на Кириллово сказаніе объ обрѣтеніи мощей. Вотъ почему, не смотря на буквальную близость Италіянской Легенды къ Славянскому Житію Кирилла, и не смотря на бо́льшій въ сравненіи съ нею объемъ послѣдняго памятника, можно еще усумниться, дѣйствительно ли она на немъ основана; потому что упомянутыя главы Италіянской Легенды не нашли бы для себя объясненія. Теперь же, если мы возмемъ въ соображеніе оба славянскіе памятника, т. е. и Паннонское Житіе Кирилла, и дошедшее къ намъ на славянскомъ языкѣ, сказаніе Кирилла объ обрѣтеніи мощей св. Климента,—происхожденіе и процессъ составленія Италіянской Легенды въ полномъ ея объемѣ, и именно на основаніи названныхъ письменныхъ источниковъ, представится въ совершенно ясномъ видѣ. Разумѣется не мѣсто входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого процесса, что̀ завлекло бы насъ далеко и потребовало бы выписокъ изъ самыхъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, такъ какъ отъ этого зависитъ рѣшеніе выше сдѣланнаго нами вопроса объ относительномъ

значеніи разсматриваемыхъ памятниковъ въ ряду другихъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, и вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніе многихъ очень важныхъ вопросовъ относительно ихъ жизни и дѣятельности,—мы считаемъ необходимымъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній, чтобы наши выводы не казались голословными.

Выше мы видѣли, что такъ называемая Италіянская Легенда составляетъ отрывокъ изъ послѣдней части труда епископа Гавдерика, именно: приписываемаго ему и въ полномъ видѣ не дошедшаго до насъ, жизнеописанія Климента Римскаго, которое составлено было авторомъ на основаніи письменныхъ греческихъ и другихъ матеріаловъ. Сличеніе этого отрывка съ разсмотрѣнными славянскими сказаніями объ открытіи мощей св. Климента и о жизни Кирилла приводитъ къ заключенію (1), что Гавдерикъ, оканчивая свое сочиненіе, и желая присоединить къ нему свѣдѣнія объ открытіи въ Херсонѣ и перенесеніи въ Римъ мощей св. Климента, обратился за этимъ именно къ на-

(1) Къ тому же заключенію приводитъ и тотъ фактъ, что между всѣми греческими и латинскими сказаніями о св. Климентѣ, извѣстными по печатнымъ изданіямъ и рукописямъ, нѣтъ ни одного,—ни современнаго Гавдерику, ни позднѣйшаго, которое могло бы служить источникомъ для Италіянской Легенды. По этому всѣ западные изслѣдователи жизни Климента, когда говорятъ объ открытіи въ Херсонѣ Кирилломъ и о перенесеніи въ Римъ мощей его, ссылаются на Италіянскую Легенду, какъ на основной и единственный въ этомъ отношеніи источникъ, вовсе не подозрѣвая того, что въ славянской письменности сохранились памятники, въ которыхъ сообщаются объ этомъ свѣдѣнія гораздо полнѣйшія, и которыя послужили источникомъ для самой Италіянской Легенды. См. напр. Ассемани Calend. Eccles. Bar. Martyrolog. Rom. подъ 23 Ноября; также Курсы Патрологіи: Селье, Люмпера, Фесслера, Мёлера и др.

званнымъ сказаніямъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ нашелъ самое обстоятельное повѣствованіе объ открытіи мощей, во второмъ самыя подробныя свѣдѣнія о св. Кириллѣ, а слѣд. и о перенесеніи открытыхъ имъ мощей въ Римъ, и вмѣстѣ о тѣхъ обстоятельствахъ въ жизни Кирилла, которыя послужили поводомъ къ тому и другому событію. Что оба эти сказанія въ правленіе папы Іоанна VIII, когда была писана Гавдерикомъ его біографія Климента (872—882 г.), могли быть извѣстны въ Римѣ, объ этомъ мы уже говорили. Кириллово сказаніе объ обрѣтеніи мощей могло быть принесено туда св. благовѣстниками вмѣстѣ съ мощами Климента (въ 867 г.), или даже, что гораздо вѣроятнѣе, написано Кирилломъ по прибытіи его въ Римъ, по просьбѣ его жителей. Что же до жизнеописанія самаго Кирилла, которое, какъ справедливо рѣшила критика, написано было въ первые годы послѣ его кончины; то оно такъ же могло перейти въ Римъ тотъ часъ послѣ его составленія. Это мы необходимо должны предположить на основаніи того уваженія, которымъ, какъ свидѣтельствуютъ: славянскій біографъ Кирилла, самъ Гавдерикъ и Анастасій Библіотекарь, пользовался въ Римѣ (1), какъ

(1) Слав. Житіе Кир. по изд. Шаф. гл. XVII и XVIII. Ит. Лег. §9—12. Письмо Анастасія Библ. къ королю Карлу Плѣшивому, 875 г. На какомъ языкѣ Гавдерикъ читалъ слав. сказанія? Кириллово сказаніе о мощахъ Климента безъ сомнѣнія на греч., на которомъ оно по всей вѣроятности было первоначально написано; а Слав. Житіе Кирилла могло быть переведено для него кѣмъ либо изъ знающихъ на славянскій языкъ. А можетъ быть и самъ Гавдерикъ, который часто употребляемъ былъ папами въ дипломатическихъ сношеніяхъ ихъ съ разными государями, зналъ славянскій языкъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ нужды предполагать, что Слав. Житіе Кирилла было первоначально писано на греч. или лат. языкѣ.

за оказанное имъ его жителямъ благодѣяніе, такъ и вообще за свою святость, св. Кириллъ. Послѣднее обстоятельство, какъ замѣчено уже было нами, когда мы говорили объ Италіянской Легендѣ вообще, было причиною, что Гавдерикъ, который имѣлъ цѣлію въ этой части своего сочиненія описать собственно обрѣтеніе и перенесеніе мощей св. Климента, подробностямъ о самомъ Кириллѣ далъ больше мѣста, нежели сколько этого требовала систематическая строгость разсказа. Но, какъ мы замѣтили уже, онъ нигдѣ не выпускаетъ изъ виду главной своей цѣли, т. е. описанія обрѣтенія и перенесенія мощей, и подробности о св. Кириллѣ вездѣ ставитъ на второмъ планѣ, не смотря на тотъ объемъ, который они занимаютъ въ цѣломъ разсказѣ.

Сообразно съ своею главною цѣлію, авторъ Италіянской Легенды, чтобы дать понятіе о св. Кириллѣ, какъ виновникѣ открытія и перенесенія мощей св. Климента, въ 1-й главѣ своего разсказа выбираетъ изъ Славянскаго Житія Кирилла (гл. II и IV), хотя многое и буквально, только общія о немъ свѣдѣнія, какъ то: о его происхожденіи, воспитаніи и посвященіи въ санъ священника, и опустивъ при этомъ всѣ подробности, находящіяся въ Славянскомъ Житіи какъ объ этомъ, такъ равно и о преніи св. Кирилла съ патр. Анніемъ, о путешествіи его къ Сарацинамъ и проч. (Сл. Ж. гл. III. V—VII), спѣшитъ перейдти къ описанію его Хозарской миссіи, служившей поводомъ къ открытію мощей св. Климента. Разсказавши о причинахъ ея, а равно о прибытіи Кирилла въ Херсонъ (§ 1 и нач. 2-го), такъ же по Славянскому Житію (VIII), Гавдерикъ переходитъ къ главному предмету своего разсказа, къ повѣствованію объ обрѣтеніи мощей названнаго Святаго. Описаніе этого событія, составляющее

съ небольшимъ 4-ю, часть цѣлаго сочиненія (§ 2—5), какъ мы выше видѣли, есть сокращеніе Кириллова объ этомъ сказаніи; не нашедши нужныхъ для него подробностей объ открытіи мощей святаго Климента въ Славянскомъ Житіи Кирилла, гдѣ это событіе разсказано кратко (VIII), съ указаніемъ на особое объ этомъ Сказаніе, Гавдерикъ обратился именно къ этому сказанію, т. е. вышеразсмотрѣнному нами Слову св. Кирилла, и сократилъ его, выбравъ изъ него все существенное. Но въ началѣ этой главной части своего разсказа (2-я пол. § 2-го) Гавдерикъ въ нѣсколькихъ строкахъ сообщаетъ свѣдѣнія о распросахъ, съ которыми обращался св. Кириллъ къ мѣстнымъ жителямъ относительно мѣста, гдѣ находятся мощи св. мученика. Этого извѣстія нѣтъ въ Кирилловомъ сказаніи, и оно заимствовано Гавдерикомъ изъ какого-то неизвѣстнаго намъ источника, а можетъ быть изъ живаго, дошедшаго къ нему непосредственно, или посредственно объ этомъ разсказа самаго Кирилла въ бытность его въ Римѣ. При этомъ Гавдерикъ упоминаетъ о чудѣ, совершившемся надъ св. мощами за долго прежде ихъ открытія. Это свѣдѣніе заимствовано имъ изъ Сказанія о страданіи св. Климента, на которое онъ тутъ же, какъ замѣчено было, и ссылается.

Послѣ описанія открытія мощей (§ 6 и 7), Гавдерикъ кратко говоритъ объ окончаніи и слѣдствіяхъ Хозарской миссіи Кирилла, о посольствѣ Ростислава въ Константинополь, о путешествіи братьевъ въ Моравію и о пребываніи ихъ тамъ. Все это или буквально или въ сокращеніи взято имъ изъ Славянскаго Житія Кирилла (гл. IX—XV), и разумѣется переданы только существенныя свѣдѣнія о событіяхъ, на сколько нужно было это, чтобы дать понятіе о томъ, какъ и по какому случаю мощи св. Климента

изъ Херсона перенесены были въ Римъ. Подробности же, передаваемыя славянскимъ біографомъ Кирилла о преніяхъ его о вѣрѣ съ Хозарами, о разныхъ случаяхъ, бывшихъ съ нимъ на обратномъ пути и въ Константинополѣ по возвращеніи туда, даже объ изобрѣтеніи имъ славянской азбуки, и потомъ по прибытіи въ Моравію о разныхъ, найденныхъ тамъ Апостолами, религіозныхъ заблужденіяхъ и проч.—эти подробности, которыя въ Славянскомъ Житіи, по своему объему, занимаютъ очень много мѣста, Гавдерикомъ совсѣмъ опущены, какъ не идущія къ главной цѣли его разсказа.

Слѣдующій за этимъ разсказъ Гавдерика (§ 8 и 9) о путешествіи Славянскихъ Апостоловъ въ Римъ и о пребываніи тамъ, говоря вообще, такъ же составленъ по Славянскому Житію (гл. XV и XVII), представляя въ себѣ или сокращеніе, или распространеніе, или буквальный переводъ его. Но тутъ сочинитель Италіянской Легенды нѣсколько отступилъ отъ своего источника. Какъ туземецъ, и кромѣ того можетъ быть бывшій въ Римѣ во время пребыванія тамъ Славянскихъ Апостоловъ, (что подаетъ поводъ предполагать одно указаніе въ Славянскомъ Житіи Кирилла, гл. XVII), онъ конечно могъ и самъ имѣть нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія, или же могъ получить ихъ изъ мѣстныхъ преданій и другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ въ этой части Италіянской Легенды мы находимъ нѣкоторыя дополнительныя извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Славянскомъ Сказаніи. Оставивши находящіяся въ послѣднемъ подробности о преніи св. Кирилла въ Венеціи съ латинскимъ духовенствомъ (XVI), и о совершеніи въ Римѣ въ разныхъ церквахъ славянской литургіи (XVII), Гавдерикъ нѣсколько подробнѣе говоритъ о призваніи въ Римъ Славянскихъ Апостоловъ папою Николаемъ, упоминаетъ о смерти его и возшествіи на

престолъ Адріана II, чего вовсе нѣтъ въ Славянскомъ сказаніи. За тѣмъ, сказавши словами славянскаго біографа о сдѣланной Апостоламъ Адріаномъ II встрѣчѣ и о чудесахъ отъ мощей св. Климента, онъ, согласно съ главною цѣлію своего разсказа, уже независимо отъ Славянскаго Житія, распространяется о той радости, какую ощущалъ Римскій папа и весь народъ Римскій по случаю перенесенія мощей св. Климента, и объ общихъ чувствахъ благодарности къ Кириллу, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, при этомъ посвящены будто бы были въ епископы, а ученики ихъ въ санъ пресвитеровъ и діаконовъ. Замѣтимъ, что послѣднее извѣстіе Италіянской Легенды, т. е. о посвященіи обоихъ Славянскихъ Апостоловъ въ санъ епископовъ въ это именно время, и будто бы въ благодарность за перенесеніе въ Римъ мощей св. Климента, составляетъ единственный, относящійся собственно къ жизни Славянскихъ Апостоловъ фактъ, который не находитъ для себя объясненія въ Славянскомъ Житіи Кирилла. Наконецъ, послѣднюю часть Италіянской Легенды (§ 11 и 12) составляетъ разсказъ о кончинѣ и погребеніи св. Кирилла. Этотъ разсказъ почти съ начала до конца есть буквальный переводъ XVII-й т. е. послѣдней главы Славянскаго Житія. Формальный излишекъ противъ него въ Италіянской Легендѣ составляетъ одна лишь реторическая амплификація просьбы Римскихъ епископовъ къ папѣ объ оставленіи въ Римѣ раки съ тѣломъ св. Кирилла и просьбы самаго Меѳодія о дозволеніи взять ее съ собой, согласно съ завѣщаніемъ матери.

Такимъ образомъ Италіанская Легенда, какъ основанная главнымъ образомъ на Славянскомъ Житіи Кирилла, за исключеніемъ вышеуказаннаго извѣстія о посвященіи обоихъ братьевъ въ епископы, извѣстія, которое, какъ извѣстно, находится въ противорѣчіи какъ съ Паннонскими Житіями, такъ и съ другими памятниками, и слѣд. требуетъ, критиче-

скаго разсмотрѣнія, говоримъ, Италіянская Легенда къ общей суммѣ свѣдѣній о жизни Кирилла, сообщаемыхъ намъ Славянскимъ его Житіемъ, не прибавляетъ ровно ничего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ и сдѣлаемъ общіе выводы о методѣ, которой слѣдовалъ ея составитель при сокращеніи Славянскаго Житія. Эта метода совершенно одна и таже, какую употребляли составители позднѣйшихъ кратчайшихъ житій, выбранныхъ ими изъ житій редакціи древнѣйшей и пространнѣйшей. Съ перваго взгляда въ подобныхъ случаяхъ иногда представляется, что кратчайшая редакція сообщаетъ что-то новое, отличное отъ извѣстій, находящихся въ редакціи полнѣйшей, на которой она основана, и по мѣстамъ полнѣе ея; а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что позднѣйшій, а иногда и современный, сократитель, ровно ничего незная новаго о разсказываемомъ событіи, только перифразировалъ, сокращалъ, по своему видоизмѣнялъ, а иногда украшалъ и дополнялъ собственными чисто-логическими соображеніями и размышленіями разсказъ своего источника. Точно тоже видимъ и въ Италіянской Легендѣ. Почти на половину она есть буквальный переводъ Славянскаго Житія, и Кириллова сказанія о перенесеніи мощей св. Климента; а во всемъ остальномъ, за исключеніемъ выше-указанныхъ мѣстъ, мы видимъ или сокращеніе и изложеніе въ общихъ положеніяхъ того, что въ Славянскомъ Житіи разсказывается подробно, или реторическое распространеніе и видоизмѣненіе его показаній, или же наконецъ чисто-лочическіе выводы, сдѣланные авторомъ разсматриваемаго памятника на основаніи общихъ соображеній о событіяхъ, либо на основаніи извѣстій, читающихся въ Славянскомъ Житіи иначе, но по своему понятыхъ сократителемъ. Говоримъ все это потому, что это ведетъ однакожъ иныхъ изслѣдователей жизни Славянскихъ Апостоловъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ, какъ то: заста-

вляетъ находить между Славянскимъ Житіемъ и Италіянской Легендой противорѣчія, которыхъ вовсе не существуетъ, отыскивать въ ней относительно жизни Славянскихъ Апостоловъ будто бы новыя данныя, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ, и которыя именно имѣютъ значеніе частію историческихъ, частію логическихъ выводовъ, какіе сталъ бы дѣлать современный сократитель Славянскаго Житія Кирилла, какъ и всякаго другаго памятника, на основаніи въ немъ же самомъ заключающихся свѣдѣній, на основаніи общаго хода событій и т. п. Для примѣра возьмемъ въ разсмотрѣніе самое важное мѣсто въ обоихъ памятникахъ о посольствѣ Моравлянъ и о дѣятельности Апостоловъ въ Моравіи (1), замѣтивъ предварительно, что какъ по внѣшнему объему, такъ и по обилію фактовъ разсказъ объ этомъ Славянскаго Житія въ четыре раза полнѣе разсказа Италіянской Легенды, и что мы, разумѣется, будемъ говорить о тѣхъ показаніяхъ, которыя есть въ томъ и другомъ сказаніи.

Въ самомъ началѣ этого разсказа, въ Италіянской Легендѣ, дошедшій до Ростислава слухъ о томъ, „что̀ сдѣлано Философомъ въ странѣ Хозарской“, представляется причиною, по крайней мѣрѣ поводомъ къ посольству, отправленному въ Константинополь славянскимъ Княземъ. Въ Славянскомъ Житіи между тѣмъ о причинѣ посольства не говорится ни слова; поэтому указаніе Италіянской Легенды можетъ представиться извѣстіемъ самостоятельнымъ, какъ и дѣйствительно понимаютъ это нѣкоторые изслѣдователи. А между мѣмъ приведенная фраза употреблена въ Италіянской Легендѣ только для логической, или точнѣе для реторической связи послѣдующаго съ предыдущимъ, гдѣ именно

(1) Житіе Кир. Гл. XIV-XV. Ит. Легенда § 7.

говорится о результатахъ дѣятельности Кирилла у Хозаровъ, и основана на общихъ соображеніяхъ о событіяхъ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ, по Славянскому Житію, Ростиславъ предъ отправленіемъ посольства „съвѣтъ съ-твори съ князи своими Моравляны“. Это извѣстіе разумѣется даетъ право заключать, что посольство въ Константинополь было не отъ одного Ростислава, но въ немъ принимали участіе и другіе славянскіе князья, что подтверждается Славянскимъ Житіемъ Меѳодія, свидѣтельствомъ Нестора и проч. Составитель Италіянской Легенды, приведенное извѣстіе Славянскаго Житія перифразировалъ такимъ образомъ: „Ростиславъ, посовѣтывавшись съ народомъ своимъ“ и т. д... Послѣдняя фраза употреблена авторомъ Италіянской Легенды очевидно для краткости. А между тѣмъ она подала поводъ къ спорамъ, какъ самостоятельное извѣстіе, и нѣкоторые ученые на основаніи ея стараются доказать, что посольство было отъ одного Ростислава. Далѣе, въ Паннонскомъ Житіи передается извлеченіе изъ письма Ростислава, который пишетъ къ Императору: „учителя не имамы таковаго, иже ны бы въ свой езыкъ истинную вѣру христіяньскую сказалъ“. Это мѣсто, очень важное при рѣшеніи вопроса о томъ, за чѣмъ именно были вызваны въ Моравію, и что тамъ дѣлали Славянскіе Апостолы въ первые три года,—мѣсто совершенно ясное въ связи съ послѣдующимъ разсказомъ славянскаго біографа Кирилла, въ Италіянской Легендѣ передано такимъ образомъ: „Мы, говоритъ Ростиславъ, не имѣемъ такаго учителя, который бы научилъ ихъ *читать* и совершенному закону“, и за тѣмъ опущено все, что въ Славянскомъ Житіи далѣе говорится о разговорѣ Кирилла съ Императоромъ. Выраженіе *читать* очевидно употреблено здѣсь сократителемъ Славянскаго Житія во первыхъ на основаніи общаго соображенія, что для приготовленія священнослужителей

Славянскіе Апостолы должны были прежде всего собрать дѣтей, и учить ихъ читать по Славянски, во вторыхъ потому, что въ Славянскомъ Житіи относительно дѣятельности Кирилла въ Моравіи именно говорится между прочимъ далѣе (XV.), что онъ, собравъ учениковъ „вьдасть ихъ учити“. Дѣло такимъ образомъ объясняется очень просто, и свидѣтельство Италіянской Легенды при рѣшеніи вышеупомянутаго вопроса принимать въ расчетъ какъ что то новое, было бы очень странно. Между тѣмъ Гинцель на основаніи приведенной фразы ad legendum, въ своихъ видахъ, старается доказать, что дѣятельность Апостоловъ въ первое пребываніе ихъ въ Моравіи ограничивалась только обученіемъ дѣтей чтенію и письму.

Приведемъ еще примѣръ: слова славянскаго біографа о прибытіи Апостоловъ въ Моравію: „съ великою чьстію пріеть его (Кирилла) Растиславь (XV)“ сочинитель Италіянской Легенды распространилъ и украсилъ такимъ образомъ: „когда же съ Божіею помощію они (Апостолы) пришли въ тѣ страны, то жители мѣста того, узнавши о приходѣ ихъ, очень обрадовались, ибо слышали, что они *принесли съ собою мощи св. Климента и Евангеліе, переведенное упомянутымъ философомъ на ихъ языкъ*“... и т. д. И такъ въ Италіянской Легендѣ сообщаются здѣсь повидимому два совершенно новыхъ извѣстія, т. е. во 1-хъ о принесеніи Апостолами въ Моравію мощей св. Климента, и во 2-хъ о принесеніи туда готоваго уже Евангелія. Между тѣмъ первое указаніе основано на простомъ соображеніи, что мощи Климента, перенесенныя впослѣдствіи Апостолами изъ Моравіи въ Римъ, разумѣется прежде взяты были ими въ Моравію, о чемъ сочинитель Италіянской Легенды считалъ нужнымъ упомянуть, какъ о предметѣ, составлявшемъ главную цѣль его разсказа; что же касается до извѣстія о принесеніи въ Моравію готоваго уже Евангелія,

то это извѣстіе есть выводъ изъ предыдущаго мѣста Славянскаго Житія, гдѣ именно говорится, что Кириллъ еще въ Константинополѣ началъ переводить Евангеліе. Вотъ почему въ спорѣ о томъ, окончилъ ли св. Кириллъ переводъ Евангелія, бывши въ Константинополѣ, или это сдѣлано имъ уже по прибытіи въ Моравію, по нашему мнѣнію нельзя брать въ расчетъ приведенное извѣстіе, какъ самостоятельное свидѣтельство, что дѣлаетъ Гинцель, когда говоритъ противъ мнѣнія объ окончаніи перевода Евангелія Кирилломъ уже въ Моравіи (р 37). Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, въ Славянскомъ Житіи подробно говорится объ учрежденіи Апостолами въ Моравіи славянскаго богослуженія: „вьскорѣ же вьсь црьковныи чинь пріемь, научи е утрьници и часовомь и вечерни и павечерници и таинѣи службѣ (литургіи)“..., и потомъ исчисляются подробно заблужденія, которыя они нашли у Моравцевъ. Въ Италіянской Легендѣ все это передано краткою фразою: „начали (Апостолы) устроять церковныя службы, (officia ecclesiastica), и истреблять заблужденія, которыя нашли въ народѣ“. Здѣсь извѣстіе объ учрежденіи церковныхъ службъ (т. е. какія именно учреждены были службы) въ связи съ Славянскимъ Житіемъ совершенно ясно: очевидно, что сократитель его не хотѣлъ изсчислять подробно ни службъ, ни заблужденій, а употребилъ общую фразу. Между тѣмъ Гинцель, на основаніи указаннаго мѣста Италіянской Легенды, старается доказать, что братья въ первое пребываніе свое въ Моравіи вовсе не учреждали никакихъ церковныхъ службъ, а установили только одни *часы*, давая такое именно толкованіе вышеприведенной фразѣ: „officia ecclesiastica.“(1)

(1) Geschichte der. Slavenap. Ginzel. p. 40 и 41. Замѣтимъ, что Гинцель здѣсь обращается даже съ своимъ собственнымъ

Въ другихъ мѣстахъ своего разсказа о св. Кириллѣ, сочинитель Италіянской Легенды дѣйствовалъ по той же самой методѣ, т. е. тамъ, гдѣ не выписывалъ буквально, показанія Славянскаго Житія онъ сокращалъ, перифразировалъ, распространялъ, украшалъ, или дополнялъ собственными соображеніями. Всего удивительнѣй, что сократитель, за исключеніемъ вышеупомянутаго единственнаго извѣстія, не передаетъ намъ никакихъ своихъ собственныхъ свѣдѣній даже относительно пребыванія Апостоловъ въ Римѣ, т. е. свѣдѣній, относящихся собственно къ жизни Славянскихъ Апостоловъ; а отсюда невольно раждается сомнѣніе, дѣйствительно ли Италіянская Легенда писана современникомъ Кирилла, т. е. епископомъ Гавдерикомъ, по крайней мѣрѣ дѣйствительно ли онъ былъ въ Римѣ во время пребыванія тамъ Славянскихъ Апостоловъ, и указаніе славянскаго біографа Кирилла о епископѣ *Гондрихѣ* (XVII) можно ли

привиллигированнымъ источникомъ слишкомъ не добросовѣстно, онъ намѣренно выпустилъ изъ виду не только другія указанія Италіянской Легенды, но и то обстоятельство, что слово officium, которое онъ переводитъ словомъ *часы*, стоитъ въ числѣ множественномъ officia; а въ этой формѣ это слово ужъ никакъ нельзя перевесть словомъ *часы*. И такъ въ этомъ случаѣ, даже съ точки зрѣнія Гинцеля, за нимъ остается одно, придуманное имъ по особенному способу, доказательство, именно, что Апостолы безъ дозволенія папы и пассавскаго архіепископа не рѣшились бы, и не должны были осмѣлиться учредить славянскую литургію, какъ будто имъ и нужно было это дозволеніе, когда на ихъ сторонѣ былъ самъ князь. А какъ дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ славянскіе князья видно изъ извѣстія Славянскаго Житія Меѳодія о Святополкѣ, который въ 874 году прогналъ изъ своей земли всѣхъ латинскихъ священниковъ, во все не обративши вниманія на то, понравится ли это Апостольскому Престолу.

относить именно къ нему? Если бъ это было такъ, то Гавдерику во все не было бы нужды буквально переводить изъ Славянскаго Житія напр. находящійся въ немъ разсказъ о кончинѣ и погребеніи Кирилла, какъ это дѣйствительно видимъ въ Легендѣ. Во всякомъ случаѣ все, сказанное нами объ отношеніи Италіянской Легенды къ Славянскому Житію Кирилла, надѣемся, доказываетъ, какъ важно было бы для науки, еслибы кто изъ знатоковъ славянской древности взялъ на себя трудъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія ея въ связи съ послѣднимъ памятникомъ,—какъ это напримѣръ сдѣлано Добровскимъ съ Легендою Моравской. Мы увѣрены, что тогда изслѣдователямъ жизни Кирилла и Меѳодія не было бы нужды примирять ея мнимыя quasi-самостоятельныя показанія съ показаніями напр. Паннонскихъ Житій и другихъ памятниковъ, объяснять противорѣчія, дѣлать разныя, совершенно излишнія, оговорки, дополненія и проч., что все теперь такъ много занимаетъ мѣста въ изслѣдованіяхъ объ эпохѣ Кирилла и Меѳодія и о нихъ самихъ. Тогда даже стали бы рѣдко упоминать и приводить ея свидѣтельства, какъ теперь, послѣ разбора Добровскаго, рѣдко ссылаются на Моравскую Легенду, такъ же когда-то пользовавшуюся большимъ авторитетомъ.

Послѣ всего сказаннаго, мы не знаемъ, нужно ли говорить о другомъ вышеприведенномъ предположеніи автора изслѣдованія „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, сдѣланномъ имъ для объясненія сходства между Италіянскою Легендою и Славянскимъ Житіемъ Кирилла,—предположеніи, по которому не послѣднее послужило основаніемъ для первой, а наоборотъ Славянское Житіе могло быть распространеніемъ сказанія Латинскаго, приписываемаго Гавдерику, и дополнено лишь второстепенными свѣдѣніями

о томъ, что заключалось уже въ разсказѣ Гавдерика. Намъ кажется, что это предположеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдержать соперничества съ предъидущимъ предположеніемъ тогоже автора. И во первыхъ, исходя изъ того положенія, что Славянское Житіе писано ученикомъ Славянскихъ Апостоловъ, который разумѣется зналъ жизнь своего учителя лучше Гавдерика, ужъ конечно нельзя придти къ тому заключенію, чтобы этотъ ученикъ, Климентъ, или другой кто, для изображенія жизни своего учителя имѣлъ нужду, и взялъ въ пособіе такой сухой и тощій очеркъ жизни св. Кирилла, какимъ представляется въ сравненіи съ Славянскимъ Житіемъ Италіянская Легенда;—тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы онъ сталъ повторять буквально свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ очеркѣ. Если автору Славянскаго Житія извѣстны были относительно жизни Кирилла даже мелкія подробности, то онъ разумѣется знакомъ былъ съ общими ея фактами, которые передаются въ Италіянской Легендѣ. Но забудемъ это обстоятельство и будемъ судить по одному содержанію свѣдѣній, заключающихся въ томъ и другомъ памятникѣ, и по общему впечатлѣнію, какое они производятъ на читателя. Въ этомъ отношеніи, съ одной стороны прежде всего бросается въ глаза необыкновенная полнота, необыкновенное обиліе фактовъ, заключающихся въ Славянскомъ Житіи, представляющемъ полную картину жизни Кирилла отъ его рожденія до кончины, со всѣми даже мелочными подробностями; съ другой стороны изложеніе только общихъ фактовъ, отсутствіе подробностей и вообще сравнительная скудость свѣдѣній, передаваемыхъ Италіянскою Легендою, которая въ пять разъ меньше Славянскаго Житія какъ по внѣшнему объему, такъ и по общей суммѣ извѣстій. Съ одной стороны мы слышимъ разсказъ живой, безыскуственный, основанный на самомъ близкомъ знакомствѣ съ повѣствуемымъ, и явно идущій

изъ первыхъ рукъ,—разсказъ, чуждый всякихъ поэтическихъ и риторическихъ украшеній, а равно и собственныхъ размышленій автора, что все обыкновенно является за недостаткомъ фактическихъ свѣдѣній повѣствователя о событіяхъ; съ другой, т. е. въ Италіянской Легендѣ, какъ выше замѣчено было, видимъ все это на оборотъ. И во первыхъ здѣсь вовсе не видно близкаго знакомства автора съ предметомъ его разсказа; по мѣстамъ встрѣчаются риторическія распространенія, украшенія, а самый разсказъ носитъ на себѣ отвлеченный колоритъ. Систематическая строгость и порядокъ разсказа также показываетъ, что тутъ работала голова на основаніи данныхъ матеріаловъ. Кромѣ того, какъ показало сличеніе, авторъ въ первой половинѣ своего разсказа, гдѣ говоритъ объ открытіи мощей св. Климента, воспользовался рукописнымъ источникомъ, т. е. сказаніемъ Кирилла объ этомъ событіи, выписавъ изъ него многое буквально. Далѣе, вторая, большая, половина разсматриваемаго памятника находится въ близкомъ отношеніи съ Славянскимъ Житіемъ Кирилла, такъ что заимствованіе однимъ у другаго, какъ выражается авторъ изслѣдованія о времени происхожденія славянскихъ письменъ, яснѣе солнечнаго дня. При такомъ положеніи дѣла намъ кажется не трудно выбирать между заключеніями, кто у кого заимствовалъ. Ясно, что полнѣйшее сказаніе служило основаніемъ кратчайшаго, т. е. Италіянская Легенда основана на Славянскомъ Житіи.

Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: сейчасъ высказанное нами положеніе, что изъ двухъ сказаній, которыхъ близость другъ къ другу доходитъ до буквальнаго сходства, полнѣйшее должно служить основою для кратчайшаго,-это положеніе, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ тѣмъ родомъ памятниковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ разсматриваемые нами, не всегда оказывается вѣрнымъ: случается часто,

даже большею частію, совершенно на оборотъ, т. е. кратчайшее сказаніе служитъ основаніемъ полнѣйшаго. Въ такомъ другъ къ другу отношеніи находятся большая часть средневѣковыхъ сказаній о жизни святыхъ: въ первоначальной ихъ редакціи мы находимъ только общіе факты; въ позднѣйшихъ же являются подробности, все болѣе и болѣе накопляющіяся съ теченіемъ вѣковъ. Для примѣра укажемъ на взаимныя отношенія разныхъ сказаній объ извѣстной Кельнской Святой, Урсулѣ. Да и между позднѣйшими сказаніями о Славянскихъ Апостолахъ есть такія, въ которыхъ о разныхъ случаяхъ въ ихъ жизни передается больше подробностей, нежели въ Паннонскихъ Житіяхъ, хотя по всему ясно, что основою этихъ подробностей служили извѣстія, сообщаемыя послѣдними памятниками. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ подробности, передаваемыя въ позднѣйшей редакціи сказанія вовсе не составляютъ новыхъ историческихъ данныхъ, а суть только поэтическое развитіе фактовъ, заключавшихся въ общихъ чертахъ въ первоначальной редакціи того же сказанія, украшеннаго впослѣдствіи поэтическими вымыслами и преданіями. Казалось бы, что подобнаго рода объясненіе можно приложить и къ отношеніямъ Славянскаго Житія Кирилла къ Италіянской Легендѣ. Но на такое объясненіе согласиться никакъ нельзя; потому что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего аналогическаго съ тѣми литературными явленіями, о которыхъ сказано было выше. Въ Славянскомъ Житіи не только передаются подробно тѣ свѣдѣнія, о которыхъ говорится въ общихъ чертахъ въ Италіянской Легендѣ; но кромѣ того разсказывается множество событій изъ жизни Кирилла совершенно новыхъ, о которыхъ тамъ нѣтъ и помину. Таковы извѣстія о воспитаніи Кирилла, подробности о его путешествіи къ Сарацинамъ, о преніяхъ въ Хозаріи и въ Венеціи, и вообще о его служеніи до Моравской миссіи; таково наконецъ извѣстіе

объ изобрѣтеніи славянской азбуки. Съ другой стороны, внутренній характеръ Славянскаго Житія, характеръ чисто историческій, а отнюдь не поэтическій, о чемъ мы уже говорили, никакъ не можетъ благопріятствовать подобному заключенію. Не забудемъ при этомъ, что оба разсматриваемые памятники современны другъ другу, а выше объясненныя отношенія существуютъ обыкновенно между памятниками, раздѣленными между собою однимъ, или нѣсколькими столѣтіями. Впрочемъ, если угодно, эти отношенія дѣйствительно существуютъ между разсматриваемыми памятниками, но только совершенно въ обратномъ смыслѣ; т. е. не Славянское Житіе есть развитіе Латинскаго, а на оборотъ, какъ уже замѣчено было, Латинское, по мѣстамъ, есть развитіе Славянскаго. Доказательствомъ могутъ служить тѣ случаи, гдѣ сократитель взятыя имъ изъ Славянскаго Житія свѣдѣнія дополняетъ собственными соображеніями и объясненіями въ родѣ напр. того, какое читаемъ въ первыхъ же строкахъ Италіянской Легенды, гдѣ авторъ ея объясняетъ читателю (и нужно замѣтить — даже невѣрно), почему Кириллъ прозванъ Философомъ, или въ родѣ тѣхъ мнимодополнительныхъ свѣдѣній, на которыя мы указали выше.

Послѣднее обстоятельство, т. е. что Италіянская Легенда по мѣстамъ представляется полнѣе Славянской, и потомъ передаетъ дѣйствительно нѣсколько новыхъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ послѣдней, именно о преемствѣ папъ, о общемъ восторгѣ въ Римѣ по поводу принесенія туда мощей св. Климента, и о посвященіи обоихъ братьевъ въ епископы — это обстоятельство, по нашему мнѣнію можетъ служить новымъ доказательствомъ, что Славянское сказаніе не могло быть основано на Латинскомъ; потому что въ противномъ случаѣ Славянскій біографъ Кирилла, обработывая его жизнеописаніе по обширному плану, безъ сомнѣнія

не сталъ бы сокращать свой источникъ, по крайней мѣрѣ не опустилъ бы такого важнаго извѣстія, каково посвященіе братьевъ въ епископы.

Но можетъ быть оба автора пользовались одними и тѣми же источниками, а отселѣ произошло и сходство ихъ сочиненій? Но гдѣ эти источники? Пока ихъ еще не открыто. Да и трудно надѣяться на что либо подобное. И то и другое сказаніе принадлежатъ современникамъ Кирилла; а послѣ этого можно ли предполагать, чтобы существовало жизнеописаніе его древнѣе обоихъ разсматриваемыхъ памятниковъ? Притомъ же изъ дѣла открывается, что тамъ, гдѣ оба автора дѣйствительно пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, т. е. Сказаніемъ Кирилла объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго, къ удивленію нашему между произведеніями ихъ мы не находимъ ни малѣйшаго сходства. Что же касается до сходства ихъ въ описаніи Хозарской миссіи Кирилла; то, каково бы ни было по содержанію своему не дошедшее до насъ сочиненіе Кирилла о его путешествіи къ Хозарамъ, это сходство объясняется какъ нельзя удовлетворительнѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь сочинитель Италіянской Легенды, какъ будто для того, чтобы не привести въ заблужденіе позднѣйшихъ критиковъ, какъ нарочно держался ближе къ Славянскому Житію Кирилла, выписавъ разсказъ его буквально и не прибавивъ съ своей стороны ни одной черты. Отъ этого никакія другія предположенія для объясненія происхожденія этого мѣста Латинскаго сказанія рѣшительно невозможны. Вотъ почему мы даже на одну минуту не можемъ допустить третьяго предположенія г. Бодянскаго, что Гавдерикъ для значительной части своего сочиненія, какъ и сочинитель Славянскаго Житія Кирилла, пользовался вышеупомянутымъ повѣствованіемъ послѣдняго о его Хозарской миссіи.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что мы такъ много дали мѣста разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній обоихъ памятниковъ, и вообще изслѣдованію такъ называемыхъ Паннонскихъ Житій Славянскихъ Апостоловъ. Дѣло, надѣемся, стоило того, чтобы подвергнуть его подробному разбору. Во первыхъ на Паннонскія Житія доселѣ многіе, преимущественно западные ученые смотрятъ съ какимъ-то подозрѣніемъ, по крайней мѣрѣ не даютъ имъ полнаго права гражданства при изслѣдованіи исторіи Кирилла и Меѳодія, и вообще современной имъ эпохи Славянскаго міра. (1)

---

(1) Что всего удивительнѣе, даже между отечественными учеными есть такіе, которые совершенно игнорируютъ Паннонскія Житія, какъ не стоющія никакого вниманія. Укажемъ въ этомъ случаѣ на изслѣдованіе Мюральта о Византійской Хронологіи (Essai de Chronographie Byzantine. St. Pétersburg. 1853. Не смотря на то, что до выхода этого сочиненія въ свѣтъ о Паннонскихъ Житіяхъ было такъ много писано, и на основаніи ихъ многіе факты въ жизни Славянскихъ Апостоловъ обработаны были иначе (какъ напр. въ біографіи Кирилла и Меѳодія Архіеп. Филарета), въ названномъ изслѣдованіи, при хронологическомъ обзорѣ жизни Славянскихъ Апостоловъ (р. 436—463), о Паннонскихъ Житіяхъ едва упомянуто,—если только авторъ, вообще не точный въ указаніи славянскихъ источниковъ, на стр. 463 подъ именемъ Болгарской Легенды разумѣетъ именно Слав. Житіе Меѳодія, а не другое что. При всемъ томъ однакожъ въ этомъ обзорѣ вездѣ указаны источники (и поименованы даже мелочные изъ нихъ) и позднѣйшіе. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ обзорѣ, при самой обработкѣ данныхъ въ жизни Слав. Апостоловъ и при приурочиваніи ихъ къ тому или другому году, вовсе не приняты въ соображеніе извѣстія Паннонскихъ Житій, и что авторъ вездѣ приводитъ Италіянскую Легенду, какъ основной источникъ для исторіи Кирилла и Меѳодія.

Во вторыхъ, независимо отъ безотносительнаго значенія этихъ памятниковъ, намъ хотѣлось поставить вопросъ о томъ, какое должны имѣть значеніе сообщаемыя ими историческія данныя въ отношеніи къ показаніямъ Италіянской Легенды, пользовавшейся такъ долго неограниченнымъ авторитетомъ, и это до такой степени, что прежде отвергали, а иные изслѣдователи и доселѣ отвергаютъ, свидѣтельства о томъ или другомъ остальныхъ источниковъ для жизни Кирилла и Меѳодія, не исключая и Паннонскихъ Житій, собственно на томъ основаніи, что не находятъ упоминанія объ этомъ въ Италіянской Легендѣ. Надѣемся, что мы, если и не вполнѣ рѣшили этотъ вопросъ, то по крайней мѣрѣ подвинули его къ рѣшенію. Ясно, что Италіанская Легенда должна сойти съ того пьедестала, на которомъ она стояла доселѣ, (а у нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр. въ разсматриваемомъ сочиненіи Гинцеля) стоитъ и доселѣ), въ ряду другихъ памятниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, и уступить мѣсто своему прототипу, Славянскому Житію Кирилла. Ясно, что послѣдній памятникъ вмѣстѣ съ Слав. Житіемъ Меѳодія по всѣмъ правамъ должны занять ту роль, какая доселѣ принадлежала Италіянской Легендѣ, и, какъ источники современные событіямъ и удовлетворяющіе вполнѣ всѣмъ требованіямъ исторической критики, должны служить основою при обработкѣ исторіи Славянскихъ Апостоловъ и критеріумомъ для повѣрки показаній всѣхъ другихъ памятниковъ. Ясно такъ же, что съ этимъ вмѣстѣ должны во всей силѣ исполниться вышеприведенныя слова нашего знаменитаго критика (Шлецера), что „эта Исторія, и все принадлежащее къ ней, должна быть исправлена, дополнена и передѣлана по славянскимъ источникамъ.„ Какъ показываетъ все прежде сказанное нами, эта работа уже начата: въ разсматриваемыхъ нами сочиненіяхъ, и въ особенности въ изслѣдованіяхъ Дюммлера

и О. М. Бодянскаго, многія стороны жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ представлены уже въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это было до открытія Паннонскихъ Житій. Самъ Гинцель, не смотря на свое невѣріе въ нихъ, дѣлаетъ по мѣстамъ уступки ихъ показаніямъ. Будемъ же благодарны и за то, что въ этомъ отношеніи доселѣ сдѣлано.

А. Викторовъ.

В тѡи҃ дн҃ь [1] слово на принесенїе мощем҃. Преславнаго климента. Историскоую имоуще бѣсѣдоу. ꙗко хв҃ою помощїю въ д҃. [2] тысꙋща. т҃. и. ѯ҃. и д. (861 г.) лѣ҃ изыскавши его любено и вѣрно. ꙗкѡ изо [3] инѣ бо в понтѣ восїа.

(Изъ Макарьевскихъ Четь-Миней, по списку московской синодальной библіотеки, мѣсяцъ генварь, подъ 23 числомъ, л. 1081—1083. Варіанты выставлены по списку тѣхъ же Четь-Миней библіотеки Московскаго Успенскаго Собора.)

Въ ѡбрѣтенїе мощеи ст҃ы славнаго климента, и радостны ѡбразо ꙗвленїа [4] высокою бесѣдою како оубо сыто благовѣрны. и дх҃овны и любѧщи послꙋшанїе. еще и добры званїемъ ѡбѣдникомъ нб҃наго и славна словесе в мысленѣ велелѣпїи. постретїе же и подаꙗнїе [5] каково радостно извѣщанїе. Егда бо братїе возримъ оумъ на коуплелюца. и приѡбрѣтникъ любець шествїа а ꙗко се знаменїе печатно его желанїе и покои ѿ трꙋда. и повига желанїе прїиме. [6] тогда повѣдають приключившаꙗ и по поути ѿцмь и брати. [7] чадѡмъ и прїателе. еще и сосѣдомъ не трꙋдѧщисѧ. много ꙋбо лѣтѡ мимошедши тогда оума и ꙗзыка предложенїе ꙗко се кающа. [8]

---

1) 23 генваря. 2) ошибкою вмѣсто: ѕ҃—6. 3) За этимъ было написано: всѣ, но потомъ зачеркнуто. Въ Соборномъ спискѣ Мак. Четь—Миней слово всѣ опущено. 4) Въ Соб. спискѣ: ꙗвленїа ихъ. 5) Въ Соб. и проданїе. 6) и повига покои желанїа прїаме. 7) и братїамъ. 8) касающе.

николи не престане повѣдающе братїи. свѣтлꙋ и блжнну коуплю мощеи. и поюще блженнаго климента. сами бо и бѣды и ранныа ꙗзвы. и многа оулѧченїа. множицею бо к тѣмъ повѣствоующе приложенїе. иноа сласти ꙗко спсени инѡ понта повѣсти мнѧ. [1]) мы о дховнѣи преславнаго климента. ꙗко се ѿ тайны ада высокоую бесѣдоу преложенїе вѣры [2]) оупованїю и любви соущеи ко стмоу. и помышленїе дховны. вкоупе и добры и блженны дѣлателемъ приложенїе. и добрѣ пища брашенъ лежащии. и даемаѧ боголюбце оутвержае срца. ѿсамого ѿпоущениа словеснѣ бесѣде касающасѧ [3]) повѣдае. бѣ бѡ оубо велїе оупованїе. вѣрою и любовїю неизливаемаго съкровища. блженны мощеи стго климента. в наше помышленїи не оубь сътворено. ꙗко се въ соборно оученїе вещїю ѡслабленїа искра вжагающи. и поꙗдающи словеси. не плоть токмо. да костеи же и мозга касающесѧ. и всегда поꙗдающи и оутробꙋ попалѧющи. бѣ же пакы оуповающи и поноуждающисѧ дша нша. и ꙗко жалѡ побоуждающисѧ. ꙗко роса пророческомꙋ словеси. не до сего, еже ѿвержесѧ оутѣшитисѧ дша моѧ стоѧщи желающи славнаго климента видѣти мощи. пастыре же добры исцѣнїе (sic) [4]) бжїе прїемлюще. крилѣ голоубинѣ въспрїати желающе. блжнна климента рѣкы достигноути и почити. еи совершенїе [5]) имѣти изволи члколюбець іс. оубоуди етеры живоущаа в херсоне. паче вѣрнаго пастырѧ геѡргїа. с никифоро славнымъ. тогда цртвїа добрѣ и кротко прїимша. кормила градскаѧ. со мнѡствомъ нѣкыимъ и славны причтѡ, теплотою преспѣвааше. аще и мнѣи бѣ по старѣишинствоу. сице оубѡ и симъ соуще. днь ѿ дне. и

---

1) менѧ повѣсти. 2) предложенїем слова вѣры. 3) касающе. 4) исцѣленїе. 5) и еиже и съвершенїе.

подвигъ и҆моуще҆. к начѧтїю. въ е҆динъ дн҃ь. е҆гда̀ бг҃ъ и҆воли ꙗ҆витисѧ ст҃моу. тридесѧтенъ дн҃ь бѣ҆. и҆аноурїа мц҃а. нѣцїи ѿ теплы҆ и҆до҆ша. пѣснеными пѣнїи ѿ пристанища и҆сходѧще мл҃твена҆ пѣ҆ бѣ сице гл҃ющи. не ѿврати на҆ посрамлены клименте. вѣрою припадающаѧ къ твое҆мꙋ гробоу ст҃ыи, но и҆ прїими рабъ срц҃а пристоупающаа [1]) раце твоей ст҃ѣи. твои҆ моще҆ молѧщесѧ, ꙗ҆ко да бл҃женны҆ и҆ щедры҆ оу҆лꙋчити. и҆ насладитисѧ стадоу твоеа҆ хри҆змы. бг҃оу дающоу вѣрны҆ и҆сцѣленїе. мл҃твами твоими славне [2]) и҆ велїю мл҃ть. И҆дохѡ҆ же до бл҃женнаго ѡ҆тока ꙗ҆ко единъ не ѿлоучи҆ тѡ́и поуть. не ѡ҆рꙋжїемь но пѣнїемъ ѡ҆держимъ ꙗ҆влѧшесѧ. е҆да же желанныи твои ѡ҆токъ пре҆ ѡ҆чима ꙗ҆влѧшесѧ. пришествїе нѣкое҆ тверъдо добрѣ. [3]) напающи и҆ [4]) ꙗснаго прѡлитїа съ нб҃се настоѧщихъ по҆иде [5]). не ѡ҆ставлѧа дерзновенїа нашего желающи҆. вторѣи же пѣсни хотѧщи начатїе прїати. и҆зъгла҃ваай всѣмъ гранеса сщ҃нникъ тои именемъ соломонъ [6]). тогда̀ попъ сыи ст҃го прокопїа. тоугою и неоу҆добиемъ ѡ҆держима бѣ. послоушающаго съвѣта лишенъ бы́вь. и се внезаапоу помощїю ст҃го климента. разидошасѧ ѡ҆блацы. просвѣщена же бысть лꙋна просвѣщенъ҆ і҆ аеръ. и҆ крꙋгъ еа҆ бысть свѣтло сїанїе. е҆же и҆ е҆теръ ктѡ́ видѣвъ. свѣдыи моужеви подвига. сыи [7]) вкоупѣ на сѣдалищи. подви҃ны [8]) и҆ прилѣжно послоушаѧ̀и. сїимъ [9]) гласѡ҆ абїе возопи. ѡ҆ о҆ч҃е. вѣсть бѡ҆ славно просвѣтити бл҃годѣтїю дш҃а. желающи҆ сла҆каго свѣта мл҃твами ст҃го климента. сеѧ҆ радости вторѣи пѣсни начатїе славно и не възбранно прѡсвѣщающи силѣ. никако҆ въз҆бранѧщи соствѡрихомъ [10]). бѣ же сице трепе-

---

1) припа҆ющаа̀ твое҆и ст҃ыи и 2) мл҃твами твоими славне. пропущено. 3) дѡбѣ. 4) и҆—нѣтъ. 5) и҆ по҆иде. 6) соламанъ. 7) се҆и. 8) по҆вижнѣмъ. 9) послоущааай и҆ симъ. 10) възбранѧюще сътворихо҆.

томъ ѡдержими и слезами по сеи пѣсни къ славномоу ѡтокоу и рацѣ. со архїереѡмъ идохѡ. и тоу ѡкрочше [1]) и просвѣщенїемъ достоины просвѣщьше на желанноу землю припаше все оутрїе хвалословленїю начатїе сътворихо. егда же бысть среднѧа пѣснь. искоушенїе нѣкое ѿ бга. на ползоу нѣкыимъ оутвержены в вѣрѣ внезаапоу наста. ѡблацы бѣша гоусти. нападающи ѿ южныа страны ѡтока. ꙗ видѣвь архїереи нѣкоего ѿ блговѣрны пришеша дигица имене. тоу ꙗко хꙋдога [2]) соуща страна тѣмъ. и сла и искоусити ше же тои близъ соуща дожда повѣдавь тогда оубо за неѡбрѣтенїе мѣста. блженныа раки исканїе наченше. пѣнїе же кондачьское пѣти повелѣхо. абїе ѡблачнаа гоустыни на сѣверскоую страноу зашеши ꙗсно нбо и прозрачно ꙗви. за темность бли ѡчима своима. звѣзда на видѣнїе. Ищемый мощеи блжннаго климента. И подвиго приготоваюсѧ. Бѣ оубо сице ѡ опщи [3]) подвизанїи. егда пѣвець четвертое пѣнїе поꙗше. сице в нѣкоемъ мѣсте глѧ. оу бо сокрѡвище не сокровище есть. На свѣщници же свѣ. ꙗко свѣтилници нѣкое. звѣзда дньничнаѧ. ꙗвлѧющисѧ ѿ мощїи блжннаго климента, ребро нѣкое начатїе сотвори, в печали намъ сꙋщемъ. зане мно ча преиде. и ничтоже ꙗвисѧ имѣѧхѡ оубо ѡчи же и оумъ, ѡво къ бгоу возводѧщь [4]). ѡво ко стѣи той рацѣ. имоуще шестѡ на. і. е пѣнїе поюще сице. в нѣкое мѣсте имоущоу. хранит бо кости правены ꙗко поеть въспѣвае [5]) двдъ в пѣнїи восїа на стаа и преславнаѧ глава. пресловоущаго климента юже и нѣкто видѣв первоицы. и и сьи [6]) есть повѣстникъ. абїе блженныи гла [7]) возпи: радоуитесѧ ѿцы и братїе [8])

---

1) ѡкрѡтчше. 2) хꙋдѡгга. 3) общемъ. 4) возводѧще. 5) въспѣваа. 6) и се. 7) гласѡ. 8) брата.

ѡ гдѣ. паки рекꙋ радоуитесе бо блженнаго глава. ꙗко же слнце свѣтло. ѿ глоубины ада восїа намъ. сьи же глас слышавше. внезаапоу весели бывше. хвалноу пѣсь бгоу возсылаахоу. ѿ нбных во стоую ракоу взирающе [1]). і ꙗко на негибноущее богаство [2]) собирающеся. и рѣеми хотяще лобзати ли видѣти. свѣтлыа тыа и бисерообраныа мощи идяхоу. и се бо велїе имъ бѣ и на стыню доволно. еже поне лицекосновенїемъ [3]) тѣм просвѣтити. егда дховное веселїе [4]) преславным блгоюханїемъ вся озари и возвесели. абїе ѿ преисподних и прочих оудовь сохранени свѣтлыа иам звѣзды восїаша [5]) сами оубо стѣи роуцѣ со блженныма стегнама. и вся содержащася оуды. и ꙗко на смысленѣ твердѣ и нбси дшевнѣ. вся собирающа си. и достойным пристоупаниемъ. лица вѣрных оукрашающе. абїе найпослѣ же анкурьско ꙗвленїе. токмо не гласа поущающи ꙗко подобает по чиноу. блженым ꙗвитися оудом еиже тлѣвше свойством. сохранени соущи своею твердостїю. абїе же крѣпко и обще пѣнїе хвално бысть. и до малыхъ кроупиць оукрашеных [6]). ѿ нея славословїе же бжїе непрестанно бы всю нощь. до подобнаго часа бескверныа жрътвы и приношенїа ха бга нашего. мало нѣкым безъмолъствовавшим. за подобїе тоя слоужбы. еже и сотворь прпдбныи архїереи. в корабль блженноую ракоу на главѣ нося. с нѣкыими вѣрныими соущими тоу возложи. весь град херсонескъ. съ сим хвалословествїемъ поуть начинает. Возмѣте ннѣ вси ꙗзыци ꙗкоже древле четверочастьноу скинїю. бжїи херсоньскыи соборе. и стго ннѣ ракоу. ꙗко зовоуще всѣх поющих ѿ конець мира на бжїе празньствѡ. егда ѿстоупиша [7]) ѿ отока. елико. і. стадїи бголюбець кнзь

---

1) взираахоу. 2) богатьство. 3) лицикосновенїи. 4) видѣнїе. 5) восїавши. 6) оукрошеных. 7) ѿстоупивше.

гра̑скїи. и҆ съ нѣкыими вѣрными. и҆ моудрыми моужи ѡбрѣтшимисѧ тогда тоу. подобно стрѣтенїе [1]) сотвори. не пещно шествїе к на̑ повѣда [2]). ꙗ҆влѧа за мнѡ̑ство свѣщь, и҆ се пѣнїе поюще [3]) соущаѧ ѡ҆ ст҃ѣи рацѣ ракоу ѡ҆бидемъ оу҆бо. ꙗ҆ко кивота носѧще. не ꙗко [4]) моу҆сеѧ дн҃е в рацѣ. но а҆п҃ла потоплѧюща лесть невидимаго врага. пѣв же с нами и҆ с похвалы [5]) ѡ҆тока оу҆ченїа [6]) и҆ со тщанїемъ тогда вниде во гра̑. и҆ срѣтенїе достоино. приготова и҆ сотвори. лобзавшоу же е҆моу бл҃женноую ракоу. молѧше взѧти ю. и҆ на за̑ннѣмъ столѣ града. тѣмъ соза̑нѣмъ тогда ст҃го климента. Положити ю в мало времѧ. И҆ тоу слѡ́во преношенїю почьсти Послꙋшавше̑ его. Поставихомъ ракоу тоу. Паки̑ вторицею молѧшесѧ въ храмъ ст҃го созонта донести е҆го по стенѣ града. близъ забра̑ соущоу зане бѣ вече̑. множество же много притекаше. ꙗ҆ко не оу҆добь [7]) донести на мѣсто бл҃женноую. ракоу. в первоую же стражоу нощи безмолвию бывшю въше̑ а҆рхїереи с нѣкыими вѣрными преславнаго климента. в дѡ̑ ст҃го леѡнтїа прѣложи. и҆ тоу соборꙋ бывшоу. всенощное пѣнїе повелѣнїе архїе҆реѡ҆вымъ бысть. до полоущи [8]) оу҆бо моужескомъ полѡ̑. а ѿ полоунощи до оу҆тра черноризицами и҆ бл҃говѣрными женами. ѡ҆бычаи такъ соу́щь вѣрными тѣми до скончанїа. Потом же всенощнѣи пѣнїи литїа нѣкаѧ вселю̑ска заоу҆тра в ты̑ цр҃кви собравшесѧ. и҆зыде по всемоу градоу. в неиже бѣ видѣти всѧкого чл҃ка. и҆ всѧкъ ѡ҆бразъ вѣрны̑ веселѧщьсѧ и҆ слезѧщь и҆ и҆граю̑юща дх҃овно доушею же и҆ тѣло̑ и҆ неи҆зглаанною радостїю радоующесѧ. не бѣ бѡ разлоучити ли расмотрѣти старости за оу҆трьствомъ.

---

1) стрѣтенїа 2) не пещнѡ свѣтенїе нам̑ ѡ҆гн҃ повѣда. поющаа. 3) 4) всѧ̑кѡ. 5) и҆с пѡхваль. 6) оу҆ченїе. 7) не дѡбь. 8) дѡ полоунѡщи.

радованнї ѡбразнымъ шествїа богатыа и нища. бл҃городныа и простородныа. но вси и вса вкоупѣ. съ дерзновенїе забывше всакоу напасть. съ ст҃ыми мощми славнаго климента весь гра ѡбишеше. въ соборноую цр҃кви прїидоша. и егда в первыа двери хоташе внити ст҃ыи климентъ. славныи причетъ со архїерешмъ. ѩко единеми оусты бл҃годш҃но. се абїе пѣтїе начат[1]. приими просвѣщника сщ҃ныа цр҃кви. тебе просвѣщающа климента ст҃го и славна дне. ѩвибоса богатьство прест҃аа држава. ѩко с петрѡм и павломъ сподобиса слѡво прїати. тѣмже и прехода конца земли. радостїю скончаса. и в херсонѣ возлюбль г҃а во истинꙋ и[2]) спасае та достоино его почьсти ѩко подающа вѣрны велїю млть. Тоу ст҃моу приношенїю бывшоу. и ст҃ми мощми водоу сщьше[3] и тою прсвѣщенїе прїимъ равно. ѩко вѣ шю не мнѣ послоужьше, во своа домы с похвалою возвратишаса. бл҃вѧще б҃а ѡ семъ дарѣ велицѣмъ и бл҃годѣти нб҃нѣи. сице оубо ѡ братїе. нескоудное богатьство блаженных мощеи. славнаго климента ѩвлено бывше. достоинноу хвалоу ѩко ѿ словесна естьства содѣтелеви его слѡвеси бж҃їю. слѡвомъ ве миръ. празеньственъ днь. свѣтлыа и славныа памати его. достоинно сотворѧюща. и градꙋща въ слѣ вѣры. ѿ бг҃а оупованїе. ѩко настоаща[4]) оузримъ. мы бо есмы си вина. имже сѧ есмы лишили его но некли возникне. бл҃жнъ бо гра нш҃ь. сице намъ соуще. и противныѧ ѿгонѧщимъ[5]) ѩвитсѧ. Ѡ блаженныи соборе пришедыи в тѡи днь к рацѣ преславнаго климента, ѩко ѿ землѧ дрꙋгое слнце. преславно восїавше оузрѣвь. ѡ бл҃жнныи моужь несоуменно оупованїе.

1) Было написано: начинает. 2) и — нѣтъ. 3) ѡсщьше. 4) настоѧща. 5) ѿгонѧщемъ.

не изнемогшее начати. и на свѣтъ принести. таковыи славныи превзимающий даръ. ѿ роуки пр҃рчьскы видѣние. клещамъ оуподобльшеса. страшныа югли мощи климентовы приимша. ѡ бл҃женныи соборе всякого възраста. ра совокоупльса, и всеславныи ст҃ыи день. пренесениа [1] мощемъ славнаго климента сотворь. ѡ пресловоущий и преславне [2]. и пре всѣми и надо всѣми клименте давыи намъ ст҃ыи сьи д҃нь явлениемъ твои мощей. не посрамль и давно вжагающаго нашего оупованиа. но себе вдавъ неключим нами и непотребными роуками нашими изысканъ. и явленъ быти. и желаннаго сокровища богатно насытитиса. боуди и намъ чтоущим та днесь. мыслены даро датель незавидливъ [3]) блистающимса и истекающим мыслено озарение ѿ красныа [4]) твоеа ракы. да д҃шевных и телесныхъ стр҃тей. и всѣхъ противных приложении избавлаеми. и главныа пр҃рчьскы ѡ твои мощех. да сподобимса насладитиса и еще. яко ѿ сада растоуща и цвѣтоуща. все земно наслажение мысленаго села б҃жиа мышлениа да тѣми великими дарми. напаяеми и хранимии. всяко смоущение и силоу противнаго поправше и потребльше преславноую твою памать ликоствоуем. радоующеса оукрашаеми [5]) и всякоа доброты исполнаеми. и неномоу ц҃рствию неоуклонно. да оутвержени боудем. бл҃тию явльшагоса д҃не. свѣтло творащаа присно. чт҃ное твое ст҃ое явление мощеи твоих. х҃а истиннаго б҃а нашего. со ѿцемъ и со ст҃мъ дхомъ нн҃ѣ и в бесконечныа вѣки вѣком амин.

---

1) приненесении. 2) и преславный клименте. 3) независтении. 4) ѿ красныя. 5) оукрашаимъ.

ЖИТІЕ И ПЕРЕНЕСЕНІЕ

(мощей)

СВ. КЛИМЕНТА.

Изъ рукописи Франциска Дюшеня V. Cl.

(Рукопись Московскаго Публичнаго (прежде-Румянцевскаго) Музея, № 151, л. 29-34.)

1. Тогда какъ императоръ Михаилъ управлялъ Новымъ Римомъ, былъ нѣкій благородный мужъ, родомъ изъ Θессалоникіи, именемъ Константинъ, котораго за чудесный умъ, съ малолѣтства въ немъ открывшійся, не напрасно прозвали Философомъ. Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, онъ привезенъ былъ родителями въ столицу. Тамъ, какъ мужъ весьма благочестивый и благоразумный, Богу изволившу, украсился священническимъ саномъ. Въ тоже время къ упомянутому императору прибыли послы отъ Хазаровъ,

---

Vita cum Translatione S. Clementis.

Ex Ms. Francisci Duchesne V. Cl.

(Acta Sanctorum Bolland. Martii Tom. II. p. 19–21.)

1. Tempore igitur quo Michaël imperator Novae-Romae regebat imperium, fuit quidam vir nobili genere, civitate Thessalonica ortus, vocabulo Constantinus, qui ob mirabile ingenium, quo ab ineunte infantia mirabiliter claruit, veraci agnomine Philosophus est appellatus. Hic cum adoleuisset, atque a parentibus fuisset in urbem regiam ductus, essetque insuper magna religione et prudentia praeditus, honorem quoque sacerdotii ibidem, ordinante Domino, est adeptus. Tunc temporis ad praefatum imperatorem Cazarorum legati venerunt,

прося и моля, да пошлетъ къ нимъ ученаго мужа, который бы научилъ ихъ неложно каѳолической вѣрѣ, прибавляя между прочимъ, какимъ образомъ то Іудеи, то Сарацины стараются обратить ихъ въ свою вѣру. Но мы, не вѣдая, къ которымъ паче склониться, рѣшились просить совѣта о нашей вѣрѣ и спасеніи у верховнѣйшаго и каѳолическаго Императора, полагаясь на вашу вѣрность и старинную дружбу. Тогда Императоръ, посовѣтовавшись съ патріархомъ, призвалъ предъ себя упомянутаго Философа и съ величайшею честію отправилъ его туда съ хазарскими и своими послами, въ полномъ упованіи на его благоразуміе и краснорѣчіе.

2. И такъ немедленно приготовя все нужное, онъ пустился въ путь и прибылъ въ Херсонесъ, весьма близкій и смѣжный съ землею Хазаровъ. Тутъ остановился на нѣсколько времени, желая обучиться языку онаго народа. Между тѣмъ по внушенію Бога, который уже положилъ открыть правовѣрнымъ своимъ столь драгоцѣнное сокровище, т. е. тѣло св. Климента, упомянутый мужъ, какъ

---

orantes ac supplicantes, ut dignaretur mittere ad illos aliquem eruditum virum, qui eos fidem catholicam veraciter edoceret; adjicientes inter cetera, quoniam nunc Judaei ad fidem suam, modo Saraceni ad suam nos convertere e contrario moliuntur. Verum nos ignorantes ad quos potissimum nos transferamus, propterea a summo et catholico Imperatore consilium quaerere nostrae fidei ac salutis decreuimus, in fide vestra ac veteri amicitia plurimum confidentes. Tunc Imperator, simul cum Patriarcha consilio habito, praefatum Philocophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis, honorificentissime transmisit illuc, optime confidens de prudentia et eloquentia ejus.

2. E vestigio igitur praeparatis omnibus necessariis, iter arripiens venit Cersonam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est, ibique gratia discendi linguam gentis illius est aliquantulum demoratus. Interea Deo inspirante, qui jam jamque tantum tamque pretiosum thesaurum, corporis videlicet s. Clementis, fidelibus suis

любознательный испытатель, началъ отъ тамошнихъ жителей прилежно навѣдываться и тщательно испытывать, что до него дошло, частію чрезъ письменное преданіе, частію по слуху, о тѣлѣ блаж. Климента, о храмѣ, воздвигнутомъ ангельскими руками и о гробѣ его. Всѣ объявили, что, какъ пришельцы изъ разныхъ народовъ, а не тутошніе урожденцы, ни мало не вѣдаютъ, о чемъ онъ спрашиваетъ; ибо чудо морскаго отлива, знаменитое въ исторіи страданій упомянутаго первосвященника, давно уже прекратилось за грѣхи и нераденіе жителей, и море прежнія свои мѣста покрыло волнами. Сверхъ того и отъ многихъ набѣговъ варваровъ храмъ оставленъ и разрушенъ, страна сія опустѣла и сдѣлалась необитаемою. Да и самый гробъ св. мученика съ тѣломъ покрытъ былъ волнами.

3. Симъ отвѣтомъ весьма удивленный и крайне опечаленный, Философъ обратился къ молитвамъ, да откроется ему свыше ради заслугъ упомянутаго первосвященника, чего

---

revelare decreverat, coepit praefatus vir, ac si curiosus explorator, ab incolis loci diligentissime perscrutari ac solerter investigare illa, quae ad se tum litterarum traditione, tum quoque vulgari, fama, de corpore B. Clementis, de templo angelicis manibus praeparato sive de arca ipsius, pervenerant. Ad quem praefati omnes, utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae, se quod requireret omnino nescire professi sunt. Siquidem ex longo jam tempore, ob culpam et negligentiam incolarum, miraculum illud marini recessus, quod in historia passionis praefati pontificis celebre satis habetur, fieri destiterat, et mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat. Praeterea et ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita; ac propterea ipsa sancti martyris arca cum corpore ipsius fluctibus obruta fuerat

3. Super quo responso miratus valde ac tristis Philosophus redditus, ad orationem conversus est, ut quod per homines explorare non poterat, divina sibi revelatio meritis praefati Pontificis digna-

не могъ узнать отъ людей. Онъ пригласилъ митрополита изъ самаго города, именемъ Георгія, вмѣстѣ съ причтомъ церковнымъ и народомъ, да просятъ того же отъ небесъ. Сверхъ того, разсказывая дѣянія страстотерпца, или чудеса блаженнѣйшаго мученика, весьма многихъ возбудилъ увѣщаніями своими приступить къ отысканію столь драгоцѣннаго и столь долго пренебрегаемаго сокровища и съ помощію Божіею извлечь на свѣтъ. Въ нѣкій день, 30-тый, какъ пишутъ, генваря, при тихой погодѣ вступивши на корабль, путеводящу Христу, пускаются въ дорогу, т. е. упомянутый Философъ съ епископомъ и честнымъ клиромъ и нѣкоторыми изъ города. И такъ водоплавая съ великою набожностію и упованіемъ, съ псалмопѣніемъ и молитвами, прибыли на островъ, гдѣ находится, какъ думали, святое тѣло мученика. При блескѣ свѣтильниковъ обходя всѣ мѣста онаго острова, начали паче и паче возсылать моленія и прилежно рыть въ нѣкоторомъ курганѣ, гдѣ, какъ должно было догадываться, покоится сокровище.

---

retur ostendere. Civitatulae ipsius Metropolitam, nomine Georgium, simul cum clero et populo ad eadem de coelo expetenda invitans: super hoc etiam referens illius gesta passionis, seu miraculorum ejusdem beatissimi martyris, plurimos eorum accedere et tam pretiosas margaritas tamdiu neglectas requirere, et in lucem Deo juvante reducere, suis adhortationibus animavit. Quadam autem die, quae in III. Calendarum Januariarum inscribitur, tranquillo mari navem ingressi, Chtisto duce iter arripiunt, praedictus videlicet Philosophus cum episcopo ac venerabili clero, nec non cum nonnullis de populo. Navigantes igitur cum ingenti devotione ac fiducia psallentes et orantes pervenerunt ad insulam, in qua videlicet aestimabant sancti corpus Martyris esse. Eam igitur undique circumdantes, et multo luminum splendore lustrantes, coeperunt magis ac magis precibus sacris insistere, et in acervo illo, quo tantum thesaurum quiescere suspicari dabatur, curiose satis et instantissime fodere.

4. Долго и много рыли, надѣясь на Божіе милосердіе. Наконецъ внезапно возсіяла, подобно нѣкоторой лучезарнѣйшей звѣздѣ, одна изъ костей неоцѣненнаго мученика. При семъ зрѣлищѣ всѣ исполнились неописаннаго восторга и уже безъ всякаго побужденія наперерывъ копали землю. Тогда показалась святая глава его. Всѣ со слезами возопили къ небу, возсылая хвалы и благодаренія Богу. Сей радости ежели вообразить не можемъ, то кольми паче описать; ибо столько всѣ восхищены были, какъ обрѣтеніемъ святыхъ мощей, такъ и благоуханіемъ, что мечтали быть въ раю. Потомъ принялись опять за работу и, отрывая частичку за частичкой, ископали всѣ. Напослѣдокъ нашелся и самый якорь, съ которымъ онъ брошенъ былъ въ море.

5. И такъ при всеобщей несказанной радости о толикихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, по совершеніи на томъ мѣстѣ

---

4. Ubi diu multumque desiderio sancto cunctantibus, et de spe divinae miserationis plurimum confidentibus, tandem ex improviso velut clarissimum quoddam sidus, donante Deo, una de costis martyris pretiosi resplenduit. Ad quod spectaculum omnibus immensa exultatione repletis, magisqe ac amplius sine aliqua jam excitatione terram certatim eruderantibus, sanctum quoque caput ipsius consequenter apparuit. Quantae jam omnium voces in coelum, quantae laudes et gratiarum actiones in Deum ab universis cum lacrymarum effusionibus, datae sunt, si vel aestimare quidem vix possumus, quanto minus exprimere? Tanta siquidem in omnes tum de sanctarum inventione reliquiarum, tum de immensissimi odoris suavitate erat innata laetitia, ut cum jubilo ineffabili gratulantes in paradiso extra sese putaretur consistere. Cum ecce post paullulum rursus quasi ex quibusdam abditis sanctarum reliquiarum particulis paullatim et per modica intervalla, omnes repertae sunt. Ad ultimum quoque ipsa etiam anchora, cum qua in Pontum est praecipitatus, apparuit.

5. Omnibus igitur pro tantis Dei bonis immensa repletis laetitia, celebratis ibidem a sancto pontifice sacrosanctis mysteriis, ipsemet

таинствъ святымъ первосвященникомъ, самъ святый мужъ, возложивши на собственную главу святыя мощи, при восклицаніяхъ всѣхъ сопутствующихъ вступилъ на корабль и потомъ съ хвалебными пѣснями перенесъ оныя въ столицу Глорію Между тѣмъ приближающимся имъ къ городу, встрѣтилъ ихъ со многими другими доблественный Никифоръ, князь того города, и, поклонившись святымъ мощамъ, съ радостію предшествовалъ, поспѣшая въ городъ. Тамъ еще при всеобщихъ восклицаніяхъ пріявши, поклонился святому и честному тѣлу и разсказалъ всенародно таинственное его обрѣтеніе. Когда уже начинало смеркаться и отъ бесчисленнаго множества народа идти далѣе не возможно было, то съ рачительною осторожностію положили тѣло въ храмѣ св. Созонта, въ предмѣстіи города, а наконецъ перенесли въ церковь св. Леонтія. На другой день утромъ при стеченіи всего народа, взявши святыя мощи, съ великими хвалами обошли кругомъ весь городъ и такимъ образомъ принесли оныя въ соборную церковь, съ честію

---

sanctus vir super proprium caput sanctarum reliquiarum loculum levans, ad navim cum ingenti universorum subsequentium tripudio detulit; ac deinde Gloriam metropolim cum hymnis et laudibus maximis transportavit. Interea cum jam civitati appropinquarent, vir nobilis Nicephorus ejusdem civitatis dux, illis cum pluribus aliis obviavit, et adoratis sacrosanctis reliquiis, cum multis gratiarum actionibus praecedens sanctum loculum, ad urbem cum gaudio remeare properabat. Ibi etiam cum ingenti universorum tripudio sanctum ac venerabile corpus receptum adoravit, et recitato coram omni populo inventionis ejus mysterio, cum jam advesperasceret, et prae nimia populi frequentia ingredi ultra non posset, in templo s. Sozontis, quod urbi erat contiguum, cum diligenti custodia posuerunt: demum vero ad ecclesiam s. Leuntii transtulerunt. Inde cum mane factum esset, universa civitatis multitudo conveniens, assumpto sanctarum reliquiarum loculo, totam cum magnis laudibus in circuitu lustraverunt urbem, et sic ad majorem basilicam venientes, in ea ipsum honori-

тамъ положили и потомъ всѣ радуясь возвратились по домамъ.

6. Послѣ сего упомянутый Философъ отправился въ путь и, прибывши къ тому народу, куда былъ посланъ, проповѣдывалъ Искупителя всѣхъ Бога, и силою своего слова отвратилъ всѣхъ тѣхъ отъ заблужденій, коихъ обольстило вѣроломство Сарацинъ или Іудеевъ. Утвержденные въ каѳолической вѣрѣ и наученные, они съ веліею радостію благодарили всемогущаго Бога и служителя его Константина Философа. Сверхъ того они послали къ Императору письма, благодаря, что постарался обратить ихъ къ истинной и каѳолической вѣрѣ, и утверждая, что они за сіе всегда пребудутъ вѣрнѣйшими и покорными власти его. Отпуская же Философа съ великою честію, принесли они ему драгоцѣннѣйшіе дары, которыхъ онъ, какъ истинный философъ, не принялъ, а просилъ вмѣсто всѣхъ даровъ отпустить съ нимъ, сколько есть, чужеземныхъ плѣнниковъ. Сіе тотъ часъ было исполнено.

---

fice locaverunt: sicque omnes demum ad sua gaudentes reversi sunt.

6. Post haec praedictus Philosophus iter arripiens, et ad gentem illam, ad quam missus fuerat, veniens, comitatus Redemptoris omnium Dei praedicationibus et rationibus eloquiorum suorum, convertit omnes illos ab erroribus, quos tam de Saracenorum quam de Judaeorum perfidia retinebant. Unde plurimum exhilarati, et in fide catholica corroborati atque edocti, gratias referebant omnipotenti Deo et famulo ejus Constantino Philosopho. Litteras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad veram et catholicam revocare studuerit fidem; affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere. Deducentes autem Philosophum cum multo honore, obtulerunt ei munera maxima, quae ille omnia, ut revera Philosophus, respuens, rogavit ut pro muneribus illis, quotquot captivos externos haberent, sibi secum mox reversuro dimmitterent. Quod protinus completum est.

7. Возвратившуся же Философу въ Константинополь, услышалъ князь моравскій Ростиславъ о томъ, что учинилъ Философъ въ области Хазаровъ. Желая того же своему народу, послалъ онъ вѣстниковъ къ упомянутому Императору, донося, что народъ его отступилъ отъ идолопоклонства и желаетъ наблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы наставилъ его читать и совершенно разумѣть самый законъ; и для того проситъ прислать такого человѣка, который бы могъ ясно показать народу вѣру и порядокъ Закона Божія и путь истины. Императоръ, внявъ просьбѣ Ростислава, призвалъ къ себѣ того же упомянутаго Философа и послалъ его туда, т. е. въ страну Славянъ вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ, надѣливши ихъ щедро на путевыя издержки. Прибывшимъ имъ туда, жители весьма обрадовались, услыша, что они и мощи бл. Климента несутъ съ собою и Евангеліе переведено на ихъ языкъ упомянутымъ Философомъ. И такъ вышедши за городъ на

---

7. Philosopho autem reverso Constantinopolim, audiens Rastilaus princeps Moravie, quod factum fuerat a Philosopho in provincia Cazarorum; ipse quoque genti suae consulens, ad praedictum Imperatorem nuntios misit, nuntians hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat, et christianam legem observare desiderabat, verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoceat: rogare se ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat. Cujus precibus annuens imperator, eumdem supernominatum Philosophum ad se venire rogavit; eumque illuc, id est, in terram Sclavorum, simul cum Methodio germano suo, transmisit, copiosis valde illi de palatio suo datis expendiis. Cumque ad partes illas, Deo praeparante, venisset; cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisi sunt; quia et reliquias B. Clementis secum ferre audierant, et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum. Exeuntes igitur extra civitatem obviam, honorifice, et cum ingenti laetitia receperunt

встрѣчу, приняли ихъ съ честію и великою радостію. Святые мужи немедленно приступили къ дѣлу, начали учить дѣтей грамотѣ, наставлять въ законѣ Божіемъ и изощрять краснорѣчіе свое на исправленіе разныхъ заблужденій, обрѣтенныхъ въ народѣ, и такимъ образомъ очищая вредоносное оное поле отъ многоразличныхъ корней пороковъ, сѣяли сѣмена слова Божія. Они пробыли въ Моравіи четыре года съ половиною, научили народъ каѳолической вѣрѣ и оставили тамъ разныя писанія, нужныя для церковной службы.

8. Услыша все сіе, знаменитѣйшій папа Николай весьма обрадовался и пригласилъ ихъ къ себѣ апостольскими письмами. Восхищенные симъ извѣстіемъ, они благодарили Бога, что удостоились первосвященническаго приглашенія. Отправясь немедленно въ путь, они взяли съ собою еще нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ, коихъ считали достойными полученія епископскаго сана, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Римъ.

---

eos. Coeperunt itaque ad id quod venerant peragendum studiose insistere, et parvulos eorum litteras edocere, officia ecclesiastica instruere, et ad correptionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere; sicque abrasis et extirpatis de agro illo pestifero multifariis vitiorum sentibus, divini verbi gramina seminare. Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium, et direxerunt populum illius in fide catholica, et scripta ibi reliquerunt omnia, quae ad Ecclesiae ministerium videbantur esse necessaria.

8. His omnibus auditis, papa gloriosissimus Nicolaus, valde laetus super his quae sibi ex hoc relata fuerant redditus, mandavit et ad se venire illos litteris apostolicis invitavit. Quo nuntio illi percepto valde gavisi sunt, gratias agentes Deo, quod tanti erant habiti, quod mererentur ab apostolica sede vocari. Mox igitur iter aggressi, duxerunt etiam secum aliquos de discipulis suis, quos dignos esse ad episcopatus honorem recipiendum censebant: sicque post aliquot dies Romam applicuerant.

9. Но упомянутый папа Николай незадолго переселился ко Господу. Адріанъ второй, поступившій на мѣсто его первосвященникомъ, услыша, что Философъ несетъ съ собою тѣло св. Климента, трудами его обрѣтенное, весьма тому обрадовался, и, вышедши на срѣтеніе за городъ съ клиромъ и народомъ, принялъ ихъ съ великою честію. Между тѣмъ въ присутствіи святыхъ мощей, силою всемогущаго Бога, начали совершаться чудесныя исцѣленія: кто бы ни былъ одержимъ какою болѣзнію, прикосновеніемъ святыхъ мощей мученика тотъ часъ исцѣлялся. Посему первосвященникъ, равно какъ и весь народъ, принося велію хвалу и благодареніе Богу, радовались, что онъ по долгомъ времени сподобилъ ихъ принять въ свою столицу святаго и апостольскаго мужа и преемника Петра, главы всѣхъ апостоловъ, и не только весь Римъ, но и всю Римскую Имперію просвѣтить его знаменіями и добродѣтельми. И такъ, возблагодаря упомянутаго Философа за оказанное

---

9. Sed cum ante non multos dies supradictus papa Nicolaus transiisset ad Dominum, secundus Adrianus, qui illi in romano pontificatu successerat, audiens quod praefatus Philosophus corpus B. Clementis, quod studio suo repererat, secum deferret, valde nimis exhilaratus est, et extra urbem cum clero et populo procedens obviam illis, honorifice satis eos recepit. Coeperunt interea ad praesentiam sanctarum reliquiarum, per virtutem omnipotentis Dei, sanitates mirabiles fieri; ita ut quovis languore quilibet oppressus fuisset, adoratis pretiosi martyris reliquiis sacrosanctis, protinus salvaretur. Quapropter tam venerabilis Apostolicus quam et totius romani populi universitas, gratias et laudes Deo maximas referentes, gaudebant et jocundabantur in ipso, qui eis post tam prolixi temporis spatia concesserit in diebus suis sanctum et apostolicum virum, et ipsius apostolorum principis Petri successorem, in sede sua recipere; et non solum urbem totam, sed et orbem quoque totum romani imperii, signis ejus ac virtutibus illustrare. Multis itaque gratiarum actionibus praefato Philosopho pro tanto beneficio redditis, conscera-

благодѣяніе, рукоположили его и Меѳодія въ епископы, а прочихъ учениковъ ихъ въ пресвитеры и діаконы.

10. Когда же Философъ, или Константинъ, почувствовалъ приближеніе своей смерти, то съ позволенія первосвященника далъ себѣ имя Кирилла, говоря, что имя сіе внушено ему было свыше, и такимъ образомъ чрезъ сорокъ дней уснулъ въ Господѣ 17 Марта. Святый отецъ папа повелѣлъ какъ римскому такъ и греческому духовенству собраться на погребеніе его съ псалмами и пѣснями, свѣщами и ладаномъ, и погребсти съ такою же честію, какъ самаго первосвященника.

11. Тогда вышеупомянутый братъ его Меѳодій, пришедши къ первосвященнику и повергшись къ стопамъ его, сказалъ: достойнымъ и нужнымъ считаю внушить твоему святѣйшеству, что при выходѣ изъ дома нашего на службу, совершенную нами съ помощію Божіею, мать со слезами просила одного брата оставшемуся въ живыхъ привезть успшаго въ свой монастырь и тамъ погребсти его

---

verunt ipsum et Methodium in episcopos, nec non et ceteros eorum discipulos in presbyteros et diaconos.

10. Cum autem Philosophus, qui et Constantinus, diem transitus sui imminere sibi sensisset, ex concessione summi pontificis imposuit sibi nomen Cyrillum, dicens hoc revelatum sibi fuisse: et sic post quadraginta dies dormitionem accepit in Domino sexto decimo Kalendas Martias. Praecepit autem sanctus apostolicus, ut omnes tam graeci quam romani clerici ad exequias ejus accurrerent cum psalmis et canticis, cum cereis et thuris odoribus, et non aliter ei, quam ipsi quoque apostolico, funeris honorem impenderent.

11. Tunc supradictus frater ejus Methodius accedens ad sanctum pontificem, et procidens ad vestigia ejus, ait: Dignum ac necessarium duxi suggerere Beatitudini Tuae, Apostolice Pater, quoniam quando ex domo nostra ad servitium, quod auxiliante Domino fecimus, sumus egressi; mater cum multis lacrymis obtestata est, ut si aliquem ex nobis, antequam reverteremur, obiisse contingeret

съ подобающею честію. И такъ позволь рабу твоему исполнить долгъ, да не ослушаюсь матери. Папа хотя съ трудомъ, однако согласился на его требованіе: положивши рачительно тѣло успшаго въ мраморный гробъ и запечатавши собственною печатью, чрезъ семь дней онъ отпускаетъ Меѳодія. Тогда римскій клиръ, по совѣщаніи съ епископами, кардиналами и вельможами города, приступилъ къ первосвященнику и вѣщалъ такъ: мы считаемъ за недостойное дѣло отпустить въ другіе краи, по какому бы то ни было случаю, мужа столь знаменитаго, чрезъ коего Римъ и церковь сподобились стяжать столь драгоцѣнное сокровище, коего Богъ изъ отдаленныхъ и чуждыхъ странъ по милости своей благоволилъ къ намъ привесть, и даже изъ сего мѣста восхитилъ въ небесное свое царствіе. Лучше да погребется онъ здѣсь съ честію, ибо весьма прилично столь знаменитому мужу быть погребену въ столь знаменитомъ градѣ. Такой совѣтъ

---

defunctum fratrem frater vivens ad monasterium suum reduceret, et ibidem illum digno et competenti obsequio sepeliret. Dignetur igitur Sanctitas Vestra hoc munus meae parvitati concedere, ne precibus matris vel contestationibus videar aliquatenus contraire. Non est visum apostolico, quamvis grave sibi aliquantulum videretur, petitioni et voluntati hujuscemodi refragari: sed clavusum diligenter defuncti corpus in locello marmoreo, et proprio insuper sigillo signatum, post septem dies dat ei licentiam recedendi. Tunc romanus clerus simul cum episcopis ac cardinalibus et nobilibus urbis consilio habito convenientes ad apostolicum coeperunt dicere: I dignum nobis valde videtur, venerabilis Pater et Domine, ut tantum tamque magnificum virum, per quem tam pretiosum thesaurum urbs et ecclesia nostra recuperare promeruit, et quem Deus ex tam longinquis regionibus et exteris ad nos sua gratuita pietate perducere, et adhuc etiam ex hoc loco ad sua regna est dignatus assumere, qualibet intervenienie occasione in alias patiamini partes transferri: sed hic potius placet, honorifice tumuletur, quia et dignum valde est, ut famae tam celebris homo, in tam celeberrima urbe,

понравился первосвященнику: онъ велѣлъ положить его въ церкви св. Петра, т. е. въ собственномъ своемъ памятникѣ.

12. Меѳодій, видя намѣреніе свое не исполнившимся, приступилъ опять съ просьбою: когда не угодно было вамъ удовлетворить моему требованію, то молю васъ, владыки, да погребется братъ мой въ церкви св. Климента, коего тѣло трудами его обрѣтено и сюда принесено. Святѣйшій отецъ внялъ сему моленію и при стеченіи клира и многочисленнѣйшаго народа, съ великою радостію и благоговѣніемъ, положили Кирилла, вмѣстѣ съ мраморнымъ гробомъ, куда прежде папа заключилъ его, въ приготовленномъ для сего памятникѣ съ гимнами и велими благодареніями Богу, творящему въ семъ мѣстѣ чудеса, во славу и хвалу имени своего, ради заслугъ и моленій угодниковъ своихъ благословенному и препрославленному во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

celebrem locum habeat sepulturae. Placuit hoc contilium apostolico, et statuit ut in B. Petri basilica poneretur, in suo videlicet proprio monumento.

12. Cernens Methodius jam suum defecisse propositum, oravit iterum dicens: Obsecro vos Domini mei, quandoquidem non est placitum vobis, meam petitiunculam adimplere, ut in ecclesia B. Clementis, cujus corpus multo suo labore ac studio repertum huc detulit, recondatur. Annuit hujusmodi petitioni praesul sanctissimus, et concurrente cleri ac populi maxima frequentia, cum ingenti laetitia et reverentia multa, simul cum loculo marmoreo, in quo pridem illum praedictus papa condiderat, posuerunt in monumento ad id praeparato in basilica B. Clementis ad dexteram partem altaris ipsius, cum hymnis et laudibus, maximas gratias agentes Deo: qui in loco eodem multa et miranda operatur, ad laudem et gloriam nominis sui, per merita et orationes sanctorum suorum, qui est benedictus et gloriosus in secula seculorum. Amen.

Примѣчаніе. Предлагаемый переводъ такъ называемой Италіянской Легенды сдѣланъ для графа Н. П. Румянцева, вѣроятно прот. І. Григоровичемъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ знаменитаго мецената въ его историческихъ работахъ. Въ указанной рукописи, кромѣ Италіянской Легенды, находится переводъ и другихъ, относящихся къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, латинскихъ сказаній, а равно и предисловія и комментаріевъ къ нимъ. Сл. Востокова Описаніе Рум. Музеума, стр. 199. Русскій переводъ Италіянской Легенды напечатанъ по Румянцевской рукописи безъ всякихъ поправокъ. Для сравненія подъ строками приложенъ латинскій подлинникъ, взятый изъ Acta SS. Далѣе, по тому же переводу и такъ же съ приложеніемъ подлинника, предлагается отрывокъ изъ предисловія Болландистовъ, относящійся къ вопросу о происхожденіи Италіянской Легенды.

Изъ Рукописи Москов. Публ. Музея, № 151. л. 12-13.

§ 15. Исторія перенесенія его (св. Климента) тѣла, которую мы намѣрены предложить здѣсь, написана, какъ подозрѣваемъ, Годерикомъ, епископомъ Велитернскимъ, котораго иные называютъ Гавденціемъ. Ибо мы получили отъ тогоже аббата Угелла не полное житіе или исторію св. Климента. Предисловіе сей исторіи къ папѣ Іоанну VIII такъ начинается: „ Предисловіе Годерика, Велитернскаго епископа, къ святѣйшему папѣ, владыкѣ присноблаженному святой каѳолической и апостольской римской церкви,

---

Acta SS. Martii T. II p. 15.

§ 15. Quam porro nos hic daturi sumus Translationis ejus (S. Clementis) historiam, eam suspicamur à Gauderico Velitrarum episcopo, quem alii Gaudentium vocant, esse conscriptam. Accepimus enim ab eodem abbate Ughello vitam sive historiam S. Clementis, sed mutilam. Cujus praefatio ad Joannem VIII papam ita incipit: Praefatio Gauderici Veliterni episcopi ad sanctissimum papam Ioannem, sanctae catolicae et apostolicae romanae ecclesiae Domino semper beato, summo Pontifici et universali Papae Ioanni, Gaudericus

верховному первосвященнику и всемірному папѣ Іоанну, Годерикъ, наимладшій изъ епископовъ, вѣчно радующійся о Христѣ Господѣ Іисусѣ. Къ чести и хвалѣ твоего предшественника бл. Климента, мученика и первосвященника заблагоразсудилъ я собрать нѣчто касательно его жизни, отыскать, какого онъ былъ благороднаго происхожденія, какъ оружіемъ философіи поражалъ идоловъ, какъ вдохновеніемъ Божіимъ позналъ истину, особливо когда я управлялъ Христовою церковію сего доблественнаго мученика въ городѣ Велитернѣ.“ И потомъ: „Не столь точно, сколь богобоязливо собралъ я сіе и раздѣлилъ на три книги. Въ первой книгѣ показали мы происхожденіе Климента. отечество, рожденіе, воспитаніе, намѣреніе, образъ жизни, обращеніе въ христіанскую вѣру и способъ, какъ позналъ истину. Во второй съ помощію Божіею предложили мы глубокость ученія, санъ епископства, власть первосвященства и смѣлость, съ каковою поражалъ идоловъ философскими доводами. Въ третьей книгѣ удивляемся чудесамъ. Здѣсь постарались мы собрать все, касающееся до жестокой ссылки, мученическій вѣнецъ и чудесное его возвращеніе въ собственный престольный градъ.“ Напослѣдокъ говоритъ онъ

---

episcoporum novissimus, perenne gaudium in Domino Jesu Christo. Dignum esse putavi ad honorem et laudem Tui praedecessoris B. Clementis matryris atque pontificis, aliqua de genere vel vita ipsius, Deo institutore, in unum colligi: et quam generosa fuerit oriundus prosapia, quamque philosophando contra idola disputans, divino praesagio veritatem cognoverit, enucleatius inveniri: praesertim cum ego valde inutilis, hujus eximii martyris Chisti ecclesiae, apud Veliternam oppidum sitae, praefuerim. *Et aliquanto post:* Non tam strenue quam devote collegi, et in tribus libris conglutinans ordinavi. In primo siquidem libro Clementis genus, patriam, nativitatem, institutionem, propositum, vitam, conversionem et qualitatem recognitionis ejus innuimus. In secundo vero, Deo auxiliante, profunditatem doctrinae, dignitatem episcopalis apicis, auctoritatem singularis pontificatus, et audatiam contra idola sophistice disputantis, subdidimus. Ast in tertio miramur prodigia, exulationis angustias, martyrii laureas, reversionis ejus ad propriam sedem miracula colligere procuravimus. *Ac demum:* Quae nos, ut meninimus, inquit, quae

такъ: „Изъ многаго мы составили весьма немногое касательно того, что творится молитвами мученика Христова во славу Всемогущаго, сколько помнили, видѣли и слышали.“

§ 16. И такъ кажется нѣтъ сомнѣнія, что оное повѣствованіе обрѣтенія св. Климента, доставленное намъ грамотою Дюшеня, почерпнуто и можетъ быть сокращено изъ третьей книги, сочиненной Годерикомъ и содержащей дѣянія того же святаго первосвященника. Онъ самъ признается, что собиралъ извѣстія касательно перенесенія св. Климента въ Римъ и чудесъ, которыя кажется относятся ко времени Адріана II, преемника Іоанна VIII, которому посвящаетъ и сочиненіе. Сей же Годерикъ, или Гандерикъ, епископъ Велитернскій, присутствовалъ на VIII экуменскомъ соборѣ, какъ изъ многихъ мѣстъ явствуетъ.

---

vidimus et legimus, ipsius Christi martyris fieri orationibus, colligentes transscripsimus, et ad laudem Dei omnipotentis ex multis paucissima defloravimus.

§ 16. Haudquaquam ergo dubium nobis videtur, quin ea narratio inventionis s. Clementis, quam nobis suppeditavit Duchesnii codex, ex illo tertio libro de ejusdem sancti pontificis rebus gestis a Gauderico ep. composito, decerpta sit, ac fortassis contracta. Ipse certe se reversionem s. Clementis ad propriam sedem, factaqve tunc miracula collegisse profitetur, quae spectasse videtur, sub Hadriano II, Ioannis VIII decessore facta, quorum et huic narrationem dicat. Interfuit autem idem Gaudericus sive Candericus Veliternensis episcopus concilio oecumenico VIII, ut multis ex locis patet.

Мц҃а. апри: ѕ҃. пам҃. и похва. прѣбл҃женою ѡц҃оу нашею. и наставникоу словѣньскꙋ ꙗзыкоу. курила философа. и ст҃г. мефодиа оучителѣ. бл҃гви ѡч҃е.

(Изъ рукописи П. И. Севастьянова, писанной на пергаменѣ въ 4-ку, на 107 листахъ, уставомъ XIII в., л. 34—37.).

Се вьсна нам хртолюбци свѣтозарна.. (¹) памѧтъ. прѣбл҃женаго ѡц҃а наше.. кирила. новаго ап҃ла и ꙋчителѣ всѣмъ странамъ. иже бл҃говѣрьствиемъ и красотоѭ. вьсиꙗ на земи ꙗко сл҃нце. триипостасного бж҃тва. зарѣми всего мира просвѣщаѭ. Прѣмждростъ бж҃иа сьзда вь ср҃ци его. храмъ себѣ. и на ꙗзыцѣ его ꙗкоже на херувимѣ почиваше дх҃ ст҃ы присно. раздѣлѣѭ дары по числоу вѣрѣ. ꙗкоже ре҃ павелъ ап҃лъ. единомоу же комоужо на҃. . . . . . (²) бл҃готъ. по мѣрѣ дарованиа хв҃а. иже бо мѧ ре҃ гъ любитъ. то и азь вьзлюбѧ его. и ꙗвлѣѭсѧ емоу самъ. и обитѣль си вь немь сьтворѧ. и бѫдет ми вь сн҃а. и азъ бѫ емоу вь ѡц҃а. того же ѿчьства искы прѣбл҃жны съ ѿцъ. и оучитель нашь. остави житиа сего вся красотѫ домъ и бг҃атьство. ѡц҃а и мт҃ре братиѭ и сестры. изм҃ла же бы чистотоѭ ꙗко аг҃глъ. оукланѣѭсѧ и оубѣгаѭ ѿ житейскыихь сластей. прѣбываѭ присно. вь ѱалмѣхъ и пѣнихь. и вь поꙋчени дх҃внѣ. единъ пѫтъ гонѧ. имже.. вьзыти на нб҃са. тѣмже и излиасѧ вь оустѣ его бж҃иа бл҃гть. Ꙗкоже ре҃ прѣмждры соломонъ. вь оустнахь прѣмждроу

(¹) Точки въ началѣ, въ срединѣ и двѣ въ концѣ словъ означаютъ пропуски буквъ: поля рукописи сильно обрѣзаны, а потому во многихъ мѣстахъ въ началѣ и въ концѣ строкъ недостаетъ по одной и по двѣ буквы.

(²) Нѣсколько буквъ выскоблено.

вѧзіт.. чювьствиѥ. закон же и млть на ѭзы.. носитъ. имже свѧза злохоулнаа оуста е..тигомъ. Ереси бо вьставши. при теѡд.лѣ иконоборци. многаа лѣта прѣбы. и ..ннаа стьни. При блговѣрнѣмъ же цр.. михаилѣ. правовѣрнии сьборъ сьтвор.. поустишѫ его на еретигы ты. и всѧ зл.бѫ ихь попали. дхвноѭ силоѭ. идеже б. аще слышааше каковѫ хоулѫ. ѡ бжтв.нѣмъ ѡбразѣ то ꙗко крилатъ прѣлатааше всѧ страны. ꙗснами притчами. с.блазны всѧ разарѣѭ и наоучаѭ правовѣрию павлѧ ѡстанкы напльнѣаше.

Прѣлатаѭ ꙗко ѡрелъ на всѧ страны. ѿ вьстока до запада. и ѿ сѣвера и юга. вь козѣрѣх же. и срацинѣхь. о стѣи вѣрѣ вь сьборѣхь обрѣтаѭсѧ. трьсвѣтлами ꙗко слнце сиꙗѭ. всѣкѫ блѧди ихь разарѣѧ вь фоульсцѣ же ѭзыцѣ. безбожнѫѭ льстъ разорь. тръбезначѧлны свѣтъ в.сиа. словѣньскоу ѭзыкоу в неразоумии.. вь мрацѣ грѣховнѣ сѫщоу. млтиѧ и члвколюбиемъ. га нашего іс ха. ꙗвленъ бы пастырь и оучитель. и затьче оуста влькомъ. трьѭзычнымъ еретикомъ зьꙗшнѣѭ пророчьскы. ꙗзыка гѫгнива. и писмеными направлѣѭ всѧ. на пѫчъ спсениа. Въ римѣ же изволи гъ бъ. прѣчьстномоу тѣлоу его почити. егоже и трудъ и хожениѥ почитаѭще. подобны похвалы нѣ комоу приложити. аще бо и послѣже вьсиа всѧ прѣспѣ. ꙗкоже и деница послѣже вьсходѧщи. свѣтлостиѧ своеѧ. весь ликь ѕвѣзны облистаетъ. слнчами зарѣми свѣта проꙗвлѣѭщи. ако и сь прѣблжны ѿцъ. и оучитель ѭзыка нашего. паче слнца троичными зарѣми сиꙗѭ. просвѣти бечислъна народа. вь тьмѣ же лежѫща невѣниа. кое же мѣсто ѹтаисѧ. егоже не ѡсвти стопами своими. Каа же ли хытростъ. оутаисѧ. ѿ блженыѭ его дшѧ. всѣмъ бо ꙗзыкомъ ськрьвеныѭ тайны. въ извѣстныихъ словесны разоумно исповѣдоуѭ сказа. ѡвомоу писмены. ѡвомоу

Ꙋченїемъ. изліаса бжиа блгтъ вь оустнахь его. и сего ради блви и бъ вь вѣкы. Тѣмже каа ꙋста исповѣдѫть. сладость тѫ оучениа его. которы ли ѩзыкъ постигнетъ изрещи. подвигы и троуды. и добротѫ житиа его. та бо ꙋста свѣтлѣйшаа свѣта ꙗви гъ. шмраченыѩ льстиѩ грѣховноѩ просвѣщаѭща. того ѩзыкь сладостныѩ и животныѩ глы источи. тѣ прчтнѣи оустнѣ. прѣмѫдростиѩ процьвтосте. Того же прчтнии прьсти. дховныѩ органы ѡсновашѧ. и златозарны писмены оукрасишѧ. тѣми богглными оусты напоишѧса жѧжѧщии. разоума бжиа. тѣми насладишѧсѧ мнози. животныѩ пищѧ. тѣмже ѡбгати бъ многы ѩзыкы боразоумиемъ. Паче бг.тканнымъ вѣнцемъ оувѧзе. многопл.тенаа ѩзыка словѣньска. Томоу тьи аплъ послань бы ѿ тѣхь оубо ꙋстъ истече. источникъ животныихъ словесъ. напаа иссхшаѩ соухотѫ нашѫ. и тѣми свѧзасѧ многохоулны ѩзыкъ іеретичьскы. Та бо ꙋста чьстнаа. ꙗвишѧсѧ ꙗко единъ ѿ серафимъ. ба прославлѣѭщ.. и тѣми познахомъ трисьставное бжств.. Единѣмъ сѫществомъ ѡбьдръжимъ. свойствы же именованы раздѣлѣемо. и равнопрославлѣемо. сьприсносѫщна ѡца. и стго дха. тѣмже блжѫ твои оуоустнѣ Ѽ блжны ѡче курилѣ. имаже моима оустнама. сладость дховнаа и...чиса. Блжѫ многоглны твои ѩзыкъ имже моемоу ѩзыкоу. трьбезначѧнааго бжтва зарѣ вьсиавши. мракъ грѣховны ѿгна. Блжѫ многопрѣсвѣтлое лице твое. озаршеесѧ ѿ стго дха имже моемоу лицоу боразоумныи свѣ вьсиа. и многобжнаа льсть искореннсѧ. Блжѫ златозарнѣи твои ѡчи. имже моима очима слѣпота неразоумнаа. ѡтѧта бы. и боразоумиа свѣтъ вьсиа. Блжѫ агглозрачнѣи твои зѣници. озарившиисѧ ѿ бжтвныѩ славы. иже срчнжѩ ми. слѣпотѫ прогнавши. бодьхновены словесы просвѣтисте. Блжѫ прчтнѣи твои

рѫцѣ. имаже сьниде моемоу ꙗзыкоу. боразоумнаа тѫча. напаꙗщи бо҃тѫчноꙗ росоѭ. изгорѣвшаа грѣховноꙗ соухотоꙗ. срдца наша. Блжѫ бодвижныꙗ твоѫ пръсты. имиже написасѧ. моемоу ѭзыкоу свобода. ѿ грѣховнаго ига. Блжѫ златозарнѫꙗ твоꙗ ѭтробѫ. ѿ неꙗже истече ѭзыкоу моемоу животнаа вода сьвыше сходѧщи. твоими мл҃твами. Бл҃жѫ свѣтозарнѣи твои ноѕѣ. имаже обтече ꙗко сл҃нце всего мира. проповѣдаꙗ бодьхновенымъ оучениемъ. Бл҃жѫ златозарныѭ твоѫ стопы, имаже направи заблѫждьшѫꙗ. нашѧ стопы. на пѫть правь. Бл҃жѫ пр.ст҃ѫꙗ твоѭ дш҃ѫ. еꙗже моеѧ дш҃ѧ. грѣховнии строупи ицѣлѣшѧ. и разоум.. вьсадишѫ вь срдцихь нашихь. дх҃вными словесы. Бл҃жѫ бодвижныꙗ твоꙗ пръсты. имиже написасѧ. оутаенаа ѿ многь бж҃иа прѣмѫдростъ. ѿкрываꙗщи. боразоумныѭ тайны Бл҃жѫ свѣтозарнѫꙗ твоꙗ ѭтробѫ. ѿ неѭже истече всѣмъ странамъ животнаа вода сьвыше сходѧщи. твоими мл҃твами. Бл҃жѫ свѣтозарнѣи твои ноѕѣ. имаже ѡбтече ꙗко сл҃нце вьсего мира. просвѣщаꙗ. бодъхвнымъ оучениемъ. Блжѫ прч҃тнѫꙗ твоѫ цр҃квъ. в неиже лежитъ многоразоумный бо҃глвы твои ѡрганъ. Бл҃жнъ градъ тъ. приемыи третиаго сьвръшителѣ. бж҃ию смотрению. тою бо врьховною свѣтилоу. останькъ испльнѣꙗ. ꙗвисѧ бл҃жны сьи Тѣмже и сь нима повелѣ емоу. г҃ъ б҃ъ. прѣч҃тны покои приꙗти. почи же съ миромъ ѡ г҃и. в лѣ ѿ сьзаниа всего мира. мц҃а феврѣрѣ. вь. д҃г. дн҃ъ. и приложисѧ житиемъ и вѣроѭ. кь всѣмъ ст҃ымъ оц҃емъ. и всѣхь чины и троуды. в себѣ сьвръшивь. и бы сь аг҃глы ꙗко аг҃глъ. и сь ап҃лы ап҃лъ. и сь пр҃ркы пр҃ркъ. сь всѣми ст҃ыми. сьѡбещникъ славѣ бж҃ии. ь ними же мл҃исѧ за ны. прѣпо҃бны оучителю. чьтѫщѫꙗ прѣславное твое ѹспение. Вь славѫ прѣст҃ыꙗ тр҃цѫ. Ѡц҃а и сн҃а и прѣст҃го дх҃а. нн҃ѣ и пр҃н и вь вѣкы амінь.